

**БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

ТОМ

2

XI-XII века

Санкт-Петербург
"НАУКА"
1999

ББК 84Р1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
А. А. АЛЕКСЕЕВА, Н. В. ПОНЬРКО

*Исследование осуществлялось при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-04-06115*

ТП-96-II-№ 184
ISBN 5-02-028309-6 (Т. 2)
ISBN 5-02-028307-X

© Коллектив авторов, подготовка
текстов, переводы, комментарии,
1999
© Л. В. Грудинская, оформление,
1999
© Российская академия наук, 1999

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Русь, а в последующем Россия, пережила в своей истории пять крупнейших катаклизмов в своей политической ориентации. Первая из таких ломок или, напротив, созидательных перестроек государственного и социального строя была осуществлена при Владимире Первом Святославиче, по прозвищу Святом; вторая — при Иване Грозном в период установления единого управления для всей России, для всех русских областей; третья — при Петре Великом в период смены ориентации с Юга Европы на Север Европы; четвертая, наиболее мирная и спокойная, но трагически оборвавшаяся, — при Александре Втором Освободителе; пятая началась с овладения государством и установления большевистской власти после разгона Учредительного собрания 19 января 1918 года. Каждая из этих смен была подготовлена снизу, но заканчивалась сверху — от государства, от правительства. Вместе с тем каждая из этих смен ознаменовывалась прежде всего государственной поддержкой нового идейно-культурного направления. При Владимире Святом — христианства. При Иване Грозном перемена была поддержана двумя идеологическими соборами, из которых наибольшее значение имел Стоглавый 1551 года; при Петре Великом — сопровождалась прекращением деятельности земских соборов и Боярской думы и направлялась личной волей императора; при Александре Втором Освободителе, наиболее мирной, — частичным восстановлением прав народа, при большевистской — насильственным подчинением многонациональной страны узкой марксистской идеологии.

Что привлекает внимание во всех этих переломах? Все они начинались с культуры, с попыток изменить в первую очередь духовную атмосферу страны.

Отличительная черта первого и наиболее глубокого перелома в истории Руси — перелома от язычества к христианству — активное присутствие его в течение наиболее длительного времени в духовной и практической жизни

народа. Перелом этот ознаменовался прежде всего и глубже всего в письменности, в приобретении страной не просто знаков для букв, но правил правописания, расстановки знаков препинания, обретении литературного языка и огромной литературы, приобщившей Русь к культуре Европы через переводы, частично сделанные в Болгарии и на Русь перенесенные, а частично сделанные на самой Руси — в Киеве, Новгороде, Владимире, Суздале, Полоцке.

Для того чтобы конкретно представить себе роль переводной литературы в развитии русской литературы, следует прежде всего проанализировать характер самой переводной литературы.

Литература, перешедшая на Русь с помощью русских и болгарских переводов, была теснейшим образом связана с церковью. Она была подчинена задачам дидактики, поучения, воспитания. Значительная ее часть была связана с богослужением или входила в распорядок уставных чтений всех трех монашеских уставов, перенесенных на Русь с принятием христианства, была в значительной мере отрешена от жизни, от всего конкретного и национального, обращалась к потустороннему и вневременному.

Наряду с церковной литературой на Русь была перенесена и светская литература Византии.

Из Византии и Болгарии проникали на Русь апокрифы и еретические учения, и каналы их проникновения были совершенно иными. Так, например, волхвы, с которыми столкнулся в Чудской земле некий новгородец, по летописному повествованию 1071 года, рассказывали о своем вероучении, а оно представляло собой любопытную смесь древнерусского язычества и богумильства. Ясно, что последнее явилось на Русь далеко не официальными путями.

*

Переводная литература, широким потоком влившаяся в русскую литературу в XI—XII вв., способствовала утверждению в литературе христианской идеологии, принесла с собой ряд новых жанров: жития, проповеди, различные виды церковных песнопений и т. д. Эти новые жанры также способствовали утверждению христианства. Наконец с переводной литературой был перенесен на Русь ряд способов выражения этой новой идеологии: в отдельных приемах риторического искусства, в отдельных приемах изображения внутреннего состояния христианских подвижников и т. д. Наконец, переводная литература способствовала утверждению в русской литературе ряда образов, символов, метафор.

Однако переводная литература была воспринята на Руси далеко не пассивно.

Современное понятие перевода не всегда применимо к так называемой переводной литературе древнерусского государства. Русские «переводчики», а главным образом русские переписчики и иногда даже читатели постоянно

вносили (сперва на полях рукописей) в эти переводы добавления, разъяснения, упрощали язык, иногда сокращали содержание памятника или, наоборот, вставляли целые куски из других произведений, приспособлявая переводы к нуждам русской действительности. Иногда русские книжники перестраивали композицию переводного сочинения или создавали на основе их сводные большие композиции, посвященные крупным темам: всемирной истории, ветхозаветной истории и т. п. «Переводчики» предпочитали считаться с потребностями читателя иногда в большей мере, чем соблюдать близость к оригиналу.

По мнению А. И. Соболевского, на Руси в первые века после официального крещения Руси были уже «почти все те южнославянские переводы IX—X вв., которые мы знаем по дошедшим до нас спискам».¹ Однако очень рано, со времени княжения Ярослава Мудрого, который «собра писце многы, и прекладаше от грекъ на словеньскый язык и письмо»,² переводы начали делаться и на Руси.

Акад. В. М. Истрин, много поработавший над установлением русского происхождения различных переводов XI—XIII вв. с греческого, так определяет сумму переводов, сделанных, по его мнению, русскими переводчиками еще при Ярославе: «Новопереведенная литература была разнообразного содержания. Тут были произведения и исторического характера, как „Хроники“ Георгия Синкелла и Георгия Амартола или „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия, и естественно-научного, как „Христианская топография“ Козьмы Индикоплова, и повествовательного, как „Повесть об Александре Македонском“ («Александрия») или „Повесть об Акире Премудром“, и житийного, как „Житие Василия Нового“, и апокрифическо-пророческого, как „Откровение Мефодия Патарского“, и богословско-догматического, как „Исповедание веры“ Синкелла, вошедшее скоро в летопись и т. п.»³

Если учесть, что приведенный В. М. Истриным перечень далеко не полон и что весь он падает на одно княжение Ярослава Мудрого, то мы должны будем прийти к выводу, что переводы с греческого должны были быть предметом государственной заботы на Руси. Известие «Повести временных лет» о личной заботе Ярослава о переводах «на словеньское письмо» получает, следовательно, подтверждение и в чисто фактическом материале.

Что же представляла собой переводная литература, явившаяся на Русь путем собственных — русских и болгарских переводов, и что нового внесла она в русский литературный обиход?

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. V.

² Повесть временных лет. См. настоящее издание, т. 1, с. 194.

³ Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пгр., 1922, с. 4.

Прежде всего, практические потребности богослужения вызвали появление на Руси богослужебных книг. Эти книги должны были служить руководством при совершении довольно сложного к началу XI в. христианского культа. От XI в. до нас дошли в болгарском переводе служебная месячная *Миняя* (собрание служб в календарном порядке на весь год), *Триоди* («постная» — тексты праздничных служб до Пасхи и «цветная» — тексты служб в послепасхальное время), затем служебники и *требники*. Помимо исключительно «деловой» части, эти богослужебные книги заключали в себе тексты литературно-поэтического характера — песнопения и чтения, составлявшие, так сказать, художественную часть богослужебного ритуала. Эти богослужебные книги могли служить и для чтения вне церкви и использовались при обучении грамоте (*Часослов*). В церковных песнопениях — канонах, стихирах, кондаках, икосах *Иоанна Дамаскина*, *Григория Назианзина*, патриарха *Софрония* — не утратилась еще связь с античной и эллинистической поэзией, с настроениями античной философской лирики. Несложные по тематике (молитвы об исцелении и защите, покаянные молитвы, хвалы святым и божеству), церковные песнопения были очень сложны по своей стилистике и перенесли в русский литературный обиход отдельные цветистые выражения, рифму (обычного в Византии глагольного типа), ритмическое построение прозы, сложные и изысканные сравнения.

Основной «корпус» христианского вероучения — Библия — не был еще полностью переведен в XI—XII вв. Переведено было только то, что отвечало непосредственным потребностям христианского культа, либо ее исторические части для включения в большие исторические сочинения сводного характера — *Толковую Палею* и др. Тем не менее библейские книги были довольно хорошо представлены в переводах — полностью или в сокращениях.

Значение переводов из Библии было для русской литературы очень велико. Чрезвычайно пестрый и в идеологическом, и в художественном отношении состав библейских книг, созданных в разное время на протяжении более тысячелетия, включал произведения самых разнообразных жанров, начиная с философской лирики и кончая воинской повестью. Библейские книги заключали в себе обильные фольклорные мотивы, сказочные сюжеты, полупоэтическую историю еврейского народа, проповеди, космогонические мифы, биографические повествования, богословские трактаты, лирические песнопения и т. д.

Перенесены были на Русь из Болгарии, а частично и переведены на Руси многочисленные сочинения христианских писателей III—XI вв. Это была по преимуществу учительная литература — проповеди и поучения, созданные в целях христианизации языческих стран, для борьбы с ересями и для пропаганды христианской догматики и морали внутри самих христианских стран. Отдельные приемы этих проповедей и поучений восходили еще к античному ораторскому искусству, к античной эпистолярной практике и к философской

прозе. Из учительной литературы особенным распространением пользовались на Руси сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др., из сборников — составленный в X в. в Болгарии при царе Симеоне — Златоструй. Вместе со сборниками поучений и проповедей на Русь перешли произведения популярной вопросно-ответной формы (ведущей свое начало от так называемого сократического диалога) и разного рода толкования Священного писания (толковые Псалтыри и т. д.).

Замечательно, что русские переводчики или русские переписчики дополняли переводные поучения своими вставками, применяли поучения к русской действительности. Так, например, в «Слове о дерзости Павла апостола», где проповедник уговаривает паству не лениться слушать поучения, читаем такую вставку: «Аще бо быть рать на ны половецкая пришла и все наше попленили быша, таче воевода их претил бы и град наш раскопати... таче бы от царя нашего ят и связан, в град приведен был, — не вси ли быхом вскочили и с женами и с детми видети его?» Таких русских дополнений переводные поучения содержат немало. Вместе с тем состав переводных поучений подбирался в сборники согласно вкусам и потребностям Руси.

Новому мировоззрению на Руси служили также переводные сборники изречений из Священного писания и античных авторов (в тех случаях, когда цитаты из последних не противоречили христианским установлениям). Эти сборники также перерабатывались и дополнялись на Руси согласно потребностям господствующих верхов. Древнейший из списков таких изречений вошел в Изборник Святослава 1076 г., составленный, по-видимому, как походная книга, повлиявшая на написанное как раз в походе Владимиром Мономахом «Поучение».¹

Возможно, на русской почве был составлен Стословец Геннадия,² дававший в предельно понятной и доступной форме основы средневекового мировоззрения. Стословец Геннадия был очень ценен для пропаганды новой государственной власти на Руси: «Царя бойся всею силою твоею», «всякому богатому главу твою поклоняй смирения ради» и т. д.

Мощное орудие проповеди новой веры представляли собой жития святых, наглядно показывавшие читателю образцы христианских добродетелей и в поучительной форме рассказывавшие ему о новых идеалах христианской религии. Жития вместе с тем давали русскому читателю очень разнообразный литературный материал, в котором элементы житийно-чудесного переплетались с народной фантастикой, с неизжитыми дохристианскими верованиями и мифами. Выразительные картины искушений святых, занимательные подробности

¹ См.: Лихачев Д. С. Назначение Изборника 1076 г. // ТОДРЛ, XLIX. Л., 1990, с. 179—184.

² Попов N. L'izbornik de 1076 de Svjatoslav comme monument littéraire // Revue des études slaves, I, 1934, III—IV, 1935.

чудес, воинские эпизоды, разнообразные характеристики святых — монахов-отшельников, воинов, церковных иерархов, мучеников, князей и т. д., живших в разнообразных исторических и географических условиях, расширяли литературные вкусы читателя, вводили в употребление очень разнообразные литературные формы. Жития также частично перерабатывались на русской почве. Новыми рассказами было, например, дополнено переводное житие Николая Чудотворца. В двух из этих рассказов местом действия является Киев. Переработке и дополнениям подвергся один из основных сборников житий — Пролог.

В еще большей степени подвергалась на Руси переработкам литература светская — в первую очередь историческая. Переводная историческая литература была в основном представлена на Руси хрониками, отразившими два различных направления византийской исторической мысли: одна хроника — хроника Иоанна Малалы из Антиохии — стремилась примирить античность и античную историю с христианством, а другая — Хроника Георгия Амартола («Грешника», т. е. монаха) — освещала историю исключительно с религиозной точки зрения. Помимо этих двух хроник на Русь попадали и другие исторические сочинения, менее значительные по объему и содержанию, например «Летописец вкратце» патриарха Никифора, Хроника Георгия Синкелла и др.

Внимательное изучение различных редакций русских переводов византийских хроник показывает, что переводы эти сразу же использовались для больших русских сочинений сводного характера по всемирной и русской истории. Русские переписчики упорно и настойчиво расширяли материал этих хроник все новыми и новыми историческими произведениями, которые включались в их состав для наиболее полного освещения всемирной истории. Одновременно русские переводчики и писцы сокращали их риторические части, выбрасывали морально-философские рассуждения, придавая рассказу большую деловитость. Так, на основании переводного материала и частично русского было составлено на Руси обширное сводное сочинение по всемирной истории — Еллинский и Римский летописец. Основу Еллинского и Римского летописца составили переводные византийские хроники — Иоанна Малалы, Георгия Амартола и «Летописец вкратце» патриарха Никифора.

Творческое отношение к этим хроникам русских составителей Еллинского и Римского летописца наглядно видно хотя бы из того, что они, не довольствуясь материалами этих хроник, дорабатывали их, дополняя вставками, заменами и уточнениями иногда на основании источников этих самых хроник с тем, чтобы более точно и подробно представить события всемирной истории. Так, например, в тех случаях, когда текст Амартола или Малалы сокращал более подробные рассказы соответствующих мест библейских книг, русские составители заменяли текст Амартола и Малалы текстом библейских книг. Вместо рассказа хроники Иоанна Малалы об Александре Македонском русские составители вставляли его источник — текст Александрии второй

редакции (в списках второй редакции Еллинского и Римского летописца). В те же списки Еллинского и Римского летописца второй редакции включается «Сказание о трех пленениях Иерусалима» Иосифа Флавия с особой повестью «Взятие Иерусалима третье, Титово», «Сказание Епифания о Богородице», «Видение Даниила», замечательная, новгородская по своему происхождению, повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., известия о крещении Руси (отличные от летописи), о походах русских князей на Константинополь (также отличные от летописи), русская повесть о Казарине и его жене и другие.

Кроме Еллинского и Римского летописца на Руси было составлено несколько сводных сочинений по всемирной истории: Иудейский хронограф, различного типа палеи и т. д.

Таким образом, византийские хроники не просто переводились — на их основе создавались крупнейшие русские исторические сочинения сводного характера. Это были своеобразные исторические энциклопедии, составленные на основании лучших исторических источников своего времени.

Также активно отнеслись русские переводчики и писцы к многочисленной природоведческой литературе Византии — к «Христианской топографии Косьмы Индикоплова» (т. е. «плователя в Индию»), к различным шестодневам и физиологам.

Наконец, переделкам, сокращениям и дополнениям подвергались на Руси различные переводные повести и романы. Большой интерес вызвал у русских читателей знаменитый эллинистический роман, впоследствии обошедший всю феодальную литературу Европы, — «Александрия». «Александрия» рассказывала о подвигах и необычайной жизни Александра Македонского, о чудесных восточных странах — Индии и Персии и их фантастических диковинных обитателях — амазонках, любомудрах и т. д. На русской почве «Александрия» подверглась различным дополнениям, в частности из хроники Амартола и др.

Исключительный интерес представляет русский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Русский переводчик повести всюду акцентировал представления о воинской чести, о ратной славе, обильно ввел в нее русскую военную терминологию, кое-где дополнив перевод вставками, призывающими к героизму, хваля тех, кто умирает на поле битвы, и проклиная тех «телолюбцев», которые предпочитают умирать от болезни дома. Перевод отличается высокими достоинствами превосходного русского языка.

Нет нужды перечислять все переводные произведения, активно принятые на Руси. Приведенные примеры ярко показывают, что отношение русских переводчиков и читателей к переводной литературе было далеко не пассивным. Эти переводы граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности.

Каковы же были эти потребности русской действительности? В основном это были, конечно, потребности идеологии церковной, преобладающей, и идеологии княжеско-дружинной («рыцарской»), отнюдь не преобладавшей, хотя и весьма отчетливой в русской действительности XI—XII вв. Церковная идеология питалась главным образом извне, соответственно истокам принятого на Руси христианства — византийского по преимуществу. Княжеско-дружинная идеология выросла в основном на местной почве, получила особенное развитие в период феодальной раздробленности, но охотно воспринимала различные иноземные соответствия — будь то в переводных романах вроде «Александрии», «Истории Иудейской войны» или «Повести о Дигенесе Акрите», или через венгерские рыцарские турниры, устраивавшиеся в Киеве и собиравшие множество зрителей киевлян.¹

Однако характер переводной литературы, заинтересованность в ней верхов русского феодального общества отнюдь не исключали возможности проникновения в нее народных элементов. Эти народные элементы имелись в ней уже на византийской почве (а частично и на болгарской почве, если перевод был сделан в Болгарии) и частично появлялись на почве русской. Элементы народного творчества имелись уже в «Повести о Дигенесе Акрите», в «Александрии» и других светских воинских повестях Византии. Переводчики, писцы вносили в них добавления иногда по собственной инициативе.

Литература, как мы знаем, развивается в тесном взаимодействии с действительностью. Было бы методологически неправильно рассматривать историко-литературный процесс в отрыве от истории народа. А это не раз происходило в истории науки, особенно на первых порах развития компаративистики.

Между тем литературное произведение оказывает «влияние» вовсе не непосредственно на литературное же произведение. Всякое «влияние» и «воздействие» оказывается прежде всего на человека — активного представителя своей среды. Эта простая истина, хотя никем и не отрицалась — недостаточно все же осознавалась. Между тем литературные произведения, в том числе и переводные, «вливают» прежде всего на мировоззрение человека и человеческой среды. Отдельные литературные сюжеты, мотивы — это не только литературные явления, а явления мировоззрения прежде всего. Легенды о святых, о бесах, о чудесах от икон или о загробном мире, которыми полны произведения переводной литературы, сами по себе не способны «бродить», переноситься из одного литературного произведения в другое. Литература оказывает величайшую силу воздействия на действительность, а через нее вновь на литературу.

¹ См. в Ипатьевской летописи под 1150 г.: «Тогда же угре на фарех и на скоках играхуть, на Ярославли дворе, многое множество. Кияне же двяхутся угром множеству, и кметьства их, и кономем их».

Влияние переводной литературы ощущалось прежде всего в мировоззрении русских людей XI и последующих веков. Оно оказывалось действенным в том случае, если к тому были благоприятные обстоятельства в самой человеческой душе и в социальной действительности.

Новые литературные произведения создавались не сразу — теми или иными писателями, как это бывало по преимуществу в позднейшее время, а очень часто предварительно проходили стадию устной легенды. Письменное творчество не порывало в XI—XII вв. своих связей с устным творчеством. Эта устная стадия была очень существенна в появлении многих новых произведений, так как именно здесь новый сюжет, новая легенда оказывались под перекрестным воздействием переводной литературы, вернее, — представляемого ею христианского мировоззрения, и народного творчества. Воздействия смешивались и творчески перерабатывались под влиянием самого мощного фактора — русской действительности.

Приведем некоторые примеры создания устной христианской легенды, затем отразившейся в письменности.

Уже в XI в. начала возникать первоначально по преимуществу в Киеве христианская легенда. Эта легенда создавалась очень часто в монастырях, главным образом в Киево-Печерском, где многочисленность и пестрота социального состава братии способствовали здесь ее быстрому развитию.

К числу таких легенд принадлежит и легенда о путешествии апостола Андрея на Русь. Легенда эта возникла из взаимодействия книжных источников с чисто народными рассказами, ничего общего с христианской легендой не имевшими. Книжные основания этой легенды совершенно ясны: об апостоле Андрее русские монахи узнавали из Деяний апостола Андрея. В описании его последнего, третьего, путешествия имелись сведения о посещении Андреем Синопии и Корсунки. Отсюда могло создаться впечатление об особом отношении Андрея к Руси, тем более что в христианской литературе монахи могли найти утверждение о том, что каждый народ имеет своего апостола. Монахи могли предположить, что апостол Андрей вернулся в Рим по Днепру, по великому пути «из Варяг в Греки» через «Варяжское море». Предположение превратилось, как это часто бывает, в уверенность, и в сравнительно короткий срок легенда была создана. Ее киевское происхождение довольно ясно выступает в той ее части, где говорится о том, что апостол Андрей, посетив место будущего Киева, благословил «горы сия», предрек благодать «на сих горах», сошел «с горы сея». Но это киевское происхождение не менее заметно и в той части этой легенды, где говорится о Новгороде. Посетив словен, «идеже ныне Новгород», апостол Андрей подивился новгородским баням: «И видѣвъ люди ту сушая, какъ ихъ обычай, и како ся мьють и хвощются, и удивися имъ». Вернувшись в Рим, Андрей так затем рассказывал о новгородских банях: «Дивно видѣхъ землю словеньску, идущую ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережьгуть я велми, и сѣвлекутся, и

будуть нази, и обольются мытелью, и возмутъ вѣники, и начнутъ хвостатися, и того собѣ добыють, одва выльзуть еле живы, и обольются водою студеною, и тако оживут. И тако творять по вся дни, не мучими никымже, но сами ся мучать и то творят не мытву себѣ, а мученье».¹

Перед нами наиболее живая интересная часть легенды, — часть, которая делает легенду не просто предположением, обратившимся в уверенность, а произведением художественным. Знаменательно, однако, что эта художественная часть легенды менее всего носит христианский, монашеский характер. Здесь сказываются не книжные, а народные основы, лишь искусственно соединенные с именем Андрея. Шутка о новгородских банях ходила, очевидно, в народе независимо от рассказа об апостоле Андрее. Она принадлежит к числу, очевидно, тех народных рассказов, в которых отдельные племена, добродушно подшучивая над соседними, как бы утверждали свою племенную особенность. Шутка киевлян, не имевших бань, над баннным обычаем новгородцев носит, по существу, тот же характер, что и шутка киевлян, которой они «корили» радимичей: «пѣщаньци волъчья хвоста бѣгають»,² или шутки, которыми те же киевляне «корили» новгородцев: «...А вы плотници суще? А приставим вы хором рубить наших».³

Перед нами многозначительное явление: устная традиция находит подлинные творческие художественные черты в творчестве народном.

Другая легенда церковного происхождения рассказана в «Повести временных лет» под 983 г. В ней речь идет о варягах-христианах, отце и сыне, замученных «невегласами»-язычниками. Варяг-отец отказался отдать своего сына для совершения жертвоприношения языческим богам и при этом обличал язычество. Народ подсек сени, на которых стояли отец и сын христиане, и растерзал их. Эта легенда связана с тем местом, на котором была построена затем Десятинная церковь, о чем и сообщается в самом начале легенды.⁴ Очевидно, что она имела хождение среди клирошан этой церкви и едва ли не была создана в противовес тем народным рассказам, которые исторически точно указывали на месте Десятинной церкви старые языческие могильники, где совершался культ предков.⁵ Дальнейшее историческое произведение, в которое уже входила эта легенда, было составлено как раз при этой Десятинной церкви. Это свидетельствует о том, что легенда эта могла и не иметь особого распространения за пределами Десятинной церкви.

¹ Повесть временных лет. См. настоящее издание, т. 1, с. 66.

² Там же, с. 132.

³ Там же.

⁴ «Бяше варяг один, бе двор его, идеже бе церкви святыя Богородица, юже създа Володимир».

⁵ Каргер М. К. Дофеодальный период Киева по археологическим данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, т. I, 1939.

Свои местные легенды изложили в своей же летописи и монахи Печерского монастыря. Здесь в этих печерских легендах монастырское предание мешается с припоминаниями очевидцев, с личными воспоминаниями самого монаха летописца — по-видимому Нестора. Все это ясно подчеркивает, и в этом случае, узкий круг распространения христианской легенды. Она еще только создавалась и не сошла как бы еще с уст их создателей. Не успев развиться в устной традиции, она уже фиксируется в письменности, окостеневает и не развивается.

Многие из печерских легенд этого характера рассказаны в «Повести временных лет» под 1074 г. Перед нами проходит ряд ярких образов печерских монахов — Дамьяна, Еремии, «иже помняще крещенье земле Русьския», Матвея, Исакия и др. Образы этих монахов сложились сперва в устной киево-печерской традиции и только затем проникли в летопись. Принимая во внимание, что пестрое в социальном отношении монашество Киево-Печерского монастыря, хотя и в разной мере, было все же знакомо с народным устным творчеством, мы можем предположить, что умением создавать яркие образы своих умерших братьев печерские монахи были в значительной мере обязаны фольклору, знакомому им с детства.

Главными носителями элементов фантазии в этих печерских рассказах являлись бесы. Они-то по преимуществу и являлись действенным началом в оформлении каждого сюжета. Совпадения в отдельных мотивах между различными патериками: русскими, византийскими и пр., объясняются не тем, что эти мотивы механически переносятся из одного патерика в другой, а общностью христианских представлений о бесах, о силе молитвы, о силе крестного знамения и т. п. Общность христианских воззрений на мир и создавала общность же отдельных сюжетов, развивавшихся самостоятельно в каждом из монастырей.

Мотивы и сюжеты всех патериков христианского Востока были прежде всего связаны общностью христианского мировоззрения. В разных местах христианского культа создавались на их основе одинаковые мотивы и сюжеты. Нет никакой нужды связывать общность мотивов и сюжетов с чтением патериков во время трапезы. Вся христианская литература в целом создавала основы для этой общности. Вернее, создавала их не сама христианская литература, а стремление увидеть догмы и убеждения христианства конкретно воплощенными в материальных фактах, эмоционально пережить традиционные религиозные представления. Создавало их и сочетание христианских представлений с представлениями народными.

К представлениям о бесах примешиваются под влиянием христианской пропаганды, внушающей бесовство язычества, представления о старых языческих богах, о домовых, духах предков — навьях, и т. д. как о бесах. Именно поэтому вера в бесов имеет такой успех, распространяясь быстрее, чем вера в ангелов, и находит себе массовый отклик в монастырском, церковном устном творчестве.

Выше мы показали только один из путей, которым переводная литература помогала складываться русской христианской литературе.

Иного типа значение переводной литературы, вернее мировоззрения, представленного этой переводной литературой, может быть отмечено в формировании взглядов на писательский труд.

Византийская христианская литература принесла с собою на Русь своеобразное воззрение на писательский труд. Это воззрение мы почти не ощущаем ни в «Слове о полку Игореве», ни в «Поучении» Мономаха, ни в летописи, ни в других светских сочинениях. Зато оно находило себе отчетливое выражение в сочинениях церковного характера — в различного рода житиях и поучениях.

Согласно этим воззрениям каждый писатель рассматривался только как выразитель «вечных идей», независимых от времени, места и обстоятельств. Писатель — лишь передатчик этих «вечных истин», божественный посланец, вестник, гонец. Поэтому личность автора не заслуживает особого внимания, а его творчество, личное вмешательство в содержание произведения должно быть сведено до минимума. Отсюда анонимность большинства произведений русской литературы.

Выразительный образ такого писателя — передатчика божественных истин — рисуется в «Слове о поучении церковном», которое часто приписывается в рукописях Кириллу Туровскому: «Якоже бо кто грамоту цареву или князю принесть во град под рукою его сущим, не испытают житья принесшему и — богат ли есть или убог, или грешен, или праведен; но тех точю чьтомых послушают, и тщатся аки ничто их не забыл; аще ли котораго слова не гораздо слышит, то впрашают слышавшаго; аще ли бесчинен человек голку сътворить, то бьюще отгонять и, аки пакость творяща. Да аще от земнаго князя толико внимание бывает, то колми паче сде внимати нам подобает, идеже ангелом Владыка беседует».¹ Итак, проповедник, писатель — это гонец, приносящий в град «грамоту цареву». Никого не интересует — богат ли этот гонец или убог, грешен или праведен. Внимание всех устремлено только к тому, что сказано в царевой грамоте. Вот почему церковный писатель так часто пользуется чужим материалом, пересказывает мысли отцов церкви, использует их образы, их темы. Он с самого начала рассматривает себя только как передатчика чужих мыслей. «Се не мене деля послушайте — аз бо грешник есмь, — но евангельскаго учения послушайте»,² — говорит автор «Слова о поучении церковном». Божественное учение подобно золоту или серебру, меду или вину, которые писатель только раздает от имени Бога: «Сопросъшу вы, отвещайте ми, аще злато или сребро по вся дни раздавал бых, или мед, или вино, но <то> бысте приходили сами, не

¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894, вып. I, с. 175—176.

² Там же, с. 176.

призываемы, друг друга бысте сами понужали? Ныне же словеса Божьи раздаваю, лучше паче злата и камня драгаго и слашша меду и ста».¹

Как глашатай божественной истины, писатель должен быть чист сердцем. В слове «О благоречии, о высоте и святости слова человеческого» составитель русского Пролога пишет: «Благая словеса от благого сокровища сердечнаго исходят. Аще же кто не очистит сердца своего от злобословесия, той добра о себе беседовати не может; аще бо и мнится глаголати послушником (внимающим, слушающим), не приятна суть словеса его, но отметна, не имуща благодати святаго Духа».² В «Слове о слепце в неделю 6-ю по Пасхе» Кирилл Туровский прямо заявляет: «В души бо грешне ни дело добро, ни слово пользно не ражається».³

Слово дается человеку от Бога. Человек может быть носителем этого дара, но для этого он должен просить о нем Бога: «Хотяй же убо ползовати кого в словесах, да просит у Бога слова на отвержение уст своих».⁴ Дар свой человек не должен скрывать, но если он не получил этого дара — ему следует молчать. «Не приемый же такового дара от Бога, да молчит, и да не износит глагола праздна от сердца своего».⁵

В «Слове на собор святых отцов» Кирилл Туровский снова излагает свою излюбленную мысль: церковный писатель или оратор — лишь глашатай божественных истин, получающий свой дар слова от Бога: «Нъ молю вашу, братие, любовь, не зазрите ми грубости: ничтоже бо от своего ума сде въписаю, нъ прошю от Бога дара слову на прославление святыя Троица, глаголеть бо: Отвързи уста своя и напълню я».⁶

Воззрения на писательский труд, выраженные Кириллом Туровским, принадлежали не ему одному. Они были типичны для всей литературы этого времени.

Как видим, значение переводной литературы в формировании литературы русской было очень разнообразным. Византийско-христианское мировоззрение, перенесенное с помощью переводных произведений, сказалось и в создании христианских легенд, и в воззрениях на труд писателя, и в целом ряде еще других случаев, исчерпать которые мы вовсе не собираемся.

Переводная литература имела особенно большое значение в развитии отдельных форм русской литературы, в образовании ее различных видов, по содержанию же произведения русской литературы по преимуществу отвечали

¹ Там же, с. 177.

² Там же, 1896, вып. II, с. 117.

³ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15, с. 336.

⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. II, с. 117.

⁵ Там же.

⁶ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского, с. 344.

непосредственным требованиям русской действительности. Впрочем, когда мы говорим о форме древнерусских литературных произведений, то и в этом случае не можем обособлять ее от содержания и от русской действительности. Отдельные виды церковной литературы — жития, поучения, торжественные проповеди — были и самой своей формой теснейшим образом связаны с церковным мировоззрением: многословные отступления в житиях молитвенного характера, трафареты в описании жизни святого, внешний характер проповеди, ее дидактичность, риторические приемы — отчетливо отражают церковное мировоззрение, одновременно служа его укреплению.

Вместе с тем эти отдельные виды церковной литературы возникли на русской почве не только потому, что таковы были переводные образцы, по которым они могли быть построены, но по преимуществу потому, что самый христианский культ, различного рода службы, монастырские уставы и пр. требовали наличия произведений этого вида.

Жития святых Бориса и Глеба возникли не из простого желания русских книжников написать такие же жития святых, какие они читали в переводах с греческого или непосредственно на греческом языке, а потому, что канонизация этих святых не могла совершиться без наличия их житий, потому еще, что самый культ Бориса и Глеба, ритуал тех или иных богослужений им, требовал наличия этих житий. Об этих требованиях христианского культа мы ни в коем случае не должны забывать, когда говорим о различных видах христианской литературы. Устойчивость этих видов в русской литературе, конечно, в первую очередь объясняется тем, что устойчивыми были самые требования христианского культа, побуждавшие создавать все новые и новые произведения одного и того же типа.

Как бы, однако, ни были единообразны требования христианского культа в Византии, в Болгарии и на Руси, русские произведения отчетливо воспринимали воздействие русской действительности, служили ей, становясь русскими не только по содержанию, но и в видоизменениях своей формы. В отношении древнейших русских житий это отчетливо показано их знатоком — С. А. Бугославским. Резюмируя большое число своих наблюдений над русскими древнейшими житиями, С. А. Бугославский писал: «Из византийских житий русские авторы XI—XII вв. заимствовали лишь общие тенденции. Они понимали, что требуется нарисовать тип идеального, христиански выдержанного героя-святого, окружить его имя традиционным панегириком. Сделать же из князя, чья военная, политическая придворная деятельность была хорошо известна и рассказана в других не житийных статьях той же летописи, идеального праведника по типу византийских житий, было невозможно, и это спасло русских агнографов от слепого подражания византийским литературным образцам. Перед русским автором неизбежно вставала трудная задача — примирить в житийных опытах идеальные образы и стилистику византийских

житий с тенденциозным, живым публицистическим изложением событий современности, а нередко и с укоренившимися народно-поэтическими мотивами (например, в рассказах о княгине Ольге, о Владимире)».¹

*

Рассмотрение вопроса о роли переводной литературы в формировании литературы собственно русской мы начали с утверждения, что роль этой переводной литературы была огромна и бесспорна. Теперь мы имеем право повторить это утверждение с полным основанием. Если бы русская сторона пассивно усваивала элементы византийской культуры, если бы ей нечего было противопоставлять этой византийской культуре, — значение ее не могло бы быть так велико. Византийская культура не могла бы быть творчески усвоена. Роль византийской культуры была бы чисто внешней, поверхностной и... ничтожной.

Перенесенная в жизненно крепкую среду, столкнувшись с интенсивнейшей потребностью в собственной литературе, вступив в борьбу с многовековыми местными традициями устного народного творчества, переводная литература приобрела важное значение в развитии русской литературы не как образец для пассивного подражания, а в ее творческом поступательном движении.

Д. С. Лихачев

¹ История русской литературы. М.; Л., 1941, т. I, с. 316.

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

XI-XII века

ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

ПАМЯТЬ И ЖИТЬЕ БЛАЖЕНАГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТЯНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВАГО НАСТАВНИКА СЛОВЕНЬСКУ ЯЗЫКУ

Господи, благослови, Отце.

Богъ милостивъ и щедръ, жадая на покаяние чьловеце, да быша спасени вси были и в разумъ истиньныи пришли, не хоцеть бо смерти грѣшникомъ, но покаянию и животу,* аще наипаче прилежить на злобу, но не оставляетъ чьловѣца рода отпасти озлоблениемъ и в соблазнъ неприязненъ прити и погыбнути. Но каяждо убо лѣта и времена не престаеть благодѣти творя намъ много, якоже исперва да и нынѣ. Первое же патриархи и отци, и по тѣхъ пророкы, а по сихъ апостолы и мученикы, и праведными мужи, и учителя, избирая ихъ от многомѣльвѣннаго житья сего. Знаеть же бо Господь своя, иже его суть, якоже рече: «Овча моя глас мои услышать, и азъ знаю я, и именемъ възываю я, и по мнѣ ходять, и даю имъ животъ вѣчныи».*

Еже створи в нашъ родъ, въздвиже намъ учителя сичего, иже просвѣти языкъ нашъ, и слабостию омрачыше умъ свои, паче же лестью дияволею, и не хотѣвше в свѣтѣ заповѣди Божии ходити. Житье же его являеть, и помалу сказаемо, якоже бѣ, да иже кто хоцеть, то слыша, подобитися ему, бѣдрость приемля, а лѣнность отмѣтая. И якоже рече апостоль: «Подобни ми бываите, якоже азъ Христу».*

В Селуньстѣмъ* же градѣ бѣ мужъ етеръ *добророденъ* и богатъ, именемъ Левъ, предержа санъ другарескъ* подъ стратигомъ.* Бѣ же благовѣренъ и праведенъ, схраня вся заповѣди Божия исполнь, якоже инѣгда Иевъ.* Живя же с подружьемъ своимъ, роди семь отрокъ,* от нихъже бѣ мѣзинець семьи Костянтинъ Философъ, наставникъ и учитель нашъ. Егдаже роди и мати,* вдаша и доилицы, дабы и доила. Отроча же не хотяше ятися по чужь сесьць никакоже, развѣ по матернь, дондоже отдоенъ бысть. Се же бысть по Божию смотрению, дабы добра корене добра лѣторасль несквернѣнѣмъ млекоу въздоена была.

ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОГО НАСТАВНИКА СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

Господи, благослови, Отче.

Щедрый и милостивый Бог, желая, чтобы покаялись люди и дабы все были спасены и пришли к пониманию истины, ибо не хочет смерти грешников, но \langle их \rangle покаяния и жизни, даже и тех, кто особенно склонен ко злу, и не позволяет роду человеческому отпасть \langle от Бога \rangle в озлоблении и прийти в дьявольский соблазн и погибнуть. И во все годы и времена не перестает творить нам много благодеяний, как от начала, так и доныне. Сначала через патриархов и святых отцов, после них через пророков, затем через апостолов и мучеников, и праведных мужей, и учителей, избирая их в многосуетной сей жизни. Ибо Господь знает своих, тех, кто \langle предан \rangle ему, как он и сказал: «Овцы мои слушаются голоса моего, и я знаю их и призываю их по именам, и они идут за мною, и я даю им жизнь вечную».

Что и сотворил \langle он \rangle в наше время, поставил нам такого учителя, который просветил наш народ, омрачивший слабостью ум свой, а больше же дьявольским искушением, не хотевший ходить в свете Божиих заповедей. Житие же его являет, \langle пусть \rangle и вкратце рассказанное, как это было, дабы тот, кто, услышав это, захочет уподобиться ему, был бодр, отменяя леность. И как сказал апостол: «Будьте подражателями мне, как я — Христу».

В граде Солуни жил некий человек, хорошего рода и богатый, по имени Лев, имевший сан друнгария в подчинении у стратига. И был он благоверен и праведен, исполняя все Божии заповеди, как некогда Иов. Живя со своей женой, породили семь отроков, из них младший, седьмой, был Константин Философ, наставник и учитель наш. Когда родила его мать, то отдала его кормилице, чтобы вскормила его. Ребенок же никак не хотел принимать чужую грудь, а только материнскую до тех пор, пока не был вскормлен. Было же это по Божиему усмотрению, чтобы добрый побег доброго корня неоскверненным молоком вскормлен был.

Потомъ же добрая та родителя свѣщавша не сходитася, говѣюща собѣ. Нъ тако живяста о Господи яко и братъсестра за четири на десять лѣта, дондоже я смерть разлучи, никакоже не преступлеша того совѣта. На Судъ же ему хотящу ити, плакашеся мати отрочати сего, глаголющи: «Не брегу о всемъ, развѣ о младенци семь единомъ, како хоцетъ быти устроены». Онъ же рече ей: «Вѣру ими ми, жено. Надѣюся Бозѣ, яко дати ему хоцетъ Богъ отца и устроителя такого, иже устроить вся крѣстьяны». * Еже ся и събысть.

Семи же лѣтъ отрокъ бысть, видѣ сонъ* и повѣда отцю и матери. И рече, яко: «Стратигъ събравъ вся девица нашего града и рече къ мнѣ: „Избери собѣ отъ нихъ, еюже хоцеша подружю на помощь и сверсть собѣ”. Азъ же глядавъ и смотривъ всѣхъ, видѣхъ едину краснѣишу всѣхъ: лицемъ свѣтящуюся и украшену велми монисты златыми и бисѣромъ и всею красотою. Еиже бѣ имя Софѣя, сирѣчь мудрость. Ту избрахъ». Слышавъша же словеса си родителя его, рекоста къ ему: «Сыну, храни законъ отца твоего и не отверзи наказания матери своей. * Свѣтилникъ бо заповѣдь закону и свѣтъ. * Рчи же премудрости: „Сестра ми буди”, а мудрость знаему себѣ створи. * Сияеть бо премудрость паче солнца, и аще приведеша ю себѣ имѣти подружье, то отъ многа зла избавишися ею». *

Егдаже власта и въ учение книжное, спѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ памятью доброю велми, яко и дивитися всѣмъ. Единою же отъ дѣнии, якоже обычаи есть богатицищемъ глумление творити ловитвою, изиде съ ними на поле, ястрябъ свои вземъ. И яко пусти и, вѣтръ ся обрѣте по смотрению Божию, взять и и занесе. Отроча же оттолѣ, въ унынье и въ печаль впадъ, два дѣни не ясть хлѣба. Чловеколюбимъ бо своимъ милостивыи Богъ, не веля ему привыкнути житиискыхъ вещехъ, удобно уловити же, якоже древле улови Плакиду* в ловѣ еленемъ, тако и сего ястрябомъ. В себе помышль житя сего утѣху и каяше, глаголя: «Таково ли есть житие се, да въ радости мѣсто печаль пребываетъ? Отъ сего бо дѣни по инъ ся путь иму, иже есть сего лучи. А въ молвѣ житя сего своихъ дѣни не живу». И по учение ся имъ, седяше въ дому своемъ, *учася изустъ книгамъ** святаго Григория Феолога.* И знамение крестное сътвори на стѣнѣ, и похвалу написавъ святому Григорию сицеву: «О Григорие, тѣломъ чловеке, а душею аггеле. Ты тѣломъ чловеке сый, аггелъ явись. Уста бо твоя, яко единъ отъ серафимъ, Бога прославляютъ и вселенную просвѣщаютъ правыа вѣры казаниемъ. Тѣмъже мя, припадающа къ тебѣ любовию и вѣрою, прими и буди ми просвѣтитель и учитель». * И тако хваляше Бога.

Вшедъ же въ многи бесѣды и въ умъ велии, и не моги разумѣти глубины, въ уныние велико впаде. Страннии же нѣкто бѣ ту, умѣяи грамотику. И къ нему шедъ, моляся и на ногу его падая, вдаяся ему, глаголя: «О чловеке, добръ дѣи, научи мя художеству грамотичьскому». Онъ же, съкрывъ талантъ свои, погребъ, рече къ нему: «Отроче, не тружайся. Отрекль бо я есмь отъ нудъ никогоже не научити сему въ вся моя дѣни». Паки же отрокъ съ слезами ему кланяся, глаголаше: «Възми всю мою чясть отъ дому отца моего, еже мнѣ достоинъ, а научи

Потом же добродетельные родители решили воздерживаться от плотского общения. Так и жили по заповеди Божией четырнадцать лет как брат и сестра, пока не разлучила их смерть, никогда не нарушив своего решения. Когда же отец собрался отойти на Суд, плакала мать отрока, говоря: «Не забочусь ни о чем, только о ребенке одном этом, как он будет устроен». Он же отвечал ей: «Верь мне, жена. Надеюсь на Бога, что даст ему Бог отца и устроителя такого, который благоустроит всех христиан». Что и сбылось.

Когда отроку было семь лет, увидел он сон и поведал отцу и матери. И сказал: «Собрал стратиг всех девиц нашего города и обратился ко мне: „Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество“. Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же ее было София, то есть мудрость. Ее избрал». И услышав его слова, сказали ему родители: «Сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей. Ибо заповедь — светильник закону и свет. Скажи мудрости: „Ты сестра моя“ и разум назови родным твоим. Сияет мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой — от многих зол избавишься с ее помощью».

Когда же отдали его в книжное учение, преуспел он в книгах больше всех учеников из-за хорошей памяти так, что все удивлялись. И в один из дней, когда по обычаю дети богатых забавлялись охотой, вышел с ними в поле, взяв своего ястреба. И когда он пустил его, поднялся ветер по Божиему предначертанию и унес его. Отрок же с этого времени, впав в печаль и уныние, два дня хлеба не ел. Милостивый Бог по своему человеколюбию, не разрешая ему привыкать к житейским делам, умело уловил его — как в древности поймал Плакиду на охоте оленем, так и его ястребом. Поразмыслив о удовольствиях жизни сей, каялся он, говоря: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направлюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу». И взялся за учение, сидя в доме своем, уча наизусть книги святого Григория Богослова. И крест начертал на стене, и похвалу такую написал святому Григорию: «О Григорий, телом человек, а душою ангел! Ты плотью человек, ангелам уподобился. Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». И так восхвалял Бога.

Когда же обратился он ко многим словам и великим мыслям (Григория), то не в силах постичь глубины, впал в великую скорбь. Был же здесь некто пришелец, знающий грамматику. И придя к нему, умолял и падал в ноги, предавая себя (его воле), говоря: «О человек, сотвори добро, научи меня грамматическому искусству». Тот же, скрыв свой талант, закопав, отвечал ему: «Отрок, не трудись. Зарекся я совершенно никого не учить этому до конца дней своих». Отрок же опять, со слезами кланяясь ему, говорил: «Возьми всю

мя». Не хотѣвшу же оному послушати его. Тогда отрок, шед в дом свои, въ молитвахъ пребываше, дабы обрѣлъ желание сердца своего.*

Въскорѣ же Богъ сътвори волю боящихся его. О красотѣ бо его и о мудрости и прилѣжнѣмъ его учении, еже бѣ растворено в нем, слышавъ царевъ строитель, иже нарицается логофетъ,* посла по нь, да ся бы съ царемъ училь.* Отрокъ же, услышавъ се, с радостию пути ся ять и на пути поклонися Богу, нача молитву, глаголя: «Боже отецъ нашихъ и Господи милости, иже еси сътворилъ словомъ всяческаа, и премудростию твоею създавиши человека, да владѣетъ сътвореными тобою тварьми. Дажь ми сушую въскраи твоихъ престоль премудрость,* да разумѣвъ, что есть угодно тебѣ, спасуся.* Азь бо есмь рабъ твои и сынъ рабыня твоя».* И къ сему прочюю Соломоню молитву изглаголавъ, въставъ, рече: «Аминь».

Егдаже прииде къ Царюграду,* вдаша его учителемъ, да ся учит. И въ 3 месяца навъкъ всю грамотику и по прочая ся ять учения. Научи же ся Омиру и геометрии, и у Лва* и у Фотѣ* диалексике, и всѣмъ философскимъ учениемъ к симъ: и риторикки, и арифмификии, и астрономии, и мусикии, и всѣмъ прочимъ еллинскимъ художествомъ.* Тако я навъче вся, якоже бы могль кто едино навъкнути от нихъ. Скорость бо ся съ прилежаниемъ съключи, другъ друга преспѣваючи, имже ся учения и художества съврѣшаютъ. Болѣ же учения, тихъ образъ на себѣ являя, с тѣми бесѣдоваше, с нимиже бяше полезнѣе, уклоняся от укланяющихся въ стропты, и помяшляше, како бы земными небеснаа премѣншу, излетѣти ис телесе сего и съ Богомъ жити.*

Узрѣвъ же и такова суша, логофетъ дасть ему власть на своемъ дому и въ цареву полату съ дрѣзновениемъ входить. И въпроси его единою, глаголя: «Философе, хотѣхъ увѣдѣти, что есть философия». Онъ же скорымъ умомъ абие рече: «Божиимъ и человечьскимъ вѣщемъ разумъ, елико можетъ человекъ приблизитися Бозѣ, и яко дѣтелию учить человека по образу и по подобию быти сътворшему и». От сего же паче възлюби его и присно его въпрашаше о всемъ толикъ мужъ велии и честенъ. Онъ же ему сътвори учение философское, в малыхъ словесѣхъ велии умъ сказавъ.

Въ чистотѣ пребываа, велми угажаше Богу, толми паче любезнѣи всѣмъ бываше. И логофетъ всяку честь творя ему говѣину, злато много дая ему, онъ же не принимаше. Единою рече к нему: «Твоя красота и мудрость нудитъ мя излиха любити тя, то дщерь имамъ духовную, юже от крестила изяхъ, красну и богату, и рода добра и велиа. Аще хочешь, подружие сию ти дамъ. От царя же нынѣ велию чсть и княжение* примеши. И болшаа чаи — въскорѣ бо и стратигъ будеши». Отвѣща ему Философъ: «Даръ убо велии да будетъ требующимъ его. А мнѣ болѣ учения нѣсть ничтоже, имже разумъ събравъ, прадѣдьяна чсти и богатства хошу искати».* Слышавъ же логофетъ отвѣтъ его, шедъ къ царици,* рече: «Сеи философъ юны не любитъ житиа сего, то не отпусти его от общины,

причитающуюся мне долю отцовского наследства, но научи меня». Но тот не хотел слушать его. Тогда отрок, вернувшись домой, молился, чтобы исполнилось желание сердца его.

И вскоре Бог сотворил волю боящихся его. О красоте, мудрости и прилежном учении его, соединившихся в нем, услышал царский управитель, что именуется логофет, послал за ним, чтобы учился с царем. Отрок же, услышав это, с радостью отправился в путь и на пути поклонился Богу, начал молиться, говоря: «Боже отцов наших и Господь милости, который словом сотворил все и премудростью своей создал человека, чтобы он владел всеми созданными тобою тварями. Дай мне премудрость, обитающую рядом с твоим престолом, чтобы, поняв, что угодно тебе, я спасся. Я раб твой и сын рабыни твоей». И потом произнес до конца всю молитву Соломона, встал, сказав: «Аминь».

Когда же пришел в Царьград, отдали его учителям, чтобы учился. И в три месяца выучился грамматике и за другие науки принялся. Обучился же Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия диалектике и всем философским наукам вдобавок: и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам. Так научился всему, как кто-нибудь мог бы научиться одному (лишь) из них. Соединились в нем быстрота с прилежанием, помогая друг другу: с ними постигаются науки и искусства. Больше, чем (способность) к наукам, являл он образец скромности: с теми беседовал, с кем полезнее, избегая уклоняющихся с истинного пути на ложный, и помышлял, как бы, сменив земное на небесное, вырваться из плоти и с Богом пребывать.

Увидев же, каков он есть, дал ему логофет власть над своим домом и в царскую палату смело входить. И спросил его однажды, сказав: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Он же быстрым (своим) умом тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». После этого еще больше полюбил его и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж. Он же ему преподавал науку философскую, в малых словах изложив большую мудрость.

Пребывая в чистоте, весьма угождал Богу, и оттого еще больше любим был всеми. И логофет, воздавая ему благоговейные почести, давал много золота, он же не принимал. Однажды сказал ему (логофет): «Твоя красота и мудрость заставляют меня безгранично тебя любить, а у меня есть дочь духовная, которую я восприял от купели, красивая и богатая, и рода хорошего и знатного. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. И от царя большую почесть и княжение примешь. И надейся на большее — вскоре и стратигом станешь». Отвечал ему Философ: «Дар богатый пусть будет тем, кто его требует. А для меня нет ничего лучше учения, которым, мудрость снискав, хочу искать прадедовой почести и богатства». Выслушав ответ его, пошел логофет к царице и сказал: «Этот юный

но постригше и на поповство, владимъ ему службу. Да будет книгчии* у патриарха* въ святѣи Софии.* Некли поне тако и удержимъ». Еже и сътвориша ему.

Мало же с ними весма побывъ, на Узкое море* шед, съкрыся таи в монастыри. Искаша же его 6 месяць, и едва и обрѣтоша, и не моглоша его унудити на ту службу. Умолиша же и учительский столъ приати и учити философии тоземныа и страннаа съ всякою службою и помощию. И по то ся ятъ.*

Бъ же Аннии патриархъ* ересь въздвиглъ, глаголя не творити чъсти святымъ иконам. И събравше съборъ, обличиша его, яко неправо глаголетъ, и съгнаша и съ стола. Он же рече: «Насилием мя съгнаша, а не препрѣвше мене. Не можеть бо никтоже противитися словесемъ моимъ». Царь же с *патрикии*,* устройвъ сего Философа, посла на нь, рекъ тако: «Аще можеша уношу сего препрѣти, то паки столъ свой примеша». Он же, узрѣвъ Философа юна тѣломъ, а не вѣды стара ума в немъ и, иже бяху послани с нимъ, рече к нимъ: «Вы подножиа моего нѣсте достойни, то како ся с вами хошу прѣти?» Философ же к нему рече: «Не людскаго обычаа держи, но Божиихъ заповѣди. Зри, якоже бо еси и ты от земля, а душа Богомъ съставлена, тако и мы вси. То на землю зря, прею, человеце, не грѣдися». Паки же Аннии отвѣща: «Не подобно есть въ осень цвѣтець искати, ни старца на воину гнати, яко юношу нѣкоего». Философ же отвѣща ему: «Самъ на ся вины обрѣтаеша. Рци, в кую врѣсту есть силнѣиши душа, телѣси?» Он же рече: «На старость». Философ же рече: «На кую тя брань гонимъ: на тѣлесную ли или на духовную?» Он же рече: «На духовную». Философ же отвѣща: «То ты нынѣ силнѣи хочеша быти, да не глаголи намъ такихъ приточ. Не безъ врѣмене бо ни цвѣтець ищемъ, ни на воину тебе гонимъ». Посрамль же ся тако, старецъ инамо обрати бесѣду и рече: «Рци ми, юноше, како крѣсту, разорену сушу, не кланяемъ ему, ни лобызаемъ его. А вы, аще лице до перси токмо будет, иконную чьсть ему творяще, не стыдитесь». Философ же отвѣща: «Четыре бо части крѣсть имат. И аще едина его часть убудет, то уже своего образа не являет. А икона от лица токмо образ являет и подобие того, егоже ради будетъ писано. Не лвова бо лица, ни рысии зреть, иже и видить, но перваго образъ». Паки же старецъ рече: «Какъ ся убо кланяете крѣсту безъ написаниа, а бывшемъ инѣмъ крѣстомъ, икона же, аще не има написана имене, егоже будетъ образъ, то не створите ей чъсти». Философ же отвѣща: «Всякъ бо крѣсть подобенъ образъ имать Христову крѣсту. А иконы не имутъ вси единого образа». Старецъ же рече: «Богу рекшу к Моисею: „Не сътвориши всякого подобиа”.* Какъ вы, творяще, кланяетесь». Философъ противу ему отвѣща: «Аще бы рекль: „Не сътвориши никакогоже подобиа”,* — то право приши. Но есть рекль „не всякого”, сирѣчь „достойное”. Противу же симъ не могли отпрѣти старецъ, умолча, посрамлься.

философ не любит жизни сей, и чтобы не отпустить его от нас, посвятим его в священники и дадим ему службу. Пусть будет чтецом у патриарха в святой Софии. Может быть, так и удержим». Так с ним и поступили.

Очень же немного с ними побыв, пошел он к Узкому морю и тайно скрылся в монастыре. И искали его шесть месяцев и с трудом нашли, но не могли принудить вернуться на ту службу. Но упросили его принять место учителя и учить философии местных жителей и пришельцев, с соответствующей должностью и оплатой. И за это он взялся.

(Тогда) же патриарх Анний ересь воздвиг, говоря, чтобы не воздавали почестей святым иконам. И собрав собор, обличили его, что неправду говорит, и прогнали с престола. Он же сказал: «Силою прогнали меня, а не победив в споре. Ибо не может никто противиться моим словам». Царь с патрикиями, приготовив Философа, послали к нему, сказав так: «Если сможешь этого юношу победить в споре, то вновь получишь свой престол». Он же, увидев, как юн Философ, и не ведая, что стар ум его, и сказал тем, кто был послан с ним: «Вы недостойны и подножия моего, как же я буду спорить с вами?» Философ же ответил ему: «Не людского придерживайся обычая, но Божиих заповедей. Посмотри, как ты из земли, а душа Богом создана, так и мы все. И на землю глядя, не гордись, человек, умением спорить». Вновь отвечал Анний: «Не подобает ни осенью цветов искать, ни старца на войну гнать как юношу некоего». Философ же отвечал ему: «Сам на себя навлекаешь обвинение. Скажи, в каком возрасте дух сильнее тела?» И ответил он: «В старости». Философ же спросил: «На какую битву тебя гоним: на телесную или на духовную?» Сказал тот: «На духовную». Философ же отвечал: «(Тогда) ты сейчас сильнее будешь, потому не говори нам таких притч. Ибо не ищем ни цветов не вовремя, ни на войну тебя не гоним». Посрамившись же так, старец повернул разговор в другую сторону и сказал: «Скажи мне, юноша, почему кресту, если он поврежден, не поклоняемся и не целуем его. А вы, (и) если изображение только по грудь, не стыдитесь честь ему как иконе воздавать?» Философ же ответил: «Крест имеет четыре части. И если одна из них пропадет, то он уже своего образа не сохраняет. А икона только ликом и являет образ и подобие того, кто на ней написан. Не львиный ведь образ, не рысий видит тот, кто на нее смотрит, а первообраз». И опять сказал старец: «Как вы поклоняетесь кресту и без надписи, хотя были и другие кресты, иконе же, если не имеет она надписи, чей это образ, не творите почести?» Философ же отвечал: «Всякий крест подобен Христову кресту. А иконы не имеют все одного облика». Старец же сказал: «Бог сказал Моисею: „Не сотвори всякого подобия“. Как же вы, сотворяя, поклоняетесь им?» Философ на это отвечал: «Если бы ты сказал: „Не сотвори никакого подобия“, — то верно вел бы спор. Но ты сказал: не (сотвори „всякого“, то есть (и) „достойного“». На это ничего не смог ответить старец и, посрамленный, умолк.

Чтение второе*

По сих же агаряне, нарицаемии срацини, въздвигоша хулу на единобожество Святыя Троица, глаголюще: «Како вы, христiane, единъ Богъ мняше, размъшаете и паки на три, глаголюще, яко Отець и Сынъ и Святыи Духъ есть? Аще можете сказати извѣстно, послѣте мужа, иже могутъ глаголати о семъ, и преприт ны». Бѣ же тогда Философъ двѣмъдeсять и чeтырми лѣтъ. Съборъ сътвори царь, призвавъ его, и рече ему: «Слышиши ли, философе, что глаголють сквернении агаряне на нашу вѣру? То якоже еси Святыя Троицы слуга и ученикъ, шед, противися им. И Богъ, съвршитель всякои вещи, славимыи въ Троици Отець и Сынъ и Святыи Духъ, да ти подасть благодать и силу въ словесѣхъ и яко другаго Давида новаго явить тебе на Голиада с тремя каменни,* и побѣждыша възвратит тя к намъ, сподобль небесному царству». Слышав же се, отвѣща Философъ: «Радъ иду за христiанскую вѣру. Что бо есть слаждше мнѣ не семъ свѣтъ, но за Святую Троицу и живу быти и умрети». Приставльше же ему асукрита Георгиа,* послаша.

Дошедшим же имъ тамо, бѣша образи дѣмонскы написали внѣюду на дверех всѣмъ христiаномъ, дивъ творяще и ругающеся.* Въпросиша же Философа, глаголюще: «Можеш ли разумѣти, философе, что есть знамение се?» Он же рече: «Дѣмонскы образы виждю и непшую, яко христiани ту живутъ внутрь. Они же, не могуше жити с ними, бѣжати вонъ от нихъ. А идѣже сего знаменна нѣсть внѣюду, то с тѣми суть ту внутрь».

На обѣдѣхъ сѣдѣаше агаряне, мудраа чадъ и книжнаа, учена многио мудрости и астрономии и прочимъ учениемъ, искушающе его, въпрашааху, глаголюще: «Видиши ли, философе, дивно чудо, како Божии пророкъ Махметъ принесъ намъ благоую вѣсть от Бога, обрати многы люди. И вси держимся по законъ и ничьсоже преступающе. А вы, Христовъ законъ держаше, вашего пророка, овъ сице, овъ инако, якоже есть годѣ комуждо васъ, тако держите и творите». К сим же Философъ отвѣща: «Богъ наш яко пучина есть морскаа. Пророкъ же глаголетъ о немъ: „Род его кто исповѣсть? Возмлет бо ся от земля животь его“.* Сего же ради исканиа мнози в пучину ту входят. И силнии умом, его богатство разумное приемлюще, преплавають и възвращаются. А слабии, яко въ изгнилых кораблех покушающеся преплутти, овии истапают, а друзии с трудом едва отдыхаютъ, немощною лѣнностью вдающеся. Ваше есть узко и удобно, еже может и прескочити всякъ, малъ и великъ. Нѣсть бо кромѣ людскаго обычая, но еже вси могутъ дѣяти, а ничьсоже вамъ заповѣдалъ. Егда бо нѣсть вамъ встѣгнут гнѣва и похоти, но попустил — то в каку вы имате вринутти пропасть? Смыслении да разумѣют. Христос же не тако, но от низу тяжкое горѣ възводитъ вѣроу и *дѣтелию Божию*. Творечъ бо есть всѣмъ, межю ангелъ и скоты челоуека сътворилъ есть, словесемъ и смысломъ отлучивы и от скота, а гнѣвомъ и похотью от ангелъ. И еиже ся кто *части приближаетъ*, паче тою ся причащаетъ — вышнихъ или нижнихъ». Въпросиша же и паки:

Чтение второе

После этого агаряне, называемые сарацинами, возвели хулу на божественное единство Святой Троицы, говоря: «Как вы, христиане, думая, что Бог един, разделяете его опять на три части, говоря, что есть Отец и Сын и Святой Дух? Если можете рассказать точно, пошлите людей, которые бы смогли говорить об этом и переспорить нас». Было же тогда Философу двадцать четыре года. Собрал царь собор, призвал его и сказал ему: «Слышал ли ты, философ, что говорят скверные агаряне о нашей вере? Так как ты Святой Троицы слуга и ученик, то пойди, противься им. И Бог, свершитель всякого дела, в Троице славимый Отец и Сын и Святой Дух, да подаст тебе благодать и силу в словах, и явит тебя как нового Давида на Голиафа с тремя камнями, и победившим возвратит тебя к нам, сподобив небесному царству». Услышав это, отвечал Философ: «С радостью пойду за христианскую веру. Что для меня слаще на этом свете, чем за Святую Троицу и жить и умереть». И приставив к нему асикрета Георгия, послали (их в путь).

Дойдя же туда, (увидели что) на дверях у всех христиан образы демонские были нарисованы для позора и поругания. И спросили (агаряне) Философа, говоря: «Можешь ли понять, философ, что это значит?» Он же отвечал: «Демонские образы вижу и не сомневаюсь, что здесь внутри живут христиане. Они же не могут жить с ними и бегут вон. А где такого знака нет снаружи, то с теми там внутри».

Сидя на обеде агаряне, люди мудрые и книжные, обученные многим премудростям, и астрономии и прочим наукам, испытывали его, спрашивая и говоря: «Видишь ли, философ, дивное чудо, как пророк Божий Мухаммед принес нам благую весть от Бога и обратил (в свою веру) многих людей. И все мы соблюдаем закон и ни в чем не нарушаем. А вы, держа заповеди Христовы, вашего пророка, один так, а другой по-другому, — как кому угодно, так (им) следуете и исполняете». На это Философ отвечал: «Бог наш подобен пучине морской. Пророк же о нем говорит: „Род его кто разъяснит? Ибо взимается от земли жизнь его“. И ради этих поисков многие в пучину ту входят. И сильные умом, богатство мудрости его принимая, переплывают и возвращаются. А слабые, как в сгнивших кораблях пытаюсь переплыть, одни тонут, а другие с трудом едва могут отдышаться, немощной отдаваясь лени. А ваше (учение) узкое и удобное, и его всякий может перескочить, и малый и большой. Нет (в нем ничего), кроме людского обычая, но (только то), что могут делать все, а ничего (другого) вам (пророк ваш) не заповедал. Если он не запретил вам гнев и похоть, а допустил их — то в какую вы будете ввергнуты пропасть? Имеющий смысл да разумеет. Не так Христос (делает), но снизу тяжкое возводит кверху верою и действием Божиим. Ибо творец всему создал человека между ангелами и животными, речью и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью от ангелов. И кто к какой части приближается, той и становится причастен —

«Како вы, единому Богу сущю, въ три славите и? Скажи, аще веси. Отца бо нарѣчете и Сынъ и Духъ. То аще тако глаголете, то и жену ему дадите, да ся от того мнозѣ бозѣ расплодять». К симъ же Философъ отвѣща: «Не глаголете тако хулы бе-щину. Мы убо добръ есмь навикли от отецъ и от пророкъ и от учитель славити Троицю: Отець и Слово и Духъ, и три упостаси въ единомъ существѣ. Слово же то въплотися въ Дѣвѣ и родися нашего ради спасения, якоже и Махъметъ вашъ пророкъ свѣдѣльствуетъ, написавъ сице: „Послахомъ духъ нашъ къ дѣвѣи и извольше да родить”. От сего же азъ вамъ извѣщение творю о Троици».* Сими же словесы поражени на другая ся обратиша, глаголюще, яко: «Тако и есть, яко глаголеши, гости. Да аще Христось Богъ вашъ есть, почто не творите, якоже велить? Писано бо есть в евангельскихъ книгахъ: „Молити за врагы. Добро дѣйте ненавидящимъ и гонящимъ”.* Вы же не тако, нъ противна оружья острите на творящая вамъ таковая». Философъ же противу симъ отвѣща: «Двѣма заповѣдма сущема въ законѣ, кто законъ свѣршая является, иже ли едину съхранить, или иже и обѣ?» Отвѣщаша же они, яко иже обѣ. Философъ же рече: «Богъ есть рекль: „Молите за обидящая”.* Тъ есть паки рекль: „Больша сея любѣви не можетъ никтоже явити на семь житии, но* да свою душу положить за другы”.* Другъ же ради мы се дѣмъ, да не с телеснымъ пленениемъ и душа их пленена будетъ». Паки же глаголаша они: «Христось есть дань даяль* за ся и за ны. Вы же како не творите того дѣль? И уже аще браняще себе, то како поне дани не даете сицему велику и крѣпку языку измаилитьску за братью вашу и за другы? Мала же и просимъ, токмо единого златника. И донелѣже стоитъ вся земля, хранимъ миръ межю собою, якоже инъ никтоже». Философъ же отвѣща: «Аще убо кто въ слѣдъ учителя ходя, и хоцетъ во тѣ же слѣдъ ходити, во ньже и онъ, другыи же, срѣтъ и, съвратить и — другъ ли ему есть или врагъ?» Они же рѣша: «Врагъ». Философъ же рече: «Егда Христось дань даяль, кое владычество бѣ: измаилитьско ли или римьско?» Отвѣщаша же они: «Римьско». «Тѣмъ же не достоить насъ зазирати, понеже римляномъ даемъ вси дань». По сихъ же и ина многа въпрашания въпрашаша и, искушающе от всѣхъ художествии, яже и самъ имѣяху. Сказа же имъ вся. И яко я препрѣ о сихъ, и рѣша к нему: «Како гы вся си умѣши?» Философъ же рече к нимъ: «Чьлоовекъ етеръ, почерпъ воду в мори, в мѣшцы ношаше ю. И гордяшеся, глаголя къ страньникомъ: „Видите ли воду, еяже никтоже не имѣеть развѣ мене?” Пришедъ же единъ мужъ поморникъ и рече к нему: „Неистовъ ли ся дѣеши, хваляся токмо о смърдящимъ мѣшцы? А мы сего глубину имѣемъ”. Тако и вы дѣете. А от насъ суть вся художествия изшыла».

По сихъ же дивъ творяще, показаша ему виноградъ *несаженъ*, инъгда от земля изникнуущъ. И яко сказа имъ, како се бываеть, паки показаша ему все богатство: храмины утворены златомъ и сребромъ и каменнемъ драгимъ и бисеромъ, глаголюще: «Вижь, философе, дивно чудо: сила велика и богатство

высшей или низшей». И вновь спросили его: «Как вы, если Бог един, в трех его славите? Скажи, если знаешь. Отца называете и Сын и Дух. Если так говорите, то и жену ему дайте, чтобы от того многие боги расплодились». На это же Философ ответил: «Не говорите такой бесчинной хулы. Мы хорошо научились от (святых) отцов и от пророков и от учителей славить Троицу: Отец, и Слово, и Дух, и три ипостаси в единой сущности. Слово же воплотилось в Деве и родилось ради нашего спасения, как и ваш пророк Мухаммед свидетельствует, написав следующее: „Послали мы дух наш к деве и пожелали, чтобы родила“. Поэтому я извещаю вас о Троице». Пораженные этими словами, они обратились к другому, говоря: «Так и есть, как ты говоришь, гость. Но если Христос — Бог ваш, почему не делаете того, что он велит? Ведь написано в евангельских книгах: „Молитесь за врагов. Делайте добро ненавидящим и гонящим“. Вы же не так (поступаете), но ответное оружие точите на делающих вам такое». Философ же на это ответил: «Если две заповеди есть в законе, кто совершеннее соблюдает закон: тот, кто одну сохранит, или же обе?» И ответили они, что тот, кто обе. Философ же сказал: «Бог сказал: „Молитесь за обижающих“. Но еще он сказал: „Нет больше той любви в этой жизни, как если кто положит душу свою за друзей своих“. Ради друзей мы делаем это, чтобы с пленением тела и душа их пленена не была». И вновь сказали они: «Христос давал дань и за себя и за нас. Как же вы не творите того, что он делал? И уж если вы защищаете себя, то почему вы не даете дани такому великому и сильному народу измаилитскому за братьев ваших и друзей? Ведь мы мало и просим: только один златник. И пока стоит земля, сохраним между собой мир, как никто другой». Философ же ответил: «Если кто ходит по следу учителя и хочет по тому же пути идти, что и он, а другой встретит и совратит его (с пути) — друг ли ему или враг?» Они же ответили: «Враг». Философ же спросил: «Когда Христос дань платил, чья была власть: измаилитская или римская?» И ответили они: «Римская». «Потому не следует нас осуждать, что римлянам все даем дань». После этого и много других вопросов задавали ему, испытывая его во всех искусствах, которые имели сами. И на все им ответил. И когда победил их в споре, то сказали ему: «Как ты все это знаешь?» Философ же ответил: «Некий человек, зачерпнув воды из моря, в бурдюке носил ее. И гордился, говоря странникам: „Видите ли воду, какой никто, кроме меня, не имеет?“ Пришел же один помор и сказал ему: „Не безумен ли ты, похваляясь всего лишь смердящим бурдюком? А у нас ее бездна“. Так и вы поступаете. А все искусства вышли от нас».

После этого, желая удивить его, показали ему несаженный виноградник, некогда проросший из земли. И когда объяснил им, как это бывает, то еще показали ему все богатство: здания, украшенные золотом и серебром, и драгоценными камнями, и жемчугом, говоря: «Посмотри, философ, на чудо

много армениино* владыкы срачиньска». Рече же к нимъ Философъ: «Не диву се есть, Богу же хвала и слава, створшему вся си и въдавшему на утѣху чловекомъ. Того бо суть, а не иного». Сетьнѣ же на свою злобу обрашше, даша ему ядь пити. Нъ Богъ милостивый рекъ: «Аще и смертно что испиѣте, ничтоже васъ не вредить».* Избави и того и на свою землю съдрава възврати и паки.

Не по мнозѣ же времени отрекъся всего житья сего, съде на единомъ мѣстѣ и без молвы, собѣ самому токмо внемля. И на утрии днь ничтоже не оставляя, нъ нищимъ раздаяше все, на Бога печаль възмѣтая, иже ся и всѣми на всякъ днь печать.

Единою же на Святыи днь служѣ его тужащю, яко ничтоже не имамъ на сѣи днь чьстьнѣ. Онъ же рече ему: «Прѣпитавыи инѣгда израилиты в пустынѣ, тѣ имать дати и намъ сдѣ пищу. Нъ шедѣ призови понѣ 5 нищихъ мужъ, чая Божия помощи». И яко бысть обѣдняя година, тѣгда принесе *нѣкто* мужъ бремя всея яди и 10 златникъ. И Богу хвалу възда о всѣхъ сихъ».*

Въ *Олимпѣ** же шедѣ къ Мефодью брату своему, начать жити и молитву творити беспрестани къ Богу, токмо книгами бесѣдуя.

Чтение 3

Придоша же съли къ цесарю от казаръ,* глаголюще, яко: «Испърва единъ токмо Богъ знаемъ, иже есть надъ всѣми. И тому ся кланяемъ на въстоки, а обычая своя ины студныя держаше. Еврѣи же устятъ ны вѣру ихъ и дѣла прияти, а срацини, на другую страну, миръ дающе и дары многы, стѣжать ны на свою вѣру, глаголюще, яко наша есть вѣра добрѣиши всѣхъ языкъ. Тѣ сего ради сълемъ къ вамъ, старую поминающе дружбу и любовь держаше, языкъ бо велии сушь, от Бога цесарство держите. И вашего совѣта въпрашающе, просимъ же мужа книжна у васъ. Да аще прѣпритъ еврѣя и срацины, то по вашу ся вѣру имемъ».*

Тогда възыска цесарь Философа и изьобрѣты и, сказа ему козарьскую рѣчь, глаголя: «Иди, философе, к людемъ симъ. Створи имъ отвѣтъ и слово о Святѣи Троици с помощью ея, инѣ бо никтоже не можетъ сего достойно створити». Онъ же рече: «Аще велиши, владыко, на сицю рѣчь радъ иду пѣшь и босѣ и безъ всего же, егоже не веляше Богъ учьникомъ своимъ носити». Отвѣщавъ же цесарь: «Аще се ты бы хотѣлъ о собѣ створити, то добрѣе ми глаголеши. Нъ цесарскую деръжаву вѣдши и чьсть, чьственно иди съ цесарскою помощью». Тѣгда же пути ся ятъ. И дошедъ Хорсуня,* научися ту жидовьскы и бесѣдѣ и книгамъ, осмь частии грамотикиа прѣложъ и от того разумъ възприимъ.

Самарянинъ* же етеръ ту живяше и, приходя к нему, стязашеся с нимъ. И принесе книги самарѣискы* и показа ему. И испрошь я у него, Философъ затворися въ храмѣ, на молитву ся наложи. И от Бога разумъ примъ, *цести* нача книги бес порока. Узрѣвъ же самарянинъ, възпи великымъ гласомъ и

дивное: велика сила и богатство амерумны, владыки сарацинского». Отвечал Философ: «Не чудо это, Богу хвала и слава, создавшему все это и давшему людям на утеху. Его это все, а не иного». И озлобившись окончательно, дали ему пить отраву. Но милостивый Бог сказал: «И если что смертоносное выпьете, ничто не повредит вам». Спас и его и здорового возвратил вновь в свою землю.

Немного времени спустя отрекся от мира, уединился и безмолвствовал, себе лишь внимая. И на завтрашний день ничего не оставлял, но все нищим раздавал, возлагая заботу на Бога, который и обо всех печется каждый день.

Однажды в Святой день печалился слуга его, что ничего не имеет для этого праздничного дня. Он же сказал ему: «Накормивший некогда израильтян в пустыне, тот подаст и нам здесь пищу. А ты пойди позови хотя бы пятерых нищих, надеясь на Божию помощь». И когда настал час обеда, тогда принес некий человек много разной еды и десять золотых. И хвалу вознес Богу за все это.

И пойдя в Олимп к Мефодию, брату своему, начал жить (там) и беспрестанно творить молитву к Богу, беседуя лишь с книгами.

Чтение 3

И пришли послы к цесарю от хазар, говоря: «Изначала признаем лишь единого Бога, который есть надо всеми. И тому поклоняемся на восток, но в ином следуем своим постыдным обычаям. Евреи же побуждают нас принять их веру и обычаи, а сарацины, с другой стороны, предлагая мир и дары многие, склоняют нас в свою веру, говоря, что их вера лучше, чем у всех народов. Поэтому посылаем к вам, помня старую дружбу и храня любовь, ибо вы народ великий и от Бога царство держите. И спрашивая вашего совета, просим у вас человека, сведущего в книгах. Если победит он в споре евреев и сарацин, то к вашей вере обратимся».

Тогда цесарь стал искать Философа, и найдя его, поведал ему слова хазар, говоря: «Иди, философ, к этим людям. Дай им ответ и поучение о Святой Троице с ее помощью, ведь никто другой не сможет достойно сделать это». Он же сказал: «Если велишь, владыка, на такое дело с радостью пойду пешим и босым и без всего того, что не велит Бог ученикам своим носить». Отвечал же цесарь: «Если бы ты хотел от своего имени это делать, то правильно говоришь. Но помня о цесарской власти и чести, с почетом иди с цесарской помощью». И тотчас отправился он в путь. И придя в Корсунь, научился там еврейской речи и книгам, перевел восемь частей грамматики и воспринял их смысл.

Жил же здесь некий самаритянин и, приходя к нему, спорил с ним. И принес книги самаритянские и показал ему. И попросив их у него, Философ затворился в храме и стал молиться. И получив разумение от Бога, начал читать книги без ошибки. Увидев это, вскричал самаритянин громким голосом и

рече: «Воистину, иже въ Христа вѣрують, въскоре Духъ Святыи приемлють и благодѣть». Сыну же ся его крѣщю тогда, и самъ ся по немъ крѣсти.

Обрѣте же ту Евангѣлье и Псалтырь, русьскы писмены* писано, и чьловека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою. И бесѣдовавъ с нимъ и силу рѣчи примъ, своеи бесѣдѣ прикладая различно писмена гласная и съгласная. И къ Богу молитву держа, въскорѣ начать чисти и сказати. И мнозѣ ся ему дивляху, Бога хваляще.

Слышавъ же, яко святыи Климентъ еще в мори лежить,* помолися, рече: «Вѣрую в Бога и святѣмъ Климентѣмъ надѣюся, яко обрѣсти имамъ мощи его и изнести из моря». Убѣждъ же архиепископа* и съ клиросомъ всѣмъ и говѣины мужа, и всѣдше в корабля, и идоша на мѣсто, утишьшюся морю велми. И дошедше, начаша копати, поюще. Тѣгда же бысть воня велия, яко кандиль многъ. И по семъ явишася святыя мощи, яже вземше с великою чѣстью и славою. И всѣ священници и гражанѣ внесоша я в градъ, якоже пишеть въ обрѣтение его.*

Козарьскыи же воевода с вои шѣдъ, опступи крѣстьянскыи градъ и сплетеса о немъ. Увѣдѣвъ же Философъ, не лѣнься, иде к нему. Бесѣдовавъ же с нимъ, учителная словеса предложъ и укроти и. И обѣщавъся ему на крѣщение и отъиде, никояже пакости створи людемъ тѣмъ. Възврати же ся и Философъ въ свой путь. И в първыи час молитву творящу ему, нападоша на нь угри,* яко и волчьскы вѣюще, хотяще и убити. Онъ же не ужасеса, нь ни остави своя молитвы, нь кюръ илѣса* токмо възывая — бѣ бо окончалъ уже службу. Они же узрѣвше, по Божию повелѣнню укротѣша и начаша кланятися ему. И слышавше учителная словеса от устъ его, отпустиша и съ всею дружиною.

Всѣдъ же в корабль, пути ся ятъ козарьска на *Меотское* озеро* и Капииская врата* *Кавкасижскихъ* горъ. Послаша же козарѣ противу его мужа лукава заскопива, иже бесѣдуя с нимъ, рече ему: «Како вы золь обычаи имѣте и ставите цесарь инъ въ иногю мѣсто, от иногю рода? Мы же по роду се дѣемъ». Философъ же к нему рече: «И Богъ бо в Саула мѣсто, ничтоже угодна дѣюща, избра Давида, угажающаго ему, и родъ его». Онъ же рече пакы: «Вы убо *книгы* держаше в руку, от нихъ вся притѣча глаголете. Мы же не тако, нь от пѣрсии всю мудрость, яко поглощыше, износимъ ю». Рече же Философъ к нему: «Отвѣщаю ти к сему. Аще обрящеши мужъ нагъ, и глаголетъ ти, яко многы ризы и злато имею, имеш ли ему вѣру, видя и нага?» И рече: «Ни». «Тако и азъ тебе глаголю. Аще ли еси поглотилъ всяку мудрость, то скажи ны, колько родъ есть до Моисѣя и колико есть лѣтъ которыи же родъ держаль?» Не мога же к сему отвѣщати и умолча.

Дошедшю же ему тамо, егда хотяху на обѣдѣ сѣсти у кагана, въприсиша и, глаголюще: «Кая есть твоя чѣсть, да ты посадимъ на своемъ чину?» Онъ же рече: «Дѣдъ имѣхъ велии и славенъ зѣло, иже близъ цесаря сѣдѣше, и даную ему славу волею отвергъ, изгнанъ бысть, и страну ину землю дошедъ, обнища.

сказал: «Поистине те, кто в Христа веруют, быстро приемлют Дух Святой и благодать». Сын же его крестился тогда, а после того и сам он крестился.

И нашел (Философ) здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего той речью. И беседовал с ним и понял смысл языка, соотнося отличия гласных и согласных букв со своим языком. И вознося молитву к Богу, вскоре начал читать и говорить. И многие изумлялись тому, славя Бога.

И слышав, что (мощи) святого Климента еще лежат в море, помолился, сказав: «Верую в Бога и надеюсь на святого Климента, что должен мощи его найти и извлечь из моря». И убедив архиепископа с клиросом и с благочестивыми людьми, взошли в корабли и поплыли к (тому) месту, когда успокоилось море. И придя, начали копать с пением (молитв). И тогда распространился сильный аромат, как от множества фимиама. И после этого явились святыи мощи, и взяли их с великой честью и славой. И все священники и горожане внесли их в город, как и пишет (Философ) в его Обретении.

Хазарский же воевода, придя с воинами, осадил христианский город и начал тяжбу о нем. Узнав же (об этом), Философ, не ленись, пошел к нему. И беседовал с ним, поучительные слова сказал и укротил его. И (воевода) обещал креститься, и ушел, не причинив никакого вреда тем людям. Возвратился и Философ на свой путь. И когда он в первый час творил молитву, напали на него угры, воя как волки, желая убить его. Он же не ужаснулся, ни молитву свою не прервал, но лишь взывал: «Кирие, элейсон», так как уже окончил службу. Они же, увидев это, по велению Божьему укротились и начали кланяться ему. И выслушав поучительные слова из его уст, отпустили его со всеми спутниками.

Сев же на корабль, направил он путь к хазарам, к Меотскому озеру и Каспийским вратам Кавказских гор. И послали хазары навстречу ему человека лукавого и коварного, который, беседуя с ним, сказал ему: «Почему у вас нехороший обычай — вы ставите одного цесаря вместо другого из другого рода? Мы же совершаем это по родству». Философ же отвечал ему: «И Бог вместо Саула, не творившего ничего, (ему) угодного, избрал Давида, угождающего ему, и род его». Он же опять спросил: «Вот вы, держа в руках книги, лишь из них говорите все притчами. Мы же не так (поступаем), но из груди всю мудрость, как бы поглотив ее, произносим». И сказал Философ ему: «Отвечаю тебе на это. Если встретишь человека нагого, а он скажет тебе, что имеет много одежд и золота, поверишь ли ему, видя его нагим?» И сказал тот: «Нет». «Так и я тебе говорю. Если ты поглотил всю мудрость, то скажи нам, сколько поколений до Моисея и сколько лет длилось каждое из них?» Не смог он на это ответить и замолчал.

И когда он дошел туда, то, собираясь сесть у кагана на обеде, спросили его, говоря: «Какой ты имеешь сан, чтобы посадить тебя по достоинству твоему?» Он же сказал: «Дед у меня был великий и славный, который сидел рядом с цесарем, и по своей воле данную ему славу отверг, изгнан был, и в страну земли

И ту мя роди. Азь же, дѣдня части древняя иша, не достигъ иноя прияти, Адамовъ бо внукъ есмь».* И отвѣщаша же ему: «Достоино и право глаголеши, гости». И от сего же паче начаша на немъ чсть имѣти. Каганъ же чашю вземъ и рече: «Пиємъ во имя Бога единого, створшаго всю тварь». Философъ же чашю вземъ и рече: «Пию въ единого Бога и Словесъ его, имже небеса утвердишася, и животворящаго Духа, имже вся сила ихъ състоитъ». Отвѣща к нему каганъ: «Вси равно глаголемъ. О семь токмо различно держимъ: вы бо Троицю славите, а мы Бога единого, улучше книги». Философъ же рече: «Слово и духъ книги проповѣдають. Аще кто тобѣ чсть творить, твоего же словесъ и духа не в чсть имѣть; други же паки все трое въ чсть имѣть — которые от обоу есть чтивѣи?» Онъ же рече: «Иже все трое въ чсть имѣть». Философъ же отвѣща: «Тѣмъже мы боле волею творимъ, вещьми сказающе и пророкъ слушающе. Исаия бо рече: „Слушай мене, Иякове Израилю, егоже азь зову: азь есмь пьрвыи, азь есмь въ вѣкы”.* И нынѣ Господь посла мя и Духъ его». Июдѣи же, стояще около его, ркоша ему: «Рчи убо, како можетъ женьскъ родъ Бога вмѣстити въ црево, на нъже не можетъ никтоже възрѣти, а нѣли родити и». Философъ же показавъ перстомъ на кагана и на перваго совѣтника и рече: «Аще кто речеть, яко пьрвыи совѣтникъ не можетъ чредити кагана и паки же речеть, послѣднии рабъ его сего *можетъ** кагана ичредити и и чсть ему створити — что имѣемъ наречи и, скажите ми, неистова ли или несмыслена?» Они же реша: «И зѣло неистова». Философъ же к нимъ рече: «Что есть от видимыя твари чьстнѣе всѣхъ?» Отвѣща же ему: «Чьловекъ по образу Божию сътворенъ есть». Паки же рече к нимъ Философъ: «То како не суть трѣсновѣ, иже глаголють, яко не можетъ вмѣститися Богъ въ чьловека? А онъ в купину ся вмѣсти и въ облакъ, и в бурю, и дымъ, являся Моисѣови и Иову. Како бо можеша иному болящю, а инога ицилити? Чьловѣчьску убо роду на ислѣние пришедшю, от кого бо паки бы обновление приялъ, аще не от самого Творча? Отвѣщайте ми, ащъ врачъ, хотя приложити пластырь болящимъ, приложить ли или древѣ или камени? И явить ли от сего чьловека исцелѣвѣша? И како Моиси рече Духомъ Святымъ въ своеи молитвѣ, руцѣ простеръ: „Въ горѣ каменнии и въ гласѣ трубнѣмъ не являи ны ся к тому, Господи щедрыи, но вселивѣся в нашу утробу, отымъ наша грѣхы”.* Акюла* бо тако глаголетъ». И тако разидошася съ обѣда, нарекше днь, во нъже *бесѣдуютъ* о всихъ сихъ.

Съдъ же паки Философъ с каганомъ и рече: «Азь убо есмь чьловекъ единъ въ васъ без рода и другъ. И о Бозѣ же ся стяжаемъ вси, емуже суть в руку всякая сьрдца наша. От васъ же иже суть силнѣи въ словесехъ. Бесѣдующемъ намъ, еже разумѣють — да *глаголють*, яко тако есть, а ихъже не разумѣють — да въпрашають, — и скажемъ имъ». Отвѣща же июдѣи и ркоша: «И мы держимъ въ книгахъ и слово и духъ. Скажи же намъ, которые законъ Богъ дасть чьловекомъ пьрвое: Мосѣови ли или иже вы держите?» Философъ же рече: «Сего ли ради насъ въпрашаєте, да пьрвыи законъ держите?» Отвѣща

иной придя, обнищал. И здесь породил меня. Я же, ища давней чести деда, не сумел обрести иной, ведь я Адамов внук». И ответили ему: «Достойно и правильно говоришь, гость». И после этого еще больше стали почитать его. Каган же взял чашу и сказал: «Пьем во имя Бога единого, сотворившего все». Философ же взял чашу и сказал: «Пью во славу единого Бога и Слова его, которым утверждены небеса, и животворящего Духа, в котором вся сила их состоит». И отвечал ему каган: «Все одинаково говорим. Одно только различно соблюдаем: вы Троицу славите, а мы единого Бога, постигнув (смысл) книг». Философ же сказал: «Слово и дух книги проповедуют. Если кто тебе честь воздает, а слову твоему и духу чести не воздает; другой же воздает всем трем — который из двух почтительнее?» Он же сказал: «Тот, который почитает все три». Философ же отвечал: «Поэтому и мы больше (чем вы) добровольно почитаем (Бога), приводя свидетельства и пророков слушая. Ибо Исайя сказал: „Послушай меня, Иаков Израиль, призванный мой: я есть первый, я последний“. И ныне Господь и Дух его послали меня». Иудеи же, стоя около него, сказали ему: «Скажи, как может женщина вместить Бога в чрево, на которого никто не может взглянуть, а не то что родить его?» Философ же указал перстом на кагана и на первого советника и сказал: «Если кто-нибудь скажет, что первый советник не может (достойно) принять кагана, и потом скажет, что последний раб его может принять кагана и честь ему оказать — как его назовем, скажите мне, безумным или неразумным?» Они же сказали: «И крайне безумным». Философ же сказал им: «Что достойнее всего из видимых созданий?» И ответили ему: «Человек, сотворенный по образу Божию». И вновь сказал им Философ: «Как же тогда не безумцы те, кто говорят, что не может вместиться Бог в человека? А он вместил себя и в купину, и в облако, и в бурю, и в дым, являясь Моисею и Иову. Как можно, если болеет один, исцелять другого? Ведь если род человеческий пришел к погибели, от кого может он вновь получить обновление, как не от самого Творца? Отвечайте мне, разве врач, желая наложить пластырь больному, приложит его к дереву или к камню? И выздоровеет ли человек от этого? И как Моисей говорил, (исполненный) Духа Святого в своей молитве, воздев руки: „В горе каменной и в гласе трубном не являйся нам, Господи щедрый, но вселившись в нашу утробу, возьми наши грехи“. Акилла так говорит». И так разошлись с обеда, назначив день, в который будут беседовать обо всем этом.

Сел же вновь Философ с каганом и сказал: «Я — один человек среди вас без родственников и друзей. И все мы рассуждаем о Боге, в руках которого все сердца наши. От вас же те, кто сильнее в словах. Когда мы будем беседовать, то, что они поймут — пусть скажут, что это так, а то, чего не поймут — пусть спросят, — скажем им». Отвечали же иудеи и сказали: «И мы следуем в книгах и слову и духу. Скажи же нам, какой закон Бог сначала дал людям: Моисеев или тот, которому вы следуете?» Философ же сказал: «Потому ли вы спрашиваете, что первому закону следуете?» Отвечали они: «Да. Первый и подобает».

они: «Еи. Първыи бо и достоинъ». И рече Философъ: «То аще хочете първыи законъ держати, то от обрѣзання уклонитесь отинудъ». Ркоша же они: «Цто ради сице глаголеши?» Философъ же рече: «Скажите ми, убо не потаяще, въ обрѣзании ли есть първыи законъ данъ или въ необрѣзаны?» Отвѣщаша они: «Мнимъ, въ обрѣзании». Философъ же рече: «Не Ноеви ли Богъ дасть законъ първѣе по заповѣдании отпадении Адамовѣ, завѣтъ нарѣчая законъ? Рече же бо к нему: „Се азъ въздвигну завѣтъ мой с тобою и съ сѣменемъ твоимъ и со всею землею. Тремя заповѣдьми държимъ: все ядите зеліе травное и елико на небесѣ и елико на землѣ и елико на водахъ, развѣ мяса в крови душа его не ядите. И иже прольеть кровь чловецу, да прольется своя ему в того мѣсто”.* Цто глаголете противу сему, първыи законъ рекѣше держати?» Июдѣи же к нему отвѣщаша: «Първыи законъ Мосѣвовъ държимъ. Сего же нѣсть нареклъ Богъ закона, нѣ завѣтъ, яко и первое заповѣдь къ чловеку в Раи. И къ Авраму инако обрѣзание, а не законъ. Ино бо есть законъ, ино же завѣтъ. Различно бо есть творецъ нареклъ обое». Философъ же отвѣща к нимъ: «Азъ о семъ скажу сице, яко законъ ся нарѣчаетъ и завѣтъ. Господь бо глагола ко Авраму: „Даю законъ мой въ плоть вашу, — еже и знамение нарече, — яко будетъ межю мною и тобою”.* Тоже къ Иеремии паки въпиеть: „Послуши же завѣта сего и възглаголеши бо, рече, къ мужемъ Июдовимъ, живущимъ въ Ерусалимѣ. И речеши к нимъ: Тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: проклятъ чловекъ, иже не послушаетъ словесъ завѣта сего, иже заповѣдахъ отчемъ вашимъ въ день, въ нже изведохъ я и-земля Егупетскы”.* Отвѣщаша июдѣи къ сему: «Тако и мы държимъ, яко законъ наричається и завѣтъ. Елико же ся ихъ держа по законъ Мосѣвовъ, вси Богу угодиша. И мы държимся по нь и надѣмся такоже быти. А вы въздвигѣше инъ законъ, попираете Божии законъ». Философъ же рече к нимъ: «Добрѣ дѣемъ. Аще бо бы и Аврамъ не ялься по обрѣзание, но держалъ Ноевъ завѣтъ, не бы ся Божии другъ нареклъ; ни Моисѣ же послѣди паки написавъ законъ, перваго не держа. Такоже и мы по сихъ образу ходимъ и, от Бога законъ приемше, държимъ, да Божия заповѣдь тверда прѣбываетъ. Давъ бо Ноеви законъ, не сказа ему, яко другыи имамъ ему дати, нѣ въ вѣкы прѣбывающе въ души живу. Ни паки Авраму обѣтования давъ, не възвѣсти ему, яко и другыи имѣю дати Мосѣови. То како вы держите законъ? И Богъ *Иезекиилемъ* въпиеть, яко: „Прѣставлю и инъ вам дамъ”.* И Еремия бо рече: „Явѣ се дѣние грядуть, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Июдову и дому Изралеву завѣтъ новъ. Не по завѣту, иже завѣсвахъ отчемъ вашимъ *въ дѣнь, въ нже* приемшу ми руку ихъ извести я и-земля Егупетскыя, яко ти не прѣбыша в завѣтъ моему.* И азъ възненавидѣхъ я. Яко се завѣтъ мой, иже завѣщаю дому Изралеву по дѣнех онѣхъ, рече Господь: даю законы моя въ помышления ихъ и на сѣрдцѣхъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Богъ, и ти будутъ мнѣ в люди”.* И паки тѣ же Еремѣя рече: „Тако глаголетъ Господь Вседержитель: станете на путехъ и видите, и въпросите на стеза Господня правыя и

И сказал Философ: «Но если вы хотите следовать первому закону, то должны совершенно отказаться от обрезания». И сказали они: «Чего ради так говоришь?» Философ же сказал: «Скажите мне, не скрывая, в обрезании ли заключен первый закон или в необрезании?» Отвечали они: «Думаем, что в обрезании». Философ же сказал: «Не Ною ли Бог дал закон впервые после заповеди (при) отвержении Адама, заветом называя закон? Ведь сказал же ему Бог: „Вот я поставлю завет мой с тобой и с потомками твоими и со всею землею. Три заповеди соблюдайте: ешьте всю зелень травную и то, что в небе, и то, что на земле, и то, что в водах, только мяса с кровью, с душою его не ешьте. И кто прольет человеческую кровь, прольет и свою кровь за нее“. Что скажете против этого, говоря, что первый закон (надо) соблюдать?» Иудеи же ответили ему: «Придерживаемся первого закона Моисеева. А тот не назвал Бог законом, но заветом, как и первую заповедь человеку в Раю. И (заповедь) Аврааму (названа) иначе: обрезание, а не закон. Ведь закон есть одно, завет же другое. По-разному ведь Творец назвал оба». Философ же отвечал им: «Об этом я скажу так, что закон называется и заветом. Ибо сказал Господь Аврааму: „Даю закон мой на теле вашем, — который и знамением назвал, — который будет между мной и тобой“. И также к Иеремии вновь воззвал: „Слушай слова завета сего и скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима. И скажи им: Так говорит Господь Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета сего, который я заповедал отцам вашим, когда вывел их из земли Египетской“». Отвечали иудеи на это: «Так и мы считаем, что закон называется и заветом. Все, кто соблюдал их и закон Моисеев, все Богу угодили. И мы придерживаемся его и тоже надеемся (угодить Богу). А вы, создав другой закон, попираете закон Божий». Философ же сказал им: «Правильно поступаем. Если бы Авраам не сделал обрезание, а соблюдал Ноев закон, то не был бы назван другом Божиим; ни Моисей, после того как написал закон вновь, первого не соблюдал. Так и мы их примеру следуем и, приняв закон от Бога, соблюдаем его, чтобы Божья заповедь сохранялась твердо. Ведь дав Ною закон, Бог не сказал ему, что потом другой даст, но что этот будет пребывать во веки во (всякой) живой душе. И так же дав обет Аврааму, не возвестил ему, что другой даст Моисею. Так как же вы соблюдаете закон? И Бог (устами) Иезекииля возглашает: „Один уничтожу (закон) и другой вам дам“. И Иеремия говорит: „Вот наступают дни, говорит Господь, когда я заключу с домом Иуды и с домом Израиля новый завет. Не такой завет, какой я заключил с отцами вашими, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, тот завет мой они нарушили. И я возненавидел их. Но вот завет мой, который я заключу с домом Израилевым после тех дней, сказал Господь: вложу законы мои в помышления их и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом“. И еще тот же Иеремия сказал: „Так говорит Господь Вседержитель: остановитесь на путях и рассмотрите, и расспросите о путях Господних правых и вечных, и увидите,

вѣчныя, и видите, которыи путь истинныи, и ходите по нему, и обрящете очищение душамъ вашимъ. И рѣша: не идемъ. Поставихъ въ васъ блюстителя: послушайте гласа трубы. И рѣша: не послушаемъ. Сего ради услышать языци, пасущей стада в нихъ. И тогда слыши земле: се азъ навожю на люди си зло, плодъ отвращения ихъ, зане словесъ пророкъ моихъ не вняша и законъ отринуша".* Не токмо же сими едиными скажу, яко законъ престаеъ, но инѣми многими винами, от пророкъ явѣ». Отвѣщаша к нему иудѣи: «Всякъ жидовинъ се вѣсть воистину, яко будетъ тако. Нѣ не уже время пришло естъ о помазанѣмъ». Философъ же рече къ нимъ: «Что си предлагаете, видяще, яко и Ерусалимъ скрушенъ естъ, жертвы престалы суть, и все ся естъ сбыло, еже суть пророци прорекли о васъ? Малахия бо явѣ вопиеть: „Нѣсть моя воля въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы от рукъ ваших не приемлю. Зане от вѣстокъ солнца и до запада имя мое славится в языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ темьянъ приноситься имени моему и жертва чиста, зане велико имя мое въ языцѣхъ, глаголетъ Господь Вседержитель"». * Они же отвѣщаша: «Се, еже глаголеши. Все языци хотять быти благословени у нас и обрѣзании въ градѣ Ерусалимѣстѣ». Рече же Философъ: «Тако Моисѣи глаголетъ: „Аще послушающе, послушаетъ по всему хранити законъ, будутъ придѣли ваша от моря Черьмнаго до моря Филистимьска, и от пустыня до рѣкы Ефранта"». * А мы языци, о немже о сѣмени Аврамли благословимся, и от Есѣова корене ишедшим и чаянии языкъ нареченъ и свѣтъ всея земля и всѣхъ островъ, славою Божию просвѣщенъ, не по тому закону, ни мѣсту. Пророци велми въпиють. Рече бо Захария: „Радуися зѣло, дѣщи Сионова! Се цесарь твой грядеть кротокъ, всѣдъ на жрѣбець осель, сынъ яремничъ. И паки потрѣбитъ оружие от Ефрѣма, и конь от Ерусалима, изъглаголетъ миръ языкомъ, и власть его от край земля до конца вселения". * Ияковъ же рече: „Не оскудѣеть князь от Июды, ни игуменъ от стегну его, дондеже придетъ емуже ся щадить", * — и тѣ чаяние языкомъ. Си вся видяще скончана и свѣршена, кого иного ждѣте? Даниль бо рече, от ангела наученъ: „70 недель до Христа игумена, еже естъ четыриста и девять десять лѣтъ запечатлѣти видѣние и пророчество". * Кое же ли вы ся мнить желѣзное царство, * еже Даниль мнить во иконѣ?» Отвѣщаша они: «Римское». Философъ же въпроси я: «Камень, уторгыися от горы без рукъ чьловечьскъ, * кто естъ?» Отвѣщаша они: «Помазаныи». Паки же ркоша: «То аще сего сказаемъ пророки и инѣми вещьми уже пришедша, якоже глаголеши, како римское царство доселѣ держитъ царство?» Отвѣща Философъ: «Не держитъ уже, мимошло бо естъ, яко и прочая по образу иконьному. Наше бо царство нѣсть римско, нѣ Христово. Якоже рече пророкъ: „Въздвигнетъ Богъ небесныи царство, еже въ вѣкы не истлѣеть, и цесарство его людемъ инѣмъ не оставиться, истънитъ и извѣеть вся царства, и тѣ станеть въ вѣкы"». * Не крѣстьяньско ли естъ царство нынѣ Христовымъ именемъ нарѣчаемо, а римлянѣ идолѣхъ прилежаху. Сии же ово от сего, ово от иного языка и племени въ Христово имя

какой путь истинный, и идите по нему, и найдете очищение душам вашим. И сказали: не пойдем. И поставил я стражей над вами, (сказав): слушайте звука трубы. И сказали: не послушаем. Поэтому услышат народы, пасущие стада в них. И тогда слушай земля: вот, я наведу на народ сей пагубу, плод отвращения их, ибо они словам пророков моих не вняли и закон отвергли». И не только этими одними (примерами) покажу, что закон изменяется, но и другими явными доводами от пророков». Отвечали ему иудеи: «Всякий иудей знает воистину, что будет так. Но не пришло еще время для Мессии». Философ же сказал им: «Что себе представляете, видя, что и Иерусалим разрушен, жертвоприношения прекратились, и все сбылось, что прорекли пророки о вас? Ведь Малахия открыто восклицает: „Нет моей воли в вас, говорит Господь Вседержитель, и жертвы из рук ваших не приемлю. Ибо от востока солнца и до запада имя мое славится народами, и на всяком месте приносится фимиам имени моему, жертва чистая, потому что велико имя мое между народами, говорит Господь Вседержитель”». Они же отвечали: «Правильно говоришь. Все народы хотят быть благословленными от нас и обрезанными в городе Иерусалиме». Сказал же Философ: «Так говорит Моисей: „Если вы будете соблюдать закон, будут земли ваши от моря Черного до моря Филистимского и от пустыни до реки Ефрата”. А мы, (иные) народы, от того благословимся из семени Авраамова, (кто) от корня Иессеева вышел и назван надеждою народов, и светом всей земли и всех островов, и славою Божиею просвещены не по тому закону, и не в том месте. Пророки громко возглашают. Ведь сказал Захария: „Ликуй, дочь Сиона! Се цесарь твой грядет кроткий, сидящий на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истребит оружие Ефрема и коней в Иерусалиме, возвестит мир народам, и владычество его будет от края земли до конца вселенной”. Иаков же сказал: „Не прекратится князь от (рода) Иуды, ни игумен от чресл его до тех пор, пока не придет тот, кому предназначено”, — и он надежда народов. Все это видя оконченным и свершившимся, кого другого ждете? Ведь сказал Даниил, наставленный ангелом: „Семьдесят недель до Христа игумена, что составляет чтыреста девяносто лет, (на которые) запретятся видения и пророчества”. Чье вы думаете железное царство, которое Даниил представляет в видении?» Отвечали они: «Римское». Философ же спросил их: «Камень, оторвавшийся от горы без рук человеческих, кто есть?» Отвечали они: «Мессия». И вновь они сказали: «Но если тот, о котором говорят пророки и другие доводы, уже пришел, как ты говоришь, то как же римское царство властвует до сих пор?» Отвечал Философ: «Не властвует уже, миновало оно, как и другие (царства), явленные в видении. Наше же царство не римское, а Христово. Как сказал пророк: „Воздвигнет Бог небесный царство, которое в веки не разрушится, и владычество его не достанется другому народу, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно”. Не христианское ли царство ныне именем Христа называется, а (ведь) римляне поклонялись идолам. Эти же один от одного, а другой от

царствуют, якоже пророкъ Исаия, являя, глаголя къ вамъ: „Остависте имя ваше в сытость избраннымъ моимъ; вас же избьетъ Господь, а работающѣи ему наречется имя ново, еже благословено будетъ по всей землѣ, благословявъ бо Бога истиннаго, и кленущиися на землѣ — кленутся Богомъ небеснымъ”.* Не свѣршило ли ся все пророческое проречение? Уже явѣ реченая о Христвѣ. Исаия бо съкажаетъ рождество его от дѣвы, глаголя сице: „Се, дѣва въ чревѣ приметъ и родить сынъ, и наркутъ имя ему Еммануиль, еже есть сказаемо: с нами Богъ”.* А Михѣя рече: „И ты, Вифлеоме, земле Иудова, никакоже менши бываи въ владыкахъ Иудовахъ, и ис тебе бо ми изидеть игумень, иже упасеть люди моя Израиля, исходи его искони от дѣнии вѣка. Сего ради дасть я до времени ражающая и родити”.* Иеремия же: „Въпросите и видите, аще родитъ мужескъ полъ? Яко великъ дѣнь тѣ, якоже не бысть инъ; и лѣто тѣсно будетъ Иякову, и от сего спасется”.* И Исаия рече: „Преже даже болящия не роди, и преже даже не приде рождество, болезни избѣжа, и роди мужескъ полъ”.* Паки же иудѣи рѣша: «Мы есмь от Сима благословенное сѣмя, благословени отцемъ нашимъ Ноємъ, вы же нѣсте». Сказавъ же имъ о семъ и рече: «Благословение отца вашего мно ничтоже нѣсть, токмо хвала Богу, оного же ничтоже убо не идетъ. Се убо есть: „Благословенъ Господь Богъ Симовъ”,* а къ Афету глагола, от негоже мы есмь: „Да распространитъ Богъ Иафета, да ся вселитъ в села Симова”.* И от пророкъ же и от инѣхъ книгъ сказая, не остави ихъ, дондоже сами рѣша, яко: «Тако есть, якоже глаголеши». Ркоша же паки: «Како вы, имуще упование на чловека и творитесь благословени быти, а кнѣи проклинають таковаго?» Отвѣща Философъ: «То проклять ли есть Давидъ или благословенъ?» Рекоша же они: «И зѣло благословенъ». Философъ же рече: «То и мы на того уповаемъ, на негоже и онъ. Рече бо въ псалмехъ: „Ибо чловекъ мира моего, на нѣже уповахъ”.* Чловекъ же то есть Христовъ Богъ. А иже уповаеть на простъ чловекъ, то мы и того проклята творимъ».

Паки же ину притцю предложиша, глаголюще: «Како вы крѣстьянѣ обрѣзание отместете, а Христу не отвергшю его, нѣ по закону скончавшю?» Отвѣща Философъ: «Иже бо рече пѣрвие къ Авраму: „Се буди знамение межю тобою и мною”,* — тѣ и свершити е пришедь. И от того державше до сего. А прочее не дасть ему мимоити, нѣ крѣщение намъ подасть». Ркоша же они: «Тѣ что ради инии пѣрвѣи угодиша Богу, того знаменія не примше, нѣ Аврамле». Отвѣща Философъ: «Никоторыиже бо от тѣхъ является двѣ женѣ имѣвъ, нѣ токмо Аврамъ. И сего ради уда того урѣзаемъ, предѣлъ дая не преступати его дале, нѣ по первому сверстѣю Адамову образъ дая прочимъ во тѣ ходити. Иякову бо такоже створи: утерплъ жилу стегна его,* зане чѣтыри жены поять. Разумѣвъше же вину, еяже ради то ему створи, нарече имя ему Израиль, сирѣчь „умомъ зря Бога”.* К тому бо не является примешся к женѣ. Аврамъ же того не разумѣ». Паки же въпросиша и иудѣи: «Како вы идоломъ ся кланяюще,

другого народа и племени царствуют во имя Христа, как пророк Исая, свидетельствуя, говорил вам: „И оставьте имя ваше избранным моим в насыщение; и убьет вас Господь, а рабов своих назовет именем новым, которое благословенно будет по всей земле, ибо благословят Бога истинного, и кто будет клясться на земле — будет клясться Богом небесным”. Не сбылось ли все пророческое предсказание? Уже сбылось сказанное о Христе. Ибо Исая извещает о рождении его от девы, говоря так: „Вот, дева во чреве примет, и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог”. А Михей говорит: „И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ мой Израиля и которого происхождение от начала, от дней вечных. Посему он оставит их до времени, доколе рождающая его не родит”. Иеремия же: „Спросите и рассудите, рождает ли мужчина? Велик тот день, не было подобного ему; это тяжкое время для Иакова, но он будет спасен от него”. А Исая сказал: „Еще не мучилась родами, прежде нежели наступили боли ее, избавилась от боли и родила сына”». И вновь сказали иудеи: «Мы от Сима благословенное потомство, благословлены отцом нашим Ноем, вы же нет». И ответил им на это, сказав: «Благословение отца вашего не что иное, как только хвала Богу, ведь ничего вам от этого не будет. Ведь это (слова): „Благословен Господь Бог Симов”, а Иафету, от которого мы произошли, сказано: „Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в селениях Симовых”». И приводя (доказательства) из пророческих и других книг, не отпустил их, пока они сами не сказали: «Так и есть, как ты говоришь». И вновь сказали они: «Как вы, уповая на смертного человека, думаете быть благословенными, если Писание проклинает такого?» Отвечал Философ: «Тогда проклят ли Давид или же благословен?» И ответили они: «Даже много благословен». Философ же сказал: «И мы так же на того уповаем, на кого и он. Ибо сказал он в псалмах: „Человек мира моего, на него же я уповал”. И этот человек есть Христос Бог. А того, кто уповает на обычного человека, и мы проклинаем».

И вновь иной пример предложили ему, говоря: «Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, а Христос не отверг его, но по закону совершил?» Отвечал Философ: «Так как было сказано вначале Аврааму: „Вот знамение между мною и тобою”, — то и завершить его пришел. И от (Авраама) соблюдали (завет) до (Христа). А далее (Бог) не дал ему продлиться, но крещение нам заповедал». И сказали они: «Тогда почему другие, бывшие раньше и угодившие Богу, не получили этого знамения, но лишь Авраамово?» Отвечал Философ: «Никто из них не имел двух жен, но только Авраам. И потому обрезана была ему крайняя плоть, чтобы, установив предел, не преступать его, но, первым браком Адама дав пример, остальным следовать ему. И с Иаковом поступил так же: повредил жилу бедра его, так как он имел четырех жен. Когда же (Иаков) понял причину, по которой совершено с ним это, нарек (Бог) имя ему Израиль, то есть „умом видящий Бога”. И после этого не говорилось, что он прикоснулся к женщине.

творитесь Богу угажати?» Отвѣща Философъ: «Первое ся научите раздѣляти имена, что есть икона и что есть идолъ. И тако смотряще, не поступайте на крестьяны. Десять бо именъ въ вашемъ языцѣ о семь образѣ лежить. Въпрошу же вы и азъ. Образъ ли скиния, юже видѣ въ горѣ Моиси и изнесе, или образъ образа художествомъ сдѣла, прикладомъ образъ, клины, и усмы, и серестьми, и хѣровимы изрядны.* Понеже бо тако створи, наречемъ ли вы того ради дрѣву, и усъмомъ, и серьстемъ чѣсть творити и кланятися, а не Богу, давъшюму в то время так образъ? Также и о Соломонѣ церкви, понеже иконы хѣровимьскы и ангельскы и инѣхъ многы образы имяше. Также убо и мы крѣстьяне, *угожьших* Богу творяще образъ, и чѣсть дѣемъ, отдѣляюще доброе от дѣмоньскыхъ образъ. Хулять бо книги жрущая сыны своя и дщери своя и гнѣвъ Божию проповѣдають; также другыя хвалять, жрущая сыны своя и дщери». Ркоша же паки иудѣи: «Како вы свинину и заячину ядуше, не противитесь Богу?» Отвѣща же к нимъ: «Первому завѣту заповѣдающа вся снѣсте, яко зелье травное: вся бо чистая чистымъ суть; а сквернымъ и свѣсть ся осквернила.* И Богъ бо въ твари глаголетъ: „Се вся добра зѣло”,* — вашего ради лакомства мало и етеро от нихъ отгъять. „Снѣсте бо, — рече, — Ияковъ и насытися, и отвержеся възлюбленыи”.* И паки: „Сѣдоша людие ясти и пити, вѣсташа играть”.*

От многа же мы се украчьше в малѣ положихомъ селико памяти ради. А иже хочеть свершенихъ бесѣдъ сихъ и святыхъ искати въ книгахъ его, обрящеть я, еже прѣложи учитель наш архиепископъ Мефодий, раздѣли е на *осмь* словесъ.* И ту узритъ словесную силу от Божия благодѣти, яко и пламень полящъ на противныя.

Си же вся каганъ козарскъ съ началными мужи добрая и подобная его слышавше словеса, ркоша к нему: «Богомъ еси посланъ сѣмо на създание наше и вся книги от него умѣши. Все еси по чину глаголашь, досыти наслажь вся ны медвенныя сладости словесы святыхъ книгъ. Нѣ мы есмъ некнижна чада, сему же вѣру имемъ, яко тако есть от Бога. Паче же аще хоцещи покой обрѣсти душамъ нашимъ, всяко исправль притѣчами, скажи намъ по чину, егоже у тебе въпрашаемъ». Также ся разидоша почитать.

Въ другыи же днь сбравшеся, ркоша ему, глаголюще: «Скажи намъ, чѣстныи мужу, притѣчами умошь вѣру, якоже есть лучши всѣхъ». И отвѣща имъ Философъ: «Дѣва мальжена бѣста у царя етера въ чѣсти велицѣ и любима зѣло. Съгрѣшьшема же има, изгнавъ я от земля посла.* Живущема же многа лѣтъ тамо, дѣти створиста в нищеть. Сбирающе же ся дѣти к собѣ, совѣтъ творяху, кымъ ся бы путемъ паки вмѣстити в пьрвыи чинъ. Овъ же ихъ сиче глагола, а другыи инако, а другыи другояко. Совѣтъ дѣяху, которому совѣту убо достоинъ быти, не добрѣишуму ли?» Ркоша же они: «Что ради сиче

Авраам же этого не понял». И вновь спросили иудеи: «Как вы, поклоняясь идолам, полагаете угодить Богу?» Отвечал Философ: «Сначала научитесь различать понятия, что есть икона, а что идол. И узрев это, не нападайте на христиан. Ибо десять имен существует в вашем языке для такого изображения. Спрошу же вас и я. *⟨Не⟩* образ ли скиния, которую видел на горе Моисей и вынес ее, или не изображение ли образа сотворил он художеством, образ по этому подобию, замечательный *⟨мастерством⟩* резьбы и кожевенным и шерстоткацким, и *⟨изваяниями⟩* херувимов. И если он создал такое, то скажем ли, что вы дереву, и козам, и тканям воздаете почести и поклоняетесь, а не Богу, давшему *⟨вам⟩* в то время такой образ? То же *⟨можно сказать⟩* и о храме Соломоновом, поскольку в нем были подобия херувимов и ангелов и много иных изображений. Так и мы, христиане, создаем подобие угодивших Богу и воздаем им честь, отделяя доброе от изображений демонов. Ведь Писание порицает приносящих в жертву сыновей своих и дочерей своих и возвещает о гневе Божиим, *⟨но⟩* также восхваляет других, жертвующих сыновей своих и дочерей». И вновь сказали иудеи: «Разве вы, поедая свинину и зайчатину, не противитесь Богу?» И ответил им: «Первый завет заповедал все есть как травную зелень: для чистых все чисто; а оскверненным и совесть осквернена. Ведь и Бог о создании *⟨своем⟩* говорит: „Вот, все хорошо весьма“, *⟨но⟩* из-за вашей алчности нечто малое из них изъял. „И питался, — говорит, — Иаков и насытился и оставил возлюбленного *⟨Бога⟩*“. И еще: „Сел народ есть и пить и встал играть”».

От многого мы, сократив это, небольшое написали здесь для памяти. А тот, кто хочет полных и святых этих бесед искать в его книгах, найдет их в переложении учителя нашего Мефодия, разделившего их на восемь слов. И увидит там силу слова от Божией благодати, как огонь, пылающий на противников.

Хазарский же каган с мужами начальствующими, выслушав все эти хорошие и достойные слова, сказал ему: «Богом ты послан сюда для назидания нам и все Писание с его помощью знаешь. Все ты рассказал должным образом, досыта усладив нас медовой сладостью словес святых книг. Но мы люди некнижные, верим тому, что так установлено от Бога. Но если хочешь еще более успокоить души наши, то, изложив все примерами, расскажи нам, как должно о том, что мы у тебя спрашиваем». И так разошлись почивать.

Собравшись на другой день, сказали ему так: «Укажи нам, честный муж, на примерах и с рассуждением веру, которая лучше всех». И отвечал им Философ: «Двое супругов были у некоего царя в великой чести и весьма любимы им. Когда же они согрешили, изгнал их, отослав из своей земли в другую. Прожив там много лет, в нищете породили детей. И собравшись, дети держали совет, каким бы путем вернуться вновь в прежнее достоинство. И один из них говорил так, а другой — иначе, а третий — по-иному. Держали совет, какому решению надо следовать, не лучшему ли?» И сказали они: «Зачем ты говоришь

глаголеши? Свои бо каждо съвѣтъ добръи творить иного. Июдѣи бо свои добръи творять *и срацини такожде, и вы такожде*, а инѣи инѣ. Скажи же, который разумеемъ добръи от сихъ?» Рече же Философъ: «Огнь искушаеть злато и сребро, а чьовекъ лжю умомъ отсѣкаеть от истины. Рьцѣте же ми, отчего бысть первое отпадение, не от видѣния ли и плода сладкаго и похоти на божество?» Они же ркоша: «Тако есть». Философъ же рече: «Тъ аще кому будетъ пакость, медь ядышу ли студену воду пивше, пришедъ же врачъ глаголетъ ему: „И еще многоъ медъ ѣдъ, ицѣлъѣши“; а иже будетъ воду пиль, тому глаголетъ: „Студеня воды напивься, нагъ на мразѣ ставъ, ицѣлъѣши“. Други же врачъ не тако глаголетъ, нъ противно врачество заповѣдаеть: въ меду мѣсто горкое пиуще, поститися, а въ студенаго мѣсто теплое, грѣющеся. Котори убо от обою хытрѣе врачюеть?» Отвѣщаша вси: «Иже противная врачества заповѣдаеть. Горестью бо жития сего похотную сласть достоить умертвити и смиреннемъ гордость, противнымъ противная врачююще. И мы бо глаголемъ, яко дрѣво, еже първое тернь створить, то послѣди сладокъ плодъ приплодить». Паки же отвѣща Философъ: «Добръ рекосте. Христовъ бо законъ остроу являеть Божия жития, потомъ же въ вѣчных жилищихъ 100-кратицею плодъ приноситъ».

Единъ же от нихъ свѣтникъ, срациньску злобу всю добръ вѣдыи, въпроси Философа: «Рци ми, гости, како вы Махъмета не держите? Тъ бо есть велми Христа похвалиль въ своихъ книгахъ, глаголя, яко от девы ся родиль, сестры Моисѣовы, пророкъ велии: мертвыя въскрѣшалъ и всяку язю ицѣлилъ силою великою».* Отвѣща Философъ к нему: «Да судить нас каганъ. Глаголи же, аще пророкъ есть Махъметъ, како имемъ Данилу вѣру? Онъ бо рече: „До Христа всяко видѣние и пророчество прѣстанеть“.* Съ же по Христе являеся, како можетъ пророкъ быти? Аще бо того пророка наречемъ, то Данила отвержемъ». Рекоша же мнозѣ от нихъ: «Даниль, еже есть глаголалъ, Божиємъ духомъ есть глаголалъ, а Махмета же вси вѣмъ, яко ложь есть и пагубникъ спасению всѣхъ, иже есть добръишая бляди своя на злобу и студодѣяние избляль». Рече же първыи свѣтникъ от нихъ къ приятелемъ жидовьскимъ: «Божию помощию гость сии всю гордыню срациньскую съверже на землю, а вашу на онъ полъ прѣверже яко сѣкверну». Рекоша же къ всѣмъ людемъ: «Яко же есть далъ Богъ власть надъ всѣми языки цесарю крѣстьяньску и мудрость свѣршени, тако и вѣру в них. И кромѣ ея никтоже не можетъ живота вѣчнаго жити. Богу же слава въ вѣкы». И рекоша вси: «Аминь».

И рече Философъ къ всѣмъ съ слезами: «Братье и отци, и друзи, и чада! Се Богъ дасть всякъ разумъ и отвѣтъ достоинъ. Аще ли есть и еще кѣто противяся, да придетъ и прѣприть или прѣпърѣнъ будетъ. Иже послушаеть сего, да ся крѣститъ во имя Святыя Троица. Иже ли не хоцеть, азъ кромѣ есмь всякого грѣха, а онъ узритъ въ днь судныи, егда сядетъ судиа ветхыи дньми* судити всѣмъ языкомъ». Отвѣщаша они: «Нѣсмъ мы собѣ вразѣ. Нъ помалу, иже

это? Ведь каждый свой совет считает лучше других. Иудеи свой лучшим считают, и сарацины тоже, и вы тоже, а иные — другой. Скажи, который мы должны считать лучшим из них?» И сказал Философ: «Золото и серебро испытываются огнем, а человек разумом отсекает ложь от истины. Скажите мне, отчего случилось первое грехопадение, не от зренья ли и сладкого плода, и желания быть божеством?» Они же сказали: «Так и есть». Философ же сказал: «Если кто заболает, поев меда или выпив холодной воды, и придет врач и скажет ему: „И еще много меда съев, исцелишься“; а тому, кто пил воду, скажет: „Холодной воды напившись, нагим на морозе постояв, исцелишься“. Другой же врач не так укажет, но назначит противоположное: вместо меда горькое пить и поститься, а вместо холодного теплое, греясь. Кто же из двоих искуснее лечит?» Отвечали все: «Кто назначает противоположное лечение. Ибо горестью этой жизни следует умертвить сладость похоти, а гордость смирением, излечивая противоположное противоположным. И мы говорим, что дерево, которое сначала произрастит шипы, затем принесет сладкий плод». И снова отвечал Философ: «Хорошо сказали. Ведь Христов закон являет всем суровость жизни, угодной Богу, потом же в вечных жилищах стократно приносит плод».

Один же из тех собравшихся, хорошо сведущий во всем сарацинском лукавстве, спросил Философа: «Скажи мне, гость, почему вы не признаете Магомета? Ведь он много восхвалял Христа в своих книгах, говоря, что от девы родился, сестры Моисея, великий пророк: мертвых воскрешал и любую болезнь исцелял силой своей великой». Отвечал Философ ему: «Пусть рассудит нас каган. И скажи, если Магомет пророк, то как поверим Даниилу? Ведь тот сказал: „Перед Христом все видения и пророчества прекратятся“. Этот же, после Христа явившись, как может пророком быть? Если его пророком назовем, то Даниила отвергнем». И сказали многие из них: «То, что сказал Даниил, говорил по божественному вдохновению, а о Магомете все мы знаем, что он обманщик и губитель всеобщего спасения, который свою сильнейшую ересь сочинил для зла и постыдных деяний». И сказал первый советник старейшинам иудеев: «С Божьей помощью гость всю гордыню сарацинскую поверг на землю, а вашу на ту сторону отбросил как скверну». И сказали всем людям: «Как дал Бог власть над всеми народами и мудрость совершенную цесарю христианскому, так же и веру для них. И без нее никто не может вечной жизнью жить. Богу же слава в веках». И сказали все: «Аминь».

И сказал Философ всем со слезами: «Братья и отцы, и друзья, и чада! Это Бог дает все понимание и достойный ответ. Если же есть еще кто-нибудь, противящийся, пусть придет и победит в споре или побежден будет. Кто согласен с этим, да крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочет, то нет никакого моего греха, а он свой увидит в день судный, когда сядет Ветхий Днями судить все народы». Отвечали они: «Не враги мы себе. Но постепенно,

можетъ, тако велимъ, да ся кръститъ волею, иже хочеть, от сего дњи. А иже от васъ на западъ кланяется ли жидовьскы молитвы творить, ли срачиньску вѣру держитъ — скоро съмърть приметъ от насъ». И тако разидошася с радостью.

Кръсти же ся от сихъ до 200 чади, отвергъшеся мерзости поганьскыхъ и женитвъ незаконныхъ. Написа же къ цесарю книги каганъ сиче: «Послалъ еси, владыко, мужа такого, иже ны сказа кръстьянску вѣру, словомъ и вещьми Святую Троицу. И увѣдѣхомъ, яко то есть истая вѣра, и повелехомъ кръститися своею волею. Надѣюшеся и мы dospѣти того же. Есме же мы вси друзи и приятельъ твоему царству и готови на службу твою, яможе хощеша».

Проважая же Философа, каганъ нача ему дары многы даяти. И не приять их, глаголя: «Даже ми, елико имаеша плененыхъ грекъ сдѣ. То ми есть боле всѣхъ даровъ». Сбравше же ихъ до двюдесяту и вдаша ему. И иде, радуяся, на путь свои.

Дошедше же безводныхъ мѣсть пусть, жяжѣ не можаху терпѣти. Обрѣтъше же въ слотинѣ водицу, не можаху от нея пити, бяше бо яко золчь. Рашедъшемъ же ся имъ всѣмъ искать воды, и рече к Мефодью, брату своему: «Не терплю уже жажѣ, да почерпи убо водѣ сея. Иже бо пьрвие прѣложи израилтомъ горкую воду въ сладкую,* тѣи иматъ и намъ утѣху створити». Почерпъше же, обрѣтоста ю сладку, яко и медвену, и студену. Пивша же, прослависта Бога, творящаго таковая своимъ рабомъ.

Въ Корсунѣ же вечеряя съ архиепископомъ, рече Философъ к нему: «Створи ми, отце, молитву, яко же ми бѣ отецъ мои створилъ». Въпрошьшемъ же етеромъ особъ, что ради се створи, отвѣща Философъ: «Въистину от насъ отъидеть утро къ Господу, оставле ны». Еже и бысть словесъ ся събывшу.

Бяше же в Фульстѣ языкъ* дубъ великъ, срослься съ чрешнею, подъ нимъ требы дѣяху, нарѣчающе именемъ Александръ.* Женьску полу не дающе приступати к нему, ни къ трѣбамъ. Услышавъ же то, Философъ не лѣнися трудити до нихъ. Ставъ посредь ихъ и рече к нимъ: «*Елини* суть въ вѣчную муку шли, кланявшеся небу и земли яко богу, такои велицѣи, добрѣи твари. То же и вы, иже ся дрѣву кланяете, худѣи вещи, еже есть готово на огонь, како имате избыти вѣчнаго огня?» Отвѣщаша они: «Мы сего нѣсмь начали нынѣ творити, нѣ от отецъ есмь приалѣ. И от того обрѣтаемъ вся прошения наша: дожгъ же *наипаче* найдеть много. И како мы се створимъ, егоже нѣсть дързнулъ никтоже створити от насъ. Аще бо и дерзнетъ кто створити се, тѣгда же смърть узритъ, и не имамъ к тому дожгя видѣти до концины». Отвѣща к нимъ Философъ: «Богъ о васъ въ книгахъ глаголетъ, а вы како ся его отмещете? Исаия бо от лица Господня вопиеть, глаголя: „Гряду азъ събрати вся племена и языки, и придуть и узрять славу мою. И поставлю на нихъ знамение и пошлю от нихъ спасенныя въ языки: в Тарсисъ и Фуль, и Лудъ, и Мосохъ, и Тевель, и въ Еладу и въ острова далняя, иже не суть слышали моего имени, и възвѣстятъ

тем, кто может, так повелеваем: пусть крестится по желанию, если хочет, начиная с этого дня. А тот из вас, кто молится на запад или совершает моление, как евреи, или сарацинской веры придерживается — скоро смерть примут от нас». И так разошлись с радостью.

И крестилось от них до 200 человек, отвергнув языческие мерзости и незаконные браки. И написал к цесарю каган такое письмо: «Послал ты, владыка, такого человека, который объяснил нам христианскую веру, в словах и деяниях Святую Троицу. И поняли мы, что это истинная вера, и повелили креститься по своему желанию. Надеемся, что и мы придем к тому же. Мы же все твои друзья и сторонники твоего царства и готовы служить тебе, где захочешь».

Провожая же Философа, начал каган многие дары давать ему. И не принял их, сказав: «Отдай мне пленных греков, сколько здесь имеешь. Это для меня дороже всех даров». И собрали их до двух десятков и отдали ему. И пошел он, радуясь, путем своим.

Но дойдя до пустых безводных мест, не могли терпеть жажды. Найдя же в солончаке немного воды, не смогли пить ее, ибо была она как желчь. А когда все разошлись искать воду, сказал Философ Мефодию, брату своему: «Не могу больше снести жажды, зачерпни этой воды. Тот, кто прежде превратил для израильтян горькую воду в сладкую, и нам может сотворить утешение». И зачерпнув, обнаружили, что она сладка, как медвяная, и холодна. Напившись же, прославили Бога, совершающего такое для своих рабов.

И ужиная в Корсуни с архиепископом, обратился к нему Философ: «Помолись за меня, отче, как сделал бы это для меня отец мой». Когда же кто-то спросил наедине, зачем он это сделал, отвечал Философ: «Воистину отойдет он от нас утром к Господу, оставив нас». Так и случилось, сбылись его слова.

В (земле) же фульского народа был большой дуб, сросшийся с черешней, под которым совершали жертвоприношения, называя (его) именем Александр. Женщинам не разрешали ни подходить к нему, ни участвовать в жертвоприношениях. Услышав же это, Философ не ленился, потрудиться дойти до них. Встав посреди них, сказал им: «Эллины отошли в вечную муку за то, что почитали как бога небо и землю, такие великие и славные создания. Так и вы, поклоняясь дереву, ничтожной вещи, уготованной огню, как можете избегнуть вечного огня?» Отвечали они: «Мы не начали это делать в наши дни, а унаследовали от отцов своих. И за это получаем все по просьбам нашим: главное же бывает сильный дождь. Как же мы совершим то, чего никто из нас не осмелился сделать. Ведь если кто и осмелится совершить это, тотчас же узрит смерть, а мы не увидим дождя до конца дней». Отвечал им Философ: «Бог о вас говорит в Писании, как же вы от него отрекаетесь? Ибо Исайя от лица Господа восклицает, говоря: „Приду собрать все народы и племена, и они придут и увидят славу мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис, и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, на дальние острова, которые не

славу мою въ языцѣхъ".* Глаголетъ Господь Вседержитель и паки се: „Азь послю рыбитвы и ловча многы — и от холмъ, и скалъ каменныхъ изловять вы".* Познаите, братье, Бога, створшаго вы. Се евангелъе новаго завета Божие, в неже ся есте кръстили».

Такоже сладкими словесы углаголавъ, повелъ имъ посѣчи древо и съжещи е. Поклонь же ся старѣшина ихъ, шедъ, лобыза Евангелъе, такоже и вси. Свѣща же бѣлы приемше от Философа, поуще идоша къ древу. И вземъ секрыу Философъ 30 и трижды удари и повелъ въсѣмъ сѣщи ис корения и съжещи е. В ту же ношь дождь бысть от Бога. И с радостию великою похвалиша Бога. И веселися Богъ о семъ зѣло.

Философъ же иде въ Цесарьградъ. И видѣвъ цесаря, живяше без мълвы, Бога моля, въ церкви Святыхъ Апостолъ сѣдя.

Есть же в святѣи Софѣи потиръ от драгаго камня Соломоня дѣла, на немже суть писмена жидовьска и самарѣиска грани написана, ихъже никтоже не можаше ни почисти, ни сказати. Вземъ же ю Философъ почте и сказа: «Есть же сиче. Първая грань: „Чаша моя, чаша моя, прорицаи то: дондеже звѣзда, въ пиво буди Господи и пръвѣнцю, бѣдящю нощю". По семъ же другую грань: „На вкушение Господне створена дрѣва иного; пии, упиися веселиемъ и възпии Алѣлуиа". И по семъ третия грань: „И се князь их, узритъ весь сънъмъ славу его, и Давидъ цесарь посредѣ ихъ". И по и семъ число написано: девять сотъ и девятеро». Рашеть же е потоньку Философъ обрѣте от втораго на десять лѣта царства Соломоня до царства Христова девятьсотъ и девять лѣт.* И се есть пророчество о Христѣ.

Чтение 4

Веселящю же ся о Бозѣ Философу, паки другая рѣчь приспѣ и трудъ не мнии първыхъ.

Ростиславъ* бо моравьскыи князь, Богомъ устимъ, свѣтъ створь съ князи и с моравляны, посла к цесарю Михаилу, глаголя: «Людемъ нашимъ поганьства ся отвергъшемъ и по кръстьяскъ ся законъ держащемъ, учителя не имамъ такого, иже бы ны вѣ свои языкъ истую вѣру съказалъ, да быша ины страны того зряще, уподобили намъ. Посли ны, владыко, епископа и учителя такого. Отъ васъ бо на вся страны всегда добрыи законъ исходить».

Сбравъ же цесарь зборъ, призва Костянтина Философа и створи слышати рѣчь сию. И рече: «Философе, вѣмъ тя трудна суца, нъ достоинъ тобѣ тамо ити. Сея бо рѣчи не можеть инъ никтоже исправити, якоже ты». Отвѣща Философъ: «И труденъ сы тѣломъ и боленъ, радъ иду тамо, аще имуть букви въ свои языкъ». Рече цесарь к нему: «Дѣдъ мои и отецъ мои,* и ини мнози, искавше того, не обрѣли того суть. То како азь то могу обрѣсти?» Философъ же рече: «То кто можеть на водѣ бесѣду написати или еретичьско имя собѣ обрѣсти?» Отвѣща ему паки цесарь, и съ Варьдою, уимъ своимъ:* «Аще ты

слышали моего имени, и они возвестят народам славу мою". И еще говорит Господь Вседержитель: „Я пошлю рыболовов и охотников многих — и на холмах и каменных скалах поймают вас". Признайте, братья, Бога, сотворившего вас. Это благовестие нового завета Божия, в который вы крестились».

Так услаждающими слух речами уговорив их, повелел им срубить дерево и сжечь. И поклонился старейшина их, подойдя, поцеловал Евангелие, и все так же. Взяв у Философа белые свечи, с пением пошли к дереву. И взял Философ секиру и тридцать и трижды ударил, и повелел всем рубить под корень и сжечь его. В ту же ночь был дождь от Бога. И с великой радостью восхвалили они Бога. И очень радовался об этом Бог.

Философ же отошел в Царьград. И повидав цесаря, жил в безмолвии, молясь Богу, в церкви Святых Апостолов сидя.

Есть же в Святой Софии чаша из драгоценного камня работы Соломона, и на ней написаны стихи письменами еврейскими и самаритянскими, которых никто не мог ни прочитать, ни объяснить. И взял ее Философ, почитал и сказал: «Вот что это. Первый стих: „Чаша моя, чаша моя, прорицай это: пока звезда (на небе), для питания будь Господу и первенцу, бодрствующему ночью". Затем второй стих: „Для вкушения Господа создана из другого древа; пей, упейся радостью и воскликни: Аллилуйя". И затем третий стих: „И вот князь их, увидит все собрание славу его, и Давид цесарь посреди них". И потом число написано: девятьсот и девять». Рассчитав же подробно, Философ вычислил, что от двенадцатого года царствования Соломона до царства Христова девятьсот и девять лет. И это — пророчество о Христе.

Чтение 4

И когда Философ радовался о Боге, вновь приспело иное дело и труд не меньше прежних.

Ибо Ростислав, моравский князь, наставляемый Богом, посоветовавшись с князьями и мораванами, послал к цесарю Михаилу сказать: «Люди наши отвергли язычество и последовали христианскому учению, но мы не имеем такого учителя, который бы нам на нашем языке объяснил христианскую веру, чтобы и другие страны, видя это, уподобились нам. Пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. Ведь от вас во все страны всегда добрый закон исходит».

Собрал цесарь совет, призвал Константина Философа и дал ему выслушать эти слова. И сказал: «Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе идти туда. Ведь этого дела никто другой не может исполнить так, как ты». Отвечал Философ: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письмена для своего языка». Сказал ему цесарь: «Дед мой и отец мой и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И сказал Философ: «Кто может на воде записать беседу или (захочет) приобрести прозвище еретика?» Отвечал ему вновь цесарь, и с Вардою, дядей

хощеши, то можетъ Богъ тобѣ дати, иже даеть всѣмъ, иже просять несумнѣннѣмъ, и отверзаеть толкущимъ».*

Шедъ же Философъ, по първому обычаю на молитву ся наложи и с инѣми поспѣшники. Вскорѣ же ся ему Богъ яви, послушаяи молитвы своихъ рабъ. И тѣгда сложи писмена и нача бесѣду писати евангельскую: «Испърва бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово»* и прочее.

Възвесели же ся цесарь, Бога прослави съ своими свѣтники. И посла и съ дары многы, написавъ къ Ростиславу епистолию *сицеву*: «Богъ, иже велить всякому чьловѣку, дабы в разумъ истиньныи пришелъ и на большии ся чинъ стѣжилъ, видѣвъ вѣру твою и подвигъ, створи и ныня в наша лѣта, явле букви въ вашъ языкъ, егоже не бѣ давно было, токмо в первая лѣта, да и вы причтетеся великихъ языкѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ. И то ти послахомъ того, ему же ся Богъ яви — мужа чьстна и благовѣрна, книжна зѣло и философа. И съ примъ даръ болии и чьстнѣи паче всего злата и сребра и камения драгаго и богатства приходящаго. Подвигнися с нимъ спѣшно утвердити рѣчь и всѣмъ сьрдцемъ визкати Бога. И обещаго спасения не отрини, нѣ подвигни не лѣнитися, нѣ ятися по истиньныи путь, да и ты, приведь я подвигомъ своимъ в Божии разумъ, примеши мьзду свою в того мѣсто въ сѣи вѣкъ и в будующи за вся ты душа, хотящая вѣровати въ Христосъ Богъ нашъ отныня до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ подобно Костянтину* цесарю великому».

Дошедъшу же ему Моравы, с великою чьстью приять и Ростиславъ. И събравъ ученикы, дасть я учити. Вскорѣ же ся весь церковьныи чинъ прѣложь, научи я утрении и годинамъ, обѣдни и вечернѣи и павечерничѣ и таинѣи службѣ. И отверзошася по пророчьскому словесѣ уши глухыхъ услышать книжная словеса, и языкъ яснѣ бысть гугнивымъ.* Богъ же ся възвесели о семь велми, а дьяволъ постыдѣся.

Растущю же Божию учению, зѣлыи завистникъ исперва дияволъ, не терпя сего добра, нѣ вшедъ въ своя сьсуды, начатъ много въздвизати, глаголя имъ: «Не славитьсѣ Богъ о семь. Аще бо бы ему сиче годѣ было, не бы ли могль сьтворити, дабы исперва писмены пишюше бесѣды своя, славили Бога? Но 3 языки есть токмо избралъ: еврѣискъ, греческъ и латынски,* имиже достоинъ Богу славу въздаяти». Бѣша же се глаголюще латиньстии и спручьстии архирѣи,* с иерѣи и ученицѣ. Сбравшесѣ с ними, яко Давидъ иноплемьеникы, книжьными словесы побѣжая, нарече я триязычники, яко Пилату тако написавшю на титлѣ Господни.* Не токмо же се едино глаголаху, нѣ иному бе-щинию учаху, глаголюще, яко подъ землею живутъ чьловеци вельглави* и вьсь гадъ дияволя тварь есть. И аще кто убиеть змию, девяти грѣхъ избудеть того ради.* Аще чьловека убиеть кто, три мѣсяця да пиеть въ древянѣи цаше, а стькляяны ся не прикасаеть.* Не браняху жертвъ творити по първому обычаю,

своим: «Если ты захочешь, то может Бог дать тебе то, что дает всем, просящим без сомнения, и отвергает всем стучащимся».

Пошел Философ, и по прежнему своему обычаю обратился к молитве (вместе) с другими помощниками. И вскоре явился ему Бог, внимающий молитвам рабов своих. И тогда он составил письма и начал писать евангельские слова: «В начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово» и прочее.

И обрадовался цесарь и прославил со своими советниками Бога. И послал его с множеством даров, написав Ростиславу такое послание: «Бог, который велит всякому человеку прийти к пониманию истины и тем обрести себе большее достоинство, увидев твою веру и стремление, сотворил в наше время то, чего давно не было, только в начальные годы: явил письма для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так послали к тебе того, кому открыл их Бог — человека достойного и благоверного, весьма сведущего в Писании и философа. Прими же дар лучше и ценнее всякого золота и серебра, и драгоценных камней, и богатства тленного. Постарайся же вместе с ним быстро упрочить дело и всем сердцем взыскать Бога. И не откажись от общего спасения, но сподвигни людей своих не лениться, но встать на истинный путь, чтобы и ты, усердием своим приведя к божественному разумению, получил награду свою за это в сем веке и в будущем за все те души, которые хотят веровать в Христа Бога нашего отныне и до смерти, и память о себе оставил другим поколениям подобно Константину, цесарю великому».

Когда же пришел он в Моравию, Ростислав принял его с великой честью. И собрав учеников, дал их учить. Вскоре же Философ перевел весь чин церковной службы, научил их утрени и часам, обедне и вечерне и павечернице и тайной службе. И открылись, по пророческому слову, уши глухих, чтобы слушать слова Писания, и ясен стал язык косноязычных. Бог же очень радовался этому, а дьявол посрамился.

Когда же стало распространяться учение Божие, изначальный злой завистник дьявол, не желая терпеть этого добра, вошел в свои орудия, начал многих воздвигать (против святого), говоря им: «Не прославляется Бог этим. Если бы это было ему угодно, разве не мог он сделать так, чтобы (все народы) с самого начала, письмами свои записывая речи, славили Бога? Но лишь три языка избрал он: еврейский, греческий и латинский, которыми подобает воздавать хвалу Богу». Говорили же так латинские и франкские архиереи, иереи и ученики. Схватившись с ними, как Давид с иноплемениками, словами Писания победил их, назвал их триязычниками, ибо Пилат так написал в титле Господнем. И не только это одно говорили они, но еще и другому бесчинству учили, говоря, что под землей живут большеголовые люди и что все гады — дьяволы создания. И если кто убьет змею, то простится ему за это девять грехов. А если кто человека убьет, то три месяца должен пить из деревянной чаши и не прикасаться

ни женитвъ бе-щисленыхъ. Все же се яко терние посѣкъ, словеснымъ огнемъ попали, глаголя: «Пожри Богови жертву хвалѣ и въздаи же Вышнему обѣты и молитвы твоя.* Жены же уности твоя не отпусти. Аще бо ю възненавидѣвъ пустиши, не покрывается нечьсть похоти твоя, глаголетъ Господь Вседержитель, сохранитеся духомъ вашимъ, и да не оставитъ къждо васъ жены уности своя. И сихъ, ихъже ненавидѣхъ, творясте, яко Богъ свѣдѣтельствова межю тобою и межю женою уности твоя, юже еси оставилъ, и та обьщница твоя и жена завѣта твоего.* И въ Еуангельи Господа слышасте: „Яко речено есть дрѣвни-ми: не сотвориши прелюбы”. Азь же глаголю вамъ, яко всякъ, иже възреть на жену похотѣти еи, уже прелюбы есть створилъ с нею сърдцемъ своимъ. И паки глаголю вамъ, яко иже пустить жену свою развѣ словесъ любодѣнаго, творить ю прѣлюбы дѣяти. Иже отпущеную от мужа поиметь, прѣлюбы дѣть”.* Апостоль рече: „Яже есть Богъ съчталъ чьловека, да не разлучается”».*

Четыри же десять мѣсяца* створи въ Моравѣ, иде святить ученикъ своихъ. Прия же и Коцель князь *Паноньскъ** и възлюби вельми словеньскы буквы и научися имъ. Въдавъ до 50 ученикъ учитися имъ. И велику ему чьсть створи, мимо проводи. И не взять же ни от Ростислава, ни от Коцела ни злата, ни сребра, ни иноя вещи, положъ евангѣльское слово, нъ токмо пленъники испрошь от обою девять сотъ и отпусти я.

Чьтьние 5

Бънятьчихъ* же бывшую ему, сбрашася на нь пискупи, попове и черноризци, яко вранѣ на соколъ, въздвигоша триязыщную ересь, глаголюще: «Чьловеце, скажи намъ, како ты еси нынѣ створилъ словенемъ книги и учиши я? Ихъже нѣсть никтоже инъ пьрвое обрѣлъ: ни апостоли, ни римьскыи папежь, ни Диалогъ Григории, ни Еронимъ,* ни Августимъ.* Мы же три языки токмо вѣмъ, имиже достойтъ въ книгахъ славити Бога: еврейскъ, елинескъ, латинескъ». Отвѣща Философъ к нимъ: «Не идетъ ли дождь от Бога равно на вся, ни ли солнце такоже не сияеть ли на вся,* ни ли дыхаемъ на облакъ равно вси? То како вы ся не стыдите, 3 языки токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и племенемъ слѣпомъ веляще быти и глухомъ, скажите ми, Бога творяще немощна, яко не могуща сего *дати, или завистлива, не хотяща дати?* Мы же многы роды знаемъ, книги умѣюче, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си: ормѣни, пьрси, авазги, иверие, сугди, готи, обьре, турьси, козаре, аравляне, егуптянъ, сури, ини мнози.* Аще ли не хочете от сихъ разумѣти, поне от книгъ познаите судию. Давидъ бо вопиеть, глаголя: „Поите Господеви, вся земля! Поите и възвеселитесь и въспоите!”* Другояко: „Вся земля да поклонитъся и поеть тебе. Да поють же имени твоему вышнии”.* И паки: „Хвалите Господа вси языци, и похвалите его вси людие. И всяко дыхание да хвалите Господа”.* Въ Еуангельи же глаголетъ: „Еликоже есть

к стеклянной. И не запрещали ни жертвоприношений приносить по прежнему обычаю, ни бесчисленных браков. Все это он посек как терновник, спалил словесным огнем, говоря: «Принеси как жертву Богу хвалу и воздай Вышнему обеты и молитвы твои. Жену же юности твоей не отпусти. Если, возненавидев, ее отпустишь, не укроется нечестивая похоть твоя, говорит Господь Вседержитель, берегите дух ваш, и никто из вас да не оставит жены юности своей. И вы то, что я возненавидел, сотворяли, так как был Бог свидетелем между тобой и женой юности твоей, которую ты оставил, что она подруга твоя и законная жена твоя. И в Евангелии Господа слышали: „Как сказано древними: не прелюбодействуй”. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вождением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И еще раз говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодееяния, тот заставляет ее творить прелюбодейство. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует”. Апостол сказал: „Если Бог сочетал людей, да не разлучатся”».

И сорок месяцев проведя в Моравии, пошел рукоположить учеников своих. Принял же его (по пути) Коцел, князь Паннонский, и сильно полюбил славянскую грамоту и научился ей. Отдал до пятидесяти учеников учиться ей. И воздав ему великие почести, проводил его дальше. И не взял же он ни от Ростислава, ни от Коцела ни золота, ни серебра, ни других вещей, помня евангельские слова, но только испросил у обоих девятьсот пленников и отпустил их.

Чтение 5

Когда он был в Венеции, собрались против него епископы, попы и черноризцы, как вороны на сокола, воздвигли триязычную ересь, говоря: «Человек, скажи нам, как ты создал славянам письмена и обучаешь их? Ведь никто же их раньше не обрел: ни апостолы, ни римский папа, ни Григорий Двоеслов, ни Иероним, ни Августин. Мы же только три языка знаем, которыми подобает славить Бога: еврейский, греческий, латинский». Отвечал им Философ: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, и солнце тоже не сияет ли всем, и не все ли мы равно дышим воздухом? Так как же вы не стыдитесь, полагая только три языка, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими, скажите мне, Бога почитая немощным, не могущим дать это, или завистливым, не желающим дать? А мы многие народы знаем, имеющие письмена и воздающие Богу славу каждый на своем языке. Известно, что это: армяне, персы, абхазы, грузины, сугды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие. Если же не хотите этого понять, то по крайней мере из Писания узнайте судию. Ведь Давид восклицает, говоря: „Пойте Господу, вся земля! Пойте и возвеселитесь и воспойте!” И другой раз: „Вся земля да поклонится и поет тебе. Да поют же имени твоему вышнему”. И еще: „Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди. Все дышащее да хвалит Господа”. И в Евангелии же (Иоанн) говорит: „А тем, которые приняли его, дал

прияло ихъ, дасть имъ область, да чада Божия будутъ”.* И паки ть же: „Не о сихъ бо въпрошаю токмо, нъ и о вѣрующихъ словомъ ихъ въ мя. Да вси едино будутъ, якоже и ты, Отце, во мнѣ и азъ в тебе”.* Матфѣи бо рече: „Дана ми есть всяка власть на небесъ и на земли. Шьдъше убо научите вся языки, крѣстя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я хранити вся, елико заповѣдалъ есмь вамъ. И се азъ с вами есмь вся дъни до скончания вѣка. Аминь”.* А Марк паки глаголетъ: „Шедъше въ весь миръ, проповѣдите Еуангелъе всеи твари. Вѣровавыи, крѣщеся, спасетсся, а невѣровавыи осудитсся. Знамения же повѣровавшихъ поидуть си: именемъ моимъ бѣсы ижденуть, языкъ възглаголють новы”.* Глаголемъ то же к вамъ: „Горе вамъ, кнѣгъчия, фарисѣи, ипокриты, яко затваряете цесарство небъсное прѣд чловеки. Вы бо не входите и хотящихъ внити не оставляете внити”.* И паки: „Горе вамъ, кнѣгъчия, яко взясте ключъ разумныи: нъ сами не внидете и хотящимъ внити възбранисте”.* Къ кореньфѣомъ же Павель рече: „Хоцю, да вси языки глаголете, паче же да проричаете, болии убо проричая, нежели глаголя языки, развѣ еще не сказаеть да церкви създание приметъ. Нынѣ же, братье, аще приду к вамъ, языки глаголя, кую вамъ пользу створю, аще вамъ не возглаголю или откровениемъ, ли разумомъ, или пророчствомъ, ли учениемъ? Обаче бездушень глас дающе аще ли пищали, аще ли гусли, аще разнествия гласомъ не дасте — како разумѣтсся сопомое ли или гуденое? Ибо аще безвѣстенъ глас труба дасть, кто уготоваетсся на брань? Тако и вы языкомъ аще неразумна словеса дасте, како разумно будетъ глаголемое? Буде бо въ аерь глаголюще. Толико убо аще ся ключить родъ гласныхъ въ всемъ мирѣ, и ни единъ же ихъ безгласень. Аще убо не вѣмъ силы гласу, то будутъ *глаголющему* ми варваръ и глаголяи мнѣ варваръ. Тако и вы, понеже ревнителъ есте духовнымъ къ създанию церкви, просите, да вы избываеть. Тѣм же глаголяи языкомъ молитсся да скажетъ ти. Аще бо языкомъ молитву дѣя, то духомъ молитсся, а умомъ бес плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ — помолюся умомъ, спюю духомъ — спюю же и умомъ. Аще благословиши духомъ, исполняя мѣсто неразумнаго, како речеть «аминь» по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть, что глаголеши. Ты убо добрѣ хвалиши, нъ другии не зижетсся. Хвалю Бога моего о всѣхъ насъ, паче же языки глаголю. Нъ въ церкви хоцю 5 словесъ умомъ своимъ глаголати, да ины научю, а не еже тьму словесъ языкомъ. Братие! не дѣти бывайте умы, но злобою же младенъствуите, умы же свѣршенѣ будете. В законѣ пишеть: «яко иноязыщники ихъ устнами инѣми възглаголю людемъ симъ, и тако не послушаютъ мене, глаголетъ Господь». Тѣм же языци въ знамение невѣрнымъ суть, а пророчство не невѣрнымъ, нъ вѣрующимъ. Аще бо снидется церкви вся вкупѣ, и вси глаголють языки, внидеть же неразумивъ или невѣренъ, — не рчетъ ли, яко зъли ся дѣете? Аще ли вси пророчъствуютъ, внидетъ же инъ невѣренъ и неразумивъ, обличаетсся предъ всѣми, вѣстязаетсся от всѣхъ. И таинная сердца его явѣ бываетъ, и тако падеть

власть быть чадами Божиими”. И еще тот же: „Не о них же только молю, но и о верующих в меня по слову их. Да будут все едино, как ты, Отец, во мне, так и я в тебе”. Ведь Матфей говорит: „Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я заповедал вам. И я с вами во все дни до скончания века. Аминь”. А Марк еще говорит: „Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасется, а неверующий осудится. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем моим изгонят бесов, заговорят новым языком”. Скажем это и вам: „Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам. Ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете”. И еще: „Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и хотящим войти воспрепятствовали”. И Павел говорит коринфянам: „Хочу, чтобы все (вы) говорили на (чужих) языках, но лучше бы прорицали, ведь больше прорицающий говорящего на языках, если только не толкует, чтобы церковь получила назидание. Теперь же, братья, если приду к вам, говоря на языках, какую вам пользу принесу, если вам не изъяснюсь или откровением, или смыслом, или пророчеством, или поучением? Ведь и бездушный звук издавая или свирель или гусли, и если не разделите звуков — как можно понять играемое на свирели или гуслях? Ибо если неопределенный звук труба издает, кто изготавится к бою? Так и вы если (чужим) языком неразумные слова скажете, как можно понять сказанное? Будет в воздух говорить. Столько ведь, например, родов звуков во всем мире, и ни один из них не беззвучен. Если я не знаю смысла звучащего, то буду говорящему мне иноземец, и говорящий мне иноземец. Так и вы, поскольку вы ревнители духовного назидания, просите, чтобы вы обогатились. Так и говорящий на языках пусть молится о истолковании. Ведь если я молитву творю на (чужом) языке, то дух молится, а ум без плода. Что же тогда? Помолюсь духом — помолюсь и умом, воспую духом — воспую и умом. Если благословляешь духом, (то) стоящий на месте неразумного как произнесет «аминь» после твоей хвалы, поскольку не знает, что ты говоришь. Ты хорошо восхваляешь, но другой не назидается. Хвалю Бога моего за всех нас, особенно за говорящих на языках. Но в церкви хочу пять слов сказать умом моим, чтобы иных научить, а не тьму словес на (чужом) языке. Братья! не дети будьте умом: на зло будьте младенцами, а умом будьте взрослыми. В законе написано: «как иноязычникам устами иными буду говорить людям сим, (но) и тогда не послушают меня, говорит Господь». Итак, языки для знамения неверующим, а пророчество не для неверующих, а для верующих. Если сойдется церковь вся вместе, и все заговорят (разными) языками, и войдет неразумный или неверующий — не скажет ли, что вы беснуетесь? А если все пророчествуют, и войдет один неверующий и неразумный, то обличается перед всеми и вопрошается всеми. И тайное сердца его явным бывает, и падет ниц, и поклонится Богу, говоря: «Воистину Бог в вас». Что же тогда, братья? Когда соберетесь —

ницъ и поклонится Богу, повѣдая: «Въистину Богъ въ васъ есть». Что убо есть, братъе? Егда сходится къждо васъ, псалмы имѣете, учение имѣете, явление имѣете, языкъ имѣете, сказание имѣете — вся же къ създанию да бывають. Аще ли языкомъ кто глаголетъ — по двѣма или зѣло по тремъ и по части, единъ сказаеть. Аще ли не будетъ глагольника, да молчить въ церкви, собѣ же да глаголетъ и Богу. Пророци же два или трие да глаголють, а друзии да сказають. Аще ли иному явиться седящу, първыи да молчить. Могуть бо по единому вси пророчествовати, да вси учаться, и вси утѣшаются. И *дуси пророчестии* пророкомъ повинуются. Нѣсть бо нестроению Богъ, нъ миру".* Господня бо заповѣдь есть: „Аще кто не разумѣеть — да учится".* Тѣмъ же, братъе, рѣвнуйте проричанию и не браните глаголати языки. Вся же благовѣрно по чину да бывають".* И пакы глаголетъ: «Всякъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Богу Отцю.* Аминь». Сими же словесы и инѣми и болше посрамль я, оставле.

Увѣдѣвъ же римскыи папежь,* посла по нь. Дошедъшу же ему Рима, изиде самъ апостоликъ* Андриянь* противу ему съ всеми гражаны, свѣща несуще, увѣдѣвше, яко несуть мощи святаго Климента мученика и папежа римскаго. И тѣгда Богъ чюдеса нача творити: ослабленъ же чьовекъ ту ицѣлъ, а ини мнози различныхъ недугъ избыша. Тако же и плененѣи пленшихъ я, нарекъше память святаго Климента, избыша.

Прим же папежь книги словенскыя, освяти и положи я въ церкви святаыя Марія, яже ся наричаеть Фатанъ,* пѣша же над нимъ литургию. И по семь повелѣ папежь двѣма епископомъ Фуръмосу* и Гоидриху* святити словенскыя ученикы. Яко я святиша, тѣгда пѣша литургию въ церкви святаго Петра* словенскымъ языкомъ. И въ другыи днь пѣша въ церкви святаы *Петрунилы*.* И въ 3 днь въ церкви святаго Андрѣя,* и оттуду пакы у великаго учителя язычьскаго Павла апостола в церкы* в ноци пиша святую литургию словенскы надъ сватымъ гробомъ, имѣюще на помощь Арсѣния епископа, единого суща от седми епискупъ,* и Настаса* вивлотикаря.

Философъ же съ своими ученикы не престаяше достоиную хвалу Богу въздая о семь. Римлянъ же не престаяху идуще к нему, въпрашающе о всемъ. И сказание сугубъ и трѣгубъ приимаху от него.

Жидовинъ же етеръ, такоже приходя, съязашеся с нимъ и рече ему единою: «Нѣсть уже не пришелъ Христосъ по числу лѣтъному, о немже глаголють книги и пророцы, яко от девы ся есть родити». * Почѣтъ же ему Философъ вся лѣта от Адама по роду, сказа ему потонку, яко пришелъ есть, и селико лѣтъ есть от толѣ до селѣ. И научивы и, отпусти.

Постигъшемъ же многимъ трудомъ, болѣти нача. И тепящю ему язю болезненую многы дњи, единою видѣвъ Божие явление, начать пѣти сиче: «О рекшихъ къ мнѣ: „Идемъ въ дворы Господня” възвеселися духъ мой, и сердце обрадовася». * Облѣкъ же ся въ чьстъныя своя ризы тако прѣбысть весь днь,

каждый из вас (со своим знанием) — то псалмы имеете, учение имеете, откровение имеете, язык имеете, толкование имеете — все, что необходимо для назидания. Если на (чужом) языке кто говорит, то двое или самое большее трое и поочередно, (а) один толкует. А если не будет толкователя, пусть молчит в церкви, себе же говорит и Богу. Пророки же два или три пусть говорят, а другие пусть толкуют. Если другому, сидящему, будет откровение, то первый молчит. Могут по одному все пророчествовать, чтобы все учились и все утешались. И духи пророческие пророкам повинуются. Не есть Бог неустройству, но миру». Господня заповедь есть: „Если кто не понимает — пусть учится”. Итак, братья, старайтесь прорицать, и не запрещайте говорить (чужими) языками. Все пусть будет благоверно по чину». И еще говорит: «Всякий исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». И этими словами еще более посрамив их, оставил.

Узнав об этом, римский папа послал за ним. Когда же Философ дошел до Рима, вышел сам апостолик Адриан навстречу ему со всеми горожанами, неся свечи, узнав, что несут мощи святого Климента мученика и папы римского. И тогда Бог начал творить чудеса: расслабленный человек исцелился здесь, а многие другие избавились от различных болезней. Также и пленные избавились от пленивших их, призвав (на помощь) память святого Климента.

Принял папа книги славянские, освятил и положил их в церкви святой Марии, называемой Фатан, и пели над ними литургию. И после этого повелел папа двум епископам Формозу и Гаудериху рукоположить славянских учеников. Когда их поставляли, тогда пели литургию в церкви святого Петра на славянском языке. И на другой день пели в церкви святой Петронилы. И в третий день в церкви святого Андрея, и потом еще в церкви у великого наставника язычников Павла апостола ночью пели святую литургию по-славянски над святой гробницей, имея в помощь епископа Арсения, одного из семи епископов, и Анастасия библиотекаря.

Философ же со своими учениками непрестанно достойные похвалы возносил за это к Богу. А римляне не переставая шли к нему, спрашивая обо всем. И дважды и трижды получали от него разъяснения.

Некий еврей, также приходя, спорил с ним и однажды сказал ему: «Не явился еще согласно числу лет Христос, о котором говорят книги и пророки, что он от девы родится». И рассчитал ему Философ все годы от Адама по поколениям, и объяснил ему подробно, что уже явился, и сколько лет с тех пор до настоящего времени. И наставив его, отпустил.

И совершив многие труды, (Философ) начал болеть. И страдая от боли много дней, увидев однажды Божие явление, начал петь так: «О сказавших мне: „Идем в дом Господень” возвеселился дух мой, и сердце обрадовалось». И облачился в священные свои ризы и провел так весь день, веселясь и говоря:

веселяся и глаголя: «Отселѣ нѣсмь азъ ни цесарю слуга, ни иному никомуже на землѣ, нѣ токмо Богу Вседержителю бѣхъ и есмь въ вѣкы. Аминь».

Въ утрѣи же днь въ святыи чьрньчьскыи образъ оболкъся и свѣт къ свѣту примь и имя си нарече Кюриль.* В томъ же образѣ пребысть 50 дньни.* И яко приближися година, да покои примь, прѣставитъся на вѣчнуу жизнь, и въздвигъ къ Богу руцѣ свои и створи молитву, слезами сице глаголя: «Господи Боже мои, иже еси ангельская вся чины и бесплотныя съставль силы, небо распнь и землю основаль, и вся сущая от небытья в бытье приведь, иже еси всегда весдѣ послушалъ творящихъ волю, боящихся тебе и хранящихъ запо-вѣди твоя. Послушаи моя молитвы и вѣрное твое стадо схрани, емуже мя бѣ прѣставиль, неключимаго и недостойнаго раба твоего, избавляя вся от всякоя безбожныя и поганьскыя злобы и от всякого многорѣчиваго имени и хулнаго еретичьска языка, глаголющаго на тя хулу. Погуби триязычную ересь и въздрасти церковь свою множествомъ, и вся въ единомушье съвокупле. Створи изрядны люди, единомысляща о истинньнѣи вѣрѣ твоеи правѣмъ исповѣданьи, въздохни же въ сердца ихъ слово твоего учения. Твои бо есть даръ, аще ны еси прия недостойныя на проповѣдание еуангеля Христа твоего. Острящаяся на добрая дѣла, творяще угодная тобѣ, еже мнѣ бѣ далъ, яко твое тобѣ предаю. Устрой я силою твоею и десницею, покрывая кровомъ крилу твоею,* да всяко хвалятъ и славятъ имя Отца и Сына и Святаго Духа въ вѣкы. Аминь». Лобъзавъ же вся святымъ лобзаниемъ, и рече: «Благословенъ Богъ нашъ, иже не дасть насъ в ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, нѣ сътъ ихъ скрушися, и избави ны* от истлѣния». И тако почи о Господѣ, бывъ 42 лѣт, въ 14 днь мѣсяца февраля, въ индиктъ 2, от твари всего мира 6000 и 300 и 70 и 7 лѣт.*

Повелѣ же апостоликъ всѣмъ грѣкомъ, иже бяху в Римѣ, тако и римляномъ, съ свѣщами съшедъшеся, пѣти надъ нимъ, створити провожение ему, якоже самому папежю створили. То же и створиша.

Мефодии же брат его въпроси апостолика, глаголя, яко: «Мати ны есть заклѣла, да иже наю пьрвѣе на судъ идетъ, да прѣнесетъ брат въ свои манастыр* и ту и погребеть». Повелѣ же папежъ вложить и в раку и забити и гвозды желъзны. И тако держа и 7 дньни, готова и на путь. Рекоша же къ апостолику римьстии пискупы: «Понеже есть Богъ, по многимъ землямъ хожьша, привель и сѣмо и сдѣ душю его изяль — сдѣ ему достоинъ лежати яко чьстьну мужю». Рече же апостоликъ: «То за святыну его и любовь римьскыи обычаи прѣступле, погребу и в моемъ гробѣ въ церкви святаго апостола Петра». Отвѣща же братъ его: «Понеже мене не послушасте и не дасте ми его, аще вы есть любо, да ляжетъ въ церкви святаго Климента,* с нимъже есть сѣмо пришель». Повелѣ же апостоликъ тако створити.

И паки сбравшемъся епископомъ всѣмъ и чернецемъ и всѣмъ людемъ проводить и чьстно. Хотяще же положить и, рекоша епископы: «Отгвождьше

«Отныне я не слуга ни цесарю и никому иному на земле, но одному лишь Богу Вседержителю был и есть во веки. Аминь».

Наутро же постригся в святой иноческий образ и, приобретив свет к свету, нарек себе имя Кирилл. И пробыл в этом образе 50 дней. И когда приблизилось время, приняв покой, перейти в вечную жизнь, воздел к Богу руки свои и прочитал молитву, так говоря со слезами: «Господи Боже мой, который составил все ангельские чины и бесплотные силы, небо распростер и землю основал, и все сущее от небытия в бытие привел, всегда и везде внимающий волю твою творящим, боящимся тебя и хранящим заповеди твои. Вними моей молитве и сохрани верное твое стадо, к которому приставил меня, негодного и недостойного раба твоего, избавляя от всякой безбожной и языческой злобы и от всякого многословия и от хульного еретического языка, возводящего хулу на тебя. Истреби триязычную ересь и умножь церковь свою числом 〈верующих〉, объединив всех в единомушии. Сотвори избранниками людей, мыслящих едино об истинном исповедании подлинной веры твоей, и вдохни в их сердца слово твоего учения. Ведь это твой дар, что принял ты нас, недостойных, для проповедования евангелия Христа твоего. Стремящихся к добрым делам и творящих угодное тебе, которых ты поручил мне, как твоих тебе передаю. Благоустрой их силою твоею и десницею, покрывая сенью крыльев твоих, чтобы всячески восхваляли и прославляли имя Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь». Облобызав всех святым лобзанием, сказал: «Благословен Бог наш, который не отдал нас как добычу зубам невидимых врагов наших, но разрушилась сеть их, и избавил нас от истления». И так почил в Господе, прожив 42 года, в 14 день месяца февраля, во 2 индикт, от сотворения мира в 6377 году.

Повелел апостолик всем грекам, которые были в Риме, а также и римлянам, собравшись со свечами, петь над ним, устроить ему проводы как самому папе. Так и поступили.

Брат же его Мефодий попросил апостолика, говоря: «Мать наша завещала нам, чтобы того, кто из нас первый умрет, перенес брат в свой монастырь и там его похоронил». И повелел папа положить его в раку и забить ее гвоздями железными. И так задержали его семь дней, готовя в дорогу. И сказали апостолику римские епископы: «Раз Бог привел его, ходившего по многим землям, сюда и здесь его душу взял — здесь ему следует покоиться как достойному мужу». И сказал апостолик: «Тогда ради святости его и любви нарушив римский обычай, похороню его в моей гробнице в церкви святого апостола Петра». Отвечал же брат его: «Раз вы меня не послушали и не отдали его мне, то, если вы согласны, пусть лежит он в церкви святого Климента, с 〈мощами〉 которого пришел сюда». И повелел папа поступить так.

И вновь собрались все епископы и чернецы и все люди проводить его с честью. Когда же хотели положить его в гробницу, сказали епископы: «Вынув

раку, видимъ, аще есть цѣль, еда есть что взято от него». И тружьшесе много, не могоша отгвоздити раки по Божию повелѣнью.

И тако с ракою положиша и въ гробъ о десную страну олтаря въ церкви святаго Климента, идеже начаша тогда многа чюдеса бивати, еже видѣвше римлянѣ боле ся прѣложиша святыни его и чьсти. Написавъ же икону его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ днь и ношь,* хваляще Бога, прославляющаго тако же славять. Тому бо есть слава въ вѣкы. Аминь.

гвозди из раки, посмотрим, цел ли он, или же взята часть от него». И много трудясь, не смогли открыть раку по Божиему повелению.

И так в раке положили его в гробницу справа от алтаря в церкви святого Климента, где начали тогда свершаться многие чудеса, видев которые, римляне больше стали почитать святость его и честь. И написав образ его над гробницей, (зажгли лампаду, чтобы) светила над ним день и ночь, восхваляя Бога, прославляющего так (тех), что славят его. Тому слава во веки. Аминь.

ЖИТИЕ МЕФОДИЯ

МЪСЯЦА АПРЕЛЯ ВЪ 6 ДЪНЬ* ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ
БЛАЖЕНАГО ОТЬЦЯ НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ,
АРХИЕПИСКОПА МОРАВЪСКА

Господи, благослови Отьче!

⟨I.⟩ Богъ благъ и вьсемогоаи, иже есть створилъ от небытия въ бытие вьсячьская видимая же и невидимая и украсилъ вьсякою красотою, юже кѣто размышляя помышляи по малу от чѣсти можетъ разумѣти и того познати, иже есть сѣтворилъ сиця дѣла дивна и многа, «отъ великоты бо и доброты дѣлъ по размыслу и родитель ихъ *мудръствуется*»,* иже поють ангели трѣсвятнымъ гласѣмъ и вси правовѣрнии славимъ въ святѣи Троици, сирѣчь въ Отьци и Сынѣ и Святомъ Душѣ, еже есть въ трѣхъ упостасяхъ, еже можетъ кѣто три лица рещи, а въ единомъ Божьствѣ. Прѣже бо вьсякого часа и врѣмене и лѣта, надъ вьсяцѣмъ умѣмъ и сѣмыслѣмъ неплѣтскѣмъ Отьць самъ есть Сына родилъ, якоже рече Прѣмудрость: «Прѣже вьсѣхъ хѣлмъ ражаеть мя».* И въ Евангелии рече само божие Слово прѣчистыми усты, вьплѣщся на послѣдняя лѣта нашего ради сѣпасения: «Азѣ въ Отьци, а Отьць въ мнѣ».* Отъ тогоже отьца и Святой Духъ исходитъ, якоже рече самъ Сынъ божиемъ гласѣмъ. «Духъ истиннѣ, иже от Отьца исходитъ».*

Сь Богъ сѣвършь вьсю тварь, яко глаголетъ Давидъ: «Словѣмъ Господньмъ небеса утвърдишася, и духѣмъ устѣ его вься сила ихъ. Яко тѣ рече — и быша, тѣ повелѣ — и сѣздашася»,* прѣже вьсѣхъ сѣтвори чловѣка, пьръсть от земля приемля, от себе душу вѣдѣхнувъ животнымъ дѣхновениемъ и словеснымъ сѣмыслъ и самовласть, да введе въ раи, заповѣдъ заповѣдавъ ему искусьну: да аще сѣхранитъ ю, и прѣбудеть бесѣмьртнѣ, аще ли прѣступитъ, сѣмьртию умьреть от своая воля, а не от Божия велѣния.

Узрѣвъ же дияволъ чловѣка тако почѣтена и устима на то мѣсто, сѣ негоже тѣ своею гърдынею сѣпаде, и сѣтвори прѣступити заповѣдъ и из-д-рая изгѣна чловѣка, и сѣмьртию осужъ. И оттолѣ устити начатъ неприязнѣ, блазнити многими кѣзными чловѣчскими родѣ. Нѣ не остави Богъ великою милостию и любѣвью до конца чловѣкѣ, нѣ на коеждо лѣто и врѣмя избѣра мужа и яви людѣмъ дѣла ихъ и подвигъ, да сѣ тѣмъ подобаще, вси на доброе устили.

ЖИТИЕ МЕФОДИЯ

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 6 ДЕНЬ ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ
БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ,
АРХИЕПИСКОПА МОРАВСКОГО

Господи, благослови, Отче!

⟨I.⟩ Бог благой и всемогущий, сотворивший из небытия к бытию все видимое и невидимое и украсивший всякой красотой, которую, если размышлять понемногу, можно мысленно частично уразуметь и познать того, кто сотворил столь многие и дивные создания, ибо «по величию и красоте созданий познается размышлением и создатель их», которого воспевают ангелы трисвятым гласом и мы, все правоверные, славим во святой Троице, иначе говоря в Отце, Сыне и Святом Духе, то есть в трех ипостасях, что можно назвать тремя лицами, но в одном Божестве. Ведь прежде всякого часа, времени и года, выше всякого разума и духовного понимания Отец сам родил Сына, как говорит Премудрость: «Прежде всех холмов рождает меня». И в Евангелии сказало само божье Слово пречистыми устами, воплотившись на будущие времена ради нашего спасения: «Я в Отце, и Отец во мне». От того же Отца и Святой Дух исходит, как сказал сам Сын божьим Словом: «Дух истинный, который от Отца исходит».

Этот Бог, завершив все творение, как говорит Давид: «Словом Господним утвердились небеса и от дыхания уст его вся сила их. Ибо он сказал — и стали, он повелел — и создались», прежде всего сотворил человека, прах от земли взяв, а от себя животворным дуновением душу вдохнув, и осмысленную речь и свободу воли дал, чтобы ввести в рай, заповедь заповедав ему для испытания; если хранит ее, то останется бессмертен, если же преступит, смертью умрет, по своей воле, а не по Божьему велению.

А дьявол, увидев, что человеку оказана такая честь и назначено ему то место, с которого он из-за своей гордыни пал, заставил ⟨его⟩ преступить заповедь, и изгнал человека из рая, и осудил на смерть. И с тех пор начал неприятель соблазнять многими кознями род человеческий. Но Бог в великой милости и любви не оставил человекoв совсем, а на каждый год и время избрал мужа и явил людям дела их и подвиг, чтобы все, уподобляясь им, стремились к добру.

Якоже бѣ Енось, иже упова първыи нарицяти имя Господьне. Енохъ же потомъ, угожъ Богу, прѣставленъ бысть. Нои правдѣнъ ся обрѣте въ родѣ своемъ, потопа избысть въ ковчезѣ, да ся бы паки земля напълнила твари Божия и украсила. Авраамъ по раздѣлении языкъ, заблужшемъ же всѣмъ, Бога позна и другъ ся ему нарече и обѣтование приять, яко: «Въ сѣмени твоємъ благословлени будутъ вси языци».* Исакъ по образу Христову на гору въ жертву възведенъ бысть. Ияковъ идолы тѣстѣя погуби и лѣствицу видѣ от земля до небесе, ангелы же Божия възходяща и сходяща по ней, и въ благословлениихъ сыновъ своихъ о Христѣ пророчествова. Иосифъ въ Егуптѣ люди прѣпитѣ, Божии ся явлъ. Иова Авьситидискааго правдѣна, истинна и непорочна Книги съказаютъ: искушение приимъ, прѣтърпѣвъ же, благостѣнъ бысть Богомъ. Моиси съ Аронѣмъ въ иерѣихъ Божиихъ Богъ фараосовъ наречеса и мучи Егуптѣ, Божия люди изведе — въ дѣне облакъмъ свѣтѣльмъ, а въ нощи стѣлпѣмъ огнѣмъ, и море проби, и проиду по суху, а егуптяны потопа, и в пустыни безводнѣ люди напои воды и хлѣба ангельскаго насыти и пѣтиць; и глаголавъ съ Богѣмъ лицѣмъ къ лицу, якоже *нѣсть* възможно челоуку съ Богѣмъ глаголати, законъ людѣмъ дасть, Божиємъ прѣстѣмъ *написанъ*. Исусъ Навѣгинъ людѣмъ Божиємъ землю раздѣли, противники воевавъ. *Судия* такоже многы побѣды сътвориша. Божию милость приимъ же, Самоилъ цѣсаря помаза и постави Господнѣмъ словѣмъ. Давидъ кротостию люди распасе и пѣснѣмъ Божиямъ научи. Соломонъ, мудрость от Бога приимъ паче всѣхъ челоукъ, многа казания добра сътвори съ притѣчами, аще и самъ не доконьча. Илия, зѣлобу людьску обличъ гладѣмъ и мѣртва отрока възкрѣшъ и огнь съ небесе словѣмъ сънесъ, попалъ многы, и жертвы съжъже дивнѣмъ огнѣмъ, мѣрзѣкыя же иерѣя избивъ, възиде на небо на колесници огнѣни и конихъ, ученику давъ сугубъ духъ. Елисѣи, милотъ приимъ,* сугуба чюдеса сътвори. Прочии пророци, кѣждо въ свое врѣмя, о дивныхъ вещьхъ хотящихъ быти пророчествоваша. Иоанъ великыи по сихъ, ходатаи межю Ветѣхымъ законѣмъ и Новымъ, *крѣстителъ* Христовъ и сѣвѣдѣтель и проповѣдѣтель живымъ же и мѣртымъ бысть.

Святѣи апостоли Петръ и Павѣль съ прочими ученики Христовы, яко мѣлния, весь миръ прошьдѣша, освѣтиша всю землю. По сихъ мученици крѣвми своими омыша сквѣрну, а настольници святыхъ апостолѣ, цѣсаря *крѣщѣше*, многѣмъ подвигѣмъ и трудѣмъ поганѣство раздрушиша. Сельвестръ, чѣстѣно трѣми съты и 18 отѣць, великаго цѣсаря Костянтина на помощь приимъ, сънѣмъ първыи събѣравъ въ Nikeи, Ария побѣди и проклять и и ересь его, юже въздвизаше на Святую Троицу, якоже бѣ Авраамъ инѣгда съ трѣми съты и 18-те отрокъ цѣсаря избилъ и от Мелхиседека, цѣсаря Салимьска, благословление приять и хлѣбъ и вино, бѣ бо иерѣи Бога вышѣняаго. *Дамасъ* же и феологъ Григории съ сътѣмъ и пятию десятию отѣць и съ великымъ цѣсарѣмъ Феодосиємъ въ Цѣсариградѣ *потвѣрдиша* святѣи сумболѣ, еже есть: «Вѣрую

Таков был Енос, который первым отважился призывать имя Господне. А после него Енох, угодив Богу, перенесен был (высоко). Ной праведным оказался в роде своем, он спасся от потопа в ковчеге, чтобы опять наполнилась земля творением Божиим и украсилась. Авраам после разделения языков, когда все впали в заблуждение, Бога познал и другом Его назван был, и принял обетование, что «в семени твоём благословенны будут все народы». Исаак подобно Христу возведен был на гору для жертвы. Иаков идолов тестя уничтожил и видел лестницу от земли до неба: ангелы Божии по ней восходили и сходили. И благословляя сынов своих, он пророчествовал о Христе. Иосиф прокормил людей в Египте, показав себя (человеком) Божьим. Об Иове Авситидийском Писание говорит, что был праведен, справедлив и непорочен: подвергнутый испытанию, претерпев (его), благославлен был Богом. Моисей, с Аароном, между иереями Божьими Богом (для) фараона назван был, и мучил Египет, и вывел Божий народ — днем вслед за облаком светлым, а ночью за столпом огненным; и море разделил, и прошли по суху, а египтян потопил. И в пустыне безводной напоил народ водой и насытил хлебом ангельским и птицами; и говорил с Богом лицом к лицу, как невозможно человеку с Богом говорить, (и) дал народу закон, написанный Божьим перстом. Иисус Навин, одолев врагов, разделил землю между народом Божьим. Судьи также одержали много побед. А Самуил, получив Божью милость, помазал и поставил царя по слову Господню. Давид с кротостью пас народ и научил (его) песням Божьим. Соломон, получивший от Бога мудрости больше всех людей, много добрых поучений создал и притчей, хоть сам их и не выполнял. Илия обличил голодом людскую злобу, и воскресил мертвого отрока, и, принеся словом с неба огонь, опалил многих, и жертвы сжег чудесным огнем; перебив нечестивых иереев священников, взошел на небо на колеснице огненной и конях, дав ученику удвоенный дух. Елисей, (его) милость получив, вдвое больше чудес совершил. Другие пророки, каждый в свое время, пророчествовали о будущих удивительных делах. После них великий Иоанн, ходатай между Ветхим и Новым законом, стал крестителем и свидетелем Христовым и проповедником живым и мертвым.

Святые апостолы Петр и Павел с остальными учениками Христовыми, как молния, прошедшая по всему миру, осветили всю землю. После них мученики кровью своей смыли скверну, а преемники святых апостолов, крестив цесаря, великим подвигом и трудом разрушили язычество. Сильвестр праведно из трехсот и восемнадцати отцов, приняв себе в помощь великого цесаря Константина, собрав в Никее первый собор, победил Ария и проклял его и ересь его, которую тот воздвигал на Святую Троицу, как когда-то Авраам с тремястами и восемнадцатью слугами перебил царей и принял благословение и хлеб и вино от Мельхиседека, царя салимского, ведь был тот иереем Бога всевышнего. Дамас же и Григорий Богослов со ста пятьюдесятью отцами и великим царем Феодосием в Царьграде подтвердили святой символ, то есть «Верую во

въ единъ Богъ», а Македония, отсѣкъше, прокляша и и хулу его, юже глаголаше на Святыи Духъ. Келестинъ и Куриль съ дѣвѣма сътома отьць и съ другимъ цсарьмъ* въ Ефесъ Нестория раздрушиша съ всею блядию, юже глаголаше на Христа. Львъ и Анатоль съ правовѣрнымъ цсарьмъ Маркианъмъ и съ 6-ю сътъ и трьми десятиа отьць въ Халькидонѣ Евтухово безумие и блядение прокляша. Въгилий съ богоугоднымъ Иустинъмъ и съ сътъмъ и 60 и 5-тъю отьць, 5 сънъмъ съставляше, изискавъше, прокляша. Агафонъ, апостольскыи папежь, съ дѣвѣма сътома и 70 отьць съ чьстьнымъ Костянтинъмъ цсарьмъ на шестъмъ сънъмъ многы мятежа въсколоша, изгънавше, прокляша съ вьсѣми *сънъмники* тѣми. Реку же, Феодора Фараньскааго, Севгира же и Пирона, Кура Александрьскааго, Енория Римьскааго, Макария Антиохийскааго и прочая попѣшьники ихъ, а крѣстьянскую вѣру, на истинѣ поставльше, утвърдиша.

По сих же вьсѣхъ Богъ милостивыи, «иже хочеть, да бы всякъ человекъ спасенъ былъ и въ разумъ истиньныи пришълъ»,* въ наша лѣта языка ради нашего, о немъ же ся не бѣ никътоже николиже попеклъ, на добрыи чинъ въздвиже нашего учителя, блаженаго учителя Мефодия, егоже вся добрыа дѣтели и подвигы прилагающе, сихъ угодицѣхъ по единому не постыдимься, овѣмъ бо равнѣ бѣ, овѣхъ же малы мьнии, а другихъ болии, словесьныа дѣтелью прѣспѣвъ, а дѣтельныа словѣмъ. Вьсѣмъ бо ся уподобль, вьсѣхъ образъ на себѣ являше: страхъ Божии, заповѣдная храненияя, плѣтскою чистотою, прилѣжьны молитвы и святыня, слово сильное и кроткое, сильно на противьныа, а кроткое на приемлющая казание, ярость, тихость, милость, любвь, страсть и тьрпѣние, все о вьсячьскыихъ бывая, да бы вся приобрѣлъ.

Бѣ же рода не худа от обоуду, нѣ вельми добра и чьстьна, знаема пьрвѣ Богъмъ и цсарьмъ и всею Селуньскою страною, якоже и тѣлесныи его образъ являше ся. По тому же и пьрци, любяще и издѣтска, чьстьныа бесѣды дѣяху, дондеже цсарь, *увѣдѣвъ* быстрость его, княжение ему дасть държати словѣнско, *реку* же азъ, яко прозьря, како и хотяше *Богъ* учителя словѣнемъ посълати и пьрваго архиепископа, да бы проучилъся вьсѣмъ обычаемъ словѣнскимъ и обьклъ я помалу.

Сътвори же въ томъ княжии лѣта многа, и узьрѣ многы мълвы бе-щиньны въ житии семь, прѣложи земьныа тьмы волю на небесьныа мысли, не хотяше бо чьстьныа душа орѣпѣтити непрѣбывающими въ вѣкы. И обрѣтъ врѣмя, избыть княжения и, шьдъ въ Алимбъ,* идеже живутъ святии отьци. Постригъ ся, облѣче въ чьрны ризы, и бѣ повинуюся покорьмъ. И съвьршыа вьсь испълнъ мьнишьскыи чинъ, а книгахъ прилежа.

Приключьшо же ся врѣмени такому, и посъла цсарь по философа, брата его, въ козары,* да поятъ и съ собою на помощь. Бяху бо тамо жидове крѣстьянскую вѣру вельми хуляше. Онъ же рече, яко «Готовъ есмь за крѣстьянскую вѣру умрѣти». И не ослушася, нѣ, шьдъ, служи яко рабъ мьнъшу

единого Бога», и, изгнав Македония, прокляли его и хулу его, которую он говорил на Святого Духа. Целестин и Кирилл с двумястами отцами и другим царем сокрушили в Ефесе Нестория со всей болтовней, которую он говорил на Христа. Лев и Анатолий с правоверным царем Маркианом и с шестьюстами и тридцатью отцами прокляли в Халкедоне безумие и болтовню Евтихиевы. Вигилий с богоугодным Юстинианом и со ста шестьюдесятью пятью отцами, Пятый собор собрав, изыскав (где какая болтовня укрылась), прокляли. Афагон, апостольский папа, с двумястами и семьюдесятью отцами с честным Константином царем на Шестом соборе многие восстания раскололи и всем тем собором, изгнав, прокляли, я говорю о Феодоре Фаранском, Сергии и Пирре, Кире Александрийском, Гонории Римском, Макарии Антиохийском и прочих приспешниках их, а христианскую веру, на истине стоящую, укрепили.

(II.) После же всего этого Бог милостивый, «который хочет, чтобы всякий человек спасен был и до истинного познания дошел», в наше время ради нашего народа, о котором никто и никогда не заботился, для доброго дела воздвиг нам учителя, блаженного учителя Мефодия, которого все добродетели и подвиги к каждому из этих угодников приложив, не постыдимся: ведь одним он равен был, других немного меньше, а иных больше, — красноречивых превзойдя добродетелью, а добродетельных — красноречием. Каждому уподобившись, образ каждого собой явил: страх Божий, хранение заповедей, чистоту плоти, прилежание в молитвах и святости, слово сильное и кроткое — сильное для противников, а кроткое для принимающих поучение, ярость, тихость, милость, любовь, страсть и терпение, — он был всем из всего, чтобы всех привлечь.

Был он рода с обеих сторон не худого, но доброго и честного, известного издавна Богу и царю, и всей Солунской стране, что являл и телесный его облик. Поэтому и (участники) споров, любившие его с детства, вели с ним уважительные беседы, пока царь, узнав о быстроте (ума) его, не поручил ему держать славянское княжение, чтобы он узнал все славянские обычаи и привык понемногу, как будто провидя, — я (бы) сказал, — что Бог хотел послать его учителем для славян и первым архиепископом.

(III.) Проведя на княжении много лет и увидев множество беспорядочных волнений этой жизни, он сменил стремление к земной тьме на мысли о небе, ведь он не хотел возмущать благородную душу тем, что не вечно — не прибывающим. И, найдя удобное время, он избавился от княжения и пошел на Олимп, где живут святые отцы. Постригшись, он облачился в черные ризы и пребывал с покорностью повинуюсь. И, исполняя весь монашеский чин, обратился к книгам.

(IV.) Но случилось в то время следующее: послал царь за философом, братом его, (чтобы идти) к хазарам (и) чтобы тот взял его себе в помощь. Ведь там были иудеи, сильно хулившие христианскую веру. Он же сказал, что: «Я готов умереть за христианскую веру». И не ослушался он, но, идя, служил как

брату, повинуюся ему. Съ же молитвою, а философъ словесы прѣможить я, и посрамисте. Видѣвъ же цсарь и патриархъ подвигъ его, добръ на Божии путь, бѣдиша и, да быша и святили архиепископа на чьстное мѣсто, идеже есть потреба такого мужа. Не рачышю же, унудиша и и поставиша и игумена въ монастыри, иже нарицается Полихронъ,* емуже есть сѣмѣра 20 и 4 спудове* злата, а отьць обиле 70 въ немь есть.

Прилучи же ся въ ты дни Ростиславъ, князь словѣнскъ, съ Святопѣлкѣмъ* посъласта из Моравы къ цсарю Михаилу, глаголюща тако: «Яко Божиею милостию съдрави есмь, и суть въ ны вѣшли учителя мнози, крѣсти-яни из влахъ и из грѣкъ и из нѣмьць, учаще ны различь, а мы словѣни проста чадь и не имамъ, иже бы ны наставиль на истину и разумъ съказаль. То, добрѣи владыко, посъли такъ мужъ, иже ны исправитъ вѣсяку правду».* Тѣгда цсарь Михаилъ рече къ философу Костянтину: «Слышиши ли, философе, рѣчь сию? Инъ сего да не можеть сътворити развѣ тебе. Тѣ на ти дари мнози, и, поимъ братъ свой игумень Мефедии, иди же. Вы бо еста селунянина, да селуняне вѣси чисто словѣнскы бесѣдують».

Тѣгда не сѣмяста ся отрещи ни Бога, ни цсаря, по словеси Святаго апостола Петра, якоже рече: «Бога боятся, цсаря чѣтѣте».* Нѣ велику слышавъша рѣчь, на молитву ся наложиста и съ инѣми, иже бяху тогоже духа, егоже и си. Да ту яви Богъ философу словѣнскы книги. И абие устрои въ письмена и бесѣду съставль, пути ся ятъ моравьскаго, поимъ Мефедия. Начать же, паки съ покорѣмъ повиную ся, служити философу и учити съ нимъ. И трѣмъ лѣтомъ ишѣдъшемъ, възвратистася из Моравы, ученикы научыша.

Увѣдѣвъ же такова мужа, апостоликъ Никола* посъла по ня, желая видѣти я яко аньгела Божия. Святи учение ею, положъ словѣнское Евангелие на олтари Святаго Петра* апостола, святи же на поповѣство блаженаго Мефедия.

Бяху же етера многа чадь, яже гужаху словѣнскыя книги, глаголюще, яко не достоитъ никоторомуже языку имѣти буквѣ своихъ, развѣ еврей и грѣкъ и латинъ, по Пилатову писанию,* еже на крѣстѣ Господни написа. Еже апостоликъ, пилатъны и трѣязычъники нареклъ, проклять. И повелѣ единому епископу,* иже бѣ тоуже язею больнъ, и святи от ученикъ словѣнскъ три попы и 2 анагоста.*

По дѣнхъ же мнозѣхъ философъ, на Судъ грядыи, рече къ Мефодию, брату своему: «Се, брате, въ супруга бяховѣ, едину бразду тяжаща, и азъ на лѣсѣ падаю, свои днь съконъчавъ. А ты любиши гору* вельми, то не мози горы ради оставити учения своего, паче бо можеша кымъ спасенъ быти».

Посълавъ же Коцель* къ апостолику проси Мефодия, блаженаго учителя нашего, да бы и ему отпустилъ. И рече апостоликъ: «Не тебе единому

раб меньшему брату, повинуюсь ему. Он молитвами, а философ словами превозмогли тех и посрамили. Царь же и патриарх, увидев подвиг его, годный для Божьего пути, убеждали его (согласиться), чтобы посветили в архиепископы на почетное место, где есть потребность в таком муже. Так как он не соглашался, принудили его и поставили игуменом в монастыре, который называется Полихрон, доход которого измеряется двадцатью четырьмя спудами золота, а отцов в нем больше семидесяти.

(V.) Случилось же в те дни, что Ростислав, князь славянский, и Святополк послали из Моравии к царю Михаилу, говоря так: «Мы Божьей милостью здоровы, но пришли нам много учителей христиан от итальянцев, и от греков, и от немцев, уча нас по-разному, а мы, славяне, люди простые, и нет у нас, кто бы наставил нас истине и научил разуму. Потому, добрый владыка, пошли такого мужа, который наставит нас всякой правде». Тогда царь Михаил сказал Философу Константину: «Слышишь ли, Философ, эту речь? Никто другой не может этого сделать, кроме тебя. Так на тебе дары многие и, взяв брата своего игумена Мефодия, ступай же. Ведь вы солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски».

Тут они не посмели отказаться ни перед Богом, ни перед царем, по слову святого апостола Петра, как он сказал: «Бога бойтесь, цесаря чтите». Но почувствовав величие дела, предались они молитве вместе с другими, кто был такого же духа, что и они. И тут явил Бог Философу славянские книги. И тот, тотчас упорядочив буквы и составив беседы, отправился в путь в Моравию, взяв Мефодия. И стал он, снова с покорностью повинуюсь, служить Философу и учить вместе с ним. И когда минуло три года, возвратились они из Моравии, выучив учеников.

(VI.) Узнав же о таковых людях, апостолик Николай послал за ними, желая видеть их, как ангелов Божьих. Он осветил учение их, положив славянское Евангелие на алтаре святого апостола Петра, и посветил в попы блаженного Мефодия.

Было много других людей, которые поносили славянские книги, говоря, что не подобает никакому народу иметь свои буквы, кроме евреев, греков и латинян, по надписи Пилата, которую он на кресте Господнем написал. Их апостолик назвал пилатниками и триязчниками. И одному епископу, который был болен тою же болезнью, он повелел посвятить из учеников славянских трех в попы, а двух в анагностов.

(VII.) Спустя много дней Философ, отправляясь на Суд, сказал Мефодию, брату своему: «Вот, брат, были мы с тобой в упряжи, пахали одну борозду, и я у леса (, дойдя борозду,) падаю, свой день окончив. А ты хоть очень любишь гору, но не моги ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?»

(VIII.) Послал Коцел же к апостолику, просил, чтобы отпустил к нему Мефодия, блаженного учителя нашего. И сказал апостолик: «Не тебе одному

тъкъмо, нъ и всѣмъ странамъ тѣмъ словѣнскимъ сълю и учитель от Бога и от святаго апостола Петра, първаго настольника и ключедържѣца цсарьствию небесьному». И посъла и, написавъ епистолию сию: «Андрианъ, епископъ и рабъ Божи, къ Ростиславу и Святопълку и Коцьлю. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволение,* яко о васъ духовьная слышахомъ, *на няже* жадахомъ съ желаниемъ и молитвою вашего ради съпасения, како есть въздвиглъ Господь сърдѣца ваша искати его и показалъ вамъ, яко не тъкъмо вѣроу, нъ и благыми дѣлы достойтъ служити Богу, „вѣра бо безъ дѣлъ мъртва есть”,* и отпадають ти, иже „ся мнѣть Бога знающе, а дѣлы ся его отъмѣтають”.* Не тъкъмо бо у сего святительскаго стола просисте учителя, нъ и у благовѣрнаго цсаря Михаила, да посъла вамъ блаженаго философа Костянтина и съ братьмъ, дондеже мы не доспѣхомъ. Она же, увѣдѣвъша апостольскаго стола достающа ваша страны, кромѣ канона не створисте ничьсоже, нъ къ намъ придосте, и святаго Климента мощи несуще.* Мы же, тръгубу радость приимъше, умыслихомъ, испытавъше, посълати Мефодия, свящъше и съ ученикы, сыну же нашего на страны ваша, мужа же съвършена разумъмъ и правовѣрна, да вы учить, якоже есте просили, съказая кнѣигы въ языкъ вашъ по въсему църкъвьному чину испълнь, и съ святоу мъшею, рекъше съ службою, и крещениемъ, якоже есть философъ началъ Костянтинъ Божию благодатью из молитвы святаго Климента. Также же аще инъ кто възможеть достойно и правовѣрно съказати, свято и благостно Богъмъ и нами и въсею кафоликѣю и апостольскою Църкъвью буди, да бысте удобъ заповѣди Божия навькли. Съ же единъ хранити обычай, да на мъши първѣ чьтуть Апостоль и Евангелие римьскы, таче словѣнскы. Да ся испълнить Книжьное слово, яко „въсхвалять Господа въси языци”,* и другоиде: „Вьси възглаголять языки различьны величѣя Божия, якоже дасть имъ Святыи Духъ отвѣщавати”.*

Аще же кто от събранныхъ вамъ учитель и чешущихъ слухы и от истины отвращающихъ на бляди начьнетъ, дързнувъ, инако развращати вы, гадя кнѣигы языка вашего, да будетъ отълученъ *не* тъкъмо въсуда, нъ и Църкъве, донде ся исправитъ. Ти бо суть вълци, а не овьця,* яже достойтъ от плодъ *ихъ знати* и хранити ся ихъ.

Вы же, чада възлюбленая, послушайте учения Божия и не отринѣте казания църкъвьнаго, да ся обрящете истиньнии поклонителе Божии, отьцю нашему небесьному, съ всѣми святыими. Аминь».

Приятъ же и Коцьль съ великою чьстью и паки посъла и къ апостолику и 20 мужъ чьстны чади, да и ему святить на епископство въ Панонии, на столъ святаго Андроника от 70,* еже и бысть.

По семь же старыи врагъ, завидьливый добру и противьникъ истинъ, въздвиже сърдѣце врагу моравьскаго короля* на нъ съ всѣми епископы, яко „на

только, но и всем тем странам славянским посылаю его учителем от Бога и от святого апостола Петра, первого престолонаследника и держателя ключей от царствия небесного». И послал его, написав такую эпистолию: «Адриан, епископ и раб Божий, Ростиславу и Святополку и Коцелу. Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение, что услышали мы о вас духовное, на это уповали мы с желанием и молитвою вашего ради спасения, как воздвиг Господь сердца ваши искать его и показал вам, что не только верою, но и благими делами подобает служить Богу, ведь „вера без дел мертва“, и отпадают те, которые „воображают, что знают Бога, но делами отрекаются от него“. Ведь не только у этого святительского престола просили вы учителя, но и у благоверного царя Михаила, чтобы послал он к вам блаженного философа Константина с братом, покуда мы не сделали. Они же, уведав что страны ваши находятся под властью апостольского престола, не сделали ничего противного канонам, но к нам пришли и принесли с собой мощи святого Климента. Мы же, тройную радость получив, замыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа совершенного разумом и правоверного, испытав и посвятив его вместе с его учениками, чтобы учил вас, как вы просили, излагая на языке вашем Книги полностью для всего церковного чина, в том числе со святой мессой, то есть службой, и с крещением, как начал философ Константин Божьей благодатью и молитвами святого Климента. Так же если и кто иной сможет достойно и правоверно говорить, — да будет свято и благословлено Богом и нами и всей вселенской и апостольской Церковью, чтобы легче обучились вы заповедям Божьим. Только один этот сохранять вам обычай, чтобы во время мессы сначала читали Апостол и Евангелие по-латыни, потом по-славянски. Да исполнится слово Писания, что „будут хвалить Господа все народы“, и другое: „И все станут говорить о величии Божьем на разных языках, на которых позволит им говорить Святой Дух“.

Если же кто из собранных у вас учителей, из тех, кто тешит слух и от истины отвращает к заблуждениям, начнет, дерзнув, вносить между вами разлад, порицая книги на вашем языке, пусть будет отлучен не только от причастия, но и от Церкви, пока не исправится. Ибо они суть волки, а не овцы, что следует по плодам их узнавать и беречься от них.

Вы же, чада возлюбленные, повинуйтесь учению Божьему и не отриньте поучения церковного, чтобы вы стали истинно поклоняющимися Богу, отцу нашему небесному, со всеми святыми. Аминь».

Коцел же принял его с великой честью и снова послал его, а также двадцать человек из именитых людей, к апостолику, чтобы он посвятил его на епископство в Паннонии на престол святого Андроника, апостола из числа семидесяти, что и стало.

(IX.) После этого старый враг, ненавистник добра и противник истины, воздвиг на него сердце врага, моравского короля со всеми епископами, что,

нашей области учиши". Онъ же отвѣща: «И азъ аще быхъ вѣдѣлъ, яко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ. Нѣ святаго Петра есть. Да правдою аще ли вы рывния ради и лакомства на старыя прѣдѣлы поступаете черось каноны, възбраняюще учения Божия, блюдѣтесе, еда како хотяще желѣзну гору костяньмъ тѣменьмъ пробити, мозгъ вашъ излѣтете». Рѣша ему яро, глаголюще: «Зла добудеши». Отвѣща онъ: «Истину глаголю прѣдъ цсари и не стыжюся,* а вы творите волю вашу на мнѣ, нѣсмь бо лучии тѣхъ, иже суть, правду глаголюще, многими муками и жития сего избыли». Многамъ же рѣчьмъ прогоненамъ и не могушемъ противу ему отвѣщавати, рече король изниця: «Не тружайте моего Мефодия, уже бо ся есть, яко и при пещи употилъ». Рече онъ: «Еи, владыко. Философа потьна инѣгда сѣрѣтеше, людие рѣша ему: „Чѣто ся потиши?“ Дѣеть онъ: „Съ грубою ся чадью пѣрѣхъ“». О томъже словеси сѣпѣрѣвъше, ся разидоша, а оного, засѣлавше въ Сѣвабы, дѣрѣжаша полъ третья лѣта.

Доиде къ апостолику. И увѣдѣвъ, посѣла клятву на ня, да не поють мѣша, рекѣше служьбы, вси королеви епископи, донде и дѣрѣжать. И тако и пустиша, рекѣше Коцьлу: «Аще сего имаши у себе, не избудеши нас добрѣ». Нѣ они не избыша святаго Петрова суда, 4 бо от нихъ епископи умьроша.

Приключи же ся тѣгда моравляне, очюшьше нѣмѣчскыя попы, иже живяху въ нихъ не прияюще имъ, нѣ ковъ кующе на ня, изгнаша вся,* а къ апостолику посѣлаша: «Яко и пѣрвѣе отци наши от святаго Петра крѣщение прияли, то дажъ намъ Мефодия архиепископа и учителя». Абие же посѣла и апостоликъ. И приимы и Святопѣлкъ князь съ всѣми моравляны и поручи ему вся цѣркѣви и стрижьники въ всѣхъ градѣхъ. От того же дѣне вельми начать расти учение Божие и стрижьници множитися въ всѣхъ градѣхъ от тогоже начать расти и множитися и погании вѣровати въ истиньныи Богъ, своихъ блядди отмѣтающеся. Тольми паче и Моравьска область пространити начать вся страны и врагы своя побѣжати и съ непогрѣшениемъ, яко и сами повѣдають присно.

Бѣ же пророчьска благодать въ немъ, яко ся суть сѣбывала многа прорицания его. От нихъже ли едино ли дѣвѣ сѣкажемъ.

Поганьскъ князь сильнѣ вельми, сѣдя въ Вислѣ, ругашесе крѣстьяномъ и пакости дѣяше. Посѣлавъ же къ нему, рече: «Добро ти ся крѣстити, сыну, волею своею на своей земли, да не плѣненъ нудьми крѣщенъ будеши на чюжеи земли. И помянеши мя». Еже и бысть.

Инѣгда же паки Святопѣлку воующу на поганья и ничѣсоже успѣющу, нѣ мудящу. Святаго Петра мѣши приближающихся, рекѣше служьбѣ, посѣла къ нему, глаголя яко: «Аще ми ся обѣщаеши на святии Петровъ дѣнь съ вои своими сѣтворити у мене, вѣрую въ Богъ, яко прѣдати ти имать я вѣскорѣ». Еже и бысть.

Етеръ другъ, богатъ зѣло и сѣвѣтъникъ, оженися купетрою своею, рекѣше ятѣрвью, и много казавъ и учивъ и утѣшавъ, не може ею развести. Ини

дескать, «в нашей области учишь». Он же ответил: «Я сам обошел бы стороной, если бы ведал, что ваша. Но она — святого Петра. По правде же, если вы из зависти и жадности вопреки канонам на старые пределы наступаете, препятствуя учению Божьему, то берегитесь, чтобы не разлить свой мозг, желая костным теменем пробить железную гору». Они отвечали ему, говоря в ярости: «Зло себе добудешь». Он ответил: «Истину говорю перед царями и не стыжусь, а вы поступайте со мной, как хотите, ведь я не лучше тех, кто в великих муках лишился и жизни за то, что говорил правду». И когда много вопросов было задано и не смогли опровергнуть его, сказал король, вставая: «Не утруждайте моего Мефодия, ведь он вспотел уже, как у печки». Сказал он: «Так, владыка». Встретили люди как-то потного философа (и) сказали ему: «Почему ты так вспотел?» А он: «С невеждами спорил». И поспорив об этих словах, разошлись, а его, сослав в Швабию, держали два с половиной года.

(X.) Дошло до апостолика. И уздав, послал на них запрет, чтобы ни один королевский епископ не служил мессы, то есть службы, пока его держат. Поэтому отпустили его, сказав Коцелу: «Есть будет он у тебя, не уйдешь от нас добром». Но они не ушли от суда святого Петра, ведь из этих епископов четверо умерло.

Приключилось же тогда, что мораване, убедившись, что немецкие попы, которые жили у них, не приятели им, но оковы им куют, всех изгнали и послали к апостолику: «Так как прежде отцы наши от святого Петра крещение приняли, то дай нам Мефодия архиепископом и учителем». Тотчас прислал его апостолик. И принял его Святополк князь со своими мораванами и поручил ему все церкви и духовенство во всех городах. И с того дня начало очень расти учение Божие и духовенство во всех городах начало расти и множиться, и поганые — веровать в истинного Бога, от своих заблуждений отрекаясь все больше. И моравская власть стала расширять свои пределы и побеждать своих врагов без неудач, как и сами они рассказывают.

(XI.) Была же в нем пророческая благодать, так что сбывались многие его прорицания. Об одном или двух из них мы расскажем.

Очень сильный языческий князь, сидевший на Висле, поносил христиан и пакости делал. Послав же к нему, сказал (Мефодий): «Хорошо бы тебе креститься, сын, своею волею на своей земле, чтобы не был ты крещен насильно в плену на чужой земле. И вспомнишь меня». Так и было.

Или вот. Однажды Святополк воевал с погаными и ничего не достиг, но медлил. Когда стала приближаться месса, то есть служба, святого Петра, (Мефодий) послал к нему, говоря: «Если пообещаешь провести у меня со своими воинами день святого Петра, то верую, что скоро предаст их тебе Бог». Так и было.

Один человек, очень богатый, и советник (князя) женился на своей куме, то есть на ятрови, и (Мефодий) много наставлял, и учил, и уговаривал

бо, Божии раби* творящеся, таи разврашаху я, ласкающе имѣния ради, да сетнѣе отлучиша я от църкве. И рече: «Придетъ час, егда не могут помощи ласкавѣници ти, а моя словеса поминати имата, нѣ не будетъ что створити». Вънезапу по Божию оступлению паде напасть на нею, «и не обрѣтесе мѣсто ею, нѣ яко и вихъръ, прахъ възъмъ, расѣя». * И ина многа подобна симъ, яже притъчами явѣ съказаше.

Сихъ же всѣхъ не тѣрпя, старии врагъ, завистьникъ челоувѣчю роду, въздвиже етеры на нѣ, яко Дафана и Авирона на Мосѣя, овы явѣ, а другыя таи. Иже болятъ инопаторскою ересью* и слабѣиша съврацають къ себѣ съ праваго пути, глаголюще: «Намъ есть папѣжь власть даль, а сего велитъ вѣнъ изгнати и учение его».

Събравъше же вся люди моравскыя, веляху прочисти прѣдъ ними епистолию, да быша слышали изгнание его. Людие же, якоже есть обычаи челоувѣкомъ, вси печаловахуся и желяху си, лишаеми пастыря такого и учителя, развѣ слабыхъ, яже льсть двизаше, яко се вѣтръ листвие. Почтъгше апостоликовы книги, обрѣтоша писание, яко: «Братъ нашъ Мефодии святыи и правовѣрнѣесть, и апостольско дѣяние дѣлаеть, и въ руку его суть от Бога и от апостольскаго стола вся словѣнскыя страны, да егоже прокльнетъ, проклять, а егоже святитъ, тѣ святѣ да буди». И посрамльшеся, разидоша ся, яко мгла, съ студъмъ.

Не до сего же тѣкъмо злоба ихъ ста, нѣ рѣша глаголюще, яко цсарь ся на нѣ гнѣваетъ, да аще и обрящеть, нѣсть ему живота имѣти. Да и о томъ не хотя похулити своего раба, Богъ милостивый вѣложи въ сѣрдце цсарю, якоже «есть присно въ руцѣ Божии цсарѣ сѣрдце»,* и посѣла книги къ нему, яко: «Отче чѣстныи, вельми тебе желаю видѣти. То добро сътвори, потрудися до насъ, да тя видимъ, дондеже еси на семь свѣтѣ, и молитву твою приемемъ». Абие же шѣдъшю ему тамо, приятъ и съ чѣстью цсарь великою и радостью и, учение его похваль, удържа от ученикъ его попа и дьякона съ книгами. Всю же волю его сътвори, елико хотѣ, и не ослушавъ ни о чѣсомъже. Облюбль и одаръ вельми, проводи и паки славно до своего стола. Тако же и патриархъ.

На всѣхъ же путъхъ въ многы напасти вѣпадъше от неприязни: по пустынямъ въ разбойники и по морю въ вълны вѣтрны, по рѣкамъ въ смърчи незапны, яко ся съконъчати на немъ апостольскому словеси: «Бѣды от разбойникъ, бѣды въ мори, бѣды въ рѣкахъ, бѣды от лъжибратии, въ трудѣхъ и подвижениихъ, въ забѣдѣнии множицею, въ алькани и жажи множицею»,* и прочимъ печальмъ, яже апостолъ поминаеть.

Потомъ же отвѣргъ вся мѣлвы и печаль свою на Бога възложъ, прѣже же от ученикъ своихъ посажъ дѣва попы* скорописьця зѣло, прѣложи въ бѣрзѣ вся книги, вся испълнъ развѣ Макавѣи от грѣчьска языка въ словѣнскѣ шестию мѣсяць,* начѣнъ от марфа мѣсяца, до дѣвоюдесяту и шестию дѣнь

их, но развести их не мог. Потому что другие, выдавая себя за рабов божьих, втайне разврашали их, лстя из-за имущества, и вовсе отвратили их от церкви. И он сказал: «Придет час, когда не смогут помочь эти лстецы, и вспомните мои слова, но ничего сделать уже будет нельзя». Внезапно, после Божьего отступления, пала на них напасть, «и места их не стало, но будто вихрь, подхватив, рассеял пыль». Много и другого подобного этому было, о чем говорил он открыто в притчах.

⟨XII.⟩ Старый враг, ненавистник рода человеческого не мог терпеть всего этого, воздвигнув на него некоторых, как на Моисея Дафана и Авирона, одних — открыто, других — тайно. Больные иопаторской ересью соврашают слабейших с правильного пути, говоря: «Нам папа дал власть, а его велит изгнать вон вместе с его учением».

Собрав же весь моравский народ, они велели прочесть перед ними епистолию, чтобы слышали об изгнании его. Люди же, как свойственно человеку, все печалились и скорбели, что лишаются такого пастыря и учителя — кроме слабых, которыми двигала ложь, как листьями ветер. Но когда прочли письма апостолика, то обнаружили следующее: «Брат наш Мефодий свят и правоверен и делает апостольское дело, и в руках его все славянские земли от Бога и от апостольского престола, а кого он проклянет, будет проклят, а кого благословит, тот да будет свят». И, посрамившись, они разошлись, как туман, со стыдом.

⟨XIII.⟩ На этом злоба их не кончилась, но стали они говорить, что гневается на него царь и если найдет, не быть ему живому. Но милостивый Бог не хотел, чтобы и в этом хулили раба его, он вложил в сердце царю, ибо сердце царя всегда пребывает в руках Божьих, мысль и послал к нему письмо: «Честный отче, очень хочу тебя видеть. Так сделай милость, потрудись (пробыть) к нам, чтобы мы увидели тебя, пока ты на этом свете, и молитву твою приняли». И он сразу пошел туда, принял его царь с великой честью и радостью и, похвалив его учение, удержал из его учеников попа и дьякона с книгами. И все желания его исполнил, чего он хотел, и ни в чем ему не отказал. Обласкав и одарив, проводил его со славою назад на его престол. Так же и патриарх.

⟨XIV.⟩ На всех же путях попадал он во многие напасти от дьявола: в пустынях к разбойникам, на море в волненья ветров, на реках во внезапные смерчи, так что исполнилось на нем слово апостола: «Беды от разбойников, беды в море, беды на реках, беды от лжебратьев, в трудах и подвигах, в постоянном бдении, во многом голоде и жажде», и в прочих печалях, о которых упоминает апостол.

⟨XV.⟩ А потом, оградившись от сомнений и печаль свою на Бога возложив, еще раньше посадив из учеников своих двух попов, отличных скорописцев, быстро переложил все Книги, все полностью, кроме Маккавейских, с языка греческого на славянский, за шесть месяцев, начиная с марта

октября мѣсяца. Окончавъ же, достойную хвалу и славу Богу въздасть, дающему такую благодать и поспѣхъ. И святое възношение тайное съ клиросьмъ своимъ възнесъ, сътвори память святаго Димитрия.* Псалтырь бо бѣтъкъмо и Евангелие съ Апостолъмъ и избѣранными служъбами църкъвьными съ философъмъ прѣложилъ пръвѣе. Тъгда же и Номоканонъ, рекъше закону правило, и отъчьскыя книги прѣложи.

Пришьдѣшю же на страны дунаискыя королю угорьскому,* възхотѣ и видѣти, и етеромъ глаголющемъ и непъщующемъ, яко не избудеть его безъ муки, иде къ нему. Онъ же, яко достоинъ владыцѣ, тако и приять чьстьно и славно съ веселиемъ. И бесѣдовавъ съ нимъ, якоже достояше тацѣма мужема бесѣды глаголати, отпусти и, улюблъ и обლობызавъ, съ дары великими, рекъ ему: «Помяни мя, чьстьныи отъче, въ святыихъ молитвахъ твоихъ присно».

Такоже вся вины отсѣкъ по вся страны, и уста многорѣчьныхъ загради,* течение же съвърши, вѣру съблюде,* чая правдѣнаго вѣнца. И понеже тако уожъ, Богу възлюбленъ бысть.* Приближатися начатъ вѣрмя покои прияти отъ страсти и многыхъ трудъ мьзду. Въпросиша же и, рекъше: «Кого чуеши, отъче и учителю чьстьныи, въ ученицѣхъ своихъ, да бы отъ учения твоего тебѣ настольникъ былъ?» Показа же имъ единого отъ извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемаго Горазда, глаголя: «Съ есть вашей земля свободъ мужъ, ученъ же добръ въ латиньскыя книги, правовѣрнъ. То буди Божия воля и ваша любы, якоже и моя». Събравъшемъ же ся имъ въ Цвѣтнующую недѣлю, възсѣмъ людьмъ, възшѣдъ въ църкъвь и немогыи, казавъ благодати цьсаря и князя и клирики и люди вся, и рече: «Стрѣзѣте мене, дѣти, до 3-яго дьне». Якоже и бысть. Свитающу 3-му дьни, прочее рече: «Въ руцѣ твои, Господи, душу мою вѣлагаю».* На рукахъ иерѣискахъ почи въ 6 днь мѣсяца априля въ 3 индиктъ, въ 6000 и 300 и 90 и 3 лѣто отъ твари вьсего мира.

Усужьше же и свои ученици и достойны чьсти сътворивъше, и службу църкъвьную латиньскы, гръчьскы и словѣньскы сътрѣбиша и положиша и въ съборьнѣи църкъви. И приложися къ отъцемъ своимъ и патриархомъ и пророкомъ и апостоломъ, учителемъ, мученикомъ. Людии же бе-щисльнъ народъ събравъся, проважааху съ свѣщами, плачущесе, добра учителя и пастыря: мужьскъ полъ и женьскъ, малии и велиции, богатии и убозии, свободьнии и раби, вѣдовица и сироты, страньнии и тоземьци, недужьнии и съдравии, вси — бывъшааго всячьско възсѣмъ, да бы вся приобрѣлъ. Ты же съвыше, святая и чьстьная главо, молитвами своими призираи на ны, желающая тебе избавляи отъ всякоя напасти, ученикы своя и учение пространяя, а ереси прогоня, да достоино званья *нашего* живъше съде, станемъ съ тобою, твое стадо, о десную страну Христа Бога нашего, вѣчьную жизнь приемлюще отъ него. Тому бо есть слава и чьсть въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

месяца до двадцать шестого дня октября месяца. Окончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, дающему такую благодать и удачу. И вознеся с клиром своим святое тайное возношение, отпраздновал память святого Димитрия. Ведь прежде с философом переложил он только Псалтырь и Евангелие с Апостолом и избранными церковными службами. Тогда же и Номоканон, то есть правило закона, и отеческие книги переложил.

⟨XVI.⟩ Когда же венгерский король пришел в дунайские страны, он захотел его увидеть: и хотя некоторые говорили и предполагали, что не уйти от него без мучений, он пошел к нему. Но тот, как и подобает владыке, так и принял — с почетом, славою и радостью. И побеседовав с ним, как пристало таким мужам вести беседы, отпустил его, обласкав, поцеловав, с дарами великими, сказав: «Поминай меня всегда, честный отец, в святых твоих молитвах».

⟨XVII.⟩ Так пресек он со всех сторон обвинения, затворив уста много-речивым, путь завершил, и веру сохранил, ожидая праведного венца. И поскольку так угодил, возлюблен был Богом. Стало приближаться время принять покой от страстей и награду за многие труды. И спросили его, говоря: «Кто, считаешь ты, честный отец и учитель, среди учеников твоих был бы преемником тебе в учительстве твоём?» И показал он им на одного из известных учеников своих, именем Горазд, говоря: «Этот из вашей земли свободный муж, научен хорошо в латинских книгах, правоверен. Пусть будет Божья воля и ваша любовь, как и моя». А когда в Вербное воскресенье собрались все люди, он, немощный, войдя в церковь, благословив царя, князя, и клириков, и весь народ, сказал: «Стерегите меня, дети, три дня». Так и было. На рассвете третьего дня он сказал следующее: «В руки твои, Господи, влагаю душу мою». И почил на руках иерейских в 6 день месяца апреля в 3-й индикт 6393 года от сотворения всего мира.

Приготовив его к погребению и воздав ему достойную честь, отслужили ученики его церковную службу по-латыни, по-гречески и по-славянски и положили его в соборной церкви. И приложился он к отцам своим и патриархам, и пророкам, и апостолам, учителям, мученикам. И собравшись, бесчисленные народные толпы провожали со свечами доброго учителя и пастыря: мужчины и женщины, малые и большие, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовицы и сироты, иноземцы и местные, больные и здоровые, — все, оплакивая того, кто был всем из всего, чтобы всех привлечь. Ты же, святая и честная глава, в молитвах твоих свыше опекай нас, стремящихся к тебе избавь от всякой напасти, учеников своих и учение распространяя, а ереси изгоняя, чтобы, прожив здесь достойно нашего назначения, стали мы с тобой, стадо твое, одесную сторону Христа, Бога нашего, вечную жизнь принимая от него. Ему же слава и честь во веки веков. Аминь.

ИЗ ТОЛКОВОГО АПОСТОЛА

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Написание Иаковля епистолиа

Понеже сам Иаковъ сию пишетъ расъяннемъ от обоюнадесяте колѣну* и вѣровавшимъ въ Господа нашего Исус Христа, пишетъ же ученьну епистолию, уча о различьи напасти, кая есть от Бога и кая есть от своего сердца челоѣкомъ, и яко не словомъ токмо, нъ и дѣломъ показати вѣру, и не послушници закону, нъ творци оправдаются. О богатых же запрѣщает, да не лучше творятся нищихъ богатии въ церквахъ, нъ паче съдержаются, якоже горди. Послѣднее же утѣшь обидимыя и умоль долготерпѣти до пришествиа Судиа, и научь о терпѣнии от Иова: благо есть терпѣние, — повелѣвает призывати попы надъ болящая, и тѣшатися обращати заблуджышая от истины, быти же тому мздь от Господа оставление грѣховъ. Ти тако скончыявает епистолию.

Главы Иаковля епистолиа

О терпѣнии, вѣры несуменьнѣ и о смѣренѣй мудрости къ богатымъ, въ нейже о ражчѣжении сущим в нас и о страстехъ, аже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо намъ — от него.

О кротости и чистотѣ, блазѣ подателнѣ на блаженство, и о художествии и мѣрѣ словесъ.

О любви, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону.

Яко не от вѣры токмо, нъ и от дѣлъ, и не от единоя токмо, нъ от обою купно, оправдается челоѣкъ.

Яко дързый и бе-щинень языкъ умрыщяет имущаго и егоже держати потреба на похвалу и на славу Божию.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ, от славохотия суца от премудрости челоѣчьскы.

О Божии премудрости.

ИЗ ТОЛКОВОГО АПОСТОЛА

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Содержание послания Иакова

Поскольку сам Иаков пишет его к двенадцати коленам, находящимся в рассеянии и уверовавшим в Господа нашего Иисуса Христа, то пишет он поучительное послание, наставляя, что надо различать искушения — какие посланы Богом, а какие исходят из сердца человека; и что веру свою надо показать не только словом, но и делом, и быть не только слушателем закона, но и исполнителем его. О богатых — он наказывает, чтобы не возвышались над нищими богатые в церквах, и особенно пусть их сдерживают как гордых. А в заключение, утешив обиженных и прося их терпеть до пришествия Судии и научив терпению на примере Иова: благо есть терпение, — советует призывать священников к больным, стараться возвратить потерявших истину, за что будет от Господа награда — оставление грехов. И таким образом оканчивает он послание.

Оглавление послания Иакова

О терпении, о вере без сомнения, о смиренномудрии — к богатым, а также о распалении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих, и о том, что не от Бога оно, но что на благо нам — это от Бога.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящей к блаженству, и о искусстве умеренности в словах.

О любви ко всякому, которая по закону беспристрастна.

О том, что не только верою, но и делами, и не только одним, но и тем и другим вместе оправдывается человек.

О том, что дерзкий и необузданный язык умерщвляет своего владельца, и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию.

О Божественной премудрости.

Яко от уныниа и сластолюбиа реть и неустроение и вражда на Бога
бывааеть.

О покаании на спасение и не осуждати искрняго.

Яко не о чловѣцѣ, нъ о Бозѣ ступаниа мужу управляются.

Въ нейже о лихоиманиа богатых, и нищихъ, яже въ мирѣ, и о праведнѣ
судѣ Божи.

О долготерпѣнии, и о претерпѣнии страсти, и о истинѣ.

Поучениа комуждо до подобнасуща съ вѣрою.

Яко послужити подобааеть спасению искрняго.

⟨Толкование⟩. Якоже бо се мирѣстии чловѣци въ списаниихъ жизньных
именъ своими санѣми намѣнятися любять, тако и апостоли въ начятцѣхъ
съписаний своихъ раби Бога Исус Христа намѣнятися любять. Разумѣти бы,
яко друзии чюжу творять епистолию сию Иаковлю, якоже рече Евсевий въ
«Церковнѣй повѣсти».*

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего.

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение человека.

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире, и о праведном суде Божьем.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и о истине.

Поучение каждому, сообразно с верой.

О том, что следует послужить спасению ближнего.

〈Толкование〉. Как миряне в своих бытовых посланиях хотят представляться своими званиями, так и апостолы, в начале своих посланий, именуют себя рабами Бога Иисуса Христа. Следует знать, что некоторые считают, что это послание Иакова — не его, как говорит об этом Евсевий в «Церковной истории».

КНИГИ ОБЩА, ПУЩЕНЫ ИЯКОВОМЪ КЪ ВЪРОВАВШИМЪ ЖИДОМЪ*

1. Сущее

Иаковъ, Богу и Господу Исусу Христу рабъ, обманадесеяте колънома, иже въ расъянии, — радоватися.*

Толк. Кыждо апостоль, посылая подобное посланиа, честь себе сътворяеть, еже есть сподобитися нареши рабомъ Христовомъ, рекше обрѣзания сый апостоль,* сущимъ отъ двоюнадесеяте колъну посылаетъ вѣровавшимъ.

Дидимъ.* Якоже бо мира сего челоуѣци въ списании житейскихъ вещей, яже о нихъ санове повелѣваютьъ быти, тако и апостоли вначалѣ съписаниа ихъ раби Божии и Христови нареши сподобляються.

2. Сущее

Всяку радость имѣйте, братие моа, егда внапасти* въпадаете различны, вѣдуше, яко искушение вѣрѣ вашей съдѣеть терпѣние,* а терпѣние дѣло съвершено* да имать, да будете съвершени отинудъ и исполнени и ни единого лишени суще.

Толк. Златоуст.* Уза бо есть печаль непрѣтъргома, любви въздрасение, умилению и говѣнию начяло. Слыши бо рекша: «Аще приступаеши работати Христу, приготовай си душу кнапастемъ».* И Христосъ же пакы глаголаше: «Въ мирѣ печаль имате, нъ дерзайте».* И пакы: «Тѣсный и скорбный путь».* Видиши ли всюду печали похваляемы, всюду приемлему, яко изрядну сущу нам, ибо внѣшними подвигы никтоже бес тоя вѣнца прииметь,* аще не труды, и алканиемъ, и бдѣниемъ, и тѣмами етерыми таковыми себе оградить».

3.

Аще ли кто отъ васъ лишень есть прѣмудрости,* да просить просто у Бога, дающаго всѣмъ обилно, и не понашающу, и дасться ему. Да просить же вѣроу, ничтоже сумняся.*

(Толк). Господь и Богъ нашъ како молитися своа учить ученикы? И еже вразуме сластий искуса молитися повелѣваетъ, и «не въведи насъ въ искусь»,* сластныхъ являя и разумныхъ и волныхъ искусь не оставленомъ быти искусь прияти, се же вѣдуше, яко искушение ваша вѣры съдѣловаеть терпѣние. Терпѣние же дѣло съврѣшено да имать, да съврѣшени и всенаслѣдни явитесе, ни въ чемъже недостаточествующе.*

4. Сущее

Сумняй бо ся* подобень есть волнению морьску, отъ вѣтра възмѣщающася и раздѣвающася.

Толк. Вину намъ кажетъ съврѣшена дѣлесе, се бо есть мудрость горняя,* еже силу въземлюще, чресъ естество можемъ сътворити благодати.

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ, ПОСЛАННОЕ ИАКОВОМ К ЕВРЕЯМ-ХРИСТИАНАМ

1. Сущее (Иак. 1, 1)

Иаков, Бога и Господа Иисуса Христа раб, двенадцати коленам, которые в рассеянии, — радуйтесь.

Толкование. Каждый апостол, посылая подобное послание, почитает за честь для себя называться рабом Христовым, таким образом и он, будучи «апостолом обрезания», посылает послание к тем, кто от двенадцати колен, уверовавшим во Христа.

(Толкование). Дидима. Как миряне в своих письмах о бытовых вещах в своих званиях хотят выступать, так и апостолы в начале послания удостоиваются называться рабами Божьими и Христовыми.

2. Сущее (Иак. 1, 2—4)

Неизменно радуйтесь, братья мои, когда в напасти впадаете различные, сознавая, что испытание вашей веры сотворит терпение, а терпение да будет делом совершенства, чтобы были вы совершенны и получили все, без остатка.

Толкование Златоуста. Печаль — это нерасторжимые узы; она — умножение любви, начало умиления и благоговения. Помни сказавшего: «Если приступаешь работать Христу, приготовляй душу свою к скорбям». И Христос сказал тоже: «В мире печаль имеете, но мужайтесь». И еще: «Скорбный и тесный путь». Ты видишь, всюду печали восхваляются, всюду принимаются за нечто изрядное, ибо внешними подвигами никто без того не примет венец, только трудами, постом, бдением и множеством других подобных себя оградит.

3. (Иак. 1, 5—6)

А если кто-то из вас лишен мудрости, пусть просит прямо у Бога, дающего всем щедро и без упреков, — и будет вам дано. Пусть просит с верой, без всякого сомнения.

(Толкование). Как учит молиться своих учеников Господь и Бог наш? Ведь он велит молиться со знанием того, что искушение сладко, «не введи нас во искушение», показывая, что мы, склонные к сласти, наделены знанием и волей не только оставить искушение, но и принять, зная, что испытание нашей веры сотворяет терпение. А терпение — да будет делом совершенствования, чтобы были вы совершенны и получили все, во всей полноте.

4. Сущее (Иак. 1, 6)

Сомневающийся подобен волнам на море, поднимаемым ветром и развеваемым.

Толкование. (Апостол Иаков) указывает нам причину совершенного деяния, ибо это есть высшая мудрость, и только взяв от нее силу, можем мы совершить благих дел больше, чем дано нам от природы.

Хулникъ бо исповѣдомо рассмотря и. Аще бо вѣры не имеши, яко свое прошение* сконъчаеши, то отинудъ не приходи, да не ся обрящеши на Тѣ глаголя, еже все можеть, на двое душею и не хотя. Нъ подобает тако стыдкыя отрицатися язя.*

5. Сущее

Мужъ дводушенъ* нестроинъ въ вся пути своа. Да хвалить же ся брат смѣрениемъ въ высоту свою, а богатый въ смѣрении своемъ,* зане яко цвѣт травный мимоидеть.* Вѣсия бо слънце с варом* и иссуши траву, и цвѣт ея отпаде, и красота лица ея погыбе. Тако богатый въ хоженнии своемъ увяжеть.*

Толк. Отъими от себе дводушие и отинудъ не дводушьствуй, прося от Бога, и глаголяй въ себѣ, яко: «Како могу просити что от Господа и прияти, съгрѣшивъ толико к нему?» Не помышляй таковаго, нъ от всего сердца своего обратися къ Господу и проси у него, не сумняся, и разумей многое милосердие его, яко не оставит тебе, нъ прошение душа твоя исполнитъ. Нѣсть бо Богъ, яко челоуѣци, злопомняще другъ другу, нъ То непамятникъ злу есть, и милосердъ есть на свою тварь.

6. Сущее

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ напасти, яко искушенъ бывъ, приметъ венѣць животный,* иже уготова Богъ любящимъ и.

Толк. Доволнѣ повелѣвает противустати искусомъ с радостію. Да будетъ искушено дѣло и терпѣние свершено. Съврѣшаютъ же ся си сама о себѣ, а не инѣми сдѣваема. И етеру учению покарятися поручи исправлятися предлежащая, обѣщанна ради блажену быти, глаголя: «Иже искусъ претерпитъ, искусенъ мужъ всѣми *облаженъ*».* И тако явльшуся от печали, дасться венѣць жизни, уготованый от Бога любящимъ его. Таковый нерадивый и о самой той смерти вѣнецъ вѣчныя тоя жизни въсприиметь, иже величества ради Божиа зраку и слуху не подлежитъ, ни на высокій разумъ челоуѣку не възиде.*

В нейже о ражчѣженни сущихъ въ нас и страстехъ, яже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо нам — от него

7. Апостоль

Никтоже въ напасть въпадая да глаголетъ, яко: «От Бога напасть ми есть». Богъ бо нѣсть напастьникъ злымъ, не напаститъ же тѣ ни единого.*

Толк. Ориген.* Егдаже Богъ искушает, на ползу искушает, а не зло сѣтворити. Тѣмъ и рече ся, яко «Богъ *не искусенъ* есть злу», нъ того ради искушает, да улучатъ благаа, и да изменятся злыхъ. Тѣмъ и рече: «Претерпѣвый искусы доблестнѣ вѣнчается». Ино же есть о диаволе — онъ бо искушаетъ, да не покаряющаяся ему умрѣтвить. Нъ онъ не вѣдый будущихъ.

Сомневающийся — не что иное, как хулителю. Если нет у тебя веры, что исполнится то, о чем просишь, то лучше и не проси, чтобы не оказаться тебе, по неразумию, невольно, обвинителем Того, кто все может. Надо избавиться от этой постыдной болезни.

5. Сущее (Иак. 1, 8—11)

Человек двоедушный нетверд в своем поведении. Пусть бедняка похвалят за величие (души), богатого же — за смирение; ведь богатство преходяще, как полевые цветы. Солнце засияет, зной настанет, иссушит траву, цветы опадут, и красота гибнет. Так и богатый увязнет на путях своих.

Толкование. Истреби в себе двоедушие и без всякого сомнения моли Бога, не говоря себе, что, мол, «как могу что-либо просить у Господа и надеяться получить, если я столько грешу?» Не думай о таких вещах, но от всего сердца обратись к Господу и проси у него, не сомневаясь, понимай его великое милосердие, верь, что он не оставит тебя, и прошение твоей души исполнит. Ведь Бог не таков, как люди, злопамятные друг к другу, он непамятозлобен, милосерден к сотворенному им.

6. Сущее (Иак. 1, 12)

Блажен человек, который претерпит искушения, ибо, быв испытан, он примет венец жизни, который Бог приготовил любящим его.

Толкование. (Апостол Иаков) настойчиво советует радостно противостоять искушениям. Пусть будет надежным дело, а терпение — совершенно. Это совершается само по себе, а не делается другими. Он предложил следовать другому учению, чтобы исполнять предназначенное ради обещания блаженства, говоря: «Кто претерпит искушения, тот как испытанный человек будет всеми похвален». Таким образом, тому, кто перенесет печали, будет дан венец жизни, приготовленный Богом для тех, кто его любит. Ибо таковой, не заботящийся и о самой смерти, получит венец вечной жизни, который Божия ради величия ни зрению, ни слуху не доступен, и даже высокий разум человека к нему не доходит.

О распалении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих; и о том, что не от Бога оно, от Бога все то, что на благо нам

7. Апостольское (Иак. 1, 13)

Пусть никто, впадая в искушения, не говорит: «Это искушение послано Богом». Потому что Бог не подвержен искушениям и сам никого не испытывает злом.

Толкование Оригена. Когда Бог испытывает, он делает это для пользы, а не для вреда. Потому и сказано: «Бог не испытывается злом», он для того искушает, чтобы (люди) достигли добра и отказались от зла. Поэтому сказано: «Претерпевый до конца венчается за доблесть». Совсем иное о дьяволе — он искушает, чтобы непокоряющихся ему умертвить. Но он не знает будущего. А

Богъ же вѣдый будущее, дая челоуѣкомъ дѣлати, еже хотять, яко сущемъ самоволномъ.

8. Сущее

Нъ комуждо напасть от своя похоти* вѣкомъ и прѣльщенъ бывая.

Толк. Севирово.* Нѣци бо предлежащее вѣтйскы тако искусиша быти, рекше самую ту похоть безаконию матеръ прозывати Давиду,* яже бе-щиннаго ради похотѣнна заченши и рождши, грѣха раждает. Тѣмъ посылая, Иаковъ рече, единъ от мудрыхъ Христовыхъ ученикъ: «Каждо искушается от своя похоти вѣкомъ и прельщаемъ. Таче похоть заченши раждает грѣхъ, грѣхъ же скончанъ раждает смерть». От таковыя похоти родити и зачатися грешныхъ матери, якоже вѣща Давидъ.

9. Сущее

Потомъ же похоть, непрадна бывши, раждает грѣхъ, а грѣхъ скончанъ раждает смерть.

Толк. Златоуст. Единаче бо есть творити грѣхъ, от сласти упивающесе, и тако не чюемъ. А егдаже родится и приметъ конецъ, тогда паче сласти угасши всяцѣй, горкое разума находить жало. Противное раждающимъ женамъ: нъ о тѣхъ убо преже рождения многа болѣзнь растерзающи бо кыхъ, по рождествѣ же ослаба, младенцу болѣзни ищѣдъшю.* О насъ же не тако. Нъ донелѣже болимъ и зачинаемъ тлѣнныя разумы, веселимся и радуемся, а егдаже родимъ лукавый дѣтищъ грѣхъ, тогда, студъ рождшагося видѣвше, болимъ и растерзаемъ ся раждающихъ женъ горѣ. Тѣмъ молю вы не приимати изначала похоти. Аще ли же и приимемъ, удавимъ внутрь сѣмена. Аще ли же и унемъ до изития въ дѣло грѣху, убиимы и паки исповѣданиемъ, съ слезами осуждающе себе сами. Ничтоже бо тако погубляеть грѣхы, яко осуждение в разумѣ.

*Исихия.** Болѣзни смерти грѣшныхъ похоти суть.

10. Сущее

Не прельщайтесь, братие моа възлюбленая: всяко дание благо и всякъ даръ свершенъ свыше есть, съходяй от Отца свѣтиломъ*...

Толк. Не прельщайтесь, мняще от Бога быти искусомъ. Или словесныя силы свѣтила именована ти или просвѣщенныя Духомъ Святымъ.

11. Сущее

...от негоже нѣсть измѣнения ни различия въ оѣнени.

Толк. Севирово. Глаголюща бо есть слышати Бога: «Азъ есмь, азъ есмь и не изменяюся»,* и само то есть в себѣ огустваяи, а не разливаемъ по существу. По Благовѣствованию же живущимъ и по дѣянью заповѣди прѣлагающимъ от вышняго дара и существа, неизмѣнное въ сущихъ житию начинание предложению бывает и не сложение временемъ. Тѣмъ и Павелъ послушствует глаголя:

Бог знает будущее, и дает людям делать то, что они хотят, поскольку они обладают свободной волей.

8. Сущее (Иак. 1, 14)

Каждому искушение тогда, когда его влечет и прельщает его собственное произволение.

Толкование Севира. Некоторые так определяют образно предмет. Давид называет это самое произволение матерью беззакония, которая, из-за безобразного желанья, приняв во чреве, рождает грех. Потому Иаков, один из мудрых учеников Христа, в послании своем говорит: «Каждому искушение, когда его влечет и прельщает его собственное произволение». Так, произволение, зачав, рождает грех, а грех, совершившись, рождает смерть. От произволения зачинает и рождает мать (всего) греховного, как говорит Давид.

9. Сущее (Иак. 1, 15)

Потом произволение, забеременев, рождает грех, а грех, совершившись, рождает смерть.

Толкование Златоуста. Вот что еще о совершении греха: совершаем его, упиваясь наслаждением, так что не чувствуем. Но когда он родится и совершится, тогда не только угасает наслаждение, но вонзается горькое жало осознания. И это противоположно тому, что бывает с рождающими женщинами: у тех — прежде рождения большая боль терзает их, а после рождения облегчение, потому что появляется младенец, и боль уходит. Что же до нас, все не так. Пока нам не больно и мы замыслием греховные затеи, веселимся и радуемся, а когда родим сатанинское дитя — грех, и постыдность этого видим, тогда нам больно, и терзает нас эта боль сильнее, чем рожениц. Потому прошу вас не принимать произволения с самого начала. Но если уж приняли, задавим в себе семена. Но если по беспечности позволим, чтобы греху выйти делом, уьем его исповедью, со слезами осуждая себя сами. Ничто так не губит грех, как сознательное осуждение.

(Толкование) Исихия. Грешные похоти — смертельная болезнь.

10. Сущее (Иак. 1, 16—17)

Не обманывайтесь, братья мои любимые: всякое даяние благое и всякий дар совершенный исходят свыше, нисходят от Отца светил...

Толкование. Не обольщайтесь, считая, что искушение от Бога. Словесные силы назвал (апостол Иаков) светилами, или освященными Святым Духом.

11. Сущее (Иак. 1, 17)

...у которого нет ни изменения, ни различия оттенков.

Толкование Севира. Слышно, что Бог говорит: «Я есть, я есть, я не изменяюсь», и действительно, он тверд собой и по природе неизменяем. У тех, кто живет по Евангелию и делом следует заповедям от высшего дара и явления, неизменность бывает результатом этого следования, а не временной случайностью. Поэтому и Павел дает свидетельство, говоря: «Не подражайте веку

«Не преобразуйтесь въ вѣцѣ семь, нъ преобразуйте обновление разума вашего, искушающе, что есть воля Божия, благо и угодно и съвршено».*

12. Сущее

Въсхотѣвъ роди ны словомъ истины...

Толк. О сынѣ убо истиннѣ глаголетъ рождество, о твари же по благостыни. О ономъ бо истины ради и о единосущствѣ — о семь же чѣсти ради сыновления. Въсхотѣвъ бо, вѣща, роди ти ны словомъ истины.*

13. Апостоль

...быти намъ въ начятокъ* нѣкый тваремъ его.

Толк. Первѣйшѣ, вѣща, и чѣстнѣйшѣ. Твари же видимую тварь нарече, еяже чѣстнѣйша челоуѣка яви. И сама бо тварь чаеъ нашаа свободы, да с нами свободится.

О кротости и чистотѣ и дателнѣ блазѣ подателнѣ на блаженство и о художествии и мѣре словеси

14. Сущее

Тѣмже, братие моа възлюбленая, да будетъ всякъ челоуѣкъ скорѣ услышати, медленѣ глаголати,* медленѣ въ гнѣвъ. Гнѣвъ бо мужу правды Божия не съдѣваеъ. Тѣмже отвергѣше всяку скверну и избытокъ злобенѣ*...

Толк. Еже есть грѣхъ, оскверняющѣ челоуѣка, яко избыточенѣ сущѣ въ насъ, не бо по естъству намъ зломѣ быти, нъ извону бываеъ намъ отъ неродства, и в то насъ быстращемъ бѣсомѣ, и внутрѣнимъ нашимъ отъ неразумнаго изволения имущемъ.

15. Сущее

...въ кротости примѣте истое* слово, могущее спасти душа ваша. Будѣте же творци слову, а не токмо послушници.

Толк. Рекше «истиненѣ». Исповѣданиемъ же явлено, яко нетлѣнномъ намъ быти устрающе, понеже и Богъ изначяла създа челоуѣка на нетлѣние.

16. Сущее

...помышляюще въ себѣ.

Толк. ...замышляющн сами о себѣ и не радяше о своемъ спасенин.

17. (Иак. I, 23). Яко иже есть послушникъ слову, а не творецъ...

Толк. Аще кто, вѣща, будетъ слову токмо послушатель, а не извѣститъ дѣлы послушаниа, абие и слово погубить.

18. Сущее

...се подобенѣ есть мужу, разумѣвающу лице твари* своя въ зръцалѣ. Разумѣ бо ся, и отъиде, и абие забы, како бѣ. А приникый въ Законѣ съвршенѣ и свободенѣ,* и прѣбывѣ не послушникъ незабытливѣ, нъ творецъ дѣлу. Съ блаженѣ въ твари своей есть.

Толк. Якоже бо онѣ тѣло видить, тако и съ закона ради како бысть? Тѣмъ не «лице» рече токмо, нъ «лице рождения». Увѣдѣхомъ бо, сыны насъ

сему, но преобразуйтесь обновлением вашего разума, познавая, что есть воля Божия, благоугодная и совершенная».

12. Сущее (Иак. 1, 18)

Пожелал он, и родил нас словом истины.

Толкование. Здесь говорится о Сыне истинном — по рождеству, и о сотворенном — по благодати. О том — о его истинности и единосущности, об этом — о чести усыновления. «Восхотел, — сказано, — и родил нас словом истины».

13. Апостольское (Иак. 1, 18)

...быть нам начатком неким созданиям его.

Толкование. То есть самым первым и самым ценным. Созданием же он назвал видимое создание, из которого самое лучшее — человек. И все созданное чаёт нашей свободы, чтобы с нами освободиться.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящих к блаженству, и об искусстве умеренности в словах

14. Сущее (Иак. 1, 19—21)

Поэтому, братья мои возлюбленные, пусть каждый человек будет скор услышать, медлен говорить, медлен гневаться. Ибо гнев человеку Божьей правды не создает. Поэтому, отвергнув всякую мерзость и сверх того злобу...

Толкование. А это есть грех, оскверняющий человека, ибо он в нас добавлен, не по природе нашей мы злы. Извне он возникает от небрежности, и в это нас загоняют бесы. А изнутри — от неразумных желаний.

15. Сущее (Иак. 1, 21—22)

...в кротости примите исконное слово, которое может спасти ваши души. Будьте делатели слова, а не только слушатели.

Толкование. То есть слово истины. Через исповедание нам дано, что оно готовит нас к нетленности, ибо Бог вначале создал нетленного человека.

16. Сущее (Иак. 1, 22)

...обманывая себя.

Толкование. ...обманывая сами себя и не заботясь о своем спасении.

17. Сущее (Иак. 1, 23). Потому что тот, кто слушатель дела, а не делатель...

Толкование. Если кто сказал, что будет только слушать слово, а не проявит делами, что он слышал, то и слово погубит.

18. Сущее (Иак. 1, 23—25)

...тот подобен человеку, познающему себя, (глядя) в зеркало. Познал он (свой телесный облик), но отошел и вдруг забыл, какой он. А тот, кто вглядывается в Закон совершенства и свободы и пребывает в нем, тот не слушатель, который забывает, а творец дела. И он счастлив в делании своем.

Толкование. Итак, первый тело видит, а второй, тот, что познал закон, что с ним? Поэтому и сказал — не просто «лицо», а «лицо рождения». Знаем

сътвори духовный законъ, родивъ банею пакы порождения.* Таче же и не прѣбывающе въ такомъ видѣнии дѣяний ради, и благодати дара забываем. Ибо дѣяниемъ себе лукавомъ отдавъ, благодѣяния от Бога не поминает, ни поминает же, яко съвыше родися, и оправдися, и освятися, и въ сыны вѣмѣнися Божиа, и въ дѣла ся преда отмѣтающихъ благодать.

19. Сущее

Аще кто мнит ся вѣренъ быти въ васъ, не вѣстязая языка своего, нѣ лъстя сердце свое, сего суетна вѣра. Вѣра чиста и нескверна от Бога и Отца си есть*...

Толк. Златоуста. «Аще кто, — вѣща, — мнит ся», нѣ не истинною быти, аще бо всяко ни самого языка не вѣхласть, но научи и своего тѣшевѣрия, сердцу поруга. Тѣмъ и рече: «Мняи ся стояти» и прочя. Ибо истиннѣ стоящаго падение видѣвъ, свѣдѣтельствова и по писание вѣры правы.

20. Сущее

...посѣщати сироть и вдовиць въ скорбехъ ихъ, нескверна себе блюсти от всего мира.*

Толк. Златоуста. Миловати и щедрѣствити, аще ли сего не имамъ, всего лишени есмы. Не рече бо: «Аще поститесь, подобни есте Отцу вашему». Нѣ что рече? «Будѣте щедри, якоже Отець вашъ небесный».* То бо есть дѣло Божие. Аще сего не имаши, ничтоже имаши. «Милости хочу, — рече, — а не жертвѣ».*

О любви, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону

21. Сущее

Братие моа, не на лица зряще имѣйте вѣру Господи нашему Исусу Христу славъ.

Толк. Златоуста. Что ради ты велемудруеши, вѣща, и что ради пакы инѣ тебе уничжаеъ? Не тѣло ли едино есмь вси,* и велиции, и малии? Аще бо въ началѣ съединяемся и другъ другу уди, почто раскалаеши самъ себе? Что срамляеши брата? Якоже бо онѣ твой удѣ, тако и ты оного. И много о семь единочѣстие.

22. Сущее

Аще бо внидетъ въ сѣнище* ваше мужъ, златъ перстень нося, въ ризѣ свѣтлѣ, внидетъ же и нищъ въ ризѣ сквернѣнѣ, и възрите на носящаго свѣтлу ризу, и речете ему: «Ты сѣди сѣде добрѣ». А нищему речете: «Ти стани тамо или сѣди сѣде въ подножие ми». И не рассмотрите въ себѣ, и бысте судиа помышлениемъ злымъ?

Толк. То же о друзѣхъ смысляще: придеть убогий, буди по томъ мыслию, не болша положи чѣсти богатства ради. Нѣсть нища, ни богата о Христѣ. Не срамляйся внѣшнею одежею, нѣ прими внутреня ради вѣры.

ведь, что сынами нас сделал духовный закон, родив нас банею пакирождения. Однако мы не пребываем в таком видении из-за наших дел, а о дарах благодати мы забываем. Ведь тот, кто предался делам лукавым, благодеяний от Бога не помнит, и не вспоминает, что он свыше родился, и оправдался, и освятился, и приравнен к сынам Божиим, но предаётся делам тех, кто отменяет благодать.

19. Сушее (Иак. 1, 26—27)

Если кто думает, что он верующий, и не обуздывает своего языка и обманывает свое сердце, того вера пуста. Чистая и нескверная вера от Бога и Отца...

Толкование Златоуста. «Если кто, — сказал, — считает себя», но на самом деле не является, и если он не укрощает всячески свой язык, а, напротив, поучает его своему пустоверию, то он сердце свое осквернил. Потому апостол и сказал: «Кто воображает, что он стоит...» и так далее. Ибо он видел падение истинно стоящего и засвидетельствовал писанием о правой вере.

20. Сушее (Иак. 1, 27)

...(чтобы) посещать сирот и вдов в их скорбях, и хранить себя неоскверненным от мира.

Толкование Златоуста. Милосердствовать и сострадать — если мы этого не имеем, мы всего лишены. Ведь не сказано же: «Если поститесь, подобны Отцу вашему». А как сказал? «Будьте милосердны, как Отец ваш небесный». Это — дело Божие. Если этого не имеешь, ничего ты не имеешь. «Милости, — сказал Господь, — хочу, а не жертвы».

О любви ко всякому, которая по закону беспристрастна

21. Сушее (Иак. 2, 1)

Братья мои, не взирая на лица, веруйте в Иисуса Христа, Господа Славы.

Толкование Златоуста. Что ты превозносишься, — сказал, — и почему опять другой тебя унижает? Разве мы все не единое тело, и великие и малые? Если мы соединяемся изначально, будучи органами одного тела, зачем ты раскалываешь сам себя? Зачем ты срамишь брата? Как он твой орган, так и ты — его. В этом заключается равновесие.

22. Сушее (Иак. 2, 2—4)

Если войдет в собрание ваше человек в светлой одежде, с золотым перстнем, войдет и нищий в бедной одежде, вы посмотрите на богато одетого и скажете ему: «Ты садись здесь, пожалуйста». А бедному скажете: «Ты стой там или сядь здесь у моих ног». Разве вы не рассудили в себе и не стали судьями с недостойным образом мыслей?

Толкование. Так же о других рассуждай: придет бедный, будь за него мысленно, не воздавай большей чести из-за богатства. Нет ни нищего, ни богатого во Христе. Не стыдись внешней одежды, принимай внутренний облик — веру!

23. Сущее

Слышите, братие моа възлюбленая! Не Богъ ли избра нишая всего мира богати въ вѣру и наслѣдници Царствию,* егоже обща любящимъ его Богъ? Вы же укористе нишаго.

Толк. Златоуста. Мы же, яко повелику преобидими, тако просящая уничьжаем, досаждающе, отвращаемся, не дадуще, что печалуеши? «Утѣшайте, — рече Павелъ, — яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ».* Утешай же брата своего не пред челоуѣкы се створи,* нъ особь, и съ многом вниманием, и болѣзнию устрѣкаем, и слезами, и рыданиемъ, братьскы от сердца подавающе, братьскы утѣшающе изволениемъ, не боляще о подании, боляще же о ономъ преступлении приобрѣтениа ради. Аще бо о подании досадиши, погубляеши даръ. Аще ли же и не давъ, поносиши, како не съдѣлалъ еси зла страстному оному окаянному? Приде бо помилованъ быти тобою, примъ же язву отъиде. Паче же и прослези, нудимъ бо есть скудости ради просити, и того ради досаждаеши ему. Виджь, колика мука досаждышему убогому, раздражаетъ бо сътворшаго и. Рече бо: «Еда самъ ся сътвори нищъ? Нъ тебе ради, да ты спасешися имъ».* И тебе ради нища бывша уничьжаеши? Колико неразумие и колико неблагодарение дѣла сего!

24. Сущее

Не богати ли обладаютъ вами и ти влѣкутъ вы на судища? Не ти же ли хулять доброе имя, нареченое на васъ?

Толк. Претерпѣвайте доблестнѣ лихоимство, лихоимцы бо себе погубляютъ, а не нас. Насъ бо лишаютъ имѣний, а себе обнажаютъ промысла Божия и помощи его. Еяже обнажьшеся, аще и всея вселенныа съберуть богатство, всѣхъ суть убожѣйше.*

25. Сущее

Аще убо Законъ кончаваеете царскъ,* по Книгам,* възлюбиши искряннаго твоего, яко и сам себе, добръ творите. Аще ли на лица зрите, грѣхъ творите, обличающеся от Закона, яко прѣступници.

Толк. Аполинариево.* Якоже паче ты *хощеши* помиловати ближняго си, праведнѣ и челоуѣколюбнѣ, тако и ть творить къ единочадну ти и самому сушу Богу. Естъственный помысль, в немъже всѣхъ Спасъ в начяли глаголя: «Аще хощете, да творятъ вам челоуѣци, якоже и вы творите имъ, тако бо есть Законъ и Пророци».*

26. Сущее

Иже бо весь Законъ съблюдет, съгрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ.

Толк. Еже съвершену имѣти любовь, то есть глава всѣмъ добромъ. Аще ли главу отвержеши, излиха прочее тѣла есть.

23. Сушее (Иак. 2, 5—6)

Слышите, братья мои возлюбленные! Не Бог ли избрал нищих всего мира, чтобы стали они богатыми в вере и наследниками Царствия Небесного, которое Бог уготовил любящим его? А вы унизили нищего!

Толкование Златоуста. А мы, словно претерпевшие надругательство, так просящих, унижая оскорбляем, отворачиваемся, не подавая им, а что страдать? «Утешайте, — сказал Павел, — как братьев, а не оскорбляйте, как врагов». Утешая брата своего, делай это не перед людьми, а наедине, с многим вниманием, поощряемый соболезнованиями, со слезами и рыданиями; подавать надо по-братски, от сердца, по-братски утешающе, не жалея о поданом, жалея о том, что, приобретя, совершил ты преступление. Если, подавая, подосадуешь, погубишь свой дар. А уж если, не подав, осуждаешь, разве ты не причиняешь зла несчастному страдальцу? Он пришел, чтобы ты его пожалел, но с обидой ушел. Даже прослезился, ведь он вынужден просить из-за бедности, и ты его за это оскорбляешь. Знай, велика кара оскорбившему, ибо она раздражает сделавшего это. Ведь сказано: «Разве он сам себя сделал нищим? Это ради тебя, чтобы ты был спасен через него». А ты унижаешь нищего, ради тебя существующего! Какое неразумие и какая неблагодарность в таком поступке!

24. Сушее (Иак. 2, 6—7)

Не богатые ли владеют вами, и не они ли тащат вас в суд? Не они ли хулят доброе имя, которым вы наречены?

Толкование. Претерпевайте мужественно лихоимство, ибо лихоимцы себя губят, а не нас. Нас они лишают имущества, а себя — промысла Божия и его помощи. Этого лишившись, даже если соберут богатство всего мира, они всех беднее.

25. Сушее (Иак. 2, 8—9)

Если же Закон исполняется царский, по Писанию, т. е. вы возлюбили ближнего как самого себя, хорошо делаете. Но если вы пристрастны, грех совершаете, Закон осудит вас как преступников.

Толкование Аполлинария. Как ты хочешь делать добро ближнему своему, справедливо и человеколюбиво, так и он делает тоже тебе, подобному ему, и самому Сушему Богу. Это то естественное стремление, о котором Спаситель всех сказал: «Как хотите, чтобы люди делали вам, так и вы делайте им, в этом и Закон и Пророки».

26. Сушее (Иак. 2, 10)

Тот, кто весь Закон соблюдает, а согрешит в чем-либо одном, тот виновен во всем.

Толкование. То есть следует иметь совершенную любовь, она есть глава всему доброму. Если от головы откажешься, все прочее в теле излишне.

27. Сушее

...рекый бо: «Не прелюбы сътвори», си рече и «Не убий». Да аще не любы твориши, убиваеши же, бысть преступникъ Закону.*

Толк. Аще и не всяко стройнѣ лежитъ предлежащее писание, нъ убо самая ради тоя ползы изряднѣ положихом. Господь бо нашъ и Богъ Исус Христос предлежащая Моисеем реченаа въ съвършение приведъ, вѣща: «Слышите, яко речеся древним: „Не убиеш. Аще ли кто убьетъ, достоинъ есть суду”? Азь же глаголю вам, яко: „Прогнѣваяя брата своего, повинень есть суду”.* Слышасте ли, яко речеся: „Не прелюбы сътвориши”. Азь же глаголю вам, яко: „Всякъ, възрѣвый на жену, яко похотѣти еи, уже съблудилъ есть въ сердци своем”.* Си толкуя, Севирь, Антиохиский епископъ, въ 46 словѣ рече: «Мосѣем писаная Законоположения „не убиеш” глаголетъ. Христос же, иже Закону разумъ и еже в немъ Духа податель, еже бо не разгнѣвити брата своего повелѣ, сию паче исполняя закону волю. Гнѣвъ бо, от негоже убойство бывает, помрачивъ е болшаго ради повелѣния. Гнѣвъ бо аще придетъ къ убийству, не прогнѣватися попусти. Тако и къ похоти несътъства подвигъ възрѣнием осудивъ, рекъ: „Не любодѣйствуеш”, исполни и яви. Духовный бо Законъ Господь исполни обновлениемъ Духа, раздрѣши же Писания древнее, яко паче от стѣннаго писаниа на скрижалех въображены округъ».

28. Сушее

Такo глаголете, и тако творите, яко чяюще Закономъ свободы судъ прияти.

Толк. Есть бо о судѣ правѣмъ поучение. Законъ же свободы глаголетъ Законъ правды, тако судяща, якоже обрѣтает. Се же рече, понеже нѣци съгрѣшають, милосердиа Божиа надѣющесе и глаголюще: «Человѣколюбецъ сый, прости». Тѣмъ и наводитъ рекый: «Немилостивъ судъ не сътворшему милости».

29. Сушее

Судъ бо безъ милости не сътворшему милости.

Толк. Твердѣ убо глаголы нас устрашаетъ, да не вещьми поболимъ.

30. Сушее

Хвалится милость на судѣ.*

Толк. Златоуста о милостыни.* Милостыни ремесльница есть мудра и приставница дѣлающим ю, и дружка Божиа есть, и присно искерь его *прѣстоити* и о немже хошетъ, удобь просить благодати. Токмо да не обидима есть нами. Обидима же есть, егда от възхыщения ю творимъ. А егда чиста есть, много имать дръзновение: и связнемъ та рѣшить узы, раздрушаетъ тьму, угашаетъ огонь, умрѣщваетъ червь, изгонитъ зубомъ скрежетъ. Сей съ многою радостию отверзаются небесная врата, цесарица бо въистинну есть, подобны человѣкы творящи Богу. Будѣте бо, вѣща, щедри, якоже и Отецъ вашъ небесный. Крилата есть и

27. Сущее (Иак. 2, 11)

...сказавший «не прелюбодействуй» сказал и «не убий». Если ты не прелюбодействуешь, а убиваешь — ты нарушил Закон.

Толкование. Если и не вполне стройно расположен предложенный текст, мы его расположим лучше, для пользы. Господь наш и Бог Иисус Христос воплотил то, что установил и изложил Моисей, сказал: «Слышите, что сказано нашими предками: „Не убей. Кто убьет, заслуживает суда”? Я же так говорю вам: „Заслуживает суда тот, кто разгневает брата своего”. Слышали, что сказано: „Не твори блуда”. Я же так говорю вам: „Всякий, взглянувший на женщину так, что восхотел ее, уже совершил в сердце своем блуд”». Толкуя это, Сефир, епископ Антиохийский, сказал в 46-м слове: «Законоположение, написанное Моисеем, говорит: „Не убий”. А Христос, который — разум Закона и податель находящегося в нем Духа, повелел не гневить брата своего, исполнять это веление строже Закона. Ибо гнев, от которого бывает убийство, само убийство затмевает, заслуживая более строгого порицания. Ибо гнев приводит к убийству, поэтому (Христос) и не позволяет гневаться. Так и движение к несытой похоти через взгляд осудив, сказав „не любодействуешь”, исполнил и показал (Закон). Ибо Господь наполнил духовный Закон обновлением Духа, разрушив прежнее Писание, словно круг, изображенный на камне настенной живописью».

28. Сущее (Иак. 2, 12)

Как говорите, так и делайте, как надеющиеся быть судимыми по Закону свободы.

Толкование. Это поучение о правом суде. Законом свободы он называет Закон правды, судящий так, как есть. Он сказал об этом потому, что некоторые грешат и надеются, что Бог милосерден и простит: «Будучи человеколюбцем, — они говорят, — он простит». Поэтому и напоминает (нам апостол Иаков), говоря: «Немилостивый суд несотворившему милости».

29. Сущее (Иак. 2, 13)

Ибо немилостив суд не сотворившему милость.

Толкование. Крепко словами нас устрашает, чтобы не пострадать нам на деле.

30. Сущее (Иак. 2, 13)

Милость превозносится над судом.

Толкование Златоустово о милосердии. Милость — искусница мудрая, защитница совершающих ее, друг Божий, она всегда рядом с ним стоит, ей легко испросить благодеяния, о чем захочет. Не будем обижать ее. Обижаем ее, когда творим ее за счет лихоимства. А когда она чиста, большое дерзновение имеет: она узников избавляет от уз, разрушает тьму, гасит огонь, умерщвляет червей, изгоняет скрежет зубов. Для нее с большой радостью открываются небесные врата, ибо она воистину царица, делающая людей подобными Богу. Будьте милосердны, сказал, как Отец ваш небесный. Она крылата и легка, у

легка, крилъ имущи златѣ, лѣтание имущи преукрашающе аггелы. Тамо вѣща: «Крилѣ голубинѣ посребренѣ, и межурамѣ* ея въ блъщании злата». Якоже паче голубѣ златѣ и живѣ лѣтающѣ, вѣкома назирающи окомѣ кроткомѣ. Ничтоже ока того краше. Добра естѣ и пава, нѣ не к сей нивѣчтоже. Птица естѣ красна и чюдна, выспрѣ всегда зрѣть. Девица естѣ крилъ имущѣ златѣ, бѣло имущи лице тихо. Крилата естѣ и легка, у престола стоящи цесарска. Внегда судимся, внезапно предстоит, и является, и изимаеъ нас от мучения своима крилома одѣвающи. Такая жертвы хоцетъ Богъ.

Яко не от вѣры токмо, нѣ от дѣлъ, и не от единой неправедно, нѣ от обою купно оправдаеъся челоуѣкъ

31. Сущее

Кая естѣ полза, братие моа, аще кто глаголетѣ вѣру имѣти, а дѣлъ не имат? Еда можеть вѣра спасти и? Аще же брат или сестра нага будета дневногѣ житна,* речеть же има кто от васъ: «Идѣта съ миром, грѣйтася и насыщайтася», а не *дасть* има трѣбования тѣлеси...

Толк. Еже глаголетѣ, се естѣ. Аще не дѣла явить кто, яко вѣруеть Богови, избыточно и имя его, не бо въ простѣ глаголяй быти Господень, тѣ естѣ вѣренѣ. Нѣ тако любяй Господа, яко вѣры ради иже въ нѣ и на смерть дерзнетѣ, и яко тако естѣ предлежащимѣ съмотрение и притчѣ являють. Авраамъ бо, вѣща, дѣло показа, яко *вѣрова* Богови, възнесѣ на всеплодство сына своего. Такоже и Раавъ* вѣровавши, не ради о смерти. Се же глаголетѣ, утвержая вѣрныя, и уча истиною быти вѣрномѣ, и не глаголаниемѣ токмо и языком Господа любити, нѣ дѣломѣ и истиною. Тѣмѣ и множайшими образы являеть, яко аще не дѣлы извѣщыше вѣры, всуе токмо именовѣмъ лъстятася, ничтоже боле имущѣ бѣсовъ, ибо и они вѣроваша, яко Сынѣ Божий бѣ, и яко Святыи Божий* бѣ, и яко власть имать надѣ ними. Виждѣ и иного духовнаго разума. Не бо рече: «Кая полза, аще кто вѣру имать?», но «Кая полза, аще глаголетѣ кто вѣру имѣти?» Нѣ яснѣе глаголетѣ: «Покажи ми вещь, отнелѣже имя приялъ еси». Аще глаголеши ся имѣя неправѣ же, всуе и имя ти вѣрно. По коей бо вещи имя ти наречено? Аще не дѣла съвѣдѣтельствують, то ни имя ти мѣста приметь когда.

32. Сущее

...какая естѣ польза? Тако и вѣрѣ, аще не имат дѣлъ, мѣртва естѣ о себѣ. Нѣ речеть кто: ты вѣру имаша, а азѣ дѣла имамъ, покажи ми вѣру свою от дѣлъ своих, и азѣ покажу тебѣ от дѣлъ моихъ вѣру свою. Ты вѣруеши, яко Богъ единъ естѣ, добрѣ твориши. И бѣси вѣрують и ищазають.

Толк. Златоуста. Аще бо въ Отца и Сына и Святаго Духа правѣ кто вѣруеть, житна же права не имат, ничтоже ему приобрѣтение вѣра на спасение. Велико бо вѣра и спасено, и бес тоя никакоже спастися. Нѣ сама о себѣ не довлѣеть, нѣ требуетъ и жития права. Аще бо *и землѣ* наслѣдовати не възмо-

нее золотые крылья, она летает красивее ангелов. Ведь сказано: «Крылья у нее голубиные, посеребренные, междурамие в блистании злата». Как голубь, золотой и живой, она летает, смотрит из-под ресниц кроткими очами. Нет ничего прекраснее этих глаз. Красива и пава, но в сравнении с нею — ничто. Она — птица прекрасная и чудная, и ввысь всегда смотрит. Она — девица с золотыми крыльями, с белым тихим лицом. Крылата и легка, стоит она у престола царского. Когда нас судят, она внезапно заступает за нас и спасает нас от мученья, своими крыльями прикрывая. Такой жертвы хочет Бог.

О том, что не только верою, но и делами, и не только одним неправедно, но и тем и другим вместе оправдывается человек
31. Сушее (Иак. 2, 14—16)

Что пользы, братья мои, если кто говорит, что веру имеет, а дел не имеет? Может ли вера спасти его? Если брат или сестра будут наги и лишены хлеба насущного, а кто-то из вас скажет: «Идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им нужного для тела...

Толкование. То, о чем он говорит, вот что. Если кто-то делами не покажет, что он верует в Бога, то его имя излишне, если он просто называет себя Господень или Верный. Только тот любит Господа, кто за веру в него не побоится и смерти. А что такая у него мысль, то видно из примеров. Авраам, как известно, делом показал, что верует в Бога, принеся в жертву сына своего. Также и Раав, веруя, пренебрегла смертью. Все это (апостол Иаков) говорит, укрепляя верующих, уча быть истинно верующими: не только речами и разговорами любить Господа, но и делом и истиною. Есть многие примеры того, что те, кто возвестили свою веру без дел, те напрасно обманывали себя именем, ибо они ничуть не лучше бесов, которые тоже веруют, что Сын Божий был, что Святой Божий был, и что Он имеет власть над ними. Примечай и еще духовный смысл. Он же не сказал: «Какая польза, если кто веру имеет?», но: «Какая польза, если говорит кто, что веру имеет?» Он сказал яснее: «Покажи мне дело, за которое получил ты имя («христианин»). Если ты называешь себя (христианином) без права на это, напрасно тебе это имя. За какие дела имя тебе дано? Если дела не свидетельствуют, то за именем никогда не закрепится место.

32. Сушее (Иак. 2, 16—19)

...какая польза? Такая вера, если нет у нее дел, она сама по себе мертва. Если кто-то сказал: «Ты веру имеешь, а я имею дела, покажи мне веру свою через дела свои, а я покажу через дела свои веру мою». Ты веруешь во Единого Бога — хорошо делаешь. Но и бесы веруют и гибнут.

Толкование Златоуста. Если кто в Отца и Сына и Святого Духа правильно верует, но правильной жизни не ведет, ничего не дает ему вера для спасения. Вера — это (нечто) великое и спасительное, без веры никак нельзя спастись. Но одной веры недостаточно, требуется жизнь праведная. Потому

гоша, толико пострадаваше въ пустыни, зане поропташа и съблудиша,* како же мы небеса улучити възможем, нестройнѣ и въ лѣности поживше? Вера бо по крещении* мертва бысть, аще кто без дѣлѣ имать ю, и не извѣститъ ея праведными начинании. Заклад бо есть блага житиа крещение, ибо Господь нашъ въ образъ наш крещься от Иоанна, на гору възсходитъ, и къ диаволу брань възприимаетъ, и всю его раздрушаетъ силу.* Нам образъ дая, да вѣмы, яко по божественѣй бани дѣла трѣбѣ суть, и подвижи нас ожидаютъ, еже къ противнику, дѣлѣ явлениа.

33. Сушее

Хощеша ли разумѣти, о человекѣ гъще, яко вѣра без дѣлѣ мертва есть? Авраамъ бо отецъ* не от дѣлѣ ли оправдися,* възнесе Исаака, сына своего, на жртвѣникъ?*

Толк. Святаго Кирила.* Понеже блаженный Иаковъ Авраама глаголетъ от дѣлѣ оправдавшася, възнесеша Исаака сына на жртвѣникъ, Павелъ же глаголетъ его от вѣры оправдана,* да не мнимъ ею противящася себе. Прѣже бо имѣти ему Исаака, вѣрова и мзду вѣрованиа възприя — Исаака. Нѣ обаче и егда възнесе Исаака на жртвѣникъ, не токмо дѣло творяше повелѣное ему, нѣ и вѣры не отступи, яко о Исаацѣ хошетъ сѣмя его умножитися паче звѣздъ, помышляя, яко от мертвыхъ въздвигнути можетъ Богъ. Обаче Павелъ съвѣдѣтѣля своимъ словомъ и споспѣшника творить блаженаго Давида, мужа, живша въ благочестии и мудрѣ устраетъ, яко Духомъ глаголава вѣры ради оставление,* и възвѣщаеть всѣмъ человекомъ уже о Христѣ настоящее врѣмя.

34. Сушее

Видиши ли, яко вѣра поспѣшествоваше дѣломъ его и от дѣлѣ вѣра съврѣшися, и събышася Книги* глаголющая.

Толк. Кирил. Принеси словесную жртву и сущиємъ естества законы извѣщай, и неотроченыя любве поперѣ жало, и на земли ничтоже, токмо развѣ еже о Бозѣ любы.

35. Сушее

Вѣрова же Авраамъ Богови, и вѣмѣнися ему въ правду, и другъ Божий наречеся.* Видите ли убо, яко от дѣлѣ оправдається человекъ, а не от вѣры единой токмо?

Толк. Кирил. Старость убо иматъ правду, иже вѣрою чьстыи — всѣхъ Бога и Владыку.

36. Апостоль

Такоже и Равъ блудная не от дѣлѣ ли оправдися, примши сходники и инѣмъ путемъ изведши? Якоже бо и тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлѣ мртва есть.

что если те, кто перенесли тяжкие испытания в пустыне, не смогли наследовать землю из-за того, что возроптали и впали в заблуждение, то как же мы, беспорядочно и в лености прожив жизнь, можем наследовать небеса? Ибо вера, полученная при крещении, мертва для того, кто дел не имеет и не проявит ее праведными начинаниями. Ибо крещение — это залог доброй жизни, ведь Господь наш, в наш образ крестившись через Иоанна, на гору восходит, и в борьбу вступает с дьяволом, и всю его разрушает силу. И этим он показывает пример, чтобы знали, что после божественной купели дела требуются, так что подвиги нас ожидают против (сатаны) через проявление добрых дел.

33. Сущее (Иак. 2, 20—21)

Хочешь ли понять, о суетный человек, что вера без дел мертва? Ведь и Авраам, отец, не делами ли оправдался — возложил Исаака, сына своего, на жертвенник?

Толкование святого Кирилла. В то время как блаженный Иаков говорит, что Авраам оправдался делами, возложив Исаака, сына своего, на жертвенник, Павел говорит, что Авраам оправдан верою, да не подумаем, что они противоречат друг другу. Когда не было еще у него Исаака, Авраам веровал и получил награду за веру — Исаака. Но и тогда, когда он возложил Исаака на жертвенник, он не только совершил дело, повеленное ему Богом, но и не отступил от веры в то, что через Исаака потомство его умножится больше звезд, понимая, что может Бог воскресить из мертвых. И еще Павел свидетельством своих слов, подтверждающим их, делает блаженного Давида, мужа, жившего в благочестии, который мудро, по действию Духа, предсказал прощение грехов ради веры, и возвещает всем людям, что наступает время Христа.

34. Сущее (Иак. 2, 22—23)

Видишь ли, что вера способствовала Авраама делам и что через дела вера достигла совершенства, и сбылось слово Писания?

Толкование святого Кирилла. Принеси словесную жертву, изучай законы природы по существу, растопчи жало безответной любви, ибо нет на земле никакой любви, кроме любви к Богу.

35. Сущее (Иак. 2, 23—24)

Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и был он наречен другом Божиим. Видите ли, что через дела человек оправдывается, а не только от одной веры?

Толкование Кирилла. У старости есть праведность, а у чистых сердцем — всех Бог и Владыка всего сущего.

36. Апостольское (Иак. 2, 25—26).

Так и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв лазутчиков и выведя их другим путем? Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Толк. Севирианово.* Слыши Писания, съвѣдѣтельствующа ея оправдания,* яже бѣ въ блудѣ: бисѣрь въ калѣ свѣтятся,* злато в тимѣнии повржено, цвѣтъ благочестия въ трънии подаваем, благочѣстная душа, въ злочестия странѣ затворена.

Яко дръзы и бе-щинны языкъ умръщвает имущаго и, егоже потреба дръжати на похвалу и на славу Божию

37. Сушее

Не мнози учители будѣте,* братие моа, вѣдуше, яко больи грѣхъ приемемъ.

Толк. Златоуст. Понеже учащему, а не творящему не токмо приобрѣтениа нѣсть, нѣ и тѣщету велику и судѣ наносить. Въ таковѣмъ нерасуждении жившу житие свое, без дѣла бо учащему, грѣхъ великъ есть. Не съгрѣшаяй же въ дѣлѣ и учении, и силенъ есть все тѣло обуздати, таковъй да учить, и вѣрою таковою да повелѣваетъ съ словомъ правом, съ словомъ свѣтломъ, съглашаяй вѣрѣ, являя, яко все тѣло свое можетъ въхластити, и неединояже любве имѣти къ житийскимъ себе оставляеть.

38. Сушее

Много бо съгрѣшаемъ вси.

Толк. Севирово. Ибо много съгрѣшаемъ вси. Идеже кто, вѣща, Христовъ ученикъ, требѣ есть намъ противу реченымъ дѣлы благы преходити, могущимъ на милость преклонити всѣхъ судию и Бога, а не въ страстехъ изънемогше, яко челоувѣци, затворени быти и не отчаятися своего спасения.

39. Сушее

Аще кто словомъ не съгрѣшитъ, съ съвершенъ мужъ, силенъ обуздати все тѣло.

Толк. Кирил. Ищедшу убо уму и смыслу свершеное показавшу бездѣлство, и ничтоже удръжания имѣти о языкѣ, и бе-затвора имети и къгда, нѣ паче достойтъ въсприимати всегда достойное слову, глаголати же, всегда похвалы исполнь. Лѣпо же паче въ реченыхъ мудрость, отречено бо есть святымъ глаголати буесловие, рекше гнилословие,* якоже рече всемудрый Павелъ. Поминаетъ же всегда святое Писание, глаголющее: «Слово ваше да есть въ благодати солию растворено».* Да и благодать дасться слышашимъ.* Приемлетъ же богодѣхновенное Писание кроткаго въ словесехъ, похуляеть же языкъ невѣздержливъ. Рече бо: «Аще кто словомъ не согрѣшитъ, съ съвершенъ мужъ, силенъ обуздати все тѣло». Глаголетъ бо и Давидъ: «Положи, Господи, съхранилище устомъ моимъ, и двери ограждены о устнахъ моихъ».* И паки рѣхъ: «Съхраню пути моа, не съгрѣшити ми языкомъ моимъ». Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающъ языкъ имѣти.*

Толкование Севирианово. Слушай Писание, свидетельствующее о ее оправдании, ее, которая прежде была в блуде: как жемчужина в навозе она светилась, как золото, брошенное в грязь, цветок благочестия, подавляемый тернием, благочестивая душа в плену у злочестия.

О том, что дерзкий и необузданный язык убивает своего владельца и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога

37. Сущее (Иак. 3, 1)

Не многие пусть будут учителями, братья мои, зная, что мы большой грех примем.

Толкование Златоуста. Потому что кто учит, а сам не делает, не только не получает (от этого никакой пользы), но и претерпевает большой ущерб и осуждение. Потому что кто живет так нерадиво и, не имея дел, учит, грех на том великий. Не согрешающий в деле и в слове, имеющий силу обуздать свое тело, такой человек пусть учит, и в вере пусть наставляет словом правым, словом светлым, живя в вере, показывая, что может укротить свое тело и не оставить в себе никаких житейских привязанностей.

38. Сущее (Иак. 3, 2)

Ибо все мы много грешим.

Толкование Севира. Ибо все мы много грешим. Если кто сказал, что он — Христов ученик, следует, соответственно сказанному, благие дела совершать, какими можно на милость преклонить всеобщего судию Бога, а не замкнуться в свойственных человеку страданиях и потерять надежду на спасение.

39. Сущее (Иак. 3, 2)

Если кто словом не согрешает, тот совершенный муж, способный обуздать и все тело.

Толкование Кирилла. Когда уходит ум, и разум показывает полную несостоятельность, и нечем удержать язык, и он невоздержан, напротив, следует особенно вникать всегда в то, что достойно речи, и произносить совершенную похвалу. Самое ценное в изречении — мудрость, а самое запретное — изрекать хулу (то есть гнилословие) на святое, как сказал премудрый Павел. Поминает он всегда святое Писание: «Да будет слово ваше в благодати солью приправлено». Пусть дает оно благодать слышавшим. Богодухновенное Писание принимает кроткого в словах и отвергает невоздержанный язык. Вот и сказал (апостол Иаков): «Если кто словом не согрешит, совершенный есть муж, способный обуздать свое тело». Говорит и Давид: «Поставь, Господи, охрану моим устам, дверьми огради уста моя». И еще сказал я: «Я оберегу уста мои, чтобы не согрешить мне языком моим». Ибо добрая охрана — иметь язык, который не грешит.

40. Апостоль

Се бо и конемь узды въ уста вѣлагаем, да повинуются нам, и все тѣло ихъ обращаем. Се же и корабли толици суще, и от жестокихъ вѣтръ затачаем, обращаются от мала кормила, аможе аще стремление правящему хоцеть.

Толк. Ешеже и се не еже случается языку тоже глаголати. Глаголетъ убо, яко уздою дерзость коня вѣстяемь, и кормило мало стремление кораблю править. Много же паче языкъ въ правоглаголаніе управлѣти должни есмь, да не малъ сушь хвалится,* занеже великъ намъ приносить искусь. Неправдою красяся, все тѣло оскверняетъ. И възжигаетъ намъ огонь геены, нъ и сам горитъ от огня. Како убо не палитъ ли сѣвязанныхъ нечестивыхъ по руцѣ и по нозѣ и вѣметаемы въ огонь вѣчный,* уготованъ диаволу и аггеломъ его? Тѣмъ и псаломникъ въпиеть: «Положи, Господи, съхранение устомъ моимъ». Да не постражетъ, яко паче языкъ ближняго палимъ, никакая улучя утѣхы.*

41. Сущее

Такоже и языкъ малъ удъ есть и величается. Се малъ огонь колику громаду* сѣжизаетъ.

Толк. Златоуст. И еше боле девицѣ* храни языкъ. Конь бо есть царскъ языкъ. Аще убо възложиши на нь узду и научиши ходити правѣ и кротцѣ, покоиши и, и всядетъ на нь царь. Аще ли невнуздана и оставиши, скачетъ и играетъ, диаволу и бѣсомъ расколъ* бываетъ.

Исуса сына Сирахова. Мнози падоша усты меча, нъ не яко падшеи языка ради. Блаженъ есть, иже иже покрывается от него, и иже не приде въ ярость его, и не привлечеса въ яремъ его, и узами его не связася. Ибо яремъ его желѣза, и узы его мѣдяны,* и прочая.

42. Сущее

И языкъ огонь лѣпота неправдѣ.* Тако и языкъ утваряется въ уды наша, скверня все тѣло, и паля около твари нашеа,* и опалаяся от геены.

Толк. Святаго Василиа.* Аще любиши живот, створи заповѣдь животную. Любай бо мя, рече, заповѣди моа съблюдетъ.* Первая же заповѣдь — удержи языкъ свой от зла и устнѣ твои не глаголати лъсти.* Съпроста бо злѣи и многообразенъ есть грѣхъ языкомъ есть сѣдѣваемъ. Въ гнѣвѣхъ, въ похотехъ, въ отвѣтѣхъ, въ неправдахъ, въ лъстехъ, и всяко слово износяще языкомъ сѣгрѣшаемъ. От того бо скверньнословье, буесловье, клеветы, клятвы, лъжепослушества и вся злая, и множае тѣхъ языка есть сѣтворение, понеже убо от словесъ своихъ оправдишися. Прѣстани языкомъ своимъ от зла, и устнѣ ти не глаголати лъсти. Тъ бо сосуд на службу слову данъ ти, и упражняти и от лукаваго дѣяннѣя сѣтвори.

43. Апостоль

Всяка бо вещь звѣрии же и птицъ и гадъ же и морскихъ умучена есть вещью челоувѣческою.

40. Апостольское (Иак. 3, 3—4)

Так, коням узду в рот влагаем, чтобы они повиновались нам, и всем телом их управляем. То же и корабли, хоть и столь (велики) они, и сильнейшие ветры их носят, но малым кормилом направляются они туда, куда хочет кормчий.

Толкование. И еще о том, что бывает с языком, здесь говорится. Говорит (апостол Иаков), что уздою бег коня можно удержать, а маленький руль движение корабля направляет. Много больше должны мы направлять язык на то, чтобы говорил он истинное. Да не сочтем его за малое, ведь он может принести нам великие испытания. Красуясь неправдой, он все тело оскверняет. Зажигая нам огонь геенны, и сам горит от этого огня. Не этим ли огнем горят нечестивцы, связанные по рукам и ногам и вметаемые в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его? Потому и псалмопевец вопиет: «Поставь, Господи, охрану к устам моим», чтобы не пострадать, как язык ближнего, палимый без всякого облегчения.

41. Сущее (Иак. 3, 5)

Также и язык, будучи маленьким органом, величается. Это малый огонь, но какую громаду сжигает.

Толкование Златоуста. И еще более, чем девицу, храни язык. Язык — это царский конь. Если наложить на него узду и научить ходить ровно и смиренно и успокоить его, то сядет на него царь. А если невзнузданным его оставить, скачет и играет, и будет он подобен дьяволу и бесам.

(Толкование) Иисуса, сына Сирахова. Многие пали от меча, но не столько их, сколько павших от языка. Счастлив тот, кто укрылся от него, и не подвергся ярости его, и не потащил ярмо его, и не связан был узами его. Ибо ярмо это железное, узы его медные и прочее.

42. Сущее (Иак. 3, 6)

Язык — это огонь, приукрашение неправды. Язык так расположен среди органов, что сквернит все тело, зажигает в нас огонь геенны, опаяясь от геенны.

Толкование святого Василия. Если любишь жизнь, исполни заповедь жизни. «Любящий меня, — сказал Господь, — заповеди мои соблюдет». Первая же заповедь — «Удержи язык свой от зла и уста твои от произнесения лжи». Короче, зол и многообразен грех, творимый языком. В грехе, в похоти, в пререканиях, в неправде, в лжи произносятся слова — согрешаем языком. От него сквернословие, пустословие, клевета, проклятья, лжесвидетельство и все злое; и больше этого есть языка творение — словами своими мы оправдываемся. Перестань языком своим служить злу, и уста твои пусть не говорят лжи. Ибо язык — это орудие, данное тебе, чтобы служить тебе словом, и освободиться от дьявольского действия заставь его.

43. Апостольское (Иак. 3, 7)

Все естество зверей, птиц, гадов, морских тварей укрощается естеством человека.

Толк. Языка убо течение приносить слово къ иному, являя свою злобу. Глаголетъ бо безмѣстная: вся намъ удержати на суши же, и на аерѣ, и въ мори, своего же языка не удержати.

44. Сущее

А языка никтоже от челоуѣкъ умучити можетъ, не удержанно зло и ядъ смертенъ.

Толк. Языка же никтоже от челоуѣкъ можетъ умучити, не бо яко явимъ есть немощну быти ему. Ибо малы вышеписаное въсприимъ и разумѣй ясно речено: «Всяко бо, рече, естъство» и прочая. Како убо тѣмъ всѣмъ умучаемом, не умучимъ есть языкъ? «Всяко естъство», рече, еже бо «всяко», то и самого того языка вѣмѣни. Аще бо не своего естъства челоуѣкъ умучаетъ звѣри, кольма паче своего естъства умучити удъ — языкъ? Нъ яко преже сего и потомъ писаное слышимъ: языка, вѣща, никтоже можетъ от челоуѣкъ умучити. Нелѣпо есть, братия, тому тако быти. Что глаголеши, что предполагаеши немощная? Аще бо никтоже *может* умучити? Не подобаетъ симъ тако быти. Аще бо непобѣдимъ есть языкъ, како Павломъ побѣдися? Како хулнѣи устнѣ быста богословнѣ? Како иже наостри на Христа укору, того пакы исполни о Христѣ вѣтйствуя?

Тогоже Златоуста. Мечъ есть языкъ наостренъ,* нъ да не инѣмъ наводимъ язвы, нъ своя гнили да отрѣзаемъ.

Исихия. Яко паче мечъ наостренъ готовъ есть на усѣчение и скорь на погубление есть, тако и языкъ золь.

45. Сущее

Тѣмъ благословимъ Бога и Отца и тѣмъ кленемъ челоуѣкы, бывшая по подобству Божию. От тѣхъже устъ исходитъ благословление и клятва.

Толк. Далече се Христовъ ученикъ кроткихъ и разумныхъ устъ, сподобльшихся такового таинства. Ничтоже горка износяще, и ничтоже нелѣпотнѣ о Божествѣ бесѣдующа уста языкомъ, нъ чиста его да съхранимъ. Не клятвы имъ приносимъ, ибо хулници не наслѣдятъ царства. Хула бо и молитва далече себе отстоита, клятва и молитва велику преграду имата, осуждение и молитва велико расстояние имата. Приходить, да милостива сѣтворитъ Бога, и на ины молить: аще бо не оставимъ, не оставится намъ.*

46. Сущее

И не подобаетъ, братие моа, симъ тако бывати. Еда убо источникъ от единого устна истачаетъ сладкое и горкое? Еда можетъ, братие моа, смокы маслицѣ сѣтворити или лоза смокви? Таможе ни единъ источникъ слану и сладку сѣтворитъ воду.

Толк. Властолюбци суще и мудрость мира сего любяще, вражду и лъсть на правыя учителя проповѣдають, и народъ водяще простѣ, и зависть на тѣхъ имуще, и смѣшающимъ божественнымъ челоуѣческаа, да тѣшѣ от глаголаныхъ сѣтворять слышашая, отнюдуже и ереси изидоша. Таковое учение отричь

Толкование. Однако движение языка проявляет другую сторону слова, и это плохо. Говорит как бы нелепицу: всем мы владеем и на суше, и в воздухе, и на море, а языком своим овладеть не можем.

44. Сушее (Иак. 3, 8)

Языка своего никому не укротить из людей, он — неуправляемое зло и яд смертельный.

Толкование. Языка никто из людей не может укротить, хотя он и кажется нам бессильным. Посмотрим чуть выше написанное, пойми сказанное ясно: «Всякое естество...» и так далее. Как это: всех тех укрощаем, а язык — неукротим? Если сказал «всякое», то и язык он имеет в виду. Если человек зверей, у которых другая природа, укрощает, то тем более часть себя — язык, как не укротить? Но как прежде сего, то и после написанное слышим: «Язык — сказано — никто из людей не может удержать». Небоже, братья, этому быть! Почему говоришь, почему предполагаешь такое несчастье? Разве никто не может его укротить? Не может этого быть. Если непобедим язык, то как же Павел его победил? Как хулящие уста стали богословствующими? Как это — тот, кто наострил против Христа укору, напротив, преумножил красноречие о Христе?

Толкование того же Златоуста. Язык — это острый меч, да не наносим им раны другим, но свои струпья срезаем.

Толкование Исихия. Как острый меч готов, чтобы сечь, и легок, чтобы губить, так и больше — злой язык.

45. Сушее (Иак. 3, 9—10)

(Языком) мы благословляем Бога и Отца, им же проклинаям людей, сотворенных Богом. Из тех же уст исходит и благословение, и проклятье.

Толкование. Все это далеко от кротких и разумных уст учеников Христа, удостоенных этого таинства. Не принося ничего горького, не говоря ничего злого о Божестве устами своими и языком, сохраним его в чистоте. Не будем произносить им проклятий, ведь хульники не наследуют Царствия Небесного. Ибо хула и молитва далеко отстоят друг от друга, проклятье и молитва разделены великой преградой, осуждение и молитва далеко отстоят друг от друга. Кто просит Бога о милости, пусть молится и о других, ведь если мы не простим, не простится и нам.

46. Сушее (Иак. 3, 10—12)

Не должно, братья мои, чтобы так было. Разве течет из одного источника сладкое и горькое? Разве может, братья мои, смоковница маслины производить, а лоза — смоквы? Также ни один источник и соленую, и пресную воду не источает.

Толкование. Властолюбцы, любящие мудрость века сего, вражду и ложь против праведных учителей, честно наставляющих людей, возбуждают, завидуя им и смешивая божественное и человеческое, заставляют слушателей не принимать во внимание сказанное, и отсюда происходят ереси. Он порицает

еже не от мудрости Божиа, нъ от дѣмоньскыя бываетъ. Си же рече, похваляя блазѣ учащая от кротости и мудрости, и от дѣлъ благыхъ.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ от слабохотна сущаго от премудрости чловѣчьскы.

47. Апостоль

Кто премудръ и хытръ* въ васъ, да явит от добра житиа дѣла своя въ кротость премудрости.* Аще ли зависть горку имате и рвѣнниа въ сердцихъ ваших, ни хвалитесь, ни лжите на истину. Нѣсть си премудрость съвыше съходящи, нъ земна и душна,* неприязнина.* Идеже бо зависть и рвение и въсяка зла вещь, ту нестроение.*

О Божии премудрости

А вышняя премудрость первое убо прѣчиста, потом же мирна, благопокорьлива и исполнь милостыня и плодъ благыхъ*...

Толк. Златоуст. Ищистимъ скверну* от душевноу ушию. Якоже бо паче скверна и каль ушима плѣтськыма, тако и житийскыя повѣсти, яже лихвы ради и заимании долговъ, сквърны всякыя горее заграждаетъ разумный слухъ, паче же не заграждаетъ тѣкмо, нъ и нечистъ творить.

48. Апостоль

...бе-сумнѣнна и без лицемѣрия.* Плод же праведенъ и въ мирѣ съется творящимъ миръ.*

Толк. Нерасужающе назираниемъ брашенъ или различиемъ о мачании зелий.* Извѣстнѣ же о сихъ къ коласаемъ бесѣдуеть Павелъ.*

Яко от уныниа и сластолюбиа реть и нестроение и вражда на Бога бываетъ

49. Сущее

Откуда брани и откуду сvari въ вьсъ? Не отсюду ли, от сластий ваших, воюющихъ въ удѣхъ ваших? Желѣете и не имате, убиваете и завидите, и не можете уллучити,* сваритесь и боретесь, и не имате. Зане не просите.*

Толк. Являеть, яко аще и раширяють слово въ учении.* Всяко плотяни суще и злѣйшая творяще. Таковыя и Павелъ уничжаетъ, глаголя: «Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не плѣтня ли есте?»*

50. Сущее

Просите и не възмете, занеже злѣ просите,* да въ сластехъ вашихъ ижчивете, зане злѣ просите, и прѣлюбодѣйци и прелюбодѣица.*

Толк. Севирово. Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Еуангелии похуляет.* Ставь бо, рече, посрѣдѣ церкви, велегласно просяше и моляшесь, и яко достоинъ сый уллучити, и своа дѣла почитая, глаголаше: «Пошуся двакратъ в

учение, которое не от Божественной мудрости, а от демонов бывает. И это он сказал, похваляя тех, кто учит добру в кротости, мудрости и благим делам.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию

47. Апостольское (Иак. 3, 13—17)

Если кто из вас мудр и разумен, пусть докажет это добрыми делами своей жизни, с мудрой кротостью. Но если зависть горькая и сварливость в вашем сердце, не хвалитесь и не лгите на истину. Это не та мудрость, которая нисходит свыше, а земная, душевная, бесовская. Ибо где зависть, сварливость и всякое зло, там и нестроение.

О Божественной премудрости

А мудрость, нисходящая свыше, во-первых, чиста, затем мирна, послушна, полна милосердия и благих плодов...

Толкование Златоуста. Очистим от скверны уши нашей души. Как скверна и грязь телесным ушам, так жизненные события, касающиеся ростовщичества и взятия в долг, хуже всякой скверны заграждают слух разума, и не только заграждают, но и оскверняют его.

48. Апостольское (Иак. 3, 17—18)

...беспристрастна она и нелицемерна. Плод же правды в мире сеется у тех, кто творит мир.

Толкование. «Премудрость» не заботится о надзирании за пищей и различными «настоями» трав. Об этом точнее говорит Павел в Послании к колоссянам.

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают

49. Сущее (Иак. 4, 1—2)

Откуда у вас вражда и распри? Не оттуда ли, не от вожелений ли ваших, воюющих в членах ваших? Желаете — и не имеете, убиваете и завидуете — и не можете достигнуть, препираетесь и боретесь — и не имеете. Потому что не прбсите.

Толкование. Показывает (апостол Иаков), что словно расширяется учительное слово. Все, будучи плотскими, делают худо. Именно таких Павел обличает, говоря: «Если в вас зависть и ревность, разве вы не плотские?»

50. Сущее (Иак. 4, 3—4)

Прбсите и не получаете, потому что плохо просите, чтобы в своих вожелениях растратить, поэтому просите плохое, прелюбодей и прелюбодейцы.

Толкование Севирова. Так было и с фарисеем, которого Лука в Евангелии обличает. Ибо став, — говорит, — посреди церкви, громко просил и молился, так, как будто достоин он получить просимое, вот как высоко ценил

суботу, и десятину даю всего, елико притяжахъ». Почитает же, яко нѣсмь грабитель, и обидя, и любодѣй, и лихоимство держай. И яко паче множайшая глаголаше, толма паче исхожаху от Божиа слуха, и глаголь бремя тѣше от устну исхожаше, и въ безумие истааху, яко паче ярящаяся волны.

Нѣции мяншесе просяще и не принимаютъ: противнѣ и злѣ просящихъ сластей ради суетныхъ. Нѣ речеть, кто разума Божиа и възвышениа добродѣтельмь просяще и не принимаютъ. Извѣсто же и о сихъ, яко не себе та благаа прияти просиша, нѣ да хвалими будутъ ихъ ради. Есть бо сластолюбцемь радоватися о похвалахъ, имже не дается имъ, понеже въ сласти расточити хотять, егоже просятъ.

51. Апостоль

Не вѣсте ли, яко любы свѣта сего вражда Богу есть? Иже бо аще изволить другъ свѣту сему быти, врагъ Божий бываетъ.*

Толк. Миръ убо глаголетъ всякъ по плѣти животь, матеръ тлѣнна, еяже причаститися хотя, врагъ бываетъ Богу.

Аригеново. Понеже убо злоба ходатай есть намъ любви, яже къ миру, добродѣтель же происходатаитъ любовь яже къ Богу. Тѣмже добродѣтель и злоба въкупѣ пожити не можетъ.

Притѣчникъ.* Иже съгрѣшени ради любить миръ, врагъ является Богу. Якоже бо и къ Богу любы, благочѣстиемъ извѣстуема, абие врагъ обретается миру. Тѣмъ и не мощно есть работати Богу и мамонѣ,* и любити Бога и мира. Ихже хошетъ, пришедъ, Господь другы Богу сътворити? Ножь бо и раздѣление въверже на землю.* Ибо слово учениа его раздѣляетъ и разлучаетъ земная и плотьскаа, того ради строяй вражду имѣти къ миру и единство къ Богу. Тѣмъ и миръ даетъ, а не яко миръ повелѣваетъ. Онъ бо даетъ миръ къ плотскимъ любовь творя. Господь же, миръ даяй, другы Богу сътворяетъ насъ.

⟨Толк.⟩ Аще убо не всяко лѣпо къ реченымъ есть, но убо изряднѣ пѣщевахъ положити е отъ истолкованиа на ползу ищемое. Вѣща бо Господь нашъ Исусъ Христосъ въ Еуагличихъ: «Аще рука твоя или нога твоя съблажняетъ тя, отсѣци ю и поверзи отъ себе. Добро бо ти есть внити въ Животъ хрому, неже двѣ руцѣ и нозѣ имущу въвержену быти въ Огнь. Или десное око съблажняетъ тя»* и прочяя. О томъ бо Хрусостомъ* вѣща: «Не о удѣхъ си речена быша, нѣ о друзѣхъ, ихже въ чину удѣ имамъ изряднѣ». Се бо и выше речеся, и нынѣ глаголетъ: «Ничтоже бо пакостнѣе сужити злыи лукавы». Тѣмъ съ великою яростию врѣжающая ны отсѣкати повелѣваетъ.

52. Сущее

Или мните, яко лѣжу Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете духъ, иже вселився въ насъ,* болшу же дастъ благодать»? Тѣмже глаголетъ Соломонъ...

он свои дела — и говорил: «Пощусь дважды в неделю, даю десятую часть того, что приобретаю». Гордился он тем, что он не грабитель, не обидчик, не прелюбодей, не лихоимец. Но чем больше он говорит, тем дальше отходят его слова от слуха Божия, его слов пустое бремя вышло из уст его и бессмысленно растаяло, как бурные волны.

Некоторые, как они полагают, молятся — и не получают, это о неправильно и дурно просящих, ради пустых удовольствий. Но скажут, что иной просит о постижении Бога, об увеличении добродетелей — и не получает. О них известно, что они просят не для того, чтобы иметь эти блага, а чтобы хвалиться ими перед людьми. Сластолюбцам свойственно радоваться, хвалясь, хотя и не дается им, потому что расточают они в удовольствиях то, что просят.

51. Апостольское (Иак. 4, 4)

Разве вы не знаете, что любовь к этому миру есть вражда к Богу? Тот, кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу.

Толкование. Миром он называет вещественную жизнь, матерь тления, приобщившийся к которой становится врагом Богу.

Толкование Оригена. Потому что зло есть для нас ходатай за любовь к миру, а добродетель ходатайствует о любви к Богу. Поэтому добродетель и зло не могут жить вместе.

Приточник. Тот, кто любит мир ради греха, является врагом Бога. Также и любовь к Богу, через благочестие проявляемая, тотчас же врагом становится миру. Именно поэтому невозможно работать Богу и мамоне, и любить и Бога, и мир. Кого хочет Господь, придя, сделать друзьями Бога? Он меч и разделение поверг на землю. Ибо слово его учения разделяет, отделяет земное и плотское, для этого устроено так, чтобы была вражда к миру и единство к Богу. Этим он дает покой, но не так, как желает мир. Ибо этот мир хочет покоя через плотскую любовь. А Господь, давая мир, делает нас друзьями Бога.

Толкование. Хотя и не все подходит к сказанному, но особенно старался я представить из толкований нечто, отысканное для пользы. Ведь Господь наш Иисус Христос сказал в Евангелиях: «Если рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее и отбрось от себя. Ибо лучше тебе войти в Жизнь хромым, чем, имея две руки и ноги, быть вверженным в Огонь. И если правый глаз соблазняет тебя...» и так далее. Об этом и Златоуст говорит: «Не об органах тела, сказано, а о друзьях, которые для нас то же, что и органы тела». Об этом и выше говорилось, и сейчас говорится: «Нет ничего хуже, чем жить со злом». Поэтому (апостол Иаков) с великой яростью повелевает отсекаать то, что вам вредит.

52. Сущее (Иак. 4, 5—6)

Или вы думаете, что Писание говорит вам неправду: «Из зависти возлюбляет дух, вселившийся в вас, большую дал благодать»? Поэтому Соломон говорит...

Толк. Завистию диаволею смерть вниде въ мирь* и вселися въ ны. Христос же, по Писанию, в селися,* да завистию бывшую смерть прокленеть. Не тъкмо же се, нъ и болшу нам дасть благодать. «Азь бо придох, — рече, — да животь имуть и лише имуть».* Яко възхотѣвъ Богъ нас, вселися въ ны. Исаиа явѣ рекъ: «Не ходатай, ни ангель, нъ сам Господь спасе ны, понеже възлюби ны».* Како же спасъ ны, болшу дасть благодать? Раздрушивъ свѣтника на ны сатану, тѣмъ и наведе. Рекъ: «Богъ гордымъ противится». Не горды ли естъ, въпия: «Вселеную всю обоиму яко яйце?»*

53. Сущее

«Богъ гордымъ противится, съмѣренным же даетъ благодать».* Повинѣтеся убо Богови, противите же ся неприязни, и отбѣжить от васъ.*

Толк. Дидимово. Гордость естъ до конца възнесеная злоба. Съмѣрение же и невысокомыслие велико благо естъ. Понеже бо обое изволением и волею благо и зло съдѣваета.

О покаяньи на спасенье и не осужати искръняго*

54. Сущее

Приблизитесь къ Богу и приблизитя къ вам. Очистите руцѣ, грѣшнии, и ищистите сердца, дводушнии.* Постражете слъзите и плачѣтеся. Смѣх ваш въ плачь да обратитя, и радость въ умиление.

Толк. Ибо по съгрѣшении покаание повелѣное не плача, нъ блаженства естъ достоинъ, въ праведныя лики преставаля. Глаголи бо, рече, ты первѣ грѣхы своа, да оправдишися. А еже по съгрѣшении бе-студа быти, не тако естъ зло пасти, якоже падши не вѣстати. Аще бо о исправлении хваляся нечистъ естъ, а еже о грѣсѣ се же стража, кое приметъ прошение?

55. Сущее

Съмѣритесь пред Богомъ и възнесеть вы.

Толк. Блажень естъ пред Богомъ смѣряяся. Рече бо Ияковъ: «Съмѣритесь пред Богомъ и възнесеть вы». Аще бо тако смѣримся, то аще и от бѣсовъ свѣти на ны, аще и от человекъ, ненавидящих дѣтелей добрых, имамъ Бога изимающа насъ. Тѣкмо да Закона его не забудем, ниже ослабѣимъ въ печалехъ. Вѣща бо Давидъ: «Видь съмѣрение мое и изми мя, яко Закона твоего не забых».*

56. Сущее

Не отай оклеветайте* себе, братие. Оклеветаяя бо брата или осуждая, оклеветаетъ Закона и судить Закону. Да аще Закона осужаеши, нѣси съхранникъ Закону, нъ судии. Единъ естъ законодавецъ и судии, могый спасти и погубити.* А ты кто еси, осуждаяя друга?

Толк. Все злую износить страсть нашимъ смыслом, прѣзорству начало и рождество. И молящася нѣкыя себе покрыти и о Бозѣ жити того убо

Толкование. По зависти дьявола смерть вошла в мир и поселилась в нас. Христос же, как говорит Писание, вселился в нас, чтобы уничтожить явившуюся из-за зависти смерть. И не только это, но и великую нам дал благодать. Он сказал: «Я пришел, чтобы вы имели жизнь, и имели с избытком». Когда Бог нас восхотел, он в нас вселился. Исайя ясно сказал: «Не заступник, не ангел, но сам Господь спас нас, потому что он полюбил нас». Как это он, спасая нас, великую дал благодать? Погубив искушителя нашего тем. Сказано: «Бог гордым противится». Не горд ли тот, кто кричит: «Вселенную всю охвачу, как яйцо»?

53. Сущее (Иак. 4, 6—7)

«Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». Повинуйтесь Богу, противьтесь же сатане, и он отступит от вас.

Толкование Дидима. Гордость — это до крайности вознесенное зло. Смирение же и скромность — эта великое благо. И то, и другое нашим изволением и волею приносят нам и добро, и зло.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего

54. Сущее (Иак. 4, 8—9)

Приблизьтесь к Богу, и он приблизится к вам. Очистите руки, грешники, очистите сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте. Смех ваш да обратится в плач, а радость — в печаль.

Толкование. Ибо после согрешения надлежит нам покаяние, оно не плача, а блаженства достойно, приводя к ликам праведных. Расскажи о своих грехах сперва, — сказал (апостол Иаков), — чтобы потом оправданным быть. А если после согрешения не устыдиться — не такая беда пасть, как павши не встать! Ибо если тот, кто в исправлении преуспел, нечист, тогда тот, кто таков же, да еще и в грехе, — какое примет прощение?

55. Сущее (Иак. 4, 10)

Смирись перед Богом, и вознесет вас.

Толкование. Блажен смиряющийся перед Богом. Ведь говорит Иаков: «Смирись перед Богом, и вознесет вас». Ибо, если так смиримся, то, даже если будут против нас замыслы от бесов или от людей, ненавидящих добрые дела, есть у нас Бог, который избавит нас. Только бы не забыть нам его Закона, и не ослабеть в печалях. Сказал же Давид: «Погляди на смирение мое, и избавь меня, ибо Закона твоего я не забыл».

56. Сущее (Иак. 4, 11—12)

Не клеветайте тайно друг на друга, братья. Клеветущий на брата и осуждающий его клеветает на Закон и Закон порицает. Если ты судишь Закон, то ты не исполнитель Закона, а судья его. Один есть законодавец и судья, и он может спасти и погубить. А ты кто, осуждающий другого?

Толкование. Страсть выявляет все злое нашего разума, она — начало и источник высокомерия. И некоторые, молящиеся о том, чтобы себя оправдать

не сътворяют, назирают же инѣх. Аще и болны видять нѣкыя, яко паче въ забытьи пришедше своих болѣзней. Похуляти таковыя любить, и оклеветанию начало наричють убо я, не вѣдуще, яко себе осуждаютъ. Тако бо и мудрый пишеть Павелъ: «Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣть и осуждай».*

Яко не о человекѣ, нѣ о Бозѣ ступанія мужу управляются
57. Сущее

Воле, нынѣ глаголющеи: днесь и утрѣ поидемъ въ сѣ градъ и сътворимъ ту лѣто едино, и куплю творимъ и прикупимъ...

Толк. О высокомыслии глаголемое то, емуже конецъ неявление.

Другое толк. Ибо къ далечеству, и еже тамо любоприобрѣтениа несытствомъ одержими, путь далечъ въсприимаютъ по морю и яже въ немъ волнѣ, оружіе творятъ на свое лихоимство. Ини же себе отъ тѣшивыхъ обрѣтаний утѣлшаютъ влагалища, и лихвы на лихвы непреподобнѣ собирающе, огонь и муку на своя изливаютъ главы.*

58. Сущее

...не вѣдущеи утрянго. Кая бо жизнь наша? Пара есть въ малѣ являющися, потомъ же ищазающеи. Зане же бы глаголати вамъ: Аще Господь хоцеть, и поживемъ, и сътворимъ се ли, оно ли, нынѣ же хвалитесь въ гордыни вашей. Всяка хвала така неприязнина есть. Вѣдущому же убо добро дѣяти и не дѣюще, грѣхъ ему есть.*

Толк. Не власть отъемлетъ, нѣ являетъ, яко не все его есть, нѣ да просить вышняя благодати. Подобаеъ убо хотѣти и теши, нѣ не уповати на своа труды, нѣ на Божіе милосердіе. Рече бо въ Притчяхъ: «Не хвалися утрянимъ, не вѣси бо, что родитъ настоашія».* Не бо ваше есть еже прити въ утрянее, яко наипаче наймиту наята на единъ день. Власть кая есть о себѣ, аще не наймый его повелитъ?

В нейже о лихоимании богатыхъ и нищихъ яже въ мирѣ
и о праведнѣ судѣ Божіи

59. Сущее

Воле, нынѣ, богатии, плачѣтесе, задрезушесе о страстехъ вашихъ, грядущихъ на вы.* Богатство ваше изгни, и ризы ваша молеве пояша.

Толк. Златоуста. Примь отселѣ тѣсный путь. Доколѣ пища, доколѣ слабость? Не насытихомъ ли ся лѣняшесе, смѣющесе, одѣвающесе? Паки не тѣми же будѣте, трапеза, и ядъ многосъвершена, имѣние и села и домозданія? И что отъ того приобрѣтение? Смерть. Что конецъ? Мука и скрежетъ, гной и черви.*

и жить в Боге, того не делают, а следят за другими. Если видят кого-то больным, забывают про свои болезни. Осуждать такие любят, не зная, что себя они осуждают, и поэтому началом клеветы называют их. Так и мудрый Павел пишет: «Чем осуждаешь другого, тем и себя осуждаешь. Именно так делает тот, кто осуждает другого».

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение людей
57. Сушее (Иак. 4, 13)

Эй, послушайте, говорящие: сегодня или завтра мы пойдем в такой-то город и проведем там год один, и будем торговать и приобретать.

Толкование. Это сказано о высокоумии, которому конец — уничтожение.

Другое толкование. Те, кто для далеких путешествий, будучи одержимы страстью к приобретению того, что там, предпринимают далекий путь по морю и его волнам, создают орудия против своего лихоимства. А другие суетными приобретениями набивают кошельки, неподобающим образом собирая ростовщические прибыли, огонь и муку льют себе на голову.

58. Сушее (Иак. 4, 14—16)

...не знающие будущего. Что есть жизнь наша? Пар, появляющийся ненадолго и потом исчезающий. Вместо того, чтобы сказать: «Если Богу будет угодно, будем живы и сделаем то и это», вы тщеславитесь в своей гордыне. А такая похвальба — от сатаны. Тому же, кто знает, что надо делать добро, и не делает, это вменится в грех.

Толкование. (Апостол Иаков) не осуждает произволение, но показывает, что не все зависит от человека, но надо просить благодати свыше. Следует, однако, хотеть и стремиться, но уповать не на свои труды, а на Божие милосердие. Ведь сказано в Притчах: «Не хвались завтрашним днем, ведь не знаешь, что наступит». Не от вас зависит, что будет завтра, также как и от наемника, нанятого на один день. Какая власть у тебя есть, кроме распоряжений того, кто тебя нанял?

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире,
и о праведном суде Божьем

59. Сушее (Иак. 5, 1—2)

Эй, послушайте, богатые, плачьте, вопия о бедствиях ваших, грядущих на вас! Богатство ваше сгнило, одежды ваши съедены молью.

Толкование Златоуста. Вступи на путь самоограничения. До каких пор пиры, до каких пор нега? Не насытились ли уже, ленясь, смеясь, наряжаясь? И снова за то же: снова пиры, еда превосходная, богатство, села, дома? Какая от этого польза? Смерть. Какой конец? Мучение и скрежет (зубов), гниение и черви.

Исихиево. Прѣдглаголетъ мучение, челоуѣколюбиа ради, да покаявшеся кромѣ будетъ прѣтимыхъ.

Кирил. Еже есть: гнѣвъ, не тѣкмо закалаяй, яко нѣкыя овны и волю, тѣмъ обычно глаголетъ къ намъ: «Воле, нынѣ, богатии, плачѣтесе, задрожущесе о страстехъ вашихъ находящихъ». «Питасте бо ся и насытитесе на земли, и укормисте сердца ваша, яко въ днь заколениа». * Тацѣ бо бѣша и иудейстии наставници, пасущесе убо образомъ нѣкымъ на мѣстѣхъ тучныхъ и пространыхъ, от людскихъ приношений. Утывъше паче всѣхъ чѣстymi, яко овны и унци падоша, огосподнымъ ножьмъ, окааннии.

60. Сущее

Злато ваше и сребро издрѣжавѣ, и рѣжа ею послухование вамъ будетъ, * и снѣсть плоти ваша, яко огнь * — сѣнискасте въ послѣдняя дни. Се мзда дѣлатель вашихъ, пожьншихъ нивы ваша, лишения от васъ вѣпюут, и клицѣния *женѣшихъ* * въ уши Господу Саваофу вѣнидоша. *

Толк. Свѣдѣтельствуеутъ на ны рѣжѣ ради, обличая неподание наше, тоже и ризы моля ради сѣгнившая. *

61. Сущее

Веселитесе на земли и насладитесе, упитѣсте сердца ваша, яко въ день заколению. Осудите, убисте праведнаго, * не противитесе вамъ.

Толк. Что убо? Ставляеутъ отъ пища? И зѣло! Что ради въ снѣдъ сѣздася? Яко и хлѣбъ сѣзда, и възбрани безмѣриа, яко и вино сѣзда и възбрани безмѣриа? А не яко нечисты пища въздержатися повелѣ, нѣ яко губящу безмѣриа ради душу. «Вся бо тварь Божия добра, вѣща, и ничтоже отречено съ благодарениемъ вѣкушаемо». *

62. Сущее

Потерпите убо, братие, до пришествѣя Господня. Се бо дѣлатель жидеть другаго плода * земли, терпя о немъ, дондеже приметъ дѣжчѣ ранъ и позьднѣ. *

Толк. Кирил. Аще бо и предлагаеутъ, вѣща, Богъ свѣщающимъ мучение, но жидеть ихъ покаянѣ, не яко красяся тѣми творить и любя грѣшники, нѣ время имъ обращению подавая.

Рекъ обидящимъ мучение и обидимымъ терпѣти повелѣ пришествѣя чающимъ Господня. Абие же и клятвы отрекаеутъ прикасатися, на молитву же и пѣнѣ упражнятися, и вѣру имѣти лише иерѣи Божии, и къ другомъ любовь, якоже и молити за другы. И явленѣе крѣпости молитвѣныя Илию на среду приводить, и конечнѣе, елика мзда обращающимъ грѣшныя.

63. Сущее

Потерпите и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествѣе Господне приближися. *

Толк. Долготерпѣнѣе къ другомъ, пождание ко вѣшнимъ. * Аще бо и мнятсѣ здѣ оставлени, обаче тамо многы славы насладятсѣ. Егда же узрѣтъ иже

Толкование Исихия. По человеколюбию предсказывает мучение, чтобы, покаившись, не были в числе наказываемых.

Толкование Кирилла. То есть гнев не только в том, чтобы заколоть, как барана или вола, поэтому он справедливо говорит нам: «Эй, послушайте, богатые, плачьте о бедствиях ваших, грядущих на вас». «Ибо вы питались и насытились на земле, откормили сердца ваши, как на убой». Таковы были и иудейские наставники, некоторым образом пасущиеся, от людских приношений, на пастбищах просторных и плодородных. Разжирев от почестей, они пали, несчастные, как овцы или телята, от Господня ножа.

60. Сущее (Иак. 5, 3—4)

Золото ваше и серебро проржавело, и ржавчина эта — свидетельство против вас будет, и съест, как огонь, плоть вашу — собранное на последние дни. Это плата работников, жавших ваши поля, обобранных вами; они вопиют, и вопли жнецов до слуха Господа Саваофа дошли.

Толкование. Свидетельствует против нас ржавчина, обличая, что не подавали мы (нуждающимся), так же как одежды, съеденные молью.

61. Сущее (Иак. 5, 5—6)

Веселились вы на земле и наслаждались, и упитали сердца ваши, как в день заклания. Вы осудили, убили праведника, который не сопротивляется вам.

Толкование. Что же? Отстраняет от пищи? И весьма! Почему это создано для еды? Ибо и хлеб создал Бог, но возбраняет неумеренность. Не от якобы нечистой пищи воздерживаться повелел, но от губящей душу неумеренности. «Потому что все, сотворенное Богом, хорошо, — сказал, — и ничто не запрещено, вкушаемое с благодарностью».

62. Сущее (Иак. 5, 7)

Так что потерпите, братья, до пришествия Господня. Вот пахарь ждет другого плода земли, терпя ради него, пока получит дождь ранний и поздний.

Толкование Кирилла. Ибо, хотя, сказал он, Бог назначил злоумышленникам мучение, но ждет их покаения, не для красоты так делает и не из любви к грешникам, но время на покаение им давая.

Обещал обидящим мучение, обидимым терпеть он повелел, пришествия ожидая Господня. Кроме того, запрещает проклинать, но в молитве и пении упражняться и веру иметь к священникам Божьим, а к ближним любовь, чтобы молиться за них. А доказательством силы молитвы он приводит, как пример, Илию. И наконец, какая мзда тем, кто обращает грешников.

63. Сущее (Иак. 5, 8)

Потерпите и вы, укрепите сердца ваши, ибо пришествие Господне приблизилось.

Толкование. Долготерпение — друг к другу, а ожидание — к внешним. Те же, кому кажется, что они здесь оставлены, там многой славой наслаются.

великая мышльше, ураненых от нихъ, и небрегомыхъ, и посмихаемых ими, и тѣхъ искръ сушѣ Бога, тогда възрыдають и възплачють, на такой свѣтлѣ земли зряще ихъ.

64. Сушее

Не въздыхайте на ся,* братие, да не осудитесь.* Се Судии* предъ дверми стоить. Притчю примѣте, братие моа, страстий терпѣнню, пророкы, иже глаголаша именемъ Господнимъ.* Се блажимъ терпящая. Трѣпѣние Иовово слышасте...

Толк. Аще бо и благодарьствомъ с радостию великою, велиа та бываемаа. Есть бо благодарьствити страха ради токмо, и есть благодарьствовати и въ печали сушу, якоже Иовъ благодари. Въ болѣзни глаголаше: «Господь дасть, Господь отъять; яко годѣ Господеви, тако и събытсья». Да никтоже глаголетъ, яко не скорбь бѣ ему бываемое, ни ли печалию покрыся, ниже великоѣ похвалы отъемлете праведнику. Егдаже сицева быша не страха ради, ни владычествия токмо, нѣ вещей ради естества, толика похвала? Рѣци ми убо, когда блажиши Иова? Егда ли имяше толико вельблуд, и стада, и волю, или егда онъ глас испусти: «Господь дасть, Господь отъять»? Ибо и дияволъ насъ тѣмъ отъщечивает, да не имѣние наше отъиметь, вѣсть бо, яко ничтоже есть, нѣ да принудить ны рещи что хулно.

65. Сушее

...и кончину Господню видѣсте, яко премилостивъ есть и щедръ.

Толк. От случившихъ бо ся вещей явися и диаволя лъжа, и Божие нелъжное свѣдѣтельство.

66. Сушее

Прѣжде же *всего*, братие моа,* не клнѣтесе ни небомъ, ни землю, ни иною кторою клятвою, нѣ да будетъ слово ваше еже «ей»—«ей» и еже «ни»—«ни», да не въ осуждение въпадете.

О долготерпѣнни, и о прѣтерпѣнни страстий, и о истинѣ

Аще страждетъ кто въ васъ, да молитву дѣетъ. Добродушьствуеетъ кто, да поетъ. Болить кто въ васъ, да призоветъ попы церковныхъ, и молитву да сътворять надъ нимъ, помазавше и масломъ въ имя Господне.* И молитва вѣрна спасетъ болящаго, и исцѣлитъ и Господь. Аще и грехы будетъ сътвориль, отдадятся ему. Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа, и молитву дѣйте другъ за друга, да исцѣлѣете. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣваема.*

Того ради древнимъ клятва възаконися,* да не о идолѣхъ кленутся. Кленѣте бо ся, вѣща, Богомъ истиннымъ.*

Да будетъ житие ваше извѣстѣ клятвы. Аще ли кто дерзнетъ принудити вы ротѣ, да будетъ вамъ «ей»—«ей», «ни»—«ни», въ клятвы мѣсто.*

Когда же те, кто великоумудрствует, увидят, что те близ Бога, кому они наносили раны, которыми пренебрегали, над которыми смеялись, тогда возрыдают они и восплачут, видя тех в такой светлой земле.

64. Сущее (Иак. 5, 9—11)

Не сетуйте друг на друга, братья, чтобы не быть осужденными. Вот Судия стоит у дверей. Пусть будет нам примером перенесения страстей, братья мои, то, как переносили страдания пророки, которые говорили именем Господним. Восхвалим терпящих. Вы слышали о терпении Иова...

Толкование. Если мы благодарим Бога с радостью великою, та радость бывает велика! Можно приносить благодарность только из страха, а можно возносить благодарность, будучи в горе, как благодарил Иов. В болезни говорил он: «Господь дал, Господь и взял; как угодно Господу, так и стало». И пусть никто не говорит, что не удручило его случившееся и что печалью не покрылся он, пусть не отнимают величие похвалы у праведника. Если это было не из страха, не из покорности только, но по природе вещей, какова похвала? Скажи-ка, когда ты хвалишь Иова? Тогда ли, когда имел он верблюдов, и стада, и волов, или тогда, когда он возопил: «Господь дал, Господь и отнял»? Ведь и дьявол нас не тем опустошает, когда добро наше отнимает, ибо знает, что оно — ничто, а тем, что принуждает нас изрекать хулу.

65. Сущее (Иак. 5, 11)

...знаете, как это окончил Господь, ведь он премилостив и милосерден.

Толкование. Ибо в том, что произошло, видны нам и ложь дьявола, и Божественное неложное свидетельство.

66. Сущее (Иак. 5, 12—16)

Прежде всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землей, ни какой другой клятвой, но да будет слово ваше: «да»—«да» или «нет»—«нет», чтобы не впасть вам в осуждение.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и об истине

Страдает ли кто из вас, пусть молитву творит, кто благодушествует — пусть поет (псалмы). Болен кто из вас — пусть призовет священников церковных, и пусть они молитву сотворят над ним, помазавши его елеем во имя Господне. Молитва веры спасет болящего, и исцелит его Господь. И если сотворил он грехи, простятся ему. Признавайтесь друг другу в грехах, творите молитву друг за друга, чтобы исцелиться. Много может молитва праведника, если ей помогают.

(Толкование). Для того у древних клятва была узаконена, чтобы клялись они не идолами. Ибо сказано: «Клянитесь Богом истинным».

(Толкование). Да будет жизнь ваша подтверждением клятвы. А если кто дерзает принудить вас к клятве, да будет ваше «да»—«да» и ваше «нет»—«нет» вместо клятвы.

Того ради възбраняеть ны небомъ и землю, да не дамы твари чьсти, Богомъ творяще ю. «Кленущии бо ся, вѣща, большимъ да кленутся»,* — якоже апостоль рече.

Максимово* о молитвѣ праведна. По двѣма образама вѣдъ бывающю молитву праведнаго. По единому убо, егда по заповѣдем дѣлъ Божиимъ, и тако творить приносъ молитвѣ моляйся, и не токмо въ висоцѣ словеси, ни въ тщегласии языка, отпадати бездѣлнѣ и лежати непоступнѣ, нъ въ дѣлѣ и живѣ законными заповѣдми одушевляема. Молитвѣ бо и молению съставъ добродѣтель есть, имже крѣпку и всесилну праведникъ имать молитву, съспосѣваему заповѣдий ради. По второму же образу, егда молитва праведнаго молящиса дѣла молитвѣнаа творить, первѣе исправляя житие, и молитву сътворяя праведнаго силну своего ради добраго жития възмагаему. Не бо ползуетъ что праведнаго молитва требующему ея, множае добродѣтелей съгрѣшениемъ сущемъ. Понеже и великый нѣкогда Самуиль плакаше, съгрѣшившу Саулу, нъ не укрѣпѣ Бога умолати, не приимъ помощника плачу Саулова исправления. Тѣмъ и неразумнаго плача престати своему служѣ вѣща к нему: «Доколѣ ты плачеша Саула? И азъ уничижихъ и не служити въ Израили».* И паки Иеремии милосердующу о людехъ иудѣйскихъ, о лъсти неистовившихся идольстѣй, не услышася моляйся, не имѣяй молитвѣ силы от лъсти обращения безбожныхъ иудѣй. Имже въ тѣще мольшуся ему, рече ему Богъ: «И ты не молися о людехъ сихъ, ни проси помилованиа имъ, ни приступай о нихъ, яко не послушаю тебе».* Рекохомъ же убо: «Много можетъ молитва праведнаго посѣваема, дающе ему дерзновение* къ дати могущему праведныхъ прошения».

Поучения комуждо подобна суща съ вѣроу

67. Сущее

Илиа человекъ бѣ подобенъ намъ,* и молитвою помолися* не быти дождю, и не одожди по земли лѣта три и шесть мѣсяць. И паки помолися, и небо дождь дасть, и земля прозябе плоды своа.

Толк. Въ Третиимъ Царствѣ рече: «И рече Илиа пророкъ от Фезвонъ Галадскихъ къ Ахаву: „Живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевъ, емуже предстою. Аще будетъ въ си лѣта роса и дождь, аще не усты слова моего”».*

(Толк.) Златоуст. Да понѣ тако гладомъ таеми, къ Творьцу достигнуть, да глад начало спасению имъ будетъ. «Ничтоже бо, вѣща, можетъ наказати, нъ токмо гладъ». Да тако наказеми, къ всѣхъ зиждителю обратятся. И по малѣ изиде слово пророка, и абие въздухъ премѣнися, небо мѣдяно бысть,* не естество измѣняя, нъ дѣйствомъ вѣстягнуто. Абие стухи преобразишася. Паде слово пророчее, яко паче о огнь жьгый боки земли, и вся абие исъхоша, и вся без лѣпоты и не явима быша.

Потому запрещено клясться небом и землею, чтобы не воздавали мы чести творению, превращая его в Бога, создавшего его. «Кто клянется, — сказал, — пусть клянется высшим», так сказал апостол.

(Толкование) Максимово о молитве праведного. Я знаю двух видов молитву праведного. Согласно одному, когда молящийся совершает молитвенное прошение по заповеди дел Божиих, не только славословием, пустозвучными словами, которые отпадают без пользы и лежат втуне, но самим делом и жизнью, воодушевляясь заповедями Закона. Существо молитвы и моления — добродетель, поэтому у праведника молитва крепка и всесильна, она усилена заповедями. Согласно другому виду, молитва праведника исправляет жизнь благодаря добродетельной жизни, которая делает молитву сильнее. Ведь не поможет молитва праведного тому, кто в ней нуждается, если грехи превосходят добродетели. Поэтому и плакал когда-то великий Самуил, когда согрешил Саул, но не смог умолить Бога, ибо не было у него помощника плача на исправление Саула. Потому и повелел Господь слуге своему прекратить неразумный плач и сказал: «Доколе будешь печалиться о Сауле? Это я унижил его, чтобы не был он служителем Израилю». И то же о Иеремии, который жалел иудеев, впавших в идолопоклонство, и не был услышан, молясь, ибо не имел силы молитвы, чтобы обратить от заблуждения идолопоклонства безбожных иудеев. И потому, пока он напрасно молился, сказал ему Бог: «И ты не молись о людях сих, не проси помиловать их, не заступайся за них, потому что не послушаю тебя». Так что сказали мы: «Большую силу имеет молитва праведника, она дает ему смелость (обратиться) к тому, кто может исполнить прошение праведника».

Поучение каждому сообразно с верой
67. Сушее' (Иак. 5, 17—18)

Илия был человек подобный нам, и молитвою помолился, чтобы не было дождя, и не было дождя на земле три года и шесть месяцев. И снова помолился, и небо дало дождь, и земля произрастила свои плоды.

Толкование. В Третьей книге Царств сказано: «И сказал Илия пророк, из Фезвон Галаадских, к Ахаву: „Жив Господь, Бог сил, Бог Израилев, перед которым я стою. Да будут в эти годы роса и дождь только по слову моему”».

Толкование Златоуста. Если таким образом, как тая от голода, придут к Творцу, голод будет для них началом спасения. «Ибо ничто, — сказал, — не может научить их, кроме голода». Пусть через это наказание к Создателю всего обратятся. Вскоре вышло слово пророка, и тотчас воздух переменился, небо стало медным, но не естеством оно изменилось, но действием взнудано. И тотчас стихии преобразились. Пало слово пророка, как огонь, обжигая бока земли, и она вдруг вся иссохла, и стала без красоты, не имея вида.

Яко послужити подобаеть спасению искренняго

68. *Сущее*

Братие, аще кто въ вас заблудитъ от истины и обратитъ и кто, да вѣсть, яко обративый грѣшника от заблуждения пути его, спасеть душу от смерти и покрываетъ множество грѣховъ.*

Толк. Златоуст. И како подобаеть обращати? Якоже паче земледѣлатель. Ти убо сѣмена мещуть единою, не пребываетъ же всегда, нѣ многа трѣбуеть устроения, да на землѣ омыгльнѣвши дасть сѣяная птицамъ. Тако и мы, аще не часто память вѣмѣненнымъ вѣсылаем, на въздухъ все повръгохом. Ибо диаволь вѣсхытаетъ и наша лѣньность погубляетъ, и сѣлнце сушитъ, тръние подавляетъ, якоже не довлѣеть единою тѣкмо сѣяныхъ истребити, нѣ много трѣбѣ прѣсѣдѣние — отгоняща птица небесная, тръние сѣкуща, камяную землю чистяща. Нѣ о земли се бываетъ, бездушна бо лежитъ, къ страсти готова суши. О духовнѣй же земли не тако. Ни учителю есть все то, но множае и до полу ученику: намъ убо есть сѣяти сѣмена, вамъ же творити глаголаная. Яко слугы бывайте ближнихъ спасению.

О том, что следует послужить спасению ближнего
68. Сущее / (Иак. 5, 19)

Братья, если кто из вас уклонится от пути истины и кто-то вернет его на этот путь, пусть знает, что тот, кто обратил грешника от ложного пути, спасет душу от смерти и покроет множество грехов.

Толкование Златоуста. Как подобает отклонять от заблуждения? Так же, как (трудятся) земледельцы. Они раз посеют семена, но те не остаются без перемен, а нуждаются в уходе, чтобы в тумане на земле посевы не достались птицам. Так и мы: если не часто о своих обязанностях вспоминаем, на воздух все бросаем. Дьявол крадет, леность наша губит, солнце сушит, сорняки давят, потому что не достаточно только однажды посевы освободить, но много требуется усердия — отгонять птиц небесных, вырывать сорняки, очищать землю от камней. Но так бывает с землей — она ведь бездушна лежит и к страде готова. А что касается духовной земли, там не так. Не учителю все это (надлежит сделать), но, если не целиком, то половину, ученику: нам надлежит сеять семена, а вам — творить по слову изреченному. Как слуги будьте для спасения ближнего.

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

ПРОЛОГ

Что краснѣе, что ми сладчайше боголюбцемъ, иже поистиннѣ жадят жизни вѣчныя, не ежели присно Бога не отступити мыслию и поминати Его добрыя твари? Яко и се ты, господи мой, княже славный Симеоне христороубче, не престаеши възыская повелѣний Его и твари, хотя ся ими красити и славити, тако бо и в нас обычай бываетъ. И егда видит рабъ приятный господина своего добро что сотворша, то не точию самъ бы хотѣлъ, единъ вѣдый, радоватися и красити, но аще бы лзѣ, хотѣлъ бы да и миръ слышит. Елико бо питиа и ядения насыщающесе румяни бываютъ и свѣтли и весели, то колико паче иже ся кормит мыслими, на Божиа дѣла възирая и красяся ими. Хотѣл бы да быша и инии видѣли и прилѣпилися их. Тацы бо иже будутъ, якоже Писание глаголетъ, перие возрастут, якоже орли, тещи же имут и не трудитися, радость бо ни труда вѣсть и крилѣ раститъ. И како не хотятъ радоватися, възыскающии того и разумеюще, кого дѣля се есть небо солнцемъ и звѣздами украшено, кого ли ради и земля садом и дубравами и цвѣтомъ утворена и горами увяста, кого ли дѣля море и рѣки и вся воды рыбами исполнены, кого ли ради рай и самое то царство уготовано? — Таче разумѣюще, яко не иного никогоже ради, но тѣхъ, како ся не имутъ радоватися и веселити, славящеи. Ктому нужда и се помыслити, кацѣмъ суть образомъ сотворени, что ли имъ есть санъ, на что ли суть позвани. И все помысливше, аще и друзи, како себе не имут красити и радовати! Здѣ же азъ поминая всю, б словесъ скратя, в малѣ пройду. Год же и послѣди отити, о добрѣй сей твари побесѣдовавше.

Сотвори Богъ, не аки человекы, зиждюще, или корабли творяще, или мѣдницы, или златари, или поставы ткаушей, или усмаре, или инацѣ и козненицы, вещи ты събирающе, готовы образы творят, яцы же имъ суть требѣ, а сосуды и сѣчива другъ от друга въземлюще, имиже то творити. Но Богъ и кде помысли, то и сотвори, а прежде имъ не бывшемъ. Не бо требуетъ ничто же Богъ, а человеческыя хитрости другъ друга требуетъ. Требѣ бо есть кормнику, корабль

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

ПРОЛОГ

Что прекраснее, что сладостнее для боголюбцев, поистине жаждущих вечной жизни, нежели всегда держаться мыслью Бога и помнить благие дела Его? И раз уж ты, господин мой, славный князь Симеон-христоролюбец, непрестанно познаешь заповеди Его и творения, дабы теми украсить и прославить себя, того же и мы держимся правила. А доброжелательный раб, видя добрые дела господина своего, не только сам бы хотел, об этом ведая, радоваться и веселиться, но желал бы, если возможно, чтобы и мир о том услышал. Сколь румяны, радостны и веселы бывают те, кто насыщает себя питьем и пищей! Но еще более — тот, кто питает себя мыслями, взирая на дела Божии и радуясь им! Хочет тот, чтобы и другие видели и полюбили их. У таких людей, как говорит Писание, крылья вырастут, как орлы полетят они без труда, ибо радость не знает тягот и крылья растит. И как же им не радоваться, ища и постигая, для кого это небо украшено солнцем и звездами, ради кого земля покрыта садами, дубравами и цветами и увенчана горами, для кого море и реки и все воды наполнены рыбой, кому рай и само то царствие уготованы? Как им не радоваться и не веселиться, славословя, постигая, что это — не для кого-либо иного, но для них самих! А нужно еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться! Я же здесь быстро в шести кратких словах все это напомним. А потом — и отдохнуть, о добром этом творении побеседовав.

Творил Бог не так, как люди, возводящие здания или строящие корабли, или медники, или золотых дел мастера, или ткачи шерсти, или кожевники, или, скажем, художники. Те создают свои изделия, какие им нужно, по готовым образцам, запасаясь материалом и беря орудия труда друг у друга. Богу же достаточно что-то помыслить, чтобы сотворить то, чего прежде не бывало. Ибо Богу для созидания ничего не нужно, а человеческие искусства нуждаются друг

творящу, иже древо съчетъ, и корчия, и иже пекль творить; и паки съяй что-либо земля требуетъ, и садове, и сѣмена, наводнения; и иже корчия дѣлаютъ вещь требуютъ корчии зиждющаго; и подобнаго сосуда каждо требуетъ еже комуждо ся ключить на дѣло. А Творецъ Великий ни сосуда требуетъ, ни вещи, ни бо в него мѣсто есть. Инѣмъ козникомъ вещи сосудъ, еще же и лѣто, и трудъ, и хитрость, и поспѣшение; се Богови — хотѣние. Все бо еже восхотѣ Господь, и сотвори — въ мори и въ всѣхъ безднахъ,* якоже глаголють чистая словеса. Восхотѣ бо сотворити не елико може, но елико же вѣдѣше, яко довлѣетъ. Удобѣ быше ему утварий сихъ, рекше миръ, сотворити и тму, и двѣ свѣтилъ велицѣи. Се же есть паче восхотѣннѣи удобѣе и творение. Намъ бо всего удобѣе есть иже восхотѣти чесому, неже творити, не бо можемъ творити еже хотяще. А Богу творцю все мощно иже хощетъ. Хотѣнню бо Божию сила припрѣжена, да елико хощетъ творити.

Тѣмъ же иже и твореное ово есть нами видимо и знается, ово же разумно. Тихъ разумныхъ есть ефиръ и небо причастие. Ово земное, ово же небесное. На потребу и животы сотвори чювственны, овы же и разумны. Разумнымъ небо и эфира, а земнымъ землю и море дасть жилище. Тии же разумнымъ друзи на золь ся совратиша и изгнани быша съ небесныхъ мѣстъ, и на воздухъ и на земли часть имъ отлучи: не якоже да съвершаютъ еже аще умыслятъ на челоуѣки зло, — воздражаетъ бо я аггелское сохранение и стража, — но да тѣмъ представлениемъ разумють, колико ти зло обрѣтаетъ презорство и нырение. Но понеже надвое раздѣли чювственнаго рода, ти ов осмысленъ и словесенъ сотвори, ов же бе-смысла. И повину смысленному роду бесловеснаго естества. Пакости же обаче друзии бесловесныхъ творятъ и, супротивящеся, востають на своя властели. Не бо но и сихъ властели си же такожде творятъ: и смыслом, и словесемъ почестъ приемше, и бѣсятся на Творца своего. Да сего ради и сии бесловеснии востають, яко да еже сами творятъ. То от того разумють, колико зло есть еже свой чинъ комуждо преступати и уставныя предѣлы без боязни миновати. Сия же предѣльныя уставы вѣдѣти есть, како ти бездушныя вещи хранять.

Море бо, бурями мутимо и надымающихся на сусѣду землю и проливаемо, пѣска ся стыдитъ и нарочитыхъ предѣлъ не рачить преступати, но яко конь текий и воздержается уздою, сице ти море, неписанный законъ видя, пѣскомъ написанъ, и възвращается. Сице ти и рѣки текутъ, якоже суть учинены исперва; и студенцы истичють, и кладязи дають челоуѣкомъ иже на потребу. И лѣта вся часы другъ друга по чину преминуютъ; по сему закону и дние, и нощи хранять чинъ той, и продолжаеми не хвалятся, ни украшаеми не тужать, но, другъ от друга годъ приемлюще, паки бесъ пря долгъ отдающе приемлютъ. Се же *также* Творчюю премудрость кажетъ и силу: ни земля бо, в тысущихъ лѣт орема, и сѣма, и садима, и кормяще плоды, перома и копаема, и дождемъ

в друге. Кормчему нужен кораблестроитель, и дровосек, и кузнец, и смолокур; также и сеящему что-либо нужны земля, растения, семена и вода для полива; и кузнецу для работы нужен материал и тот, кто построит кузницу. И свое орудие нужно для каждого дела — какое кому больше годится. А Творец Великий ни в орудии не нуждается, ни в материале, ни вообще в чем-либо. Другим созидателям нужны материал и орудие, а также время, труд, умение, старание, а Богу — только Его воля. Ибо все, что захотел Господь, то и сотворил — в море и во всех безднах, как говорят чистые слова. Захотел же Он сотворить не столько, сколько мог бы, но столько, сколько знал, что нужно. Мог бы легко Он сотворить вселенных таких, что зовутся миром, и десяток тысяч, и два десятка великих светил. Это и значит: творение много легче хотения. Нам вот гораздо легче захотеть что-нибудь, чем сотворить, ибо мы не можем творить все, что хотим. А Богу-Творцу по силам все, чего бы он ни пожелал. Ибо Божие желание сопряжено с силой сотворения того, что хочется.

Из сотворенного же одно мы видим и чувствуем, другое мыслим. Область мысленных созданий — эфир и небо. Одно из сотворенного земное, а другое — небесное. Как и надлежало, Он сотворил и живые существа: одни чувственные, а другие мысленные. Мысленным дал Он для житья небо и эфир, а земным землю и море. Некоторые же из мысленных созданий сообразились на зло и были изгнаны из небесных жилищ, и Он выделил им часть в воздухе и на земле — не для того, чтобы они совершали зло, какое умыслят на людей, — препятствует им в этом ангельское охранение и стража, — но чтобы по этой перемене было понятно, какое зло влекут за собой гордыня и обман. И сотворил Он род чувственных, разделив его надвое, сделав одних осмысленными и словесными, а других без смысла. И подчинил бессмысленные существа осмысленному роду. Однако же некоторые из бессловесных пакости творят и, сопротивляясь, восстают на своих властителей. Но ведь и властители их то же делают: приняли почесть владения смыслом и словом и восстают на своего Творца. Потому-то и бессловесные эти восстают, что они сами так поступают. Отсюда понятно, какое зло кому бы то ни было нарушать свой чин и безбоязненно преступать установленные ему пределы. Надлежит знать, как бездушные вещи соблюдают эти установленные пределы.

Так, море, мутимое бурями, воздымаясь на соседку землю и обрушиваясь, стыдится песка и не любит преступать определенных границ; но как конь бегущий удерживается уздой, так и море, видя неписанный закон, песком начертанный, возвращается в свои пределы. И реки, как устроены сначала, так и текут; и ключи бьют, и колодцы дают потребное людям. И все часы времени по порядку друг за другом проходят; по тому же закону и дни, и ночи хранят тот чин, и, будучи удлиняемы, не хвалятся, а сокращаемы, не тужат; но, друг от друга приемля пору, вновь без споров, долг отдавая, *должное* приемлют. И вот еще что показывает премудрость и силу Творца: ведь ни земля, тысячи лет возделываемая, и засеваемая, и засаживаемая, и кормящая плоды, и

мочима и снѣгомъ, и жьгома, оскудѣнія никакоже не приа, но плод земным дѣлательемъ неудръжанъ приносить. Ни море, оттуду облакомъ вземлющемъ водное естество и дождя ражающе и земли даемы, не охудѣ, ни пресхну николиже, ни паки возрасте, приемля бещисмени рѣки, втичающая в то. И се глаголю: откуда убо истоки рѣчныя истичють? Недовѣдомо бо ми и се помышление: како солнце мокротное сущее не может иссучити удобь зело? Иже хоцеть разумѣти: не бо оно сушить тины, и водныя соборы пресушаетъ, и наша телеса минуеть. Видѣти же рѣки худѣюща, егда же, оставивъ южныя страны, и на сѣверныя преходить, и жатву творить. Сего ради и Нила мѣнять не в той же год воднящаяся, в он же и иныя рѣкы, но у полы жатвы напаяють Егупеть, имже солнце тогда по сѣверному поясу ходитъ и инѣмъ рѣкамъ притужает, а от сего кромя ся отдаливши. Аще ли же ины вины мѣнят, имиже ся сводить, то нынѣ нѣсть ти ни *на* кою же потребу.

Чюжду же ся азъ, како ся не коньчаеть, ни оскудѣетъ воздушное естество, толицѣмъ человѣкомъ, но и толицѣмъ же безсловеснымъ животомъ дышащемъ беспрестани, толицѣ же луцѣмъ солнечнѣи, и тако зѣло теплѣ, сквозѣ не проходящи, к тому же и лунѣ и звѣздамъ тожде творящимъ. Но выше чюдеси чюдо! Но се да и залѣзу, рекий, яко нѣсть чюдно чюдо. Богу убо что-либо творящею не подобаеть намъ чюдитися, но хвалити паче и славити Его. Тому бо удобь творити еже Ему на потребу. Вложи же в ты твари елико же веляше состоятися лѣтъ силу доволну. Сего ради и земля пребываетъ, якоже исперва сѣтворена есть, и море ни худитъ, ни увеличится, и въздухъ, якоже исперва приа естество, тако же ей и доселѣ хранит, и солнце же не может растопити небесныхъ твердий, и твердь не разлѣтся водная, бывши преж, но пребываетъ твердь, якоже ей причастие Творецъ видѣлъ. И супротивнаго естества — мокраго и сухаго, и паки студенаго и теплага — съвокупи Творецъ на едино сѣтворение и любовь. Егда бо от сихъ каждо видѣмъ ти — солнце овогда по севѣрнымъ странамъ, овогда по южнымъ, овогда же посреде небесе ходящу, и луну растушу, и худѣющу, и звѣзды в годы своя възходяща и заходяща, и жатвенныя годы, и сѣтвенныя назнаменующе, и по водамъ плавающимъ и бурю и утишье възвѣшающа, — то все видяще, мы, господи мой, хвалимъ Творца, иже такы доброты сѣтворилъ есть, и сими видимыми к Невидѣмому грядемъ.

Нѣ не шествѣе ны есть требѣ, но вѣра — тою бо можемъ видѣти Того. Егда же видѣмъ, в годы и в часы приступающа и дождь дающа, и сию растящу, и травую покрываему, и нивы волнуящаяся, и зеленующаяся дубравы, и обрастьша горы, и родивша овоща, пустимъ на хвалу языкъ, и рцѣмъ съ божественнымъ Давидомъ, и с гѣмъ воспоимъ, рекуще, яко: «Возвеличишася дѣла твоя, Господи. Вся премудростию сѣтворилъ еси».* Егда слышимъ пѣснивыя птица, различными гласы поюща красныя пѣсни, славия же звѣждуша, косы же и соя, иволгы, и желны, и шуры же и изокы, ластовици же и враньца, и ины птица, яже бесчисмене, — симъ ся глумимъ, славяще Творца.

толкаемая, и копаемая, и дождем мочимая и снегом, и опаляемая, нисколько не оскудела, но приносит земледельцам изобильные плоды. Ни море, откуда облака берут водную стихию, и дожди рождают, и земле дают, не уменьшилось, не высохло нисколько, и так же не выросло, принимая бесчисленные реки, втекающие в него. И вот что скажу: а откуда истоки рек истекают? Непонятно мне и такое явление: почему солнце не может с великой легкостью высушить все мокрое? Для тех, кто хочет уразуметь: ведь не высушивает оно ни тины, ни водоемы, минует и наши тела. Реки кажутся меньше, когда оно, оставив южные страны, переходит в северные и производит лето. Потому и наводнения Нила, считают, происходят не в то время, что у других рек, ибо он напояет Египет в середине лета, в то время когда солнце ходит по северному поясу и угнетает иные реки, а от этих краев отдалается. Хотя существуют и другие мнения о том, чем это объясняется, но сейчас они тебе совершенно ни к чему.

Дивлюсь я и тому, как не кончается, не оскудевает воздушное естество, когда столько людей, а кроме того, и бессловесных тварей, дышат непрестанно, и столько лучей солнечных, таких горячих, проходит сквозь него, а ведь еще и луна, и звезды делают то же. Высшее из чудес чудо! Но, смею сказать, не удивительное чудо. Ведь когда Бог творит что-либо, нам подобает не удивляться, но, скорее, хвалить и славить Его. Ибо Он с легкостью творит, что Ему требуется. В создания же те Он вложил силу достаточную, чтобы они существовали столько лет, сколько Он им повелел. Потому-то и земля пребывает такой, какой изначально сотворена, и море не убывает и не увеличивается, и воздух, как изначально принял естество, так доселе его и хранит, и солнце растопить не может небесные тверди, и водная не разлилась твердь, бывшая прежде, но пребывает твердь в той участи, какую дал ей Творец. И противоположное по природе — мокрое и сухое, а также холодное и теплое — совокупил Творец воедино ради созидания и любви. Каждое же из творений, видя солнце, то по северной стороне, то по южной, то посреди небес ходящее, луну, растущую и убывающую, звезды, в сроки свои восходящие и заходящие, время жатвы и сева указывающие и по водам плавающим бурю и тишь возвещающие, — все это видя, господин мой, мы хвалим Творца, все блага эти сотворившего, и через это видимое восходим к Невидимому.

Но не восшествие нам требуется, а вера, ибо благодаря ей мы можем увидеть Его. Когда же увидим Его, в сроки свои приступающего и дождь земле дающего, а ее растящую и травой покрываемую, и нивы волнующиеся, и зеленющие дубравы, и порастающие лесом горы, и зреющие плоды, то используем язык для хвалы и скажем с божественным Давидом, воспоем с ним, говоря: «Возвеличились дела твои, Господи! Все премудростью сотворил еси!» Когда слышим, как певчие птицы поют всякими голосами прекрасные песни, соловьиные трели, голоса дроздов и соек, иволг и дятлов, кузнечиков и цикад, ласточек и жаворонков и иных птиц, а они бесчисленны, — тогда мы, умиляясь, славим Творца.

Не яць же бо суть инии творци — тии бо готовою вещью творят, а Сий вся от небытия изведе и дасть небывшимъ бытие. Удобь бо Ему от небытия творити. Сиче бо и древле сътвори, спроста же рещи, и по вся дни творить. Не бо но от готовых творить телесъ животомъ телеса, и от небывших творить душа, но не всъмъ животомъ, но точью челоувкомъ. И птицами творит птиц, а плавающими плавающая, и инѣхъ родоу кыхъждо своимъ родомъ премѣняеть. Также и земными плоды, и ораными, и садимыми приносить челоувкомъ. Прже земля ни орана, ни сѣяна прорасти всякого сада имена и образы плещущаго, и четвероногаго рода, и водное естество роди, якоже повелѣно ему бысть, и иже в водахъ живутъ животная и иже по воздуху проходятъ. А саму же ту землю, небо и воздух, и водное естество, и огненный свѣтъ не вещи повелѣ извести, нѣ не бывша николи же, и изведе от небытия в бытие, Самъ Творитель бывъ кораблю сему великому, рекше твори сея, Сам же править и премудра съсудъ корабля. Се ны сказа верховный Его пророкъ Моисей, от сего премудраго Творца, Господа Бога, и Владыкы приимъ на горѣ Синайстѣй.

Си же словеса шесть, господи мой, не о себе мы есмы сътворили, но ово от Эксамера святаго Василиа истовая словеса, ово же и разумы от него приемлюще, также и от Иоанна, а другое от других: аще есмы кождо что почитали иногда, также есмы сплатили ее.

Яко же се бы кто минуемъ владыкою, аще мимоходящу владыцѣ, восхотѣль бы храмъ ему сътворити. Не имущу же ему чимъ сътворити, шедъ бы к богатымъ и спросилъ бы от них — от ового мраморъ, а от другаго брѣселиа, ти стѣны бы возградилъ, и мраморомъ помостилъ прощениемъ от богатыхъ. И покрыти хотящу, и не имущу противу стѣнамъ тѣмъ и помосту мраморному достойна покрова, лѣсу бы исплелъ потонку храму тому, и створилъ, и покрылъ соломоу, и двери наплѣталъ терниемъ, и тако затворъ сотворил. Сиче бо достойтъ неимущему в дому своемъ ничтоже.

Сиче бо есть нищий нашъ умъ: да не имы в дому своемъ ничтоже, чюжими возгради словеса, приложи же и от нищаго дому своего, но акы солому и лѣсы — словеса своя. Аще владыка, милуяй его, все то акы своя труды приемлетъ его, ему же владыцѣ Господь Богъ надъ владыками даждь сию жизнь добръ угаждающу Тебѣ рая дойти съ преподобными мужи всѣми.

Аминь.

{...}

СЛОВО ШЕСТАГО ДНИ

Яко же смердъ и нищъ челоувкъ и страненъ, пришед издалеча к преворамъ княжа двора и видѣвъ я, дивится и, приступивъ къ вратомъ, чюдится, въпрашая, и вънутрь въшед, видѣтъ на обѣ странѣ храмы стояща украшены

Не таков Он, как другие творцы, что создают из готовой материи, а Он все вывел из небытия и дал бытие небывшим. Легко ведь Ему из небытия творить. Так Он в древности мир сотворил, так, попросту сказать, и во всякий день творит. И не из готовых тел творит Он тела живым; а из небытия творит души, но не всем живущим, а только человеку. И птицами творит птиц, а плавающих плавающими, и иных родов каждого делает соответствующим его роду. Так же и земные плоды, сеянные и садимые, приносит людям. Прежде чем начали пахать и засеивать землю, Он прорастил все виды растений и создал виды пресмыкающихся и четвероногих, и водное естество родил таким, каким повелено ему быть, и тех, что в воде живущие существа, и передвигающиеся по воздуху. А сами эти землю, небо, воздух, воду, огненный не материи Он повелел произвести, но Сам их, никогда не бывших, вывел из небытия в бытие, Сам Творцом явившись этому великому кораблю, то есть творению этому, Сам же и правит мудреными снастями корабля. Так нам сказал верховный Его пророк Моисей, восприняв это от премудрого Творца, Господа Бога и Владыки, на Синайской горе.

Эти же шесть слов, господин мой, не сам я сочинил, но иное взял из верных слов Шестоднева святого Василия, а иное по смыслу у него заимствовал, также и у Иоанна, а другое у других: что мне когда-либо приходилось читать, то я и соединил.

Это похоже на то, как если бы кто-нибудь, кого минует, ходя мимо, его господин, захотел бы построить ему хоромы. Не имея же из чего строить, пошел бы он к богатым людям и попросил бы у них — у одного мрамор, у другого бревна, и возвел бы стены, а мрамором, выпрошенным у богатых, вымостил бы пол. И захотел бы те хоромы покрыть, но не имея материала, достойного стен и мраморного пола, сплел бы сетку на том доме и покрыл бы его соломой, а двери сплел бы из прутьев и такой же сделал бы запор. Так ведь остается поступить не имущему в своем доме ничего.

Таков же и нищий наш ум: не имея у себя дома ничего, строит он из чужих слов, добавляя понемногу из своего нищего дома, но вроде соломы и прутьев — свои слова. Если владыка, снисходя к нему, все эти труды его примет как свои, то дай этому владыке Господь, Бог над владыками, угодить Тебе в этой жизни и со всеми преподобными мужами до рая дойти.

Аминь. (...)

СЛОВО ШЕСТОГО ДНЯ

Как смерд и нищий человек или странник, придя издалека к оградам княжеского дворца и увидав их, удивляется и, подойдя к воротам, восхищается, расспрашивая, и, внутрь войдя и видя стоящие с обеих сторон хоромы, укра-

камениемъ и древомъ истесаны, и прочее въ дворець въшед и узрѣвъ полаты высоки и церкви, издобрены безъ года каменiemъ и древомъ и шаромъ, изутрь же мраморомъ и мѣдью, сѣребромъ же и златомъ, таче не съвидѣй, чьсому приложити ихъ, нѣсть бо того видѣль на своей земли развѣ хызъ лѣплень и убогъ, ти акы погубивъ си умъ чюдитися имъ ту. Но аще ся прилучитя ему и князь видѣти, сѣдяща въ срачицѣ бисеромъ покиданѣ, гривну цавау на выи носяща и обручи на руку, и поясомъ вольрьмитомъ поясана, и мечъ златъ при бедрѣ висящъ, обаполы его боляры стояща въ златыхъ гривнахъ и поасѣхъ и обручихъ, ти его аще кто вопрошаеть, възвращашася на свою землю, рекый: «Что видѣ тамо?», — рече: «Не вѣдѣ, како вы повѣдѣ того. Свои бы бѣсте очи умѣль достоинѣ чюдитися той красотѣ». Тако же и азъ не могу достоинѣ тоя доброты и чина сказати, но самъ кождо васъ, очима плотныма видя и умомъ *безплотнымъ* домышляя, паче ся можетъ извѣстнѣ чюдитися. Свои бо очи никомуже сължетѣ, аще и тѣ ся другоици блазнитѣ. Но обаче тѣ извѣстнѣиши есть иного. Видя бо небо утворено звѣздами, солнцемъ же и мѣсяцемъ, и землю лакомъ и древомъ, и море рыбами всяцѣми исполнено, бисеромъ же и всяцѣми рунеси пиньскими, пришедъ же къ человекъу, и умъ си акы погублю, чюдяся, и недомышлюся: въ коль малѣ тѣлѣ толика мысль, обындуши всю землю и выше небесъ възыдуши. Гдѣ ли есть привязанъ умъ тѣй? Како ли изыдѣй ис тѣла проидеть кровы насобья, проидеть въздухъ и облакы минеть, солнце и мѣсяць и вся поясы, и звѣзды, ефиръ же и вся небеса, и въ томъ часѣ паку въ тѣлѣ ся своемъ обрящеть? Кыма крилома възлѣтѣ? Кымъ ли путемъ прилетѣ? Не могу ислѣдѣти. И точию се вѣдѣ реши съ Давидомъ: «Удивися разумъ Твой, мною укрѣпился, не возмогу противу ему», «Възвесели мя, Господи, тварью твоєю, и дѣломъ руку Твоею възрадоуюся», * яко же «Възвеличишася душа Твоя, Господи, вся премудростию сътвори».*

шенные камнем и деревом резным, а затем, во дворец войдя и увидав высокие палаты и церкви, богато украшенные камнем, деревом и живописью, а изнутри мрамором, медью, серебром и золотом, не знает, чему их приравнять, ибо не видел он в своей земле ничего, кроме жалких и убогих хижин, и как безумный удивляется этому тут. А если случится ему и князя увидеть, сидящего в облачении, осыпанном бисером, с гривной изукрашенной на шее и обручами на руке, поясом красным препоясанного и с мечом золотым, при бедре висящим, с двух сторон его бояр, стоящих в золотых гривнах, поясах и обручах, тогда, если кто спросит его по возвращении в свою землю, говоря: «Что ты там видел?», — он скажет: «Не знаю, как вам рассказать о том. Лишь своими глазами можно достойно подивиться той красоте». Так же и я не могу достойно сказать о том хорошем устройении и чине, но каждый из вас сам, очами телесными видя и умом бестелесным домышляя, больше и с лучшим знанием дела может удивляться. Свои ведь очи никому не солгут, хотя и те иной раз ошибаются. Однако же они извещают лучше прочего. Увидав же небо, украшенное звездами, солнцем и месяцем, и землю — злаками и деревьями, и море, рыбами всякими наполненное, бисером и всякими завитушками ракушек, и переходя к человеку, как бы ума лишаясь от удивления и не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти. К чему привязан ум тот? Как, исходя из тела, проходит он сферы одну за другой, проходит воздух и минует облака, солнце, месяц, и все пояса, и звезды, эфир, и все небеса и тотчас же вновь оказывается в своем теле? На каких крыльях он взлетел? Каким путем прилетел? Не могу проследить. Только и знаю, что говорить вместе с Давидом: «Удивился разум Твой, мною укрепился, не возмогу против него», «Возвеселил меня, Господи, творением твоим, и делам рук Твоих я возрадуюсь», ибо «Возвеличились дела Твои, Господи; всё премудростию сотворил».

ИЗ ИЗБОРНИКА 1073 ГОДА

Немесия епискупа емесьскааго отъ того,
еже «О естѣствѣ человѣчьстѣ»

Человѣка вѣмъ испрѣва ни смъртна, исповѣдаемъ,* ни бесмъртна бывша, на прѣдѣлѣ же обоего естѣства: да аще убо вѣслѣдуетъ плѣтньныхъ врѣдовъ, то вѣпадетъ и вѣ плѣтньныя свѣраты; аште ли душньныя паче почтеть, доброты бесмъртѣя съподобитѣся. Аште бо бы испрѣва смъртна и Богъ сѣтворилъ, то не бы сѣгрѣшивша смъртѣю осудилъ. Смъртнаго бо смъртѣю никтоже не осуждаеть. Аште ли паки бесмъртна, не бы крѣмля плѣныя трѣбоваль, ни бы тако удобно покаялься и бывшааго несмъртна смъртна абие сѣтворилъ. Не бо и о сѣгрѣшившихъ ангелѣхъ се являеться, сѣгрѣшивъ, нѣ по прѣвому естѣству бесмъртѣни прѣбыли быша, иного о сѣгрѣшениихъ чяюште суда, а не смърти. Да уне убо естѣ или симъ образѣмъ разумѣти прѣдѣлежаштее, или яко смъртѣнъ убо сѣтворенъ бы(стѣ), могый же отъ прѣспѣяния свѣршаемъ бесмъртѣнъ быти, рекѣше, силою бесмъртѣнъ. Ельма же не бѣаше ему на пользу прѣжде свѣршения разумѣти естѣство свое, отѣрече и не вѣкусити дрѣва разумнааго. Бѣаху бо, паче же суть и еште нынѣ, силы вѣ овошти великы; тѣгда же, акы вѣ начяло, явленѣиша сушта, тѣврѣждѣше имѣяху дѣйство. Бѣаше же убо и вѣкуснѣ кый плодъ разумъ вѣдая своего е(стѣ)ства. Не хотяше же его Богъ, да прѣжде свѣршения разумѣть свое естѣство, да не, разумѣвъ ся скуднѣ о мѣнозѣ сы, о плѣтнѣй прилежать потребѣ, оставивъ д(у)шньный промыслѣ: да и тоя вины дѣля вѣзбрани ему прѣяти плодъ разумѣния. Прѣслушавъ же и разумѣвъ ся, свѣршения отѣпаде. При плѣтнѣй же потребѣ оскудѣ, одежда бо абие вѣзиска. Рече бо Писание: «Разумѣ, яко нагъ естѣ».* Прѣжде же вѣ ужасты и сѣтвори и вѣ невѣдѣнии себе. Отѣпадъ убо свѣршения, отѣпаде и бесмъртѣя, и еже послѣ же приметъ благодѣтию Сѣтворшааго и.

ИЗ ИЗБОРНИКА 1073 ГОДА

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ

Немесия епископа емесского из сочинения
«О естестве человеческом»

О человеке знаю: изначально мы полагаем, он не был ни смертным, ни бессмертным, но находился на границе той и другой природы: чтобы, если последует плотским несовершенствам, подвергся бы и плотским соблазнам; если же предпочтет то, что связано с душой, удостоился бы блага бессмертия. Ведь если бы Бог изначально сотворил его смертным, то не осудил бы его, согрешившего, на смерть. Ибо смертного смертью никто не наказывает. Если бы, опять же, — бессмертным, то он не нуждался бы в телесной пище, да и ⟨Бог⟩ так быстро не раскаялся бы и бывшего бессмертным не сделал бы тут же смертным. Это видно ведь и по согрешившим ангелам: согрешив, они остались, в соответствии с первоначальной природой, бессмертными, ожидая иного суда за согрешения, а не смерти. Потому дело следует понимать или таким образом, или же, что сотворен он был смертным, но, постепенно совершенствуясь, мог стать бессмертным, то есть был бессмертным в потенции. Поскольку же не было ему на пользу прежде достижения совершенства знать свою природу, ⟨Бог⟩ запретил ему вкушать от древа познания. Были ведь, да и теперь еще есть, великие силы в плодах; а тогда, как ⟨всегда⟩ в начале, они проявлялись наилучшим образом и имели более эффективное действие. Да ведь и вкусен он был, тот плод, который давал знание своей природы. Не хотел же Бог его дать, чтобы человек не узнал своей природы до того, как стал совершенным, и, осознав, что ему многого недостает, не стал бы заботиться о телесных нуждах, оставив заботу о душе; по этой причине и возбранил Он ему вкушать от плода познания. Ослушавшись же и осознав себя, тот отпал от совершенства. Он стал думать о плотской потребности, ибо тут же начал искать себе одежду. Писание ведь говорит: «Уразумел, что он наг». Прежде же он был в состоянии вдохновения, каким его сотворил Бог, и в неведении о себе. Отпав же от совершенства, он отпал и от бессмертия, каковое впоследствии вновь получает благодатью сотворившего его.

По отъпадении же и мясная пишта попуштена бы(сть). Пръвѣ бо земельными тѣчю повелѣ ему довьльну быти. То бо бѣше и въ породѣ. Отъчаяну же бывъшу съврѣшену же, попуштениемъ уже проштено бысть ядение мясное.* Трѣбѣ бо есть челоуѣку брашно и питье, проходѣ дѣля и исходѣ. Истѣштаеть бо ся животѣ и явленными проходы и неявленными, да нуждя есть убо или въ истѣштаемыхъ мѣсто вѣносити равная, или разорится животѣ скудѣства ради вѣходяштиихъ. Сухомъ же сушемъ, и мокромъ, и духу истѣштаемымъ, нуждя есть сухыя и мокрыя пишта трѣбовати животу и духу. Есть же намъ крѣмля и питие отъ вещей, отъ нихже съставлени есмы. Коеждо бо своимъ подобнымъ крѣмиться, супротивнымъ же ся врачуеть.*

Нѣ елма же не тѣчю лѣпотѣ дѣльма, нѣ и добротия ради еже по посязанию, имже паче утягнетъ всего живота челоуѣкъ, не положи на насъ ни кожа дебелы, ни власъ, аки животымъ,* да тѣмъ нужднѣ ризы трѣбны быша,* — и въздуховъ ради нестроинѣства, и звѣрьскихъ дѣля врѣдовъ. Зѣлаго же раствора ради и прѣмѣнъ качювьствьныхъ и чювьства ради, данааго тѣлеси, врачеве и былия трѣбны быша. Аште ли не быхомъ имѣли чювьства, то ни болѣли быхомъ; ни цѣления трѣбовали, не боляште, и погѣбли быхомъ убо въ невѣсти, злаго врѣда не цѣляште.* А съпрѣва ничѣсоже отъ сего не трѣбовахомъ, ни бесловеснии бо животи смѣяху врѣждяти челоуѣка, нѣ бѣаху ему вся поражати и покорена, — донѣдеже въздрѣжаше своя страсти. Дрѣжимъ же отъ нихъ, удрѣжанъ бысть и отъ вѣнѣшнихъ въ подобу звѣрий. Вѣлѣзе бо съ грѣхъмъ и суштии отъ тѣхъ врѣдѣ. А якоже то есть истина, учятъ ны доброе житѣе прѣпроводивѣшии и отъ такихъ никогоже не врѣдивѣшесе, аки Даниль отъ львовъ и Павѣль отъ ехиднѣ.*

Да кто убо достоиннѣ почюдитѣя добротю живота сего, иже съвѣзаетъ въ себѣ смъртьная къ бесмъртьнымъ, и словесная къ бесловеснымъ, носящю уму въ своемъ ествѣ вѣсея твари образъ, тѣмъ же и «малый миръ» наречесе? Толики же чѣсти отъ Бога и Промысла съподобися, яко того ради — и сушта нынѣ, и будущая, и Богъ челоуѣкъ бысть, и Божие чядо есть, на небесѣхъ царствуетъ, по образу Божию и по подобию бывъ, съ Христосъмъ прѣбываетъ, выше всякого начала и всякая власти съдѣти. Кто ли ему можетъ исповѣдати? Обилия пучины бо минуетъ, небеса проходитъ мыслью, звѣздная пошѣствия и растояния и мѣры размышляетъ, землю дѣлаетъ и море, звѣрьское и китовское прѣбиди, всяко художество и хытрость управляетъ, чрѣсъ прѣдѣлъ кнѣигами къ немуже хоште бесѣдуе, никакоже отъ тѣлесе не ставляемъ, проричеть же будущая, всего есть старѣе, вѣсѣмъ владе, вѣсѣмъ питаетѣся, отъ всего дары приемлетъ, отъ ангѣль хранимъ есть, къ Богу бесѣдуетъ, бѣсомъ запрѣштаеть, суштиихъ ествѣ испятаеть, Бога распятаеть, домы и храмъ бываетъ Божии и причастникъ Того царѣства.*

После отпадения человеку позволена была мясная пища. Раньше ведь (Бог) велел ему довольствоваться только плодами земли. Они ведь были и в раю. А когда он лишен был совершенства, ему было попущено и прощено есть мясо. Требуются ведь человеку еда и питье, потому что они проходят и выходят. Ибо истощается живое существо через видимые и невидимые отверстия, так что необходимо или приносить на место истощаемого равное, или живому существу быть уничтоженным из-за недостатка входящего. Поскольку истощаются сухое и влажное (вещество) и дыхание, жизнь нуждается в сухой и влажной пище и в дыхании. Еда же наша и питье состоят из тех же элементов, из каких мы составлены. Каждый ведь питается тем, что ему подобно, а противоположным лечится.

И ведь не только красоты ради, но и для того, чтобы человек превосходил все живые существа более тонким чувством осязания, не возложены на нас ни толстая кожа, ни волосы, как у животных, и потому нам нужны подходящие одежды — и на случай плохой погоды, и из-за причиняемого зверями вреда. А из-за дурного соотношения (органических соков), качественных изменений и данного телу чувства потребовались врачи и лекарства. Если бы мы не имели чувства, то не испытывали бы боли; не страдая, не старались бы лечиться и погибали бы в неведении, не исцеляя опасного повреждения. А сперва нам ничего этого не требовалось, ибо бессловесные животные не смели вредить человеку, а он мог всех их поражать, и все было ему покорно — пока он удерживал свои страсти. Победенный же ими, он был побежден и внешними подобными им зверями. Вместе с грехом пришел ведь и происходящий от них вред. А что это истина, показывают нам проводившие добрую жизнь люди, не претерпевшие вреда ни от кого из таковых, — как Даниил от львов и Павел от змей.

И кто достойным образом не подивится благородству этого живого существа, которое связывает в себе смертное с бессмертным, словесное с бессловесным, нося умом в своем естестве образ всего сотворенного, и потому называется «малым миром»? Такой чести сподобился он от Бога и Промысла, что ради него — и настоящее, и будущее, и Бог стал человеком, и он — Божие чадо, на небесах царствует, по образу и подобию Божию созданный, с Христом пребывает, выше всякого начала и всякой власти восседает. Кто может словами выразить то, что ему свойственно? Ведь он переплывает громадные пучины, проходит мыслью сквозь небеса, постигает движение, отстояния и величины звезд, работает на земле и в море, не боится ни зверей, ни китов, владеет всякими наукой и искусством, на расстоянии в письмах беседует с кем хочет, нисколько не ограничиваемый телом, предсказывает будущее, над всем начальствует, всем владеет, всем питается, от всего дары приемлет, ангелами храним, с Богом беседует, бесам запрещает, природу сущего исследует, Бога постигает, бывает домом и храмом Божиим и причастником Его царства.

Максимово* о различии сущтя* и ествства
по вѣнѣшнимъ

«Суштьное» убо имя назнаменование есть бытя просто суштиихъ, рекъше того самого сушта суштааго: наричють бо ся суште и аггели, и камыкъ, и прокая вся. Сему убо просто суштууму, егоже обьште вся приемлють, знаменьно есть «суштьное» има. Ествствъньное же имя обавление есть просто суштиихъ пошьствя; всья бо въ пошьствии видома суть, и ничьтоже нѣсть бес пошьствя бывъшиихъ. Суштие убо наричеть бытие просто суштиихъ, ествство же пошьстве просто суштиихъ.

Пятеро же образно есть се: или бо разумно есть, или словесно, или чувствьно, или растушее, или бездушньное. Разумна же — якоже се о аггелѣхъ, отъ самѣхъ тѣхъ разумъ другъ къ другу съближаются; словесно же — якоже се о человѣцѣхъ имени и словеса невидимая душная пошьствя къ дальнимъ обличая. Чувствьно же — еже въ бесловесныхъ разумѣвается, къ крѣмяштий бо и растяштий, къ рашуштии силъ и чувствьную иматъ. Растушее же — еже въ садѣхъ: движать бо ся и та по крѣмяштий и растяштий и раждающтийся силъ. Бездушньно же — акы о каменехъ, по немуже и ти движаться по качьству и по къде: по качьству же убо — якоже грѣтися и устыдати, а по мѣсту же — имьже отъ мѣста на мѣсто инамолетяшее прѣложение.

Да си убо есть вѣнѣшнихъ о именовехъ сихъ вѣра. Цркъвьнии же учители без различья имени сими бесѣдоваша, и то же сушнее и ествство нарекоша, якоже и собство — лице.

Феодора, презвутера Раифуисьскааго,* о тѣхъжде

«Суштьное»* убо имя самого реку имя и нарокъ, съпроста не сушта обрѣтоваамъ въ божьствѣнемъ Писании. Бесѣдуетъ же приречениемъ симъ сущтя многихъ обычаи о назнаменуемыхъ имѣниихъ, еже кто иматъ дома и стада и прокыя вешти. То бо суштие имуштааго наричемъ простыхъ же обычаи, по немуже разуму иже имуть се обильнѣ богата наричемъ, рекъше «многосуштьнѣ».* Тѣмьже и «люди богатыя»* Писание наричеть, сирѣчь приобрѣтенныя, и «Израиль въ богатство ему»,* рекъше въ имѣние и приобрѣтение.

Словеснаа же бесѣда, вѣдушти «суштьное» имя отъ бытнааго слова прѣведоно, самоу вешть сущие* нарече: небонъ «сущьное» обьште имя есть всѣхъ суштиихъ. Се убо сушнее раздрабляется въ суштие и въ сълучая.

И уставляють же сущие сиче: суштие есть имя обьште и неуставно надъ всѣми яже подъ ними собства, равньчостьнѣ водимо и съименьнѣ оглаголаемо. И суштие есть еже надъ подлежащими собствы нарицається и въ всѣхъ тѣхъ тьчно и равньно разумѣваемъ. И суштие есть вещь о собѣ

Максимово о различии сущего и природы, согласно внешним (мудрецам)

Наименование «сущее» есть обозначение бытия просто сущих, т. е. самого существования существующего: сущими называются ведь и ангел, и камень, и все прочее. На это просто существование, которому все причаствуют, и указывает наименование «сущее». Наименование же по природе разъясняет вид движения просто сущего; все ведь видится в движении, и нет среди бытующего ничего неподвижного. Сущим называют, таким образом, бытие просто сущих, природой же — движение просто сущих.

Оно бывает пяти видов: умственное, словесное, чувственное, растительное и бездушное. Умственное — это как у ангелов, сообщающихся друг с другом своими мыслями; словесное — как у людей, посредством названий и высказываний обнаруживающих обращенные вовне невидимые движения души. Чувственное же — у бессловесных, ибо наряду со способностью питаться, расти и рожать они обладают способностью чувствовать. Растительное же — у растений, ибо и они движутся в соответствии со способностью к питанию, росту и рождению. Бездушное же — как у камней, поскольку и те движутся относительно качества и места: относительно качества — нагреваясь и охлаждаясь, а относительно места — будучи извне перемещаемы с места на место.

Таково представление об этих терминах внешних (мудрецов). Церковные же учителя пользовались этими терминами безразлично и то же сущее называли природой, как и ипостась — лицом.

Феодора, пресвитера Раифского, о том же

Термин «сущее» — я говорю о самом имени, наименовании, — мы вообще не находим в божественном Писании. По большей части этим словом пользуются как названием имущества, говоря, кто какое имеет добро, например дом, стада и прочие вещи. Именно так по народному обычаю мы называем состояние владельца, соответственно чему много стяжавшего называем богатым как «многимушим» (букв.: «многосушим»). Также и Писание говорит «люди богатые», т. е. «приобретшие», и «Израиль в богатство ему», т. е. «в имение» и «в приобретение».

Словесный же обычай, зная, что слово «сущее» происходит от глагола «существовать», назвал сущим саму конкретную вещь: ибо «сущее» является общим названием для всего существующего. А это сущее делится на относящееся к сущности и случайное.

Определяют же относящееся к сущности так: сущность есть общее и неопределенное имя для всех находящихся под ней ипостасей, на каковые оно распространяется с равным правом и к каковым применяется синонимически. А также: сущность есть то, что называется находящимся над ипостасями и оди-

състояштися, не трѣбуюшти иного на бытѣе, сирѣчь въ себе сы, а не въ иномъ бытия имы, акы сълучай.

Сълучай же есть еже не можетъ въ себѣ быти, нъ въ иномъ имать бытѣе. Сушие бо подлежащее есть, акы вешти дѣлесемъ, сълучай же въ суштии разумѣваемо есть, рекъше тѣло и образъ: * не бо есть тѣло въ образѣ, нъ образъ въ тѣлѣ. Да тѣло убо есть суштие, а образъ сълучай.

Такоже и душа и мудрость: не бо есть душа въ мудрости, нъ мудрость въ души. Тѣмже и не наричеться «тѣло образово», ни «душа мудрости», нъ «образъ тѣлесный» и «мудрость душевная». Есть убо душа суштие, а мудрость сълучай; души бо погубляемъ, погыбаеть и мудрость, мудрости же погубляемъ, не погубляется и душа; мощьно бо есть души быти и без мудрости. Да убо все еже о себе собство имать и въ себѣ, а не въ иномъ имать бытѣе, суштие есть.

Бываютъ же си да или плътна, или бесплътна. Плътна же — земля, вода, въздухъ, огонь, и съложеная тѣми: камыкъ, садове, съдушньо тѣло. Бесплътная же — аггель, душа словесная. Да се убо, якоже рекохъ, суштие наричуться. Сихъ же творьць — Богъ.*

О естество

Естество есть начяло коегождо сущиныхъ пошьстья же мльчания. Якоже земля движитъся убо, егда зябнетъ и животворитъ плоды и прѣмѣнуеться, мльчить же прѣходомъ отъ мѣста на мѣсто бес подвижения сушти съпроста и бес постапа. Начяло убо такоже беспошьстья и мльчания суштнѣ, рекъше естествонѣ, а не по сълучаю въ земли суште естество наричеть. Не пошьстья же и мльчания, нъ начяло, рекъше вину, по немуже не сълучай, нъ суштнѣ суштия грядуть и мльчатъ.

Уставляютъ бо убо суштее, якоже глаголахомъ, все о собѣ сяе и ничьсоже иного на бытѣе трѣбуя, естество же начяло коегождо отъ суштиныхъ пошьстья же и мльчания суштна. Да вѣнѣшнии убо различье нарекоша суштия и естества, суштие убо рекъше еже просто быти, естество же суштие въ видѣ створено отъ суштныхъ различье и съ тѣмъ еже просто быти неже како бытѣе имѣти, или словесно или несловесно, или смърьтно или несмърьтно, рекъше само то, якоже речемъ, непрѣмѣнное и непрѣложное начало и вину и силу вложеною отъ Творьца коемуждо виду на пошьстье: аггеломъ убо якоже разумѣвати и без износимааго слова подаяти другъ другу помышления, человѣкомъ же яко разумѣвати и помышляти и износнымъ словьмъ подаяти другъ другу срьдъчная помышляния, бесловеснымъ же животное и чювьствное и прѣстанное пошьствье, садомъ же крѣмяштю и растяштю и родьную силу, каменью же якоже грѣватися и истыдати и

наково и с равным правом во всех них усматривается. А также: сущность есть нечто существующее само по себе, в другом для существования не нуждающееся, т. е. сущее в себе, а не имеющее бытие в другом, как это бывает со случайным.

Случайное же есть нечто, неспособное существовать само, но имеющее существование в другом. Ибо сущность есть основа, как материя для вещей, а случайное — нечто, в существе усматриваемое, как например образ у тела. Ведь не тело существует у образа, но образ у тела. Так что тело является сущностью, а образ — случайностью.

Так же соотносятся душа и мудрость: ведь не душа у мудрости, но мудрость у души. Потому не говорится «тело образа» или «душа мудрости», но «образ тела» и «мудрость душевная». Так что душа является сущностью, а мудрость случайностью. Ибо, когда погибает душа, гибнет и мудрость; а когда погибает мудрость, душа вовсе не погибает, ибо душа может существовать и без мудрости. Так что все самостоятельное, что имеет бытие в себе, а не в другом, является сущностью.

Она бывает вещественной или невещественной. Вещественны земля, вода, воздух, огонь и из них состоящие: камень, растение, одушевленное тело. Невещественны же ангел и словесная душа. Таковое, как я сказал, называется сущностями. Творец же их — Бог.

О природе

Природа есть начало движения и покоя каждого из сущих. Так, земля движется, когда растит, животворит плоды и изменяется; и покоится, оставаясь при передвижении с места на место совершенно неподвижной и неспособной к движению. Начало этого движения и покоя, свойственное земле существенным образом, т. е. естественным, а не случайным, называют природой. Это не сами движение и покой, но начало, т. е. причина, согласно которой не случайно, но согласно (своему) существу существа движутся и пребывают в покое.

Определяют ведь сущность, как мы говорили, как все существующее само по себе и ни в чем другом, чтобы существовать, не нуждающееся; природу же — как начало движения каждой сущности и присущего ей покоя. И внешние мудрецы говорили о различии сущего и природы, сущим называя бытие вообще, природой же сущность, которой субстанциальными различиями придана форма и которая наряду с бытием вообще имеет (определение) как существовать, словесно или бессловесно, смертно или бессмертно, т. е. сами те, как мы говорим, неизменные и непреложные начало, причину и силу, которые сообщены Творцом каждому виду для движения: ангелам — чтобы разуметь и без произносимого слова передавать мысли друг другу; людям — чтобы разуметь, рассуждать и с помощью произносимого слова передавать друг другу сердечные помышления; существам бессловесным — жизненное и чувственное и дыхательное движение; растениям — способность питаться, возрастать и порождать; а камням — нагреваться,

еже отъ мѣста на мѣсто инамошьственное прѣступание. Рекъше бездушное се нарекоша естество. Да тѣмъ простое бытѣе суштіе нарекоша, а еже обдыржи собства естество нарекоша.

Святїи же отцы, оставивъше многыя сїя пѣря, обштее и о многихъ глаголемое, рекъше своитныи видъ, суштіе и естествонъ образъ нарекоша, рекъше ангела, или челоуѣка, или коня, или пѣса и другое сїце. Небонъ и «суштіе» «бытѣя» ради наричеться, не бо и «естество» имже «естъ». Да еже «быти» и «естъ» то то же естъ: обоє бо сѣказає бытѣное. И «образъ» же и «видъ» тожде назнаменає, еже и «естество». Частное же нарекоша нераздрабляемое и лице, собство, рекъше Петра и Павла. Собство же хоштеть имѣти суштіе сѣлоучаемыми и о себе сѣстоятїся и чутѣемъ, рекъше дѣйствѣмъ, разумѣватїсе.

Есть же имя естествонъ въ Писанїи знаемѣе. «Егда бо, — рече, — языци закона не имуште естествомъ законъная творять»* и «Прѣмъниша естествонъую потрѣбу на чрѣсѣестествонъую».* Егда же пакы речеть: «И бѣхомъ чяда естествонъая гнѣва, якоже и мнози»,* не по сему назнаменуемому естества глаголетъ — не бо естествомъ и суштіемъ таци есмъ, — аште ли то Творчє бы прѣгрѣшение, нѣ иностанъную и злую любѣве и многоврѣменное зѣлонравѣе и отъ отць в дѣти прѣдаемо и, якоже се решти, имже въ насъ вѣкоренїся то акы въ естество сѣ прѣтвори, да въ лѣпоту сѣде нарече естество апостоль.

Сїце же е разумѣти и отъ Соломона реченоє: «Безумни бо, рече, вси челоуѣци естествомъ, въ нихъже нѣсть Божья разума».* Егдаже глаголетъ: «Всѣхъ бо хытрица научи мя Мудрость»* вѣдѣти «сѣставъ сѣложение мира и дѣїство сѣставы»,* «естества животь и гнѣвы звѣрьскыя»,* истовое естества назнаменование подає. Такожде же и божествонъый Ияковъ рече: «Всє естество бесловесныхъ кротїтѣся естествомъ челоуѣчскѣмъ».* И Петръ: «Да будете Божья приобштыници естества».*

О собствѣ

Собство же естъ вещь сѣстояштіся и суштына, въ немъже сѣлучающтїхъ сѣборъ, акы въ единой подѣлежащїи вешти и дѣйствѣ сѣстоїтѣся. И собствоноє же имя и знаемѣе нѣкако естъ въ Писанїи. Рече бо Иеремїя: «Кѣто естъ въ собствѣ Господни?»* И апостоль: «Иже сѣ усянїе славы и образъ собства Его».* Готовословлено же е собствоноє имя, имже «собомъ сѣстоїтѣся» и «естъ».* Да мнимо убо естъ тожде назнаменуя «собство» и «суштіе» по зѣло опытноуму же разуму назнаменуемыхъ подѣ сими вещми не простое естъ къ себе сїмъ розлїчье: суштіе бо обштіну нѣкаку являє, собство же своитноє.

охлаждаться и быть перемещаемыми с места на место чужой силой. Это движение называли бездушной природой. Иначе говоря, бытие вообще называли сущим, а то, что объемлет ипостаси, наименовали природой.

Святые же отцы, оставив эти долгие распри, сущим и природной формой называли общее и многими упоминаемое, т. е. наиболее общие виды, как то ангел, человек, лошадь, собака и тому подобное. Ибо слово «сущность» происходит от «существовать», а «природа» — от «родиться» (*букв.*: «естество» — от «есть»). «Быть» же и «родиться» — это одно и то же: оба ведь означают существование. А «образ» и «вид» означают то же, что «естество». Частное же они называли индивидуальностью, лицом и ипостасью, как то: Петр и Павел. Ипостась же означает наличие сущности вместе со случайностями, самостоятельность существования и — благодаря чувству, иначе говоря, благодаря действию — воспринимаемость.

Название «природа» более знакомо Писанию. Ведь сказано: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают» и «Заменили естественное употребление противуестественным». А говоря, опять же: «И были по природе чадами гнева, как и прочие», — оно использует слово «природа» не в этом смысле (по природе и сущности мы ведь не таковы), поскольку это означало бы погрешность Сотворившего, но имеет в виду устойчивую любовь к злу и долговременное злонравие, переданное от отцов детям и, в нас, так сказать, укоренившись, преобразовавшееся в природу, так что апостол по праву сказал здесь о природе.

Так же следует понимать и сказанное Соломоном: «Суетны все люди естеством, у которых нет знания о Боге». А когда он говорит: «Ведь, художница всего, научила меня Премудрость» знать «устройство мира и действие стихий», «естество животных и гнев зверей», — он использует слово «естество» в собственном смысле. Так же точно и божественный Иаков сказал: «Всякое естество бессловесных укрощается естеством человеческим»; и Петр: «Дабы вы сделались причастниками Божеского естества».

Об ипостаси

Ипостась есть явление, лежащее в основе и существенное, в котором, как в едином лежащем в основе, фактически и действительно реализуется совокупность случайностей. Наименование «ипостась» некоторым образом знакомо Писанию. Сказал ведь Иеремия: «Кто стоял в ипостаси Господа?», и апостол: «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его». Этимологически слово «ипостась» объясняется словами «находиться в основании» и «существовать». И кажется, что одно и то же означают слова «ипостась» и «сущность», но по внимательном рассмотрении обозначаемых этими словами явлений различие между ними не случайное, ибо сущность обозначает бытие чего-то общего, а ипостась особенного.

Рекъше, купно вси челоуѣци обѣште имуть бытѣе, небонъ вси такожде «живемъ и движемъся и есмь».* Имать же къждо насъ своя нѣкая, имиже отълучаются отъ челоуѣкъ, рекъше отчъство, родъ, художество, дѣло, врѣди и такая, яже и сълучая наричемъ. Да си убо разлучаютъ коегождо насъ отъ прокыхъ челоуѣкъ. Рьцѣмъ убо, яко Павль челоуѣкъ есть акы вси челоуѣци, да по семь убо ни тѣ отъ многихъ челоуѣкъ различне имать, ни вси челоуѣци отъ всего. А понемуже Тарсеусъ есть, и колѣна Венямина, и Саулъ и Павль нарицашеся, и апостолъ, еже ино о немъ съповѣдано е сиче, отъ прокыхъ челоуѣкъ отълучаются. Се убо все о собствѣ разумѣваться, и тажде вешть, рекъше Паулъ, да егда убо бытѣе его смотрится тѣчю, то суштее наричется, егда ли съ прѣжеглаголаными, тогда и собство. То же «суштъное» убо имя не съпремле и собства, а собствъное всако имать и суште.

О лица

Лице же есть еже своими дѣйствы и свойствы явлено и отълучено отъ единоествънныхъ ему подаеть обличение, якоже се Гаврилъ къ Богородици бесѣдуя: единъ отъ аггелъ сы, единъ ту пришьдъ, бесѣдоваше — отълучивъся отъ единосуштъныхъ аггелъ пришьстемъ на мѣсто то и бесѣдованиемъ. И Павль, на степенъхъ бесѣдуя,* единъ отъ челоуѣкъ си, свойствы и дѣйствы его отъ многихъ челоуѣкъ отълучаешеся. Да дѣйствемъ убо бывая въ насъ разумнѣ о къмъ лице то само еже дѣйствуе наричется. Мнимо же е(сть) нѣкако тожде знаменавати еже и «собство», или малы или ничимъ же прѣмнѣно.

Да глаголется убо, якоже и святой Василь, яко «се имать различье суштѣе съ собствемъ еже има общее къ своитънууму».* Нъ елма же общааго и своитънааго инако вѣнѣшнии мудрии творять разлучения, инако же суштии въ насъ богумудръци, подобно же и се е(сть) съказати.

Да вѣнѣшнии убо пръвое всѣхъ видовъ же и родовъ суштѣе огла(го)лають и отъ того подобно творять раздѣлы сиче: суштъное, глаголють, ово есть плътно, ово же бесплътно, и плътнааго же ово есть съдушъно, ово же бездушъно, съдушънааго же ово есть животно, ово же живораствъно, ово же садъ. Съдушъны бо наричуть сады акы крѣмимую и растуштую силу имушта. Животораствъная же наричуться елико же ся ихъ крѣмить и чуетъ посязаниемъ, бес подвига же суть и бес хождения, якоже суть чрѣпноодеждъная въ водахъ. Животи же елико крѣмятся и чуютъ и на мѣсто отъ мѣста шьстѣе имуть. И животу же паки наричуть ово словесъно, ово же несловесъно; и словесънааго ово смрътъно, ово же несмрътъно. Животъ же словеснѣ челоуѣкъ, иже раздѣляться въ онъсицу и въ коегождо челоуѣка.

Так, все люди вообще имеют общее бытие, ибо равным образом все мы «живем и движемся и существуем». И каждый из нас имеет некие особенности, которыми отличается от других людей, как то отечество, род, образ жизни, дело, болезни и тому подобное, что мы называем случайностями. Таковое отличает каждого из нас от прочих людей. Скажем, например, что Павел есть человек, как все люди, и потому ни он не отличается от других людей, ни другие люди от него. Но поскольку он из Тарса, из колена Вениамина, и назывался и Савлом, и Павлом, и он апостол, и другое что-то такого рода может быть сказано о нем, то от прочих людей он отличается. Все таковое рассматривается как относящееся к ипостаси, и сам предмет, т. е. Павел, когда имеется в виду только его бытие, называется сущностью, а когда — и то, о чем сказано выше, тогда — ипостасью. И название «сущность» не охватывает ипостась, а ипостась полностью содержит и сущность.

О личности

Личность есть то, что ясно проявляется в своих действиях и свойствах и отличается от родственных ей существ, как например Гавриил, беседующий с Богородицей: будучи одним из ангелов, лишь он один, придя туда, беседовал с ней, — отличившись от единосущных с ним ангелов тем, что пришел на то место и беседовал. И Павел, будучи одним из людей, отличался от прочих людей, когда вел беседу на ступенях, своими свойствами и действиями. Ведь благодаря появляющемуся у нас знанию о чьей-то деятельности самого того, кто действует, называют личностью. Кажется, это означает то же, что «ипостась», мало или ничем (от нее) не отличаясь.

Следует сказать вместе с Василием Великим, что «сущность имеет такое же отличие от ипостаси, какое общее — от частного». Но поскольку различие между общим и частным внешние мудрецы объясняют по-своему, наши же богومудрецы по-своему, надо разъяснить и это.

Внешние мудрецы называют сущее первым из всех видов и родов и последовательно делят его следующим образом. Из сущего, говорят они, одно телесно, а другое бестелесно; из телесного же одно одушевленно, другое неодушевленно; а из одушевленного одно является животным, а другое животное-растительным, третье растением. Растения называются одушевленными как имеющие способность питаться и расти. Животно-растительными называют тех, что питаются и чувствуют прикосновения, но неподвижны и ходить неспособны, как черепокожие в водах. Животные же — это те, что питаются, чувствуют и способны передвигаться с места на место. А из животных, далее, одни, говорят, словесны, а другие бессловесны: из словесных же одни смертны, другие бессмертны. Животное словесное — человек, каковой различается на данного и на каждого человека.

Нарицають обо суштее пачеродный родъ. Родъ бо наричуть еже можеть по различнымъ глаголатися видомъ, видъ же есть подъчиняемое по(д) родъ. Родъ убо пачеродный есть въ нихъ суштие, имъже то всѣхъ родовъ родъ есть, се же е(сть) родъ прѣродный. Нъ родъ на трое ся речеть: по единому убо образу отъ рожденааго, якоже отъ Израила израилите наричуться; по иному же образу — отъ отъчества, якоже и отъ Иерусалима иерусалимляне наричуться; по третьему же образу родъ наричуть раздѣляемое въ виды, еже и уставляюште глаголють: родъ есть еже о многихъ и подобныхъ въ виду въ томъ, въ немъже что есть оглаголаемое.

И «видъ» же дъвое назнаменуемое имать. Наричеть бо ся видъ и очрътение и образъ, якоже се кумирное. Глаголетъ же ся паки видъ подъчиняемое подъ родъ, рекъше отъ рода роздѣляемое. Да тѣмъ родъ убо есть еже ся роздѣляеть въ виды, видъ же еже отъ рода, рекъше суштия роздѣляеться, еже есть непрѣрѣзаемое. Непрѣрѣзаемое же наричеться, имъже не можеть ся на много раздѣляти, рекъше Петръ единъ сы, не можете мнози Петри быти или въ многихъ розумѣватися. Есть убо прѣродный родъ, рекъше суштие, обште, сирѣчь обште о многихъ глаголемое, неотрѣзаемо же своитъно, рекъше въ себѣ състояся и о многихъ рештися не могы. Сего убо ради и Великий Василий се рече, суште различие сущю къ собъству, еже имать обштее къ своитънууму, ельма же обштее на многы, своитъное же ни на когоже глаголется.

Да по вѣнъшнимъ убо раздѣль сиць. Наши же наставници, оставивше многословие се, добросмотрное же и доброразумно състроиша, якоже съкраштенааго Еуаггелия сушта слоужителю. Близное бо и ужичное неотрѣзаемыхъ оглаголаемо, еже своитънѣй видъ вѣнъшнии нарекоша, се божьствнии отци суштие рекъше ество нарекоша, нерасѣкаемое же собъство, рекъше лице нарекоша. Собъство же и лице суштее чястно есть. Чястно же рѣхомъ, имъже не обште, нъ своитъно, и единого тѣчью оньсицу указая, и сущие имушта что нарицатися и быти. Такожде суштиемъ и собъствомъ и съ своитънымъ обштее имы имя же и вещь. Рекъше Петръ собъство есть, нъ и суштие нѣчто: человекъ бо оньсица, рекъше отдѣляемый, а не просто человекъ. Да васнь убо собъство суштие есть, нъ суштие нѣкое.

Знаменати же есть, яко не възвращається слово: не бо ельмаже собъство суштее, то да и суштее собъство будетъ, ни ельмаже Петръ человекъ, да и Петрово имя всякъ человекъ приметь. Есть бо Петръ Симонъ сынъ Ионинъ отъ Витъсавиды Галилѣйская, Христосовъ апостоль; да сице убо и всякъ человекъ будетъ, ельмаже человекъ Петръ. Да васнь убо не съвращається слово еже яко «Петръ — человекъ» и «человекъ — Петръ», да тѣмъ ни «собъство — сущие» и «суштие — собъство». Тѣмъже и имя «суштия» съ вештьми приметь и собъство, суштие же ничтоже отъ собъства не приметь.

Сущее называют высшей степенью рода. Ибо родом называют то, о чем говорится применительно к разным видам, видом же — стоящее под родом. Высшей среди степеней рода является у них сущее, поскольку оно — род всех родов, и как таковое — высший род. Но о роде говорится в трех смыслах: во-первых, как о потомках родоначальника, как потомков Израиля называют израилитами; во-вторых, — от отечества, как жителей Иерусалима называют иерусалимлянами; в-третьих, говорят о роде как о разделяющемся на виды, определяя какой-то, и говорят: род есть то, что обнаруживается по многому подобному видом, — при определении, что это такое.

И «вид» имеет два значения. Ибо видом называется образ и форма в смысле, например, образа статуи. Видом также называется стоящее под родом, иначе говоря, нечто от рода отделяемое. Так что род разделяется на виды, вид же есть отделяемое от рода, т. е. от сущности, и таковым является индивидуум. Индивидуумом он называется потому, что не может разделиться на многое; так, Петр является одним, и не может быть много Петров, и он не может быть усматриваемым во многих. Существует, таким образом, высшая степень рода, или общая, т. е. называемая общей для многих, сущность, тогда как индивидуум есть нечто частное, т. е. ограниченное собой, о чем совершенно невозможно сказать как о многом. Потому и Василий Великий сказал, что разница между сущностью и ипостасью такая же, как между общим и частным, поскольку «общее» говорится о многом, а «частное» о чем-то (одном).

Таково, согласно внешним мудрецам, это разделение. Наши же учителя как служители краткого Евангелия, оставив это многословие, создали легко воспринимаемое и постигаемое учение. То, подлежащее определению, смежное и соседствующее с индивидуумами, что внешние мудрецы назвали особым видом, божественные отцы нарекли сущностью, или природой, а индивидуум наименовали ипостасью, или лицом. Ипостась и лицо есть частичная сущность. Частичной мы ее называем потому, что она не общая, но частная, и указывает на одного лишь такого-то, и чем-то осуществляемым и называется и является. И ипостась подобно сущности наряду с частным имеет общее и по имени, и на деле. Так, Петр есть ипостась, но — и некая сущность, ибо он — такой-то, т. е. определенный человек, а не человек вообще. Итак, ипостась есть сущность, но сущность некая.

Следует заметить, что (это) утверждение не имеет обратной силы: ведь оттого, что ипостась есть сущность, сущность не становится ипостасью; и оттого что Петр — человек, имя Петра не распространяется на человека вообще. Есть ведь Петр-Симон, сын Ионы из Вифсаиды Галилейской, Христов апостол; именно таким окажется и человек вообще, если человек — это Петр. Но утверждения «Петр — это человек» и «человек — это Петр» необратимы; равно как и «ипостась — это сущность» и «сущность — это ипостась». А потому название «сущность» наряду с вещами получает и ипостась, сущность же от

Да се убо, якоже и мнѣти е(сть), по святууму Василию, иматъ различье суштие къ собьству, еже има обьштину къ своитинууму, имьже суштие подьлежаштемь собьствомь нарицається, собьство же ни на когоже.

Суштие же разумьмь погубляемо, съпогубляется уто и собьство: не сушту бо съпроста челоуѣку, ни Петра ни Павьла не будеть. Погубляемо же собьство не погубляе уто и суштия: не бо погублену Петру, погублень буде съпроста и челоуѣкъ. Паки вьводимо собьство вьводити уто и суштие: иже бо и помыслихомь Петра, туижде и того суштие, яко челоуѣкъ есть. Суштие же вьводимо не вьводи всяко вьсѣхъ собьствь, надъ нимиже нарицається: сушту бо простууму челоуѣку, нѣ нужда и Петру быти, дондеже и Павьлѣ и въ Иоаннѣ без нестатъка челоуѣкъ разумѣвается.

Да суштие убо мощтно разлучениеемь тькмо указати. Аште мене упрашаеши, что есть челоуѣче суштие, отьвѣштаю ти абье того уставъ, яко: челоуѣкъ е(сть) животь словесьмь смьртънѣ и супротивньныхъ особь приимь, — нѣ и отьлучениемь симь укажу ти до конца челоуѣче ествство. Собьство же немощтно е(сть) отьлучениемь указати, нѣ тьчю подьписаниемь. Аште бо вьсохшту указати ти оньсицу челоуѣка, рекьше Иоанна Прѣдтечу, то нужда ми е(сть) подьписати сице, якоже: Иоаннѣ, сынѣ Захаринѣ и Елисавинѣ, въ пустыняхъ вьскрмленѣ, бѣлѣм образьмь, чьрны власы, высокъ, облѣченѣ въ вельблужя власы и поясъ имы язънѣнъ о чрѣслѣхъ своихъ, ядый пругы и дивий медь, пророкъ же и крѣститель, и усѣченѣ отъ Ирода. Се убо все и подобное сему назнаменуеть собьство, и отъ сего собьство подьчрѣтається.

Суштие же къ суштию не всяко имя тежьства, нѣ разньство; собьство же къ собьству всяко има тожьство и разньство.

И суштие же къ суштию съходиться по сълогу; собьство же съ собьствьмь не сълагається, нѣ прѣмѣняется.

И суштие же съ суштиемь сълагаемо едино собьство твори; собьство же съ собьствомь прѣмѣняемо ни суштия, ни собьства, нѣ домыслимую нѣкою вещь творить, якоже се народъ и ликъ, или съборъ, и ино такожде, якоже е(сть) глаговано въ Писании: «собьство»* и «съборъ»* иноплемьнникъ; по прѣмѣну же прилога сице бы избежѣдование: въ негоже бы мѣста «сусь» решти «подь» лагаеть ся, рекьше «собьство», «съборъ», рекьше «съставление»,* «състояние».*

Да ествства убо дѣломь и вештью сълагаема помысльмь раздѣляются тьчю, собьства же прѣдлагаема вьспять паки помышлениемь бо съкупляются тьчю, дѣломь же и вештью отъ себе растояться.

Суштие же убо николиже отъ себе не различуеть, собьство же мьнога има къ себѣ различия.

ипостаси не получает ничего. Отличие сущности от ипостаси, как представляется, по божественному Василию, таково же, каково — общего от частного, поскольку сущность упоминается при определении находящихся под ней ипостасей, а ипостась — ни при чем.

Если мысленно убрать сущность, совершенно исчезнет вместе с ней и ипостась, ибо тогда не будет человека вообще, ни Петра, ни Павла. А при исчезновении ипостаси сущность вовсе не исчезает: при исчезновении Петра не исчезает ведь человек вообще. Опять же, при появлении ипостаси обязательно появляется и сущность, ибо, подумав о Петре, мы думаем и о его сущности, — что он человек. Когда же появляется сущность, не обязательно появляются все ипостаси, в связи с которыми о ней говорится: ведь при существовании человека вообще не необходимо быть Петру, пока человек полностью усматриваем в Павле и Иоанне.

Сущее может быть представлено только определением. Ведь если ты спросишь меня, что такое сущность человека, я тут же скажу тебе его определение: человек есть словесное смертное животное, отчасти воспринявшее противоположности, — и этим определением я полностью представляю тебе сущность человека. Ипостась же невозможно представить определением, но только — описанием. Если я захочу представить тебе какого-то человека, например Иоанна Предтечу, мне необходимо будет описать его таким образом: Иоанн, сын Захарии и Елизаветы, вскормленный в пустынях, лицом белый, черноволосый, высокий, одетый в верблюжью шерсть и имеющий на бедрах кожаный пояс, питающийся акридами и медом диких пчел, пророк и креститель, обезглавленный Иродом. Все это и тому подобное характеризует ипостась, и тем самым ипостась описывается.

Сущность с сущностью не обязательно имеют совпадения, но обязательно — различия; ипостась же с ипостасью обязательно имеют и совпадения и различия.

Сущность с сущностью соединяются в синтезе, ипостась же с ипостасью не соединяются, но сопоставляются.

Сущность, соединенная с другой сущностью, образует единую ипостась; ипостась же, приставленная к ипостаси, образует не сущность и не ипостась, но нечто умозрительное, как то народ, хор, толпу и тому подобное — вроде того, о чем говорится в Писании как об «ипостаси» и «ипостеме» иноплеменников: такого же рода выражения мы получаем, меняя предлог, ибо «ипо» ставится на место «сис», например: «ипостась», «ипостема», — вместо «систасис», «система».

На деле, в действительности, соединенные природы разделяются только мысленно; соединенные же ипостаси, напротив, объединяются только мысленно, на деле же, в действительности, друг от друга отделены.

Сущность никогда от себя не отличается, ипостась же имеет много отличий от самой себя.

О различии

Различие же есть еже о многихъ и различныхъ видомъ, еже въ коемъ что есть оглаголаемо. И различье есть вешть, еже прѣмъняеть другъ отъ друга, о нихъже сама оглаголаема есть. На трое же ся рече различье: обьште, и особъ, и своитънѣ. Не мощьно бо е(сть) обрѣсти двое чьто, не различьно къ себе нѣ по чьсому. Инѣмъ убо различьно е(сть) видъ отъ вида, и другимъ собьство отъ единовиднааго и единосущьтнааго собьства, и другимъ собьство въ себѣ. Различьнъ .бо видъ челоувѣчьскъ отъ виду коньска по словесьнууму и несловесьнууму. Наричеть ся словесьное и несловесьное суштно различье. Такожде и вся, имиже различуе видъ отъ вида, естьствьное и сущьное и съставьное и видотвореное различье и качество наричеться, еже наричеться отъ вѣнѣшнихъ своитънѣ различье, акы ближе естьству указание, якоже се «словесьное» и «чувьствьное». Паку, различь е(сть) челоувѣкъ отъ челоувѣка и конь отъ коня, по немуже овъ есть высокъ, а другый низькъ, овъ же старъ, а другый юнъ, единъ челоувѣкъ мудръ, а другый юродивъ. Се все осуштьна различьи и качества наричуться, еже есть сълучай.

О сълучани

Сълучай же есть, еже бьва и отъбьва кромѣ подлежаштааго тѣла, рекъше не сушньо есть, нѣ въ подлежаштиимъ суштиимъ състоиться. И есть лъзѣ тому же быти и не быти нѣкому: небонъ есть лъзѣ челоувѣку бѣлу быти и не быти бѣлу, такожде же и высокоу и мудру и иному такомужде.

Сълучай же раздѣляется на дѣвое: въ обьщее различье и въ своитъное. Обьштее убо различье есть разлученый сълучай, рекъше сѣдять нѣкто, а другый стоить; есть же лъзѣ, ижде вѣстанеть сѣдѣй и сѣдеть стояй, разлучиться различию ею и прияти въ иноаго мѣсто ино. И въ собѣ же кто наричеться различьствуя по разлученууму сълучаю: различьствуеть бо въ себѣ еже сѣдѣти и вѣстати и еже юну быти и старѣтися и еже болѣти и сѣдраву быти и инѣми сицѣми же. Своитънѣ же различье есть неотълучаемый сълучай, рекъше есть нѣкто изѣкръ и смаглъ и подобна симъ: да нѣ мощьно отълучитися его сициимъ. Да по симъ убо неразлучьнымъ сълучаимъ собьство отъ собьства различьствуе, само же отъ себе николѣже.

О своитънѣмъ

Своитъное же есть еже вѣсему и единому виду и присно сы. И своитъно есть въ немъже есть, не сѣвршаая ему суштиа или сѣпроста въ естьствьный его разумъ приемлемо. Се же да наричеться убо своить и своитъная. Своитъно челоувѣку еже просто ходити и еже смѣятися. Да се убо и своитъно наричеться челоувѣку, нѣ не въ сущия его разумъ прѣемлеться. Се бо отълучая, чьто есть челоувѣкъ, реку, яко: животь словесьнъ, смъртьнъ — и до коньца и укажу, чьто есть; не бы ми нужда повѣдати, яко просто ходитъ и смѣеться. Да то убо

О различии

Различие есть то, что усматривают у многого, различающегося видом, решая, что это такое. Различие есть то, что отличает вещи друг от друга, благодаря чему они и определяются. Говорят о трех видах различия: общем, особенном и в высшей степени особенном. Невозможно ведь найти два какие-либо объекта, не отличающиеся в чем-то друг от друга. Одни различаются видом, другие ипостасью — от единовидной и единосущной ипостаси, третьи — ипостасью от самой себя. Вид человека отличается ведь от вида лошади, как словесный от бессловесного. Отличие же словесного и бессловесного называется сущностным. Подобным образом все, чем отличается вид от вида, называется или природным, или сущностным, или относящимся к составу, или видотворящим отличием, или качеством, каковое внешние мудрецы называют в высшей степени особенным отличием, как нечто более собственное и представляющее природу, например: «словесное» и «воспринимаемое чувствами». И опять же, человек отличается от человека и лошадь от лошади, ибо один высок — другой низок, один стар — другой молод, один человек мудр, а другой глуп. Все это называется присущими различиями и качествами, зависящими от случая.

О случайном

Случайным является то, что возникает и исчезает без какого-либо вреда субъекту, т. е. не является сущностным, но состоит в подлежащей сущности. И это может быть или не быть с кем-либо: может ведь человек быть белым и не быть белым, а также быть *(или не быть)* высоким и мудрым и другим подобным.

Случайное разделяется надвое: на общие и на частные отличия. Общее отличие есть отличие отделяемое, например один сидит, а другой стоит; но возможно ведь, если сидящий встанет, а стоящий сядет, что их отличительные свойства от них отделятся и они ими поменяются. От себя, говорят, человек отличается отделяемым случайным свойством: ведь он отличается от себя, сидя или стоя, будучи молодым или старым, болея или здравствуя, и так далее. Отличие же в собственном смысле слова есть неотделимое случайное свойство, например кто-то светлоглаз и темнокож и тому подобное: отделиться от этого ему ведь невозможно. Именно неотделимыми свойствами ипостась отличается от ипостаси, но ни в коем случае не сама от себя.

Об особенном

Особенное есть то, что принадлежит всему и только одному виду и существует всегда. Особенное есть то, что не составляет сущности того, в чем существует, и не полностью воспринимает смысл его природы. Можно сказать, что особенное и своеобразное суть одно и то же. Так, своеобразием человека является способность ходить, держась вертикально, и смеяться. Хоть это и называется особенностью человека, но не входит в определение его сущности. Определяя здесь, что такое человек, скажу: животное словесное и

своитѣна истовое да наричуться, елико же прилагаема не суть лиха, не прилагаема же нестатѣка не творять.

Раздѣлять же ся своитѣно на четворо. Прѣвое, еже едино есть въ виду, не всему же, якоже еже землю мѣрити челоуѣку: единѣ бо челоуѣкъ земемѣрьць, нѣ не всякъ челоуѣкъ землемѣрьць. Вѣторое же, еже вѣсмѣ убо, а не единому, якоже дѣвоножнѣ: всякъ бо челоуѣкъ дѣвоножнѣ, нѣ не всякъ дѣвоножць челоуѣкъ: есть бо и голуби и подобная си. Третье же, еже всякому челоуѣку и единому, нѣ не присно, якоже осѣдѣти челоуѣку: се бо всему убо и единому строиться челоуѣку, не присно же, нѣ въ старость. Четвѣртое же, прѣдннихъ трии сходяшться, рекѣше вѣсему и единому и присно, еже и възвращается, якоже се: смѣхъливое челоуѣку и хрепетивое коню, — еже своитѣно насуштьно глаголеться, своитѣно бо есть еже единому естѣству строиться и възвращается на уставное.

О имѣнии и нестатѣцѣ

Имение же есть еже по суштию комуждо дѣйство и цѣлое, якоже се о души цѣломудръство, доблеть, мудрость, правѣда, при тѣлеси же сѣвршеное удовѣ и равное и сѣдравие. Тѣхъ же неполучение и погрѣшение и сѣпроста погыбение глаголеться нестатѣкъ. Различное же имѣние есть съ любовью, имѣже имѣние убо неудобопрѣмѣнно есть, любы же отъпрятаюштияся отъ имѣния, удобопрѣмѣнно есть. Имѣние бо есть качество нѣкое бѣдѣнопоступно и неудобопрѣмѣнно, любы же яже по сълучаю кождоу качеству. Глаголемъ бо, яко которнѣ ли, или любѣвнѣ усрѣдѣ има онѣсица къ оному, или онѣсица челоуѣкъ сѣдравѣи прѣбываа къ себе нынѣ, неже прѣжде.

О количествѣ и о мѣремихъ

Количество убо есть сама та мѣра мѣряштия и чѣтуштия, колико же еже подѣ чисмень и мѣроу подѣложить, рекѣше мѣримая и чѣтомая. Количества же ова суть разлучаема, ова же сѣдрѣжима. Разлучаемая же суть яже ся отъ себе разлучають, якоже се три десяти камыкъ или о десяти фуникий: та бо разлучена суть отъ себе и чѣтома наричуться, аште не малъствомъ и множствѣ(м) мѣрима будутъ спудѣмъ* или инѣмъ тацѣмѣжде, акы пшеница и прокое. Сѣдрѣжаштая же ся, егда есть мѣримое, якоже се едино дрѣво обрѣтається дѣвою локѣту или трии локѣтъ, или камыкъ, или чѣто такихихъ, и едино сы мѣриться, да сего дѣля наричеться сѣдрѣжимая мѣра.

Число же наричеться, рекѣше разнѣчѣтомое, и множество, и вѣрѣмя, и растояния. Число убо, рекѣше единница, дѣвоица, троица и прокая числа.

смертное, — и полностью представлю, что он такое, не имея нужды говорить, что он прямоходящий и способен смеяться. Особенным должно называться главным образом то, что, будучи добавляемо, не оказывается избыточным, а не будучи добавляемо, не создает недостатка.

Особенное разделяется на четыре вида. Во-первых, это то, что присуще одному виду, но не каждому его представителю, как, например, измерение земли человеку, ибо лишь человек измеряет землю, но не всякий человек землемер. Во-вторых, это то, что свойственно каждому, но не только, как, например, двуножие, ибо всякий человек двуног, но не всякий двуногий — человек: существуют ведь и голуби и тому подобные. В-третьих, это то, что свойственно всякому человеку и только (ему), но не всегда, как способность сесть, ибо это приложимо к каждому и только к человеку но не всегда, а в старости. В-четвертых, это то, что получается при объединении трех первых, т. е. свойственно каждому, только и всегда, и что служит признаком, как, например, способность смеяться — признаком человека, а способность ржать — лошади, — о чем говорится как о свойстве присущем, ибо это особенность одной природы и она указывает на определяемое.

О свойстве и недостатке

Свойство — это соответствующие природе каждого действие и целостность, например для души это — целомудрие, мужество, мудрость, справедливость; для тела — исправность, пропорциональность членов и здоровье. Неполучение же, недостижение и полное уничтожение этого называются недостатком. Свойство отличается от состояния, потому что свойство изменяется с трудом, а состояние, в отличие от свойства, изменяется легко. Ибо свойство есть некое трудноподвижное и с трудом изменяемое качество, состояние же — качество, зависящее от конкретного случая. Ведь мы говорим, что такой-то враждебно или дружески относится к такому-то или что такой-то человек теперь здоровее, чем был прежде.

О величине и о количестве

Количество есть мера (и число), измеряющие и исчисляющие, а величина — подлежащее числу и мере, т. е. измеряемое и исчисляемое. Из величин же одни делимы, а другие непрерывны. Делимые — это отделяемые друг от друга, как тридцать камней или десять фиников, ибо они отделимы друг от друга и называются исчислимыми, если только по причине малости и множества не будут измеряемы сосудом или чем-то в этом роде, как пшеница и тому подобное. Непрерывное же — это когда измеряемое является единым подобно единому дереву, которое оказывается длиной в два или три локтя, или же камню, или чему-то в этом роде, что измеряется как единое, и потому говорится о величине измеряемого.

Итак, о величине, или количестве, говорят применительно к числу, значению, времени и размерам. Пример числа: один, два, три и так

Мѣра же, рекъше малъ, великъ, статирь, талантъ и такаяжде. Врѣмя же, рекъше чясъ, днь и мѣсяць и лѣто. Дальство же, рекъше длъгота, широта, глубыни.

О качествѣ и о творитвнѣмъ

Качество есть всушная сила, рекъше о родѣхъ убо съставная розличья, рекъше словесное, съмрътное, бесъмрътье и прокая. О беспльтныхъ же словесныхъ — разумное, самовластное, присношьстное. О тѣлесехъ же — тварь, рекъше бѣлота, чрънота, русость и такая; и видь, рекъше обьло, право, прѣведено, на четвърти и подобная си. И паки: мокрота, сухота, теплота, студено, мякота, жестокое, рѣдко, чястое. И глѣни, рекъше гнѣвное, сладкое, брідькое и подобная. Качество убо есть, по немуже каци друзии наричуться съ имене, якоже приемлюште отъ него: отъ мудрости бо мудръ наричеться, якоже имы мудрость, и теплъ иже имать топлоту. Наричеть же ся многашды и само то качество «какое», якоже и мѣра «число».

Качеству же видъ есть и сила и дѣйство; яже не суть убо дѣйство, имуть же устрой и силу естествоную. Наричеть бо ся ова «по устроению», ово «по нраву», рекъше по дѣйству. «По покошьнууму» же, како се егда речемъ дѣтишту силою кънижъникъ быти има, имъже има покошьное, якоже быти кънихъчий. «По нраву» же, якоже егда речемъ мльчаштууму кънигъчию можеть по мльчани хытрость показати. Или якоже о зрънѣ пышеничнѣ: се бо овогда клась есть, егда створи клась зръя, дѣйствъмъ же нѣсть клась, нъ пышеница. И топлое дѣйствъмъ убо ни е тепло, ни е горяште. Силою же всяко, по немуже можеть, студеное убо студимо, тепло же грѣмо. И паки дѣтишти ни доброты имы, ни злобы, силою же всяко, по нейже имѣти. Наричаеться сила и мощь и вои.

О томъ, еже къ кому

Къ кому же суть, елико же само еже есть инѣхъ сы нарицаеться, купно же и възвращааься къ себѣ. Акыже суть нарицаемая любовь, акы отца къ сыну, и друга къ другу, и ученику къ учителю, и владыцѣ къ робу: се бо имать и дръжиться отъ другъ друга, тѣмъже и «любви» нарицаються. Къ нѣ къ кому же суть и по притѣчи нарицаемая, рекъше «более», «сугубое», «унее», «острѣее». Се бо по прѣдъложению инѣхъ нарицаеться сы сице, рекъше вяштее худааго есть вяштее, и сугубое половнааго есть сугубое, и прока такожде. Есть же и се того еже къ кому, рекъше художество и охудожное, чувство и чуемое, положение (и пола-

далее. Пример значения: малое, большое, статур, талант и тому подобное. Пример времени: час, день, месяц, год. Пример измерения: длина, ширина, глубина.

О качестве и о качественной определенности

Качество есть способность, свойственная сущности, например, если говорить о родах, то это различия, свойственные их существу, как то способность к слову, смертность, бессмертие и тому подобные. Применительно же к бестелесным словесным существам это разумность, свобода воли, вечное движение. А применительно к телам это цвет, например белый, черный, желтый и тому подобные; и форма, как то круглая, прямая, кривая, четырехугольная и им подобные. И опять же: влажность, сухость, теплота, холодность, мягкость, твердость, рыхлость, плотность. И вкусовые ощущения, например острота, сладость, пряность и тому подобные. Таким образом, качество есть то, соответственно чему некоторые вещи получают прозвания как им обладающие: ведь от мудрости обладающий мудростью называется мудрецом и горячим называется то, что имеет жар. Часто и о самом качестве говорят «какое», как о количестве — «величина».

Видом качества являются сила и энергия; то, что не является энергией, обладает природными способностями и силой. Говорится ведь об одном — «по способности», а о другом — «по свойству», т. е. по действию. «По способности» — когда речь идет о том, что ребенок в состоянии быть грамотным, поскольку у него есть способность стать грамотным. «По свойству» же — когда речь идет о пребывающем в покое грамматике: отдохнув, он может показать свое искусство. Это схоже с пшеничным зерном, ибо оно некоторым образом представляет собой колос, поскольку, будучи посеяно, производит колос, но по действию оно является не колосом, но хлебом. И теплое по действию не является ни холодным, ни горячим; в потенции же холодное обязательно — в той мере, в какой способно осуществиться, — холодит, а горячее греет. И опять же, ребенок не имеет ни добродетели, ни порочности, в потенции же он есть полностью то, чем он может стать. Потенцией (силой) называется и мощь, и войско.

О том, что к чему-то относится

Относящимся к чему-то является то, что, существуя, называется принадлежащим другому, поскольку они указывают друг на друга. Таковы, например, так называемые отношения отца к сыну, друга к другу, ученика к учителю и хозяина к рабу: ведь одни имеют отношение к другим и другие к ним имеют отношение, почему это и именуют «отношениями». Отношением к чему-то является и то, что говорится при сопоставлении, например: «большее», «двойное», «лучшее», «более острое». Это ведь говорится при сравнении с другим; так, большее является большим относительно меньшего, а двойное двойным относительно того, что составляет его половину, и прочее так же. К имеющему

гаемое). Си убо, якоже глаголахъ, еже къ кому суть, елико же сама, яже суть, инѣхъ наричуться сушта или якоже како инако имуть къ иному.

О супротивныхъ

Супротивъ яже истовая суть еликоже ихъ погублениемъ супротивныхъ съставляются, рекъше доброта и злоба, видѣние и слѣпоту, и творить по нестатку и по имѣнью супротивная: имѣние бо есть видѣние акы отъ имѣния, лишение же имѣния, рекъше видѣния, слѣпота — и повѣштание и отъвѣштание. Повѣштание же есть, рекъше: «Павль апостоль есть», отъвѣштание же супротивно, рекъше: «Пауль нѣсть апостоль». Глаголетъ же ся обое отъвѣтъ и обличение. Да елма убо всему наповѣштанию супротивъ е(сть) отъвѣтъ и всему отъвѣту супротиви е наповѣштание, да отъвѣтъ, супротивнъ сы наповѣштанию, и повѣштание супротивно сы отъвѣту супротиворѣчие ся наричетъ, да нужда е(сть) единому лъгати, а другому истину вѣштати. Да погубениемъ убо единого друга оставляется: погубляему бо наповѣштанию, отъвѣштание съставляется, и погубляемъ злобъ съставляется доброта, и погубляемъ слѣпотѣ, видѣние съставляется. Да сица убо супротивна наричеться, еликоже вкупѣ съставитися не могутъ, нъ всяко погубляемо единому, есть другое.

О оглаголемыхъ

Все оглаголениемъ или и о мнозѣ глаголется и бывае или о равныхъ, о мнѣши же николиже. И о больши же, егда всячьская оглаголаются чястныхъ; всячьская убо суть сушая выше, чястнѣша. В яже ниже. И всячьское же убо всѣхъ есть сяе, тѣмъже и всѣхъ оглаголение имать: небонъ и суштие сяе наричеться и сълучай сяе глаголется. Не можемъ же решти, яко сяе суштие есть: не бо тѣчю суштие есть сяе, нъ и сълучай.

Такожде же и родове оглаголаются видовъ: родове бо чястнѣйше су(ть) родовъ. Оглаголаются убо суштие живота и животъ челоука; небонъ животъ суштие есть, и челоукъ животъ есть. Не обраштаетъ же ся въспять: всь бо челоукъ животъ, нъ не всь челоукъ животъ. И конь бо и псь животи суть; такожде же и всякъ животъ суштие есть, нъ не все суштие животъ есть: и камыкъ бо и дрѣво суштие есть, яже не суть животи.

Такожде же и видъ оглаголаются отъ обдържимыхъ отъ него, рекъше собство, акы всячьское. Нераѣкомое же, рекъше собство, не оглаголаеть вида: чястнѣе бо есть вида собство. И Петръ убо челоукъ есть и Павль

отношение к чему-то относятся также познание и познаваемое, разумение и уразумеваемое, причиняющее и причиняемое, чувство и воспринимаемое чувством, утверждение и утверждаемое. Такого рода определения, как сказано, обозначают отношение к чему-то, поскольку то, что существует, говорит о существовании другого или же имеет какое-то другое отношение к другому.

О противоположностях

По-настоящему противоположным является то, что появляется при устранении обратного, как то добродетель и порочность, зрение и слепота, и создает противоположности в смысле лишения и обладания свойством. Зрение является ведь свойством, как происходящее от обладания, лишение же свойства, т. е. зрения, есть слепота, тут — утверждение и отрицание. Пример утверждения: «Павел — апостол»; а отрицание, наоборот: «Павел не апостол». А вместе они называются утверждением и отрицанием. И поскольку на всякое утверждение есть отрицание, а на всякое отрицание утверждение, то отрицание, противоположное утверждению, и утверждение, противоположное отрицанию, называются противоречиями, и по-необходимости одно ложно, а другое истинно. При устранении одного появляется другое: когда устраняется утверждение, появляется отрицание, и когда устраняется порочность, появляется добродетель, а когда устраняется слепота появляется зрение. Таковое называется противоположным, существовать одновременно неспособным; и только при полном устранении одного существует другое.

Об используемых определениях

При всяких определениях произносится и присутствует либо большее, либо равное, а меньшее — никогда. Большее — когда более общее служит для определения более частного. Ведь более общее находится выше, более частное ниже. Самым общим из всего является сущее, почему оно используется для определения всего. Ведь и сущность называется сущей, и случайность называется сущей. Но мы не можем сказать, что сущее является сущностью, ибо не только сущность является сущим, но и случайность.

Подобным образом используют роды для определения видов, ибо виды более частны по сравнению с родами. Таким образом, сущность используется для определения животного, а животное для определения человека, ибо и животное является сущностью, и человек животным. Но это необратимо: ибо всякий человек животное, но не всякое животное человек. И лошадь ведь, и собака являются животными; и подобным образом всякое животное есть сущность, но не всякая сущность есть животное: ведь и камень, и дерево представляют собой сущность, но не являются животными.

Подобным образом вид служит для определения объемлемых им индивидуумов, или ипостасей, как более общее. Индивидуум же, или ипостась, не служит для определения вида, ибо ипостась представляет собой нечто более

человѣкъ есть, не всь же человекъ Петръ и Павль: суть бо и другая собьства подь видьмь человекьскьмь. И различья же и оглаголають виды, въ нихъже суть, и нерасѣкомая сама. Всячьстѣйша же суть различья видовь. Небонь всь человекъ словесьнъ, не всякъ же словесьный — человекъ: небонь и аггель словесьнъ есть, нъ нѣсть человекъ.

И се есть убо еже о мнозѣмь оглаголаніе. А суштие о равньемь оглаголаніе, егда възвращается. Оглаголають бо ся своя отъ видовь, ихъже суть своя, нъ и видове оглаголаються отъ своихъ имь. Всь бо человекъ смѣхливъ и въ(сь) смѣхливый человекъ. Да сусьоглаголаема наричуться.

О съименньемь и единоименньемь оглаголаніи

Съименное о убо оглаголаніе есть, егда и имя и уставъ самъ ть именный приемлетъ. Рекъше, «животь» оглаголаться человекькьмь, и приемлетъ «человѣкы» и имя и уставъ животьный. Животь бо есть суштие съдушно чувствьно. И человекъ приемле уставъ съ, имьже и суштие бо есть человекъ и съдушно и чувствьно.

Единоименито же оглаголаніе, егда имя убо приемлетъ, а устава никакоже. Рекъше «образъ человекъчъ» имя убо человекъче приемлетъ, устава же человекъча не приемлетъ, уставъ бо человекъчъ есть: «животь словесьнъ, смъртьнъ, ума и художьства приимьнъ», образъ же ни животь есть, ни словесьнъ.

О единородныхъ и единовидныхъ, и инородныхъ и иновидныхъ, и купьнособьныхъ и числомь различьныхъ

Единородная убо суть, еликоже подь тѣмъже оглаголаніемь подьчиняются, рекъше еликоже суть подь суштиемь. Такожде же и о инѣхъ 9 оглаголаніихъ. Десять бо всѣхъ есть оглаголаній, рекъше прѣродни роди, на няже възноситься всякъ гласъ, рекъше имя просто глаголемо. Суть же си: 1) суштие, 2) количество, 3) качество, 4) нъ къ кому, 5) кѣде, 6) кѣгда, 7) творити, 8) страдати, 9) лежати, 10) имѣти. Симъ «сущіе» есть подьлежае, прокыхъ же девять ютрьподьлежаштиихъ. Подьлежитъ бо убо сущіе, въподьлежятъ же сушти ина вся. Буди убо суштие же, рекъше, камыкъ; количество же — дѣвое или трое; нъ къ кому — отьць къ сыну; како, рекъше, бѣло, чрьно; кѣде, рекъше, въ Дамасцѣ; кѣгда, рекъше, вьчера, утро; имѣти, рекъше, котыгу носити; лежати, рекъше, стояти, сѣдѣти; творити, рекъше, жешти; страдати, рекъше, жегому быти.

частное, нежели вид. Так что и Петр человек, и Павел человек, но не всякий человек Петр и Павел, ибо существуют и другие ипостаси под видом «человек». И разновидности служат определению видов, которые им принадлежат, и их индивидуумов. Ибо разновидности представляют собой нечто более общее, чем виды. Так, всякий человек словесен, но не всякое словесное существо — человек: ведь и ангел словесен, но не является человеком.

Это — что касается использования в определениях большего. При использовании же в определениях равного определения обратимы. Используются ведь в определениях характерные особенности видов, которым эти особенности принадлежат, но и виды используются для определения их особенностей. Так, всякий человек способен смеяться, и всякий способный смеяться — человек. Это называется взаимоопределяемостью.

О синонимическом и единоименном определении

Синонимическим определение является в случае, когда оно приложимо и к имени, и к предикату имени. Например: «животное» используется при определении человека, а «человек» принимается и как имя, и как предикат животного. Животное же есть одушевленная чувствующая сущность. И к человеку приложимо это определение, потому что и человек представляет собой одушевленную и чувствующую сущность.

Единоименным же определение является в случае, когда к имени оно приложимо, а к предикату нет. В словах «образ человека» к имени «человек» оно приложимо, а к предикату человека не приложимо, ибо определение человека: «животное словесное, смертное, способное обладать умом и искусством», а образ не является ни животным, ни существом словесным.

О принадлежащих одному и тому же роду, одному и тому же виду, разным родам и разным видам, одной и той же ипостаси и различающихся числом

Единородным является то, что подпадает под одно и то же определение, например под определение сущности. То же самое — применительно к другим девяти категориям. Всего категорий ведь десять, иначе называемых высшими родами, к каковым возносится всякий звук или вообще произнесенное наименование. Вот они: 1) сущность, 2) количество, 3) качество, 4) по отношению к чему, 5) где, 6) когда, 7) делать, 8) претерпевать, 9) располагаться, 10) иметь. Из них «сущность» является основной, а остальные девять в основной содержащимися. Ведь в основе лежит сущность, а содержатся в сущности все остальные. Пусть «сущностью» будет, например, камень; «количеством» — например, два или три; «по отношению к чему» — например, отец к сыну; «качеством» — например, белый, черный; «где» — например, в Дамаске; «когда» — например, вчера, завтра; «иметь» — например, носить гиматий; «располагаться» — например, стоять, сидеть; «делать» — например, жечь; «претерпевать» — например, быть сжигаемым.

Инородная же суть еликоже подъ инѣмъ ти инѣмъ оглаголаниемъ суть. И купнородно убо чловѣкъ есть и конь, подъ суштиемъ бо есть обое. Инородно же акы чловѣкъ и художество: чловѣкъ бо подъ суштиемъ есть, художество же подъ качествѣмъ.

Купновидно же суть еликоже подъ тѣжде видъ вѣчиняются и приобшатаются словеси суштьному, рекъше Петръ и Павль: оба бо подъ единѣмъ видѣмъ еста, чловѣчьмъ еста. Иновидна же суть, еликоже видѣмъ различують, рекъше, разумѣмъ суштия, рекъше, чловѣкъ и конь. Святии же отци единороднаа и единовиднаа то же нарицають единосуштьная, яже подъ тѣмъ же видѣмъ собства.

Купнособствѣна же суть, егда дѣвѣ ествѣ въ единомъ (собствѣ еди)нитася и едино начнѣта имѣти собство съложное и едино лице, акы душа и тѣло. Разнособствѣная же суть и числѣмъ различна еликоже съплетениемъ сълучившиихъся свойство своего собства отълучи, рекъше еликоже ихъ сълучаемъ разнствують отъ себе и чястное и особное было буде бытѣ, якоже се нерасѣкомаа Петръ и Павль: инѣ бо то, инѣжде оно.

О въсобленѣмъ

Въсобленое же овѣгда убо еже просто быти назнаменуе, по немуже знаменуемому не тѣчю еже просто суштие въсоблено нарицаемъ, нѣ и сълучай, иже истовѣ нѣ въсоблено, нѣ инособно, овѣгда же и еже ему свое собство, рекъше нерасѣкаемо, являеть, иже истовѣ не въсоблено, нѣ собство есть и наричеться.

Истовѣ же въсоблено есть или еже о собѣ не състоитъся, нѣ о собствѣхъ видимо есть, якоже видъ, рекъше ествѣ чловѣчьско, въ своемъ собствѣ не видитъся, нѣ въ Петрѣ ти въ Павлѣ и въ прокыхъ чловѣчьствѣхъ собствѣхъ, или съ другимъ различнымъ по суштью на все нѣкое рождение сълагаемо и едино съвршяа собство съложено, якоже се чловѣкъ отъ душа есть и тѣлесе съложень. Да ни душа едина наричеться собство, ни тѣло, нѣ въсоблено, а еже отъ обоего съвршаемо, то собство обою. Собство бо истовѣ есть еже о собѣ състоитъся и отъстоитъ, и нарицаеться.

Глаголетъ же ся паки въсобленое еже отъ иного собства приято ествѣ и въ томъ ему бытии. И тѣмъже и плть Господня не отъстоявши о собѣ ни въ мало врѣмя не собство, нѣ паче въсобление есть. Въ собствѣ бо Божия Слова съставися, приято отъ него и се прия и иматъ собство.

Разнородным же является то, что подпадает под разные категории: одному ведь роду принадлежат человек и лошадь, ибо оба они подпадают под понятие сущность. Разнородными же являются человек и художественность, ибо человек подпадает под понятие сущность, а художественность под понятие качество.

Единовидным же является то, что подпадает под один и тот же вид и общее определение сущности, например Петр и Павел, ибо оба они принадлежат одному и тому же виду, виду человека. Разновидным же является то, что различается видом или же определением сущности, например человек и лошадь. Но святые отцы едиnorodным и единовидным называют одно и то же — единосущное, или же ипостаси, принадлежащие одному и тому же виду.

Единоипостасное имеет место, когда две природы объединены в одной ипостаси и имеют составную ипостась и единое лицо, как то душа и тело. Разноипостасно же и различается числом то, что, по стечению случайностей, ограничивается особенностями собственной ипостаси, иначе говоря, то, что вследствие случайностей отличается друг от друга и получило бытие в самом себе отдельно, например индивидуальности Петра и Павла: ибо один — это одно, а другой — это другое.

О воипосташенном

А воипосташенное иногда означает бытие вообще — согласно каковому обозначению мы разумеем под воипосташенным не только простую сущность, но и случайность, каковая собственно не воипосташенна, но иноипостасна, — а иногда указывает и на саму по себе ипостась, или индивидуальность, каковая в собственном смысле слова является и называется не воипосташенной, но ипостасью.

Собственно воипосташенным является либо то, что не существует само по себе, но усматривается в ипостасях — так, вид, или же природа людей, в собственной ипостаси не усматривается, но — в Петре, Павле и ипостасях остальных людей, — либо что-то сложное в своей сущности с чем-то иным в некое целое, являющее единое сложное бытие, например человека, составленного из души и тела. И только душа, и только тело не называются ипостасью, но — воипосташенными; а то, что получается из них обоих, есть ипостась обоих. Собственно ипостасью ведь является и называется то, что существует самостоятельно само по себе.

Воипосташенной называют опять же природу, воспринятую некоей ипостасью и в ней имеющую существование. И потому и плоть Господа, не существовавшая сама по себе ни одного мгновения, является не ипостасью, но, скорее, воипосташенной. Ибо она составила в ипостаси Бога Слова, будучи воспринята ею, и ее восприняла, и имеет ипостась.

О несобнѣмь

Несобное же на дѣвое глаголется: овогда же еже никѣдеже никакоже суште назнаменуе, рекѣше небытное, овѣгда же еже не въ себѣ суште, нѣ въ иноу, рекѣше случай.

Максимова* о вѣсуштнѣмь и о вѣсобнѣм

Вѣсуштнѣ убо ест еже въ сушти видимо, сирѣчь сълучившихся съборъ, еже являеть собство, а не само то суштее. Вѣсобное же еже въ собствѣ видимо. Сушти же, рекѣше якоже и ест, или о собѣ, или съ другимъ или въ друзмъ. О себѣ же — акы огненное суштие, съ другимъ же — акы душа и тѣло, — съ инѣми бо се собство имать, въ друземъ же — акы огнь въ свѣшилѣ и акы плѣть Господня въ святѣмъ Его собствѣ.

Собство убо оньсицу или тѣгда являть, вѣсобное же суштие. И собство убо лице отълучаетъ знаменанъными своитвѣми, вѣсобное же якоже не быти ему сълучяю, еже въ друземъ има бытѣ.

Аште бо тожде ест еже въ чесомъ и еже въ комъ, то годъ ти ест глаголати тожде доброту и въ немъже ест доброта, и по доброразумьнууму вѣзвращению злобу и въ немъже злоба, да иже сего творѣць — злобѣ творѣць. И елмаже въ суштии сълучай ест, то уже и сълучай суштие е и суштие сълучай. Нѣ елма же съдушно наричу тѣло чловѣчьско, до будеть по тебе и тѣло душа. Да кто сего измута неистовѣ сътрѣпить?

Яко бо убо нѣст суштиа бесоб(ън)на, вѣмы, нѣ не тожде наричемъ вѣсобнааго еже вѣсобство, ни паку суштиа ни вѣсуштиа, нѣ вѣсуштнѣно убо нарицаемъ, якоже глаголаахъ, собство, вѣсоблено же суштие. Сушие бо святаго божства вѣсоблено вѣмы въ трѣхъ бо собствѣхъ, и коеждо отъ собствѣ такоже суштнѣно. Въ суштии бо си прѣбывають сватааго божства, и о божствнѣмъ же Господи нашего строи вѣсуштнѣно наричемъ собство, якоже въ суштиихъ прѣбываюште, отъ нихъже и съложено бы(сть) вѣсоблено же коеждо отъ суштихъ: имуть бо обьште едино собство.

Небонъ божствнѣная Его плѣть ново въ божствѣ Его съставивъшися и то примъши собство, да тако ни бесобно, ни единоеже отъ Христосову естству ест; ни коеждо собство о собѣ ест или свое и особъ собство имать, тожде и едино обое.

Да еже убо «инако ти инако» собствома ест въ имене мѣсто. А еже «ино ти ино» естствома ест явление, еже бо естствома различье «ино ти ино» наричется. Глаголемъ бо: «Ино ест чловѣкъ, ино же ест конь», — рекѣше по естству: инъ бо видъ чловѣку, инъ же коню. А чисменьмъ

О неипостасном

О неипостасном говорят в двух смыслах: иногда оно означает нигде никак не сущее, т. е. несуществующее, а иногда — не в себе имеющее бытие, но в другом, иначе говоря, случайное.

Максима о всушностном и воипосташенном

Всушностным является то, что наблюдается в сущности, т. е. совокупность случайностей, каковая являет ипостась, а не саму сущность. Воипосташенное же — то, что видимо в ипостаси. Сущность же, поскольку она существует, существует либо сама по себе, либо с чем-то другим, либо в другом. Сама по себе как сущность огня; с другим как душа и тело, — с иными ведь таковое имеет (одну общую) ипостась; в другом же как огонь в светильнике и как плоть Господа в Его святой ипостаси.

Ипостась являет того или то, а воипосташенное — сущность. Ипостась ограничивает лицо характерными свойствами, воипосташенное же означает, что имеющее бытие в другом не является случайным.

Ведь если то, что пребывает в чем-то, и то, в чем оно пребывает, одно и то же, тогда ты можешь сказать, что добродетель и человек, наделенный добродетелью, — одно и то же, и, по разумной обратимости, нет разницы между пороком и тем, в ком порок, так что его Создатель — создатель порока. И поскольку случайное — в сущности, получается, что случайное есть сущность и сущность есть случайное. И раз мы говорим, что человеческое тело наделено душой, по-твоему получится, что тело есть душа. Но кто же стерпит безумие этой путаницы?

Что не бывает сущности не воипосташенной, мы знаем, но не говорим, что воипосташенное и ипостась — это одно и то же, равно как и сущность и всущественное; но всущественной, как было сказано, мы называем ипостась, а воипосташенной сущность. Ибо мы ведь знаем, что сущность святой Божественности воипосташена в трех ипостасях, а каждая из ипостасей равным образом всуществлена. Ведь они пребывают в сущности святой Божественности, и мы называем ипостась по божественному промыслу нашего Господа всущественной как пребывающую в сущностях, из которых она и составила, а каждую из сущностей воипосташенной, ибо они имеют одну общую ипостась.

Ибо Его божественная плоть, заново в Его божественности составившаяся и принявшая эту ипостась, ни в коем случае не безипостасна и не принадлежит какой-то иной природе, помимо свойственных Христу; и каждая из них ни ипостасью не является, ни отдельно и отчасти не имеет ипостась; но обе они имеют одну и ту же ипостась.

Таким образом, «один и другой» суть местоимения ипостасей. А «одно и другое» — суть показатель естества, ибо различающееся природой называется «одно и другое». Мы ведь говорим: «Одно дело человек, и другое — лошадь», — имеется в виду, по природе; ведь один вид у человека, а другой у лошади.

различная, рекъше собство, «инако ти инако» наричуться. Глаголемъ бо: «Инако есть Петръ, инако Павль», а не: «Ино есть Петръ, ино же Пауль»: едино бо еста естъствъмъ, нъ не числьмъ. Да суштие убо и суштьная различья («ино»)* наричуться, а сълучай «инако», имже о виду, рекъше о естъствѣ, разумѣваются и съставляются, съставна собству сълучивъшася.

Тогоже о единении, яко по десяти бываетъ образъ съединение въединенихъ ся растояштихъся вешти приобъштеное сътечение. Съединение же наричеса имже въедино съкупаются вештьмъ. По десяти же образъ нарицається съединение: по суштию, по въсоблению, по любъви, по сложению, по причетанию, по раствору, по измуту, по сълянию, по сыпанию, по пакысъкупленю.

И по суштию же съединение есть о собствѣхъ, рекъше о нерасѣкаемыхъ, о собствѣхъ — о суштиихъ, акы о души ти о тѣлеси; по любъви же и о умѣхъ — акы въ едино хотѣние; по сълогу же — акы о дѣскаахъ; по причетанию же — акы о камени; по раствору же — о мокрыхъ, вина и воды; по измѣшению же — о сухыхъ и мокрыхъ, муки и воды; по съсыпанию же — о растицаюштихъся, смолы и воска; по съсыпанию же — о сухыхъ, пшеница и ямене; по съкупу же — о отъриваюштихъ и пакы прикупаюштихъ, якоже пламы огньный.

Различающееся же числом, т. е. ипостаси, называются «один и другой». Мы ведь говорим: «Один — это Петр, а другой — Павел», а не: «Одно — это Петр, а другое — Павел», — ибо они одно по природе, но не по числу. А сущность и сущностное различие называются ведь «другое», случайное же — «иное», потому что оно созерцается в соединении с видом, или же в соединении с природой и ее составляет, ибо из случайностей составляется ипостась.

Его же о единении, — что десяти видов бывает соединение

Единство есть совместное схождение разъединенных вещей. О единстве говорится по причине совокупления вещей воедино. Говорят о десяти видах соединения: по сущности, по ипостаси, благодаря связи, благодаря соседству, благодаря слаженности, благодаря растворению, благодаря смешению, благодаря слиянию, благодаря ссыпанию и благодаря сращению.

Единство по сущности происходит с ипостасями, т. е. с индивидуумами; по ипостаси — с сущностями, как в случае души и тела; благодаря связи же, применительно к уму, — как при одном желании; благодаря соседству — как у досок; благодаря слаженности — как у камней; благодаря растворению — как у жидкостей, вина и воды; благодаря смешению — как в случае сухого и влажного, муки и воды; благодаря слиянию — как в случае растопленных смолы и воска; благодаря ссыпанию — как в случае сухих пшеницы и ячменя; и благодаря сращению — как в случае чего-то отрывающегося и возвращающегося снова на место, например огня в лампаде.

ЖИТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО

МЕСЯЦА СЕПТЕВРИЯ ВЪ 28 ДЕНЬ УБЬЕНИЕ СВЯТАГО ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕСЬСКА

Господи, благослови, отче.

Се нынѣ сбысться пророческое слово, еже глаголаше Господь нашъ Иисусъ Христосъ. «Будетъ бо, — рече, — в послѣдняя дни, якоже мнимъ суща, встанеть бо братъ на брата своего, и сын на отецъ свои, и врази домашнии. Человѣци бо себѣ немилы будутъ, да въздасть имъ Богъ по дѣломъ ихъ».*

Бѣ же князь великъ славою, в Чехахъ живый, именемъ Воротиславъ,* и жена его Дорогомиръ.* Родиста же сына первенца, и яко крестиста и, нарекоша имя ему Вячеславъ.* И възрасте отрокъ, яко бы уяти ему волосъ,* и призва Воротиславъ князь епископа *Нотария** съ вѣсмъ клиросомъ. И пѣвшимъ литургию* въ церкви святыя Марія,* и вземъ отрока, постави на степени предъ олтаремъ, и благослови, и се рекъ: «Господь Иисусъ Христосъ, благослови отрока се благословениемъ, имже благословилъ еси праведники твоя». И постригоша князь. Ино темже мнимъ, яко убо благословениемъ епископа того, но молитвами благоверными нача отрокъ расти, благодатью Божиею хранимъ. И вѣда и баба своя Людмила* оучити книгамъ словенскимъ по слѣдоу попову и навиче разумъ добръ. Отсади же Воротиславъ в Будучь,* и нача отрокъ учитися книгамъ латынскимъ, и научися добръ.

В то же время умре Воротиславъ князь, и поставиша Вячеслава на столѣ дѣдъни,* и оттоле Болеславъ* нача подъ нимъ ходити. Бяшета бо оба мала, мати же ею Дорогомиръ утверди землю и люди своя устрои. Яко възпитъ сыны своя, яко нача Вячеславъ строити люди своя.* Имьяше же сестры 4, и вѣдста я в росна княженья,* и устроиша я. И възложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя: и нача же умѣти книги латынския, якоже добры епископъ или попъ да аще и възмьяше я, грѣческия книги или словенския, прочиташе явнѣ безъ блазна. Не токмо же книги умѣаше, но вѣру свершая вѣсмъ убогимъ добро творяше: бѣдныя напиташе и одѣваше по еуагльскому учению, божия рабы* питаше, вдовиць не дадыше обидѣти, люди вся убогыя и богатыя

ЖИТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО

МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ В 28 ДЕНЬ УБИЕНИЕ СВЯТОГО ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕШСКОГО

Господи, благослови, отче.

Исполнились ныне пророческие слова, которые говорил Господь наш Иисус Христос. «Ибо будет, — говорил он, — в последние дни, — как думаем, наступившие, — восстанет брат на брата своего, и сын на отца своего, и враги (человеку) — домашние (его). И люди будут безжалостны друг к другу, и за это воздаст им Бог по делам их».

Был же князь, великий славою, живший в Чехии, по имени Вратислав, и жена его Драгомирь. И родили сына первенца и, когда крестили его, нарекли имя ему Вячеслав. И пришел отрок в тот возраст, чтобы срезать ему волосы, и призвал Вратислав князь епископа Нотария со всем клиром. И когда пропели литургию в церкви святой Марии, и взяв (епископ) отрока, поставил на ступени перед алтарем, и благословил, и сказал так: «Господи Иисусе Христе, благослови этого отрока благословением, которым благословил ты праведников своих». И постригли князя. И потому думаем, что по благословению епископа того и по молитвам благоверным начал отрок расти, хранимый божиею благодатью. И отдала его бабка его Людмила учить славянским книгам, как подобает священнику, и (он) хорошо усвоил (их) смысл. И отсадил его Вратислав в Будеч, и начал отрок учиться латинским книгам, и выучил хорошо.

И в то время умер князь Вратислав, и возвели Вячеслава на престол предков, и с тех пор Болеслав стал подчиняться ему. Оба они были еще малы, мать же их Драгомирь укрепила страну и обустроила людей своих. И когда возрастила она сыновей своих, тогда начал Вячеслав сам управлять своими людьми. Было у него четыре сестры, и выдали их в разные княжества и обеспечили приданым. И возложил Бог такую благодать на Вячеслава князя: начал он разумеать латинские книги как хороший епископ или священник, если же брал греческие или славянские книги, то читал их ясно без ошибок. Но не только Писание знал он, но исполняя завет веры, творил всем убогим добро: бедных кормил и одевал по евангельскому учению, священников питал, вдов

миловаше,* церкви вся златомъ украси, вѣроваше въ Бога всѣмъ сердцемъ, все благое творяше в животѣ своемъ.

Разгордѣша же мужи чесьскыи, вѣсташа на ся. Унѣ бо имѣ бѣше князь, лѣтъ бо ему бѣше 13,* егда умре отецъ ему. Да егда възрасте и смысла добы и братъ его, тогда дьяволъ вниде въ сердце злыхъ свѣтникъ его, якоже иногда въ Иуду предателя. Писано бо есть: «Всякъ, вѣстайи на господинъ свои, Иуде подобенъ есть».* Ти же намолвиша Вячеславу, рѣша: «Хочеть тя Болеславъ убити, съ матерью свѣщавъ и съ мужи своими». Пси злии, иже бѣша Вячеслава научили выдати матеръ свою без вины. Вячеславъ же, разумѣвъ страхъ Божий, помяну слово апостола, глаголюща: «Чти отца и матеръ свою яко и сам ся, и възлюбиши ближняго своего яко и сам ся».* Хотя исполнити всю правду Божию, и приведе паки матеръ свою, плакашеся и окаяшеся, глаголя: «Господи Боже, не постави ми грѣха сего».* Помяну же слова пророка Давида: «Грѣхъ уности моя и невидѣния моего не помяни убо, Господи».* Тѣмже чтише матеръ свою, она же радовашеся вѣрѣ сына своего, и о благодати, юже творяше убогимъ: аще и маламошна, питаше; аще ли сирота гдѣ, то обидѣти не дадыше его; аще ли странным, да добро творяше, якоже убо и речено есть: «Странен бѣх, въведосте мене».* Аще божия рабы, и домашняя, и аще странники вся, и аще гдѣ ино зимою стражуютъ, то вся одѣваше и кормяше. Аще ли же который попинъ проданъ приде к нему, онъ искупаше всѣмъ. Церкви же бѣ устроилъ по всѣмъ градомъ добрѣ велми, божия рабы собравъ ото всѣхъ языкъ воину. Служба идяше по вся дни къ Богу, яко и въ велицѣхъ языкѣхъ, устроениемъ добраго и праведнаго владыки Вячеслава. И вложи Богъ въ сердце: созда храмъ святаго Вита,* не злѣ мысля, неже убо всѣя Болеславу дьяволъ въ сердце, наустиша и на брата своего, и да не бы спасена душа его была в вѣки. Приде же день святаго Емѣраама, к немуже обѣщанъ свѣтъ Вячеславъ,* веселяшеся о Бозѣ. Онии же убо тогда злии дьяволи възваша Болеслава, свѣтъ творяше неприязненъ о Вячеславе, якоже жидове о Христвѣ въ первая лѣта.

Бяху же священне церкви въ всѣхъ градѣхъ.* Вячеславъ же яздыше по градомъ, еха ко Болеславу граду.* В недѣлю же бѣ литургия Козмы и Дамьяна,* и слышавъ литургию, Вячеславъ хотѣ ехати домовъ къ Празѣ. Болеславъ не да ему, моляся плачевнымъ смыслом, моля и глаголя: «Како хочещи отѣхати, пиво цѣло имѣю!» Он же не оторчеся брату, не еха домовъ, и въсѣдъ на конь, нача играти и веселитися съ други своими на дворѣ Болеславле, тѣмже мнимъ, яко повѣдаша ему на дворѣ и рекоша: «Хочетъ тя убити Болеславъ». И не я вѣры тому, на Бога възложи.

В ту же ноцъ снидохася ратници въ Гнѣвысынѣ* двор, и възваша собѣ Болеслава, и сотвориша злии тои свѣтъ неприязненъ. Якоже и къ Пилату събрася на Христа мысляще, такоже и онии злии пси, тѣмъ ся подобяше, свѣща, како быша убити господина своего. Рѣша же: «Поидеть на заутреннюю, тогда

не давал обидеть, людей всех, богатых и убогих, миловал, церкви все украсил золотом, веру в Бога всем сердцем, творя все благое в жизни своей.

Но возгордились вельможи чешские, поднялись сами на себя. Ибо молод был для них князь, было ему 13 лет, когда умер его отец. А тогда вырос и набрался разума и брат его, тогда проник дьявол в сердца злых советников его (Вячеслава), как некогда в Иуду предателя. Ведь сказано: «Всякий, восстающий на господина своего, подобен Иуде». И они наговорили Вячеславу, сказали: «Хочет Болеслав убить тебя, сговорившись с матерью и с вельможами своими». Злые псы, подговорили Вячеслава изгнать мать свою без вины. Но Вячеслав, ведая страх Божий, вспомнил слова апостола, сказавшего: «Почитай отца своего и мать свою как самого себя, и возлюби ближнего своего как самого себя». И желая исполнить всю правду Божию, вернул назад мать свою, плакал и каялся, говоря: «Господи Боже, не вмени мне это прегрешение (в вину)». И припомнил слова пророка Давида: «Грех юности моей и неведения моего не вспомни, Господи». И так почитал он мать свою, она же радовалась вере сына своего и благодеяниям, которые он творил убогим: если маломощные, то кормил их; если сирота где-нибудь, то не давал его в обиду; если же странники, то творил им добро, как сказано об этом: «Странствовал, и ввели меня». Если же священники и челядь, и если все странники, и если (они) где-нибудь страдают от холода, то всех одевал и кормил. Если же какой-нибудь священник, проданный (в неволю), приходил к нему, то выкупал его всем (что было). И церкви по всем городам обустроил весьма хорошо, собрав священников из всех стран всюду. Служба шла каждый день к Богу, как и у великих народов, попечением доброго и праведного владыки Вячеслава. И вложил Бог (мысль) в сердце (ему): создал храм святого Вита, не помышляя о зле, которое посеял дьявол в сердце Болеслава, натравил его на брата своего, чтобы не была спасена душа его во веки. И настал день святого Эммерама, которому был посвящен святой Вячеслав, радуясь о Боге. И тогда те злые дьяволы призвали Болеслава, устроив сатанинский заговор против Вячеслава, как иудеи в древние времена против Христа.

(В то время) были праздники в церквах по всем городам, и Вячеслав, объезжая города, поехал и в город Болеслава. В воскресенье же была служба Козме и Дамиану, и, отстояв литургию, Вячеслав хотел ехать домой, в Прагу. Болеслав же не отпустил его, упрашивая с плачем, умоляя и говоря: «Как же ты хочешь уехать, у меня непочатое пиво!» Он же не отказал брату, не поехал домой, и сев на коня, начал играть и веселиться со своими друзьями на дворе Болеслава, и думаем, что поведали ему на дворе и сказали: «Хочет тебя убить Болеслав». И он не поверил этому, положившись на Бога.

В ту же ночь собрались ратники на Гневьсином дворе, и позвали к себе Болеслава, и устроили тот злой дьявольский совет. И как у Пилата собрались, замышляя против Христа, так и эти злые псы, уподобившись тем, совещались, как убить своего господина. И сказали: «Пойдет к заутрене, тогда и захватим

половимъ его». Утру же бывшую, възвониша заутреню. Вячеславъ же услышавъ звонъ,* и рече: «Слава тобѣ, Господи, яко далъ еси мне добыти утра сего». И вставъ поиде на заутреню. Състиже же Болеславъ во воротѣхъ, Вячеславъ же озрѣвся и рече: «Добръ бѣ намъ господинъ вечеръ». Къ Болеславу же при niche дьяволь ко уху и разврати сердце его. Да извлекъ мечъ отвѣща сице: «Тебе хошу унеи быти», и удари мечемъ по главѣ. Вячеславъ же обратився и рече: «Что еси умыслил?» И охавивъ и поврѣже и паде над нимъ и рече: «То ти Богъ, брате». Тужа притекъ, удари в руку, Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побѣже. Дьявола же два, Чьста и Тира убиста въ церковныхъ вратѣхъ, Гнѣвыса же притекъ, прободе ему ребра мечемъ, и испусти духъ свои, глаголя: «В руци твои, Господи, предаю духъ мой».* Убиша же в томъ градѣ с нимъ Мьстину* единого, а иныя мужи идоша к Празѣ: овии же избиша, а друзии разбѣгошася по землямъ. А младенци* избиша его, а божия рабы разграбиша и изгнаша я из града, а жены ихъ за иныя мужи вдаша. И всю неприязнену сотвориша похоть — убиша князь свой.

Тира же рече: «Идемъ на госпожю, да одинова ожалѣеши брата своего и матеръ свою». Болеславъ же рече: «Никаны ся дежеть, даже инѣми деспѣм».

Вячеслава же разсѣкше отидоша, и не съхранивше его. Крастѣи же попъ возьмъ, и предъ цѣрковью положи и, и покры тонкою плащаницею. Услышавши же мати убьение сына своего, и притекши искаше его. Узрѣвши же и припаде къ сердцу его, и плачущися събираше уды телеси сына своего. Собравши же, и не смѣ нести его въ домъ свои, нъ поповѣ избѣ омывше и оболокше и, положиша и посреди церкви. Убоявши же ся мати его смерти бѣжа въ Хорваты:* страшно бо есть, от чюжею руку да ея не претерпитъ. Пославъ же не застиже я Болеславъ. Призвавъ же попа Паула,* да молитву сътворит над нимъ. Погребоша честное его тѣло — Вячеслава, добраго и праведнаго владыку и богочетца и христороубца, служи бо ему говѣниемъ и съ страхомъ. Крови же его не хотящи по три дни в землю ити, въ третии же вечеръ, всемъ видящимъ, церкви в зиде над нимъ,* и дивишася ту вси. И еще надѣмся Бозѣ молитвами и благовѣриемъ добраго Вячеслава и больши чюдо явити ся.* Въ истину бо Христовѣ муци приложися мука его. Съвѣтъ бо сотвориша о немъ, якоже иудѣи о Христвѣ, рассѣкоша же его, якоже и Павла,* и младенци его ради избиша, якоже и Христа ради.* Въ истинну весь родъ человеческъ велми ся каяше и плакашеся о немъ.

Убьенъ же бысть Вячеславъ князь в лѣто 6000 и 300 и 30 въ 7,* индикта 2, кругъ солнцу 3, лунѣ 8, в 28 день месяца септября. И Богъ покои его душу в вѣчнемъ покоищи съ всѣми избиенными Его ради без вины, идѣже вси праведнии почивають въ свѣте животнемъ твоємъ, Господи.*

Не остави же Богъ избранныхъ своихъ в поругание невѣрнымъ, но посѣти милостью своею, и преложи и окаменение сердца на покаяние и

его». И когда настало утро, позвонили к заутрене. Вячеслав же, услышал колокол и сказал: «Слава тебе, Господи, что дал мне дожить до этого утра». И встав, пошел к заутрене. И догнал его Болеслав в воротах. Вячеслав же оглянулся и сказал: «Хороший был нам хозяин вечером». Болеславу же приник к уху дьявол и развратил сердце его. И вынув меч, ответил так: «Сейчас хочу (угостить) тебя (еще) лучше», и ударил мечом по голове. Вячеслав же обернулся и сказал: «Что ты задумал?» И, обхватив его и повалив, упал на него и сказал: «То тебе Бог, брат». Тужа подбежал и ударил (мечом) в руку, Вячеслав же отпустил брата и побежал к церкви. И двое злодеев, Честа и Тира, поразили его в церковных дверях, а Гневьса, подбежав, пронзил ему грудь мечом, и (князь) испустил дух свой, сказав: «В руки твои, Господи, предаю душу мою». И убили в том городе с ним одного только Мстину, другие же мужи ушли в Прагу: одних убили, а другие разбежались по разным странам. А слуг его перебили, а священников ограбили и изгнали из города, а жен их выдали замуж за других. И исполнили все дьявольское желание — убили князя своего.

И Тира сказал (Болеславу): «Пойдем на госпожу, чтобы заодно оплакал ты и брата своего и мать свою». Болеслав же ответил: «Никуда она не денется, пока займемся другими».

И рассекши Вячеслава, ушли, не схоронив его. Крастей же священник взял его и положил его перед церковью, накрыв тонким полотном. И услышала мать о убийстве сына своего, и прибежав искала его. И увидев, припала к сердцу его, и плача собирала члены тела сына своего. Собрав же, не посмела нести в дом свой, но в избе священника омыв и обрядив его, положила посреди церкви. И убоявшись смерти, мать его бежала в землю хорватов: ибо страшна смерть от чужой руки. И послав за нею, не настиг ее Болеслав. И призвал священника Павла, чтобы сотворил молитву над (Вячеславом). И погребли честное его тело, Вячеслава — доброго и праведного владыку, и почитателя Бога и христоролюбца: ведь служил он Ему благоговейно и со страхом. А кровь его три дня не хотела уходить в землю, на третий же вечер все видели — она сочилась из (церковной) стены над ним, и дивились все здесь. И еще надеемся на Бога, (что) по молитвам и за благоверие доброго Вячеслава будет явлено и большее чудо. Ведь воистину мукам Христа уподобилось мучение его. Заговор составили против него, как иудеи против Христа, и рассекли его, как и Павла, и младенцев избili из-за него, как из-за Христа. Воистину весь род человеческий весьма скорбел и плакал о нем.

Убит же был Вячеслав князь в лето 6000 и 300 и 30-е в 7, индикта 2, круг солнца 3, а луны 8, в 28 день месяца сентября. И Бог упокоил его душу в обители вечного покоя со всеми, убиенными Его ради безвинно, где почивают все праведники в свете жизни твоей, Господи.

(Но) не оставил Бог избранных своих на поругание неверующим, а посетил их милостью своею, и переменял окаменение сердца на покаяние и

разумѣние грѣховъ своихъ. Болеславъ же помяну вся къ Господу Богу, колико грѣха сътворивъ. Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ, и пославъ слуги, принесе тѣло брата своего Вячеслава из Болеславля града к славному граду Празѣ, глаголя: «Азь съгрѣшихъ, и грѣхъ мой и безакония моя азъ вѣмъ».* И положиша и въ церкви святаго Вита, о десную страну олтаря двою на 10 апостолу, идеже бѣ самъ рекъ: «Сътворю церковь ту». Пренесенъ же бысть Вячеславъ князь месяца марта въ 4 день.* Богъ покой его душу на лони Авраамли, Исаака, Иякова, идѣже вси праведнии почиваютъ, чающе въскресе- ния Господа нашего Исуса Христа, емуже слава в вѣки, аминь.

постижение грехов своих. И Болеслав помянул все к Господу Богу, сколько грехов сотворил. Помолившись Богу и всем святым, и послал слуг своих, перенес тело брата своего Вячеслава из Болеславля города в славный город Прагу, говоря: «Я согрешил, и грех мой и беззакония мои я знаю». И положили его в церкви святого Вита, справа от алтаря Двенадцати апостолов, там, где он сам сказал: «Создам здесь церковь». Перенесен же был Вячеслав князь месяца марта в четвертый день. Бог да упокой его душу в лоне Авраамове, Исаака и Иакова, где почивают все праведники, чающие воскресения Господа нашего Иисуса Христа, ему же слава во веки, аминь.

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

МУЧЕНИЕ СВЯТАГО И СЛАВНАГО МУЧЕНИКА ДМИТРЕЯ

Благослови, отче!

Максимиянь Еркултанъ *умирив* и данники створи гофѣфы и савромати римомъ,* съшедь въ Селуньскый град,* живяше зловѣрникъ и богохулникъ чловѣкъ и въ глубину лъсти впадъся. Веселяше же ся тогда лестъ идолеская и кумирьская и повсюду чтома, гоняху бо служителя Божия и без вины побиваху истинныя премудрости служителя. В нихже бѣ блаженный Дмитрие, являясь самъ и ни единого же страха, ни бѣды съмняся. Житие чисто и бес порока от уности показавъ, спасеное же слово имѣя в собѣ и подавая приходящимъ и уча с радостью, и увѣщевая и глаголя по апостольстѣй заповѣди блаженаго Павла къ святому Тимофѣю, написавшю и уставившю еже створи въ время и безъ времени.*

Се убо блаженный Дмитрий *от рода* славныхъ велможъ и свѣтникъ сый, санъ первѣе примъ скипетровъ, и анафипать бывъ въ Елладѣ,* и оратора* бѣ взялъ ипатова сана от царя *Максимьяна*. Но онъ паче земную славу ни въ чтоже вѣмънивъ, животворящая же словеса творяше, сказая, яко чловѣка погыбша и своими безаконии умерщвена премудреное Божие Слово, плотское пришествие, отягъ ны от лъсти и очисти ны от всякого безумья и всякыя тмы, свѣтъ же въсия, и день свободы въ душах, приемлющихъ е, створи же правду и кротость, любовь, надежу, жизнь творяще вѣчную, времена отмещуше, присносушее же нетлѣнное обручение подающа, вѣстание еже из мертвыхъ, възвращение еже в породу исходатающи.

Сии учащю блаженому мученику с дерзновениемъ, слово Божие утвержающе вѣроу, мнози же к нему прихожаху от елиньска народа, и збирающимся от запада великаго торго градьскаго въ нарѣчемѣмъ *притворѣ ковацѣстѣм*,* идеже бѣ ему обычай сборъ творити подъземными камарами *близъ* людская баня. Прославивъши же ся славъ его по всему граду и области.

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

МУЧЕНИЕ СВЯТОГО И СЛАВНОГО МУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ

Благослови, отче!

Максимиан Геркулий, замирив готов и сарматов и обратив их в данников римлянам, пришел в Селунский град и остался там, зловерный и богохульный человек, погруженный в пучину суеверий. Торжествовало тогда суеверное поклонение идолам и кумирам, и повсеместно их чтили, а служителей Бога преследовали и без вины истребляли служивших истинной премудрости. Был среди них блаженный Димитрий, всем известный тем, что не ведал он страха и не терялся перед невзгодами. С юных лет отличался он житием чистым и беспорочным, в душе же хранил слово спасения, и, делясь им с приходящими к нему, поучал с радостью, и убеждал, и проповедовал, следуя апостольской заповеди блаженного Павла к святому Тимофею, который писал и наставлял поступать так во время благоприятное и в безвременье.

Этот же блаженный Димитрий был из рода славных вельмож и сенаторов, отслужив первоначально эксцептором, стал анфипатом в Элладе и оратион ипата получил от царя Максимиана. Но тот Димитрий ни во что не ставил земную славу, но следовал животворящему слову, говоря, что человека, погибшего и своими беззакониями умерщвленного, премудрое божественное Слово своим пришествием во плоти отторгло от заблуждений и очистило от всякого безумия и от всякого мрака, свет же воссиял нам и (настал) день освобождения в душах, принявших его, принесло Слово то правду и кротость, любовь, надежду, созидая нам жизнь вечную, временное отменяя, даря нам вечное нетленное обручение, восстание из мертвых, ходатайствуя за наше возвращение в рай.

Когда дерзал учить этому блаженный мученик, своею верою подкрепляя слово Божие, приходили к нему многие язычники и собирались в западной части большого городского рынка, в портике, именуемом кузнечный, он имел обыкновение собирать народ в подземных галереях вблизи от общественной бани. Разнеслась же слава о нем по всему городу и по земле той.

Тогда повелъ царь гражаномъ искати крестьянь. И имше блаженаго Дмитрия, не бѣжа бо ятъ бы: *съ братьею* же обычная службы въздая Богови. И къ богохулнику Максимеяну, якоже се нѣкий великий ловъ, приведоша, мняще паче приятили явитися царю, яко да не утаится ни единъ же крестьянинъ, но и боляры повѣдающе.

Он же случися иды на позорище града, еже статьи нарѣчють, позора дѣла хотящихъ братися оружиемъ. Ту же бѣ ему створено и дѣсками огражено — *кругъ на высотѣ* вися, иже принимаше вся входящая въ нь и позорно противу себѣ борящихся, занеже веселие ему бѣше зрѣти пролитъя чловѣчскы крови.

Обаче бе-скорби и бес печали бѣ ему позоръ, любляше бо единого борца, именемъ Луя, от языка *уанѣдилска* суша, крѣпостью и величествомъ тѣла възращаша, иже не точю въ Римѣ борбою многы уби, и въ *Сермии** и въ Селуньстѣмъ градѣ, течаше бо по дѣскамъ, и пообрату мнокою хитростью и учениемъ и обычаемъ убивати многы чловѣкы.

Понеже того мнози убоюшася, зане не обрѣташеся никтоже противень ему, въ старишинахъ имѣше его царь и зѣло любляше его и съ благостию на нь зриаше, и хваляше его, и чюдяшеся възрасту тѣла его и величашеся о гордости его. Егдаже близъ бы позорища, съѣдшу ему с *колесница*, тогда повѣдавше и приведоша къ Максимеяну блаженаго Дмитрия. Въпрашая же его, аще пребываетъ и еще Христу поклоняся, и увидѣвъ, яко иныи поучаетъ поклонятися распятому Христу.

Видѣвъ же царь дерзновение его, крестьянина себе нарѣчюща, и весьма чающа что-либо пряти ради имене Господа нашего Исуса Христа, уже бо и лицо святаго зѣло красно бѣше. Он же всѣма в позорѣ сыи и пресловущаго мученика ту же близъ позорища людская баня, повелѣ святаго хранити в пешныхъ камарахъ.* В нихъ же держимъ бысть, узрѣ змию, наричемую скоропию, подъ ногама излѣзъшюю и покушающюся *усѣкнути* святаго, знамяние же честнаго креста сътвори на скоропии и плюну на ню, и мертву створи. Абие же ангель Господень, пришедь, вѣнецъ възложи на главу святаго мученика и рече ему: «Миръ тебѣ, страстотерепче Христовъ! Крѣпися и мужайся!»

Царь же вшедь в позорище и съдъ, Лия же въведъ и призва *проповѣдники* хотящаго братися от народа, предлагая и съ *одолѣнемъ дары* и злато много. Единъ же от народа уноша, зѣло красенъ и еще младъ сый възрастомъ, именемъ *Несторъ*, *уже власы брадныа испущаа*, знаемъ сыи славному мученику Дмитрею (видѣша бо *бывающа* чюдеса от него и многы приходящая к нему и научаеми *читити* и поклонятися Христу), въниде, в немъже бѣ *мѣстѣ* хранимъ святой, и припадъ на ногу его, глаголаше: «Рабе Христовъ Дмитрие! Хошу съ *Луемъ* братися, да помолися о мнѣ Христови!» Святой же сътвори

Тогда приказал царь горожанам разыскивать христиан. И схватили блаженного Димитрия, не обратившимся в бегство был он схвачен, а когда служил обычную службу Богу со своими единоверцами. И привели его к богохульному Максимиану, словно некую великую добычу, думая, что этим покажут себя лучшими друзьями царя; и чтобы не скрылся никто из христиан, выдавали ему даже вельмож.

Случилось так, что царь в это время направлялся в городской театр, который именуют стадион, чтобы посмотреть на единоборство гладиаторов. Здесь была для него сооружена на высоте огражденная досками арена, на которую поднимались и на виду у всех боролись друг с другом, ибо было для него (Максимиана) радостью видеть, как проливается человеческая кровь.

Не было, однако, поводом для печали или скорби это зрелище, ибо любил он одного из борцов, по имени Луй, вандала родом, отличавшегося силой и огромным ростом, который не только в Риме убил многих в поединках, но и в Сермии и в Селунском граде, спешил на доски арены, чтобы благодаря великому уменью и навыкам убивать многих людей.

Так как не было никого, кто бы решился выступить против него и все боялись его, то среди первых почитал его царь и очень любил, и взирал на него с радостью, и восхвалял его, и дивился огромному его росту, и хвастался его гордыней. Когда оказался Максимиан возле театра и сошел с колесницы, тогда и поведали ему и привели блаженного Димитрия. Расспросили его, продолжает ли он поклоняться Христу, и узнали, что и других учит поклоняться распятому Христу.

Увидел же царь дерзость его, называющего себя христианином и всею душою желающего все претерпеть во имя Господа нашего Иисуса Христа, и прекрасное лицо его. Но, будучи полон ожидания предстоящего зрелища, повелел заключить мученика в печных камерах народной бани, находившейся поблизости от театра. Находясь там, увидел Димитрий змею, называемую скорпионом, выползшую под ногами у него и хотевшую ужалить святого, осенив ее знаменем честного креста и плюнув на нее, он умертвил ее. Тогда же ангел Господень, придя, венец возложил на голову святого мученика и возвестил ему: «Мир тебе, страстотерпец Христов! Мужайся и крепись!»

Царь же, придя на стадион, воссел, приказал ввести Луя, и воззвал через глашатаев к народу, приглашая желающего с ним бороться и предлагая победителю дары и много золота. И тут один юноша из толпы, прекрасный видом и еще юный годами, по имени Нестор, едва начавший обрастать бородой, известный славному мученику Димитрию (ибо видели чудеса, им творимые, многие, приходящие к нему и наученные им чтить Христа и поклоняться тому), пришел в то место, где сидел под стражей святой, и, припав к ногам его, сказал: «Раб Божий Димитрий! Хочу с Луем бороться, так помолись же обо мне

знамяние Христово на челѣ его и на сердци его, и отпусти его, рекъ: «И Лия побѣдиши и за Христа мучень будеши».

Шедъ же в позорище и по степенемъ съсочивъ, съвергъ же ризу, и ста предъ Максимеяномъ; яко *удивльшюся* цареви, призва к себѣ искочившаго уношу, увѣщеваше же его, глаголя: «Уноше! Вѣдаю, яко недостатокъ имѣния в толку дерзѣсть ты вложи, да или, одолѣвъ, внезапно богатство възмеш, или, погрѣшився, нищетѣ пакости дѣющи, и с нею животь скончаеши. Азъ же за милость възраста твоего и за уность, юже имаши, и за дерзость твою тѣчию дам ти достойны и доволны дары, и иди съ животомъ, имѣя злато. Люеви же не противи, занеже многы силнѣйша тебе убиваетъ».

Се слышавъ, Нестеръ ни възять царева дара, ни устрашися о похвалѣ *Люевѣ*, цареви же отвѣща: «Ни злата хошю, — рече, — ни того дѣлма на борение придохъ, но да погублена Люя створю. Не хошю бо жити, и ни *богатитися* придохъ, но дерзаю на *Люеву* славу». Абие же царь и сущии с ним разгнѣвашася о реченыхъ, дерзости уношу не стерпѣвше, царь зовы и въпияше, поучаше Люя.

Нестеръ же створи образъ животворящаго креста, назнаменова на сердци своемъ, и възять сулицу, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже Дмитреевъ, раба своего, ради възлюбленого ти отрока Исусе Христе повинувый Голияда иноплеменника вѣрнику своему Давиду,* самъ мнѣ низложи дерзость Люеву и Максмяна мучителя!» И възсочи посрѣди круга, бывшу же съраженію сътремью, и лютую язву въ сердци прием *Лий*, абье убьенъ бысть. И послѣднюю душевную печаль створи цареви. Нестеръ же прослави Бога, яко молитвою святаго Дмитрея убьенъ бы иноплеменникъ.

Максмянъ же абье възсочи от стола своего и дряхль въ царскый свой дворъ възвратився, глаголя: «Тако ми боговъ чародѣяннѣя нѣкая быша, а не бы убиенъ былъ симъ уношею, показавый тако и толко мужество!» Призвавъ же к себѣ мучитель Нестора и рече к нему: «Рци, уноше, кыя чары створивъ или кыя помощники имѣя, Люя убиль еси?» Отвѣщавъ Нестеръ: «Ни убо чари не быша, но ни лукавствомъ никоимже убиенъ бы, но Богъ Дмитреевъ и Богъ крестьянскый, той посла ангела своего и уби рукою моею гордаго и величаваго». Разгнѣвавъ же ся, царь повелѣ яко крестьянина отвести в западную страну града, въ рекомаю Златая врата, и ту своимъ мечемъ усѣкнути его Минукияномъ протикторомъ.* И тако мучения вѣнецъ увязеся.

Нѣци же велможа наустиша царя Дмитрия и дѣлма и рекшимъ, яко то бы вина Люева убьенія. Тогда же зѣло разгнѣвався царь и рече: «Не бысть сряща добрая, усрѣтшии мя, идуща в позорище». И повелѣ, в нейже бѣ пеши стрегомъ святой, копьями събости его. И тако убьенъ бысть преславный мученикъ и добраго исповѣданія мучение сконча. Лумпъ же, рабъ и слуга святаго Дмитрея, стоя у него, въземъ *орарионъ** святаго и в немъ собра от крови его.

Христу!» Святой же осенил знамением Христовым и чело его и грудь и отпустил его, сказав: «И Луя одолеешь и за Христа будешь замучен».

Направился (Нестор) на стадион и, сбежав по ступеням, сбросил с себя одежду и предстал перед Максимианом; удивленный же царь подозвал к себе выскочившего юношу и стал уговаривать его, говоря: «Юноша! Понимаю я, что скудость средств твоих разбудила в тебе такую дерзость, что или — победив — в тот же час получишь богатство, или же, потерпев неудачу, и нищеты, тебя терзающей, лишишься и жизни. Я же, жалея молодость твою и юность, за одну отвагу твою дам тебе почетную и достаточную награду, и иди, сохранив жизнь и обретя злато. Лую же не противься, ибо убил он многих более сильных, чем ты».

Услышав это, Нестор не взял даров царских и не испугался похвал Лую, а ответил царю: «Не золота хочу, — сказал, — и не из-за него вышел на поединок, а хочу погубить Луя. Не хочу я (иначе) жить, и не за богатством пришел, но хочу сокрушить Луюву славу». Тогда царь и приближенные его возмутились, услышав это, не стерпели дерзости юноши, и воззвал царь и возопил, подбодряя Луя.

Нестор же, осенив грудь свою знамением животворящего креста, взял сулицу, и возвел глаза к небу, и произнес: «Бог Димитрия, раба твоего, ради возлюбленного твоего сына Иисуса Христа, ты, покоривший иноплеменника Голиафа верному тебе Давиду, ниспровергни дерзость Луя и Максимиана мучителя!» И выскочил на середину арены, и начался поединок, и смертельную рану в сердце получил Луй, и был убит. Немалую душевную травму он нанес тем царю. А Нестор прославил Бога, ибо молитвой святого Димитрия убит был иноплеменник.

Максимиан тогда вскочил со своего трона и печальный возвратился в царский свой дворец, говоря: «Если бы не было чародеяния каких-то богов, то не был бы Луй, отличавшийся таким мужеством, убит этим юношей». И призвал к себе мучитель Нестора и сказал ему: «Скажи мне, юноша, какие чары ты использовал или кого имея в помощниках Луя убил?» Отвечал Нестор: «Никаких чар не было, и без какого-либо обмана он убит, но Бог Димитрия и Бог христианский послал ангела своего и убил моей рукой кичливого гордеца». Разгневался царь и приказал отвести его как христианина в западную часть города, к так называемым Золотым воротам, чтобы тут отрубил ему голову своим мечом Минукиан протиктор. И так увенчан был Нестор венцом мученика.

Некие же вельможи стали наговаривать царю на Димитрия и убеждать его в том, что Димитрий — причина гибели Луя. Тогда очень разгневался царь и сказал: «Не к добру была наша встреча, когда встретились мы на пути моем к театру». И приказал в той каморе, где находился под стражей святой, заколоть его копьями. И так был убит преславный мученик и окончил в страданиях жизнь, исполненную благой веры. Лупп же, раб и слуга святого Димитрия, предстоявший ему, взяв ораион святого, собрал в него кровь его.

И вземъ же царскый перьстень, иже ношаше на руцѣ и поваля въ святѣй крови и творяше имъ исцѣления во всѣ одержими различными нѣдуги и стражующихъ от духъ нечистыхъ исцѣляше молитвою и посѣщениемъ святаго и благодѣтию перстени его, яко просълъти о томъ по всему граду Селуньскому. Увѣдѣвъ же царь о немъ и како исцѣлѣваетъ болящихъ, повелѣ и того убити въ трибунали градстѣмъ,* въ день же нѣкый, сѣдѣющу ему съ инѣми, вѣровавшими Христови.

Пресвятое же славнаго Дмитрея тѣло *небрегомо* бысть *убившиими, нѣцици* тогда от братий *благоговѣйныхъ*, вземше ночью, страха ради царева, и на той перьсти, на нейже повержено тѣло, разгребше, елико можаху, и скрыша, да никоеже пакости не приметъ от плотядець животныхъ. Никакаяже печаль потомъ бысть пренести тѣло святаго, но оста на мѣстѣ, знаменія же и исцѣления бывающа на мѣстѣ томъ, и Божиимъ даромъ приступающимъ къ нему съ вѣрою и по вся дни всѣмъ веселящимся ту, прослывьшю по всей Македонии и Феталии, и повѣдаему о чудотворении святаго мученика.

Уже и кумирьстѣй лъсти прогнанъ и просиявши непорочнѣй и православноѣй крестьянстѣй вѣрѣ, Леонтъ, нѣкоторый мужь славень, илирьскыя епархы предѣержа, грядый въ *Дакийскую* страну и въ великъ недугъ въпаде, на носилѣхъ же рабы своими в Селуньскый градъ принесень бысть и положень на честнѣмъ мѣстѣ, идѣже бѣ тѣло подъ землею лежа святаго, и абие положень бысть верху цѣлоторящаго гроба святаго. И абие здравъ бысть, яко чудитися самому и своимъ ему скорому посѣщению мученика, хвалу же въздаеше Богу и преславному мученику Дмитрею. И ту абие пешныя комары разоривъ и домъ теплыхъ водъ разоривъ, и здание стегнь разоривъ и съ *емьболи* сущими ту,* всечестень въздвиже и създа домъ въ славу великаго Христова мученика и различно украсивъ, *межи* людскою банею и позорищемъ.

Хотя же ити в Иллирикъ и въсхотѣ нѣчто от мошей взяти святаго, дабы и тамо церковь создалъ во имя его, ему же преславны страстотерпецъ Христовъ Дмитрий ночью явился и възбрани то створити. Възем же окровницу его, очръвленную святою кровью его и часть от ураря и створи ковчегъ сребренъ и вложи в него. Идушю же ему, велицѣ зимѣ бывши и Дунавѣстѣй рѣцѣ разливаемѣ волнами, яко не мощи ея преити ни в корабли, на многни же дни не осяцающи и не дающи пути напредъ, и в печали бяше епархъ.

Видѣ же во снѣ славнаго мученика, глаголюща ему: «Всяку печаль и невѣрье отверзи и возми, еже носиши, и преидеши рѣку бес пакости». Заутра же, въсѣдъ на конь свой, держа в руку честный ковчегъ, и преиде рѣку бес пакости. И тако шедъ въ Срѣму и ту положи честный ковчегъ и съ святымъ знамениемъ, иже в немъ, и създа ту честную церковь во имя преславнаго Христова мученика Дмитрея близъ честныя церкви святыя мученица Анастасья. Многа же чудеса и исцѣления Господь сътвори, *идѣже* *путемъ* *колесница* и

И взяв царский перстень, который он (Димитрий) носил на руке, обмакнул его в святой крови и стал исцелять им одержимых различными недугами и страдающих от нечистых духов исцелял молитвами и посещением святого и благодатью, которой обладал перстень его, так что весть о том разнеслась по всему граду Селунскому. Услышав о нем, что исцеляет он больных, приказал царь казнить и Луппа в городском трибунале в один из дней, когда застали его в окружении других верующих Христу.

Пресвятое же тело славного Димитрия было брошено убийцами без присмотра, и тогда некие от братьев благочестивых, взяв ночью, ибо боялись они царя, и раскопав как смогли землю там, где оно было брошено, присыпали его землей, чтобы не причинили ему никакого вреда кровожадные звери. И никто не позаботился о том, чтобы перенести тело святого, но осталось оно на том же месте, и знамения и исцеления бывали на месте том, и Божьим даром получали приходившие к нему с верой, и постоянно все радовались здесь, и разнеслась слава по всей Македонии и Фессалии о чудесах, творимых святым мучеником.

Когда же изгнана была ложная вера в кумиры и просияла непорочная и православная христианская вера, Леонт, некий славный муж, управлявший иллирийской епархией, отправился в Дакию, и тяжело заболел, и на носилках был принесен в Селунский град своими рабами, и положен на том честном месте, где под землей покоилось тело святого; и положен как раз над целящим гробом святого. И тотчас выздоровел, так что удивился и сам он и приближенные его скорому пришествию мученика, и воздали хвалу Богу и преславному мученику Димитрию. И тогда (Леонт), разрушив печи и разломав бассейны для горячей воды, и стены, с бывшими возле городскими воротами, создал между общественной баней и театром всечестный храм во славу великого мученика Христова, всячески его украсив.

Собравшись возвращаться в Иллирию, пожелал он взять что-либо от мощей святого, чтобы и там церковь создать в его имя, но преславный страстотерпец Христов Димитрий явился ночью ему, и запретил это делать. Тогда взял он хламиду, обгавленную святой кровью его, и часть орария его, и изготовил ковчег серебряный и положил (все это) в него. Когда же отправился Леонт в путь, стояла зима, и разлилась река Дунай, так что нельзя было переправиться через нее на лодке, и так как несколько дней не спадала вода и препятствовала дальнейшему пути, в печали пребывал епарх.

И увидел во сне славного мученика, возвестившего ему: «Всю печаль и сомнения свои отринь и возьми то, что несешь, и без помехи перейдешь реку». Наутро же (Леонт) сел на коня своего, держа в руках честной ковчег, и без помех переправился через реку. И так, придя в Сермий, положил здесь честной ковчег со святыми реликвиями, находившимися в нем, и возвел здесь честную церковь во имя преславленного Христова мученика Димитрия подле честной церкви святой мученицы Анастасии. Многие же чудеса и исцеления Господь

животнаа почиваху,* благодатью и щедротами и челоуѣколюбьемъ единороднаго Сына Божия, с нимже Отцю слава съ Святымъ духомъ, и нынѣ, присно, въ вѣки.

ЧУДО СВЯТАГО ДМИТРИЯ, ЕЖЕ ВИДѢ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДША К НЕМУ АНГЕЛА

Свитающю убо третьему дни тоя войны, во нже дерзновење от Бога гражаномъ бысть, якоже преже указахомъ,* мужъ же нѣкий, добророденъ сущий и славенъ житьемъ, кротокъ же сердцемъ си, славенъ бѣ, нарицаемъ *илистрие*,* и саномъ почтенъ, о немже и писано есть: «Незлюбиви и правии прилѣпляхуся мнѣ»,* видѣ, якоже рече, во снѣ, якоже истие приснымъ глаголаше, и въ ужасѣ бывъ, видѣ себе стояща предъ запониемъ святыя церкви славнаго мученика Дмитрея. «И се — рече — два лѣпа высока мужа явиста ми ся и въшедша извону въ томъ трезапонѣ, яже мнѣхъ посланика суща царева еста. Единъ же от нихъ возпи гласомъ: „Кдѣ есть господинъ дому сего?“» Яви же ся ... въ среднихъ дверехъ церковныхъ единъ от слугъ его и *отвѣща*, глаголя: «Что требуета его?»

Она же реста: «Владыка наю посла повѣдати ему слово». Он же повѣда има святыи кивотъ церковный, глаголя: «Здѣ есть». Мужа же сия, имуща видѣния подобно яко ангела Божия, и приближистася к мѣсту, реста къ слузѣ: «Шедъ, повѣжь наю ему». Азь же ужасенъ быхъ и въслѣдъ ихъ идохъ от трезапоннаго и стахъ у единого столпа святаго киворѣ,* хотѣхъ увѣдѣти, что хошють повѣдати от царя къ святому. Слуга же толкнувъ двери кивотныя, и абие отверзе изутрѣду славный мученикъ Христовъ и ста близъ дверей, яко и мнѣ недостойному видѣти его. Азь же падохъ ниць, не могый зрѣти ангелообразнаго лица его, бѣ бо зракомъ по писанию написаннаго на древнихъ иконахъ, обличье же лица его сияючи, яко солнечная луча пушааше лучю. И ниць възлежахъ и посвѣтѣся лице мое от свѣта его. И, лежаши ми ниць, прилѣжно слушахъ, что имуть межю собою глаголати, и услышах, яко цѣловаста любезно святаго сия мужа.

Он же рече к нимъ: «Благодать с вами! Что дѣлма трудистася до мене?» Глаголаста ему мужа: «Владыка ны послалъ есть къ святыни твоей и сиче глаголетъ ти: „Скоро изыди и гряди ко мнѣ: градъ бо врагомъ преданъ бываетъ“». Азь же услысахъ, и възмутихся и печалью одержимъ быхъ, *въсклонихъся* мало и узрѣхъ челоуѣколюбное и милостивое то лице сущаго поистинѣ щедраго и градолюбца мученика, съдручена печалью и дряхла, и на землю ничаща. Велику же часу минувшю и премногу молчанию бывшю, видѣхъ слезы его по богозрачнама ланитама текущи, якоже рещи слузѣ к мужема: «Почто тако господина моего оскорбиста? Поистинѣ, аще быхъ первие разумѣлъ глаголь

сотворил там, где останавливались на пути колесницы и кони, благодатью и щедротами и человеколюбием едиnorodного Сына Божьего, с ним же Отцу слава со Святым Духом и ныне, всегда и в века!

ЧУДО СВЯТОГО ДИМИТРИЯ, КАК ВИДЕЛ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДШЕГО К НЕМУ АНГЕЛА

На рассвете третьего дня той войны, в который снизошла на горожан от Бога отвага, как об этом говорилось прежде, некий муж, знатный родом, известный жизнью своей, смиренный сердцем, славный и отмеченный саном иллустрия, о таких сказано в Писании: «Беззлобные и прямодушные пойдут за мной», увидел, как говорил он — во сне (о чем доподлинно рассказывал своим близким), и ужаснулся, видя, что стоит он перед притвором святой церкви славного мученика Димитрия. «И вот, — рассказывал, — два красивых высоких мужа явились передо мной и вошли снаружи в притвор, так что я принял их за посланцев императора. Один же из них громко возгласил: „Где господин дома этого?“» Появился в средних дверях церковных один из слуг и сказал в ответ: «Зачем нужен он вам?»

Они же сказали: «Владыка наш послал сообщить ему нечто». Слуга же тот показал им на святую раку церковную, говоря: «Здесь он». Муже же те, видом подобные ангелам Божьим, подошли к тому месту и сказали слуге: «Иди, возвести ему о нас». Я же, одержим страхом, пойдя следом за ними из притвора, встал у одной из колонн возле святой раки, желая узнать, что хотят поведать от царя святому. Слуга же постучал в дверцы раки, и тотчас же открыл их изнутри славный мученик Христов и встал у дверей, так что и мне, недостойному, было видно его. Я же пал ниц не в силах зреть ангелоподобный лик его: был он видом похож на изображение на древних иконах, а лицо его сияло, словно испускало солнечные лучи. И лежал я ничком, и озарилось мое лицо излучаемым им светом. И так, лежа, внимательно слушал я, о чем будут они говорить между собой, и услышал, как целовали сердечно святого эти мужи.

Он же сказал им: «Благодать с вами! Во имя чего потрудились прийти ко мне?» Отвечали ему мужи: «Владыка наш послал нас к святости твоей и так говорит тебе: „Скорее изыди и шествуй ко мне, ибо город будет предан врагам“». Я же, услышав это, пришел в смятение, и охватила меня печаль; приподнявшись немного, увидел я человеколюбное и ласковое лицо мученика, поистине мило-сердного и градолюбца, удрученное печалью, и грустное и к земле склоненное. Прошло немало времени в молчании долгом, и видел я, как слезы текли по богоподобным щекам, так что слуга сказал мужам: «Зачем так опечалили господина моего? Поистине, если бы раньше знал о словах ваших, не сказал

ваю, не быхъ ваю повѣдалъ господину моему». Тогда богословесная уста своя отверзъ святой и рече къ слузѣ: «Не дѣй ею, клеветра ми еста, и еже повелѣно имъ есть, то же и глаголета».

Рече же к нима: «Поистинѣ такую ли ми вѣсть пусти Владыка мой? Тако ли изволился державѣ его, да толикъ градъ въ толикъ родъ потомъ его и кровью честныхъ ребрь его утвержень вѣроу, нынѣ сверѣпыми сими звѣрми расторгень будетъ? То ли хотѣние бысть челоуколюбью его?» Отвѣща свѣтлая мужа: «Аще то ему годъ не было, не бы наю пустилъ къ благочестнѣй души твоей». И тогда велми печаленъ бысть и долго кивавъ главою, якоже се съвѣщевая съ многою печалью отвѣтъ створи. И много въздыхание, словесъ его измолкъ и глас языка являше, любовию по отечествѣ своемъ великую печаль имяше. Отвѣща же къ мужема: «Шедша, брата, рѣцѣта благому моему Владыцѣ сице: Глаголетъ домашний присный рабъ твой Дмитрей: „Ты, Владыко, Господь еси мнѣ, и граду, и всему миру, и якоже имаши власть, повелѣлъ ми еси здѣ жити съ рабы твоими. Како убо могу оставити я въ тольцѣ бѣдѣ и нужи и отити? Или коимъ лицемъ узрю погубление отечества моего? Кая же жизнь гражаномъ моимъ гибнущимъ? Но обаче, якоже бѣхъ съ ними и духовнѣ радуяся, такоже и въ бѣду въпадающимъ имъ, не остану ихъ. Или спасутся — спасенъ буду, или погыбающимъ — погыбну и умру с ними. Ты бо самъ, Владыко, положилъ еси душу свою якоже пастырь добры за овца. Съвѣмъ поистинѣ, яко не предолѣють грьси наши милосердью твоему, яко милость твоя великая на нас и ярость твоя праведная нашего обращения требуетъ, а не пагубы. Владыи съ всѣми, благый Владыко, еже велиши и сътвори о насъ. Азъ бо, якоже рѣхъ, аще спасающимся имъ, спасенъ буду, или погыбающимъ имъ — умру с ними”».

Се милосердому мученику глаголавшу, отдохну мало оканьяная моя душа от одержавшая мя печали. Отвѣщавша же мужа рекоста къ святому: «Сице ли велиши нама глаголати къ Владыцѣ?» Рече святы: «Ей, молю ваю». Спросиста же она: «То почто не идеши с нама? Блюди, да не съжалитъси пославый наю, якоже ослушанъ бывъ!» Отвѣща святой: «Азъ вѣдѣ: яко присно гнѣва его варяеть милосердье и благодать его». Таков же отвѣтъ створи, и се рекъ, свѣтлая мужа цѣлова, и сребреныя двери затвори, въ нихъже стояше, вьнутрь оста, не отшедь от насъ благодатью Христовою. И абие, — рече, — азъ очютихъ, грѣшный, *в себе бывъ, не спяхъ*».

Се видѣ добрый тѣ мужъ и боголюбець абие же по граду всему текъ, поучеваше гражаны и се точью глаголя имъ: «Дерзайте, братие, святой стратотерпецъ с нами есть помощью Христовою, и не прикоснетъся намъ злое». Оттолъ же, якоже писано есть, и въ дерзновение облекошася гражане и на врагы подѣскакаху, не могуше первѣе ни понѣ глас испустити великаго ради страха.

бы о вас моему господину». Тогда отверз святой свои богословесные уста и сказал слуге: «Не трогай их, они — друзья мои, и что приказано им, то мне и говорят».

И сказал им: «Действительно ли такую весть прислал мне Владыка мой? Так ли изволило владычество его, что такой город, уже столькими поколениями во имя пота его и крови, истекавшей из его честных ребер, утвердившийся в вере, ныне будет растерзан свирепыми этими зверями? Таково ли желание человеколюбия его?» Отвечали светлые мужи: «Если бы не угодно ему было, не отправил бы нас к благочестивой душе твоей». И тогда опечалился очень (Димитрий), и долго покачивал головой, и, пораздумав, с великой печалью изрек ответ. И непрестанные вздохи его, и слова, и тихий голос свидетельствовали, что в великой скорби он из-за любви к своему отечеству. Ответил же он мужам: «Идите, братья, скажите благому моему Владыке так: говорит твой истинный раб Димитрий: „Ты, Владыка, господин и мне, и городу, и всему миру, и как властитель повелел мне здесь пребывать с рабами твоими. Как же могу я их оставить в такой беде и нужде и уйти? И с каким лицом увижу я гибель отечества своего? Какая будет жизнь горожанам моим гибнущим? Но напротив — как пребывал я с ними и душой радовался, так и теперь их, в беде оказавшихся, не оставлю. Или спасутся они — и я спасен буду, или погибнут — погибну и умру с ними. Ты ведь сам, Владыка, положил душу свою — словно хороший пастух — за овец своих. Поистине знаю я, что не превозмогли грехи наши милосердия твоего, ибо милость твоя к нам велика, и ярость твоя праведная требует нашего обращения, а не гибели. Владей всеми, благой Владыка, и что повелишь, то и сделай нам. Я же, как сказал: если спасутся они — спасен буду, если погибнут — умру с ними”».

Когда сказал так милосердный мученик, душа моя отчаявшаяся немного воспрянула от охватившей ее печали. Отвечали же мужи, говоря святому: «Это ли велишь нам сказать Владыке?» Отвечал святой: «Да, молю вас». Спросили же они: «Так почему же не идешь с нами? Берегись, а вдруг не смилуется пославший нас, раз ты его послушался». Отвечал святой: «Я знаю: всегда гнев его предваряют милосердие и благодать его». Таков ответ дал и, сказав так, поцеловал он светлых мужей и, серебряные двери затворив, в которых стоял, остался внутри, не ушел от нас благодатью Христовой. И тут — сказал (иллюстрий) — я, грешный, почувствовал, что пришел в себя и не сплю».

Увидев же все это, тот добродетельный и боголюбивый муж тотчас же побежал по городу, убеждая горожан и только одно им говоря: «Наберитесь мужества, братья, святой страстотерпец с нами помощью Христовой, и не коснется нас зло». С того момента, как было написано, в доблесть облеклись горожане и на врагов стали нападать и те, кто не решались прежде и голоса подать из-за великого страха.

Послѣдъ же приснымъ исповѣда особъ предъреченое видѣние. И тако, понуженъ бывъ, истую же намъ вину *исповѣда*, что ради по граднѣй странѣ ходя о спасении града всѣмъ глаголаше. Се показавшу намъ славьному мученику Дмитрию и събытию вещи истинно видѣние сътворшю, кою хвалу или славословие о немъ Богови въздамы? Кое же *честь* и благодарение славьному мученику принесѣмъ точно милосерднѣй воли его, иже премногами щедротами своими подража Господа Бога Спаса *нашего* и душу свою положи за ны, недостойныя, грѣшныя, и не точью господьскаго повелѣния, въ Божие челоуколюбие възирая, ослушася, но и умрети с нами, многомилосерднѣй, общася. Оле, душа святая и градолюбивая и щедря! Оле, мудрость богоданая и свѣтъ богоугоденъ и строение боголѣпное!

Понеже бо свѣдѣяше Бога всѣхъ, не губяща праведнаго съ нечестивыми, ни оставляюща жезла грѣшника на жребии праведнаго, зряше бо и наша грѣхи, всяку *силу* преходяща, и възбоявся, якоже мню, еда како за ны моля, ослушанъ будетъ сию богоданную волю, свѣщав же и съдѣя: пребы в дому своемъ и не отшедъ от града, да ни самъ никоегоже зла не подыметъ, ни градъ от *поганыхъ*. Но якоже вѣнецъ нечистомъ златомъ скованъ, имѣя единъ точью камыкъ честенъ, преже хотящю домовьскому строителю пожещи огнемъ на очищение сквернаваго злата, господинъ не дасть, да нѣкако, очищая огнь злато, свѣтлость камыка погубить. Такоже и тогда тьмами смерти достойномъ сущемъ намъ, многыхъ дѣлма нашихъ прегрѣшенихъ, не погуби града Господь, да нѣчто не будетъ страсотерпцю, живушю с нами, недостойными.

Но прилѣжно вси помолимся, възлюблени, и шествия наша на благоугожение направимъ, до конца удержимся жити молитвами и дѣлы мученика. Тому бо нами исправляему и Божию милость бе-сумнѣнья приемъ, спасающю ны и хранящю, *от* умныхъ преже ратныхъ, избавляющю ны от вѣчныя муки и исходатающая намъ царствие небесное. Молю же, братия, вашего събора от всея душа силою възпити къ щедрому Богу и о богохранимѣмъ градъ нашемъ и за вся крестьяны, и за мя, и за мою худость, якоже о извержении твою ми благодать въздавше, занеже гражанина и помощника и съ Богомъ владыки нашего преславнаго мученика Дмитрия добро чюдотворения, понѣ в малѣ обаче поистинѣ съписавшу (...) любезно слуху вашему о Христвъ Исусѣ Господѣ нашемъ, истиннѣмъ Бозѣ, с нимже всецарюющему Богу и Отцю съ животворящимъ его Духомъ. Слава и честь и поклонание от всея твари всылаются искони, и нынѣ, и присно, вѣки вѣком. Аминь.

Впоследствии (иллюстрий) близким своим поведал особо о рассказанном ранее видении. И так, побуждаемый нами, поведал истинную причину того, почему ходил он по городским улицам, убеждая всех, что спасен будет город. Так показал нам славный мученик Димитрий и сотворил, что видение сбылось в действительности, так какую же хвалу и славословие ему перед Богом воздадим? Какие почести и благодарение принесем славному мученику, сравнимые с милосердным его решением, когда он премногими своими щедротами уподобился Господу Богу Спасу нашему и душу свою положил за нас, недостойных, грешных, и не только послушался повеления Божьего, надеясь на Божье человеколюбие, но и умереть с нами, многомилосердный, обещал. О душа святая, и градолюбивая, и щедрая! О мудрость богоданная и совет богоугодный, деяние боголепное!

Так как постиг ты Бога всех, что не губит он праведника с нечестивыми, не оставляет жезла грешника на жребии праведника, то, видя наши грехи, все превосходящие по силе своей, и хотя побоялся, как думаю, что за нас моля, слушаешься богоданной воли, все же, поразмыслив, совершил: остался в дому своем и не покинул город, чтобы ни самому не испытать никакого зла, ни городу — напасти от поганых. Вот так же, если венец, скованный из нечистого золота, но украшенный только одним драгоценным камнем, захочет переплавить управитель дома, чтобы очистить загрязненное золото, то не даст того совершить господин, ибо, очищая золото, сверкание камня погубит. Вот так и тогда: хотя многократно мы были смерти достойны из-за наших многочисленных прегрешений, не погубил города Господь, чтобы не случилось чего-либо со страстотерпцем, пребывающим с нами, недостойными.

Так помолимся же все истово, возлюбленные, и путь наш на благие дела направим, молитвами и деяниями удержим мученика навсегда остаться с нами. Всем этим и Божью милость без сомнения обретем, ибо (Димитрий) спасает нас и хранит от первого из умозрительных врагов (— дьявола), избавляет нас от вечной муки и ходатайствует за нас о царстве небесном. Молю же, братья, всем собором вашим, всей силой души возопить к щедрому Богу о богохранимом городе нашем, и о всех христианах, и обо мне, и о ничтожестве моем, как о недоноске, о ниспослании мне благодати, ибо гражданина и помощника и в Боге владыки нашего преславного мученика Димитрия благо чудотворения я описал, хоть кратко, но истинно, и приятно слуху вашему, Христа ради Иисуса, Господа нашего, истинного Бога, с ним же царствует над всеми Бог Отец с животворящим его Духом. Слава и честь и поклонение от всех сотворенных им возносятся искони, и ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

МЪСЯЦА АПРИЛЯ ВЪ 1.
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫА МАТЕРИ НАШЕЙ
МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ,
СПИСАНО СОФРОНИЕМЪ,
АРХИЕПИСКОПОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву добро есть хранити, а дѣла Божиа проповѣдати преславно есть». * Тако бо рече ангель к Товиту по славнемъ его прозрѣнии ослѣпленю очю. Еже не хранити царевы тайны — пагубно есть и блазнено, а еже молчати дѣла Божиа преславнаа — бѣду души наноситъ. Тѣмъже и азъ боюся молчати дѣла Божиа, воспоминаа муку раба оного, приемшаго господень талантъ и в земли съкрывшаго, а прикупа *имъ* не створившаго. * Повѣсть святу слышах азъ и никакоже могу еа утаити. И никтоже ми да не невѣруеть от вас, слышавъ написаниа сиа, ни мните же мене гордящаяся о словеси сем, дивяся о чудеси семь велицемъ. Не буди бо ми лгати на святыа. Аще ли суть етери, чтуще книги сиа и высотъ словеси дивящесея, и не хотяще вѣровати, буди им милость Господня: ти бо, немощъ челоувѣцску помышляюще, неприатна творят нами глаголемаа о челоувѣцѣх. То уже подобает ми начати повѣсть и вещь предивну, бывшу в родѣ нашем.

Бысть старецъ во едином палестиньскихъ монастырь, житием и словом украшенъ, от самых пеленъ възрасть *чернечьским* обычаем и вещьми, и священством обложенъ. Зосима же бѣ имя тому старцу. Никтоже мни, яко онъ есть Зосима-еретикъ: сей убо Зосима праведный, всякыа образы пощения и дѣла творяще, и вся преданиа храняше. Николиже от учениа святыхъ словес не ослабѣ, но, вѣстаа и возложася, руками дрѣжаше дѣло и пищу вкушаше, аще достоинт пищу нарещи, еяже вкушаше, едино убо дѣло имяше немолчно — еже пѣти присно. *

От самого бо младенства вданъ бысть в монастырь и 50 лѣтъ створи в нем. Такоже ему живушу в монастыри, помысли убо в себѣ, глаголя: «Есть ли убо мних на земли, иже ми покажетъ образ житиа сего, егоже не сътворих? Можеть ли муж обрѣстися в пустыни лучши мене?» Си же помышляющи старцу, явися к нему ангель Господень и рече ему: «О Зосима! Добрѣ убо яко

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 1 ДЕНЬ.
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ,
НАПИСАННОЕ СОФРОНИЕМ,
АРХИЕПИСКОПОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву следует хранить, а дела Божии возвещать — это славы достойно». Вот так сказал ангел Товиту после славного прозрения ослепших очей его. Не хранить тайн царевых — пагубно и коварно, а умалчивать о преславных делах Божьих — значит беду приносить душе. Поэтому и я боюсь умолчать о делах Божьих, помня о муках раба того, который получил от господина талант и в землю его зарыл, а дохода от него не получил. Святой рассказ этот слышал я и никак не могу его скрыть. И пусть никто из вас не станет мне не верить, услышав написанное здесь, не подумает, что я возгордился словами этими, поражаясь чуду этому великому. Не стану же я лгать о святых. Если же найдутся такие, кто прочтет эти книги и, возвышенным словам их удивляясь, не захочет им поверить, то пусть смиляется над такими Господь: таковые ведь, думая, что немощен человек, неправдоподобным считают то, что говорим мы о людях. Но уже пора мне начать повествование о вещи предивной, случившейся во времена наши.

Был старец в одном из палестинских монастырей, житием своим и речами украшен и с самого раннего возраста — монашескими обычаями и деяниями и священным саном облечен. Зосимой именовался тот старец. И пусть не подумает кто-либо, что то был Зосима-еретик: этот Зосима был правоверный, всякий пост соблюдал и благие дела творил, и все заповеданное хранил. Никогда не отступал от того, чему учили святые слова, и вставая и ложась, занимаясь каким-либо делом, и пищу вкушая, если можно назвать пищей то, чем он питался, одно лишь дело творил не умолкая — постоянно пел (псалмы).

С младенческих лет отдан он был в монастырь и 50 лет пробыл в нем. Вот так живя в монастыре, помыслил он, говоря сам себе: «Есть ли монах на свете, могущий явить мне образец жития, которого я не достиг? Может ли муж отыскаться в пустыне лучше меня?» И когда размышлял так старец, предстал перед ним ангел Господень и сказал ему: «О Зосима! Велико подвижничество

человѣкъ подвигнулся еси, но никтоже съвершенъ есть. Но да разумѣши, колико инѣхъ есть образъ спасенна. Изыди отъ земля, якоже Авраамъ изъ дому отца *своего*,* и *иди* въ монастырь, сущий при Иерданѣ».

Абие же старецъ изыде изъ монастыря своего, иде въслѣдъ глаголющаго. Прииде, *волею* Божиею водимъ, въ Иерданскій монастырь. Толкнувъ въ врата, повѣдано бысть игумену. Влѣзъ же Зосима, поклонися по обычаю чрънеческому. Въспроси же его игумень: «Откуда еси, брате, и что ради къ нищимъ намъ прииде?». Отвѣща же Зосима: «Откуда приидохъ, не въпрошай мене, ползы бо ради приидохъ. Слышахъ бо велико ваше дѣло достохвалное, могущее душа приводити къ Христу, Богу нашему». Рече ему игумень: «Богъ единъ, брате, исцѣляетъ человѣчскій родъ. Той да научить тебе и насъ воли своею и наставить тебе творити полезнаа». И се рекшу игумену къ Зосиму, Зосима же поклонися и, створивъ молитву, и рече: «Аминь». И пребысть въ монастыри.

Видѣвъ же старецъ Зосима дѣлания же и дѣлы сияюща, пѣнне же ихъ непрестанно и стояние всеношное, и въ рукахъ присно *дѣло* ихъ, и псалмы въ устѣхъ ихъ, словеса же праздна не быша въ нихъ, тщание имѣти въ себѣ имѣти себе *мрътва* тѣломъ. Пища же ихъ бѣ — словеса Божия, питаху же тѣло хлѣбомъ и водою. Се видѣвъ, Зосима дивися и подвижашеся на подлежащее течение.

Днемъ же мнозѣмъ минувшимъ, приближися время святаго поста. И вратомъ монастырскимъ затворенномъ сущимъ, не отвръзающимся николиже: пусто бо мѣсто и непроходимо, и не знаемо простою чадью. Сичевъ же бѣ чинъ въ монастыри томъ преданъ, егоже ради и Богъ Зосиму приведе ту. Въ 1-ю убо недѣлю *поста* ... творяше прозвутерь литургию святую, и вси причастници бываху святыхъ тайнъ пречистаго тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа, и мало брашна вкушаху. Потомъ же собирающеся въ церковь, молитву створше и колѣнное поклонение, цѣловаху другъ друга и игумена и, молитву взявше, отвръзаху врата монастырскаа, поюще съгласно псаломъ: «Господь — просвѣщение мое и спаситель мой, кого ся убою? Господь — защититель животу моему, отъ кого ся устрашу?»* и прочее псалма того поющи, исхожаху вси, единого или два брата оставльше, да хранять монастырь. Не бо въ немъ ничтоже татями крадомо, но церкви безъ службы да не станеть. Коиждо же ихъ ношаше пищу себѣ, якоже хотяше: овъ убо мало хлѣба, овъ же — мало смоквы, инъ же — финики, друзии же — сочиво, моченое въ водѣ, а друзии же — ничтоже, точью тѣло свое и рубища, яже ношаху. И егда тѣло ихъ нужаше, былѣемъ и травкою питахуся пустынною. И прехожаху Иерданъ и разлучахуся далече отъ себе и не вѣдыше другъ друга, како поститься или како подвижашеся. И аще кто узритъ друга своего, идуща къ собѣ, и абие уклоняшеся на иную страну и о собѣ живяше, Богу поя присно.

Сиче убо весь скончаваютъ постъ, възвращаютъ же ся въ монастырь въ недѣлю, яже есть преже въскресенна Христова, въ нуже празднество *цвѣтное*

твое среди людей, но никто же не совершенен. Так узнай же, сколько есть иных способов спасения. Выйди из земли (этой), как Авраам из дома отца своего, и пойди в монастырь, расположенный на Иордане».

Старец же тотчас покинул монастырь свой и пошел вслед возвестившему. Пришел он, ведомый волей Божьей, в Иорданский монастырь. Постучал в ворота, и поведали игумену. И, войдя, поклонился Зосима по обычаю монашескому. Спросил его игумен: «Откуда ты, брат, и зачем к нам, нищим, пришел?» Отвечал же Зосима: «Откуда пришел — не спрашивай меня, ибо пришел я пользы ради. Слышал я о деяниях ваших великих и достохвальных, способных приводить души к Христу, Богу нашему». Сказал ему игумен: «Один Бог, брат мой, исцеляет человеческий род. Пусть он научит и тебя и нас и наставит тебя на полезные дела». И когда сказал так игумен Зосиме, поклонился Зосима и, помолившись, произнес: «Аминь!» И остался в монастыре.

Видел Зосима старцев, деяниями и делами сияющих, пение их было непрестанно, и все ночи простаивали они на молитве, и в руках их всегда было дело, и псалмы в устах их, а пустых разговоров у них не бывало, заботились же они о том, чтобы мертва была плоть их. Пищей же им служили слова божественные, тело же питали хлебом и водою. Видя это, удивлялся Зосима и следовал им в подвижничестве.

Когда прошло немало времени, приблизились дни святого поста. Ворота монастыря были затворены и не отворялись никогда: безлюдно было то место и труднодоступно и неизвестно простым людям. Был же такой обычай принят в монастыре, ради которого Бог и привел сюда Зосиму. В первую неделю поста служил священник святую литургию, и все причащались святых тайн пречистого тела и крови Господа нашего Иисуса Христа и еды мало вкушали. Потом же, собравшись в церкви, вознося молитвы и преклонив колени, целовали друг друга и игумена и после молитвы открывали ворота монастырские, стройно распевая псалом: «Господь — свет мой и спаситель мой, кого мне бояться? Господь — защитник жизни моей, кого утрашусь?», и далее псалом тот распевая, выходили все, одного или двух братьев оставив, чтобы охраняли они монастырь. Не было в нем ничего, на что покусились бы воры, но не должна церковь оставаться без службы. Каждый из них брал с собою пищу, какую хотел: один — немного хлеба, другой же — немного инжира, иной же — финики, другие же — чечевицу, размоченную в воде, а другие — вообще ничего не несли, только тело свое и рубище, на нем одетое. И когда тело их требовало, то питались былием и травой, росшей в пустыне. И переходили они Иордан и расходились в разные стороны, и не знали друг о друге, как кто из них постится и как подвизается. И если кто видел друга своего, к нему направляющегося, то сворачивал в сторону, и каждый пребывал сам по себе, беспрестанно славословя Богу.

Так проводили они весь пост, в монастырь же возвращались в воскресенье, предшествовавшее воскресению Христову, в день, в который празднество

пришло есть церкви.* Възвращахуся, имѣа коиждо плоды своа и съвѣсть вѣдуша свою, якоже коиждо сдѣлалъ есть. И никтоже никогоже не въспрашае, како ся потруди. Таковъ бѣяше уставъ монастыря того.

Тогда убо Зосима по обычаю монастырьску прииде на Иорданъ, мало пища съ собою нося, требованиа ради телеснаго, и пресвятой ношаше преданый образъ служебный творяше, сквозѣ пустыню проходя. И вкушаше, егда тѣло требоваше, нужда ради, поспаше мало, на земли возлежа. Зѣло же рано паки вѣстааше и свое течение сътворяше, възжелѣвъше въ пустыню внити, негли бы обрелъ поне единого отца, живуша в ней, постящася.

И приложися желание ему к желанию. Шед же осми дней, ста мало от пути въ время 6-го часа, и обратився на вѣстокъ, творяше обычную молитву. Престояше мало от пути и почиваше во время коегождо часа, поя и кланяся. И егда *стояше* и пояше и видѣ одесную яко сѣнь, аky челоувѣчьска телеси. Исперва убояся, мняше привидѣние бѣсовское суще. И трепетень бывъ и знаменася знаменемъ крестным, и страх отложивъ весь, пребысть без боязни. Уже бо бѣ кончаа молитву и, обратився, возрѣ горѣ очима на полудне и видѣ нѣкоего ходяща, нага тѣлом и чръна видѣнием от солнечнаго горѣниа, власы же имѣяше на главѣ бѣлы, аky волну, и краткы, яко точью до выа досягающа. Се убо Зосима видѣвъ и рад бывъ о преславномъ том видѣнии и нача теши на ту страну, на ней же *видимое* идяше, и радовашеся радостию великою, не бѣ бо видѣлъ в ты дни видиниа челоувѣчьска, ни птичьа, ни звѣрина, ни гада.

Егда же и та видѣ издалеча Зосиму и нача теши и бѣжати в нутрьнюю пустыню. Зосима же, яко забывъ свою старость и *труд путный*, быстро течаше, хотя постигнути бѣжащее. Сей убо бѣжаше, а онъ женяше. Быстро бо течение Зосимово, быстрое бѣжащаго. И егда приближися, яко мощи уже глас слышати, и нача вопити Зосима, сицевыми глаголы глаголя съ слезами: «Что мене бѣжиши, старца грѣшна, рабе истиннаго Бога, егоже ради в пустыни сей живеши? Пожди мене грѣшнаго и недостойнаго и немощнаго. Подаждь ми, старцю, твою молитву и благословение, тако ти Бога не отмещася никогоже николиже». Зосиму же съ слезами глаголющу сице, и быста на единомъ мѣстѣ, текуща и глаголюща, яко поток сухъ, и не мню, течаше потокъ коли.

Егда же прииде на мѣсто бѣжащее и сниде абие на другую страну, Зосима же, *утрудився* и не могый теши, уже ста на друзѣ странѣ потока и приложи къ слезамъ слезы и к воплю вопль. Тогда тѣло бѣжащее возпи гласомъ *сицевъ* к нему и рече: «Авва Зосиме, не могу, обратившись, явитися лицу твоему: жена бо есмь нага и боса, якоже мя видѣши, студ телесный непокровень имущи. Но всяко, якоже хочещи женѣ грѣшнѣ *молитву* ... даровати, то поврзи ми портище, еже носиши, да покрыю си немощь женьскую, да *обращуся* к тобѣ и молитву прииму от тебе». Тогда устрашися

Цветное наступает в церкви. Возвращались с плодами подвига своего и осознавая каждый, что совершил он. И никто никого не расспрашивал, как он потрудился. Так было уставлено в монастыре том.

Тогда и Зосима по обычаю монастырскому пришел на Иордан, взяв с собою немного пищи для удовлетворения нужды телесной, и установленную службу совершал, бредя через пустыню. И ел по необходимости, когда тело того требовало, и спал мало, лежа на земле. Чуть свет снова вставал и продолжал свой путь, надеясь, углубившись в пустыню, обрести там хотя бы одного (святого) отца, живущего в ней и постящегося.

И все усиливалось его желание. Когда пробродил он уже восемь дней, остановился он как-то в шестом часу дня и, обратившись на восток, творил обычную молитву. Ежечасно прерывая свой путь ненадолго и отдыхая, пел он (псалмы) и клал поклоны. И когда так стоял и пел, увидел справа от себя словно бы тень, напоминающую человека. Сперва Зосима испугался, думая, что это видение бесовское. И затрепетал, и осенил себя крестным знамением, и преодолел страх, перестал бояться. Уже кончал он свою молитву, когда, обратившись лицом на юг, поднял взор и увидел, что идет кто-то, нагой и черный с виду от солнечного загара, волосы же на голове его были белы, словно шерсть, и коротки, так что едва достигали шеи. Увидев это, Зосима обрадовался дивному тому видению и направился в ту сторону, где двигалось виденое им, и радовался радостью великой, ибо не видел во все те дни ни человека, ни птицы, ни зверя, ни гада.

Когда же и тот увидел издали Зосиму, то пустился бежать, удаляясь в глубь пустыни. Зосима же, словно забыв свою старость и усталость от пути, поспешал, желая догнать убегающее. Тот же убегал, а этот преследовал. Быстро шел Зосима, но еще быстрее убегавший. И когда приблизился к нему Зосима настолько, что можно уже было расслышать голос, то начал кричать, со слезами обращая к нему такие слова: «Зачем от меня, старца грешного, убегаешь, раб истинного Бога, ради которого в пустыне этой живешь? Подожди меня, грешного, и недостойного, и немощного. Даруй мне, старцу, твою молитву и благословение, как и я, ради Бога, не отторгаю от себя никого и никогда». В то время, когда Зосима говорил так со слезами, идя и говоря при этом, оказались они у русла сухого потока, — не знаю, тек ли поток тот когда-либо.

Когда же дошел до того места убегавший, то поспешно спустился до противоположного склона (русла), Зосима же, устав, не в силах был больше идти и остановился на другой стороне ложбины и смешал со слезами слезы и рыдание с рыданием. Тогда тело убегавшее возопило громко и сказало ему: «Авва Зосима, не могу, обернувшись, предстать перед лицом твоим: ибо я женщина, нагая и босая, как видишь, и срам тела моего не покрыт. Но все же, если хочешь одарить жену грешную молитвой, то брось мне одеяние, которое носишь, чтобы прикрыла я свою немощ женскую, и тогда обернусь к тебе и

тѣлом Зосима, ужасеся умом, слышавъ именемъ себѣ зовуща, и рече в себѣ: «Яко не бы именемъ звала мене, аще не бы прозорлива была». И створи въскорѣ реченое ему, и снем ризу ветхую и раздраную, юже ношаше, и верже ю к ней, и обратися лицемъ от нея. Она же, взявши ю, препоясая и прикрыи обѣ странѣ телеси, еже достояше прикрыти паче инѣхъ частей тѣла.

Обратися к Зосиму и рече ему: «Что ти мнится, авва Зосиме, грѣшную жену, что хотя видѣти у нея или навькнути, толика труда не облинися створити?» Он же, на землю поклонивъ колѣни свои, просяше благословения по обычаю. Также и она поклонися, и лежаста оба на земли, просяще благословения другъ от друга. И ничтоже не бѣ слышати от нею глаголема, но точию: «Благослови мя». И егда мину много час, рече же она к Зосиму, яко «тебѣ подобаетъ паче молитву творити. Ты бо прозвутерскою честию почтенъ еси, ты бо олтарю Божию въ мнозѣхъ лѣтахъ предстоиши и многожды святыя дары Господу приносиши». Си же словеса в болий страх Зосиму вложиша, и трепетень бывъ старецъ, потяшеса и стоняше, и глас его кращашеса. Рече же к ней кроткимъ измолкшимъ гортанемъ: «О мати духовна! Яко ты Богу паче приближилася еси и множайшею частию от мира умертвилася еси, являеть же ти ся даный даръ, еже мя именемъ зовеша и прозвутера нарицаеша, егоже николиже видѣ. Тѣмъ же паче сама благослови мя Господа ради и подай же молитву требующему твоего свершения».

Ослабѣвшу же прилѣжаню, она рече старцу: «Благословенъ Богъ, чловѣчьскаго рода хотя спасению». Зосиму же рекшу: «Аминь». И вѣстаста оба от земля. Она же рече къ старцу: «Что ради ко мнѣ, грѣшницѣ, пришелъ еси, о чловѣче Божий? Что ради въсхотѣлъ еси видѣти жену нагу, всякоа добродѣтели не имущи? Обаче благодать Святаго Духа наставила тя есть, да едину службу скончаваеша ми, тѣлу моему на потребу. Рци же ми, отче, како крестьяне живутъ нынѣ? Како ли цари? Како ли церкви?» Зосима же отвѣща, глаголя: «Молитвами вашими святыми миръ свершенный даровалъ есть Богъ. И прииди на молбу, старице, и помолися за весь миръ Господа ради и за мене грѣшнаго, да не будетъ ми бесплодно пустынное хождение». Она же отвѣща к нему: «Тобѣ достойно, авва Зосима, священный имѣюще чинъ, за миръ и за вся молитися, на то бо порученъ еси. Обаче повелѣно ны есть послушати, и повелѣное тобою *да сѣтворю*».

И се рекши, обратися на вѣстокъ и очи возведши на небо и руцѣ воздвигши и нача шептати. Рѣчи же ея не бѣ разумѣти. Тѣмъже Зосима, ничтоже тоя молитвы не разумѣваше, стоящи, якоже глагола, трепетень, долу зря, и ничтоже не глагола. Кленяшеса Богомъ, глаголя, яко «егда видѣхъ ю, творящу молитву и медлящу, и, мало въсклонихся от ничания своего, видѣхъ ю стоящу на воздусѣ от земля яко лакти одинаго». Тогда видевъ ю, Зосима в

молитву приму от тебя». Тогда затрепетал телом Зосима и ужаснулся разумом, услышав, что назвали его по имени, и сказал сам себе: «Она меня по имени не назвала бы, если бы не была прозорлива». И сделал тотчас же, о чем просила его, сняв ризу ветхую и драную, что носил на себе, бросил ей и отвернул лицо свое от нее. Она же, взяв ризу, обернула ею тело и прикрыла с обеих сторон то, что подобало скрыть более, чем другие части тела.

Повернулась она к Зосиме и сказала ему: «Что тебе вздумалось, авва Зосима, повидать грешную жену и чему хочешь у нее научиться, что не поленился такие трудности перенести?» Он же, преклонив колени свои, просил, как подобает, благословения. Так же и она поклонилась ему, и лежали оба на земле, прося благословения друг у друга. И ничего не было слышно произносимого ими, кроме: «Благослови меня». И когда так прошло немало времени, сказала она Зосиме: «Тебе более, чем мне, подобает молитву творить. Ты ведь священническим саном почтен, ты ведь алтарю Божьему многие годы предстоишь и многократно святые дары Господу приносишь». Эти слова привели Зосиму в еще больший страх, и вострепетал старец и покрылся потом, и застонал, и голос его стал прерываться. Обратился он к ней едва слышным голосом: «О мать духовная! Так как ты к Богу более меня приблизилась и в большей мере умертвила себя для всего мирского, то и проявляется тебе дарованный дар: меня по имени зовешь и священником называешь, хотя никогда не видела. Поэтому лучше ты сама благослови меня Господа ради и даруй молитву мне, нуждающемуся в твоей помощи».

Уступив просьбе его, отвечала она старцу: «Благословен Бог, желающий спасения рода человеческого». Зосима же ответил: «Аминь». И поднялись оба с земли. Она же спросила старца: «Чего ради ко мне, грешнице, пришел ты, человек Божий? Почему захотел увидеть женщину нагую, всякой добродетели лишенную? Однако благодать Святого Духа наставила тебя, чтобы оказал ты мне одну услугу, на пользу телу моему. Скажи же мне, отче, как христиане живут теперь? Как цари? Как церковь?» Зосима же отвечал, говоря: «Молитвами вашими святыми мир совершенный даровал Бог. И приступи к молитве, старица, и помолись за весь мир Господа ради и за меня грешного, да не останется бесплодным мое хождение по пустыне». Она же ответила ему: «Тебе достойно, авва Зосима, имеющему священнический чин, за мир и за всех молиться, ибо это и поручено тебе. Однако велено нам других слушаться, и сотворю то, что велишь ты».

И сказав так, повернулась она к востоку и, глаза возведя к небу и руки воздев, начала шептать. Слов ее нельзя было разобрать. Поэтому Зосима ничего из той молитвы не уразумел, стоял, как сказал я, трепеща и в землю глядя и ни слова не произнося. Клялся Богом, говоря: «Когда наблюдал я за ней, творящей долгую молитву, то, немного приподнявшись от поклона своего, увидел, что стоит она на воздухе приблизительно на локоть от земли». Тогда же, видев это,

больший страх впаде и повржесе на земли и потяся зѣло и ничтоже не глагола, но точю: «Господи, помилуй!» На земли лежа, старецъ блазняшесе мыслию: «Егда како привидѣние есть и молитвою блазнит мя?» И обратившися жена и въздвигну старца и рекши: «Почто, авва Зосиме, помышления смущаютъ тя, яко привидѣние есмь? Ей, молю тя, блажене, извѣстно ти буди, человекѣ, яко жена грѣшна есмь и крещениемъ ограждена, а привидѣние нѣсмь, но земля и прахъ и попель, все же *от* плоти, николиже духовнѣ помысливши». И се рекши, знаменася знаменемъ крестнымъ чело, и очи, и уста, и перси, глаголюще сице: «Авва Зосима! Богъ да избавитъ ны отъ диавола, отъ лаанна его, яко многа ны брань».

Си же слышавъ и видѣвъ, старецъ паде предъ ногама ея, со слезами глагола: «Заклинаю тя Христомъ Богомъ нашимъ, родившимся отъ Дѣвы, егоже ради наготу сию носиши. Не утай мене жития своего, но все повѣжь ми, да величие Божие явѣ створиши всѣмъ. Рци ми все Бога ради! Не хвалы бо ради изречеши, но да извѣстиши ми, грѣшнику и недостойну. Вѣрую бо Богу моему, емуже живещи, яко сего ради наставленъ есмь въ пустыню сию, да твоя Богъ вся явѣ створитъ. И нѣсть како немощи нашей сваритися съ судьбами Божиими. Аще бо бы Христосъ нашъ не хотѣлъ, дабы ты *увѣда*-на была и подвижание твое, и тебе не бы явилъ, и мене бы на толикъ путь не бы укрѣпилъ, николиже хотѣвша, не могуща изыти отъ келия своеа».

Сиче много ино изрекшу Зосиму, и въздвиже жена речь ему: «Срамляюся, отче, студнаа моя дѣла изрещи. Но понеже тѣла моего наготу видѣ, обнажаю ти и дѣла моя, да разумѣеши, колика студа наполнихся, и срамоты полна есть душа моя. Не хваления ради, якоже рече, но и не хотя своего жития исповѣдаю ти. Сосуд избранъ диаволу бывшу ми. *Вѣдѣ* же, яко аще начну повѣдати житие свое, бѣжати имаши отъ мене, якоже кто отъ змиа, не трѣпять слышати ушима, якоже не достойная сѣтвори. Обаче глаголю не молчаши ничтоже, заклинаящи тя прѣвие непрестанно молитися за мя, яко да обрящу милость въ день Судный».* Старцу же нудящу ю и непрестанно плачущу, она же начать повѣстовати, глаголюще сице.

«Азъ, господи, рожена быхъ въ Египтѣ, и еще сущима родителема моима живома и бывшу ми 12 лѣтъ, отврѣгшу ми ся отъ любви ею и изыдохъ азъ во Александрию. И егда прѣвие дѣвѣство свое осквернихъ, тогда неудержанно и несытно творяхъ любодѣаніе. Стыжу же ся *помыслити сие бе-щистіе и глаголати*, но понеже въскорѣ реку ти, да разумѣеши неудержание плоти моеа. 17 лѣтъ и боле створихъ, всѣмъ невозбранно плоть свою даючи и мзды не емлющи. Тако ми правда истинна. И хотящимъ *ми* даяти мзды, возбраняхъ. Се же умыслихъ, да множество сѣтворихъ приходити ко мнѣ даромъ и скончати желание и хотѣніе мое. Не мни же мене, яко богата сущи, не взимахъ, въ нищетѣ бо живяхъ, аще и

Зосима еще более испугался и пал на землю, и покрылся испариной, и ничего не говорил, кроме как: «Господи, помилуй!» Лежа на земле, старец терзаем был сомнением: «А что если приведение это и молитвой искушает меня?» И обернулась к нему женщина, и подняла его с земли и сказала: «Почему, авва Зосима, сомнения одолевают тебя — не привидение ли я? Нет молю тебя, блаженный, пусть будет, человек, известно тебе, что я женщина грешная и крещением ограждена, а не привидение, и есть я земля, и пыль, и прах, все во мне плотское, никогда не мыслю о духовном». И сказав это, осенила крестным знаменем и лоб, и глаза, и уста, и грудь, говоря так: «Авва Зосима! Да избавит нас Бог от дьявола, от поношений его, ибо постоянно боремся мы с ним».

Слыша это и видя, упал старец к ногам ее, говоря со слезами: «Заклинаю тебя Христом Богом нашим, родившимся от Девы, во имя которого наготу эту переносишь. Не скрой от меня жития своего, но обо всем поведай мне, чтобы всем стало явным величие Бога. Расскажи мне обо всем, Бога ради. Не похвальбы ради расскажи, а чтобы поведать мне, грешному и недостойному. Верую я Богу моему, с именем которого живешь ты, что того ради и надоумил меня прийти в пустыню эту, чтобы было явлено все о тебе. И нет никакой возможности нашей немощи спорить с предначертаниями Божьими. Если бы Христос наш не пожелал, чтобы узнали о тебе и о подвиге твоём, то и тебя бы не показал и меня не подвигнул бы на такой путь, никогда не хотевшего и не могшего выйти из кельи своей».

И многое другое говорил Зосима, и ответила женщина ему: «Стыжусь я, отец, о постыдных делах моих рассказать. Но раз уже ты наготу тела моего видел, то обнажу перед тобой и дела мои, чтобы ты понял, какой стыд я испытываю и какого срама исполнена душа моя. Не похвальбы ради, как сказал ты, но и сама того не желая, расскажу я о своей жизни. Была я сосудом, избранным дьяволом. Знай же, если я начну рассказывать тебе о жизни своей, то захочешь ты бежать от меня, как бегут от гадюки, ибо невозможно слышать ушам, какое непотребство я творила. Однако говорю, ни о чем не умалчивая, заклиная тебя прежде всего непрестанно молиться за меня, чтобы обрела я милость в день Судный». Когда же старец стал настойчиво со слезами упрашивать ее, начала она рассказ, так говоря.

«Я, господин, рождена была в Египте, и когда были еще живы мои родители и было мне 12 лет, то пренебрегла я их любовью и ушла от них в Александрию. И с тех пор как девичество свое осквернила, стала я безудержно и ненасытно предаваться любодеянию. Стыдно мне вспоминать об этом бесчестии и рассказывать, но так как сейчас поведаю тебе, узнаешь ты о невоздержанности плоти моей. 17 лет и более я так поступала, всем безотказно тело свое предлагая и платы за это не беря. Такова истинная правда. А хотевшим меня одарить — возбраняла. Так придумала я поступать, чтобы многие приходили ко мне задаром и удовлетворяли похоть и вожделение мое. Не подумай,

много изгребий прияхох, неудръжанно рачение всегда в тимении валяхуся, то *мнях* жизнь, еже всегда творях хотѣние телесное.

Тако ми живуши, видѣхъ во время жатвы народа много муж — ливиане и египтяне — идуща на море. Въспросих же единого срѣтших мя, рекох к нему: „Камо идути мужи си текущени?“ Он же рече: „Въ Иерусалимъ на Воздвижение святаго честнаго креста,* еже скоро будет“. Рекох же к нему: „Поимут ли мене, убо аще поиду с ними?“ Он же рече: „Аще имаши наемъ и брашно, то никтоже ти не възбранить“. Ркох же к нему: „Воистину, брате, ни наима, ни брашна не имам, но иду и влѣзу с ними в корабль, и питати мя имут не хотяща: тѣло бо мое — то дамъ им за наемъ“. Сего ради хотях, отче, ити *наипаче*, да приобрету множайшаа рачителя тѣлу моему. Рекох же ти, отче Зосиме, не нуди мене изрещи студа моего: вѣсть бо Господь Богъ, яко ужасаюся, *оскверняюще тебе и воздух словесы своими*».

Зосима же, слезами умакаа землю, отвѣща к ней: «Глаголи, Господа ради, мати моа, глаголи и не престани от полезныа повѣсти». Она же абие к первой повѣсти сия приложи. «Тотъ же убо уноша, бестудие моих словес слышавъ, восмѣявся, отиде. Аз же пряслицу поврѣгши, юже рѣтко ношах, текох на море, аможе и уноша тече. И видѣхъ при морѣ стояща яко 10 муж или боле телесы юны. Аз же возрадовахся, видящи я буа образом и бесѣдою, яко доволни суще похоти моей. Бѣша же друзии в корабль вошли. И по обычаю *моему* въскочих в ня, рекох имъ: „Поимите мя, аможе и вы идете. Не имам бо вамъ обрѣстися неугодна“; и ина же словеса изрекох, множайша сих, створих же всѣмъ восмѣятися. Они же, бестудие мое видѣвше, поимше мя, введоша меня в корабль свой, и оттуду начахом плыти.

Како же ти прочее повѣдаю, отче? Кый язык изречет или кый слух вонметъ бывша дѣла моа злаа на пути и в корабли: яже, тѣмъ не хотящим, нуждах творити им бестудный образ любодѣянна, изрицаемый же и неизрицаемый, емуже бых оканным тѣлом учитель. И нынѣ ими ми вѣру, отче, дивлюся, како стерпѣ море любодѣяние мое, како ли не раздвиже земля устъ своих и живы не сведе мене въ ад, душъ прельстившиа *толико* {...}. Но мню, яко покаания моего искаше Богъ, не хошет бо смерти грѣшником, но ожидает долготрѣпѣниемъ обращения моего.*

Сице убо с тацѣмъ тщаниемъ вздыхох во Иерусалимъ. И елико же дней *створих* прежде праздника, то же дѣло створих, паче и горѣ того. И не доволни быша бывшии съ мною в корабли и на пути, но ины многы оскверних, гражаны же и странники збирах на то.

что я была богатой и потому не брала платы: жила я в нищете, хотя немало льна пряла, и была неудержима в своем желании всегда пребывать в грязи и считала жизнью то, что постоянно ублажала вожделение телесное.

Так я и жила и увидела как-то в пору жатвы множество мужчин — ливийцев и египтян, — направляющихся к морю. Спросила я одного из встретившихся мне и сказала ему: „Куда так спешат эти люди идущие?“ Он же ответил: „В Иерусалим, на (праздник) Воздвижения святого честного креста, который скоро настанет“. Сказала я ему: „Возьмут ли меня с собою, если вдруг я поеду с ними?“ Он же отвечал: „Если есть у тебя деньги на проезд и еда, то никто тебе не воспрепятствует“. Я же сказала ему: „По правде говоря, брат мой, ни денег, ни еды не имею, однако пойду и взойду с ними на корабль, и будут кормить меня, сами того не желая, ибо тело свое отдам им в уплату“. Захотела я, отче, поехать более всего потому, что рассчитывала найти многих усладителей телу моему. Сказала же тебе, отче Зосима, не принуждай меня рассказывать о позоре моем: ведь знает Господь, что сама ужасаюсь, оскверняя тебя и воздух своими словами».

Зосима же, слезами орошая землю, отвечал ей: «Говори, Господа ради, мать моя, говори и не прерывай свой полезный рассказ». Она же к сказанному ранее добавила следующее. «Тот же юноша, услышав бесстыжие слова мои, засмеялся и отошел. Я же, бросив прялку, которую изредка носила с собой, поспешила к морю, куда шел и юноша. И увидела стоящих на берегу моря десять или более молодых мужчин. Я же обрадовалась, увидев, что они развязны с виду и речами и подойдут для удовлетворения моей похоти. Другие же уже на корабль взошли. И по своему обычаю я, подбежав к ним, сказала: „Возьмите меня с собой туда, куда вы идете. Не окажусь я вам бесполезной“, и еще многие слова им сказала, так что всех заставила рассмеяться. Они же, видя мое бесстыдство, взяли меня с собой, ввели на свой корабль, и оттуда начали мы плавание.

Как же я тебе, отче, остальное расскажу? Какой язык произнесет или какое ухо способно слышать о творимых мною грязных делах в пути и на корабле: даже когда и не хотели они, заставляла я их предаваться бесстыдным делам любострастным, о которых и нельзя говорить, в которых была я наставница окаянными своим телом. И теперь — поверь мне, отче, — удивляюсь, как стерпело море любодеяние мое, как не разверзла земля пасть свою и живой не свела меня в ад, меня, совратившую столько душ. Но думаю, что на покаяние мое надеялся Бог, не желает ведь он смерти грешникам, но долго и терпеливо ожидает моего обращения к себе.

Так вот с усердием добрались мы до Иерусалима. И сколько дней оставалось до праздника, столько дней я творила свои дела, и еще того хуже. И оказалось мне недостаточно бывших со мной на корабле и в пути, но и других многих горожан и приезжих привлекла к себе и осквернила.

Егда же приближися святыи праздникъ Воздвижение честнаго креста, азъ же убо *акы* преже обхожах, душа уных улавляющи. И видѣх зѣло рано вся въ церковь идуша. Идох же азъ, текущи с текущими. И приход же с ними и внидох въ церковный притворъ. И егда бысть часъ святаго воздвижения, рекох же в собѣ: „Аще мя и откриють, то понуждуся, негли вниду с народом”. Дошедши же и мнѣ до дверей церковных, в нейже животворящее древо лежить, с трудом и скорбию дойти нуждахуся, окааннаа. Егда же *воступих* на порогъ церковных дверей, вси бо безъ возбранения внидоша, мене же возбрани нѣкаа Божиа сила, не дадуши ми внити, и паки покусихся внити, и далече отринухся от дверей. Едина же въ притворѣ стояща, мнях, женскою немощью сие ми бысть. И паки инѣх примѣсихся, нуждахся, локотыи отрѣющи. И трудихся без ума, и паки, *егда* убогаа нога моа порозѣ ся косну, вся приа церковь, никомуже не възбраняющи, мене же не принимаше. Но яко множество воин учинено вход затворити, тако и мнѣ возбрани нѣкаа сила Божиа, и паки обрѣтохся во притворѣ.

Сие трижды и четирижды пострадавши и трудившися, уже и к тому не *могуци* отрятися, уже ни рѣема быти, отидох и стах въ углѣ паперта церковнаго. И егда нѣкогда чювьство бысть ми возбранению видѣние животворящаго креста, косну бо ся сонѣ очию сердца моего, показаа ми, яко тимѣние дѣль моих възбраняеть ми входа. И начах плакати и рыдати и в перси бити, и въздыхати из глубины сердца, износящи слезы. Плачущися на мѣсти, на немъже стояхъ, возрѣвши пред ся и видѣх икону пречистыа Богородица стоящу и рекох к ней: „Дѣво Владычице, родившиа плотию Бога Слова, *вѣдѣ* бо, яко нѣсть лѣпо, ни угодно мнѣ, скверници и блудници, на *честную* икону твою, Приснодѣвья, зрѣти, имѣющу ми душу и тѣло нечисто и скверно. Праведно бо есть мнѣ, блудници, ненавидими быти и мрззити ми чистою твоею *иконою* ... Но обаче, понеже слышах, яко сего ради Богъ чловѣкъ бысть, и его же ради „да призовет грѣшники в покаание”,* помози ми единой, не имѣю бо никакояже помощи, *повели*, да ослаблено будетъ ми вхождение церковное, не възбрани ми видѣти древо, на немъже распятыа плотью Богъ, „егоже ради кровь свою за мое избавление *дасть*”.* Повели ми, Владычице, да ми отврѣзутся двери святаго поклоняния крестнаго. И ты ми буди поручница доволна к роженому ис тебе, яко уже плоти сея моя не имам к тому осквернити никоеюже скверною *плотскою*. Но егда узрю древо креста Сына твоего, мира сего отрекуся, абие же тогда изыду, аможє наставиши мя, поручница ми еси”.

И се рекиши ми, яко едино извѣщение приемши ражѣждения вѣры, и милосердой Богородици надѣявшися, двигнухся с мѣста того, на немъже *стоях*, молитву дѣяхъ. И приход, паки со влазящими примѣсихся, и не бѣ уже отриющаго мене, никогоже възбраняющаго мене нѣсть въ церковь внити. Приятъ же мя трепеть и ужась, и, възклонся, стряхохся. Потомъ же дошедши

Когда же приблизился светлый праздник Воздвижения честного креста, я, как и прежде, шлялась, уловляя души юных. И увидела рано утром, что все идут в церковь. Пошла и я вместе с идущими. И пришла с ними и вошла в церковный притвор. И когда настал час святого воздвижения (креста), сказала я сама себе: „Если меня и оттолкнут, то постараюсь — а ну как войду с народом”. Когда же подошла я к дверям церкви, в которой покоится животворящее древо, то с усилием и в отчаянии попыталась я, окаянная, войти в нее. Но едва вступила я на порог дверей церковных, как все беспрепятственно входили внутрь, меня же останавливала некая Божия сила, не давая мне войти: и снова попыталась войти и была далеко отринута от дверей. Одна осталась я стоять в притворе, думая, что все это из-за моей женской слабости. И снова, смешавшись с другими, пробивалась я, работая локтями. Но бесплодно было мое старание: снова, когда несчастная моя нога коснулась порога, всех приняла церковь, никому вход не возбраняя, меня же не приняла. Словно множество воинов было приставлено вход собой заслонить, так и мне препятствовала некая сила Божия, и снова очутилась я в притворе.

Вот так трижды или четырежды мучилась я и старалась, и поэтому, не в силах ни пробиться, ни сносить толчки, отошла и стала в углу паперти церковной. И когда поняла я, что мешает мне увидеть животворящий крест, сновидение снизошло на очи сердца моего, показывая мне, что грязь поступков моих препятствует мне войти. И начала я плакать, и рыдать, и бить себя в грудь, и вздыхать из глубины сердца, проливая слезы. Плача на том месте, где стояла, взглянула я перед собой и увидела икону пречистой Богородицы, и обратилась к ней: „Дева Владычица, родившая во плоти Бога Слова, знаю я, что не подобает и непристойно мне, скверной и блуднице, взирать на честную икону твою, Приснодевы, ибо душа и тело мое нечистые и скверные. И по заслугам мне, блуднице, быть ненавидимой и мерзкой перед честной твоей иконой. Но, однако (так как слышала я, что Бог принял облик человеческий того ради, чтобы «призвать грешников к покаянию»), помоги мне одинокой, не имеющей никакой помощи: повели, чтобы было мне разрешено войти в церковь, не запрети мне увидеть древо, на котором был распят во плоти Бог, „отдавший кровь свою за мое избавление”. Сделай так, Владычица, чтобы открылись передо мной двери для поклонения святому кресту. И будь ты за меня надежной поручительницей перед рожденным из тебя в том, что уже никогда плоти моей не оскверню плотской скверной. Но когда увижу древо креста Сына твоего, отрекусь от мира этого и тотчас уйду, куда наставишь меня пойти, став поручительницей моей”.

И когда сказала я это, то, словно бы некую весть получив, ощутила, как разгорается во мне вера, и с надеждой на милосердную Богородицу шагнула с места того, на котором стояла, молясь. И направилась снова в церковь, смешавшись с входящими, и уже не было никого, кто оттолкнул бы меня, никого, кто бы помешал мне войти в церковь. Охватил меня трепет и ужас, и поклонилась я, вся

ми дверей, затвореных прежде, и бес труда внидох внутрь. Сподоблена же бых видѣниа честнаго и животворящаго креста, и видѣх тайны Божиа, и како готовъ есть приимати кающаася, падши же на земли и святое древо цѣловавши, изыдох, текущи, хотящи быти у поручници моей.

Придох же на мѣсто, *на немже обручение* исписано бысть рукописанне,* и колѣни поклонивши пред иконою пресвятыа Богородица дѣвы, сими словесы начах глаголати сице: „Ты убо Богородице Владычице, благословеннаа госпоже! Твое на мнѣ челоуѣколюбие, тебе не омръзити мое моление, недостойныа. Видѣх славу, юже въ правду, не презри мя, блудници. Слава Богу, приемлющему *тобою* покаание грѣшных. Что бо имам боле помыслити ли вѣщати, грѣшница суши? Время есть уже, Владычице, свершения общаниа, и поручение поручих. И нынѣ, амо же велиши, настави мя. Нынѣ паче ми буди учитель ко спасению, водящи на путь спасения”. Си словеса *глаголющи* ми, абие же слышах глас, глаголющъ ми издалеча: „Иерданъ аще преидеши, добръ покой обрящеши”. *Азъ же глас той слышах* и емши вѣру, яко мене ради бысть глас сий, плачущи, въскричах и к Богородице възопих: „Госпоже Богородице, не остави мене!”

И сице вопиущи, изыдох ис притвора церковнаго и быстро идох. Видѣвъ же мя единъ *идущу* и три мѣдници далъ ми, рекъ: „Возми, мати моа!” Аз же, возьмъ, купих 3 хлѣбы, въспросих же продающаго хлѣбы: „Челоуѣче, куды есть путь на Иерданъ?” Увѣдавши путь на ту страну, изыдохъ, текущи, и идох по пути, плачущи и путь свершающи, день кончах. Бѣ бо 2-й час дни, егда крестъ видих и, заходящу солнцу, доидох церкви святаго Иоанна Крестителя, бывшую близъ Иердана. И церкви поклонившися, снідох на Иерданъ, и лице и руци умывши от святаыа воды и пречастихся пречистых тайнъ и животворящих во церкви Предт(е)чевъ, и полъ хлѣба единого снѣдох, и от воды Иерданскыа пивши, и на земли той ноши поспях. Наутриа же обрѣтох корабль, приѣхавъ на ону страну Иердана, и паки молихся Богородице наставници: „Настави мя, Госпоже, яко самой ти угодно есть”. Поидох же в сию пустыню. И оттоле и до днешнего дне „удалихся бѣгаючи, в сей пустыни вѣдворяющися, чаахъ Бога, спасающаго мя от премоганиа душа и буря”,* обращающи ми ся к нему».

Рече же Зосима к ней: «Колико лѣтъ есть, отнелъже в пустыню сию вѣдворися?» Она же рече: «Мню, яко 40 и 7 лѣтъ есть, отнелъже изыдох от Святаго града». Рече же Зосима к ней: «Что обрѣте или что обрѣтаеши пищу себѣ, о госпоже моа?» Она же рече: «Полъ третиа хлѣба принесох от Иердана, иже помалѣ окамениша, *иссохше*, и мало ядохъ от нихъ, многа лѣта пребывах о нихъ». Рече же Зосима: «Како ли же без *болѣзни* пребысть толика лѣта, никакоже пакости приемлющи от незапнаго прѣложения?» Рече же она: «Мене нынѣ въспросилъ еси, авва Зосима, аще убо въспоману вся тѣ напасти, яже претрадах, и помышления, яко сѣтвориша ми ся пакости, боюся, егда паки

дрожа. Потом дошла я до дверей, прежде для меня закрытых, и без труда вошла внутрь. И сподобилась увидеть честной животворящий крест и познала тайну Божию и то, как готов Он принять кающегося, упала на землю и поцеловала святое древо, и вышла, ибо хотела быть подле поручительницы моей.

Пришла я на то место, на котором клятва моя как бы была запечатлена, и, колени преклонив перед иконой пресвятой Богородицы девы, обратилась к ней с такими словами: „Ты, Богородица Владычица, благословенная госпожа моя! Твое ко мне человеколюбие в том, что не показались тебе отвратительными мольбы мои, недостойной. Увидела я воистину твою славу, не презрела меня, блудницу. Слава Богу, через тебя принимающего покаяние грешных! О чем еще могу я, грешница, подумать, о чем сказать? Настало уже время, Владычица, свершить мне обещанное и поручение твое принять. И теперь повели мне и напущай меня. С этих пор будь мне наставницей к спасению, ведя на путь спасения”. Едва произнесла я эти слова, как услышала голос, доносящийся издали: „Если Иордан перейдешь, то обретешь полный покой”. Я же, тот глас услышав и поверив, что ко мне обращен был тот глас, заплакала, запричитала и возопила к Богородице: „Госпожа Богородица, не оставь меня!”

И так, рыдая, вышла из притвора церковного и быстро пошла. Увидел меня, идущую, некто и подал мне три медяка, сказав: „Возьми, мать моя!” Я же, взяв их, купила три хлебца и спросила продававшего хлеб: „Человек, скажи, где дорога на Иордан?” Узнав дорогу в ту сторону, вышла (из города) и быстро пошла по дороге, плача, и в пути провела весь день. Был уже второй час дня, когда увидела крест и уже на заходе солнца дошла до церкви святого Иоанна Крестителя близ Иордана. И поклонившись церкви, спустилась к Иордану и, оmyв лицо и руки святой водой, причастилась пречистых и животворящих тайн в церкви Предтечи, и съела половинку хлебца, и испила воды из Иордана, и ту ночь проспала на земле. Наутра же, найдя ладью, переехала на другой берег Иордана и снова помолилась Богородице-наставнице: „Научи меня, Госпожа, как тебе самой будет угодно”. И пошла в эту пустыню. И с тех пор и до сегодняшнего дня „удалилась, скитаясь в этой пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от волнений душевных и бурь, меня, обратившуюся к нему”.

Сказал же ей Зосима: «Сколько же лет прошло с тех пор, как ты в пустыню эту пришла?» Она же отвечала: «Думаю, что 47 лет минуло, как вышла я из Святого города». Спросил Зосима ее: «Что же нашла и что находишь в пищу себе, о госпожа моя?» Она же отвечала: «Два с половиной хлебца принесла я с той стороны Иордана, которые понемногу зачерствели и высохли, и понемногу вкушала от них, находясь здесь многие годы». Сказал же Зосима: «Как же не болея пробыла ты столько лет, никаких невзгод не испытал от внезапной перемены жизни своей?» Она же отвечала: «Меня теперь спрашиваешь ты, отче Зосима, но если я вспомню о всех тех напастях, которые перенесла, и мыслях,

тѣми же осквернена буду». Рече Зосима: «Госпоже моа! Ничтоже не остави, молю ти ся, егоже не исповѣси ми, и единою начала еси, тѣмъ все изглаголи».

Она же рече ему: «Вѣру ими ми, авва Зосиме, 16 лѣт створих в пустыни сей, аки съ звѣрми лютыми, с своими помышленьми боряся. Егда начах пищу сию примати, абие хотяше ми ся мясом и рыбам, яже бѣ иже въ Египтѣ. Хотяше ми ся вину, любимому мною, много бо вина пнях, егда бѣх в миру. Здѣ же ни воды имѣюще вкусити, и лютѣ распаляхся, бѣды не тръпях. Бывше ми желание любодѣянных пѣсней лютѣ, яко възмущающися на пѣсни бѣсовьскыа, яже навыхох в мирѣ. Абие же прослезаяущися и вѣроу в перси своа биющи, възпоминающе завѣты, яже створих, в пустыню сию влазящи, и мысль, юже имѣх ко иконѣ свята Богородица, поручници моея. И у ней плакахся и молихся отгнати ми помышления, тающи оканную ми душу. Егда же ся доволно бых наплакался и в перси умилено билася, тогда свѣтъ видях, всюду облистающе мя, и тишина велиа в бурениа мѣсто бываше ми. И помышления, рѣющаа мя на *любодѣяние* (...) како ти, авва, исповѣм? Огнь въ окаяннем ми разжигашеся сердци и *всю распалаше на желание* прилѣпа поостряше. Абие же, егда таковии въ помышление прихожаше ми, помѣтахся на земли и слезы проливах, мнящи, яко сама поручница ми стоит и истязает мя, яко преступльщи завѣты, и муку за преступление дающи. Не бых вѣстала от земнаго поверженна, аще бысть ключило день и ношь, дондеже сладкый онѣ свѣтъ осиаль бы и пакости отгналь. То *уже* (...) съвѣсть мою к поручници непрестанно возводях, просящи у нея помощи, приемлющи ми бѣду. Бысть же ми помощница и покаанию послѣшница. И тако кончях 16 лѣтъ, бѣды тмами приемлющи. Оттолѣ до днешняго дне помощница та всегда помогаетъ ми».

Рече же Зосима к ней: «Да не потребовала ли еси уже пища и одежда?» Она же отвѣща: «Хлѣбы убо оны скончавши въ 16 лѣт, якоже рѣх ти, и питана бых зелиемъ и *былиемъ* и прочим, сущим в пустыни сей. Ризы же, в нихже бѣ прешла Иердань, раздравшеся и распадашася. Многу же бѣду от зимы и от зноя пострадах, солнцемъ *горящи* и мразомъ омерзающе и трясуущися. Тѣмъже множицею, падши на земли, лежахъ бездушна и недвижима, множицею съ различными напастыми и бѣдами и мыслыми боряхся. И оттолѣ и до днешняго дне сила Божиа многообразнаа грѣшную мою душу и тѣло мое съблюде. Помышляюще бо токмо, от толика зла избави мя Господь, пищу неизѣдаемую имам, упование спасения моего, питаюся и покрываюся глаголомъ Божиимъ, съдрѣжащимъ всячьскаа, „не о хлѣбѣ бо едином живѣ будетъ чловѣкъ”,* „зане не имяху покрова, то каменiemъ ся *облекоша*”,* елико их съвлечеса грѣховныа ризы».

Слышавъ же Зосима, яко словеса книжнаа помяну от Моисея и от Иева и от псалмовъ,* рече к ней: «Неси ли ся учила, госпоже моа, книгам

которые ввергали меня в соблазны, то боюсь, что снова ими же осквернена буду». Сказал Зосима: «Госпожа моя! Ничего не утай, молю тебя, ничего не скрой от меня, и раз уж начала, то обо всем и поведай».

Она же сказала ему: «Поверь мне, авва Зосима, 16 лет пробыла я в этой пустыне, словно со зверями лютыми борясь со своими помыслами. Когда стала эту пищу употреблять, то хотелось мне мяса и рыбы, как бывало в Египте. Хотелось мне вина, любимого мною, много ведь пила вина, когда жила в миру. Здесь же и воды не могла напиться и приходила в ярость, не в силах терпеть лишения. Одолевали меня страстные желания петь разгульные песни — влекло меня к песням бесовским, к которым привыкла в миру. Но затем, прослезившись, в порыве благочестия била себя в грудь и вспоминала обеты, которые дала, входя в эту пустыню, и мысли, с которыми обращалась к иконе святой Богородицы, поручительницы моей. И жаловалась ей и молила ее отогнать от меня помыслы, иссушившие окаянную мою душу. Когда же я долго плакала и в рвении била себя в грудь, тогда вдруг виделся мне повсюду свет, меня озаряющий, и бурю сменяла тишина великая. И как тебе, авва, расскажу о помышлениях моих, побуждавших меня к любодееанию? Огонь разгорался в моем окаянном сердце и всю меня распял и порождает во мне плотские желания. Но едва такие мысли приходили ко мне, тут же бросалась я на землю и заливалась слезами, думая, что сама поручительница моя стоит рядом и истязает меня за то, что преступила я обеты, и за проступок этот обрекает на страдания. И не вставала бы я с земли, если бы пришлось, и день и ночь, пока не озарял меня блаженный свет и отгонял все мерзости. И постоянно душу свою перед поручительницей моей очищала, прося у нее помощи в постигшей меня беде. Была же она моей помощницей и побуждала меня к покаянию. И так провела я 16 лет, претерпевая бесчисленные беды. С тех пор и доныне помощница та всегда помогает мне».

Сказал же ей Зосима: «А не нуждалась ли ты в пище и одежде?» Она же отвечала: «Когда хлебцы те кончились за 16 лет, как уже говорила я тебе, питалась я растениями и травами, и прочим, что находила в пустыне этой. Одевания мои, в которых я перешла Иордан, изодрались и истлели. Многие тяготы претерпела я от холода и от зноя, солнцем опаляема и в морозы замерзая и дрожа. Поэтому не раз, упав на землю, лежала я, бесчувственная и неподвижная, многократно борясь с различными напастями, бедами и помыслами. И с тех пор и до нынешнего дня сила Божья разными путями хранила грешную душу мою и мое тело. И только думаю я: от какого зла избавил меня Господь, ибо имею я пищу неистощимую, надежду на спасение мое, питаюсь и одеваюсь словом Божиим, все в себе содержащим, ибо „не хлебом же единым жив будет человек“, и „если не имею покрова, то камнем оденусь“, ибо совлекла с себя греховные одежды».

Услышав, что употребляет она слова книжные — от Моисея, от Иова и от псалмов, — спросил ее Зосима: «Не училась ли ты, госпожа моя, грамоте

и псалмомъ?» Она же, слышавши, осклабися и рече к нему: «Ими ми вѣру, отче, не видѣх иного челоувѣка отнелѣже Иерданъ преидох, токмо твое лице днешь, ни звѣрина, ни иного животнаго. Книгам же николиже учихся, ни поющаго николи же слышах, ни чтущаго. Но слово Божие живущее, то учить разуму челоувѣка. До здѣ конецъ моя повѣсти. И нынѣ заклинаю тя въплощениемъ словеси Божия, моли за мя, блудницу, Господа ради».

Сиче же рекши той и словеса dokonчавши, хотѣ паки *поклонитися* старцу, старецъ же съ слезами възъпивъ: «Благословенъ Богъ, творяи велиа страшна и дивна, славна же и неизреченна, имѣже нѣсть числа! Благословенъ Богъ, показавый ми, елико даруетъ боящимся его! Воистину убо не оставилъ есть боящихся тебе, Господи!» И хотѣ паки поклонитися ей. Она же, емши старца, не дасть ему поклонитися и рече к нему: «Вся, еже слышалъ еси, отче, заклинаю тя Иисус Христомъ, Богомъ нашим, никомуже изглаголати, дондеже Богъ возмет мя от земля. Нынѣ же иди с миром, и паки же въ преидушее лѣто узриши мя. Сътвори же Господа ради, еже ти заповѣдаю: в пост придушанаго лѣта не преходи Иердана, якоже обычай имате в монастыри». Дивляше же ся Зосима, слышавъ, яко и чинъ монастырьскій возвѣсти ему, ничтоже ино не глаголаше, нѣ точию: «Слава Богу, дающему велиа любящим его». Она же рече: «Пребуди убо, яко рекох ти, авва Зосиме, в монастыри. И хотящу ти изыти, не лѣт ти будет. Во святыи же Великийи четверток, тайныя вечера, вложи в сосуд святыи от животворящаго тѣла и крови Христа Бога нашего и принеси ми. И пожди мене на том полу Иердана, сущимъ близъ вселенныа, да, пришедши, причасуся святыхъ таинъ. Отнелѣ же бо причастихся ихъ въ церкви Предтечевѣ и Ерданъ преидох, то не прияхъ и доселѣ священнаго того и нынѣ желаю причаститися имъ. Тѣмъже молю ти ся, не ослушайся моего гласа, но принеси Божия животворяща тайны, в он же часъ *Господь* ученикы Божия вечера причастники створи. Игумену же Иоанну манастыря, в немъже живеша, рци: „Внимай себѣ и стаду своему”,* едина бо суть та и творимаа дѣла *требующа* исправления. Но не хошу, да речеши ему се нынѣ, но егда Господь повелитъ ти». Си глаголавши, старцу рекши: «Моли за мя», паки в нутрьнюю пустыню иде. Зосима же, поклонився и цѣловавъ мѣсто, на немъже нози ея стояста, давъ хвалу и славу Богу, возвратися, хваля и славя Христа, Бога нашего. Прешед же пустыню, прииде в монастырь, в немъже и друзии мниси возвращахуся.

В то же лѣто умолча, не смѣа никомуже изрещи, аже видѣ, в себѣ Бога моляше показати ему желаемое видѣние. Скорбяше же, *помышляя* долготу лѣта, хотя, дабы единѣмъ днемъ минуло все лѣто. Егда же приближися время святаго поста 1-я недѣля, по обычю *монастырьскому* (...) прочии изыдоша мниси, поюще, сего же недугъ ятъ огненный, и оста в

и псалмам?» Она же, услышав это, улыбнулась и отвечала ему: «Поверь мне, отче, не видела я ни одного человека, с тех пор как перешла Иордан, только твое лицо вижу сегодня, не видела ни зверя, ни какого-либо живого существа. Грамоте же никогда я не училась, и не слышала никогда ни поющего, ни читающего. Но слово Божье живое наставляет человека уму-разуму. На этом я и окончу свой рассказ. И теперь заклинаю тебя воплощением слова Божьего: молись за меня, блудницу, Господа ради».

Когда сказала она так и речь свою закончила, хотела снова поклониться старцу, но старец со слезами возопил: «Благословен Бог, творящий великое, и страшное, и дивное, славное и несказуемое, чему нет числа! Благословен Бог, показавший мне, сколько дарует он боящимся его! Поистине, Господи, не оставяешь ты, боящихся тебя!» И хотел снова ей поклониться. Она же, ухватив старца, не дала ему поклониться и сказала: «Все, о чем слышал ты, отче, заклинаю тебя Иисусом Христом, Богом нашим, никому не рассказывать до тех пор, пока Бог не возьмет меня от земли. Ныне же иди с миром и на следующий год снова увидишь меня. Сделай же, Господа ради, то, о чем тебя попрошу: в пост будущего года не переходи через Иордан, как это в обычае вашего монастыря». Удивился Зосима, что сказала она ему об уставлении монастырском, но ничего другого не произнес, только: «Слава Богу, многое дающему любящим его». Она же продолжала: «Оставайся же, как сказала я тебе, отец Зосима, в монастыре. И когда захочешь ты из него выйти, то не сможешь этого сделать. В святой же Великий четверг, в день тайной вечери, вложи в святой сосуд от животворящего тела и крови Христа, Бога нашего, и принеси мне. И подожди меня на том берегу Иордана, который ближе к селениям, чтобы могла я прийти и причаститься святых таинств. С тех пор как причастилась в церкви Предтечи и перешла Иордан, доселе я не приобщалась и теперь хочу причаститься. Поэтому прошу тебя, не ослушайся слов моих, а принеси от Божьей животворящей тайны в тот час, когда Господь учеников Божьих на вечере причастниками сотворил. Иоанну же, игумену монастыря, в котором ты подвизаешься, скажи: „Следи за собой и стадом своим“: в совершаемых вами делах есть и такие, что требуют исправления. Но не хочу, чтобы ты сказал ему об этом сейчас, но лишь когда повелит Господь». Сказав это, старцу промолвив: «Молись за меня», она снова удалилась в глубь пустыни. Зосима поклонился и поцеловал то место, на котором стояли ноги ее, воздал хвалу и славу Богу и возвратился, хваля и прославляя Христа, Бога нашего. Пройдя через пустыню, пришел он в монастырь в тот же день, когда возвращались и другие монахи.

В этом году он обо всем умолчал, не смея никому рассказать о том, что видел, и в душе молил Бога еще раз показать ему желанное. Печалился он и тяготился продолжительностью года, желая, чтобы минул он как один день. Когда же настало время первой недели Великого поста и по обычаю монастырскому все прочие монахи вышли (из монастыря) с песнопениями, слег Зосима

манастыри, Помяну же Зосимъ реченое ему преподобною, яко «хотяшу ти изыти и не лѣтъ ти будет». И не по многѣхъ днехъ *исцѣлѣ* от недуга. И пребысть в манастыри.

Егда же возвратишася мниси, приближи же ся вечеръ тайныя вечера, створи же повелѣное ему и вложи в малу чашицу от святаго тѣла и крови Христа Бога нашего. Въложи же на блюдо мало смоквий и сущии от финикъ и мало ляща мочены. И иде вечеръ зѣло и седѣ на брезѣ Иердана, ждыи преподобныа. Медлящи святѣй, Зосима же въздрѣмаса, но прилѣжно зря в пустыню, хотя видѣти желание свое. И глаголаше в себѣ старецъ: «Егда убо недостояние мое възбрани ей приити, еда ли, пришедши ей убо и не обрѣтши мене, возвратися». Сиче же глаголя, въздохнувъ, прослезися и очи свои возвед на небо, моляше Бога, глаголя: «Не лиши мене, Владыко, паки видѣти еа, да не отиду тошъ, своа грѣхи нося на обличение мое». Сиче же съ слезами молився, во иную мысль впаде, рекъ: «Что убо будетъ, аще приидеть, а корабля нѣсть, да како Иерданъ преидет и ко мнѣ, недостойному, приити? Увы мнѣ, кто мя в правду лишилъ такового добра?»

Сиче же помышляющу старцу, и се преподобнаа жена приде, об онъ полъ Иердана ста, отнюду же идяше. Зосима же, вѣставъ, радуяся и веселяся, славя Бога, и еще же бѣ в немъ мысль, яко не можетъ Иерданъ преити. И, възрѣвъ же, видѣ ю (пресвѣтла бо бѣ ношь луною), знаменемъ крестнымъ Иерданъ знаменоваши, и верху воды легко ходящу и к нему идущу. Оному же хотящу поклонитися ей, и възбрани ему, *вопиюще*, еще на водѣ *ходящи*: «Что твориши, авва, иерѣй сы, нося тайны Божиа». Слѣзши же ей с воды, рече старцу: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвѣща ей с трепетомъ, и ужась бо его приать о предивнемъ его видѣнии. И рече: «Воистину не ложь есть Богъ рекыи: „Подобитесь Богу,* якоже възможно есть очищающися”». И рече: «Слава тебѣ, Христе Боже, показавыи ми *рабою своєю*, колико убо есмь далече от свершения». И се рекшу ему, повелѣ ему жена глаголати: «Вѣрую въ единого Бога» и «Отче нашъ». И кончани бывши молитвѣ, цѣлова ю старецъ въ уста. Причастивъ же ся святыхъ тайнъ, на небо руцѣ въздѣвши, въздохнувъ, прослезися и рече: «Нынѣ отпускаеши рабу свою, Владыко, по глаголу твоему с миромъ, яко видѣсте очи мои спасение твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ *всѣхъ людей*».*

И паки рече къ старцу: «Еще, авва Зосиме, и другое мое желание скончай. И иди нынѣ в манастыръ свой, миромъ Божиимъ хранимъ, и въ приидущее лѣто прииди в потокъ, идеже пръвѣе бесѣдовахове, прииди убо, Господа ради, прииди, и паки же узрѣши *мя*, якоже хошетъ Господь». Он же отвѣща к ней: «Аще бы ми възможно въслѣд тебе ходити и зрѣти присно честнаго ти лица». Паки же рече к ней: «Послушай же единого моления

в горячке и остался в монастыре. Вспомнил он, что сказала ему преподобная: «Захочешь ты выйти и невозможно тебе будет». И через несколько дней выздоровел от недуга. И пребывал в монастыре.

Когда же возвратились монахи, и настал день тайной вечери, сделал Зосима, что было повелено ему — положил в небольшую чашку святого тела и крови Христа, Бога нашего. Положил на блюдо немного инжира и фиников и немного чечевицы моченой. И поздним вечером пошел и уселся на берегу Иордана, ожидая преподобную. Но святой все не было; Зосима же подремывал, однако пристально вглядывался в сторону пустыни, мечтая увидеть желаемое. И сказал сам себе старец: «А что если прегрешения мои препятствуют ей прийти, или же пришла она и, меня не найдя, возвратилась?» Говорил он так, вздыхая, и прослезился, и, глаза свои возведя на небо, молил Бога со словами: «Не лиши меня, Владыка, (возможности) снова увидеть ее, чтобы не ушел я отсюда ни с чем, укоряя себя за свои прегрешения». Пока он так молился со слезами, другая мысль пришла ему на ум, и сказал он себе: «Что же будет, если придет она, а ладьи не окажется, чтобы переплыть Иордан и прийти ко мне, недостойному? Увы мне, кто же меня и вправду лишил такого блага?»

Так размышлял старец, но вот преподобная жена пришла и остановилась на том берегу Иордана, откуда пришла. Зосима же встал, радуясь, и веселясь, и славя Бога, но его не оставляла мысль, что не сможет она Иордан перейти. И, взглянув, увидел (была очень светлая лунная ночь), что она, осенив Иордан крестным знамением, легко пошла по верху воды и приблизилась к нему. Когда же Зосима собрался поклониться ей, запретила ему, еще когда шла по воде, воскликнув: «Что творишь, авва, ведь ты иерей, носящий святые дары!» Сойдя с воды, сказала она старцу: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвечал ей с трепетом, и ужас охватил его от увиденного им чуда. И сказал он: «Поистине правду возвестил Бог, говоря: „Уподобитесь Богу, очищаясь (от греха) как только возможно“». И добавил: «Слава тебе, Христе Боже, показавшему мне на примере своей рабы, насколько я далек от совершенства». И когда сказал он так, велела женщина ему читать «Верую в единого Бога...» и «Отче наш». И после молитвы, поцеловал ее старец в уста. Причастившись святых тайн и к небу руки воздев, вздохнула она и сказала: «Ныне отпускаешь рабу свою, Владыка, по словам своим с миром, ибо видели глаза мои спасение твое, которое ты уготовал пред лицом всех людей».

И снова обратилась к старцу: «Еще, авва Зосима, и другое мое желание исполни. Иди сейчас в монастырь свой с миром, Богом хранимый, а на следующий год приходи на тот поток, где прежде с тобой беседовали, приходи же, Господа ради, приходи и снова увидишь меня, как хочет того Господь». Он же отвечал ей: «Если было бы возможно мне вслед за тобой ходить и постоянно видеть честное твое лицо!» И снова обратился к ней: «Исполни одну просьбу старца и вкуси немного пищи, которую я принес тебе». И, сказав это, показал

старца и мало от пища, юже принесохъ ти, вкуси». И егда се изрекъ, показа ей блюдо, еже ношаше. Она же концемъ прьста прикоснуса, три зерна вземши. И рекши: «Доволѣеть се благодати духовнѣй, хранящи естество душа нескверно». И паки рече къ старцу: «Моли, Господа ради, моли, и мое окаание поминай всегда». И онъ поклонися пред ногама еа. И повелѣ ей молитву творити о церкви, и о цари и себе ради. Молився съ слезами, възпять возвратися. Старець же, стения и рыдаа, не смѣяше бо удержати неудръжаема. Она же, паки знаменавши Иерданъ, преиде връху воды, якоже рече. Старець же возвратися с радостию и страхомъ одръжим, зазираа себе, скорбя же и о семъ, яко имени преподобныа не увѣдал, обаче надѣяшеса получитьи въ преидушее лѣто.

Лѣту же минувшю, прииде Зосима паки в пустыню по обычаю, течаше на предивное видѣние. Ходивъ же по пустыни и дошед знамениа единого ищемаго мѣста, и глядаше на десно и на шюе, яко ловець хитрый узрѣл, гдѣ бѣ сладкый ловъ. Егда же ниоткуда ничтоже не увидѣ, нача възпити и плакаться, и очи возвед на небо, моляшеса съ слезами, глаголя: «Покажи ми, Владыко, скровище некрадомое, еже в пустыни сей скрылъ еси, Господи. Покажи ми, молюся, плотнаго ангела, емуже не бѣ достоинъ весь миръ». И сиче плача, моляся, доиде мѣста поточнаго и, ставъ на брезѣ, видѣвъ на вѣсточнѣй странѣ преподобную мертву, и руцѣ, яко подобаше, связанѣ, на вѣстокъ лицомъ зрящу. Он же, текъ, слезами божествѣней нозѣ еа умы, не смѣаше телеси ея прикоснутися.

Плакав же ся долго и псалмы испѣвъ, подобныа времени тому, и створи молитву погребалную. И рече к собѣ: «Подобает ли убо тѣло сея преподобныа погresti, егда убо се не угодно ей будеть?». И сиче глаголя, видѣвъ возглавие ея написано на земли сиче: «Погреби, авва Зосиме, тѣло убогна Мариа на сем мѣстѣ, вдай же прьсть персти, за мя же Господа ради молися. — Умерши же ей мѣсяца марта по-египетьскы, римски же апрель въ 1,* в самую ту ношь спасеныа муки, причащениа Божиа тайны вечера». Сия убо писаниа прочеть старецъ, первие убо помышляше, кто есть писавыи се. Она бо рече, яко не вѣдяше книгъ. Обаче радъ бысть, яко имя преподобныа увѣдавъ. Разумъ бо, яко егда на Иерданѣ пречистыхъ тайнъ причастися, единомъ часомъ претече толикъ путь, абие къ Господу отиде.

Славяше Бога старецъ и омочаа слезами землю же и тѣло и рече: «Убогый Зосиме! Время есть уже повелѣное скончати, но како створиши копанье, в руцѣ не имѣа ничтоже». И се рекъ и видѣ древецце мало, близъ повержено. И вземъ е, нача копати им. Суха же бывши земля, не слушаше старца, трудяшася и копаше потяся, не могый что створити. Въздохнувъ велми от сердца и възрѣвъ, видѣ лва велика, предстояща близъ телеси преподобныа Мариа и нозѣ ея лижуша. И трепетенъ бысть Зосима, бояся

ей принесенное блюдо. Она же концом пальца прикоснулась и взяла три зерна (чечевицы). И сказала: «Достаточно этого для благодати духовной, которая хранит чистое естество души». И снова сказала старцу: «Молись за меня, Господа ради, молись и всегда вспоминай о греховности моей». Он же поклонился ей до земли. И попросил ее помолиться о церкви, и о царе, и о себе самом. Помолившись со слезами, она возвратилась назад. Старец же стонал и рыдал, но не смел удерживать неудержимую. Она же, снова осенив знамением Иордан, перешла его по верху воды, как уже говорилось. Старец же возвратился с радостью и страхом одержим, коря себя и печалась о том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать его на следующий год.

Когда же минул год, пришел Зосима снова в пустыню, как было в обычае, и поспешил увидеть предивное. Бродя по пустыне, увидел он приметы того самого разыскиваемого им места, и стал озираться направо и налево, словно искусный охотник, ищущий, где бы уловить желаемую добычу. Когда же нигде ничего не увидел, то начал причитать и плакать, и глаза возвел к небу, молясь со слезами и говоря: «Покажи мне, Владыка, сокровище некрадомое, которое скрыл ты, Господи, в пустыне этой. Покажи, молю тебя, ангела во плоти, которого не достоин весь мир». И так плача и молясь, дошел до того потока и стал на берегу. И увидел на восточной его стороне преподобную, лежащую мертвой, и руки ее связаны были, как подобает, и к востоку обращено было лицо. Он же, подбежав, слезами умыл божественные ее ноги, не смея и прикоснуться к ее телу.

Долго плакал он и пел псалмы, подобающие этому случаю, и сотворил молитву погребальную. И сказал сам себе: «Подобает ли тело преподобной предать погребению, вдруг как это неужгодно ей будет?» И пока он так размышлял, обнаружил, что в изголовье ее было начертано на земле: «Погреби, авва Зосима, тело убогой Марии на этом месте, верни прах праху, а за меня Господа ради молись. — Умерла же она месяца марта по-египетски, а по-римски — первого апреля, в самую ночь муки Спасителя после причащения от Божьей тайной вечери». Прочитав эту запись, старец прежде всего задумался: кто же написал это? Она же говорила, что не знала грамоты. Однако обрадовался он, что узнал имя преподобной. Понял он также, что когда на Иордане причастилась она пречистых тайн, то за один час преодолела весь путь и отошла к Господу.

Прославил Бога старец и, орошая слезами землю и тело, говорил: «Несчастный Зосима! Уже настало время свершить, что повелено, но как тебе копать, не имея ничего в руках?» Сказав это, заметил он небольшой обломок дерева, валявшийся неподалеку. И, взяв его, начал копать. Но сухая земля не поддавалась трудившемуся старцу, он вспотел, копая, но ничего не мог сделать. Глубоко вздохнул он и, оглянувшись, увидел огромного льва, стоящего над телом преподобной Марии и лижущего ее ноги. Затрепетал Зосима, испугавшись зверя. Затем, однако, успокоился, вспомнив, как говорила ему преподобная, что никогда не видела ни единого зверя. Осенив себя крестным знамением, Зосима обрел

звѣри. Паче же укрѣпися, помянувъ рекшу преподобную, яко николиже звѣри видила есмь. Знамениемъ крестнымъ знаменася Зосима, вѣру ятъ, яко невредимъ будетъ отъ него силою лежащая. Левъ же начатъ радоватися старцу, точию образомъ не целуя старца. Зосима же рече ко лву: «О звѣрю! Понеже великаа сия повелѣ ми погresti тѣло свое, азъ бо старъ есмь, не могу копати, не имамъ бо мотыкы, и зѣло далече есть и не могу обратитися по ню, но створи ты копаніе нокты своими, и дадѣвъ земли тѣло преподобна». Абие же левъ, слово слышавъ, преднима ногама ископа ровъ, елико доволно тѣло преподобна покрыти.

Погребе же ю старецъ, слезами омочивъ тѣло ея и много молився ей за вся молитися, и покры тѣло ея землею, наго суще, ничтоже иного имуща, но точию ону ризу раздраную, юже повръже Зосима. И тогда отидоста оба: левъ же убо в пустыню, яко овча, идяше, Зосима же в монастырь възвратися, благословя и хваля Христа, Бога нашего. И, пришедъ в монастырь, всѣмъ мнихомъ исповѣда, яже видѣ и яже слыша отъ нея, и ничтоже отъ нихъ не утаи. Дивиша же ся мниси, слышаще величиа Божиа и съ страхомъ и любовію творяще память преподобна Мариа. Иоанъ же игумень обрете в монастыри *едина* дѣла, требующи исправления, яже бѣ рекла преподобнаа. Умре же Зосима в томъ монастыри мало не ста лѣтъ.

Осташа же мниси на томъ мѣстѣ, безъ сего же писанія, сна словеса глаголюща ползы ради слышашимъ. Азъ же безъ писанія пріяхъ и написавъ предахъ, и недовѣдый, аще инѣи написали суть житіе преподобна и выше мене вѣдуше, яже о таковыхъ, на умъ мой приидоша, обаче якоже възмогахъ, тако и написавъ. Богъ, творяи велиа чюдеса и дая великиа дары прибѣгающимъ къ нему, да дасть мзду чтущимъ а и послушающимъ, и повелѣвшему написати повѣсть сию, да сподобитъ я части достойна сея блаженна Мариа, о нейже повѣсть си есть, съ всѣми угодившими ему отъ вѣка видѣниемъ и дѣлы. Дадимъ же убо и мы славу Богу, царю вѣчному, да и насъ сподобитъ милость обрѣсти в день Судный. О Христѣ и Спасѣ, о Господѣ нашемъ, емуже подобаетъ всяка слава, честь и поклонянье.

надежду, что благодаря силам, исходящим от лежащей, останется он невредим. Лев же изъявлял приязнь к старцу, только что не целуя его. Зосима тогда сказал леву: «О зверь! Так как великая эта жена велела мне похоронить тело свое, а я стар и не могу копать, ибо нет у меня мотыги и очень далеко мне за ней идти, но покопай ты когтями своими, и предадим земле тело преподобной». Лев же, услышав эти слова, передними лапами выкопал ровик, достаточный, чтобы можно было прикрыть землей тело преподобной.

Похоронил ее старец, слезами омочив тело ее, и много просил ее, чтобы она за всех молилась, и засыпал землю тело ее нагое, ничем другим не прикрытое, кроме той ризы разодранной, которую когда-то бросил ей Зосима. И тогда разошлись оба: лев в пустыню побрел словно овца, Зосима же возвратился в монастырь, славя и хваля Христа, Бога нашего. И, придя в монастырь, рассказал всей братии, что видел и что услышал от нее, ничего от них не утаив. Удивлялись монахи, слыша о величии Божьем, и со страхом и любовью поминали преподобную Марию. Иоанн же игумен обнаружил в монастыре то, что требовало исправления, как сказала преподобная. Умер же Зосима в том монастыре едва ли не ста лет.

Оставшиеся же там монахи без записанного предания рассказывали обо всем на пользу слушающим. Я же, устный рассказ этот услышав, передал его письму и не ведаю, чтобы кто-то другой написал житие преподобной лучше, чем я, — о таковых мне не приходит на ум — однако я как смог, так и написал. Бог, творящий великие чудеса и даруя великие дары приходящим к нему, пусть ниспослет благоденствие читающим его и слушающим и повелевшему записать повесть эту, чтобы сподобиться хотя бы части достоинств этой блаженной Марии, о которой рассказ этот, со всеми угождавшими Богу во все времена видом своим и делами. Воздадим же и мы славу Богу, царю вечному, чтобы и нас сподобил милость обрести в день судный. Христу и Спасу нашему, Господу нашему подобает вся слава, честь и поклонение.

ЧУДЕСА НИКОЛЫ МИРЛИКИЙСКОГО

МЪСЯЦА ДЕКАМБРЯ ВЪ 6 ДЪНЬ. ЧЮДЕСА СВЯТАГО АРХИИЕРЪЯ ХРИСТОВЫ НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Бысть въ врѣмена Костянтина Великааго* цѣсаря мятежь въ Фригии* от даифаль.* И възвѣщено бысть Костянтину цѣсарю о нихъ. И посла 3 воеводы съ своими вои: Непотияна, и Урса, и Еронлиона, тако нарицаеме. Си отвезъшесе от славнааго града Костянтина,* присташа въ Ликийстѣй* епархи,* въ мѣстѣ, нарицаемѣмъ Андриакии;* сущю пристанищю Мирьсцѣй,* митрополии, от трии поприщъ.*

И изидоша поглумитъся, не сущю имъ подобѣну плаванію. Изидоша же от воинъ етери, хотяще трѣбования брашьну обрѣсти. Обидяху же воины; и тяжа бысть въ нарицаемѣмъ Плакомата, яко и мѣлвѣ быти бесчисльнѣй.

Слышавъ же си святой Божий Никола, епископъ и пастырь църкви Божии, сущая ту люди убо умоль укроти, да ничѣтоже зѣла, ни обидѣ *створять*. Абие же приде въ Андриаки. И поклонишася ему вси. И увѣдѣвъше воеводы пришествіе святаго, и ти поклонишася ему. Въпрошении же бывъше от него, рѣша: «Мирьници есмъ и яко на брань грядемъ». И умоли я прити въ градъ и пріяти от него благословление. И повелѣша воеводы всѣмъ мирнымъ быти и неединого обидѣти.

Придоша же етери от града и поклонишася, рѣша святому: «Господи, аще бы въ градъ былъ, не быша такъ: три сѣмърти без вины были. Князь бо, мзду възъмъ, тремъ мужемъ повелѣ мечь умрети. И весь градъ немало плакася, имже не бѣ ту». И абие умоли святой воеводы и съ ними иде въ градъ.

И бывъшю ему въ нарицаемѣмъ Леонтѣ, въпраша сущихъ ту о примѣшиихъ осужение. И рѣша, яко ведоша я путьмъ, нарицаемѣмъ Диоскоръ. Въшьдѣ же въ църквѣ Крискентія и Диоскорида, паки въпроси, и увѣдѣвъ, яко враты хотятъ изити. И бывъшю ему въ вратѣхъ, въпроси о нихъ. И рѣша ему, яко идуть въ нарицаемый Виранъ, бѣ бо мѣсто то мучимымъ.* И пришьдѣ, обрѣтъ народъ многъ и държаша спекулатора мечъ и жидуша

ЧУДЕСА НИКОЛЫ МИРЛИКИЙСКОГО

МЕСЯЦА ДЕКАБРЯ В 6-Й ДЕНЬ. ЧУДЕСА СВЯТОГО АРХИЕРЕЯ ХРИСТОВА НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Был во времена цесаря Константина Великого мятеж даифал(ов) во Фригии. И возвещено было о них цесарю Константину. И послал он трех воевод с воинами своими: Непотиана, и Урса, и Еронлиона, — так их звали. И они, отплыв от славного града Константина, пристали в Ликийской епархии, в месте, называемом Андриакия, — гавани, находившейся в трех поприщах от столичного города Миры.

И сошли они (на берег) прогуляться, ибо плавание не было для них благоприятным. Некоторые же из воинов пошли, чтобы раздобыть необходимую провизию. И обидели воины (кого-то), и столкновение было в Плакомате, и шум был большой (из-за этого).

Услышав об этом, Божий святой Никола, епископ и пастырь церкви Божией, умолив, успокоил находившихся там людей, дабы не сотворили они никакого зла и обиды. Вскоре же пришел он в Андриакию, и поклонились ему все. И узнали воеводы о пришествии святого и тоже поклонились ему. А когда он спросил их, сказали: «Мы миролюбивые люди, хотя и на войну идем». И умолил он их прийти в город и принять от него благословение. И приказали воеводы всем мирными быть и ни единого не обидеть.

Между тем пришли некие (люди) из города и, поклонившись, сказали святому: «Господин, если бы ты был в городе, не случилось бы такого: три смертных приговора вынесены невинным. Ведь князь, взяв мзду, приказал убить мечом трех мужей. И весь город немало горевал, что тебя там не было». И тотчас святой умолил воевод и вместе с ними вошел в город.

И когда был в Леонте, спросил он находившихся там о принявших осуждение. И сказали они, что вели их дорогой, называемой Диоскор. Войдя же в церковь Крискентия и Диоскорида, снова спросил он и узнал, что будут выходить через городские ворота. И когда был у ворот, (вновь) спросил о них. И ответили ему, что идут в Виран, ибо это было место казни. И, придя, обнаружил он много народа и палача, держащего меч и ждущего пришествия

пришьствия святому. И пришьдъ на мѣсто, обрѣте три мужа; лица имъ убростьмъ завязана, и поклоньша колѣна, и простърша выя, и жидуша своя съмърти. Святый же Никола, примъ мечь от спекулатора, повърже ѳ на земли. Онѣхъ же, раздрѣшь от узъ, приведе въ градъ. И пришьдъ въ княжь дворъ, разби врата.

Абие же слышавъ от спекулатора, Еустафий князь, текъ, изиде поклониться ему. Тоже святый Никола отврати лице свое, глаголя: «Прѣступниче Божий и кръвопииче! Какъ дързнулъ еси на мое лице прити, таково и толико створи! Не имамъ тебе пощаждѣти. Се бо възвѣщю цѣсарю Костянтину о нихъже, еси створилъ и како строиши епархию». Князь же Еустафий, поклонъ колѣнѣ свои, и рече: «Никакоже не прогнѣвайся на мя, господи, нъ увѣжъ истину, яко азъ нѣсмъ повиннѣнъ, нъ старѣшинѣнъ града Евдокий и Симонидъ». Увѣдѣвъ же, яко двѣ сътъ литръ* злата възять да ѳ погубить, и умоленъ бывъ святый от воеводъ отдасть ему грѣхъ, невѣрно сътвори еже о нихъ лъжею съдѣяния.

Воеводы же, съ святымъ *обѣдовавшие*, молиша ѳ да имъ молитву створить. И примъше благословление, отвезошася отъуду.

И присташа въ Фругии, и умириша вся мѣста противная. И миръ многъ створише, придоша въ славный Костянтинъ градъ. И велие сърѣтение бысть имъ от живущихъ ту воеводъ, от цѣсаря и от князь, яко побѣду створишемъ. И бѣша въ полатѣ цѣсаревѣ вельми похвалени.

Завида же имъ бысть от живущихъ ту воеводъ. И намълвиша епарха Авлавия яко да убьють, давѣше ему тысящю и боле седмъ сътъ литръ злата да ѳ погубить.

Сии тако обѣщавъ имъ, Авлавий епархъ вѣниде къ цѣсареву и глаголя ему: «Владыко самодържче! Ковъ бываетъ твоей държавѣ *от* хождѣшнихъ въ Фругию. Увѣдѣхъ бо въ истину, яко ти убо съвѣщаша вѣстати на държаву твою, обѣщавѣше посъланнымъ съ ними кнѣжия, и дары, и большая чѣсти.** Азъ же увидѣхъ и не могахъ молчати,** яко есть таковая неправда. Тѣмъже, еже воля държавѣ твоей, то сътвори». Цѣсарь же прогнѣвавѣся, яко о животѣ своемъ увѣдѣвъ; абие, не истязавъ ихъ, повелѣ вести ѳ въ тѣмьницу.

Лѣту же минувѣшю, враждующе и намълвиша епарха Авлавия, глаголюще ему: «Почѣто ѳ вѣвърже въ тѣмьницу и остави имъ чивотъ? Внѣтруть бо суще, имуть възмощи и себѣ помощь створити». Слышавъ же епархъ, яко и внѣтруть сущъ себѣ помагаютъ, абие възвѣсти цѣсарю си. Цѣсарь же услышавъ, яко и внѣтруть сущъ на нь ковъ творять, повелѣ въ нощи мечьмъ усѣкнути я. Епархъ же слышавъ, посла къ приставнику тѣмьници Илариану, глаголя яко: «Три мужа воеводы, яже имаши въ тѣмьници, уготови умърети въ нощъ сию».

Капикларини же Иларинъ, слышавъ си, съ слъзами рече трѣмъ мужемъ: «Страхъ мя одържитъ велии, и боюся, и трепещю, яко благо бы ми да

святого. И придя на место (казни), обнаружил он трех мужей; лица их были завязаны платками, они преклонили колени, и вытянули шеи, и ждали своей смерти. Святой же Никола, взяв меч у палача, бросил его на землю. А тех (мужей), освободив от уз, привел в город. И придя во двор князя, разбил ворота.

Тотчас же услышав (об этом) от палача, князь Евстафий поспешно вышел поклониться ему. Тогда святой Никола отвернулся от него, говоря: «Преступник перед Богом и кровопийца! Как дерзнул ты показаться мне на глаза, столько и такого натворив! Не пощажу тебя. Возвещу цесарю Константину о том, что ты совершил и как управляешь епархией». Князь же Евстафий, преклонив колени свои, сказал: «Ничуть не прогневайся на меня, господин, но узнай правду, ибо не я виновен, а старейшины града, Евдокий и Симонид». Узнав же, что взял он двести литр злата, дабы их погубить, и умолен будучи воеводами, святой простил ему вину, объявив несправедливыми решения о них, которые (были вынесены) ложно.

Воеводы же, трапезничая со святым, молили его, да сотворит о них молитву. И, приняв благословение, отплыли оттуда.

И пристали во Фригии, и усмирили они все мятежные поселения. И, установив прочный мир, пришли в славный Константин-град. И торжественная встреча была им (устроена) живущими тут воеводами, цесарем и князьями, как одержавшим победу. И были они в палате цесаревой весьма прославлены.

Но возникла зависть к ним у живущих тут воевод. И подговорили они старшего городского судью Авлавия (устроить так), чтобы их убили, дав ему более 1700 литр злата, чтобы их погубить.

Пообещав им это, судья Авлавий вошел к цесарю и сказал ему: «Владыка самодержец! Злой умысел есть против Величества твоего от ходивших во Фригию. Узнал я доподлинно, что они сговорились выступить против Величества твоего, обещав посланным с ними княжеские владения, и дары, и большей чести. Я же узнал и не смог молчать, что есть такой обман. Так что, какова воля Величества твоего, то сотвори». Цесарь же разгневался, когда узнал об (угрозе) жизни своей, и тотчас, не допросив, повелел вести их в темницу.

По прошествии некоторого времени недруги (воевод) упрекнули судью Авлавия, сказав ему: «Почему ты бросил их в темницу и сохранил им жизнь? Ведь будучи заточенными, смогут они помочь себе». Судья, услышав, что и заточенными будучи, себе помогают, тотчас возвестил об этом цесарю. Цесарь же, узнав, что они и заточенными будучи, против него заговор замышляют, повелел отсечь им ночью головы мечом. Судья же, выслушав, послал к начальнику темницы Илариону, говоря: «Трех мужей, воевод, которых содержишь в темнице, приготовь этой ночью умереть».

Начальник же темницы Иларион, услышав это, со слезами сказал трем мужам: «Страх великий меня охватывает, и боюсь, и трепещу, так что лучше

быхъ васъ не видѣлъ. Ныне же глаголю и слышу съ вами, утрѣ же от себе разлучимся, понеже повелѣно бысть умерети вамъ. Нѣ еже вы есть въ имѣнии ли злато, ли сребро, ли ино чѣто, — емуже что хочете оставити,* яко въ сию ночь повелѣно вы умерети бысть».

Слышавъше же се, мужи абие растързаша ризы своя и власы своя обрѣваша, и пѣрстию посыпавъше, възъпиша, плачюще и жалостно рыдающе, глаголаху: «Чѣто бо не оправдахомъ, да тако погыбнемъ?» Непотиянъ же въ память пришьдѣ, яже створи святой Никола трѣмъ мужемъ, иже въ Ликии, рече плачася: «Господи Боже святаго Николы, помилуй ны! Якоже створилъ еси трѣмъ мужемъ, иже въ Ликии, неправдою осуженомъ, и съпаслъ я еси от смърти, и ныне ны съпаси, святой Николае, Христовъ рабе; аще и далече еси, нѣ близъ да будетъ ти молитва наша, и къ Богу възъпи о насъ да съпасени бывъше подобни будемъ поклонитися твоей святыни». И си рекъшу Непотияну, тожде и трие мужи, яко единѣми усты, тако възъпиша.

Святой же Николае видимо явися цѣсарю Костянтину и рече ему: «Въстани и отпусти три мужа воеводы, яже имаши въ тѣмъници, яко оклеветани быша. Аще ли ослушаешися мене, брань створю ти въ Дърачи, и плѣть твою птицамъ прѣдамъ, и молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу». И рече цѣсарь: «Кто убо ты еси и како въ мою полату въниде?» И рече святой: «Азь есмь Николае грѣшный, сый въ Ликии и въ Мурѣхъ митрополить». И се рекъ, отиде.

И то же глаголя, явися Авлавию епарху: «Авлавие, враже несмысленый* умьмъ, въстани и пусти три мужа, яже имаши въ тѣмъници. Аще ли ослушаешися мене, молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу, и въ недугъ въпадеши, и чървьмъ будеши въ снѣдение, и весь домъ твой погыбнетъ зълъ». И рече ему Авлавие епархъ: «Ты убо кто еси, таковая глаголеши?» То же святой рече: «Азь есмь Николае, грѣшный рабъ Божий, сый въ Ликии и въ Мирѣхъ митрополить». И си рекъ, отиде.

Въспрянувъ же, цѣсарь възъва протокурисара своего и рече ему: «Възвѣсти епарху, яже видѣхъ». Также и епархъ посла курсора своего, тако же съказавъ. И повелѣ цѣсарь прѣдъстати воеводамъ от тѣмънице прѣдъ лицемъ его.

И шьдъшемъ же мужемъ от тѣмънице, рече имъ: «Кыми коренми творяще, таковы съны намъ посласте?» Они же мълчаху. Вѣторицею же въпрошени бывъше, Непотияномъ отвѣщану бывъшю: «Владыко самодържче! Мы корения не вѣмъ, ни таковыхъ сътворихомъ на твою държаву. Аще ли есмь тацѣ, въ горьшая муки да прѣдани будемъ».

Цѣсарь же рече имъ: «Вѣсте ли етера Николу, тако нарицаема?» Они же, слышавъше имя святаго Николы, яко единѣми усты, тако възъпиша, съ слъзами глаголюще: «Господи Боже святаго Николы, послушай насъ! И якоже съпаслъ еси три мужа, иже въ Ликии осуженыя бес правды, и ны съпаси,

бы я вас не видел. Ведь ныне говорю с вами и слушаю вас, а утром мы разлучимся, потому что назначено вам умереть. А то, что есть у вас в собственности: золото ли, или серебро, или что другое — кому что хотите оставить — (оставляйте), потому что этой ночью назначено вам умереть».

Услышав это, мужи тут же растерзали свои одежды, и рвали на себе волосы и, посыпав их земным прахом, возопили, плача и жалостно рыдая, и говорили: «В чем мы не оправдались, чтобы так погибнуть?» Непотиан же, вспомнив, что сделал святой Никола для трех мужей в Ликии, сказал, плача: «Господи Боже святого Николы, помилуй нас! Как помог ты трем мужам, которые в Ликии, несправедливо осужденным, и спас их от смерти, так и нас ныне спаси, святой Никола, Христов раб; хоть и далеко ты, но близка да будет тебе молитва наша, и к Богу возопи о нас; да спасены будучи, сподобимся мы поклониться твоей святости». И когда сказал это Непотиан, также и трое мужей словно едиными устами так возопили.

Святой же Никола явился зримо цесарю Константину и сказал ему: «Встань и отпусти трех мужей воевод, которых содержишь в темнице, ибо оклеветаны они были. Если же ослушаешься меня, устрою тебе войну в Драчи, и тело твое птицам отдам, и обращусь с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу». И спросил цесарь: «Кто ты есть и как в мою палату вошел?» И сказал святой: «Я Никола грешный, в Ликии и в Мирах митрополит». И сказав так, ушел.

И то же (самое) сказал, явившись судье Авлавию: «Авлавий, злодей, недалекий умом, встань и отпусти трех мужей, которых содержишь в темнице. Если же ослушаешься меня, обращусь я с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу, и впадешь в недуг, и станешь пищей червей, и весь род твой погибнет зло». И сказал ему судья Авлавий: «Ты кто есть, что такое говоришь?» То же (самое) святой сказал: «Я Никола, грешный раб Божий, в Ликии и в Мирах митрополит». И сказав это, ушел.

Очнувшись, цесарь призвал своего управляющего и сказал ему: «Возвести судье, что я видел». Так же и судья послал управляющего своего, то же (самое) сказав. И повелел цесарь предстать перед ним воеводам из темницы.

И когда пришли воеводы из темницы, сказал он им: «Какими корнями действуя, послали вы нам такие сны?» Они же молчали. А когда второй раз их спросил, Непотиан ответил: «Владыка самодержец! Мы корения не знаем и ничего такого не совершили против твоего Величества. Если же мы такие, на горшие муки да преданы будем».

Тогда цесарь сказал им: «Знаете ли вы некоего Николу?» Они же, услышав имя святого Николы, словно едиными устами так воскликнули, говоря со слезами: «Господи Боже святого Николы, послушай нас! И как спас ты трех мужей, которые в Ликии осуждены были несправедливо, так и нас спаси, осуж-

умирающа бес правды, святой Николае!» Цѣсарь же рече имъ: «Рыцѣте ми, кѣто съ есть Николае». Нипотиянъ же рече ему вся, елико сътвори святой Николае, и тако съпасе хотящая умрети бес правды.

Тоже цѣсарь рече имъ: «Не азъ даю вамъ животь, нъ егоже вы призывасте святаго Николы. У негоже, шьдъше, постризѣте главы своя». И дасть имъ съсуды църквьныя и Евангелие злато съ каменiemъ драгимъ украшено, и посла я въ Ликию.

И постригоша главы своя, дающе нищимъ злато много въ нарочита врѣмена. По многа же лѣта се творяху, славяще Бога, творящааго велия и дивная чюдеса, якоже есть писано, яко «Дивнъ Богъ въ святыихъ своихъ». * Тому слава и държава съ иночадыимъ Сыномъ его и Прѣсвятыимъ и Животворящимъ Духомъ ныне и присно и въ бесконьчныя вѣкы вѣкомъ. Аминь.

Чудо 2 святаго и великаго отьца и архиерѣя Божия и чудотворьца Николы, бывъшаго въ Мирѣхъ Ликинѣ.

Господи, благослови!

Добро есть намъ Божие писание къ вамъ проповѣдати, вѣрнии, въспомянувшѣ пророчскый онъ глас, глаголющъ: «Въ истину чюднъ Богъ и милость его въ святыихъ его, волю его всѣмъ створи»;* яко и ныне въ чловѣцѣхъ быша чудотворьца Николы, бывшемъ въ нашихъ лѣтѣхъ.

Чловѣкъ нѣкто, живой въ Костянтини градѣ, именемъ Дмитрій, имѣяи вѣру и надѣжду велику къ святому Николѣ. И възъмъ на прѣчистое и прѣславное праздыньство свѣща и масло и вся, яже на потрѣбу праздынику суть святому Николѣ, пошьдшемъ же имъ въ кораблицы от славнааго града Костянтиня къ иному граду именемъ Анфурату,* бо бѣ святаго църкы въ томъ градѣ. Да тамо по вся лѣта исхожаше съ мужъ вѣрный къ святому Николѣ, творяше память святому.

Идущемъ же имъ томъ дъне *от славнаго града Костянтиня*, бѣ же томъ дъне тихо море. И кде бысть къ полунощи, идущемъ имъ посредѣ моря, възнезапу бѣ вѣтръ великъ вѣста, и съвѣрху туча велика и бѣда великая, кои прѣ раздѣра наполю и въвѣрже въ море.

И хотяху къ крави плути, и вълны силны пришьдѣше избиша имъ весла изд руку. И тому единому Дмитрию държащю весло; и пришьдѣши вълна и тому издрази и въвѣрже въ море весло. И ту тако опроврати кораблицъ. И ино не изиде из усть его развѣ се: «Святой Николае, помози ми!» И тако иде на дъно моря и сѣде на днѣ.

О велие чудо! Страхъ бо мя великъ одържити, братие, о семь, еже вы хощю съказати о семь чюдесе.

Вънезапу бо ту тако обрѣтесе святой Николае и, възъмъ ѣ въ тѣ часъ на руку своею, изиде из моря. И посади и въ хлѣвинѣ своей посредѣ, заключенѣ

денных несправедливо, святой Никола!» Цесарь же сказал им: «Поведайте мне, кто этот Никола». И Непотиан рассказал ему обо всем, что сотворил святой Никола и так спас готовившихся умереть безвинно.

И тогда цесарь сказал им: «Не я сохраняю вам жизнь, а святой Никола, которого вы призывали. Идите и постригитесь у него». И дал он им сосуды церковные, и Евангелие, украшенное золотом и драгоценными камнями, и послал их в Ликию.

И постриглись они там, и давали нищим много золота в памятные дни. И совершали они это многие годы, славя Бога, творящего великие и дивные чудеса, как и писано: «Дивен Бог во святых своих». Слава ему и власть с едиnorodным его Сыном и Пресвятым и Животворящим Духом ныне и всегда и в бесконечные веки веков. Аминь.

Чудо второе святого и великого отца и архиерея Божия чудотворца Николы, жившего в Мирах Ликийских.

Господи, благослови!

Подобает нам Божие писание вам проповедовать, благоверные, вспомнив тот пророческий голос, изрекший: «Воистину чуден Бог, и милость его — в святых его, волю свою всем явил», — как и ныне людям были (явлены чудеса) чудотворца Николы, жившего в наше время.

Человек некий, именем Дмитрий, живший в Константине граде, имел веру в святого Николу и большую надежду на него. И взяв для пречистого и преславного праздника святого Николы свечи, масло и все, что необходимо для праздника, поплыл он вместе с другими на небольшом корабле от славного града Константина к иному граду, именуемому Анфурат, ибо была в том граде церковь святого. Каждый год ходил туда этот благоверный муж к святому Николе, праздновал память святому.

Когда плыли они в тот день от славного града Константина, было в тот день море тихим. Но около полуночи, когда они были уже в открытом море, внезапно поднялся сильный ветер, а сверху — дождь сильный и беда великая, которая разорвала надвое паруса и бросила их в море.

И хотели они плыть к берегу, но сильные волны, набежав, выбили у них весла из рук. И только один тот Дмитрий удержал весло; но, набежав, волна и у него тоже вырвала весло и бросила в море. И так тогда опрокинула корабль. И ничто не вышло из уст его, кроме сего: «Святой Никола, помоги мне!» И так пошел ко дну и сел на дне моря.

О великое чудо! Сильный страх охватывает меня, братья, от того, что я хочу рассказать вам об этом чуде.

И внезапно оказался там тогда святой Никола и, тотчас взяв его на свои руки, вышел из моря. И посадил его посреди дома его, который был

суши. И онъ мнѣяшеся на днѣ моря сѣдя, и великъмъ гласъмъ въпияше бес прѣстани: «Святый Николае, помози ми!»

И тѣ глас слышаше, сусѣди чюдяхуся, глаголюще къ себѣ: «Акъ гласъ есть нашего сусѣда Дмитрия, нѣ тѣ въчера бѣ отшълъ. Да како е скоро пришълъ? Како ли е въ градъ въшълъ ношию, а заключенъ бысть? Пойдѣмъ и видимъ въ хлѣвинѣ». И възгъгше свѣща, видѣша хлѣвину заключену; а глас единаче исхожаше сице: «Святый Николае, помози ми!» И рекоша: «Разбиемъ ключъ да видимъ, или татие или кто». И възгъгше свѣща *многы*, разбиша ключа и вълѣзоша въ клѣтъ съ свѣщами. Мнозии не познаша его; приступиша же къ нему близъ и познаша и; и видѣша нагу главу и воду, текущую съ главы слану отъ моря, и от пѣртъ яко рѣка течааше. И рекоша ему: «Како еси вълѣзълъ въ хлѣвину заключену? Куду ли, чѣто ли тако скоро възвратилъ еси, въчера отшѣдъ, а ночью възвратилъ еси? И чѣто ли еси вьсь мокръ?» Онъ же вься та съпослушавъ, акы отъ сына възбънувъ, рече къ нимъ: «Да кѣде се есмь? И вы кѣто есте, оже мя въпрашаєте?» И они отвѣщаша ему: «Мы сусѣди есмы твои, и се въ хлѣвинѣ своєї сѣдя бесѣдуеши. Да чѣто се тебе дошълъ?» И отвѣщавъ къ нимъ, рече: «Се тѣкъмо вѣдѣ: идущемъ намъ по морю, вънезапу туча и вѣтръ великъ приде и обрати корабль на нице, и идохъ на дно моря. И се ныне кѣде есмь, сѣде ся обрѣлъ — не вѣдѣ». И свѣтяще свѣщю близъ его, зряху, како течае вода морская съ главы ему и съ пѣртъ акы рѣка. Тѣгда страхъ великъ прия и ужастъ вься позорующая ту.

И бывъшю дни, ту въ градъ дальнии сусѣди слышавъше, и вьсь градъ течаху на позоръ чюда того. И видяще, дивляхуся и славляху *Бога*, пѣснь приносяще Спасу Богу нашему и избѣранику его, творящему издрядна и дивна чюдеса.

Чюдо 3. Сумеонъ именемъ нѣкто, Божий чловѣкъ, исповѣдникъ чистъ въ чърньцствѣ сы прѣбывая и присно моляся Богу, яко и *въ* чюдесхъ прѣбывая, якоже и от Десяти градъ* прозвася.

Имяше же въ ты дни слугу именемъ Николу, и тѣ ему работаше вьсу работу. И тѣ посла и на страну Катавольску* на работу въ корабли. Бѣ бо море тихо вельми и бѣло. Ти же пловяху тихо и скоро, гребуше съ усърдиемъ и съ радостию; якоже и на кѣрмѣ убо стоя, радоваашеся и играше. Идущемъ же имъ на полудни, вънезапу въ единомъ часѣ мърче, и бысть ношь, и не вѣдяху, камо ити. И потомъ вѣста вѣтръ великъ угъ съ тучею великою и съ громъмъ, и вълны быша выше корабля. И бы бѣда велика, якоже и весла издрази и вѣврже въ море, и вѣтрило наполю раздѣра. И от страха велика падоша ници въ корабли, и уже бо ся бяху отчаяли живота. А корабль горѣ хожаше на вълнахъ, и они ници лежаще, кричаху и молящеся, сице глаголюще: «Святый Николае, помози ны и избави ны!»

заперт. А он представлял себя на дне моря и громким голосом вопил беспрестанно: «Святой Никола, помоги мне!»

И слышав тот голос, соседи дивились, говоря между собой: «Голос как будто нашего соседа Дмитрия, но он вчера отплыл. И как он так скоро вернулся? И как он в город вошел ночью, ведь он заперт был? Пойдем и посмотрим в доме». И когда они зажгли свечи, увидели, что дом заперт; а голос по-прежнему слышался из него, говоря так: «Святой Никола, помоги мне!» И сказали они: «Разобьем замок и посмотрим, *(кто там)*: или вор, или кто *(другой)*». И зажгли много свечей, разбили замок и вошли в комнату со свечами. Многие не узнали его; а подошли к нему ближе и узнали его; и видели непокрытую голову и текущую с нее соленую морскую воду, и от одежды его словно река текла. И сказали ему: «Как ты вошел в запертый дом? Где? И почему так скоро возвратился: вчера отплыв, а этой ночью вернулся? И почему ты весь мокрый?» Он же, все это выслушав и словно пробудившись от сна, сказал им: «Где я нахожусь? И кто вы, что спрашиваете меня?» И они ответили ему: «Мы соседи твои, и это ты, сидя в своем доме, разговариваешь. Но что с тобой случилось?» И отвечая им, он сказал: «Вот что я только знаю: когда шли мы по морю, внезапно *(начался)* дождь, и поднялся сильный ветер и перевернул корабль, и пошел я ко дну. А где ныне я и как здесь оказался — не знаю». И *(соседи)*, поднеся к нему свечу, смотрели, как текла морская вода с головы его и с одежды, словно река. Тогда страх великий и ужас охватил там всех смотрящих.

И когда настал день, услышали здесь, в городе, дальние соседи *(о случившемся)*, и весь город стекался видеть это чудо. И видев, дивились и славили Бога, воспевая Спаса Бога нашего и избранника его, творящего необычайные и дивные чудеса.

Чудо третье. Некто именем Симеон, Божий человек, чистый исповедник, монашествовал и постоянно молился Богу и даже чудеса творил, так что и в Десятиградии был известен.

Был у него в то время слуга по имени Никола, и тот выполнял для него всю работу. И послал он его на работу в страну Катавольскую на корабле. Так как море было совершенно спокойно и светло, то плыли спокойно и быстро, гребя с усердием и радостью; так что и он, стоя на корме, радовался и развлекался. Когда же они плыли на юг, внезапно в один час смерклось, и стало темно, и не знали они, куда плыть. А потом поднялся сильный южный ветер с дождем и грозой, и волны были выше корабля. И была большая беда, так что и весла вырвала из рук и ввергла в море, и паруса разорвала надвое. И от великого страха упали все ниц на корабле и уже не чаяли остаться в живых. Корабль высоко ходил по волнам, а они, лежа ничком, громко плакали и молились, говоря так: «Святой Никола, помоги нам и избавь нас!»

И клячащемъ имъ въ корабли молящемся, и Николае калогерь въсклонися, видѣти хотя моря. И узърѣ чловѣка въ бѣлахъ ризахъ ходяща. Оле, чудо, уллучиша надѣжю и не погрѣшиша! Зъряше же Никола чърноризыць близъ къ кораблю идуща святаго Николу великааго чудотворьца, по морю идуща, яко по суху, очима своима явѣ, бесѣдующа сице къ *нему*, и въ корабль вѣлѣзуща съ радостию и глаголюща: «Въстани, брате, ничѣтоже бояся, не лѣнися, ни дрѣмли, нѣ иди на свою работу, имѣя радость; отселѣ съ тобою бо есмь, егоже от сѣрдьца призываеши, Николы от Миры суща, да се ныне слави *Бога*». И то ему рекъшю, ищезе от очию его. И от того *часа* бы *тихо* море въ мгновении очию, ста и туча, и вѣтрѣ, и бы тишина *велика*. И кѣдеже имъ бѣше ити, то тамо вѣтрѣ тихъ потязаше. И еже бѣше дѣвѣма недѣляма прѣити, то единомъ не реку дѣни быша, нѣ *единомъ* часѣ прѣидоша. И тако прославиша Бога, и тако пояху: «Чюднѣ Богъ въ свѣтыхъ своихъ».

Чюдо 4. Агрикъ* нѣкъто именемъ, живый въ странѣ *Антиохиистѣй* близъ срачинѣ,* богатъ сы вельми и любяше вельми святаго Николы, имѣя единого сына и творя по вся лѣта память святому Николѣ, канонъ и утрнью и литургию; и ставяше дѣвѣ тряпезѣ: първую братии Божии убогимъ, а по литургии — сѣрдоболямъ и другомъ, сусѣдомъ и инѣмъ.

Бѣ же църкы святаго от града пять попьрищъ въдале на чистѣ поли. И тамо на *вся лѣта* събирахуся людие — мужи, и жены, и дѣти — на память святаго Николы.

Въ едино же лѣто на прѣславную его память и вѣсѣмъ людемъ идущемъ на свѣтый тѣ съборъ, онъ же благовѣрный мужъ, приготовавъ свѣща, и масло, и тѣмянѣ, и еже на потрѣбу на канонъ и на утрнью, таже пусти сына своего единачадааго именемъ Василия съ отроки и рече: «Иди, чадо мое, къ святому и великому господину нашему и теплomu заступнику, и сътвори службу, и канонъ, и утрнью, и литургию. Таже придеси на обѣдъ; азъ и мати ти, сѣде оставѣша да учинивѣ, еже на потрѣбу братии Божии, гостѣмъ и вся, яже суть на пользу». И то слышавъ, Василий радъ бѣвъ и весель, и поклонивъся отцю и матери, отиде къ святому Николѣ.

И дошѣдъшю ему къ святому, и вечеръ и канонъ пѣвъшю, и утрнью поуще наполю, рано вѣнезапу придоша срацини и сташа около църкѣве и поаша вся люди, и оноа сына Василия благовѣрнааго оноа мужа именемъ Агрика. И ведоша и въ срачины, и ту приведеше я въ островъ Критскый. Сына же Агрикова Василия избравѣше, понеже бѣше добръ и лѣпъ, даша ѣ князю сорочиньскому Амирѣ.* Видѣвъ же ѣ Амира вельми красьна, въздродовася и рече: «Съ уноша рода велика естѣ былѣ. Достоинѣ естѣ да будеть прѣдъ лицемъ моимъ». А другыя продаша, а другыя же въ тѣмьници затвориша.

Родителя же Василиева, отцю и мати, слышавъша бѣду бывъшую и великую печаль, многъ плачь бы и велико рыдание въ дому ихъ. И въ

И когда они в корабле молились, стоя на коленях, монах Николай поднялся, чтобы взглянуть на море. И увидел человека, в белых одеждах ходящего. О чудо! Обрели они надежду и не ошиблись! Увидел монах Николай ясно своими глазами подходящего к кораблю святого Николу, великого чудотворца, по морю идущего, словно посуху, обращающегося к нему, поднимающегося с радостью на корабль и так говорящего: «Встань, брат; ничего не бойся, не ленись, не дремли, но иди на свою работу с радостью, ибо отныне с тобою я, кого призываешь ты всем сердцем, Никола из Мир; славь же ныне Бога». И сказав ему это, скрылся из виду. И с того часа море было тихим, в мгновение ока прекратился и дождь, и ветер, и установилась полная тишина. А туда, куда пролегал их путь, подгонял их тихий ветер. И то, что должны были пройти за две недели, прошли — не скажу за один день, — за один час. И прославили за это Бога, так певши: «Дивен Бог во святых своих».

Чудо четвертое. Некто по имени Агрик, живший в земле Антиохийской недалеко от сарацин, был очень богат и сильно любил святого Николу, имея единственного сына и творя каждый год память святому Николе: канон, утреню, и литургию; и ставил две трапезы: первую — братии Божией, убогим, а после литургии — родственникам, друзьям, соседям и иным.

Церковь святого стояла в пяти поприщах от города, в чистом поле. И каждый год собирались там люди — мужчины, и женщины, и дети — на память святого Николы.

В один год, на преславную его память, когда шли все люди на святое то собрание, тот благоверный муж, приготовив свечи, масло, фимиам и (все другое), необходимое для канона и утрени, послал затем с отроками своего единственного сына Василия и сказал ему: «Иди, чадо мое, к святому и великому господину нашему и теплому заступнику и сотвори службу, и канон, и утреню, и литургию. После этого придешь на обед; я и мать твоя, оставшись здесь, устроим все, что надобно братии Божией, гостям, и все, что во благо». И слыша это, Василий рад был и весел и, поклонившись отцу и матери, пошел к святому Николе.

И когда пришел он к святому, и спели уже вечерню и канон, и уже наполовину спели утреню, на рассвете внезапно появились сарацины, окружили церковь и пленили всех людей, и (с ними) того Василия, сына того благочестивого мужа по имени Агрик. И повели его в (землю) сарацин, и привели их на остров Критский. Сына же Агрикова, Василия, избрав, потому что был хорош собой и красив, отдали князю сарацинскому Амуре. Князь Амира, видя его, очень красивого, обрадовался и сказал: «Этот юноша знатного рода был. Достоин он прислуживать мне». Других же продали, а иных в темницу заключили.

Родители же Василия, отец и мать, узнали о случившейся беде и великом горе, и был у них в доме сильный плач и великое рыдание. И в печали

печали за дѣвѣ лѣтъ святому Николѣ не сътвориста памяти, ни свѣщъ, ни масла пустиста; нѣ паче *егда* память святому придыше, то поминаюша чадо свое, въ свѣщъ мѣсто и масла слъзы многы, и рыдание, и кричание пушаста.

Чѣто ли реку, любѣвници? Кѣто ли можеть та вѣся исповѣдати, или кѣто я можеть утѣшити? Или кѣто можеть стенания или въздыхания матерья издрещи, яже стенаше и въздыхаше от сѣрдьца, или огньныхъ слъзъ отъчь, тѣрзание же власъ матери, тако бяше положила на земли, якоже и на мнозѣ вълнѣ сѣдыше, а глаголющи: «Сыну мой драгый иночадый, да быхъ тебе не породила, ни познала! Како тебе не узѣру съ дѣтьми, иже ти суть были съвѣрстници? Како ли тебе не прихващю рукама своима или усты своима цѣлюю или по пути или по двору ходяща тя? Добрѣе ми бы да ты быхъ видѣла на одрѣ лежаща въ болѣзни, да ты быхъ подвигнула, и положила, и послужила, неже бы да въпалъ въ сквѣрньнѣи руцѣ. Или от Бога да *пришелъ* ангель, таже душу твою приялъ, то съ радостию ти быхъ тѣло твое съкутала, а моя чрѣсла и сѣрдьце не бы ся рвало, — абы въ чюжую землю не заведенъ!»

Събираху же ся къ нима от инѣхъ градъ и от вѣсии ближикы и друзи, и увѣщавахуса, и чюдяхуса възнезапу бывѣшю полону. И бывѣше въ радости мѣсто плачь, и въ пѣнии мѣсто на святаго Николы днь рыдание въ нихъ и сѣтование. И тако я утѣшающе, глаголааху: «Чѣто естъ чюднѣе святаго Николы или сильнѣе? Разумѣйте въ чюдесѣхъ его, колико створи: из дна моря чловѣкы избавивъ, и от меча избави, и ис тѣмьница, и егда хотяше посѣщи три оны мужа безъ грѣха. И съ вечера нощию цѣсарь Костянтинъ възъва епарха и рече: „Утро изведи три муже ты ис тѣмьницѣ посѣщи“. Тѣгда слышавъ епархъ отъ цѣсаря, пусти къ мужемъ тѣмъ тако и рече: „Покайтеся ношь су да будете готови; утро бо, ми реклъ цѣсарь, еже усвѣнетъ, тоже вы хощю посѣщи“. И то слышавъше, ти мужи начаша плакати, глаголюще и Бога моляще: „Святый Николае, помози ны, избави ны горькыя сея сѣмърти!“ И той нощи полунощи явися святый Николае цѣсарю Костянтину въ полатѣ и глагола: „Аще не пустиши мужъ тѣхъ, то пожгу домъ твой и тебе“. И то слышавъ цѣсарь и рече къ епарху: „Приведи мужа ты“. И приведоша я, и рече имъ: „Знаете ли Николу от Миры?“ Они же рекоша: „Знаемъ, господинъ бо то нашъ и митрополитъ“. И рече имъ цѣсарь: „Идѣте, Богъ вы и святый Николае прощаеъ“. И одаривъ я, пусти домови. И възставъше, идоша съ великою радостию домови, хваляще и славяще Бога и святаго Николу, избавльшаго я от горькыя сѣмърти».

Та же вѣся слышавъ Агрикъ от сусѣдъ и от другъ своихъ, утѣшися и, възставъ, иде къ женѣ своей и рече: «Воле ты жено, е ли ныне нама польза, оже вѣ се плачевѣ днь и ношь третиее лѣто, и святаго забыховѣ, и не идоховѣ къ нему. Нѣ ныне уже, жено, послушай мене, и съ великою вѣрою поидивѣ къ святому и да ся помоливѣ; и вѣдѣ, яко велико утѣшение прияти имавѣ, и съ

два года не праздновали они память святого Николы и не посылали ни свечей, ни масла; и больше того, когда наступал праздник святого, то они, вспоминая чадое свое, вместо свечей и масла испускали обильные слезы, и рыдание, и громкий плач.

Что же скажу, возлюбленные? Может ли кто рассказать обо всем этом, и может ли кто их утешить? И может ли кто передать стенания и воздыхания матери, которая стенала и воздыхала всем сердцем, или горячие слезы отца, или как мать рвала на себе волосы и так покрыла ими землю, что словно на большом руне сидела и причитала: «Сыночек мой дорогой, единственный, лучше бы я не родила и не узнала тебя! Неужели не увижу тебя с детьми, которые были твоими сверстниками? Неужели не ухватю тебя руками своими, идущего по дороге или по двору, и не поцелую губами своими? Лучше бы мне видеть тебя на постели, в болезни лежащего; я бы тебя и подняла, и положила, и ухаживала бы за тобой, и не оказался бы ты в скверных руках. Или придет пусть от Бога ангел и примет твою душу; то с радостью бы тело твое обрядила, и не надрывалось бы мое сердце и утроба; лишь бы не был ты уведен в чужую землю!»

Приходили к ним из других городов и сел родственники и друзья, и увещевали их, и удивлялись внезапному пленению. И вместо радости был плач, а вместо пения на день святого Николы — рыдание их и печаль. И так, утешая их, говорили: «Есть ли кто чудодейственнее святого Николы или сильнее? Вспомните о чудесах его, сколько он их сотворил: со дна моря человека спас, и от меча избавил, и из темницы, и когда хотели казнить тех трех мужей невинных. Призвал тогда цесарь Константин поздно вечером судью и сказал: „Утром выведи тех трех мужей из темницы и убей“. Тогда судья, услышав это от цесаря, послал к мужам тем так сказать: „Покайтесь этой ночью, чтобы вы были готовы, потому что утром, как приказал мне цесарь, когда рассветет, тогда я должен вас убить“. Услышав это, мужи те начали плакать, причитая и моля Бога: „Святой Никола, помоги нам, избавь нас от горькой этой смерти!“ И той же ночью, в полночь, явился святой Никола цесарю Константину в палате и сказал: „Если не отпустишь тех мужей, то сожгу твой дом и тебя“. И услышав это, цесарь сказал судье: „Приведи тех мужей“. И привели их, и спросил он: „Знаете ли Николу из Мир?“ Они же ответили: „Знаем, ведь это господин наш и митрополит“. И сказал им цесарь: „Идите, Бог и святой Никола прощают вас“. И одарив их, отпустил домой. И встав, пошли они с огромной радостью домой, хваля и славя Бога и святого Николу, избавившего их от горькой смерти».

Услышав все это от соседей и друзей своих, Агрик утешился и, встав, пошел к жене своей и сказал: «О жена, что пользы нам в том, что плачем мы день и ночь третий год, и святого забыли, и не ходили к нему. Но ныне, жена, послушайся меня, и с великой верой пойдем к святому и помолимся; и знай, что получим великое утешение и возвратимся с большой и доброй

надѣжею доброю и великою възвратитися; и тако имавѣ уллучити, яко въ наю руцѣ вѣдати иматъ святѣй наю чадо или проявити нама иматъ: живо ли будетъ тамо, въ работѣ ли, или мѣртвѣ». И та вся слышавѣши отъ мужа своего, рада бывѣши, рече къ мужеву своему: «Да възъмѣша свѣща и масла доидивѣ». Бѣ бо приспѣлъ праздникъ святаго Николы. И пакы рече къ мужеву своему: «Господи мой, поидивѣ къ святому. Ныне бо ми душа радуется, ныне бо ангели съ земьными чловѣки радуются».

И вѣставѣша идоста, и инѣхъ людии мѣножьство. И створиша вечеръ канонъ святому, пѣснь мѣногу пѣвѣше, възвратишася домови. И *пояша* сусѣды и сѣрдобола на вечеру, и сѣдоша на тряпезѣ. *Начаша* ясти и пити, славяше Бога и святаго Николу и поминающе дѣтища своего и святаго чюдеса.

И начаша пѣси *лаяти*; бяху бо пѣси мнози у него, и заячии, и овьчии. Начаша прилѣжно пѣси лаяти, и рече господарь къ отрокомъ: «Видите, что притужаютъ пѣси, или звѣрие пришьли?» Рѣша отроци: «Нѣсть ничѣтоже». Пѣси же боле того притужати начаша ему. И ту рече господарь къ гостемъ: «Поидѣмъ *да видимъ* съ свѣщами, звѣрь ли е вѣлѣзлъ въ дворъ». И поидоша съ свѣщами многими, и видѣша чловѣка, посредѣ двора стояща въ свитахъ срачиньскаахъ и въ ушьвѣ, и ужасошася. И пакы приступиша ближе къ нему съ свѣщами, зряху отрока уна стояща и въ руцѣ дѣржаща стѣкляницу пълну вина.

О страшно и дивно чюдо! От безбожьныхъ срачинъ единомъ часѣ примѣченъ бысть и поставлено на дворѣ отъчи посредѣ.

Отъць же его зря стояше. Онъ же стояше, акы бѣлванъ, дѣржа стѣкляницу съ винѣмъ и ничѣтоже бесѣдоваше. Отъць же много зѣрѣвъ и чюдивѣся, и хотя познати ѣ, страхѣмъ и радостию обѣдѣржимъ, и рече великѣмъ гласѣмъ сице: «Чадо Василю, се ныне на тя зрю, въ истину ты ли еси, сладѣкий мой сынъ? Или стѣнь ми ся нына кажетъ тобою?» И дѣтищъ скоро отвѣща: «Азъ есмь единачадѣй твой сынъ Василь, егоже безбожьнии срацини полониша и ведоша въ Критъ, от твоею пазуху и от матеру оттѣргѣше». И та вся послушавъ, отъць простѣръ руцѣ свои, нача ѣ цѣловати по очима, по главѣ и по ушима, по руцѣ и въсуду, а въпраша: «Рѣци ми, драгое мое чадо, како еси от безбожьныхъ рукъ убѣжалъ, или съ кымъ, чадо мое, или съ дружиною свѣщавѣся еси прибѣгль? Не мози, чадо мое, утайти мене, нѣ повѣжь родителю *своему* бывѣшая си». И сынъ нача отъцю отвѣщати: «О вѣсемъ семь, еже мя въпрашаеши, не вѣдѣ ничѣсоже. Нѣ се ныне въ Критъ на вечери прѣстоялъ есмь князу срачиньскому, — якоже мя полониша въ Критъ, и тако мя даша князу своему, да от того дѣне князь пристави мя себе чѣрпати, — да ныне рече ми князь и господинъ мой: „Чѣрпли“. И чѣрпавъ, и хотѣхъ ему дати въ руку стѣкляницу сию. Не вѣдѣ, кто мя сильнѣ вѣнезапу похыти и стѣкляницу пълну сию, якоже се и еще дѣржу, и постави мя сѣде. И не вѣдяхъ, яко на земли ли стою. Тако бо мѣняхѣся, яко бо вѣтрѣмъ носимъ бѣхъ. И ту ми приде глас, глаголя ми:

надеждой; может так случиться, что святой прямо в наши руки передаст нам нашего сына, либо откроет нам: жив ли он там, в рабстве ли он, или умер». И она, услышав это все от мужа своего, обрадовавшись, сказала мужу своему: «Возьмем свечей и масла и пойдем». Настал же праздник святого Николы — и вновь обратилась она к мужу своему: «Господин мой, пойдем к святому. Ныне ведь душа моя радуется, ныне ведь ангелы с земными людьми радуются».

И встав, пошли они; и много других людей (шло). И сотворили на вечерней канон святому, и, спев много песнопений, возвратились домой. И собрали соседей и родственников на ужин, и сели за трапезу. И начали есть и пить, славя Бога и святого Николу, вспоминая сына своего и чудеса святого.

И начали псы лаять; их было много у него, и для охоты на зайцев, и для пастьбы овец. Начали усердно псы лаять, и хозяин сказал слугам: «Посмотрите, почему беспокоятся псы, может, волки пришли?» Ответили слуги: «Никого нет». Псы же еще сильнее начали беспокоить его. И тогда хозяин сказал гостям: «Пойдем и посмотрим со свечами, не волк ли влез во двор?» И пошли они со многими свечами, и увидели человека, стоящего посреди двора в сарацинской одежде с покрывалом на голове, и ужаснулись. И еще ближе подошли к нему со свечами и увидели стоящего юного отрока, держащего в руке чашу, полную вина.

О страшное и дивное чудо! От безбожных сарацин в один час был он принесен и поставлен посреди отчего двора.

Отец его стоял и смотрел. А он стоял, как идол, держа чашу с вином, и ничего не говорил. Отец же долго смотрел и дивился, желая узнать его, охваченный страхом и радостью, и громко воскликнул: «Чадо (мое) Василий, на тебя ли я сейчас смотрю, на самом ли деле это ты, сладкий мой сын? Или призрак мне ныне представляется тобою?» И сын тотчас ответил: «Я это, единственный сын твой Василь, которого безбожные сарацины пленили и увели на Крит, оторвав от твоей и материнской груди». И отец, услышав все это, протянул к нему руки, начал целовать его в глаза, в голову, в уши, в руки и всюду и спрашивал: «Скажи мне, дорогое мое чадо, как убежал ты от рук безбожников, с кем, чадо мое? Со спутниками своими сговорившись, прибежал? Не утан от меня, чадо мое, поведай родителю своему, как это было?» И стал сын отвечать отцу: «Обо всем том, о чем ты меня спрашиваешь, я ничего не знаю. Но ныне на Крите прислуживал я за ужином сарацинскому князю — ведь когда привели меня в плен на Крит, то отдали их князю, и с того дня приставил он меня к себе виночерпием — и вот ныне говорит мне князь и господин мой: „Черпай“; и я, зачерпнув, хотел дать ему в руки вот эту чашу. И не знаю я, кто, сильный, внезапно похитил меня с этой чашей полной, которую и сейчас еще держу, и поставил меня здесь. И не понимал я, на земле ли стою. Ведь мне казалось, что ветром меня носило. И тут я услышал глас, говорящий мне:

„Видиши ли чьто?“ И азъ въ ужастн велиць бивъ, видѣхъ поставляюща мя великааго Божия Николу».

То слышавъ, отьць радости великы напълнивъся о велицьмъ томъ чюдѣ, и приимъ за руку сына съ великою и славною радостию възведе ѥ горѣ, и прѣда ѥ матери, и рече: «Жено, вижь наю заступника, коль велика слава его и сила? Вижь, како на скоро услыша на помощь наю и утѣши на, яко помолиховъся. Онъ же скоро поможе *нама*, теплый заступникъ. Вижь, жено, наю спасения скоро!»

То же глаголющу Агрику къ женѣ своеи, мати прѣхватыши ѥ рукама своима, облобызавъши все тѣло его, глаголющи: «Уже тя имамъ въ руку своею, чадо мое драгое! Съ Божиею помощию имамъ тя, единочадый сыну мой, утѣху души моеи! Имамъ тя и държю тя въ руку своею ныне, егоже азъ мнѣхъ въ поганьскахъ странахъ умърша».

Тако и инако много глаголющи матери къ сыну, събърашася сусѣди и сърдоболя, и бы радость велика, и праздъникъ святаго дъвоици створиша къ святѣи църкъви его. И течаху вси чловѣци на чудо видѣть отрока. И зряше его, чюдяхуса и славляху Бога и святаго Николу, избраника Божия и заступника теплаго.

Чю до 5. Другое да вы сѣкажу чудо.

Уноша бѣ нѣкъто именемъ Никола, дѣмоньскѣмъ *мучениемъ* объдържимъ, лежаше мѣсяць шесть, огньмъ великъмъ объдържимъ. И не та едина бѣше ему бѣда, нѣ и нозѣ ему бѣшета ся сѣкърчилѣ, яко нимало не можаше ходити, ни простерети, нѣ пълзаше на лядвняхъ. Просто же да реку, яко всѣми съставы не можаше гѣбати. Огнь бо тѣ великый *жьгыи* и удѣ, глѣбѣше сърдѣце ему, и от пламене огньна тѣло бѣше ему все распалено. Неже то едино, нѣ вси уди исѣхли ему бяху. И врачеве же, приходяще, не можаху никоеже пользы створити. И тако пришьдѣ въ велику бѣду, яко ни врачемъ имѣше чьто дати, ни самому о чѣмъ прѣбывати.

И видѣ чловѣкы си на святаго Николы праздъньство *идуща* многы съ свѣщами въ църкъвь къ святому Николѣ на канонѣ. Да и онъ купи свѣщю противу убожьству своему, бѣ бо убогъ вельми, и нача ползати по земли, ити къ святому. Идущю же ему, явися прѣсвятый и великый помощникъ Никола на пути и рече: «Кѣто ты еси? И откуда идеши, и къ кому идеши? Чьто ли трѣбуеши или чьто ти бѣды есть? И чьто ради нынѣ сиць трудъ приемлеш?» Онъ же, объдържимъ страхмъ великъмъ и отъ труда велика многапутнаго сѣдъ на единомъ мѣстѣ, исповѣда ему всю бѣду свою и болѣзнь. И ту рече ему явивыйся: «Аще хошеши цѣль быти, поиди въ слѣдъ мене». И приведе ѥ святой до святаыя църкъве своя, и ту ишезе. И онъ иногю не видѣ, развѣ еже поидоша чловѣци съ свѣщами въ църкъвь на литургию. Да и оно видѣвъ въздѣгъ свѣщю свою, ту же пълзати нача.

„Видишь ли ты что-нибудь?“ И я, охваченный ужасом великим, увидел ставившего меня (на землю) великого Божьего Николу».

Услышав это, отец преисполнился огромной радостью от великого этого чуда и, взяв сына за руку, с великой и благодарной радостью поднялся с ним наверх, и передал его матери, и сказал: «Жена, зри нашего заступника, как велика слава его и сила. Смотри, как быстро пришел он нам на помощь и утешил нас. Как только мы помолились — он тут же помог нам, теплый заступник. Смотри, жена, как скоро пришло нам спасение!»

И когда сказал Агрик это своей жене, мать обхватила сына руками своими и, облобызав все его тело, проговорила: «Наконец-то я держу тебя в руках своих, чадо мое дорогое! С Божьей помощью обрела я тебя, сын мой единственный, утеха души моей! Обрела тебя, и держу ныне в руках своих тебя, которого считала умершим в землях неверных».

(В то время как) это, так и многое другое говорила мать сыну, собрались соседи и родственники, и радость их была огромной, и второй раз отслужили праздничную службу святому в святой церкви его. И стекались все люди на чудо: видеть отрока. И видя его, удивлялись и славили Бога и святого Николу, избранника Божия и заступника теплого.

Чудо пятое. Поведаю вам еще одно чудо.

Был некий юноша, по имени Никола, демонским мучением одержим; лежал он месяцев шесть, огнем сильным одержимый. И не одна эта была у него беда, еще и ноги у него были скрючены, так что совсем не мог он ни вытянуть их, ни ходить, а ползал на ягодицах. Или проще скажу: не сгибались у него все суставы. Огонь тот сильный, жгущий его члены, терзал ему сердце, и от жара огненного все тело у него было распалено. Мало того, и все члены его иссохли. И врачи, приходя, ничем не могли ему помочь. И так попал он в большую беду, потому что уже не имел ни врачам что дать, ни самому на что жить.

И увидел он людей многих, идущих со свечами на праздник святого Николы в церковь святого Николы на канон. И он тоже купил свечу, несмотря на свою бедность, а был он очень беден, и начал по земле ползти, идти к святому. И когда он шел, явился ему на пути пресвятой и великий помощник Никола и сказал: «Кто ты? И откуда идешь и к кому идешь? Или в чем нуждаешься, или какая беда у тебя? И чего ради ныне этот труд совершаешь?» Он же, охваченный страхом великим, и от долгого трудного пути сидя (неподвижно) на одном месте, поведал ему всю беду свою и болезнь. И тогда сказал ему явившийся: «Если хочешь здоровым быть, иди вслед за мной». И привел его святой к святой церкви своей и исчез. И он (ничего) другого не видел, только то, что пошли люди со свечами в церковь на литургию. И он, видя это, зажег свечу свою и туда же начал ползти.

И паки съ ними възвратися къ святуму, и ту видѣ икону. И припѣла, въсѣде у нея; и ту видѣвъ образъ на иконѣ святѣй святаго Николы, позна ѿ, яко бѣ явилъся ему на пути, и възъпи великъмъ гласъмъ, глагола: «Святый Николае, якоже ми ся еси обѣщаль на пути и рече ми: „Аще хоцеша цѣль быти, поиди въ църкъвь мою“, и доселѣ самъ мя еси привелъ. И ныне помилуй мя, дължнъ бо ми еси, ицѣли мя и отдай дългъ свой мнѣ ныне».

И та глаголавъ вся, възрѣвъ на икону святаго и видѣ паки явѣ святаго Николу, якоже и на пути. И вскрича великъмъ гласъмъ и рече: «Двигнѣте мя!» И ту стоящии двогоша ѿ. И обѣмъ икону святаго Николу обѣма рукама своима, и лобызая глаголаше: «Теплый заступниче, помилуй мя!» Начаша же ему жилы простирати и кости, и ста простъ на земли, и прѣкрести рукама своима тѣло свое тришъды, и помаза ся святымъ маслъмъ от святаго Николы кандила. И излѣзе иж него дѣмонъ; и исцѣлѣ, и стояше простъ. И потомъ паки примъ святую икону, цѣловаше святаго. И бывъ съдравъ Божиею радостію и святаго Николы. И видѣвшѣ вси дивное чюдо милосърда и чловѣколюбца Бога, дающаго благая рабомъ своимъ молитвами святаго Николы. Славу и пѣснь да въсьлемъ.

Чюдо 6. Азъ же вамъ другое чюдо да повѣдѣ, да не мозѣте лѣнитися, нъ ясно послушайте.

Попъ нѣкто именемъ Хрѣстофоръ от града Тухина* тако имяше обычай по вся лѣта ходити на праздникъ святаго Николы въ градъ Муры, кѣде лежить святый Николае. И ту поклонявъся, приходяше домови. И от святаго тѣла его миро въземля, приносяше въ домъ свой на освящение всему дому своему.

Въ едино же лѣто приговориса ити съ дружиною къ святуму. Идущемъ имъ къ святуму близъ, и ту я сѣрѣтоша аравити и, поимъше я, ведоша на свою землю. Бѣ же ихъ въсѣхъ полонено тридесате мужъ. И ведоша я домови, поставиша я натрое: едину часть подъ мечъ, а другую продати, а третію въ тѣмьници затвориша. Попа же Хрѣстофора на посѣчение отлучиша. И привѣдъше я на мѣсто, начаша сѣчи по единому. И доиде до попа. И ту стоя, попъ Христофоръ призываше святаго Николу, глагола: «Избави мя от меча сего и помози ми, теплый помощниче!»

И ту абие ста святый Николае, аки на дѣсцѣ писанъ въ ризахъ прѣдъ нимъ, и рече ему: «Не бойся, брате, азъ бо есмь съ тобою».

И ту пришьдъ мечникъ, и поя попа да ѿ посѣчетъ. И святый въ слѣдъ идяшетъ. И кѣде ѿ доведоша до мѣста, кѣде сѣчаху, рече мечникъ попу: «Поклони главу». И поклони ту. И рече святый Никола къ нему: «Не бойся». И яко хотѣ посѣщи, и ту тако святый изъ руки изъ ему мечъ. И ста мечникъ, забывъся, и рече къ попу: «Кѣде мой мечъ?» Рече попъ: «Никола ти възъ». Мечникъ рече: «Да кѣде е?» Попъ рече: «Отъстои у тебе». И рече мечникъ: «Пожида ту».

И опять с ними возвратился к святому и увидел там икону. И подползши, сел около нее; и увидел там на святой иконе образ святого Николы, узнал его, что это он явился ему в пути, и громким голосом завопил, говоря: «Святой Никола, коли уж ты обещал мне в пути и сказал: „Если хочешь здоровым быть, иди в церковь мою“, и сам меня сюда привел, — то помилуй же меня ныне, ведь должен ты мне, исцели меня и отдай мне ныне свой долг».

И сказав все это, посмотрел он на икону святого и опять увидел явно святого Николу, как и в пути. И вскричал он громким голосом, и сказал: «Подвиньте меня!» И стоявшие там пододвинули его. И обнял он обеими своими руками икону святого Николы, и, целуя, сказал: «Усердный заступник, помилуй меня!» И начали расправляться у него жилы и кости, и он встал, выпрямившись, на земле, и трижды перекрестил руками своими тело свое, и помазал себя святым маслом от лампы святого Николы. И вышел из него демон; и исцелился он и стоял прямо. И потом опять, взяв святую икону, целовал святого. И был здоров благодатью Бога и святого Николы. И видели все дивное это чудо милосердца и человеколюбца Бога, дающего благо рабам своим молитвами святого Николы. Станем же воссылать ему славу и песнь.

Чудо шестое. Поведаю я вам еще одно чудо, вы же не ленитесь, а внимательно послушайте.

Поп некий, именем Христофор, из города Тухина также имел обычай каждый год ходить на праздник святого Николы в город Миры, где лежит святой Никола. И поклонившись ему там, возвращался домой. И от святого тела его взявши миро, приносил в дом свой на освящение всего дома.

В один год приготовился он идти со спутниками к святому. И когда они были уже недалеко от святого, встретили их тут арабы и, пленив, повели в свою землю. Всего же было их пленено тридцать мужей. И привели они их (к себе) домой, разделили их натрое: одну часть — под меч, другую — продать, а третью заключили в темницу. Попа же Христофора на посечение (мечом) отделили. И приведя их к месту (казни), начали казнить по одному. И дошли до попа. И стоя там, поп Христофор призывал святого Николу, говоря: «Избавь меня от меча сего и помоги мне, усердный помощник!»

И тут вдруг предстал перед ним святой Никола в том же облачении, в котором на иконе писан, и сказал ему: «Не бойся, брат, ибо я с тобой».

И тут пришел палач и взял попа, чтобы его казнить. А святой шел за ним следом. И когда довели его до места, где казнили, палач сказал попу: «Склони голову». И он тотчас склонил. И сказал ему святой Никола: «Не бойся». И когда палач собрался отсечь ему голову, тогда святой выхватил у него меч из рук. И стал палач, недоумевая, и обратился к попу: «Где мой меч?» Поп ответил: «Никола то взял». Палач спросил: «А где он?» Поп ответил: «Далеко от тебя». И сказал палач: «Подожди здесь».

Попъ же стояше съвязанъ опаки. Святы же Никола рече къ попу: «Не бойся». Шьдъ, мечникъ принесе другый мечъ и рече попу: «Поклони главу». И хотъ ударити. И ту простъръ руку святой Никола, изя мечъ. И ражнѣвася *аравитъ* на попа и рече: «Вълхвъ ли еси? Къде мечъ?» Рече попу: «Никола възя». И онъ паки третий възя. И сърѣте ѱ святой, исхыти изъ руки. И приде къ попу тѣщъ, и рече: «Повѣжь ми, кый то Никола». И рече попу: «Иже въ Мурѣхъ Ликионѣ». Рече аравитъ: «Аще то есть, тѣ великъ тѣ мужъ и добръ. Много бо есмь то слышалъ, еже твори добра чловѣкомъ». И раздрѣши попа и ины три мужа, имѣже посяченомъ быти съ попомъ.

И приведъ я вся четыри и прѣдъ поставль, въпрашаше попа о святѣмъ, како ѱ видѣлъ. И попу съказаше ему вся та по ряду: и како ся ему являлъ, и како ему изималъ изъ руки мечъ. И слышавъ то аравитинъ отъ попа, велми почюдивъся, рече: «Великъ Богъ кръстьяньскъ». И рече къ мужемъ: «Азъ васъ даю тому Николѣ дньшньни днь». И поимъ я, изведе и-своя земля. И настави я на путь, рекъ имъ: «Идѣте къ святому Николѣ»; бѣ бо оттуда близъ. И аравитинъ възвратися въ домъ свой, а си славяще хваляху Бога, поюще, и святого Николы, иже я избави отъ горкаго меча и лютыя смърти.

{...}

Чюдо святого Николы. Петръ рекомый, *въ* благыхъ памятьнъ чърньць, отъ воинскаго бывъ участия, ту бо бяше учетанъ *в пятѣмъ полцѣ старѣйшина*.* Съ вой пустиша ѱ срацинъ воевать. Сълучися, якоже и многашды *бываеть* въ чловѣцѣхъ, побѣжену *быти* отъ поганъ; и избѣномъ бывшемъ, а другимъ изманомъ. Также и того Петра яша. И приведъша я къ князю срацинъску, показаша. И повелъ князь пустити я въ градъ Самарѣискъ* предати я старѣшинѣ, иже ту въ градѣ. Того же Петра повелъ въ твърду тьмьницю въсадити ѱ, и нозѣ оковати дѣвоими оковы, и уже на шию възложити, понеже бѣ воемъ староста. И бы тако повелѣние.

И ту сѣдя въ узакъ, помышляше своя прегрѣшения, еже въ жити сѣтвори. И рече: «Съ грѣхъ бы на мнѣ достойно и правдно, якоже и горѣ сего достоинъ есмь, понеже сългахъ Богу първое. Въ бѣдѣ бо быхъ велицѣ и молихъся святому Николѣ, и потомъ общахъся, сиче рекый: „Избави мя, святой Николае, да ся постригу отъ жены и отъ дѣтии къ апостолу Петру въ Римъ”.* Къде мя избави святой Николае, ту же азъ забыхъ и не сѣтворихъ, еже ся бяхъ общалъ святому. Да достоинъ есмь и горышо сего бѣду прияти. Хвалю тя, Владыко мой, и святого Николу, аще и въ тьмьници есмь ли въ оковѣхъ сѣдяи. И сѣтворихъ лѣто все ту, и паки рѣхъ въ собѣ: „Азъ съвѣдѣ, святой Божий Николае, нѣсмь достоинъ николиже съпасения. Да тѣмъ уже не смѣю милости просити о избавлении. Ты же, якоже имаши обычай отъ печальныхъ все давай* и молитвы своя простирай, къ тебе бо простираю

Поп стоял, связанный сзади. Святой же Никола (опять) сказал попу: «Не бойся». Придя, палач принес другой меч и сказал попу: «Склони голову». И собирался ударить. И тут святой Никола протянул руку и взял меч. И рассердился араб на попа и спросил: «Не волхв ли ты? Где меч?» Сказал поп: «Никола взял». И он снова, третий (меч) взял. И встретил его святой, выхватил (меч) из рук. И пришел палач к попу с пустыми руками и сказал: «Поведай мне, кто этот Никола?» И сказал поп: «Который в Мирах Ликийских». Сказал араб: «Если так, то велик этот муж и добр. Ибо много я слышал о том, что творит он добро людям». И развязал попа и других трех мужей, которых должны были казнить вместе с попом.

И приведя их всех четверых и поставив пред собой, стал он расспрашивать попа о святом, — как он его видел. И поп рассказал ему все то по порядку: и как ему являлся, и как у него выхватывал из рук меч. И слыша это от попа, араб сильно удивился и сказал: «Велик Бог христианский». И обратился к мужам: «Вручаю я вас сегодня тому Николе». И взял их с собой, вывел из своей земли. И указал им путь, сказав им: «Идите к святому Николе»; было же это недалеко оттуда. И араб возвратился в дом свой, а они, славя, восхваляли в песнопениях Бога и святого Николу, который избавил их от горького меча и лютой смерти. (...)

Чудо святого Николы. Петр, доброй памяти монах, был некогда на воинской службе и там числился старейшиной пятого полка. Отправили его с воинами воевать против сарацин. И случилось (им), как это часто бывает среди людей, потерпеть поражение от неверных; и (одни) убиты были, а другие пленены. Также и того Петра взяли. И приведя их к сарацинскому князю, показали (ему). И повелел князь отправить их в город Самарию, передать старейшине этого города. Того же Петра повелел посадить в крепкую темницу, и сковать ноги ему двойными оковами, и вериги на шею возложить, ибо был он старейшиной воинов. И было исполнено повеление.

И там, сидя в оковах, (Петр) размышлял о своих прегрешениях, которые он совершил в жизни. И сказал: «Это наказание заслужено мной и справедливо, и даже горшего я достоин, потому что в прошлом солгал Богу. В беде был я большой и молился святому Николе, и потом дал обет, так сказав: „Избавь меня, святой Никола, и я постригусь, (уйдя) от жены и детей, в (церкви) апостола Петра в Риме“. Но когда избавил меня святой Никола, тогда забыл я (свой обет) и не сделал того, что обещал святому. Поэтому достоин я и горшую беду претерпеть. Славлю, Владыка мой, тебя и святого Николу, хотя и в темнице я, и в оковах сижу. И (вот) просидел я целый год здесь и опять говорю про себя: „Я знаю, святой Божий Никола, что я совсем не достоин спасения. И поэтому уже не смею просить милости об избавлении. Ты же, поскольку имеешь обычай от горюющих все (тяготы) брать и молитвы

и молюся, и проповѣдника къ Нему наричу да мя избавиши от узъ сихъ, да отселъ въ миръ не обращаюся, ни въ домъ свой, ни къ женѣ своей, ни къ дѣтѣмъ своимъ, нъ да иду въ Римъ къ святому Петру и да ся постригу. И ту лѣта своя и животъ свой съконячаю до смърти въ чърньчествѣ. Да елико имаши дързновение къ Владыцѣ, моли за мя». Тако ино много бесѣдовавъ мужъ съ. И яся алчбѣ и молитвѣ; и сътвори недѣлю всю, не вѣкуся чтоже.

И конячавъ недѣлю, явися ему теплый заступникъ и великий Николае и рече къ нему: «Молитву твою, Петре брате, услышахъ и стенание сѣрдьца твоего разумѣхъ. И чловѣколюбьца Бога за тя умолихъ о избавлении. Обаче егда тѣ самъ реклъ: „Просите — и примете, и дасться вамъ; тѣлцѣте и отвѣрзуться вамъ”,* — да ся не отлучаемъ чловѣколюбия его, и еже на пользу намъ подати имать». Та же вся рекъ, святой Николае повелѣ въкусити ему брашна, рекъ: «Въздай молитвы къ Богу». И отъиде.

И паки явися ему вѣторое святой Николае, весело глядая и рече къ нему: «Азъ, брате, вѣру ими ми, яко нѣсмь почилъ, о тебе моляся благому Богу. Нъ не вѣмъ, чѣто мыслить милосѣрдый Богъ сътворити. Азъ ти покажу молитвѣника достойна и помощника. Да вѣдъ, иже помолитъся къ Богу о тебе, тѣ да сътворитъ хотѣния наю». *И глагола ему Петръ*: «Да кто есть, святой отъче, паче тебе молящася къ Владыцѣ, яко и весь миръ призываетъ тя на помощь, и ты спасаеши весь миръ?» Отвѣща къ нему великий Николае, и рече: «Вѣси ли Семеона Правднаго,* иже на руку своею Христа *приятъ*, четыридесяты днни вънесе на руку въ цѣрквь?» — «Вѣдъ, святыче Божий, тѣчью не знаю чловѣка, развѣ еже есмь слышалъ въ святыхъ Евангелиихъ». Ту же чловѣколюбьць Николае рече: «Да того оба моливѣ непрестанно; мощнь бо есть и стоить у престола Владыкы и съ Кръстительмъ Иоанъмъ и святою Богородицею. Да иже тѣ ся помолитъ, то ту тако хотѣние наю дасть». То же рекъ, святой Николае отъиде от него.

Въспрянувъ же ся, чловѣкъ съ нача молитися въ алчбѣ къ святому Николѣ, а святой Николае моляше святаго Сумеона.

И поимъ правдъный Сумеонъ святаго Николу, идоста къ мужю утѣшити ѥ и избавити ѥ от узъ и от бѣды тоя. И рече Сумеонъ: «Мужайся, брате, и въспряни». Онъ же, очима прозѣрѣвъ, видѣ великаго Семеона стояща, палицю имѣя злату и държа ѥ въ руку, въ бѣлахъ ризахъ и съ святымъ Николою. И рече ему святой Семеонъ: «Ты ли еси, иже призываше днь и ношь?» Онъ же, одѣва уста своя отвѣрзе, рече: «Ей, азъ есмь оканъный и грѣшъный, святыче Божий, съгрѣшивъ многаго». И рече: «Да съхраниши ли, еже еси обѣщаль ся пострѣщи въ чърньчство?» Рече мужъ: «Ей, господи». И рече святой: «Не мози сълѣгати мѣнѣ, яко и Николѣ». Рече мужъ: «Ни, господи». Рече святой Семеонъ: «Ельма ся поручиши, излѣзи, пакости не

свои (за них) возносить, — к тебе ведь я обращаюсь и молюсь, и заступником перед Богом тебя называю, — избавь меня от этих уз, да отныне не вернусь я в мир, ни в дом свой, ни к жене своей, ни к детям своим, но да пойду в Рим к святому Петру и постригусь. И там годы свои и жизнь свою проведу в монастыре до самой смерти. И если имеешь дерзновение к Владыке, молись за меня». Это и многое другое говорил сей муж. И пребывал в посте и молитве; и так провел всю неделю, ничего не вкусив.

И через неделю явился ему усердный и великий заступник Никола и сказал ему: «Услышал я молитву твою, брат Петр, и понял скорбь сердца твоего. И человеколюбца Бога умолил за тебя, о (твоем) избавлении. Ведь коли он сам сказал: „Просите — и дастся вам; стучите — и откроются вам“, — так не отлучены будем и мы человеколюбия его и того, что на пользу нам подаст». Изрекши все это, святой Никола велел ему поесть и сказал: «Вознеси молитвы к Богу». И ушел.

И опять, во второй раз явился ему святой Никола, весело глядя и говоря ему: «Я брат, — верь мне, — не передохнул, молясь о тебе благому Богу. Но не знаю, что милосердный Бог думает совершить. Я тебе покажу молитвенника достойного и помощника. И знай, если помолится он Богу за тебя, тот исполнит наши желания». И сказал ему Петр: «Но кто есть, святой отец, усерднее тебя молящийся Владыке, если и весь мир тебя призывает на помощь, и ты спасаешь весь мир?» Отвечая ему, великий Никола сказал: «Ведаешь ли ты Симеона Праведного, который на руки свои принял Христа на сороковой день и внес его на руках в церковь?» — «Ведаю, святой Божий, только не человека знаю, а лишь то, что слышал о нем из святых Евангелий». Тогда человеколюбец Никола сказал: «Да будем оба молить его непрестанно, ибо силен он, и стоит у престола Владыки вместе с Иоанном Крестителем и святою Богородицею. И если тот помолится, то тогда тем самым наши желания исполнит». Сказав это, святой Никола отошел от него.

И придя в себя, человек этот начал, постясь, молиться святому Николе, а святой Никола молил святого Симеона.

И взял праведный Симеон с собой святого Николу, и пошли они к этому человеку утешить его и избавить от оков и от беды той. И сказал Симеон: «Мужайся, брат, и проснись!» Он же, открыв глаза, увидел великого Симеона, стоящего в белых одеждах рядом со святым Николою и держащего в руке золотую палицу. И спросил его святой Симеон: «Ты ли это, который призывал меня день и ночь?» Он же, едва раскрыв уста свои, ответил: «Да, святой Божий, я это, окаянный и грешный, много согрешивший». И спросил: «Исполнишь ли ты свое обещание постричься в монахи?» Ответил муж: «Да, господин». И сказал святой: «Не солги же мне, как Николе». Ответил муж: «Нет, господин». Сказал святой Симеон: «Если обещаешь, то выходи, не имея никакого препятствия. Иди отсюда, куда хочешь, никого не бойся». И сказал человек: «Господин,

имѣя никакоже. Аможе хошеши иди отселѣ, не бойся никоже». Рече чловѣкъ: «Господи, како хощу ити, а нозѣ ми окованѣ и веригы на выи». И подвиже святой Семеонъ жьзльмъ златымъ онѣмъ, удари въ оковы и въ веригы, и сътрошася, яко и прахъ. И излѣзъ ис тъмьница святой Семеонъ, преда ѥ Николѣ и отъиде.

И примъ святой Николае, поимъ, веде ѥ по пути. И рече святой Николае: «Имаши ли брашно, еже ти идущи довьлно будетъ?» Тъ же мужъ яко не мняше, яко на явѣ есть, и рече къ святому Николѣ: «Не имамъ брашна, ни иного ничьсоже». Рече же святой Николае къ мужу: «Се, брате, огради овоща все пълни. Вълѣзъ, напълни довьль свой и иди по пути. Не бойся: якоже и мене не можеть видѣти (...) никтоже, такоже и тебе». Тако послушавъ мужъ и вълѣзъ, набра овоща, ели хотяше, и излѣзъ, поиде по пути и съ святымъ Николоу.

И тако доправи мужа сего святой до Рима. И рече ему ночью святой Николае: «Брате, осе еси пришълъ въ Римъ. Да не мози *солгати*, нъ утро рано вълѣзи въ църкъвь святаго и върховняго Петра. И ту ты узреть Папа и възоветь тя. Ты же, пришъдъ къ нему, поклонися и поклони главу свою да ты пострижеть. Аще ли того не сътвориши, то паки будеши въспять шълъ въ Самару и, въ тъмьници сѣдя, тую же бѣду примеши. Не мози же преступити моя заповѣди, нъ паче угодие сътвори святууму Семеону и святому Николѣ. Не помышляй же ни на домъ, ни къ женѣ, ни на дѣти, развѣ къ Богу».

Та же вся рекъ, святой Николае иде къ къде съпяше Папа и рече ему: «Възбѣни и вижь!» Яко явѣ глядаше Папа святаго Николу, за руцѣ държаша мужа и глаголюща сице: «Прими чловѣка сего. Избавиль ѥ есмь ис тъмьница отъ Самара и от узъ великъ. Дай ему молитву и постризи ѥ; а имя ти ему есть върховняго апостола Петра. Да тако ему сътвори». И тако рекъ, святой Николае ишезе от него.

И въспрянувъ, Папа повелѣ клепати утрьню, бѣ бо томъ дни недѣля. И шъдъ Папа въ църкъвь, и нача глядати по всѣмъ чловѣкомъ мужа сего, егоже ему бяхе проявилъ святы Николае да бы ѥ позналъ. И тако зря по чловѣкомъ, узрѣ чловѣка того стояща посередъ людий въ църкви. И призва ѥ къ себѣ и рече: «Петре, нѣси ли ты от земля Грьчьскы, бывъ въ срацинѣхъ въ тъмьници въ Самарии, избавленъ от святаго Николы?» Онъ же поклонися до земля Папѣ, и обличи и рече: «Ей, владыко, азъ есмь». И рече Папа: «Не мози, брате, почюдитися мене, еже ты възвахъ именемъ твоимъ, егоже николиже слышалъ есмь, ни видѣлъ, брате, ни ты мене, ни азъ тебе. Нъ святой и великий Николае ночью престоя и повѣдая ми, како ты ис тъмьнице изведъ и желѣза разбивъ, и привелъ тя сѣмо, и повелѣлъ ми тя острѣщи въ имя Божие». И тако рекъ Папа, Божию молитву въ имя Господне въдавъ, остриже ѥ.

как я пойду? Ведь ноги мои в оковах, и вериги на шее». Тогда поднял святой Симеон свой золотой жезл и ударил им по оковам и веригам, и рассыпались они, словно прах. И вышел из темницы святой Симеон, передал его Николе и удалился.

И принял его святой Никола, взял с собой и повел его по дороге. И сказал святой Никола: «Есть ли у тебя еда, которой тебе в пути достаточно будет?» И муж тот, даже не понимая, что это наяву, ответил святому Николе: «Нет у меня ни еды, ни чего-либо другого». И сказал святой Никола мужу тому: «Вот брат, все (эти) сады полны плодов. Войди, возьми, сколько нужно, и иди в путь. Не бойся: как меня никто не может видеть, так и тебя». Тогда, послушавшись, вошел муж (в сад), набрал плодов, сколько хотел, и, выйдя, пошел по дороге со святым Николою.

И так довел святой мужа того до Рима. И сказал ему ночью святой Никола: «Брат, вот и пришел ты в Рим. Смотри, не солги, но рано утром войди в церковь святого и верховного (апостола) Петра. И там увидит тебя Папа и позовет тебя. Ты же, подойдя к нему, поклонись и преклони главу свою, пусть он пострижет тебя. Если же ты не сделаешь этого, то пойдешь обратно в Самарию и (там), в темнице сидя, окажешься в той же беде. Не нарушь же мою заповедь, но большее угождение сделай святому Симеону и святому Николе. И не помышляй ни о доме, ни о жене, ни о детях, а только о Боге».

Сказав все это, святой Никола пришел туда, где спал Папа, и сказал ему: «Проснись и смотри!» Как наяву смотрел Папа на святого Николу, держащего за руку мужа и говорящего так: «Прими человека этого. Я освободил его из темницы в Самарии, от тяжких оков. Помолись о нем и постриги его; имя же ему дай верховного апостола Петра. Сделай же так». И сказав это, святой Никола исчез.

Придя в себя, Папа повелел звонить в колокола к заутрени, ибо был воскресный день. Придя же в церковь, Папа начал высматривать среди людей того мужа, которого ему явил святой Никола, чтобы узнать его. И так, оглядывая людей, увидел человека того, стоящего посреди людей в церкви. И призвал он его к себе и сказал: «Петр, не ты ли из земли греческой, (и не ты ли), будучи у сарацин в темнице в Самарии, избавлен святым Николою?» Он же поклонился Папе до земли, и открылся, и сказал: «Да, владыка, это я». И Папа сказал: «Не удивляйся, брат, что позвал я тебя твоим именем, которого никогда не слышал; и не видел, брат, ни ты меня, ни я тебя. Но святой и великий Никола, явившись мне этой ночью и рассказав, как, выведя тебя из темницы и разбив оковы, привел тебя сюда, повелел мне постричь тебя во имя Божье». И сказав это, Папа дал ему Божью молитву во имя Господа и постриг его.

Тако святой Николае чудотворьць намъ добрая та показа, тако, моля Владыку, съвършяеть чудеса. И показая вьсему миру знаменія, акы отьць чада приемля: съ плавающими плаваеть, по пути ходящимъ помощьникъ, въ бѣдахъ утѣшьникъ, въ тьмьницахъ присѣтьникъ, въдовиця милуя, сирыя накъръмляя, плѣньники избавляя, больныя ицѣляя.

От святаго Николы благости и дай ны Богъ молитвами его спастися, да сию жизнь добръ проводяще, и будущаго вѣка молитвами его благая уллучимъ о Христе Иисусе, Господи нашемъ. Емуже слава и държава съ Отьцьмъ и Святымъ Духъмъ нынѣ, и присно, и въ вѣкы.

Вот так святой чудотворец Никола явил нам свою доброту, так, моля Владыку, совершает он чудеса. И являя всему миру знамения, как отец чад принимает: с плавающими плавает, путем ходящим — помощник, в бедах — утешитель, в темницах — посетитель, вдов милует, сирот кормит, пленников избавляет, больных исцеляет.

Дай Бог и нам милостью святого Николы спастись, его молитвами, чтобы, прожив достойно эту жизнь, и в будущем веке спасение получить от Иисуса Христа, Господа нашего. И да славится он и властвует с Отцом и Святым Духом и ныне, и присно, и в веках.

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

МЪСЯЦА МАРЪТА ВЪ 17 ДЕНЬ ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЪКА БОЖИЯ

Бѣ нѣкто чловѣкъ благовѣренъ в Римѣ градѣ именованъ Евфимиянъ, славенъ бывъ у Анурия и Аркадия,* у царю римскую. Богатъ сый зѣло, имѣаше же рабѣ-домочадецъ 300 в *свилнах* ризах и в златыхъ поясъх, не имѣаше же чада, зане подружие его неплодно бѣ.

Благовѣренъ же сый, заповѣди Божиа *творяше*, пощаше же ся по вся дньи до 9-го часа, поставляше три трапезы въ своемъ дому: едину — сиротамъ и *вдовицамъ*, другую — нищимъ и *недужнымъ*, третью — страннымъ и мимоходящимъ. Самъ же въ девятый часъ вкушааше хлѣба своего с черноризецъ и мимоходьды нищими. Егда же идя *в полату*, милостыню предъ собою слаше, глаголя, яко нѣсмь достоинъ по земли Божию ходити. Жена же его именованъ Агласна, жена же вѣрна и боящися Бога, заповѣди творяше, молящися Богу и глаголющи: «*Помени* мя, Господи, недостойную рабу твою, и дай же ми плодъ чреву, да будеть ми вождь старость и на утѣху душа моя!»

И помяну ю Богъ по добродѣланю ея, и зачатъ и роди сынъ. И възвеселися жена и мужъ ея о Бозѣ. Егда же бысть время отрочате учитися, вдали е на первое учение грамотѣ, и навиче *всей граматикы*, и церковную строю, и от риторикы мало, и бысть отроча премудро зѣло. Егда же бысть женити годъ, рече Евфимиянъ женѣ своей: «Сътвори вѣ бракъ сыну своему». И възвеселися жена о словесѣ мужа своего, паде на ногу его, глаголющи: «Да уставитъ Богъ слово твое, еже глагола, да *сътвори вѣ* бракъ сыну наю възлюбленному, — и да възрадуется душа моя!»

И обручиша ему нѣвесту царскаго роду и сътвориша ему бракъ, увязыше чертогъ, вѣнчаше а святыми священники въ церкви Святаго Внифантѣа.* И введше я в *чертогъ*, веселишася до ноши весь день тыи.

Влѣзъ же в чертогъ, сѣде на престолѣ златѣ, и вземъ перстень златъ, и лѣзъ* обить *коприную*, и дасть обручици своей, и рече: «Възми и съхрани, и буди Богъ межи тобою и мною, дондеже Господь изволитъ». И *иные* тайныи

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

МЕСЯЦА МАРТА В 17 ДЕНЬ ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТОГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

В граде Риме жил один благоверный человек по имени Евфимиан, бывший в почете у римских цесарей Гонория и Аркадия. Богат он был очень, имел триста рабов-домочадцев в шелковых одеждах с золотыми поясами, но не имел наследника, ибо супруга его была бесплодна.

Как человек благоверный, он следовал заповедям Божиим, постился каждый день до девятого часа, устраивал в своем доме три трапезы: одну — для сирот и вдовиц, другую — нищим и недужным, третью — для странников и паломников. Сам же в девятом часу вкушал свой хлеб с чернецами и нищими. А когда шел в палаты, посылал впереди себя милостыню, говоря, что недостойн ходить по Божьей земле. И жена его именем Агласия, благоверная и богобоязненная, тоже соблюдала заповеди, молясь Богу и говоря: «Помяни меня, Господи, недостойную рабу твою, и дай плод чреву моему, да будет мне поводырем в старости и утешением души моей!»

И Бог воздал ей за ее добродетель: она зачала и родила сына. И возблагодарили Бога жена и муж. Когда же отроку пришло время учиться, отдали его сначала обучению грамоте, и он познал всю грамматику, церковные правила и немного риторичку, и был отрок очень умным. А когда настало время его женить, Евфимиан сказал своей жене: «Свершим брак сыну своему». И возрадовалась жена словам мужа своего, пала ему в ноги, говоря: «Да утвердит Бог слова, сказанные тобой, свершим брак сына нашего возлюбленного — и да возрадуется душа моя!»

И обручили его с невестой царского рода, свершили его брак, женили его, и венчали их праведные священники в церкви Святого Вонифатия, а, отведя его в брачную спальню, все веселились весь тот день до ночи.

А он, войдя в спальню, сел на золотой свадебный трон, и снял золотое кольцо, и, завернув в персидский шелк, отдал своей обрученной, сказав: «Возьми и сохрани, и да будет Бог меж тобою и мною до той поры, пока Господь

извѣща к ней. Излѣзъ ис чертога, иде в ризницу и взем от богатства своего и изыде ношью отай из Рима. Шед же и из Капетулѣи,* обрѣте карабль, в рѣцѣ стоящъ, и влѣз в онь, доплы града Лаодикия,* рекомаго *Магнарѣя*. Излѣзъ же ис корабля, помолися Богу, глаголя: «Боже, сотворивый небо и землю и спасе мя из чрева матере моея, спаси мя и нынѣ от суетнаго сего жития и сподоби мя деснаго стояния,* яко ты еси Богъ милостивъ и спасаай, тебѣ славу възсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

И въставъ, в той час срѣте оселники и иде с ними, дондеже доиде Едесы сирьския, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего* Исуса Христа, иже дасть Авгарю сый.* Влѣз же въ град, продасть все, еже имѣ, и дасть нищим, и облечеса въ *худыя* ризы, и сѣдѣше яко проситель в папертѣ *въ церкве* владычица наша *Пресвятыя* Богородица, пошашеса от недѣли до недѣли, причащаяся святых тайнъ и ядѣше двѣ уки хлѣба и двѣ уки пиаше воды, *без сна пребываше* вся нощи. А еже ему *дааху милостыню*, то все даѣше нищимъ.

Искаху же его въ градѣ Римстѣ и не обрѣтоша его. И посла отецъ его отроки искати его, и не обрѣтоша его. Пришедше въ Едесъ град Месопотамию и даша ему отроки свои милостыню и не познаша его. Видѣвъ же ѱ, он позна ѱ и прослави Бога и рече: «*Благодарю тя, Господи*, яко сподобил мя еси прияти милостыню от своих домочадецъ имени твоего ради». И обратишася отроцѣ его в Рим и възвѣстиша господину своему, яко не обрѣтохом его.

Мати же его, от того часа брачнаго, егда *искааху его и не обрѣтоша, вшедши в ложницу* свою и отврѣзши оконце възглавию своем и пославши вретѣще, попелом посыпа, молящеса Богу, глаголющи: «Не имамъ встати отсюду, дондеже *увѣмъ* о сыну своем единочадѣм, камо ся дѣ». А отецъ его, отнелъ же родися сынъ его, не прилѣпися женѣ своей, глаголя к ней: «Моливъ Бога, да пошадит отроча, еже нама дасть».

Сътворшу же отрочатѣ 17 лѣтъ въ *папъртѣ* Святыя Богородица и угоди Господеви своему: явися во снѣ понамаревъ святая Богородица, глаголющи: «*Въведи челоувѣка Божиа въ церковь мою*, яко достоинъ естъ царства небеснаго, яко миро бо добровоня молитва его естъ и якоже вѣнецъ на главѣ цесареви, тако почиваетъ Духъ Святый на немъ. И яко же солнце сияетъ въ весь миръ, тако просияетъ житие его прѣдъ ангелы Божиими». *Пономарь* же ища того челоувѣка, и не обрѣте, и обратися моляся Богородицы, да явить ему челоувѣка того. Глаголя же паки къ нему Богородица вѣторое: «Убогый сѣдя прѣдъ двѣрьми църковными, тѣ естъ челоувѣкъ Божий». Изиде же паки въ папъртѣ и обрѣте ѱ, имы ѱ за руку, въведе ѱ въ църковь, и оттолѣ служаше ему вельми.

И прослу слово то челоувѣка Божиа въ всемъ градѣ томъ. Видѣвъ же, яко познаша ѱ вси, отбѣжа от града того и пришьдъ въ Лаодикию, влѣзе въ корабль и хотя преехати въ Тарьсъ Киликию,* зане ту не знаяхуть его. Волею

изволит». И иное тайное поведал ей. Выйдя из спальни, пошел он в сокровищницу и, взяв часть своего богатства, покинул Рим тайно ночью. Спустившись с Капитолия, увидел он корабль, стоящий на реке, и, взойдя на него, доплыл до града Лаодикии, называемого Магнарея. Сойдя с корабля, помолился он Богу так: «Боже, сотворивший небо и землю, вызволивший меня из чрева матери моей, спаси меня и ныне от этой суетной жизни и сподобь меня десного предстояния возле тебя, ибо ты Бог милостивый и Спаситель. Славу возносим тебе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

Помолившись, тотчас же встретил он погонщиков ослов и отправился с ними, пока не дошли до Эдессы сирийской, где лежит образ Господа нашего Иисуса Христа, который некогда сам дал Авгарю. Войдя в город, продал он все, что имел, и роздал нищим, облекся в бедные одежды и как нищий проситель сидел на паперти церкви владычицы нашей Пресвятой Богородицы, постясь от воскресения до воскресения, причащаясь святых тайн, съедая лишь два куска хлеба и выпивая два глотка воды, пребывая без сна все ночи. А если ему подавали милостыню, он все отдавал нищим.

Искали его в городе Риме, но не нашли. И отец послал слуг разыскивать его, но и они не нашли его. Когда слуги пришли в Месопотамию, в город Эдессу, то, не узнав его, подали ему милостыню. Он же, увидев, узнал их и возблагодарил Бога, сказав: «Благодарю тебя, Господи, что сподобил меня принять милостыню от своих домочадцев имени твоего ради». И вернулись его слуги в Рим, сказав своему господину, что не нашли его.

Мать же с того свадебного часа, когда искали его и не нашли, вошла в свою спальню, открыла оконце возле своего изголовья и, постлав мешковину, посыпала пеплом и стала молиться Богу, приговаривая: «Не выйду отсюда, пока не узнаю о сыне своем единственном, куда делся». И отец, с тех пор как родился сын его, не прикасался к жене своей, сказал ей: «Помолим Бога, да пощадит дитя, которого нам дал».

Семнадцать лет провел юноша на паперти церкви Святой Богородицы и угодил Господу своему: явилась во сне пономарю святая Богородица со словами: «Введи в церковь мою человека Божия: достоин он царства небесного, ибо молитва его, как миро благоуханное, и, как цесарев венец на голове, почивает на нем Дух Святой. И как солнце сияет для всего мира, так просияет житие его пред ангелами Божьими». Пономарь же, поискав того человека и не найдя, обратился с молитвой к Богородице, чтоб явила ему человека того. И Богородица вновь сказала ему, вторично: «Убогий, сидящий у дверей церковных, это и есть человек Божий». И снова вышел он на паперть, нашел его и, взяв его за руку, ввел в церковь и с той поры служил ему исправно.

И разнеслась слава о человеке Божием по всему городу. А когда он понял, что все его узнали, то бежал из этого города, и, прийдя в Лаодикию, сел на корабль, и хотел уехать в Киликию, в Тарс, потому что там не знали его.

же Божию прегънанъ бысть корабль вътръмь бурьнъмь и приде въ Римъ. Излѣзь же ис корабля, рече: «Живъ Господь Богъ мой! Не буду тяжкъ никому же иному: въ домъ отца моего да иду, яко и ту незнаемъ есмь». Ида же, сърѣте отца своего, идуща от полаты въ врѣмя обѣда, и поклонися ему, глаголя: «Рабе Божий, помилуй мя, убогаго странна, и не дѣи мене въ дворъ своемь, да ся насыщаю и азъ съ рабы твоими „от крупиць, падающи съ тряпезы“* твоя. Богъ же да благословить лѣта твоя и да ти подасть царство небесное, и яже имаша на страннѣй земли да благословить и да тя насытитъ упвания своего». Слышавъ же отецъ его, паче о странныхъ тѣщѣнѣи бысть въвести въ домъ свой, и рече къ отрокомъ своимъ: «Къторый от васъ служити ему хошетъ? Да аще угодить ему, живъ Господь, яко свободнѣнъ будетъ и участие имать възяти въ дому моемъ. Нѣ въ папѣртѣ въхода моего сѣтворите ему хыжищу, да вълазя и излазя, зру его. Давайте же ему от моя яди и тряпезы». — И бѣ ему суровъ приснѣ.

Мати же его имущи сѣтование и печаль и не исхожаше из ложница своя, а снѣха, оставши, рече ей: «Не отиду отсуду до смърти моя, нѣ гърлицы ся уподоблю, пустынелюбичи и единомужици. И азъ сътѣрплю и пожду, донѣдеже увѣдѣ о женисѣ моемъ, чѣто ему бысть».

Отроци же по вся вечеры пакости ему дѣяху, ругающесе: они же пѣхаютъ его ногами, друзии же заушаютъ, инии же паки, опанице омывающе, възливаху на нь помоя. Видѣвъ же человекъ Божий, яко диявльмь научениемъ то ему бываетъ, съ радостию, и веселиемъ, и тѣрпѣниемъ вся принимаше, тѣрпя.

Съкончавъшю же въ дому отчи 17 лѣт незнаемъ, кѣто бѣ, егдаже изволися Господеви възати предание от него; рече къ отроку, служащему ему: «Брате, принеси ми харѣтию* и чѣрнило». *И принесе ему.* И възъмъ, написа тайны, яже имаше съ отцѣмъ си, и съ матерію, и еже глагола къ обрученици своей въ чѣртозѣ, како ей дасть пѣрстенъ и лѣзь. И все житие свое написа, да познають ѿ, яко тѣ есть сынъ ею.

Бысть же въ единъ днь недѣля *сущи*, по кончании святыхъ литургия, и еще сушу Маркиану архиепископу въ церкѣви и благовѣрными цесарема и всѣмъ людѣмъ, гласъ услышыша невидимъ за олтарѣмъ глаголя: «Придѣте вси тружajúщиися и обрѣмѣнении грѣхы, и азъ вы покою!»* Дивиша же ся и ужасошася вси и падоша ници въпиюще: «Господи, помилуй!» Тѣгда же паки вторый гласъ услышаша: «Поищѣте человекъ Божия, да помолитъ ся за миръ. Свитающю же пятѣку, исходитъ от телесе своего».

Въ четвѣртѣкъ же вечеръ събѣрашася вси въ церкѣвъ Святаго *апостола* Петра молящесе Богу, да явить имъ человекъ Божия. И бысть гласъ, глаголя: «Въ дому Еуфимияни, ту есть тѣло его». Обращъша же ся оба цесаря, рѣста къ Еуфимияну: «Въ дому своемъ таку благодать имѣя, почто нама нѣси повѣдалъ?» Еуфимиянъ же рече: «Живъ Господь Богъ мой! Не сѣвѣдѣ». *И призва же стрѣйшаго рабѣ своихъ и рече: «Свѣси ли кого в клеветех моихъ такога суца?» Он же рече ему: «Живъ Господь Богъ мой, яко не свѣмъ: вси*

Но, волею Божьей, корабль был подхвачен сильным ветром и пришел в Рим. Сойдя с корабля, он сказал: «Благословен Господь Бог мой! Не буду в тягость никому: войду в дом отца моего, как будто я там неизвестен». Подходя, встретил он отца своего, идущего из дома в обеденное время, и поклонился ему, сказав: «Раб Божий, помилуй меня, убогого странника, и пусти меня во двор свой, дабы и я насыщался с рабами твоими „крохами, падающими со стола” твоего. Бог же да благословит лета жизни твоей и даст тебе царствие небесное, и странник, которого примешь, благословит и утешит тебя верованием своим». Когда отец его услышал о странниках, которых весьма привечал в своем доме, то сказал своим слугам: «Кто из вас хочет служить ему? Если же угодит ему, да видит Господь, тот будет свободным и получит часть моего имущества. А при входе в мой дом постройте ему хижину, чтобы, входя и выходя, я видел его. Давайте же ему еду с моего стола». Но был он с ним всегда суров.

А мать его, сетуя и печалась, не выходила из своей спальни, а сноха, оставшаяся с ней, говорила: «Не уйду отсюда до смерти моей, а уподоблюсь горлице, пустынножительнице и единомужнице. И я буду терпеть и ждать до тех пор, пока не узнаю о женихе моем, что с ним».

Слуги же каждый вечер мучили его, глумясь над ним: одни пинали его ногами, другие давали оплеухи, а иные же, моя посуду, выливали на него помои. А человек Божий, видя, что это свершается с ним по дьявольскому наущению, принимал все терпеливо, с радостью и стойкостью.

Когда же прошло семнадцать лет его пребывания в отчем доме неузнанным, тогда Господь изволил взять у него исповедание о себе; человек Божий сказал отроку, который ему служил: «Брат, принеси мне пергамен и чернила». И тот принес ему. Он взял и написал о тайном, что было у него с отцом и матерью, и о том, что говорил повенчанной с ним в своем брачном чертоге, когда дал ей кольцо и шелк. И всю жизнь свою описал, чтобы узнали его, что это — их сын.

В один из воскресных дней по окончании святой литургии, когда архиепископ Маркиан был еще в церкви, благоверные цесари и все люди услышали неведомый глас из алтаря, изрекший: «Придите все отягощенные и обремененные грехами, и я вас упокою!» Удивились и ужаснулись все и пали ниц, возопив: «Господи, помилуй!» И тогда вновь, вторично, услышали глас: «Поищите человека Божия, да помолится за мир. На рассвете в пятницу покинет он тело свое».

А в четверг вечером все собрались в церкви Святого апостола Петра, моля Бога, чтобы явил им человека Божия. И раздался глас, изрекший: «В доме Евфимиана тело его». И обратились оба цесаря к Евфимиану, сказав: «Имея в доме своем такую благодать, почему ты нам не сказал?» А Евфимиан ответил: «Видит Господь Бог мой! Не знал». И призвал он старейшину рабов своих и сказал: «Не знаешь ли среди моих рабов такого?» И тот ответил: «Видит Господь Бог мой, не знаю: все они — ничтожные люди». Тогда цесари велели идти в

бо пустошници суть». Тъгда повелѣста цесаря ити въ домъ Еуфимиянъ, да поищють челоуѣка Божия. Тъгда повелѣ Еуфимиянъ рабомъ своимъ столы и престола поставити съ свѣщами и съ тьмянъмъ срѣсти я. И придоста цесаря и архиепископъ, и вси цесареви мужи, и бысть гълчание въ дому.

Мати же его завѣсила была окъннице завѣсъмъ, да не видить ея никътоже, и рече: «Чъто се естъ мълва и мятежъ, и почъто суть пришъли?» А сънха въсѣхъ зряше съ полаты. Слуга же челоуѣка Божия рече къ господину своему: «Господи, еда съ естъ челоуѣкъ Божий, нищий съ, егоже ми бѣ поручиль, велика бо знамения и дивъна видѣхъ у него. От недѣля до недѣль причащающася святыхъ таинъ и 2 укъни хлѣба и 2 укъни воды пияше, въся недѣля не яды, а въ ноши бе съна пребываше. Нъ етери от клеврѣтъ моихъ пакости ему творяху: ови пхающе, а друзии ругающеся, инии же помыями обливаху, онъ же съ радостию все приимаше».

Еуфимиянъ же слышавъ се, тече къ челоуѣку Божию и, пришъдъ, глагола къ нему, и не бѣ гласа от него уже, и открывъ лице его, видѣ свѣтящеся, яко ангелу, и държаща харѣтию въ руцѣ. Еуфимиянъ же хотѣ възъмъ харѣтию видѣти, чъто естъ написано въ неи, онъ же не пусти ея. Еуфимиянъ же обращъся и шъдъ, рече къ цесарема, яко егоже ищемъ, обрѣтохомъ, и исповѣда има, яко прѣже 17 лѣтъ приде къ мнѣ, и — все по ряду, како житие его, еше же и харѣтию държитъ въ руцѣ и не дасть ми ея.

Тъгда повелѣста цесаря одрѣ настѣлати и положити на немъ святаго. Въставша же цесаря, и архиепископъ, и вси цесареви мужи, сташа прѣдъ одрѣмъ глаголюще: «Рабе Божии, и въ, аще грѣшна есвѣ, то — цесаря есвѣ, а съ — отецъ въсея въселеня.* Въдажь намъ харѣтию, да видимъ, чъто ты еси и чъто естъ писано въ неи». Тъгда въдасть имъ харѣтию, и възъмъша въдаста ю дияку церьковьному. Съдъшема же цесарема, и архиепископу, и Еуфимияну, начать харѣтию чисти халтоларь.*

Егда слыша отецъ чътения харѣтия, въскочи съ прѣстола скоро, и растърза ризы своя, и сѣдины тързаше, текии надъ тѣло его, въргъ же себе на пърси его. Любъзна цѣловаше его глаголя: «Увы мнѣ, чадое! Почто ми сицѣ сътвориль еси, почто ми нанесе сице въздыхание? Колико лѣтъ пусть бѣхъ, чая слышати гласъ твой, ли бесѣду твою, и не явилъ ми ся еси. Увы мнѣ, вожение старости моея! Камо имамъ дѣти сѣтование сърдца моего? Отселъ уже достоинъ ми плакаться острупленя си душа».

Слышавъши же мати его, яко сынъ ея естъ, раздъра окъннице свое и ризы своя, и растърза главу свою, жалостно глядяше на сына своего и молящи народы, сушци на полатѣ, молящи я, глаголаше: «Увы мнѣ, мужи, дадите ми мѣсто, да възърю си жалостно възлюбленаго своего чада. Увы мнѣ, братия моя, да узърю си единочадаго сына моего, агньца душа моя, пѣтѣннца гнѣзда моего и въздоение съсѣцю моею, надъжа мышѣцю моею». Любъзно же лобызаючи, въпияше глаголющи: «Увы мнѣ, чадое моя утробы! Почто ми сице

дом Евфимиана поискать там человека Божия. Для их встречи Евфимиан велел рабам своим поставить столы со свечами и фимиамом и сидения. И пришли цесари, архиепископ и все именитые цесаревы мужи, и в доме стало шумно.

Мать же, у которой завешано было оконце занавесью, чтобы ее никто не мог видеть, сказала: «Что это за разговор и шум, и зачем все пришли?» А сноха всех видела из комнаты. И слуга человека Божия сказал своему господину: «Господин, не человек ли Божий тот нищий, которого ты мне поручил, ибо великие и дивные чудеса замечал я за ним. С воскресения до воскресения причащался он святых тайн и, кроме двух кусков хлеба и двух глотков воды, не пил и не ел все воскресения, а ночами не спал. И некоторые из рабов моих мучали его: одни пинали, а другие глумились над ним, иные же обливали помоями, а он принимал все с радостью».

Евфимиан, услышав это, устремился к человеку Божию и, войдя, заговорил с ним, но тот уже был безгласен, а открыв лицо его, увидел, что оно сияет, как у ангела, и держит он в руке пергамен. Евфимиан хотел взять пергамен, чтобы увидеть, что написано на нем, но тот не выпустил его из руки. И Евфимиан возвратился, чтобы сказать цесарям, что он нашел того, кого они ищут, и поведал им, как семнадцать лет назад пришел он к нему, и далее — все по порядку о его житии, а еще о том, что он держит в руке пергамен, но не отдал ему.

Тогда цесари велели соорудить ложе и положить на него святого. И поднялись цесари, архиепископ и все цесаревы мужи, и встали у одра со словами: «Раб Божий, ведомо тебе, что мы, грешные, — цесари, а вот — отец вселенский. Отдай нам послание, дабы мы увидели, что написано в нем, и узнали, кто ты». Тогда он отдал им свое письмо, а они, взяв его, передали церковному дьяку. И когда цесари, архиепископ и Евфимиан сели, архиварий начал читать грамоту.

Как только отец услышал чтение письма, тут же вскочил с места, растерзал одежды свои, стал рвать седины, устремился к телу его и бросился ему на грудь. Любовно целовал он его, говоря: «Горе мне, чадо мое! Почто так поступил со мной, за что нанес мне такое огорчение? Сколько лет понапрасну надеялся я услышать либо голос твой, либо речи твои, но ты не открылся мне. Горе мне, поводырь старости моей! Куда мне деться от сердечной скорби моей? Отныне суждено мне лишь оплакивать свою израненную душу».

Когда же его мать услышала, что он сын ее, разодрала она завесу на окне и одежды свои, растерзала свои волосы, горестно глядя на сына своего и прося людей, находящихся в палатах, с мольбой им говорила: «Горе мне, почтенные люди, дайте мне место, да взгляну горестно на чадо свое возлюбленное. Горе мне, братия мои, да узнаю сына моего единственного, агнца души моей, птенца гнезда моего, вскормленного грудью моей, опору жизни моей». И с любовью целуя его, рыдала со словами: «Горе мне, чадо утробы моей! Зачем

сътворилъ еси? Толико лѣтъ пусть еси былъ въ дому отца своего и не явился еси мнѣ».

Снѣха же текъши, въ сквърнахъ ризахъ суши, плакашеса, глаголющи: «Увы мнѣ, пустынелюбная гърлице моя! Колико лѣтъ пуста быхъ слышати гласъ твой, ли слухъ твой. Камо ся дѣлъ еси и не явил ся мнѣ, иже дньсь есмь въдовицею. И нѣсть ми уже на кого възирати, нѣ отселѣ въсплачу ся острупленаго сърдца». Людие же дивящеса вси слъзамъ ихъ, плакахуся.

Тѣгда повелѣста цесаря и архиепископъ нести одръ и поставити посредѣ града. Слышавъше же, гражане вси ся сътекоша надъ нь. Елико бо недужникъ приступи къ нему, вси исцѣлѣша: нѣмнии проглаголаша, слѣпнии прозърѣша, бѣсьнии исцѣлѣша. Цесаря же видѣвъша си чудеса, сама възъмъша одръ, понесоста съ архиепископъмъ, да освятятся прикосновениемъ тѣла чловѣка Божия. А отць его държася за руку его, колѣблѣся, и стена, и бия пѣрси своя. Мати же его тако же власы своя простърѣши на нь, въпияше. Снаха же, пакы сѣтующи и рыдающи, въ слѣдъ одра идяше, плачющи. Людие же гнѣтяхуться о одръ и не можахуть ити, държаше ѿ.

Тѣгда повелѣста цесаря злато съ сръбръмъ сыпати людъмъ, обращъшемъ ся на не, възмогутъ понести чловѣка Божия. Нѣ не обратися никтоже на не, паче любяще тѣло святаго. Многу же труду бывъшу поздѣ, нѣколи донесоша въ церковь Святаго Вонифанта.

Благовѣрная же цесаря повелѣста сѣтворити ковчегъ златъ и украсити ѿ каменемъ драгымъ и бисѣръмъ, и сѣтворыше, и въложиша въ нь тѣло чловѣка Божия Алексия месяца июля въ 17. И праздньствоваша 7 дньний, отцю и матери и снѣсъ ту прѣбывающемъ.

Божиею благодѣтию искипѣ ис ковчега ему миро благыя воня. И сему чудеси бывъшу, вси недужнии събърашася, и, възимающе, мазахуся, и исцѣлеваху, славяще и хваляше Отца, и Сына, и Святаго Духа, единого Бога истиннаго, емуже слава ныня, и присно, и въ вѣкы. *Аминь.*

так поступил со мной? Столько лет попусту провел ты в доме отца твоего, и не открылся мне».

Сноха же, вбежавшая в бедных одеждах, оплакивала его, причитая: «Горе мне, горлице, возлюбившей уединение свое! Сколько лет лишена я была возможности слышать голос твой, либо вести о тебе. Куда делся ты и зачем не открылся мне, ставшей с этого дня вдовицей. И не на кого уже мне взирать, и отныне восплачу израненным сердцем». Люди же дивились их плачу и со слезами молились.

Тогда цесари и архиепископ велели нести одр и поставить посреди града. Горожане же, услышав об этом, все собрались над ним. Сколько бы недужных ни приходило к нему, — все исцелялись: немые заговорили, слепые прозрели, бесноватые выздоровели. А цесари с архиепископом, видевшие эти чудеса, сами взяли носилки с телом и понесли их, дабы освятиться прикосновением к телу человека Божия. Отец же его держался за его руку, шатаясь и стеная и бия себя в грудь. И мать его тоже рыдала, покрыв его своими волосами. И сноха, также скорбя и рыдая, шла за одром с плачем. Люди же теснились возле одра и, задерживая его, не могли двигаться дальше.

Тогда цесари велели бросать людям золото и серебро, чтобы, когда они устремятся к деньгам, можно было понести тело человека Божия. Но никто на это не позарился, ибо тело святого было им дороже. Много затруднений было и потом, прежде чем донесли они тело в церковь Святого Вонифатия.

Благодарные цесари повелели создать золотую раку и украсить ее драгоценными камнями и бисером, а сделав, положили в нее тело человека Божия Алексия месяца июля в 17 день. И совершали поминавание семь дней, а отец, мать и сноха там пребывали.

Божьей благодатью, излилось из раки его миро благовонное. И когда это чудо свершилось, собрались все болящие и, набирая его, мазались им и исцелялись, славя и восхваляя Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога истинного, ему же слава ныне, и присно, и во веки. Аминь.

ИЗ «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

Како Отапать взять бысть

Уеспасианъ* же *се* съ своимъ сыномъ Титомъ* и въ Птолѣмадѣ* пребываа, искушаше вои и писаше, кождо какъ ихъ есть. И Плакида же, иже бысть посланъ на воевание галилѣйско, хотя славу взяти, и устрѣмися на Иотопать,* иже есть стлѣнный градъ галилѣйскый и твержий. Но не уллучи упования. Граждане же очютивше пришествие ихъ, сташа прѣдъ градомъ испльчившесе, и снемшесе съ римскими плѣкы, скоро побѣдиша ихъ, и язвивше много ихъ, и убивше 7 мужъ. Зане не обычай имъ есть обратити плещи, когда побѣжени будутъ, но тихо отступають, яко не знати бѣгания ихъ.

И абие Еуспасианъ *погна* от Птоломаиды и на Галилѣю, и повелѣ воемъ ходити яко обычай есть римляномъ: стрѣльцемъ *и легкооружником* напередѣ, да блюдутъ внезапнаго приезда противныхъ *и* испытають, егда когда будутъ съкрыти вои по лѣсомъ; и по нихъ ити *бронистъцемъ*, едина чьясть конникъ, а другаа пешець; и по нихъ путедѣлци, идеже тѣсно и люто, сѣкуще и равнающе, да не трудятся лютымъ путемъ; и по нихъ *игемонъ* товаръ и воеводстий *и* конници на съблюденіе его; и потомъ съ избранными *сам* конники и пешци; и по немъ осли и мскы, несущѣ съсуды, имиже грады възимаху; и по тѣхъ начялници *спирамѣ** *и* воеводы, окрестъ же ихъ избранныи вои; и потомъ хоругви наричемыи орель, зане се есть цѣсарь всѣмъ птицамъ и крѣплии всѣхъ, и устрѣтение его побѣды являеть. И тѣмъ въслѣдоваху трубници, и по нихъ плѣкъ, расширився на 6 частѣй; и по нихъ сотникъ *призирая* чины; и по нихъ стражие конници и пешци съ оружіемъ, стрегущѣ зада.

И видѣвше ихъ галилѣяне ужасошася вси, и мнози начяша раскаиватися. Иже окрестъ Иосифа, прежде видѣнныя *разбѣгошася* съ Иосифомъ къ Тивириадѣ.*

ИЗ «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

Как была взята Иотапата

А Веспасиан со своим сыном Титом, пребывая в Птолемаиде, испытывал воинов и писал, каков каждый из них. Плацид же, который был послан вести войну в Галилее, желая добиться славы, устремился на Иотапату, столичный город Галилеи, укрепленный лучше других. Но не достиг того, на что надеялся. Ибо горожане, узнав об их наступлении, стали перед городом, изготовившись к бою, и схватившись с римскими полками, скоро победили их, многих ранив и убив семь человек. Ведь не в обычае у них обращать спину, когда они терпят поражение, но отступают понемногу, так что бегство их оказывается незаметным.

Веспасиан же сразу двинулся от Птолемаиды на Галилею и приказал воинам выступать, как это заведено у римлян: впереди стрелки и легковооруженные, которые должны вести наблюдение на случай внезапного приближения противника и разведывать, не спрятаны ли отряды по лесам; за ними следуют латники, частью — всадники, частью — пехотинцы; и вслед за ними — путе-проходчики, которые рубят лес и разравнивают дорогу в тесных и труднопроходимых местах, чтобы (воины) не уставали от тяжелого пути; за ними — обоз полководца и военачальников и всадники для его охраны; потом сам (полководец) с отборными (частями) конницы и пехоты, и за ним — ослы и мулы, везущие приспособления, при помощи которых они брали города; а за ними — предводители спир и военачальники, и при них — отборные воины; потом — значки, которые называют «орел», потому что это царь над всеми птицами, — он сильнее всех, и встреча с ним предвещает победу. И за ними следовали трубачи, затем — войско, разделяющееся на шесть частей, и далее — сотник, надзирающий за строем, и за ними — сторожевой отряд из всадников и пехотинцев с оружием, охраняющих задние ряды.

И все галилеяне, увидев их, ужаснулись, и многие начали раскаиваться. Те, что были при Иосифе, еще прежде, чем увидели, бежали с Иосифом к Тибериаде.

Испльнишася страха вси тивириане, разумѣюще, яко не бѣжалъ бы и Иосифъ, аще бы ся не отчаялъ. То смотряше, како конецъ будетъ иудѣомъ, и вѣдѣше, яко нѣсть имъ спасенна, аще не покаются, а самъ чаяше прощения от римлянъ. Но обаче съ людьми изволи умрѣти, негли предати отечество и власть, преданную ему. *И* написа къ властелемъ иерусалимъскимъ о всемъ съ истинною, да или миръ изволятъ, или прислють ему помощь.

Еусписиан же взя Гадарю* и окръстняя веси, не пощадѣ от стара и до младенецъ, но вся ножу предасть. И потомъ иде на Етапату. И слыша Иосифъ, пришедъ тамо от Тивириады, и укрѣпи мышцы иудѣйскы. И некоему *благовѣстовавшу* къ Еуспасиану Иосифово пришествие, и абие той тосняся, мня всю Иудѣю взяти, аще Иосифа имуть, посла Плакиду съ тысящею конникъ, да объступятъ градъ, да бы не выбежалъ Иосифъ. Самъ же по единомъ дни поемъ всю силу, иде на Етапату *до* полудне, и *двѣма* плѣкома пещецъ объступи градъ, а конники за тѣми постави, загражаа имъ вся пути.

Июдеи же, вышедъ прѣд врата, стаха. Еуспасианъ пусти на ня стрѣлци, и пристави праща* и вся далѣ пушаемаа. Сам же съ пешци на пригорняя мѣста *иде*, идеже мощно раскопати стѣны. И убоюся Иосифъ *выскочи*, и с нимъ вси иудѣи, и сняшася с римляны и отгнаша а. И сѣкъшеся весь день, на ношь разидошася. И тогда от римлянъ мнози быша язвени, три убитии, от жидовъ же язвени 600 и 17 и падоша же.

Наутрия вышедѣше *нападоша* на римляны велми крѣпле. Обрѣтоша же ся противнии крѣплѣше ихъ. До пятого дне бишася, и бысть видѣти ломъ копийный, и скрежтание мечное, и щити *искѣпани*, и мужи носими, и землю напоиша кровий. А ни иудѣи римлянъ не устрашивахуся, ни римляне трудяхутся, зряще твердости града.

Сей бо градъ весь стоить над пропастию, яко не мощно очима челоуѣческыма дозрѣти глубины, токмо от севера приступъ малъ, зане къ дебри кончяшася стѣны. Еуспасианъ же, противляся утвержению града и крѣпости иудѣйской, и призва властелины своя, и повелѣ воемъ носити прѣсть, и хворость, и камение, и абие расшедѣшеся понесоша. И устроивше желѣвы,* да быша не пакостили из града, и наплѣниша пропасти. Иудѣи же камение велико пушаху на ня, но не успѣша ничтоже.

Усписианъ же постави окрестъ града *стѣнобиичныя* съсуды; бѣше ихъ 60, и *трекапный** камень метяху порочами, и сулицы* из лукъ пушаемы *шумяху*, и стрѣлы помрачиша свѣтъ. И тѣмъ не смѣша жидове лѣсти на стѣны, възбраняеми суще от вышняя мсти. Выристаху же яко разбойници изъ вратъ, внезапно желевъ отторгаху, и под нею стоящихъ сѣяху.

Еуспасианъ же повелѣ покровъ сътворити от конецъ до конецъ града и *приспу* выше града. Иосифъ же, видѣвъ, съвокупи дѣлатели, да быша выше въздѣлали *стѣны*. Онем же не могушимъ от камня и стрѣлъ, и сей покровъ

И преисполнились страха все тибериане, понимая, что не бежал бы Иосиф, если бы не потерял надежду. А он размышлял, каков будет конец иудеям, и знал, что нет им спасения, если не покаются, а сам надеялся на прощение от римлян. Но однако предпочел умереть вместе с людьми, чем предать отечество и данную ему власть. И он написал иерусалимским властителям правдиво обо всем, чтобы они либо предпочли мир, либо прислали ему помощь.

Веспасиан же взял Гадару и окрестные села, не пощадил ни стара, ни мала, но всех предал мечу. И потом пошел на Иотапату. И услышал (об этом) Иосиф, придя туда из Тибериады, и укрепил силы иудеян. Кто-то сообщил Веспасиану о прибытии Иосифа, и он сразу, думая, что возьмет всю Иудею, если поймут Иосифа, поспешил послать Плацида с тысячей всадников окружить город, чтобы Иосиф не мог бежать. Сам же днем позже, собрав всю силу, пошел до полудня на Иотапату и с двумя полками пехотинцев окружил город, а всадников поставил за ними, преграждая им все пути.

Иудеяне же, выйдя, стали перед воротами. Веспасиан послал на них стрелков и установил пращи и все метательные орудия. Сам же с пехотинцами направился на высокое место, откуда можно было разрушить стены. Испугавшись, Иосиф сделал вылазку и с ним все иудеяне, и схватились с римлянами, и отогнали их. И рубились весь день, а к ночи разошлись. Тогда многие у римлян были ранены, трое убиты, а у евреев ранены шестьсот, а семнадцать пали.

Наутро, выйдя, напали на римлян с гораздо большей силой. Противник же оказался сильнее их. Пять дней они бились, и можно было видеть, как ломались копья, и скрежетали мечи, и разбивались щиты, и выносили мужей, и землю напоили кровью. Однако ни иудеяне не проникались страхом перед римлянами, ни римляне не падали духом, видя, как твердо укреплен город.

Ведь этот город весь стоит над пропастью, так что невозможно глазам человеческим измерить глубину; только с северной стороны небольшой приступ, потому что стены кончались, сходя к ущелью. Веспасиан же на преодоление твердыни города и силы иудейской призвал своих военачальников и приказал воинам носить землю, хворост и камни, и они сразу, разойдясь, принялись носить. И, устроив черепаху, чтобы им не причиняли вреда из города, наполнили пропасть. Иудеяне же бросали на них множество камней, но ничего не добились.

Веспасиан поставил вокруг города стенобитные орудия — их было шестьдесят, — и они пращами метали камни весом в три капи; и сулицы, пускаемые из лука, свистели, и стрелы затмили свет. И из-за этого иудеяне не посмели выходить на стены — им мешал верхний защитный обстрел. Они, как разбойники, выбегали из ворот, стремительно оттаскивали черепаху и секли стоящих под ней.

Тогда Веспасиан приказал сделать покрытие от одного конца города до другого и насыпь выше города. Иосиф же, видев это, собрал строителей, чтобы они надстроили стены. А когда они не смогли из-за камней и стрел, он устроил

имъ устрои новодраными кожами волуями. И тако дѣлающе за ночь и день *въздаша* 20 лакоть възвыше стѣны, имже велика бысть печаль Еуспасиану, зане не помысли, что сътворити высотѣ той противу. И отозва воя и сѣде около града думаа, да гладом възмѣтъ я.

Онем же обилие бысть всякого брашна, оскуде же в нихъ соль и вода, зане не бысть источника, ни кладязя внутрь града. Еуспасианъ же... яко жаждею *предадятся* ему. Иосифъ же, хотя преломити упование его, повелѣ измочити много ризъ и повесити на стѣнахъ, да *каплетъ* из нихъ, имже печаль и ужась приа римляны. И гемонъ, отчаався гладное взятие, *възвратися* паки на оружие и на нужю, егоже жадаху иудѣи: отчаявъше бо себе и градъ, изволиша умрѣти от рати, негли от глада и жажда. И по вся дни жидовое *биющеся вси* побнени быша, и мало ихъ остася. Рассмотрѣвъ Иосифъ, яко нѣсть уже спасения, думаше побѣгнути изъ града. И разумѣвше народи, *обиступлеше* и моляхуся ему, да не презрит их в той бѣдѣ, въздвигающе упование свое на нь на одинаго: «Аще бо и еще пребудеши с нами, то вси на рати бодрі будем тебе ради; аще ли отидеши, то мы пленени будем». Он же, промышляя о своей главѣ, глаголаше им, яко: «Вас дѣля выхожу, да събравъ воя внезапно нападу на супостаты. Ти бо, оже слышат мя вышедша от вас, град оставлеше, и по мнѣ женут». Таковая рекшу ему, не послушаша людие, но и дѣти, и старни, и жены съ младенци, болма *разгорѣвшися любовию к нему*, припадаху к ногама его, молящеся, да не отступитъ от нихъ. И сей, видя вопль и *рыдание* ихъ, *осклаблѣся* рече: «Нынѣ врѣмя, о друзи, обрѣсти *славу* некончаную и сътворити что мужеское на память послѣднимъ».

И събравъ крѣпльшихъ, иде на стражи и разгна их, и сѣчяше я до обрытия, и желевь *раздруши* и покровъ ихъ, и приспу раскопа, и дѣла ихъ зажже; и по три дни и по три ноци не опочиваа то творя. Еуспасианъ же *то* видя воя своя недомышляюща противу ристанию иудѣйску, и повелѣ не сниматися съ челоувѣкы, жаждющихъ смрѣти: нѣсть бо *крепле* ничтоже отчавшихся *крѣпле* и неволею биующихся. И повелѣ *аравскиимъ* стрѣлцемъ и сурьскимъ *порочникомъ*, да *борются* съ иудѣи. Си же идуше и тѣла не щадяше, нападаху на римляны лютии, *поминующе* стрѣлци.

И паки Еуспасианъ исплѣчи воя якоже прѣжде, и стрѣлци застави, и въздѣлаша приспу. И поставиша овенъ, *еже* есть дрѣво велико и тлѣсто, подобно шеглѣ корабельной, а в конецъ же его всажено желѣзо велико рогато, имже и *овенъ* наречется. И *врывше* двѣ дрѣве яко рососе, и между има положъше и *оборсавше* ужи множество людей и влекуше биаху. И стрѣлцемъ *стрѣляющимъ*, и суличникомъ сулицами сующимъ, и порочникомъ камене пушающимъ, и не смѣюще иудѣи стати на забралъхъ.* Потомъ же безъ страха биаху стѣны овномъ, и множеству на единомъ мѣсте биующимъ, и трясахуся стѣны. Иосифъ же наплѣни мѣхы половы, *събра* и повеси, и идеже *влецаху* овна, то на то мѣсто влечяху мѣхы, и не бысть пакости стѣнамъ,

им навес из свежесодранных воловьих шкур. И так работая, за ночь и день они надстроили стены на двадцать локтей в высоту, к великой досаде Веспасиана, поскольку он не мог придумать, что предпринять против такой высоты. И отозвал воинов и осадил город, думая взять их голодом.

У них же было обилие всякой снеди, но недоставало соли и воды, потому что не было ни источника, ни колодца внутри города. Веспасиан (надеялся), что они сдадутся из-за жажды. Но Иосиф, желая отнять у него надежду на это, приказал намочить многочисленные одежды и повесить на стенах, чтобы с них капало, отчего римлян охватило уныние и ужас. Полководец, отчаявшись взять город голодом, снова обратился к оружию и насилию, а этого и хотели иудеяне: потеряв надежду спасти жизнь и город, они предпочитали умереть в битве, чем от голода и жажды. И евреи, сражаясь все каждый день, терпели поражение, и их осталось мало. Иосиф, рассудив, что нет уже спасения, думал бежать из города. И узнав об этом, люди обступили его и умоляли не бросать их в этой беде, возлагая надежды на него одного: «Если ты останешься с нами, то все, не зная усталости, будем биться за тебя; если же ты уйдешь, то мы попадем в плен». Он же, думая, как спасти свою голову, говорил им, что: «Ради вас я уйду, чтобы, собрав воинов, внезапно напасть на врагов. Ведь они, как только услышат, что я ушел от вас, оставят город и погонятся за мной». Этих слов не послушали люди, но и дети, и старики, и женщины с младенцами, воспылав большой любовью к нему, припадали к его ногам, умоляя не уходить от них. И он, видя их вопль и рыдание, уступил и сказал: «Ныне время, о други, обрести славу вечную и сотворить нечто достойное мужей на память грядущим поколениям».

И собрав сильнейших, пошел на сторожевой отряд и разогнал его, и сек их до лагеря, и разрушил их черепаху и навес и насыпь раскопал, и сооружения их поджег; и три дня и три ночи делал то же без отдыха. Веспасиан же, видя, что его воины не могут противостоять вылазкам иудеян, приказал не вступать в бой с людьми, жаждущими смерти: ведь нет ничего сильнее отчаявшихся и сражающихся потому, что нет другого выхода. И приказал арабским стрелкам и сирийским пращникам биться с иудеянами. А те шли и не щадя головы яростно нападали на римлян, минуя стрелков.

И снова Веспасиан изготовил воинов к бою, как прежде, и поставил впереди стрелков, и восстановили насыпь. И поставили баран: это большое толстое бревно, похожее на корабельную мачту, а на конце его насажены рога большие из железа — поэтому оно и называется баран. И врыв два бревна наподобие развилины и поместив его между ними и обвязав веревками, множество людей, оттягивая, наносили удары. И в это время стрелки пускали стрелы, суличники метали сулицы, а пращники бросали камни, так что иудеяне не смели подняться на забрала. И потом они, не опасаясь, били стены бараном, и когда множество (людей) било в одном месте, стены сотрясались. Иосиф же наполнил мешки, набрав половы, и повесил, и куда тащили баран, на то место

възбраняюци овну мѣхы. Римляне же, привязывающе сръпы къ стружиемъ, отрѣзываху мѣхы. Иудѣи же отчаявшесе въземше лючь, и тростие, и хворостъ сухъ, и смолу и серу, и трети мѣсты *вытекше* подождоша приспу, и дѣла, и пороки, и овенъ. Римляне же ужасошася от шатания ихъ, разбѣгошася; и пламени обступившу ихъ, и не могуще утеша, сами ся рѣзаху.

Тогда мужъ нѣкто иудѣянинъ дѣло сътвори подобно памяти. Елеазаръ сей бысть Соммѣинъ сынъ, отечество же его весь галилѣйскаа. И сей подъемъ камень великъ зѣло, и пусти на овенъ, и отшибѣ главу его, и скочи съ забралъ и взя главу его сръди римлянъ, и възвращься ста надъ градомъ, да будетъ всѣмъ явленно и славно, *и* дрѣжа овню главу. И прелѣтѣвше 5 стрѣль от заднихъ стрѣлецъ и удариша *и*, *и* уязвенъ свалися съ града съ овномъ.

И по семь храбра явистася Нѣтиръ и Филипъ из града Рума: нападоша бо на десятый плѣкъ с такимъ шумомъ и с такою крѣпостию и скоростию, яко раздрусиста плѣкъ велий, *разгнаста* и побѣдиста, *и* не трѣпаше мужества ею, *на няже устремляшася*. Иосифъ *вышед* съ людми, *разгна* пятый плѣкъ и вся оставшаа поже, а основания приспы размѣта.

И утру же бывшу, Еуспасианъ, събравъ разбѣгшихся, поносяше имъ, занеже бѣжаша не прѣд воины, но прѣд разбойники, не стыдящесе ни воинскаго закона, ни отечьскыя похвалы. И вси единокоростующе третью приспу въздѣлаша, и овенъ въздѣлаша, и биаху *идѣже преже* пошибоша.

И ту нѣкто *из града* застрѣли Еуспасиана въ плесно, нъ съверху: удаление бо мѣста изя силу стрѣльную. И великъ мятежъ бысть римляномъ: окрестнии бо его, видѣвше кровь, възвѣстиша всѣмъ о язвѣ гемонстѣй. И страхъ велий на всѣхъ нападе, и охабльшесе градъвзятія, течяху скоро къ гемону. Прѣжде всѣхъ Титъ убояся о отци. Но скоро престаха от мятежа, гемонъ же обѣзавъ ногу и погна сквозѣ плѣкы своя, да быша узрѣли *и*, и ти видѣвше и обрадовашася и другъ друга пострѣкаша, на стѣны устремляющеся, мѣщающе своего гемона. И бысть видѣти падающа жиды акы снопы съ *забралъ*, но обаче *не слазяху съ стѣнъ*, но смръть прѣд очима видяше висяхуся и огонь, и желѣза и камене пушаху на подстоящихъ. Но не успѣша ничтоже.

Но и нощи приспѣвши не опочиваху, стрѣлы же и сулицы пушаемы множество убиваху, паче же всѣхъ порочна сила, иже и забрала отшибаху, и углы съкрушаху. Единому же от мужъ срази главу, и съскочи глава до трей врѣсть. И жена неспраздна вышедши из дому, яко удари въ чрево ея, и вышебѣ младенець до врѣсты. Лють же вопль от *женъ* изьутра вѣста, плачь же и внешнихъ, и стенание до небеси идяше. Кровь зѣ забралъ течяше яко рѣкы, и моглъ бы кто по трупиа вѣлести въ градъ, яко по степенемъ. Мнози же *иоттапатианъ* тогда добрѣ страдаше падоша, мнози же язвени быша. Стѣна

тащили мешки, и стенам не было вреда, потому что барану мешали мешки. Но римляне, привязывая серпы к копьям, отрезали мешки. И иудеяне в отчаянии, взяв факел, сучья и сухой хворост, смолу и серу, выскочив в трех местах, подожгли насыпь, и сооружения, и метательные орудия, и баран. Римляне, в ужасе от их дерзости, разбежались; пламя окружило их, и, не имея возможности бежать, они резали сами себя.

Тогда один из мужей, иудеянин, совершил поступок, достойный памяти. Это был Елеазар, сын Самия, родом из галилейского села. И он, подняв огромный камень, бросил на баран и отшиб ему голову, затем соскочил с забрал и схватил его голову прямо среди римлян и, возвратившись, встал над крепостной стеной, чтобы все видели и знали, держа голову барана. И пять стрел, прилетев от задних стрелков, поразили его, и, раненый, он упал со стены вместе с бараном.

А после него храбрецами явили себя Нетир и Филипп из города Румы, которые напали на десятый полк с таким шумом, с такою силой и скоростью, что разбили большой полк, разогнали его и победили: не в силах были устоять перед их мужеством те, на кого они устремлялись. Иосиф же, выйдя с людьми, разогнал пятый полк и пожег все оставшиеся (орудия), а основания насыпи раскидал.

И когда наступило утро, Веспасиан собрал разбежавшихся и поносил их за то, что они бежали не перед воинами, но перед разбойниками, не стыдясь ни воинского закона, ни славы отцов. И все, в единодушном устремлении, надстроили третью насыпь и восстановили баран, и били там, где уже раньше произвели разрушения.

И тут кто-то из города ранил Веспасиана в ступню, но неглубоко: большое расстояние ослабило силу стрелы. И у римлян началось великое смятение: стоявшие вокруг него видели кровь и оповестили всех о ране полководца. И великий страх напал на всех, и, оставив битву за город, они быстро побежали к полководцу. Прежде всех Тит испугался за отца. Но скоро волнение улеглось, и полководец, обвязав ногу, поскакал через свои полки, чтобы они увидели его, и те, видя его, обрадовались и, подгоняя друг друга, устремлялись на стены, мстя за своего полководца. И можно было видеть, как евреи падали, будто снопы, с забрал, но, однако, не сходили со стен и, видя смерть перед глазами, свешивались и бросали на стоящих внизу камни, железо и огонь. Но ничего не достигли.

Но и с наступлением ночи они не дали себе отдыха, но пущенные стрелы и сулицы убивали множество людей, а особенно — метательные орудия, из которых и забрала отшибали, и углы сокрушали. Одному из мужей оторвало голову, и отскочила голова на три версты. И беременная женщина, вышедшая из дома, — как ударило в чрево ее и вышибло младенца на версту! И страшный вопль вырвался у женщин внутри (города) и плач у тех, кто стоял снаружи, и стенание поднялось до неба. Кровь с забрал текла рекою, и можно было по трупам войти в город как по ступеням. Многие из иотопатиан, тогда славно подвизавшись, пали, и многие были

же *всю* нощю биема овномъ съкрушися и паде. Жидове же облъкшеса въ оружие, падшаа мѣста твердыху.

И утру бывшую Еуспасиянъ покои воя от ношнаго труда мало, и потомъ иде на възимание града. И повелъ конникомъ крѣпльшимъ, да съсѣдъ с *конь*, поидуть на падшаа мѣста, и по тѣхъ *пѣщцем* храбрѣйшимъ, а прокъ конникъ постави по пригорию, да не *утечет* из града никтоже гражданъ. Стрѣльца же и порочники застави назадъ, да не дадутъ гражданомъ выникнути и-забралъ. И на мѣста, идеже стѣны цѣлы быша, ту принесше лествица, да гражданомъ падшихъ мѣсть блюдушимъ, си безъ страха влѣзуть. Увѣдѣвъ же Иосифъ, повелъ олово кипящее лѣяти на ня, имже иждежени своливахутся, и много их иждежено бысть. И паки Еуспасиянъ повелъ три сыны на приспѣ съдѣлати, по 50 лакоть възвыше, и поковаша а желѣзомъ, да не прикоснется ихъ огонь, и тверди будутъ тягостию. И възведъ на ня лучшии стрѣлци, и суличники, и праки легкиа, и биахуть и яко из неба. Гражане же исподнии не могуше с вышними битися и видимии с невидимыми усклабишася, но противляхутся, дондеже изнѣмогоша.

И потомъ выбѣже нѣкто из града и насочи къ Еуспасиану, яко: «Уже изнемогошася гражане бдѣниемъ и утружениемъ бесчисленнымъ бес престани. Но обаче можеша въ заутреню стражю* взяти град, отаи пришедъ: тружающимся бо день и ношь, а в зорѣ одолѣеть имъ сонъ, яко в той часъ отчающимся рати, и вси стрегущей спять». Онъ же не я вѣры сочившему, вѣдаа твердость иудѣйску и увѣрениа другъ къ другу. И прѣд тѣмъ ятъ нѣкоего иотапатанина и мучи и всѣми муками, и огнемъ, и желѣзомъ, да бы что повѣдалъ о внутренихъ. Ничтоже рекшю ему распя и, и умре смѣяся. И о семь же чюяше, яко *не вельми далече* рѣчи его от истинны суть, и предасть и на съблюденіе. Сам же в насоченый часъ прииде съ вои къ граду съ мльчяниемъ. И прѣвое възлѣзе на стѣны Титъ съ *Савиномъ* тысячьским и по *нею Секостъ* и Плакида съ своими вои, избиша стража и внидоша въ градъ мльчяще, и посредѣ града *ходящим* плѣнѣннии не очютиша: раздруши бо *силу* их трудный сонъ. Аще же кто въставъ, мъглою не можаху видѣти, послучившися ей тогда над градомъ, дондеже свѣту бывшую, и внидоша вси вои, поминающе злаа, яже прияша от нихъ, не щадяху от стара и до младенца. И друзии, видяще кончину, сами ся зарѣзаху, а друзии по пещерамъ разбѣгошася... и Антониа сотника да вдасть ему руку да не убьетъ его; и оному же безъ злобы простершю руку и безъ соблюдения, и той прободе ребра его копиемъ и уби и, прежде его *варивъ*. И въ той день вси видимии убинени быша числомъ 60 тысящъ, плѣнныхъ же пять тысящъ, и градъ раздрушиша, и сыны иждегоша. Иотопать же тако взятъ бысть, мѣсяца панема,* еже *есть* иуль, въ третее на десять лѣто кесарства Неронова.*

ранены. А стена, которую били всю ночь бараном, сломалась и обрушилась. И евреи, вооружившись, укрепляли обрушившиеся места.

Когда же наступило утро, Веспасиан дал воинам немного отдохнуть от ночных трудов, а потом пошел на взятие города. И приказал самым сильным из всадников, сойдя с коней, идти на обрушившиеся места, и за ними — храбрейшим из пехотинцев, а остальных всадников поставил по пригорю, чтобы не убежал из города никто из горожан. Стрелков же и пращников поставил назад, чтобы они не давали горожанам высунуться из-за забрал. И на места, где стены были целы, принесли лестницы, чтобы, пока горожане охраняют обрушившиеся места, они сами влезли без опаски. И узнав это, Иосиф приказал лить на них кипящее олово, и они, обожженные им, скатывались вниз, и много их было обожжено. И снова Веспасиан приказал сделать на насыпи три башни по пятьдесят локтей в высоту, и оковали их железом, чтобы не вредил им огонь и чтобы они были крепки своею тяжестью. И поставил на них лучших стрелков и суличников и легкие метательные орудия, и они стреляли как будто с неба. Горожане же, оказавшись внизу и не имея возможности биться с теми, кто выше, к тому же видимые с невидимыми, отступили, но продолжали сопротивляться, пока не обессилели.

И после этого выбежал кто-то из города и донес Веспасиану, что: «Уже изнемогли горожане от бессонных ночей и бесконечного постоянного напряжения. А ты можешь в утреннюю стражу взять город, подойдя тайно, потому что они в трудах день и ночь, а на заре одолевает их сон — ведь в этот час они не ожидают нападения и вся стража спит». Однако он не поверил доносчику, зная твердость иудеян и верность друг другу. Ведь до этого он уже взял одного иотопатианина и пытал его всеми пытками, огнем и железом, чтобы тот рассказал что-нибудь о делах в городе. Когда же тот ничего не сказал, он распял его, и тот умер смеясь. И с этим (перебежчиком) — он чувствовал, что не очень далеки от истины его речи, и отдал его под стражу. Сам же в указанный доносчиком час подошел с войском к городу в полной тишине. И первым влез на стены Тит с трибуном Сабином, а за ними — Секст и Плацид со своими воинами, убили стражу и вошли в город бесшумно, и взятые в плен не услышали, как они ходили посреди города: ведь все силы у них отнял тяжелый сон. Если же кто и вставал, то не мог видеть из-за тумана, приключившегося тогда над городом, — пока к рассвету не вошли уже все воины и, помяная все зло, которое претерпели от них, не щадили (никого), от стариков до младенцев. И одни, видя смерть, закалывались сами, а другие разбежались по пещерам. (Один из иудеян попросил) Антония-сотника дать ему руку в знак того, что тот не убьет его; и когда тот без задней мысли и без опаски протянул руку, он проткнул его ребра копьем и, опередив, убил его. И в тот день были убиты все, кто не скрылся, — шестьдесят тысяч, пленных же взяли пять тысяч и город разорили, а башни сожгли. Так была взята Иотапата в месяце панеме, то есть июле, в тринадцатый год правления Нерона.

Римляне же искаху Иосифа, гнѣвающесе на нь, и хотяше угодити гемону своему; въ трупѣ искаху и въ тайныхъ мѣстехъ градныхъ.

Како Иосифъ вѣскочи въ яму

Онъ же егда възимаху градъ, Богу поспѣшествующю ему, украдесе средѣ вой, и вѣскочи въ яму глубоку, от неяже бѣ путь невидимъ къ пещере, и ту обрѣте 40 мужъ лучшихъ таящихся, и всяка пристроя ту бысть, яже на потребу тѣлу. Стражие бо сѣдаху около града, и не мощно бысть убѣжати. И по два дни таяшесе. Въ третій же день, нѣкую жену емше стражие мучяху, и та мучима, исповѣда на того и яже с нимъ. Абие Еуспасианъ посла два тысячьскаа съ тщаниемъ, Павлина и Галикана, *вывабити* Иосифа и вдати ему руку. И та шедша молястася ему, на спасение десницу даяста, но сей не послуша бояся мучения, зане зла много створилъ имъ при брани. И гемонъ же и третиаго тысячьскаго посла къ нему знаемаго друга, именемъ *Никанора*. И сей пришедъ почиташе ему римскую кротость и милосердиа плѣннымъ, и приложи, яко храбрѣства его дѣля и мудрости не възненавидятъ, но паче дивятся. «Гемонъ же теснѣтся вывести тя къ собѣ не на муку, но хранити тя хотя. Аще бы хотѣлъ на зло тя вабити, то не послалъ бы мене, друга твоего, ни азъ быхъ послушалъ его на прелестъ тобѣ».

Иосифу же двоумующу, вои хотяху съ гнѣвомъ закурити пещеру. И сей *увѣдѣвъ* грозу их, *въспомяну* сны нощныя, имже Богъ показа ему будущаа на иудѣя *бѣды*. Бысть же на разрѣшение сномъ хитръ и мога разумѣти, яже Богъ кажетъ с покровомъ, и священныхъ книгъ пророческихъ не утаилося от него, зане иерѣй бысть и от иерѣйскаго племени родися. И въ той часъ духа исплѣннися, и рассуди страшнаа видѣннѣ соннаа, и принесе къ Богу тайную молитву глаголя: «Понеже иудѣйскъ родъ, зиждителю, ослаблено ми ся мнить прѣдъ твоима всевидящими очима и всю вазнь преводилъ еси на римляны и поручилъ еси имъ свою крѣпость, и мою душу избавилъ еси проповѣдати будущаа, и се твоимъ святымъ повелѣниемъ даю руцѣ римлянѣ волею, и кленуся святымъ твоимъ именемъ, яко не живота дѣля вѣсхожю, ни предати хотя отечество, но послужити твоей славѣ и силе, и проявити ми яже показа».

И тако рекъ, *простре руку к Никанору*. Иудѣи же *иже* с нимъ, очютивше его хотяща вылести, и обступивше вѣпняху, яко велми постенеть отеческый законъ, и дряхль будетъ Богъ, иже създа иудѣомъ душа обидящаа смрѣти и непокориви. «Животъ ли *любиши*, Иосифе? Трѣпиши ли видѣти свѣтъ работный? Велми ускоришь еси на забыть, колики научилъ еси умирати за свободу. А лжу славу приялъ еси о мужествѣ, и всуе еси былъ мудръ, оже

Римляне же искали Иосифа, гневаясь на него и желая угодить своему полководцу; искали его среди трупов и в потаенных местах города.

Как Иосиф прыгнул в яму

А он, когда брали город, с Божьей помощью, спрятался среди воинов и прыгнул в глубокую яму, из которой шел невидимый путь к пещере, и обнаружил, что в ней скрываются сорок лучших мужей, и тут были всякие припасы на потребу телу. Ведь вокруг города находилась стража, и невозможно было убежать. И два дня он скрывался. На третий день стража схватила одну женщину и пытала, и та под пыткой указала на него и тех, кто был с ним. И сразу Веспасиан послал двух трибунов с поспешностью — Павлина и Галлика-на, выманить Иосифа и обещать ему безопасность. И эти двое, отправившись, просили его и в знак безопасности давали правую руку, но тот не послушал, боясь мести, потому что много зла сотворил им на войне. Полководец же третьего трибуна послал к нему, о котором знали, что он был его другом, именем Никанора. И тот, явившись, говорил ему о доброте римлян и их милосердии к пленным и добавил, что благодаря своей храбрости и уму он вызовет у них не ненависть, но скорее восхищение. «Полководец же старается вывести тебя к себе не на пытку, но желая спасти тебя. Если бы он хотел выманить тебя, чтобы причинить зло, то не послал бы меня, твоего друга, да и я не послушал бы его, если бы нужно было обманывать тебя».

И поскольку Иосиф колебался, воины хотели в гневе поджечь пещеру. И он, узнав об этой угрозе, вспомнил ночные сны, в которых Бог показал ему несчастья, которые обрушатся на иудеян. Он же хорошо толковал сны и умел понимать то, что Бог показывал прикровенно, и ничто из священных пророческих книг не было для него тайной — ведь он был священник и происходил из рода священников. И в тот час преисполнился духа и растолковал страшные сонные видения и вознес к Богу тайную молитву, говоря: «Поскольку род иудейский, о творец, кажется мне лишившимся силы пред твоими всевидящими очами и всю удачу ты перенес на римлян и наделил их своею мощью, а мою душу спас, чтобы я возвещал о будущем, — и вот, по твоему святому повелению, я добровольно даю руку римлянам и клянусь твоим святым именем, что выхожу не ради спасения жизни и не желая предать отечество, но послужить твоей славе и силе, чтобы сделать явным то, что ты мне показал».

И сказав так, протянул руку Никанору. А иудеяне, которые были с ним, узнав, что он хочет выйти, окружили его, крича, что сильно восстенает отеческий закон и опечалится Бог, который сотворил иудеянам души непокорные и презирающие смерть. «Или ты любишь жизнь, Иосиф? Но потерпишь ли ты видеть свет рабства? Ты слишком быстро забыл, скольких сам научил умирать за свободу! А лжива слава о твоём мужестве, и всеу был ты мудр, если

уповаеши *от* них спастися, ихъже сердце раскровави. Но аще ты ума своего забылъ еси, но намъ подобаеть промыслити о отеческомъ законѣ. Се ти мечь: аще *въгрузиши* въ свою утробу волю, то будеши вѣчный воевода иудѣйскъ; аще ли не хоцеша, умреши от нашихъ рукъ, акы прѣдатель». Тако глаголюща обнажиша мечь на нь, аще дасться римляномъ.

Иосифъ же убояся насилства их, и мня обиду Божественую, аще прежде повелѣния Божиа умереть, начя мудрити къ нимъ яже при нужи, и рече: «Въскую на ся смръти ищемъ? Въскую възлюбленнаа разлучаемъ — душу и тѣло? Мните ли мене измѣнившася? Но не измѣнихся. Лѣпо при брани убиену быти от ратныхъ рукъ. Аще бо римскаго мечя боюся и крыюся, то достоинъ есмь въ истинну своею рукою и своимъ мечемъ умерети. Аще ли щадятъ насъ плѣнныхъ, то како намъ не достоинъ ли помиловати себе? Добро ли свободы ради умрѣти, то мнѣ любо прѣд полкомъ. Нынѣ кде плѣкъ? Кто с нами биется? Страшивъ же естъ вкупѣ иже не умираеть, егда достойно, и иже умираеть, егда не достойно. Что же боящеся не внидемъ к римляномъ? Смръти ли? Да въскую егоже ся боимъ *чаемо* от врагъ, сами на ся влечемъ *нуждею*? Работу ли кто поносить? Нынѣ же та велми *есмы свободни*. Храборъ ли мнится вамъ еже ся рѣзать? *Ни*, нь слабейши всѣхъ челоувѣкъ, якоже крѣмникъ волнь убояся, прежде бури потопаи корабль. Саморѣзаніе же кромѣ естества естъ, и вдано *никоторому* животну, ни можетъ обрѣсти ниединого собою умирающаго. Естественый бо законъ крѣпокъ въ всѣхъ животу хотѣти. Того ради и отымающихъ от насъ животь врагъ мнимъ, и Бога прогнѣваетъ челоувѣкъ, егда ся дару его *поругаетъ*, и беззаконствуеть прѣд очима его. Всяка плоть смрътна естъ и от тлѣнна естества създанна, душа же безсмрътна выину, и Божественымъ подобиемъ въ телеси *пребываетъ*. Аще ли кто погубить *чюжь кровъ*, вданое ему на съхранение, то наречется *лукавъ* и невѣренъ, и всѣмъ непотребенъ. Аще же кто разлучитъ *кровъ Божий* от своего тѣла, какъ можетъ утаитися от *обидимаго*? Аще работенъ убѣжитъ от господина, аще и *лукавъ естъ*, достоинъ естъ муцѣ. Сами же прекраснаго владыкы и предобраго, Бога бѣгающе, не будемъ ли нечтивы? Не вѣсте ли, яко выходятъ от сего жития по естественому закону, взятый от Бога длгъ отплативше, егда хоцеть взяти? То тѣмъ слава вѣчнаа, и доми тверди, и роди памятни, а душа ихъ чисты и непорочны пребываютъ у святаго небеснаго мѣста и чають оттуду възпять вселитися имъ въ своя телеса, егда възвратятся вѣци. И паки, иже на ся възложивше руки, то душа ихъ адъ темный приемлетъ, Отець же и Богъ и до правнукъ мучитъ ихъ. Тѣмъ възненавидѣно се прѣд Богомъ, и законодавецъ нашъ повелѣ до запада солнечнаго лежати безъ погребения тѣлесомъ самоубийць; по инѣм же землямъ и десниця мрътвыхъ отрѣзають. Достойны есмы, о друзи, съ правдою ходити, а не приложити къ напастемъ челоувѣческимъ гнѣва зиждителява. Се моя рѣчи конецъ. Не могу прѣдатель собѣ быти. Иноплеменници зовуть на

надеешься спастись от тех, чье сердце раскровавил! Но если ты позабыл свой ум, то нам подобает позаботиться о законе отцов. Вот тебе меч: если вонзишь в свою утробу своею волей, то будешь вечно воеводой иудеян, если же не хочешь — умрешь от наших рук как предатель». С этими словами они обнажили на него меч (опасаясь, что) он предаст себя римлянам.

Иосиф же испугался, что они будут действовать силой, и считая пренебрежением по отношению к Богу, если он умрет прежде Божия повеления, начал хитрить с ними, потому что положение было безвыходное, и сказал: «Почему мы ищем себе смерти? Почему мы разлучаем возлюбленных — душу и тело? Вы считаете, что я изменился? Но я не изменился! Хорошо умереть в битве от рук врага. Если я боюсь римского меча и укрываюсь, то в самом деле я достоин умереть от своей руки и своего меча. Но если нас щадят, взяв в плен, то разве нам не должно помиловать себя самих? А что прекрасно умереть за свободу — то мне это любо перед войском. А сейчас — где войско? Кто с нами бьется? Равно труслив тот, кто не умирает, когда подобает, и кто умирает, когда не подобает. Так чего же мы боимся, что не выходим к римлянам? Смерти? Но почему то, чего мы боимся, ожидая этого от врагов, мы сами на себя навлекаем насильно? Если же кто поносит рабство, то теперь мы очень свободны?! Или же вам кажется храбрым тот, кто сам себя убивает? Напротив, это — слабейший из всех людей, подобный кормчому, который, испугавшись волн, прежде бури потопил корабль. Самоубийство же противоестественно и не дано ни одному животному — ведь ни одно из них себя не убивает. Во всех силен естественный закон — хотеть жить. Поэтому отнимающих у нас жизнь мы считаем врагами, и прогневает Бога человек, если дар его отдает на поругание, и творит беззаконие пред очами его. Всякая плоть смертна и создана из тленного естества, душа же вечно бессмертна и пребывает в теле по Божественному подобию. Если кто-нибудь погубит чужой залог, данный ему на сохранение, то его назовут коварным и вероломным, с которым никому нельзя иметь дело. Если же кто разлучит Божий залог от своего тела, то как может он укрыться от того, кому нанес обиду? Если раб убежит от господина, даже плохого, то он достоин кары. Но убегая сами от прекрасного и предоброго владыки — от Бога, не окажемся ли мы нечестивцами? Разве вы не знаете, что из этой жизни уходят по естественному закону, оплатив взятый у Бога долг, когда он захочет взять? И таким — слава вечная и дома крепкие и потомки не забывающие, а души их, чистые и непорочные, пребывают в месте святом и небесном и ждут, когда вернуться обратно и вселятся в свои тела после того, как обратятся века. Но те, кто на себя налагает руки, — их души темный ад принимает, а Отец и Бог мучит их до правнуков их. Потому ненавистно это пред Богом, и законодатель наш установил, чтобы до захода солнца тела самоубийц лежали без погребения; в других же странах и правую руку у мертвых отрезают. Мы достойны, о други, ходить с правдой, а не добавлять к человеческим бедам гнева творца! На этом

спасение — азъ ли хощу на мечъ налечи? Не буди ми се. Аще же и по вдании руки убиятъ мя, то яко вѣнцемъ побѣднымъ вѣнчанъ отиду, имѣя невѣрство ихъ луче цѣсарства».

Таковаа многа глагола Иосифъ к нимъ, браня имъ от саморѣзаниа. Они же заградивше уши отчаяниемъ, обступиша и, убити хотяща, поругающе и хуляще на слабость. Онъ же ового именемъ нарицаа, на другаго же съ грозою зря, ового же за руку *попадаа*, различными рѣчми отрешаше от себе. И тии еще стыдящеся от своего воеводы акы при плѣку и срамляющеся, никтоже възложи руки на него.

И сей, поручивъ спасение свое Богу строителю, рече: «Понеже благоволилъ Богъ умрѣти намъ, числомъ да убиени будемъ: на негоже конецъ числа будетъ, да той будетъ убиень от втораго». Тако рекъ, *почте* числа мудростию, и тѣмъ пребляди вся, и убиени быша вси другъ от друга, развѣи единого. И *тѣснася*, да не осквернить десница кровию сродническою, помолися тому, и оба *вынидоста* жива. И поведоша а къ Еуспасиану, а римляне вси течаху на позоръ, и бысть кличъ разноличень, овѣмъ радующимся о Осифовѣ плѣнении, овѣмъ грозящимся, овѣмъ же велящимъ мучити и убити врага, овѣмъ же дивящимся премѣнению житийскому. Еуспасианъ же повелѣ утвердити и, да послеть и къ Нерону.

О градъ Иерусалимъ и о церкви и о катапѣтазмѣ
Како бѣ градъ Иерусалимъ

Градъ же бѣ ограженъ трѣми стѣнами, идеже не заидоша глубоки пропасти, въ тѣхъ *бо* мѣстехъ едино огражение бысть. Самъ же градъ създанъ бысть на двою гору, а между горама дебрь есть, в неуже чястии храми стояху. И от тою гору едина бысть вышьши и длѣжши, на неуже стоить Горнии градъ, наречень *Давидомъ** цѣсаремъ Хранитель,* зане бысть утврженъ, иже бысть отецъ Соломоновъ,* создавшаго церкви прѣвѣе. Втораа же нарицается Край,* на неуже създанъ градъ Длѣний на дву горбу, пред нею дебрь глубока. Потомъ же в лѣта, в няже *цѣсарствоваша* Асамонѣи,* дебрь ту исплѣниша, хотяща сравнати градъ церкви, а иную высоту желѣзы сѣкуще сътвориша ниже, да явится выше и церковный врѣхъ. Сыротворенаа же дебрь,* юже рекохомъ между градома, доидеть до Силуана,* идѣже бѣше кладязь сладокъ и множаася. И окрестъ гору обыдоша пропасти страшны, имиже неприступно ниоткуду.

От трий же стѣнъ прѣваа създана бысть Давидомъ и Соломономъ твердо *велми и* неприступно, и починается от Коннаго сына* и кончается до Соломоновы купѣли* и до *Офласа*.* Втораа же починается от вратъ Генафъ* и обиходить до Антония* и кончается. Третьяя же идеть от Коннаго сына и до Муסיинаго* и кончается до Елѣнинъ гробъ* и до Цѣсарьскихъ пещеръ,* идеже гробъ Син-

свое слово кончаю. Не могу быть предателем самому себе. Иноплеменники зовут нас на спасение — и я ли захочу броситься на меч? Да не будет этого! Если же после того, как я дам им руку, они убьют меня, то я паду, как бы увенчанный победным венцом, предпочитая их вероломство царству».

Много подобных слов говорил к ним Иосиф, удерживая их от самоубийства. Они же, заградив уши отчаянием, обступили его, собираясь убить, понося и хуля за слабость. А он, одного называя по имени, на другого глядя с угрозой, третьего хватая за руку, разными речами отталкивал их от себя. А их, еще сохранявших уважение к своему военачальнику, как в строю, удерживал стыд, и никто не поднял на него руку.

И он, предоставив спасение свое Богу-промыслителю, сказал: «Поскольку благая воля Бога — нам погибнуть, умрем по счету: на ком закончится счет, пусть будет убит следующим». И сказав так, рассчитал числа с хитростью, и тем обманул всех, и все были убиты друг другом, кроме одного. И он, стремясь не осквернить руки родственной кровью, упросил того, и оба вышли живыми. И повели их к Веспасиану, а римляне все устремились на зрелище, и поднялся разноголосый крик: одни радовались, что Иосифа взяли в плен, другие выкрикивали угрозы, третьи требовали пытать и убить врага, а иные дивились превратности жизни. Веспасиан же приказал взять его под стражу, чтобы послать к Нерону.

О городе Иерусалиме, и о храме, и о завесе
Каким был город Иерусалим

Город был огражден тремя стенами там, куда не вдавались глубокие пропасти, а в этих местах было одно ограждение. Сам же город был построен на двух горах, а между этими горами — долина, в которой стояли теснящиеся друг к другу дома. Из этих двух гор одна была выше и длиннее — на ней стоит Верхний город, названный царем Давидом «Хранитель» за то, что был укреплен; этот царь был отцом Соломона, осуществившего первоначальную постройку храма. А вторая называется «Вершина»; на ней построен Нижний город на двух холмах, а перед ней — глубокое ущелье. Потом в годы, когда царствовали Хасмонеи, это ущелье засыпали, чтобы сравнять город с храмом, а другую вершину, иссекая железом, сделали ниже, чтобы выше казался верх храма. А Долина сыроделов между двумя городами, о которой мы сказали, доходит до Силоама, где был сладкий и обильный источник. А вокруг двух гор пролегли пропасти страшные, через которые нет приступа ни с какой стороны.

Из трех же стен первая была построена Давидом и Соломоном очень крепкой и неприступной; она начинается от Конной башни и кончается у Соломоновой купели и Офела. Вторая начинается от Геннафских ворот, идет кругом до Антониевой крепости и там кончается. Третья идет от Конной башни до Мозаичной и кончается у Елениной гробницы и Царских пещер, где могила

ничь.* Агрипа* же придѣлалъ бѣше къ *острогу* новы стѣны и нарече я Везефа,* наречемыи Новый градъ, но не кончя дѣла убоявся Клавдѣя,* да не мнить велика дѣла *на разраченіа* дѣлана. Не могли быша взяти града сего, аще бы Агрипа скончялъ стѣны акы почялъ: созда бо каменіемъ по два десяти локоть тлѣстоты, а по десяти широта, ни желѣзы мощно сѣчи их, ни овны подвигаемо. Агрипѣ же *прѣставшу* от *дѣла*, якоже рекохомъ, страха дѣля, иудѣи же възвысиша до полутретиа десяти лакоть.

Церкви* же създадена бысть на горѣ висоцѣ на верху равнѣ, окрестъ же ея пропасти великы. Цѣсарю же Соломону стѣны создавшю на вѣсточную страну и приспу, сѣтвори на ней комары, по инѣм же странамъ гола бысть церкви. И въ послѣдняя времена людемъ выину присыпающимъ, *сравнаша* гору и разшириша, и просѣкше полуденныя стѣны, оттуда обѣградиша окрѣстняя церкви. И оградивше около горы и трудившеся паче силы, сѣвершиша дѣло славно, на немже длѣгы вѣкы и скончяшася и священное сѣкровище исключися, и посылаемо от всея вселенныа на честь Богови. А идеже *глубока* мѣста бѣше, 300 лакоть въздаяху каменіемъ и по 40 лакоть въ тлѣцѣ. Множество бѣ имѣнія и людско *поспешение* паче ума и слова сѣвершаше строение, и и скончяша еже видящимъ вѣрно, а слышащимъ невѣрно.

Верху же сугубы комары създаша, стлѣпи же камени в нихъ по полутретью десяти въ высоту лакоть, изъ единого мрамора, бѣли учинени; покровъ же бысть кедреными дсками, добрѣ тесаными. И многоукрашенно естествомъ, имже видѣць не можаше скоро отнести очи свои от видѣнія; рукописаннаго же строения не бысть в немъ, ни рукодѣлания. Кругло же стѣнно бысть 6 врѣсть, и дворъ же не покрытъ, украшенъ бѣ различными каменіи въздаемаи и помощенъ. Оттудуже възходъ бысть на вторую церковь, прѣд неюже прѣдграднии каменіе трилоктное высокою, а видѣниемъ весело зѣло; в нѣже стояху стлѣпи равни, и на нихъ титлы грамотами еллинскими и римскими и жидовскими, проповѣдующе законъ чистотѣ и да не приидеть внутрь иноплеменникъ. То бо нарикаху святое, 14 степени проходимо, и на четыри углы създаенъ верхъ. И над тѣми титлами четвертаа титла висяше, тѣми грамотами показаа Иуса, цѣсаря не цѣсарствовавша, распятаго от иудѣй, зане *проповѣдаше* разорѣние града и опустѣние церкви.*

И на вѣсточную страну врата быша и мѣсто отдано женамъ на службу и на молитву; инѣми бо дверми недостойно бѣ женамъ внити, ни въ своя двери прелазити ограждения. Въ западнѣи же странѣ не бысть вратъ, но от краа и до краа загражено же бысть стѣнами. Комары же, иже межѣ враты быша, зряще внутрь от стѣнъ прѣд газофилакиемъ, над великими стлѣпы мраморными стояху.

Красильщика сукон. Агриппа пристроил к ограде новые стены и назвал их «Везефа», что значит «Новый город», но не завершил постройки, из-за страха перед Клавдием, как бы тот не заподозрил, что огромная постройка предпринята для (подготовки) мятежа. Этот город не смогли бы взять, если бы Агриппа закончил стены, как начал: ведь он строил из камней в двадцать локтей толщиной и в десять шириной — их нельзя было ни прорубить железом, ни поколебать бараном. После того, как Агриппа прекратил строительство — как мы сказали, из-за страха, — иудеяне достроили (стены) до двадцати пяти локтей в высоту.

Храм же был создан на высокой горе, на вершине, на ровной площадке, а вокруг него — огромные пропасти. Царь Соломон построил стены с восточной стороны и сделал насыпь, а на ней — крытую галерею; с другой же стороны храм был неогорожен. И люди, в последующее время постоянно возвышая насыпь, сравняли гору и расширили ее и, прорубив южные стены, огородили с этой стороны место вокруг храма. И, сделав ограду вокруг горы и трудясь свыше сил, завершили знаменитое сооружение — на это ушли долгие века и было истрачено священное сокровище, присылаемое со всей вселенной на почитание Бога. А где места были низкие, надстраивали на триста локтей камнями по сорок локтей толщиной. Множество средств и старание людей создавали строение превыше слова и ума и довершили то, в чем видящие могли удостоверить и чему слышащие не могли поверить.

А наверху они построили двойные крытые галереи, и колонны в них были каменные, по двадцать пять локтей в высоту, сделанные из цельного мрамора, белые; покрытие же было из кедровых досок, хорошо отесанных. И храм был великолепен благодаря естественной красоте, так что зритель не скоро мог отвести глаза свои от (этого) зрелища; росписи же и ничего сделанного руками не было в нем. Кругом была стена на шесть верст, а двор не был покрыт, но украшен и вымощен различными встроеными камнями. И оттуда была устроена лестница ко второму храму, а перед ним — перегородка из камней высотой в три локтя, очень приятная на вид; и за ней стояли одинаковые столбы с надписями греческими, латинскими и еврейскими буквами, возвещающие закон (соблюдения) чистоты и запрет иноплеменникам входить внутрь. Они называли это «святое»; в него проходили по 14 ступеням, и верх был сделан четырехугольным. А над теми надписями висела четвертая надпись, теми же буквами, возвещающая об Иисусе, царе не царствовавшем, распятом иудеями за то, что он предсказывал разорение города и запустение храма.

А на восточной стороне были ворота и место, отведенное женщинам для службы и молитвы, ибо через другие двери женщинам входить не подобало, так же как и переходить за ограду через свои двери. С западной же стороны не было ворот, но от края и до края было загорожено стенами. Крытые же галереи, которые были между воротами, обращенные внутрь от стен перед сокровищницей, стояли на больших мраморных колоннах.

От вратъ же 9 златом и сребромъ покованы быша, и с вереями и съ *одверием*, едина же внѣшняя коренфійскою мѣдию окована бяху, свѣтлѣйши и честнѣйши сребреныхъ и позлащенныхъ. По всѣмъ же вратомъ по двоя двери быша, кояждо же дверь имяше въ высоту 30 лакоть, а в широту 15, от вратъ и до вратъ 30 лакоть. Оград мраморянь образомъ сынномъ, высота же его *болѣ* 40 лакоть. И по два стлѣпа мраморяна по коемждо оградѣ стояху, и величество всѣхъ бысть равно. Вѣсточнаа врата коренфинскаа 50 лакоть быша възвыше, а двери 40 лакоть, на нихъже тлѣстота злата и сребра бѣ паче. Всѣхъ *бо* инѣхъ 9 Александръ* покова, Тивериевъ* отецъ. Степений же 15 до великихъ вратъ от женскаго мѣста быша.

Сама же церкви среди стояше, святое *священное*, двѣма на десять степенема *непроходимо*;* высота же ея прѣдняя 100 лакоть възвыше, а вшире такожде, задняя же ея 40 лакоть ужше. Прѣваа же врата имяху въ высоту 70 лакоть, а вшире полутретиа десят локоть, дверей же не имѣяше по подобию невидѣнна небеснаго. Позлащена быша чела вся, и приклонившимся к нимъ видѣнъ бысть внутрений весь домъ, *сияемъ* златомъ. Си же церкви *есть* покрыта бысть сугубъ, а прѣвый храмъ прѣдстояше, въздвиженъ великою высотой 90 лакоть, а ширина до 50, а продлжено *до* 20. Висяхуть же над тѣми враты лозы златы, а от нихъ грезни злати, възвыше мужеска възраста. Внутрь же и двери быша сухаго злата, 50 и 5 локоть възвыше, а вширь 16. Прѣд тѣми же висяше катапетазма,* равна широтою и долготою, яже бѣ паволока вавилонскаа, *устроена* уакинфомъ, и виссомъ, и кокомъ, и перфиромъ, чюдно видѣниемъ, но не безъ мудрости видѣние имущи, но на *ображение* всѣмъ. *Прообразовашет* бо кокъ огонь, а усь землю, а уакинфъ аиера, а порфиръ море: кокъ бо и уакинфъ подобитася прѣдреченнымъ образомъ, усь же и перфира ражаниемъ приближается оно къ земли, оно къ морю. Написано же бѣ на той катапетазмѣ всяко небесное видѣние и мудрость, развѣ двоя на десять поясъ небесныхъ.*

Си же катапетазма прѣд симъ родомъ бысть цѣла, зане благочестиви быша людие; нынѣ же жалостно бысть зрѣти на ню: раздра бо ся внезапу от веру и до долу, егда добродѣйца мужа, и не мужа дѣломъ, прѣдаша на убой мздою. И ина знаменія многа *страшна кажут* бывша тогда. И того убиена и по погребении не обрѣтома въ гробѣ глаголаху — ови бо творяху въставша его, ови же украденна его своими другы. Не вѣмъ же, котории правѣйше глаголють: въстати бо мрѣтвый собою не можеть, но молитвою иного праведника поспѣшаемъ, развѣ аще аггелъ будеть или инъ от небесныхъ силъ, или самъ Богъ *явится* яко чловѣкъ и сѣтворить елико хочеть, и ходитъ съ людми, и падеть и ляжеть и въстанеть, яко есть ему воля. Ови же рекоша, якоже *немошно* есть украсти его, понеже окрестъ его гроба посадиша стражи — 1000 римлянъ, а

Из ворот девять были окованы золотом и серебром, с косяками и притолоками, а одни, внешние, окованные коринфской медью, были еще прекраснее и драгоценнее, чем серебряные и позолоченные. Во всех воротах было по две двери; каждая дверь имела в высоту тридцать локтей, а в ширину пятнадцать; от ворот и до ворот — тридцать локтей. Ограда — мраморная, башнеобразная, высота ее более сорока локтей; и у каждой ограды стояли по две мраморные колонны, и величина всех была одинакова. Восточные ворота — коринфские — были пятьдесят локтей высотой, а двери — сорок локтей, и толщина золота и серебра на них была больше. Все остальные девять поковал Александр, отец Тиберия. Ступеней же было пятнадцать до больших ворот от места для женщин.

Сам же храм стоял посередине, священное святилище, имевшее двадцать две ступени, в которое нельзя было входить; высота его впереди сто локтей, а в ширину столько же; задняя его сторона на сорок локтей уже. Первые ворота имели в высоту семьдесят локтей, а в ширину двадцать пять локтей, дверей же они не имели — по подобию неба, недоступного взору. Все лицевые стороны были позолочены, и, приникнув к ним, можно было увидеть все внутреннее строение, сияющее золотом. Этот храм был перекрыт дважды, а первый храм стоял впереди, воздвигнутый на огромную высоту — девяносто локтей, а ширина — до пятидесяти, а в длину — до двадцати. Над этими воротами висели золотые лозы, а на них — золотые грозди, больше человеческого роста. Внутренняя отделка и двери были из чистого золота, пятьдесят пять локтей в высоту, а в ширину — шестнадцать. Перед ними висела завеса, равной ширины и длины; это была вавилонская пелена, сделанная из синей ткани и виссона, червленицы и багряницы — чудная видом, и вид ее был не без смысла, но заключал в себе образ всех вещей: ведь червленица служила образом огня, виссон — земли, синяя ткань — воздуха, а багряница — моря. Ведь червленица и синяя ткань видом подобны названным «стихиям», виссон же и багряница по рождению близки один к земле, другая — к морю. Изображено же было на той завесе все, что видно на небе, согласно науке, кроме двенадцати небесных поясов.

Эта завеса до нашего поколения была цела, потому что люди были благочестивы, а теперь — жалко было смотреть на нее: ведь она внезапно разорвалась сверху донизу, когда творившего добро человека — и не человека деяниями — предали на убийство за мзду. И рассказывают о многих других страшных знамениях, случившихся тогда. Говорили, что он был убит и после погребения не найден во гробе — одни утверждали, что он воскрес, а другие — что был украден своими друзьями. Не знаю, кто из них ближе к правде: ведь мертвый не может сам собою воскреснуть, но лишь с помощью молитвы другого праведника, если только это не будет ангел или кто-нибудь иной из небесных сил, или сам Бог явится в образе человека и сотворит все, что хочет, и ходит среди людей, и погибнет, и почует, и воскреснет по своей воле. Другие же

1000 иудѣй. Таковаа о той катапетазмѣ глаголемаа суть, и противу вину раздрание ея есть.*

Пришедъши внутрь принимаше *равность* церковънаа, егоже высота 60 локоть. Мѣсто же *се шестьдесятное дѣлится* надвое: *первое* же 40 локоть, в немже быша три дѣла пречюдная и преславная всѣмъ челоукомъ: свѣтилникъ и трапеза и кадилница.* На свѣтилницѣ же бысть 7 свѣщникъ, по подобию 7 звѣздъ небесныхъ, нареченныя планить.* На трапезѣ быша 12 хлѣба, по подобию числу поясомъ небеснымъ и по образу лѣтъ. На кадилници же быша 13 темиана, събираеми от всѣхъ морь, и от всея вселенныя, и от всѣхъ пустынь, назнаменающа, яко вся от Бога и къ Богу. Внутрьѣ же мѣсто 20 лакоть невидимо есть катапетазмоу другою, и ничтоже в немъ не стояше, ни лежаше, и непроходимо бысть и *нескврѣнно* и невидимо всѣми, нареченная святаа святыхъ. И подлѣ ребра долнѣ цркви учястишася и умножишася храми треврѣхнии, на висоцѣй же странѣ не тащи быша храми, зане бѣ тесно.

На внѣшнее же лице церкви зряще ужасаются очима и душами: златыми дсками тлѣстымъ оковано бѣ всюду, противу же солнечному сиянию огонь в зорѣ *пущаше*. Яко на чисто солнце нелзѣ възрѣти, но мжитъ всякъ, тако и очи *не* хотящихъ зрѣти на ню помижается. Мимоходящим же на ню зрящимъ являешася яко гора исплѣнена снѣга: на нихже бо мѣстехъ не ковано бѣ златомъ, бѣляшеть бо ся зѣло. На врѣху же всажени быша златы гвозды и велици и длѣзи, и *части*, яко стрѣлы и остры, да никоторыйже птичь съдѣ осквернить верха. Камение имже създадено бысть, быша по полупяту десяту локоть въ долготу, а възвыше по пяти, а вшире по 6. Прѣд тою же бысть жрѣтвеникъ,* высотой 15 лакоть, а вшире 8 лакоть, и въ долготу такожде, на четири углы създавъ, выходя от единого угла, образомъ аки рогъ, и възходъ же на нь от полудня. Създано же бысть безъ желѣза, и николиже не прикоснется ему желѣзо. Окрестъ же церкви и жрѣтвеника обыиде аки вѣнецъ, заграда *камена* прекрасна, лакте възвыше, бранящи народъ и от иерѣй. Прокаженным же и трудоватымъ ни въ градъ *да* не дадяхуть входить, женам же браняху прѣйти заграды тоя чистымъ и нечистымъ. И мужемъ не очистившимся възбраняху от внутреняго двора, такоже иерѣомъ.

Иже родънии иерѣи быша, не мощно служити слѣпотою или хромотою или рукою, идяху внутрь съ здоровыми и цѣлыми иерѣи, и чясть емлюще с тѣми равно, а въ священныя ризы не облачяхуся. На жрѣтовникъ бо и на церковь възсхожаху иерѣи непорочнии, и облекшася въ усь, и паче говѣюще от вина, страшашеси, да ничтоже не *прѣступят* въ службѣ. И архиерѣй възсхожаше с ними не по вся дни, но въ суботы и в новыя мѣсяця и въ отечьскыя праздники великыя. Егда служаше, ризы* его быша кромѣ от

говорили, что украсть его невозможно, потому что вокруг его гроба посадили стражу: тысячу римлян и тысячу иудеев. Вот что рассказывают об этой завесе, и по этой причине разорвалась она.

Входившие внутрь попадали в нижний ярус храма, высота которого шестьдесят локтей. Место же это в шестьдесят локтей разделяется на две части: первая — в сорок локтей, в которой находились три вещи, изумительные, слава о которых распространилась повсюду, — светильник, стол и кадила. На светильнике было семь лампад, по подобию семи звезд небесных, называемых планетами. На столе было двенадцать хлебов, подобно числу поясов небесных и по образу лет. На кадилах же было тринадцать тимьянов, собираемых со всех морей, и со всей обитаемой земли, и со всех пустынь, означающих, что все от Бога и к Богу. Внутреннее же место — двадцать локтей, невидимое за другой завесой, и ничего в нем не стояло и не лежало, и оно было недоступно для входа и скверны и невидимо для всех, называемое «святая святых». И вдоль боковой стороны нижнего храма вплотную друг к другу стояло множество строений с тремя крышами, на высокой же стороне строения были не такие из-за тесноты.

Лицевая сторона храма, обращенная наружу, поражала глаза и души смотрящих: везде она была окована толстыми золотыми пластинами и при солнечном сиянии казалась пылающей огнем. Как на чистое солнце нельзя взглянуть, но жмурится всякий, так и глаза против воли смотрящих на него зажимались. Когда же смотрели на него, проходя мимо, он казался горой, покрытой снегом: в тех местах, где не было оковано золотом, он ярко сверкал белизной. Наверху же были всажены золотые острия — большие, длинные, частые и острые, как стрелы, чтобы никакая птица, сев, не осквернила верха. Камни, из которых он был построен, были по сорок пять локтей длиной, по пять высотой и шириной по шесть. Впереди был жертвенник высотой пятнадцать локтей, а в ширину восемь локтей и столько же в длину, сделанный четырехугольным, выступающий с одного угла наподобие рога; восходят же на него с южной стороны. Он был сделан без железа, и никогда не прикаснется к нему железо. Вокруг же храма и жертвенника обходит, как венец, красивейшая каменная ограда, в локоть высотой, отгораживающая народ от священников. Прокаженным же и больным даже в город не позволяли входить, а женщинам запрещали переходить ту ограду, что между чистыми и нечистыми. И мужчин не очистившихся не допускали во внутренний двор, так же и священников.

Те из рода священников, кому нельзя было служить из-за слепоты, или хромоты, или (увечной) руки, входили внутрь со здоровыми и неувечными священниками, получая ту же часть, что и они, но в священные ризы не облачались. На жертвенник же и в храм входили священники непорочные, облекшиеся в виссон и воздерживающиеся в особенности от вина, опасющиеся малейшего нарушения в службе. И первосвященник входил с ними не во все дни, но в субботы и первые дни месяца, а также в большие праздники,

иерѣй. Покрывае бо прѣд до голений и прѣпоясникомъ, а исподъ полотномъ, врѣху же облачяешя въ ризу круглу до ногъ, уакинфомъ устроена. И около ея висятъ колоколи злати и роидя также; *клаколи же прообразуютъ громъ, а родиа мльнию*. И вѣнецъ прилѣпливаше ризу къ персемъ, пятью же поясъ обиаъ от злата и от прѣфира, и от кока, и от уса, и от уакинфа, имже и катапетазма устроена бе — вины ради, еяже рекохомъ. И надъ тѣмъ висяшя емофоръ, златомъ кованъ, образъ имущъ бронный. Подлѣ же его два щита, златомъ кованы, и в нею насрѣди сардоникы, велици и прекрасни, в нихже *написано начяльници колѣна иудѣйска*. На друзѣй же странѣ висяху 12 камени на 4 чясти раздѣлени: на прѣвой сарди, и *топазъ*, изморагдъ, а на вторѣй анфраксъ, иаспи и самфиръ, и на третѣй *ахати, амэфисъ, лигури*, и на четвертой *ониксъ*, вирилъ, хрусолифъ. Главу же покрываше вѣнцемъ вусинскомъ, покрытъ уакинфомъ, а над нимъ инъ златъ вѣнецъ, на немже написана быша крестомъ священныи грамоты и *четворица*.* Въ сию же ризу не облачяшя въ ино врѣмя, развѣ егда служаше в непроходимѣй единою лѣта, егда обычай всѣмъ говѣти Бога.* Въ ины же праздники въ простѣйшаа ризы облачяшя.

О градѣ, о церкви, о дворѣ

О градѣ же и о церкви и обычаи пакы изречемъ, яже оставихомъ.

Сынъ же нарекомый Антоний създанъ бысть межѣ двѣма комарама церковныма, над высокымъ каменемъ 50 лакотъ възвыше. Строение же бѣ Ирода цѣсаря, иже камень сей покры дсками мраморяными от корене до верху, красоты дѣля и плзости дѣля, да невѣзможно будетъ внити и изыти. И прѣд сыномъ създа стѣну трѣхъ лакотъ възвыше, и потомъ сынъ *създа* възвыше 40 лакотъ. Внутренее же его мѣсто цѣсарьскый дворъ бѣ: храми прекрасни и потребни, и комары, и бани великы, и воинскыи дворы широки. Зане вся потребнаа имяше, подобяшя граду силному, *егда* зане вся быша в немъ прекраснаа и различнаа, бысть же жилище цѣсарьское. И образомъ сынъ сей на углы четырма сынъ обиаъ бысть, три възвыше быша по пятидесять лакотъ, четвертый же на вѣсточнѣй странѣ 70 лакотъ, яко видѣти от него церковь, идѣже сѣдяще стражие римстии съ оружиемъ при праздницѣ блюдааху, да не разра- тятся людие. Церковный бо градъ бысть граду самому акы дѣтинець,* сынъ же Антоний вышний и твержий црковнаго града. Вышний же градъ имяше оприснъ дѣтинець — Иродовы полаты.* Везефа же разлучитя от Антония и от полунощия призрѣти на церковь. О градѣ же и о стѣнахъ, елико ми мощно, измолвихъ.

установленные предками. Когда он служил, ризы его отличались от священнических. Ибо перед он закрывал до голеней опоясывающую тканью, а низ — полотном; сверху он облачался в круглую ризу, доходящую до ног, сделанную из синей ткани. И кругом на ней висят золотые колокольчики и яблоки: колокольчики служат образом грома, а яблоки — молнии. И повязка прикрепляла ризу к груди, вокруг нее — пять поясов из золота, багряницы, червленицы, виссона и синей ткани, из которых была сделана и завеса, — почему, мы уже сказали. А над ней свисал омофор, сделанный из золота, имеющий вид брони. Внизу его — два щита, кованные из золота, и в середине у них — большие и прекрасные сардониксы, на которых написаны родоначальники колен иудейских. На другой стороне были прикреплены двенадцать камней, разделенных на четыре части: в первой сердолик, топаз, изумруд, во второй карбункул, яшма и сапфир, в третьей агат, аметист, лигурий, а в четвертой оникс, берилл, хризолит. Голову же он покрывал повязкой из виссона, сверху — синей тканью, а поверх — еще одним золотым венцом, на котором были написаны крестом священные буквы, составляющие четверицу. В эту ризу он не облачался в другое время, но только когда служил в (святылище), куда никому нельзя было входить, — один раз в год, когда все по обычаю говеют Богу. В другие же праздники он облачался в более простые ризы.

О городе, о храме, о дворе

О городе, о храме и об обычаях мы еще скажем, что опустили.

Крепость же, называемая Антониевой, была построена между двумя крытыми галереями храма, на высоком камне в 50 локтей высотой. Это было сооружение царя Ирода, который покрыл этот камень мраморными плитами от основания до верха — для красоты и ради пользы, чтобы невозможно было ни войти, ни выйти. И перед крепостью он построил стену в три локтя высотой и потом построил крепость 40 локтей в высоту. Ее внутреннее пространство было царским дворцом: прекрасные и удобные дома, крытые галереи, большие бани и широкие дворы для воинов. Поскольку там было все необходимое, она была похожа на сильный город; поскольку все в ней было прекрасно и разнообразно — на царское жилище. Имея вид башни, она по четырем углам была окружена башнями, три были в высоту по пятьдесят локтей, а четвертая на восточной стороне — семьдесят локтей, так что с нее можно было видеть храм, и на ней сидела римская стража с оружием, наблюдая во время праздников, чтобы народ не поднял мятеж. Таким образом, кремль вокруг храма был по отношению к городу как детинец, а Антониева крепость — еще более укрепленной, чем храмовый кремль. Верхний же город имел свой особый детинец — Иродовы палаты. Везефа же отделяется от Антониевой крепости и с северной стороны смотрит на храм. О городе и о стенах, насколько мог, я рассказал.

Мятежници* же от цркъве по вся дни биюшеса съ дѣлающими приспу, и въ 27 день преждереченнаго мѣсяца* таку лесть сътвориша: заднюю комару между соломенемъ и врѣхомъ исплѣниша хвороста съ смолоу и съ сѣроу, потомъ же творяхутся акы бѣгающе. И к тому мнози от несмотрящихъ устремльшеса нападаша на отступльшаа, и поставиша лествица и възлѣзоша горѣ на комары. И абие иудѣи пожгоша, и располѣвшюся огню, всюда обступи вся, и не можахуть како промыслити и метажутся *назадъ* въ пропасти, инии же къ супостатомъ искрушахутся, а инии изгорѣшася, а инии изрѣзашася. Кесарь же гнѣвашеса на погыбшаа, зане безъ повелѣния *възлѣзоша*, но обаче съжалиси о нихъ. И не могущу никомуже помощи имъ, се бысть утѣха истляющимъ, понеже *видяше* кесарь, за негоже *каждо* ихъ душу полагаше, кличюще бо и поскачюще и молящеса другъ другу, да въспомогуть, имже лѣтъ, и гласы свѣтлы пушающе, с похвалами и с веселиемъ умираху. Инии же къ *комарнѣи* стѣнѣ прибѣгше, широкъ суши, и от огня избавишася. Обступльше же ихъ иудѣи биюща я, падоша вси.

Единъ же от нихъ уноша, именованъ Логинъ, дѣло сътвори достойно памяти. Иудѣи бо не могуще убити, даяхуть ему руку, молящеса да слѣзеть къ нимъ. Братъ же его Корнилий, противу ему стоя, въпияше къ нему, да не посрамитъ своего рода, ни укоритъ вой римскихъ. И сей, послушавъ его, и извлекъ мечъ, всѣмъ на нь зрящимъ въгрузи в ся. Токмо же *Арторий* лестию от огня изы: *тѣи* бо призва *своего* Лукья, своего товарика, и рече к нему великимъ гласомъ: «Тебе оставлю наслѣдника моему стяжанию, аще приступль ухитиши мя». Оному же бодро притекшю, съвержеса на нь и живъ бысть; *Лукий* же от тяжасти зараженъ бысть, и падъ ниць на камени умре.

Си лесть печаль възложи на римляны за мало время, потомъ же научишася блюсти от лести иудѣйскы, имже многажды спакоистишаси, не вѣдуше градныхъ мѣсть и нрава мужь. И пожжены быша комары до Иоаннова сына, егоже създа, егда биашеса съ Симономъ.* Утру же бывшю, римляне съ сѣверныа комары иждегоша.

Иже истляхуть от *града* въ градъ, падахуть якы листвие и яко пѣсокъ, и страсть ихъ неизглаголема бысть. По всѣмъ храмомъ, аще и крупъ стѣнъ явился бы, то рать бысть, и руками биахуса любимии сродници, *выдавливающе* изъ гортани скверное извлечение душевное. Не имѣяхуть вѣры ни умирающимъ, но издыхающихъ разбойници испытаяху, аще кто пищу въ надрѣхъ нося, творится лжа умираа. И зияюще, акы бѣснии пси, не улучаху въ двери, поревающеса и уклоняющеса, аможе не хотяху, акы пиании. И не могуще никдѣже обрѣсти что снѣдно, въ едину храмину и трижды, и 4-жды влазяху въ единъ час. И вся обрѣтаемаа в зубы вношаше нужда. Яже непотребна быша сквернымъ безсловеснымъ животинамъ, то сами выбирающе ради ядаху, и на конци ни поясъ, ни сапогъ гнушахуса, ни кожъ щитныхъ, но раздирающе я ради

О взятии Иерусалима

Мятежники, все дни ведя из храма бой с теми, кто делал насыпь, в 26-й день указанного месяца устроили такую хитрость: заднюю крытую галерею между верхней перекадиной и крышей наполнили хворостом со смолой и серой, а потом притворились, что убегают. И тогда многие, неосмотрительно бросившись, напали на отступивших, поставили лестницы и влезли вверх на галерею. И сразу же иудеяне подожгли (их), и огонь, разгоревшись, окружил всех отовсюду, и они, бессильные что-либо предпринять, бросались назад в пропасть или падали к противникам; некоторые сгорели, а иные погибли от меча. Цезарь же разгневался было на погибших за то, что они влезли без приказа, но, однако, проникся к ним жалостью. И поскольку никто не мог им помочь, утешением для горящих было то, что их видел цезарь, за которого каждый из них полагал душу; крича, прыгая, умоляя друг друга помочь, если кто может, и испуская радостные возгласы, они умирали с похвалою и весельем. А некоторые, прибежав к широкой стене галереи, спаслись от огня. Обступившие их иудеяне рубились с ними, и они все погибли.

Один же из них, юноша по имени Логин, совершил поступок, достойный памяти. Иудеяне не могли его убить и давали руку, упрасывая, чтобы он слез к ним. Но его брат Корнелий, стоя напротив него, кричал ему, чтобы он не посрамил своего рода и не навлек позора на римских воинов. И тот, послушав его, извлек меч на глазах у всех и вонзил в себя. Только Арторий хитростью спасся от огня: он позвал своего товарища Луция и громко сказал ему: «Тебя оставляю наследником своего имущества, если ты подойдешь и поймаешь меня». И когда тот быстро подбежал, он рухнул на него и остался жив; Луций же был повален тяжестью и, упав лицом на камень, умер.

Эта хитрость на некоторое время повергла в уныние римлян, но потом они научились остерегаться хитрости иудеян, потому что им часто вредило незнание местности, где стоял город, и нрава его жителей. И сожжены были галереи до башни Иоанна, которую тот построил, когда воевал с Симоном. На следующее утро римляне сожгли северные галереи.

А в городе угасающие от голода падали как листья и как песок, и страдания их были неописуемы. Во всех домах, если появлялась хотя бы тень крошки, то начиналось побоище, и любимые родственники дрались врукопашную, выдавливая из горла скверное извержение души. Не верили даже умирающим: разбойники обыскивали испускающих душу, проверяя, не притворятся ли человек умирающим, скрывая пищу за пазухой. И с раскрытым ртом, как бешеные псы, толкаясь в двери, они не попадали в них и уклонялись туда, куда не хотели, будто пьяные. И, поскольку не могли нигде найти ничего съестного, входили в один и тот же дом по три и четыре раза за один час. И все, что находили, нужда заставляла тащить в рот. И что непотребно скверным бессловесным животным, то сами, выбирая, поедали с радостью и под конец не

ядяху. Аще же согнившее сѣно или солому кто обрѣташе, то бяше имъ пища акы съ *благоуханным* зѣлиемъ устроена. Инии же тонко сѣно събирающе, продаяху полъ гривны* вѣса на четырехъ златницѣхъ атитьскихъ, яже суть ѿ златникъ *погоручих*. И вѣскую потолику *исповѣдаю* нужду гладную? Иду же на показание *дѣла*, иже ни въ еллинѣхъ, ни въ варварѣхъ написано бысть, страшно глаголющимъ и невѣрно слышащимъ. Азъ же молился быхъ послѣднимъ челоукомъ, да быша не мнѣли мене лжуща, и съ сладостию быхъ преступилъ злобное слово се, аще быша не были послуси и видоци бесчислении; обаче же суетну благодать сътворю отечеству моему, аще потаю страсть, юже прияша.

Жена бо нѣкаа, живуши об онъ полъ Иердана, именемъ Мария, дщи Елеазарова, от веси Вафехоръ, еже сказается домъ усоповъ, родом же и богатством нарочита суши, и съ прочими людми въ Иерусалимъ прибѣгши. Еяже стяжание мучители расхищше, елико бо пристроивши принесе от оного полу Иордана, не оставиша ничтоже и съсудъ драгихъ, и всяку промысленую пищу, приходяще по вся дни, отимаху. Лють же гнѣвъ вниде въ жену сию, и лаючи и кленуши вѣсхитающаа, *на ся* поостриваше я, да бы ю кто убилъ. Потом же видящи, яко никтоже брежетъ убити ея, ни *гнѣвающюся* на ню, ни *жалующу по ней*, тружашеся ходящи къ инѣмъ, да бы ю обрѣла что снѣдно. И не могуши обрѣсти никдѣже, гладу ходящю сквозѣ утробу и мозгы, и приемши съдумника нужду, на свое естество устрѣмися. Бѣ же у нея отроча у сесца, и приемши и в руцѣ и рече къ нему: «Младенче милый! Се обидоша *на* насъ рать, и гладъ, и мятежь. Кому ты храню? Аще римляне вѣзмутъ нас, тамо работа тяжка и нестерѣпима; аще же они не приспѣютъ, *то* *глад* нас вѣсхитить; мятежници же лютѣйши обою. Гряди, чядо, откуда еси вышель, и буди ми пища, и мятежникомъ клятва, и вѣку притчя, яже дойде иудѣйскаа жития!» И тако рекши, закла сына своего, и испѣкши и раздѣли и надвое наполи, и полъ предасть утробѣ, а полъ же его покрывши схрани. И абие мятежници приступивше по обычаю, скверный смрадъ обухавше, запрещахуть убити ю, аще не явить пристроенаго. *Она же рече* яко: «И добру чясть оставила есмь вамъ», — и откры имъ остаток чяда. Онѣх же узрѣвшихъ обя ихъ страхъ и трепеть и ужась, и противу видѣнню окаменишася. Она же рече: «Се чядо мое от мене рожденно, а дѣло мое. Снѣжьте, ибо и азъ ела есмь. И не будѣте мякчейше жены, ни *милостиви* паче матере. Аще же вы есте благочестиви и мое зачатие отмѣтаете, но азъ *снѣх*, и прокъ мнѣ оставите». По том же они трепещуще изидоша, тѣмъ единѣмъ *устрашьшеся*, и одва сея пища отступиша матере. И абие извѣщено бысть по вѣсму граду си скверность, и каждо прѣд своима очима положи страсть сю, яко самъ творивъ *трепеташе*. Гладнии же тесняхуться къ смрѣти и ублажахуть прежде умрѣшаа, *прежде даже* не видѣша такового зла.

гнушались ни поясов, ни сапог, ни кож со щитов, но раздирая их, ели с удовольствием. Если же кто находил сгнившее сено или солому, то это была для них как будто пища, приправленная благоуханными травами. А некоторые, собирая сухие стебельки, продавали полгивны веса за четыре аттических золотых, что равно восьми золотым червонного золота. Но зачем я так много говорю о голодной нужде? Перехожу к рассказу о происшествии, подобное которому не было описано ни у эллинов, ни у варваров, о котором страшно рассказывать и, слушая, невозможно поверить. Я же прошу потомков не думать, что я лгу; я с радостью опустил бы этот страшный рассказ, если бы не было бесчисленных свидетелей и очевидцев; да и плохую службу сослужу я моему отечеству, если скрою страдания, которые претерпели (люди).

Одна женщина, живущая по ту сторону Иордана, по имени Мария, дочь Елеазара, из села Батехор, что значит «дом иссопа», известная своею знатностью и богатством, прибежала среди прочих в Иерусалим. Ее имущество — то, что она сберегла и принесла с того берега Иордана, — разграбили мучители и не оставили ничего из дорогой утвари, а всю пищу, которую удавалось раздобыть, отнимали, являясь каждый день. И лютый гнев охватил эту женщину, и, браня и кляня расхитителей, она стала подстрекать их, чтобы кто-нибудь убил ее. Потом, видя, что никто не думает убивать ее ни из гнева, ни из жалости, она мучилась в поисках съестного, ходя к другим. И поскольку не могла найти ничего, а голод пронизывал утробу и мозг, взяв в советчики нужду, устремилась на свое естество. Был у нее грудной младенец; и, взяв его на руки, сказала она ему: «Милый малютка! Вокруг нас война, голод и мятеж. Для кого мне тебя хранить? Если римляне нас возьмут, там тяжкое и нестерпимое рабство; если же они не успеют, тогда нас сразит голод; а мятежники страшнее и того, и другого. Ступай же, дитя, туда, откуда вышел, и будь мне пища, а мятежникам проклятие, и веку притча о том, до чего дошла жизнь иудеян!» И сказав так, заколола своего сына и испекла, потом разделила его на две половины и одну съела, а другую, накрыв, оставила. И тут же мятежники, явившись, по обыкновению, и учуяв скверный смрад, приступили, угрожая убить ее, если она не покажет, что припасла. А она ответила: «Добрую часть я оставила вам!» — и открыла им, что осталось от ребенка. Когда же они увидели, их охватил страх, трепет и ужас, и они окаменели перед этим зрелищем. Она же сказала: «Вот дитя мое, мною рожденное, и дело — моих рук. Съешьте, ведь и я ела. И не будьте мягче женщины и жалостливее матери. Если же вы благочестивы и отвергаете мое заклятие, то я уже ела, и остальное оставьте мне». После этого они, трепеща, вышли: только этого они устрашились и насилу эту пищу отказались взять у матери. И сразу по всему городу прошла весть об этой скверне, и каждый воочию представил себе это ужасное деяние и содрогнулся, как если бы сам его сотворил. Голодные жаждали быстрее умереть и считали счастливыми тех, кто умер прежде, чем увидел такое зло.

Скоро же и къ римлянѣмъ принесоша вѣсть о сей страсти, от нихъ же ови не яша вѣры, ови же съжалишася о нихъ, ови же гнушахуся о нихъ болма. Кесарь* же отвѣщеваше о томъ к Богу глаголя, яко: «Азь иудѣомъ миръ и волную жизнь подаваю, и не въспоманулъ быхъ шатанія ихъ, ни всяческаго зла, яже сътвориша. Си же за единоумие мятежь изволиша, а за миръ рать, а за сытость и обилие — и страсть и гладь. И нынѣ своими руками начяша зажигати святое, егоже азь съблюдохъ доселѣ. Тѣмже и достойно имъ таку пищу приимати и покрыти скверность *чядодѣнїи* падениемъ *града*, да не останутся по вселеннѣй живи, ни видить солнце града, в немъже матери чяда своя ядятъ. Егоже было отцемъ сътворити прѣд матерми, зане такое страсти зряще, и еще въ оружїи пребываютъ». И тако рекъ помышляше, како отчаяшася мужи ти и не въсхотятъ покаятися, ни приемлютъ цѣломудрїя.

И двѣма плѣкома скончавшима приспу въ осмый день мѣсяца лоя, иже есть август, повелѣ поставити *овны* на западнѣмъ мѣсте внутреняя цркви. Прѣд тѣм же по шесть день бия безъ престани Побѣдникъ стѣны, иже есть болий всѣхъ овень, не възможе ничтоже разбити. Под сѣверными же враты подкопаша ини *сзданаа* основания, и зѣло трудившеся, одва вывалиша преднии камени три, но не порушишася стѣны, но *стояша* крѣпко. Римляне же, ни овны, ни желѣзы могуще разбити я, ни инѣмъ ничимъже, лѣствица приставиша къ камарамъ. Иудѣи же не вариша бранити имъ възлѣзти горѣ, но послѣди притекше сняшася съ възлѣзшими, крѣпко бишася. И овы мѣтаху долу, овы же въ пропасти връжаху, овы же бодяху, инѣх же топрѣво възлѣзшихъ, и еще не dospѣвшимъ възнати шить, варяущися сѣчяху, инѣх же, лѣствиць укланяюще я, мѣтаху доловъ. Римляне же въ инѣмъ мѣсте възнесоша хоругви кесаревскыя. Иудѣи же потекше люту сѣчу съставиша, тоснуеще отяти я. Они же, срамоту безславную мнѣше отиманїя ихъ, не осклабишася биюще, дондеже вси погибоша. Иудѣи же хоругви отъемше и *възлѣзших избивше*, хупяхуся яко самого кесаря бивше или плѣнїивше. От римлянъ же никтоже безо мсти погыбѣ, но убивъ прежде, тожде убиенъ есть. Тить же видя, яко на пакость воиномъ его шадѣние *црковное*, и повелѣ да зажгутъ врата.

И тогда прибѣгоста къ нему *Анан*, иже от *Амауса*, и Архилай Магудатинъ сынъ, уповающе проститися от него, зане одолѣвшимъ иудѣомъ прибѣгоста. Тить же мнѣше, яко лестїю приидоша, и слышавъ жестосердїе иудѣйско, повелѣ убити глаголя, яко: «Нуждею приидоста, а не волею, и ни еста достойна спасенїю, зане прискочиста, видяща запалѣемо отечество». Но обаче вѣры ради въздержа гнѣвъ и пусти я, но не бы има чясти равны, якоже инѣмъ.

Воиномъ же възложившимъ огонь на врата сребренаа, сребру же растекающюся, и яся пламень дскамъ, и оттуду внезапу поїде пламень по камарамъ.

Вскоре и к римлянам принесли весть об этом ужасном событии, и некоторые из них не поверили, другие преисполнились к ним жалости, а иные — глубокого омерзения. А цезарь оправдывался в этом перед Богом, говоря, что: «Я даю иудеям мир и свободную жизнь и не вспомнил бы их непокорства и всего зла, которое они сотворили. Они же предпочли согласию мятеж, миру войну, а сытости и изобилию — страдания и голод. И теперь своими руками начали поджигать святилище, которое я берег до сих пор. А потому они достойны принимать такую пищу и поплатиться за мерзость чадоядения падением города, чтобы не остались они живы во вселенной, да не смотрит солнце на город, в котором матери едят своих детей. Раньше матерей это следовало бы сделать отцам за то, что, видя такой ужас, они до сих пор не складывают оружия». И сказав так, он задумался о том, насколько отчаялись эти люди, что не хотят раскаяться и не приемлют здравомыслия.

И когда два полка закончили насыпь в восьмой день месяца лоя, то есть августа, он приказал поставить бараны с западной стороны внутреннего храма. Перед этим Победитель — самый большой баран — в течение шести дней без перерыва наносил удары, но не смог ничего разбить. Другие же подкопали под северными воротами построенное основание и с большим трудом насилу вывалили три передних камня, однако стены не обрушились, но стояли крепко. И римляне, не в силах сокрушить их ни баранами, ни железом, ни чем-либо еще, приставили лестницы к галереям. Иудеяне же не успели воспрепятствовать им влезть наверх, но затем, прибежав, схватились с взобравшимися и крепко бились. И одних сбрасывали вниз, других низвергали в пропасть, третьих закалывали, а тех, кто только что влез и еще не успел взять щит, опережая, зарубали, иных же, сталкивая с лестниц, сбрасывали вниз. А римляне в другом месте подняли значки цезаря. Иудеяне же, сбежавшись, учинили лютую сечу, пытаясь отнять их. А те, считая, что лишиться их — значит навлечь на себя бесславный позор, бились не уступая, пока все не погибли. А иудеяне, отняв значки и перебив влезших (на галереи), похвалялись так, будто убили или взяли в плен самого цезаря. Из римлян же никто не погиб, не отомстив, но каждый был убит, убив прежде сам. И Тит, видя, что шадит храм во вред (своим) воинам, приказал поджечь ворота.

И тогда прибежали к нему Анан из Еммауса и Архелай, сын Магадата, надеясь получить от него прощение, потому что прибежали после победы иудеян. Но Тит думал, что они пришли с хитростью, и, наслышанный о непреклонности иудеян, велел убить их, говоря, что: «Вынужденно вы пришли, а не по своей воле, и не достойны спасения, потому что прибежали, видя, что уже горит отечество». Но, однако, не желая поступить вероломно, укротил (свой) гнев и отпустил их, но участь им была уготована не та же, что другим.

А воины подожгли серебряные ворота, и когда серебро начало плавиться, от пламени занялись доски, и оттуда внезапно пламя перекинулось на

Иудѣом же видящимъ пламень окръсть себе, телеса и душа ихъ раслабѣшася, и ужасомъ никтоже не подвизашеся на угашение, но въ единомъ мѣсте стояху зряще. Потомъ же *стужившеси* зѣло, прияша умъ, но не цѣль, и възъяришася на римляны болма. Въ той же день и ночь огонь запалаше по храмомъ и по каморамъ.

Утру же бывшую Титъ посла угасити огонь и раскопати ожженаа и расширити путь плѣкомъ. И призва шесть отъ вѣрховныхъ гемонъ: Тиверия и Александра, и Секста и Керейля, и Ларкия Лепида, и Тита Фругия, и Фронтоня Етерина, и Марка Антония Иулиана, иудѣйскаго властелина, думаше с ними о цркви. И отъ нихъ же ови рекоша, да ратный законъ на ней съвершати: не престануть бо иудѣи мятушеся, дондеже црковь стоить, в нюже отвсюду събираются. Ови же рекоша: «Аще оставятъ иудѣи и не въздвизаютъ оружия в ней, то достойно ю съхранити; аще ли же бьются ту, то зажещи ю: наречеть бо ся сынъ бойный, а не цркви. Безаконие же не от насъ, но от понудившихъ ны». Титъ рече: «Аще среди ея стояще иудѣи бьются, то николиже не погублю бездушныя в нихъ мѣсто, ни пожгу такога и толика дѣла. Аще бо погибнетъ, то римлянѣмъ пакость, аще ли стоить, то красота будетъ нашей власти». Къ тому же слову приложистася Фронтонъ и Александръ. И тогда распусти думца и повелѣ гемонѣмъ, да почиють съ вои, да крѣпче утро исплѣчятся.

Въ тойже день трудъ и ужасъ удрѣжа устремление иудѣйско. Наутрѣи же събравше всю силу съ упованиемъ, *вытекоша* въ второй часъ дне* вѣсточными враты и нападоша на *стража* вѣшняя. И си крѣпко сътрѣпѣша устремление ихъ, и въоружившеся сташа противу яко стѣна, исплѣчившеся чясто, но ярость и ристание иудѣйско одолѣваше имъ. И поразумѣ *Титъ* уклонение ихъ, видяше бо отъ Антония, и прииде съ избранными вои на помощь. Иудѣи же не стрѣпѣша пришествия его, но прѣднимъ падшимъ, а прочии разбѣгошася. Егда же отступяху римляне, си възвращающеся нападаху на ня, онѣмъ же възвращающимся, *си* бѣгаху. То же бысть до пятого часа дне, дондеже бѣжавше затворишася въ внутренѣй цркви.

Како цркви зажжена бысть, и о знамѣнныхъ прежде погыбели Иерусалиму, и како Симонъ и Иоанъ призваста Тита на повѣсть, Титъ же повелѣ противу речи ею отвѣщевати; они же не покаряхуса, Титъ же не повелѣ оттолѣ ихъ шадѣти.

Титъ же отступи къ Антонии и наряди воя, да утро приступятъ вси около цркви. Богъ же инако промысли и древле осуди ю огнемъ скончатися. И приспѣ судный день на скончание лѣта, въ десятый день мѣсяца лоя, в онже древле вавилонскимъ цѣсаремъ иждежена бысть. Пламени же начатие

галереи. Когда иудеяне увидели пламя вокруг себя, тела и души их обессилели, и от ужаса никто не двинулся тушить, но все стояли на одном месте и смотрели. Потом к ним, сильно удрученным, вернулся разум, но не здоровый, и они страшно разъярились на римлян. В тот день и ночь огонь палил по пристройкам и галереям.

Когда же наступило утро, Тит послал погасить огонь, разобрать то, что сгорело, и расширить путь для полков. И призвал шестерых верховных военачальников: Тиберия Александра, Секста Цереалия, Ларция Лепида, Тита Фригийского, Фронтон Этернина, Марка Антония Юлиана, наместника Иудеи, и держал с ними совет о храме. Одни из них сказали, что с ним нужно поступить по закону войны, потому что иудеяне не прекратят мятеж, пока стоит храм, в который они собираются отовсюду. Другие же сказали: «Если иудеяне оставят <храм> и не будут братья в нем за оружие, то его следует сохранить; если же будут оттуда биться, то поджечь его: ведь тогда его нужно назвать боевой крепостью, а не храмом. Беззаконие же <исходит> не от нас, но от вынудивших нас <это сделать>». А Тит сказал: «Если даже иудеяне будут сражаться, находясь в нем, я все равно никогда не погублю вместо них неживое и не сожгу такое огромное и прекрасное сооружение. Ведь если <храм> погибнет, это будет во вред римлянам, если же сохранится, то будет украшением нашей власти». К этому мнению присоединились Фронтон и Александр. И тогда он распустил совет и велел военачальникам отдохнуть вместе с воинами, чтобы наутро с новыми силами изготовиться к бою.

В тот день усталость и ужас сдержали устремление иудеян. Наутро же, собрав все силы и надежду, они выбежали во втором часу дня через восточные ворота и напали на стражу снаружи <храма>. Те стойко выдержали их нападение: вооружившись, стали против них как стена, изготовившись тесным строем, но яростные набеги иудеян одолевали их. Тит заметил, что они отступают, — он видел все с Антониевой крепости — и пришел с избранными воинами на помощь. Иудеяне не выдержали его прихода, но, после того как передние пали, остальные разбежались. Когда же римляне начинали отступать, они возвращались и нападали на них, когда же те возвращались, они убегали. Так продолжалось до пятого часа дня, пока, бежав, они не затворились во внутреннем храме.

Как подожен был храм, и о знаменьях перед погибелью Иерусалима, и как Симон и Иоанн призвали Тита на беседу, Тит же повелел возразить на их речи; они же не покорялись, и Тит приказал больше их не щадить

Тит отступил к Антониевой крепости и изготовил воинов, чтобы наутро они все, подойдя, окружили храм. Бог же судил иначе и давно положил ему погибнуть от огня. И приспел судный день в конце года, в десятый день месяца лоя, в который он в давние времена был сожжен вавилонским царем. Огонь

бысть от своихъ. Отступившю бо Титу, и мало врѣмя почивше иудѣи пакы на римляны *вытекоша*, и си побѣждыше иудѣя, гнаша по нихъ и до црѣкве, и сами внидоша. Идѣже нѣкто воинъ ни казанія кесарева пождавъ, ни убоися о толице почятыи дѣмонскомъ, суровствомъ въсхити огонь изовну и на дружне рамо вступи, досяже до златаго оконца и до дверей, имиже възможно бысть възлазити къ *храмом* оцрѣковнымъ. Пламени полящю, иудѣи възопиша и възкликаша по достоянню страсти, на възбранение и на мечь потекоша, ни живота щадяше, ни себе блюдуше, ни опасующесея.

И нѣкто притекъ възвѣсти Титови. Сей же въ шатрѣ почиваше *от* брани. И абие възсхоплься, течяше къ црѣкви, да угаситъ огонь. И по немъ поидоша гемони вси, и възслѣдъ ихъ идяху плѣци убоившесея, и бысть вопль и мятежь великъ, толикой силѣ бесъ чину подвигшися. Кесарь же гласомъ и рукою казаше воемъ угасити огонь. Они же ни кличюша слушаху, зане уши ихъ не слышаху отъ ратнаго кличяниа, ни ручнаго махания внимаху.

Ови бо на супостаты зряху, кто кого убьетъ, ови же гнѣвомъ затвориша уши, плѣкомъ же текущимъ, ни казаніе, *ни* запрещеніе, ни млѣба можаше удрѣжати устремленія ихъ, но ярость воеводяше прѣдъ всѣми и гнѣвъ объявся. И въ теснотѣ съгнѣтающесея, мнози потоптани быша другъ отъ друга, мнози же на горящее каменіе и на попель вѣступающе, не могуше вылѣзти изгараху. А иже близъ црѣкве стояша, не творяхуся слышаше кесарева повелѣнія, но кождо ихъ ближнему веляше зажещи болма. Мятежници же метяхутся, не могуше что промыслити, и бысть вездѣ бой и *кровь и бѣжаніе*. Народъ же, людие суще немощнии *и* безъ оружія, идѣже кто постиженъ, *ту* убиенъ бысть. У жртвеника събрашася множество мртвецъ, кровь же течяше акы рѣка, и струя кровнаа влечяше *трупие*.

Кесарь же разумѣвъ, яко не можетъ устремленія удрѣжати войскаго, и огонь одолѣваше, вниде съ *гѣмоны* внутрь и видѣ святое црѣковное, егоже жадаше, и вся яже въ немъ преславна, не токмо *у* своихъ людий, но и *у* иноплеменникъ, чудна и преславна и прекрасна. Пламени же и еще не *прошедшу* внутрь, но окрестнаа храмы обходящю, мня Титъ, яко възможно есть и еще отъяти дѣло огня, прискочи *и* начя самъ гасити огонь, и воины понуждаше. И *Ливерарья* пристави сотника бити непослушающаа, да възбраняеть пламени. Гнѣвъ же ихъ *и* ненависть иудѣйска одаляше чести кесаревѣ и страху, и устремленія ратнаа полаху паче пламене. Мнози же възсхищенія надѣющесея болма зажигаху, мняще, яко вся исплѣнена внутреняа богатства, зане видѣша окрѣстнаа златомъ покрыта. Вышедшю же кесарю на възбранение вой, нѣкто вложи огонь въ темныя двери внутренни,* и внезапно извънутрь явившюся пламени, отступиша игемони съ кесаремъ, и оттолѣ не

начался от своих. Ибо когда Тит отступил, иудеяне, передохнув немного, снова устремились на римлян, и те, одолев иудеян, преследовали их до самого храма и сами вошли (за ними). И тут один из воинов, не дождавшись приказа цезаря и не убоявшись демоном внушенного начинания, в ярости выхватил огонь изнутри и, встав на плечо товарища, достал до золотого оконца и до дверей, через которые можно было добраться до строений, окружавших храм. Огонь стал разгораться, и иудеяне, с таким криком и воплем, которого заслуживало это страшное дело, побежали, дабы воспрепятствовать (римлянам) и отомстить, не щадя жизни, не помышляя о спасении и забыв об осторожности.

И кто-то, прибежав, возвестил Титу. Он же в шатре отдыхал от брани. И немедленно, вскочив, побежал к храму, чтобы погасить огонь. И за ним направились все военачальники, а вслед им шли полки в страхе, и стоял крик и большое смятение, когда такая огромная сила пришла в движение без порядка. А цезарь голосом и рукой приказывал воинам погасить огонь. Они же не слушали даже его крика, — потому что уши их не слышали из-за ратного шума, — и не замечали знаков, которые он делал рукой.

Одни смотрели на врагов, кто кого убьет, другим гнев затворил уши, и когда полки бежали, ни приказ, или запрет, ни просьба не могли удержать их устремления, но ярость предводительствовала всеми и гнев охватил всех. И, давясь в тесноте, многие были затоптаны своими, а многие, наступая на горящие камни и на пепел и не сумев выбраться, сгорели. А те, что стояли возле церкви, притворялись, будто не слышат приказов цезаря, но каждый из них велел стоящему рядом поджигать еще больше. Мятежники же метались, не зная, что предпринять; и повсюду шел бой, текла кровь и бежали воины. А народ — людей беспомощных и безоружных — убивали там, где кого настигали. У жертвенника скопилось множество мертвых, а кровь текла как река, и поток крови увлекал трупы.

Цезарь, увидев, что не может удержать устремления воинов и что огонь одолевает, вошел с военачальниками внутрь и увидел святилище храма, который он жаждал (увидеть), и все, что было в нем, о чем шла слава не только среди своих людей, но и иноплеменников, — чудное, достойное славы и прекрасное. Поскольку пламя еще не проникло внутрь, но распространялось по окрестным строениям, Тит, думая, что еще возможно спасти здание от огня, подскочил и начал сам гасить огонь и заставлял воинов. Он приставил сотника Либералия бить неповинующихся, чтобы воспрепятствовать огню. Но, охваченные гневом и ненавистью к иудеянам, они уже перестали почитать и бояться цезаря, и ратное рвение пылало сильнее пламени. А многие, надеясь пограбить, поджигали еще больше, думая, что внутри все наполнено богатствами, потому что видели, что кругом было золотое убранство. Когда же цезарь вышел, чтобы остановить воинов, кто-то бросил огонь в темные внутренние двери — и внезапно изнутри

възбраниша никомуже. И цркви же такоже зажжена бысть, не хотящу кесарю.

Дѣло велика рыдания достойно, прѣдивнейши всѣхъ, елико слышахомъ и видѣхомъ и созданиемъ, и величествомъ, и красотою, и устроениемъ, и славою от святаа. Велико же утѣшение приметъ кто зря на суд Божий, егоже не възможно утечи ни съдушнымъ, ни бездушнымъ, ни дѣломъ, ни мѣстомъ. Удивить же ся кто времѣнному кругу: судъ бо *и* съблюдѣ и того мѣсяца, и того же дне, якоже рекохомъ, *в онже* древле вавилоняне пожьгоша ту црковь.* И от перваго же созданиа ея, еже нача Соломанъ цѣсарь, до нынѣшня разорениа, еже бысть въ двѣ лѣте кесарьства Еуспасианова, съчитается *лѣт* 1000 и 100 и 30, и 7 мѣсяць, днєвъ 15, от послѣдняго же созданиа, еже сътвори Аггѣй* во 2 лѣто цѣсарьства Кирова, до сего плѣнениа съчитается лѣтъ 600 и 30 и 9, и мѣсяць одинъ и 15 днєвъ.

Съгараючи же цркви вся обретаемая въ гробѣжъ и въ расхыщение быша, и вси постигаемии желѣзомъ *скончашася*, и не бысть милости никоторомуже възрасту, ни стыдѣннѣи *на* благообразныхъ, но и дѣти, и стари, и сквернии, *и* иерѣи равно смрть прияша: рать бо объа всякъ род бьющихся и молящихся. И пламени же бучащу, и вопль падающих и стонание громъ *въспущаше*. Высоты ж ради горнѣе и величества дѣля съгарающю дѣлу, рекль бы кто издаlechя зря, яко весь градъ горить. И невъможно помыслити что лютѣйша и страшнѣйша тогдашняго вопля: римстии плѣци бо мятушеся кликаху, мятежници же обступлени огнемъ и оружиемъ въпияху, иже остана людий бѣжаху съ ужасомъ кличюще, противу страсти плачюще; мнози же от глада иссохше и мжаще, видѣвшѣ *црковный* огонь, възмогаша пакы кликати и плакати. И противу кличу възгласяху горы окрестнаа и лѣси. И всюда бысть мятежъ и *страсть люта*, и мнѣли бо црковную гору ис кореннѣи скачущю, зане исплѣннѣи всюда *пламене*. Кровь же бысть обилнейши огня, и убиваемии болѣ убивающихъ, и не бысть лѣтъ видѣти земля, зане вся покрыта бысть трупиемъ. Воини же и на стогы мрѣтвецъ въступающе на бѣгающаа течяху. Мятежници же ода *проборовшеся* къ внѣшнѣй цркви *въстекоша*, и оттуду къ граду, останокъ же народа *вбѣже* въ внешнюю комару. Иерѣи же прѣвѣе вертелища* желѣзнаа истлѣчьными ногами метяху на римляны; потомъ же яко дойде ихъ огонь, поступиша къ стѣне широцѣ суши 8 лакотъ. Два же от нарочитыхъ въвергостася въ огонь и сожжена *быста* съ црковью — Мииръ, сынъ Вельговъ, *и* Иосифъ Далѣвъ.

Римляне же мнѣше восуе щадѣти окрестнаа, цркви же пожжени суши, *зажгоша* комары и двери и врата, развѣ двоихъ — вѣсточныя и полуденныя, послѣдъ же раскоявшеся, и ты раскопаша и пожгоша и газофилакию, яже быша хранилища стяжания многа: лежаше же в нихъ ризы и паволокы, и съсуды бесчисленныя, и отинудъ рѣщи все богатство иудѣйско ту бѣ събранно и вси домовѣ богатыхъ. Приидоша же и на прочную комару внешнюю, в нуже при-

показалось пламя; тогда отступили военачальники с цезарем и больше уже никого не останавливали. Так был подожен храм, против воли цезаря.

Творение, достойное великого плача, самое удивительное из всех, сколько мы слышали и видели, и строением, и величию, и красотой, и убранством, и славою своих святынь. Но глубоко утешится тот, кто подумает о суде Божьем, которого не может избежать ни обладающее душой, ни то, что души не имеет, ни дело, ни место. И подивится кто-нибудь кругу времен: судьба соблюла и тот же месяц, и тот же день, в который, как мы сказали, в давние времена вавилоняне сожгли этот храм. От первоначальной постройки его, начатой царем Соломоном, до нынешнего разрушения, которое случилось в два года правления цезаря Веспасиана, насчитывается 1130 лет, 7 месяцев и 15 дней, а от последней постройки, которую предпринял Аггей во 2-й год царствования Кира, до этого пленения насчитывается 639 лет, один месяц и 15 дней.

Пока храм горел, было разграблено и расхищено все, что удавалось найти; и все, кого настигало железо, погибли, и не было пощады никакому возрасту, ни уважения к благообразию, но и дети, и старцы, и нечистые, и священники — все равно приняли смерть, ибо война захватила всех сражающихся и молящихся. И в то время как выло пламя, гремели вопли и стоны погибающих. Из-за высоты горы и огромных размеров горящего сооружения глядящий издали казался бы, что горит весь город. И невозможно вообразить ничего более жуткого и страшного, чем тогдашний вопль: ибо и римские полки кричали, мечась, и мятежники, окруженные огнем и битвой, выпускали вопли, и те, кто уцелел, бежали в ужасе, крича и плача при виде бедствия; и ко многим иссохшим от голода и видевшим смежающимися глазами огонь в храме, вернулись силы кричать и плакать. И на крик отзывались окрестные горы и леса. И повсюду было смятение и лютый ужас, и казалось, что гора, на которой стоял храм, выпрыгивает из основания, потому что вся она покрылась пламенем. Но кровь была обильнее огня, и убиваемых было больше, чем убивающих, и земли не было видно, потому что вся она была покрыта трупами. Но воины гнались за убегающими даже попирая груды мертвецов. Мятежники же, едва пробившись, сбегались к внешнему храму и оттуда — к городу, а остальной народ вбежал во внешнюю галерею. Священники поначалу кидали в римлян железные вертела, выламывая у них основания; потом, когда до них дошел огонь, отступили к стене шириной в 8 локтей. А двое из именитых (граждан) бросились в огонь и сгорели вместе с храмом — Миир, сын Вельги, и Иосиф, сын Далея.

Римляне, полагая, что ни к чему щадить окрестные (строения), когда храм сожжен, подожгли галереи, двери и ворота, кроме двоих — восточных и южных, а потом, пожалев об этом, и те разрушили; сожгли и сокровищницу, где хранилось большое богатство: там лежали и ризы, и покрывала, и бесчисленные сосуды, — одним словом, все богатство иудеев было здесь собрано и все домашнее имущество богатых. Они пришли и в уцелевшую внешнюю

бѣгоша жены и дѣти и ина чядь смешенаа 6000. И прежде даже не повелѣ кесарь ни гемони, *ии* гнѣва исплѣнившеся вои подождоша и истлѣша вси, и не избы от нихъ никтоже, овѣмъ въ пламень вмѣтавшимъся, овѣмъ ту изгорѣвшимъ.

О знамениихъ прежде погибели Иерусалиму

Погибѣлъ же си людемъ сътвори нѣкто лжий пророкъ, иже въ ты дни проповѣдаше гражданомъ, яко: «Богъ велить вамъ внити въ цркъвь и *приати* знамение избавленію». Тѣхъ же лживыхъ пророкъ Иоаннъ съ Симономъ пустиста къ людемъ, заповѣдающа людемъ ждати Божия помощи, да быша не бѣжали к римлянномъ. Обычай же есть всякому въ бѣдахъ сущю, възвѣстити ему кто избавление от зла, то имѣтъ вѣру. Аще же льститъ кто *и* лжетъ добраа *млѣвя*, то вѣрно ему, и все упование на того възложить.

Тѣмже и се многострастный народъ лестыцемъ и лжущимъ на Бога внимаше, глаголющимъ же право и проповѣдающимъ хотящую быти пустоту *и* знаменіемъ и явлѣніемъ не внимаше, ни вѣроваше, но якоже шибении, ни души имущи, ни очью, ни послушаша Божествѣныя проповѣди. Ни разумѣша, егда ста звѣзда над градомъ, подобна копию, и пребы лѣто все, ейже имя комитись наречемаа, вся власятаа. И паки, прежде заротѣния съвокупляющимъся людемъ къ опресночному празднику, въ 8 день мѣсяца ксанфика, иже есть априль, въ девятый часъ нощи, толикъ свѣтъ въсія на жртвеницѣ и на цркви, яко мнѣти дни быти свѣтлу, и продлжися до получаса. Иже неразумнии мнѣша благо знамение, священнии же грамотеи тако судиша, якоже и скончяся. В той же праздникъ корова нѣкымъ приведена бысть на заколение, и посреди цркви стоящи роди агньца. Въсточнаа же врата внутреняя, мѣднаа и тлѣста, одва въздвизаема 20-ю мужъ на затворение, имѣже быша верея желѣзны и *завора*, подбой глубокоъ и длѣгымъ каменіемъ устроеноъ, явишяся въ 6 часъ нощи сама отворена. Притекше же стражие црковьнии повѣдаша властелину, и сей съ многыми людьми пришедь, едва поможе затворити я. Се же знамение судиша на благое: мнѣша бо, яко Богъ отврѣзетъ имъ двери благыя. Книжници же разумѣша, яко утврѣженія црковнаа сама *разорятся*, и туне отверзется ратникомъ, и опустѣетъ святое. По малѣ же днєвъ от праздника, въ 21 день мѣсяца артемисия, иже есть май, видѣние нѣкое дѣмонское явися паче вѣры. Иже слышать, мнѣли быша рѣчь сю басни и чяродѣяннія, аще не мнози быша видѣли и повѣдали, и страсть въслѣдоваше подобна видѣнію. Преже бо слѣнечнаго захождєнія явишяся по аеру и по небу по всей иудѣйстей земли колесници и полци съ оружіемъ, скачюще сквозѣ облакъ и обступающе грады. Въ праздникъ же нареченный Пянтикостий, нощю иерѣи влѣзше въ внутренюю цркъвь по обычаю на службу, прѣвое очютиша подвизаніе *и* громъ, потомъ же и гласъ внезапу слышаша глаголющъ: «Отступимъ отсюду». Иже страшнѣйши сихъ.

галерею, в которую сбежались жены и дети и прочий люд всякого рода, числом 6000. И не дожидаясь приказа цезаря или военачальников, преисполнившись гнева войны подожгли (их), и все погибли, и никто от них не спасся — одни бросались в огонь, а другие сгорели на месте.

О знаменьях перед гибелью Иерусалима

А виновником этой гибели людей был один лжепророк, который в те дни возвещал горожанам, что: «Бог велит вам войти в храм и принять знамение спасения». Этих лжепророков Иоанн с Симоном послали к людям с заповедью — ждать Божьей помощи, чтобы они не бежали к римлянам. А в беде — так обычно бывает — всякий верит любому, кто возвестит ему избавление от несчастий. И если кто-то обманывает и говорит приятную ложь, то ему верят и на него возлагают всю надежду.

Вот почему и этот многострадальный народ внимал обманщикам и глухим о Боге, а говорящим правду и предвещающим грядущее опустошение знаменьям и явлениям не внимал и не верил; и как безумные, не имеющие ни глаз, ни души, не послушали они Божественного предупреждения. И не уразумели, когда над городом встала звезда, подобная копью, и стояла целый год — она называется комета, (потому что) вся волосатая. И кроме того, перед началом войны, когда народ собирался к празднику опресноков в 8-й день месяца ксанфика, то есть апреля, в девятый час ночи такой свет воссиял на жертвеннике и на храме, как будто был ясный день, и это продолжалось с полчаса. Неразумные считали, что это благое знамение, но сведущие в священных книгах рассудили в соответствии с исходом. В тот же праздник кем-то была приведена корова на заклание, и, стоя посреди храма, она родила ягненка. А восточные внутренние ворота, медные и толстые, которые с трудом задвигали 20 человек, с железными петлями и запорами и глубоким косяком, сделанным из длинного камня, — оказались в 6-й час ночи отворившимися сами собой. Прибежавшие сторожа храма оповестили начальника, и тот, явившись с немалым числом людей, едва смог их закрыть. И это знамение сочли за благое: думали, что Бог отворит им двери благие. Но книжники поняли, что крепость храма разрушится сама собой и без труда откроется перед врагами, и опустеет святилище. А спустя немного дней после праздника, в 21-й день месяца артемисия, то есть мая, явилось какое-то невероятное демонское видение. Услышавший об этом решил бы, что это басни и чародейство, если бы не видели и не рассказали многие, и страшные несчастья последовали под стать видению. Так вот, перед заходом солнца по воздуху и по небу явились по всей иудейской земле колесницы и полки с оружием, скачущие сквозь облака и окружающие города. В праздник же, называемый пятидесятница, священники, войдя, как обычно, ночью во внутренний храм на службу, сначала почувствовали сотрясение и гром, а потом внезапно услышали голос, который сказал: «Уйдем отсюда!» А вот что было страшнее всего остального.

А Исусъ Анановъ сыну, о шести глас

Исусъ нѣкто Анановъ сынъ, от простыхъ, не книжникъ, прежде четырь лѣтъ рати, граду еще мирну сущю и изобилну, пришедъ на праздникъ, егда вси празднують скинопигью по обычаю, въ цркви стоя, начя внезапу въпити: «Глас от вѣстока, глас от запада, глас *от* 4 ветръ, глас на Иерусалимъ и на црковь, глас на женихы и на невѣсты, глас на всѣхъ *людѣи*». Се глаголя, по вся дни и нощи въпияше, обходя по *стѣнамъ*. Некоторые же от нарочитыхъ разгнѣвашася на нь, злорѣчия его ради, и емше многими ранами мучиша и. Сей же ни ранъ мняше, ни о собѣ моляшеся, ни къ мучающему и отвѣщеваше, но токмо въпияше, яже прежде. Власти же иерусалимьстии, мняще сего вышнюю силоу нѣкоею подвизаема на вопль той, и приведоша и къ римскому властелю, идеже биемъ прутиемъ и манглавиемъ даже и до костей, ни поболѣ, ни прослезе, но блѣма чресъ силу кликаше гласомъ жалостнымъ тѣмъ: «Люте, люте Иерусалиму!» Алвину же прошащю его, — той бо бѣ властелинъ тогда от Рима, — «Кто еси? Откуда? И въскую таковаа *въпиеши*?», сей же не отвѣща ничтоже противу рѣчемъ его и не преста плета рыдание градное, дондеже Алвинъ безумна творя отпусти и. Се же оттолѣ не прииде ни к *комуже*, ни явися, дондеже прииде рать. И потомъ по вся дни акы молитвѣ *изучься*, рыдаа въпияше: «Лютѣ, лютѣ Иерусалиму!», а ни къ биющимъ его *отвѣщаваше*, ни лающимъ его кленяше, ни подавающихъ ему пищу благословяше. Единъ же отвѣтъ се дряхлѣ бысть къ всѣмъ по 7 лѣтъ и по 5 мѣсяцъ, и ни глас его измлъче, ни утрудися, дондеже видѣ дѣла ратнаа, яже *проповѣдаше*, и потомъ почи смрътию. Ходя по забраломъ, паки въпияше: «Увы, увы граду и людемъ и цркви!», наконецъ же приложи: «Увы, увы мнѣ!» И абие камень прилѣтевъ от порочя удари и и уби и, и испусти душу, и еще глаголющю проповѣдание се.

И аще кто добрѣ разумѣеть, то обрящеть Бога промышляюща за челоуѣка и всѣмъ нравомъ *проявляюща* роду нашему яже на спасение; мы же несмыслиемъ и злодѣйствомъ самоволнымъ погибаемъ. Богъ знаменія гнѣвнаа показаа, да быша разумѣли людие Божий гнѣвъ, и престануть от своя злобы, и тѣмъ умолять Бога. Сущю же въ иудѣихъ пророчеству, яко четвероугльнымъ образомъ опустѣеть градъ и цркви, то сами начяша кресты дѣлати на распятие, еже есть, якоже рекохомъ четверообразны.* И по разорении Антония црковь четвероугльную сътвориша. На рать же подвиже я проповѣдания *дворазумнаа* въ святыхъ книгахъ *обрѣтаемая*, глаголюще, яко в та времена нѣкто от иудѣйския земля будетъ цѣсарствуя над всею вселенною. Имже разноличнаа сказанія суть: ови бо мнѣша Ирода, ови же распятаго чюдотворца Исуса,* ови же Уесписиана. Но обаче невѣзможно *челоуѣком* суда убѣжати, аще *и* промыслять. Иудѣи же знаменія судиша, якоже хотѣша, вратяще я на свою сладость, другаа же похулиша, дондеже погубивше себе и отечество, обличишася и постыдѣшася и явишася безумни.

Об Иисусе, сыне Анана, о шести голосах

Некто Иус, сын Анана, из простых, не книжник, за четыре года до войны, когда в городе еще был мир и изобилие, придя на праздник, во время которого все по обычаю отмечают установление куш, стоя в храме, начал внезапно вопить: «Голос с востока, голос с запада, голос с четырех ветров, голос на Иерусалим и на храм, голос на женихов и невест, голос на весь народ». Он повторял это, вопия все дни и ночи, обходя по стогнам. И некоторые из знатных (горожан) разгневались на него за его дурные речи и, схватив, много и сильно били. А он, не ставя побои ни во что, не просил о себе и не отвечал своему мучителю, но только вопиял то же, что и прежде. Власти же иерусалимские, думая, что некая высшая сила подвигает его на этот вопль, привели его к римскому наместнику, где его били прутьями и бичами до костей, а он, не ведая ни боли, ни слез, еще больше, через силу, кричал тем же скорбным голосом: «Горе, горе Иерусалиму!» И когда Альбин — он был тогда римским наместником — спрашивал его: «Кто ты? Откуда? И почему так кричишь?», — он не отвечал ничего на его речи и не переставал сплетать плач по городу, пока Альбин не отпустил его, сочтя безумным. А он после этого ни к кому не пришел и не объявился, пока не началась война. И потом все дни, как будто выучив молитву, вопил, рыдая: «Горе, горе Иерусалиму!», не отвечая бьющим его, не кляня поносивших его, не благословляя подававших ему пищу. И один только этот печальный ответ был ко всем 7 лет и 5 месяцев, и голос его не умолк, и он не знал усталости, пока не увидел войну, которую предсказывал, и после этого почил смертью. Ходя по забралам, он снова кричал: «Увы, увy городу, и людям, и храму!», и под конец добавил: «Увы, увy мне!» И тут же камень, прилетевший из порока, поразил его насмерть, и он испустил дух, еще произнося свое предсказание.

И если кто наделен добрым разумом, он увидит, что Бог промыслит за человека и всеми способами являет роду нашему, что для нас во спасение; мы же погибам из-за неразумия и из-за того, что творим зло по своей воле. Бог являет знамения гнева, чтобы люди уразумели Божий гнев, оставили творить зло и тем умилостивили Бога. Но хотя иудеям было пророчество, что из-за четырехугольной формы опустеет город и храм, они сами начали делать кресты для распятий — четырехугольные, как мы сказали. И после разрушения Антониевой башни построили четырехугольный храм. На войну же их подвигли двусмысленные предсказания, которые находятся в священных книгах; в них говорится, что некто из иудейской земли будет царствовать над всей вселенной. Их толковали по-разному: одни считали, что это об Ироде, другие — о распятом чудотворце Иисусе, а третьи — о Веспасиане. Однако невозможно людям уйти от судьбы, даже если они и предвидят (грядущее). Иудеяне же толковали знамения, как хотели, извращая их себе в угоду, а всех остальных поносили, пока не погубили себя и отечество, сами себя обличили и посрамили и показали свое безумие.

ПАТЕРИКИ

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о рассмотрении

⟨...⟩ Поведаше авва* Данил, яко егда бѣ въ Скитѣ* авва Арсений,* и бѣ единъ мнихъ ту, крады ссуды старчемъ. И авва Арсений поятъ его в хыжю свою, хотяй научити и старча покоити, и глагола ему: «Емуже хочещи, дам ти азъ, токмо и не кради». И дасть ему чату* злату, и ризу, и всю потребу. Шед же, паки крадяше. Отцы же, то видевши, яко не престаяше, изгнаша я, глаголаше, яко: «Аще обрящется братъ, имѣя нравъ золь, подобаетъ терпѣти его. Аще ли крадеть и, учимъ, не останеть того, ижжените и, яко свою душу погубить и вся сущая на мѣстѣ томъ възмущаетъ».

О творящих знаменья святых старецъ

⟨...⟩ Взиде иногда тойже авва Макарий* от Скита в Терьнуть* и вниде въ гробища спать. Бѣ же ту кости елиньски многы сухы. И вземъ от нихъ едину, положи ю подъ главою си, яко дохторъ. Видив же дѣмони дерзновение его,* ревновавша и хотѣша пострашити и, вопияху, яко женьско имя глаголаше: «О, она, поиди с нами в баню мытъся». Отъзважеса другыи дѣмонъ от мертвыя кости, глаголя: «Страньна имамъ верху себе и не могу прити». Старечь же не убояся, но дерзая бьяше трупа, глаголя: «Въстани, иди, аще можещи». И се слышавше дѣмони, възпиша велиимъ гласомъ, глаголюще: «Побѣдилъ ны еси». И бѣжаша посрамлени.

⟨...⟩ Глаголаше авва Сисой:* «Егда ядахомъ въ Скитѣ со отцемъ Макариемъ, взидохомъ пожати, с нимъ 7 мужъ; и се едина вдовица, класы събирающи бѣ за нама, и не престаше плачущися. Возва же старѣшину вси тоя и рече ему: „Что имать старица си, яко всегда плачеться?“ И глагола ему, яко: „Мужъ ея взятъ залогъ у единого и умре напрасно, и не повѣдѣ, кде положи. И хочеть же господинъ за залогъ пояти ю и дѣти ея въ рабъ мѣсто“. Глагола ему старецъ: „Рци ей, да придетъ к намъ, идеже почиваемъ полудень“. И пришедши ей, рече ей старецъ: „Что еда плачещися тако?“ И

ПАТЕРИКИ

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о премудрости

⟨...⟩ Рассказал авва Данил, что когда был в Ските авва Арсений, был там один монах, похищавший сосуды у старцев. И авва Арсений привел его в келью свою, желая наставить и успокоить старца, и сказал ему: «Если ты ⟨что-то⟩ хочешь, я тебе дам, только не кради». И дал ему цату золотую, и одежду, и все необходимое. Тот ушел, но снова стал красть. Увидев, что он не перестает, отцы прогнали его, говоря: «Если окажется брат злого нрава, необходимо терпеть его. А если крадет и, наставляемый, не перестает ⟨делать это⟩, изгоните его, потому что и свою душу погубит и всех находящихся на месте том возмутит».

О творящих чудеса святых старцах

⟨...⟩ Отправился однажды тот же авва Макарий из Скита в Тернуф и заночевал в гробнице. Было там много высохших костей умерших эллинов. И, взяв одну из них, он положил ее под голову как подушку. Демоны, видя такую его дерзость, решили его испугать и закричали, называя как будто женское имя: «Эй, такая-то, пойдем с нами в баню мыться». Отозвался другой демон из сухой кости, говоря: «Странник сверху меня ⟨лежит⟩, поэтому не могу прийти». Старец же не испугался, а смело стал избивать останки, говоря: «Встань, иди, если можешь». Услышав это, демоны страшно вскричали, говоря: «Ты нас победил». И бежали, посрамленные.

⟨...⟩ Рассказывал авва Сысой: «Когда после трапезы в Ските мы с отцом Макарием отправились на жатву, с нами были еще 7 человек; и вот одна вдова собирала за нами колосья и не переставая плакала. Он позвал старейшину того села и спросил его: „Что случилось у этой старой женщины, что она всегда плачет?“ Тот ответил ему: „Ее муж, взяв залог у одного человека, внезапно умер и не сказал, куда положил. И хозяин хочет вместо залога взять ее и ее детей в рабство“. Сказал ему старец: „Передай ей, чтобы пришла к нам туда, где отдыхаем в полдень“. Когда она пришла, спросил ее старец: „Почему ты так плачешь?“

рече: „Мужь ми умре, вземъ залогъ отъ единого, и не повѣдѣ, умирая, кде положи ѱ”. Рече старецъ: „Приди, покажи намъ, кде и еси положила”. И поимъ братью с собою и изиде с нею, и, пришедшемъ на мѣстѣ, рече старецъ: „Отъиди въ домъ свои”. И помолившемся имъ, възва старецъ мертвеца, глаголя онъ именемъ рекъ: „Кдѣ еси положилъ заимъ чюжь?” Онъ же отвѣщавъ рече: „В дому моемъ есть сокровено под ногу одру”. И рече ему старецъ: „Спи паки до дне възкресенья”.

Видѣвъше же братья, от страха падоша на ногу его, и рече имъ старецъ: „Не мене дѣля бысть се, ничтоже бо есмь азъ, но вдовицѣ дѣля и сиротѣ ея створи Богъ створи вещь сию. Се же есть велико, яко безгрѣшнѣ хошетъ души Богъ, и егоже аще просить и прииметъ”. Пришедъ же, възвѣсти вдовицѣ, кде положи залогъ. Она же вземъши, дасть господину его, и свободи чада ея. Слышавъше же, прославиша Бога».

Покаяниема обема

(...) Глаголаше старецъ от Тиваидскихъ старецъ,* яко: «Азъ бѣхъ сынъ иерея идольскаго. Малъ же сы убо, сѣдѣхъ въ церкви и видивъ отца своего множичею входяща жертву створити идолу. И единою отаи внидохъ възслѣдъ его и видихъ Сотону сѣдяша, и вся воя его престоюща ему. И се единъ князь его пришедъ, кланяшеся ему. Отвѣщавъ же дьяволь, рече ему: „Откуда ты приде?” Он же отвѣщавъ, рече: „На сей странѣ бѣхъ и въздвигохъ брань и много мятежъ, и пролитье крови створихъ, и придохъ възвѣстити ти”. И рече ему: „Колицѣмъ лѣтъ се створи?” Он же рече: „30-ми день”. Он же повелѣ бити его толицѣмъ день се творша. И се инъ, пришедъ, кланяшеся ему. И рече ему: „Откуда ты еси пришелъ?” Отвѣщавъ дѣмонъ, рече: „Въ морѣ бѣхъ и въздвигохъ трусы и потопихъ корабля, и многы мужа убивъ, придохъ възвѣстити тебѣ”. Он же рече ему: „В колико дний и се створи?” Дѣмонъ же рече: „Есть дни 20”. Повѣлъ же и того бити почто в толико дний се едино створилъ. И се третій, приступль, кланяшеся ему. И рече ему: „Откуда ты приде?” Он же, отвѣщавъ, рече: „В семь градѣ брачѣ быша, и въздвигохъ брань, и много пролитье крови створихъ, с женихомъ и с невѣстою, и придохъ възвѣстити тебѣ”. Он же рече: „В колико дний и се створи?” Он же рече: „В 10 дний”. Повеле яко медлившаго бити и сего. Приде же другый, поклонится ему. Рече тому: „И ты откуда приде?” Он же рече: „В пустыни бѣхъ 40 лѣт, боряся съ единѣмъ мнихомъ, и в сию ноцъ низложихъ и в любодѣяние”. Он же се слышавъ, вставъ, облобыза ѱ и вземъ вѣнечъ, еже ношаше, възложи ему на главу и посади ѱ на престолѣ съ собою. Глагола, яко: „Велику вещь сию възможе побѣдити”».

Рече старче: «Се азъ видивъ, глаголахъ: „Тако есть великъ чинъ мнишьскыи”. Богу благоволившу спасение, изидохъ и быхъ мнихъ».

Она ответила: „Мой муж умер, взяв залог у одного человека, и не сказал, умирая, куда положил его”. Сказал старец: „Пойдем, покажешь нам, где ты его похоронила”. Взяв братию с собой, он пошел с ней и, когда они пришли на место, старец сказал: „Иди в свой дом”. После того как они помолились, старец позвал мертвеца и, называя его по имени, спросил: „Куда ты положил чужой заем?” И тот сказал в ответ: „Спрятано в моем доме в подножии моего ложа”. Сказал тогда ему старец: „Спи опять до дня воскресения”.

Братья, увидев (это), от страха упали к его ногам, а старец сказал им: „Не ради меня это было, ибо я ничто, но ради вдовы и сирот ее Бог совершил это дело. Великое в том, что Бог покровительствует безгрешной душе и, о чем бы она ни попросила, то получит”. Пришел он и сообщил вдове, где положил (муж ее) залог. Взявши его, она отдала его хозяину, и тот освободил ее детей. Слышавшие это прославили Бога».

О двух покаяниях

(...) Рассказал один из Фиваидских старцев: «Я был сыном жреца языческого. Когда был ребенком, сидел (часто) в церкви и видел своего отца, часто приходившего принести жертву идолу. И однажды тайно я пошел за ним и увидел Сатану, сидящего, и все воинство его, стоящее перед ним. И вот подошел один из его князей и поклонился ему. Отвечая, дьявол спросил его: „Откуда ты прибыл?” Тот же, отвечая, сказал: „В этой стране был, и устроил раздор и великую смуту, и кровопролитие сотворил, и пришел известить тебя”. И спросил его (Сатана): „За какое время ты это сделал?” И тот ответил: „За тридцать дней”. Тогда (Сатана) приказал избить его за то, что столь (много) дней это делал. И вот другой пришел, кланяясь ему. Спросил его (Сатана): „Откуда ты пришел?” Отвечая, демон сказал: „В море был, и устроил бури, и потопил корабли, и много людей убил, пришел доложить тебе”. Тот же спросил его: „За сколько дней сделал это?” Демон ответил: „За двадцать дней”. Приказал (Сатана) и того бить: почему за столько дней лишь это сделал? И вот третий подошел, кланяясь ему. И он спросил его: „А ты откуда пришел?” Тот, отвечая, сказал: „В этом городе была свадьба, устроил я ссору жениха и невесты и великое кровопролитие устроил, явился тебя известить”. Тот же спросил: „За сколько дней сделал это?” Он ответил: „За десять дней”. Приказал (Сатана) бить и этого неуправляемого. Пришел и другой, поклонился ему. Спросил (Сатана) у него: „А ты откуда пришел?” Тот ответил: „Сорок лет был я в пустыне, борясь с одним монахом, а в эту ночь поверг его в любодееяние”. Услышав это, (Сатана) встал, поцеловал его и, взяв венец, который сам носил, возложил его ему на голову и посадил на трон рядом с собою. Произнес: „Ты смог одержать великую победу!”»

Сказал старец: «Увидев это, я проговорил: „Так велик чин монашеский”. С Божьего соизволения к спасению, ушел я и стал монахом».

Слово о блаженѣмъ послушании

⟨...⟩ Два брата присная придоста жить въ монастырь. Единъ же бѣ от нею постникъ, а други имѣя послушанье велико. Глаголаше же ему старецъ: «Створи се», — и творяше, яже изъ утра и ядыше, и славу принимаше послушанье емь въ монастыри.

Устрѣленъ же бысть о немъ братъ его постыникъ. И рече въ себѣ: «Да искушу сего, аще имать послушанье». Приступль, рече отцю: «Посли со мною брата моего, да идевѣ нѣкамо». И отпустити ѱ отецъ. Поятъ же и постникъ, хотя ѱ искусити. Приде на рѣку, имѣяше же много множество коркодилъ. И рече ему: «Влѣзи в рѣку и прѣиди». Яко влѣзе, придоша коркодили и лъзаху тѣло его, и не вредиша его. Видѣвъ же постыник, рече ему: «Излѣзи из рѣки».

Идуша же, обрѣтоста тѣло повержено на пути. И рече постникъ: «Аще быховѣ имѣла ветошь, възложила быховѣ на тѣло». И рече, имѣяй послушанье: «Паче молитву створивѣ, не коли встанеть». И стапта помолитъся. Помоливъшема тема же ся има, вѣста мертвецъ.

Яви же Богъ си отцю въ монастырю, и како искуси брата свѣго в коркодилѣхъ, како вѣста мертвецъ. Приде въ монастырь, и глагола отецъ постнику: «Что тако створилъ еси брату своему? И се за послушанье вѣста мертвецъ».

О житии добрѣ различно къ старцемъ

Повѣдаша о единомъ ошельницѣ, яко отъиде в пустыню имы левытона* токмо, и похожь три дни, възиде на камень и видѣ под нимо злакъ, и человекъ пасома, акы звѣрь. И сълѣзе тамо и удержа ѱ. Старецъ же бѣ нагъ, пренемогъ, и не смогии понести воля человекъскы и, възмогъ же от него и побѣже. И погна братъ вѣслѣдъ его, вопия: «Бога дѣля жену тя, пожди мене». И обращеса, рече ему: «И азъ Бога дѣля бѣжю тебе». Послѣдъ же яко отверже от себе ризу, пожда его. И яко приближися ему, рече: «Егда отвержеть имѣнье от себе свѣта сего, и азъ пождахъ тебе». И моляше и глаголя: «Отче, рци ми слово, како съпасуся?» Онъ же рече ему: «Бѣгай человекъ и молчи, и спасешися».

⟨...⟩ Повѣда, рече, ошелникъ братии, сущий въ Раидѣ,* идеже есть 70 стеблъ фюникъ, идеже ополчися Моисий съ людьми, егда изиде от Земля егупетскы.* И глаголаше сице: «Помыслихъ иногда в пустыню, еда како обрящу далече мене живуша и работающю Владыцѣ Богу. И шедъ же 40 дний и 40 ноший и обрѣтохъ пещь; и приближивъся къ ней, и зрѣхъ же въ ню. И видѣхъ человекъ сѣдяща, и толкнухъ по обычаю мнишьскому, яко да излѣзеть целовать мене, онъ же не подвигнуся, бѣ бо умерлъ. Азъ бо небрегохъ ничтоже, влѣзъ и яхъ ѱ за руку его, и абѣ растаяся, и бысть

О смиренном послушании

⟨...⟩ Двое родных братьев пришли жить в монастырь. Один из них был постником, а другой имел послушание великое. Скажет ему старец: «Сделай это», — и делает с утра, а ⟨потом⟩ ел, и прославился послушанием в монастыре.

Поражен был этим брат его постник. И подумал он: «Испытаю его, имеет ли он послушание». Подошел, сказал отцу: «Пошли со мной брата моего, чтобы пойти нам в одно место». И отпустил его отец. Взял его постник, собираясь его искусить. Пришли на реку, в которой водилось многое множество крокодилов. И сказал ему ⟨постник⟩: «Войди в реку и перейди ⟨ее⟩». Как только тот вошел, приплыли крокодилы и стали лизать тело его, и не повредили его. Увидел ⟨это⟩ постник, сказал ему: «Выйди из реки».

Идя ⟨обратно⟩, нашли они тело, брошенное на дороге. И сказал постник: «Если бы у нас была тряпица, покрыли бы ею тело». И сказал послушник: «Помолимся, может, встанет». И встали они на молитву. Когда же они помолились, встал мертвец.

Показал Бог все это отцу в монастыре: и как испытывал ⟨брат⟩ брата своего с крокодилами, как встал мертвец. Когда ⟨постник⟩ пришел в монастырь, сказал отец постнику: «Почему ты так поступил с братом своим? Это ⟨в награду⟩ за послушание ⟨его⟩ встал мертвец».

О различном достойном житии старцев

Рассказывали об одном отшельнике, который отправился в пустыню, одетый только в левитон, и, пройдя три дня, поднялся на скалу и увидел под ней траву и человека, пасущегося, словно зверь. И сошел он вниз и задержал его. Старец же был нагой, изможденный и, испугавшись человека, вырвался от него и побежал. И погнался брат вслед за ним, выкрикивая: «Бога ради бегу за тобой, подожди меня». И тот, обернувшись, ответил ему: «И я Бога ради бегу от тебя». Потом же, когда он снял с себя одежду, подождал его. И когда он приблизился, сказал ⟨ему⟩: «Когда ты отказался от мирского имущества, я подождал тебя». Тот, взмолившись, проговорил: «Отец, скажи, как мне спастись?» А он ответил ему: «Избегай людей, безмолвствуй, и спасешься».

⟨...⟩ Говорили о том, что один отшельник рассказал братьям из Раифы, где растут 70 финиковых пальм и где Моисей вооружился вместе с народом, когда они вышли из Земли египетской. А говорил вот о чем: «Задумал я как-то ⟨отправиться⟩ в пустыню, чтобы найти вдали от меня живущих и трудящихся для Владыки Бога. И шел 40 дней и 40 ночей, и нашел пещеру, и подошел к ней, и заглянул в нее. И увидел ⟨там⟩ человека сидящего, и постучал по монашескому обычаю, чтобы он вышел приветствовать меня, но тот не пошевелился, потому что был мертв. Я же, ничуть не обратив на это внимания, вошел и взял его за его

персть. И видѣхъ еще ризу висющу, егда же и сию яхъ, растаяся и бысть ни въ чтоже. Якоже въ нечаянии быхъ, и изидохъ оттуду и пойдохъ в пустыню, и обрѣтохъ ину пещь и стопы мужьскы. Радъ же бывъ, приближися къ пещи, и яко толкнухъ и не озвася никтоже. Вълѣзъ же, никогоже не обрѣтохъ. Ставъ же вѣнѣуду пещи, глаголахъ въ себѣ, яко подобаетъ рабу Божию прити, идеже аще есть, якоже убо день мимоидяше. И видѣхъ вельблуды идуща и раба Божия нага, власы своими оболчена срамныя уды тѣла. Егдаже приближися ко мнѣ, мнѣвъ мя духа суша, ста на молитвѣ, бѣ бо, якоже послѣди глаголаше, многы напасти приялъ есть духы. Азъ же, разумѣвъ се, глаголахъ ему: „Человѣкъ есмь”. И егда рече: „Аминь”. Видѣвъ мя, утѣшися, и поймъ мя, и веде мя в пещь и въпрашаше, како сѣмо приде. Азъ же рекохъ: „Взискать рабъ Божий приходъ в пустыню сию. И не лишилъ есть Богъ хотѣния нашего”. И азъ въпрашахъ ѱ, глаголя: „Сѣмо убо како самъ прииде и како питаешися, и како, нагъ сын, не требуеши ризы?” Онъ же рече: „Азъ въ монастырѣ бѣхъ во Вифаидѣ,* дѣло имый токалия. Вниде же в мя мысль, глаголющи: «Изиди и живи единъ, и можеши безъмльвствовати и мзду болшую стяжати от плода дѣла своего». Якоже обѣщахъся мысли и дѣло скончати, создавъ бо монастырѣ, имѣхъ повелѣвающая. Много же раздавая събираемая, подвизахъся нищимъ и страннымъ раздаяти. Тоже врагъ нашъ дьяволъ въздревновавъ яко присно, и тогда хотящу възданью быти, о нихже тщася труды мои Господеви въздаяти. Видѣвъ едину черноризицю, повелѣвшю ми единою, и сѣтворшю ми се, и давшю нудитися и паки нудитися, и паки повелѣвати ино; и якоже обычай бысть и дерзновение болше, кончина — и осязанье руцѣ, и смѣхъ, и сужитие; и страдавша родиховѣ незаконьне. Яко пребыха с нею 6 месяцъ в падании, помыслихъ, яко Илии: «Днесъ или утрѣ или по мнозѣхъ лѣтѣхъ сѣмерть подѣиму, и пряти имамъ мучение вѣчное. Аще бо кто жену мужату посмрадитъ, мученью вѣчному повиненъ будетъ».* Посмражи Христову невѣсту, и тако в пустыню сию таи избѣгохъ, оставивъ вся женѣ. И пришедъ, обрѣтохъ пѣщью, источникъ съ и фюникъ, приносящъ ми 12 меча* фюникъ. На месяцъ же приносить мечъ единъ, еже ми годѣ есть на 10 дний, и посемь сѣзрѣваетъ другыи. По лѣтѣхъ же мнозѣхъ въздрастоша ми власи, и ризамъ ми истьлѣвшамъ, тѣми закрываю юже подобаетъ, телесе срамоту”. Якоже паки въпрашахъ ѱ, „аще въ начатѣцѣхъ сѣтужаше си ту?” „В начатѣцѣхъ оскърбляхъся зѣло, якоже на земли падати от ятрѣ, и не мощъ ми стоящу службы тѣворити, но лежаш ми на земли, вопияхъ къ Вышнему. Сушю же ми в пещи въ тузѣ мнозѣ и страсти, якоже дуже не можахъ исходити вонъ, видѣхъ мужа вълѣзша и глаголюща: «Чимъ болиши?» Азъ же малы възмогъ рещи: «Ятра мя болятъ». И рече ми: «Кде болиши?» И яко показахъ ему, персты руки своя управле сочтавъ, прорѣза мѣсто, яки ножемъ, и истергъ ятрѣ, показа ми струпы, и рукою *истограва* въ платѣ струпы положи, рукою пожа за мѣсто, рече ми:

руку, и он тотчас же растаял и сделался прахом. И увидел я еще висящую (в воздухе) одежду, но когда дотронулся и до нее, она (тоже) растаяла и исчезла. В смятении я вышел оттуда, и пошел по пустыни, и нашел другую пещеру и следы мужских ног. С радостью приблизился я к пещере, постучал, и никто не отозвался. Когда же я вошел (туда), то никого (в ней) не нашел. Стоя у пещеры, я подумал, что раб Божий должен вернуться, если он здесь живет, поскольку день близился к концу. И увидел я движущихся верблюдов и обнаженного раба Божьего, волосами своими прикрывающего срамные части тела. Когда он приблизился ко мне, то, приняв меня за духа, стал на молитву, ибо, как он потом говорил, много бед принял он от духов. И я, поняв это, сказал ему: „Я — человек”. И тогда сказал он: „Аминь”. Видя меня, он успокоился, взял меня (за руку) и повел в пещеру и спрашивал, зачем я сюда пришел. Я же ответил: „В поисках рабов Божиих пришел я в эту пустыню. И не отказал нам Бог в этом желании”. И я, спрашивая его, сказал: „Сюда как сам ты пришел и чем питаешься, и почему тебе, нагому, не требуется одежда?” И он ответил: „Я в монастыре был в Фиваиде, занимался ткачеством. И возник во мне помысл, говорящий: «Уйди и живи один, имеешь силы безмолвствовать и получишь большую награду от плодов своего труда». Как только я пообещал (это) помыслу, то (решил) работу (свою) закончить, поскольку имел приказание оставить монастырь. Многие раздавая доходы, старался нищим и странникам (их) раздавать. Тогда враг наш дьявол, позавидовав, как всегда, захотел воздать (мне) за ревностные труды мои к Господу. Встретил я одну монахиню, приказавшую мне однажды и, когда я это сделал, ставшую принуждать, и еще принуждать, и еще приказывать (делать) другое; и так стало это обычаем, и смелости стало больше, а кончилось прикосновением рук, и смехом и сожитием; и делая это, породили мы беззаконие. Пребывал я с нею шесть месяцев в падении и вспомнил (слова) Илии: «Сегодня или завтра или через много лет смерть получу и приму вечные муки. Ибо, если кто мужнюю жену опорочит, вечным мукам предан будет». Я осквернил Христову невесту, и поэтому в эту пустыню тайно бежал, оставив все женщине. И, придя, я нашел пещеру, источник этот и финиковую пальму, приносящую мне 12 мечей фиников. В месяц она дает один меч, которого хватает мне на 10 дней, а потом созревает и другой. Через много лет отросли мои волосы; когда одежды истлели, ими прикрываю, как положено, постыдные места на теле”. Поскольку я еще расспрашивал его, — „не было ли тебе сначала здесь трудно?” (Он продолжил): „Сначала я страдал очень, так что и на землю падал от болей в почках, и не мог совершать службу стоя, а лишь лежащим на земле, я призывал Всевышнего. Когда я лежал в пещере в сильной тоске и страдании из-за того, что совершенно не мог выходить наружу, увидел я человека, который вошел и спросил: «Чем ты болеешь?» Я же едва смог вымолвить: «Почки у меня болят». Он спросил меня: «Где болит?» И когда я показал ему, пальцами руки своей, соединив как должно, прорезал место, как ножом, вынул почки, показал мне струпья и, рукою выдернув, в лоскут струпья

«Се съдравъ бысть, служи Владыцѣ Христу якоже подобаетъ». И оттолѣ быхъ съдравъ, и тако бо състрада седе живу. Мъного же и молихъ, да быхъ жилъ в первѣи пещерѣ, и рече: «Не мощи, начнеши терпѣти напастии демоньскъ»».

Азъ же истое се расмотре, молихъся ему, да помолься, отпустить мя. Си же повѣдахъ вамъ ползы дѣля».

О смѣренѣи мудрости

(...) Братъ скорбъ имѣаше на брата. Слышав же то, приде покаяться ему. Онъ же не отъверзе ему дверей. И иде къ единому старцю и повѣда ему вещь ту. И отвѣща ему старецъ, рекуи: «Блюди еда оправданье имаша въ сердци своемъ, яко зазря братъ своемъ, яко то есть повиненъ, себе же не оправдаеши. И сего дѣля не извѣстися ему отврѣсти, обаче се есть, глаголю ти, аще же и тѣ согрѣшилъ есть къ тебѣ, иди, положи въ сердци своемъ, яко ты согрѣшилъ еси к тому, и брата своего оправдай, и тогда Бог извѣсти ему смиритися с тобою». — И проповѣда ему притчю сицю, глаголя: «Два бѣста проста людина говѣина, и свѣщавъша, изидоста и быста мниха. И ревнующа по еангѣльску гласу, не вѣдяща же, скопистася, рекъше — Царствия ради Небеснаго. Слышавъ же архиепискѣпъ, отлучи я от церкви. Она же, мнящеся, яко добро створиста, роптаста на нь, глаголюще: „Вѣ скопиховѣся иза Царствие Божие, и се отлучи на есть, но идѣвѣ, да повѣвѣ на нь, ко архиепископу Ерусалимьскому”. Шедъша же, повѣдаста ему. И рече има архиепископ: „И азъ отлучаю ва”. И от сего пакы печаль примѣша, идоста во Аньтиохию ко архиепископу, и рекоста ему яже о себѣ. И тѣ отлучи я. И глагола къ себѣ: „Пойдевѣ въ Римъ к патриарху, и тѣ мѣститъ наю отъ всѣхъ сихъ”. Шедъша же къ великому архиепископу Римьскому, възвѣстиста ему, яже створиша има архиепископи. „Придоховѣ къ тебѣ, — рѣста, — яко ты еси глава всѣмъ”. Рече же има и тѣ: „И азъ ва отлучаю, и отлучена еста”. Тогда стязающася къ себѣ, рекоста: „Си по себѣ суть единъ по единомъ, зане во сонмѣхъ суть собирающеся, но идевѣ къ святому Епифанью, архиепископу Купрьску,* възвѣстистъ ему, яко пророкъ есть и не обинуеть ся челоуѣку”. Егдаже приближистася къ граду его, и явися ему от нею, и пустиста въ сретение ему, он же рече: „Ни въ градъ съ вѣлазита”. Тогда бывъша въ себѣ рѣста: „Воистину вѣ согрѣшиховѣ. Что убо себе оправдаювѣ? Буди яко они бес правды не отлучиша, еда убо и съ пророкъ, се бо Бог яви ему тайная”. И зазрѣста себе о грѣсѣ, яже створиста. Тогда видѣвѣ сердцеуѣдецъ Богъ, яко воистину зазрѣста себѣ, и сказа о нею отцю Епифанью. Пустивъ же, приведе я и утѣши и приятъ я въ причастье, и написа архиепископу Александрьску, глаголя: „Прими чадѣ твои, покаяста бо ся воистину”».

И рече старецъ: «Се есть исцѣленье челоуѣку, и сему хоцетъ Богъ, да челоуѣкъ изложитъ соблазнъ свои предъ Бога». Слышавъ же братъ, створи по

положил, рукою сдвинул (больное) место, сказал мне: «Теперь ты здоров, служи Владыке Христу как следует». С тех пор я здоров и так, работая, живу здесь. Много (раз) я просил (его о том), чтобы (позволено было) мне жить в прежней пещере, но он отвечал: «Не смей, иначе пострадаешь от козней демонских»».

Я же о сути этого (рассказа) рассудил, попросил его, чтобы, помолившись, он отпустил меня. А рассказал вам это пользы ради вашей».

О смирении

(...) Брат обиделся на брата. Тот, узнав об этом, пришел покаяться перед ним. Он же не открыл ему дверь. И пошел тот к некоему старцу и рассказал ему об этом. И ответил ему старец, говоря: «Остерегайся оправдать себя в сердце своем, ибо осуждая брата своего, что тот виновен, ты не оправдаешь себя. Из-за этого он не был извещен (свыше), чтобы открыть (тебе дверь), но, говорю тебе, если он и виновен перед тобой, иди, положи на сердце своем, что ты виновен перед ним, а брата своего оправдай, и тогда Бог известит его помириться с тобой». — И рассказал ему такую притчу, говоря: «(Жили) двое простых людей-постников, и, посоветовавшись, ушли (из мира) и стали монахами. И, следуя евангельской заповеди, но не понимая ее, оскостили себя, говоря — ради Царства Небесного. Архиепископ, узнав об этом, отлучил их от церкви. Они же, думая, что добро сделали, роптали на него, говоря: „Мы оскостили себя ради Царства Божьего, а он отлучил нас, но пойдем да пожалуемся на него архиепископу Иерусалимскому“. Пошли и рассказали ему. И сказал им архиепископ: „И я отлучаю вас“. И опечалившись от этого еще больше, они отправились в Антиохию к архиепископу и рассказали ему о себе. И тот (тоже) отлучил их. И сказали они друг другу: „Пойдем в Рим к патриарху, и он отомстит за нас всем им“. Придя к великому архиепископу Римскому, известили они его о том, что сделали им архиепископы. „Мы пришли к тебе, — сказали они, — потому что ты — самый главный“. Но сказал им и тот: „И я вас отлучаю, вы отлучены“. Тогда, обращаясь друг к другу, они сказали: „Все они друг за друга, потому что на соборах встречаются, но пойдем к святому Епифанию, архиепископу Кипрскому, и известим его, ведь он пророк и не станет лицемерить перед человеком“. Когда они приблизились к городу, где он жил, объявили ему о себе и пошли к нему навстречу, он сказал (им): „Не входите в этот город“. Тогда они подумали: „Мы действительно согрешили. Чем себя оправдаем? Если бы те несправедливо нас отлучили, тогда этот пророк (был бы извещен), ибо это Бог показал ему сокровенное“. И осудили себя за грех, который сделали. Тогда увидел всезнающий Бог, что они действительно осудили себя, и сказал о них отцу Епифанию. Тот, впусив их, привел их (к себе), и утешил, и принял их в общение, и написал архиепископу: „Прими детей своих, потому что они действительно покаются»».

И сказал старец: «Исцеление человека, которого хочет Бог, в том, чтобы человек рассказал об искушении своем перед Богом». Выслушав, брат сделал

словеси старцю, и шедъ, толкнувъ въ двери братьня. Онъ же, яко токмо очюти утръ, преже его покаяся, и отъверзе ему, лобзастася отъ душа, и бы объма миръ великъ.

О прозорливых

⟨...⟩ Рече авва Даниль, ученикъ отца Антонья,* яко: «Повѣда намъ старць Антоний, акы о иномъ единомъ глаголя, обаче самъ себѣ, яко: „Сѣдящю от старецъ в келии своеи, приде гласъ, глася: «Приди, да покажу ти дѣла человѣческа». И вѣставъ, изиде, и веде ѱ на едино мѣсто, и показа ему мюрина, сѣкуща дрова и сѣтвориша бремя велико. Покушашесе же ся понести еи, не можаше, и, еже бы уяти от него, шедъ паки сѣчаше дрова и прилагаше къ бремени, се же мѣногажды творяше. И пришедъ мало, показа ему паки человѣка стояща на кладязи и чреплюща въ суѣкъ утель и ту же воду пушающа въ кладязь. Глагола же паки: «Приди, да покажу ти иного». И се видехъ церковь и два мужа, сѣдяща на коню и носяща въ преки древо единъ единому. Хотѣста же преити сквозѣ врата и не можаста, зане бѣ дрѣво въ преки. Не сѣмириста же себе, единому управити древо въ правость, и сего дѣла остасте вне вратъ».

Си же суть носящии, — яко правдѣ его с гордынею, и не сѣмиришася исправити себе и ходити со смѣренъемъ в путехъ Христовѣхъ, тѣмъже и стають внѣюду Царствия Божия. Сѣкыи же дрова человекъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ есть, и в покаяннѣ мѣсто ина безаконье, прилагаетъ верху безаконий своихъ, а чреплай воду добра дѣла творя, но понеже имѣяше въ нихъ зла смиреннѣ, о семь губить добрая своя дѣла».

Достоить убо всякому человѣку бодру быти въ дѣлѣхъ своихъ, да не въ грѣхъ трудиться.

⟨...⟩ Повѣдаше единъ от старецъ, глаголя, яко: «Ошелникъ в пустыни Нильскаго града, и служаше ему простъ людинъ вѣренъ. Бѣ же и въ градѣ человѣкъ богатъ и нечѣстивъ. Прилучися ему умрети, и проважаху тѣи вси гражане и епископъ съ свѣщами. Изиде же служай ошелнику по обычаю нести ему хлѣбы, и обрѣте ѱ извѣдена уеною, и паде ниць предъ Богомъ, глаголя: „Не встану, дондѣже извѣстиши ми, что се есть, — яко онъ нечѣстивый толико имѣ провоженъ, се же, работая ти день и ношь, како умре?” И приде ангелъ и рече ему: „Онъ же нечѣстивый имѣяше мало добро дѣло и приять сде, да тамо ни единого покоя приметь. Се же ошелникъ, понеже бѣ человѣкъ устроенъ всякою благодатью, имѣяше и тѣ яко человѣкъ мало соблазнъ, въсприять же сде, тамо обрящеться чистъ предъ Богомъ”. И вѣста си извѣщениемъ, славя Бога, яко истови суть».

так, как сказал старец: пошел, постучал в дверь брата. Тот же, как только услышал (это) внутри (келии), раньше его покаялся и открыл ему, поцеловались они от души и помирились.

О провидцах

⟨...⟩ Сказал авва Даниил, ученик отца Антония: «Рассказывал нам старец Антоний, говоря о каком-то другом брате, в действительности же сам о себе: „Когда старец сидел в своей келье, явился голос, произнесший: «Выйди, и я покажу тебе человеческие дела». И, встав, он вышел, а тот привел его на одно место и показал ему мурина, который рубил дрова и сделал большую охапку. Попробовал он поднять ее, но не смог и, вместо того, чтобы убавить, пошел и еще нарубил дров и прибавил их к охапке, и делал так много раз. И пройдя немного, показал (он) ему еще человека, стоящего у колодца и вычерпывающего (воду) в дырявую емкость и ту же воду выливающего в колодец. Сказал еще (голос): «Пойдем, и (я) покажу тебе другое». И вот увидел я церковь и двух людей, сидящих (верхом) на конях и держащих с двух концов поперек бревно. Хотели они пройти в ворота, да не могли, потому что (держали) поперек бревно. Не договорились между собой, чтобы один повернул дерево правильно, и поэтому они остались за воротами”.

Те, что несли дерево, — это правда с гордостью; не пожелали они смириться друг с другом и ходить со смирением по пути Христа, поэтому и останутся за пределами Царства Божьего. Тот, кто рубит дрова, — это человек, который имеет много грехов и, вместо покаяния, другое беззаконие прибавляет сверху беззаконий своих. А черпающий воду — это тот, кто творит добрые дела, но, поскольку не противится злу, тем самым губит свои добрые дела».

Следует любому человеку быть осмотрительным в своих поступках, чтобы не во грех трудиться.

⟨...⟩ Рассказывал один старец, говоря: «(Жил) в пустыни отшельник около города вблизи реки Нил, и прислуживал ему один преданный мирянин. А в городе жил один богатый и бесчестный человек. Случилось так, что он умер, и провожали его все горожане и епископ со свечами. Отправился, как обычно, тот, кто служил отшельнику, отнести ему хлеб, и нашел его изъеденным гиеной, и упал он ниц, взывая к Богу: „Я не поднимусь до тех пор, пока Ты не объяснишь мне, почему это так, — что тот нечестивец имел такие проводы, а этот, который служил тебе день и ночь, так умер?” И пришел ангел и сказал ему: „Тот нечестивец сделал мало добрых дел, но принял здесь (покой), чтобы не иметь там никакого покоя. Этот же отшельник, поскольку был человеком, исполненным всяческой благодати и имел (в этом мире) мало соблазнов, получив (это) здесь, там будет чист перед Богом”. И встал (слуга), просвещенный, прославляя Бога, потому что истина есть».

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне*

Есть, рече, в пустыни сеи братъ нашъ Иоаннь, юнъ же тѣломъ, всѣхъ же нынѣшнихъ черноризецъ добротами преходя. Его же никтоже въскорѣ обрѣсти можеть, понеже преходить присно отъ мѣста до мѣста въ пустыняхъ. Тѣи заперва стоялъ на камени по три лѣта, вѣину молитву творя пребываше, никакоже сѣдъ, ни спавъ елико стоя, сна мало взимааше. В недѣлю точию комкание взимая, прозвутеру ему приносящу, иного же ничсо не ядыше.

Въ единъ же от дний преобразився сатона въ прозвутера, рано к нему прииде, хотя ему комкание дати. Познав же его, блаженный Иоанъ рече к нему: «О, всему лукавству и всеи прелести отецъ, враже всей правдѣ! Не останеши ли ся прелщая челоувѣча христьяньския душа, но дрѣзаеши и к самому прѣчистому комканию!» Онъ же к нему отвѣща: «Мало тебе не низложихъ, приобрѣтъ ты, тако бо и другаго отъ твоея братия прельстихъ, и безъ ума и сѣтворихъ, и бѣсенъ бысть. За него же мнози святини молитву сѣтвориша и одва възмогоша его умна сѣтворити». И се рекъ, бѣсъ отъиде от него.

Рассѣдшемася его ногамъ от многоаго стояния, и гною текущу от нихъ, пришедъ ангель, присягну ко устомъ его, глаголя: «Христосъ будетъ ти истинная ядь, и Дух Святой — истинное питие, и довольно да ти будетъ духовная пища, да не, насытився, изблюеши». И исцѣливъ его, престаи ѣ от того мѣста.

Живяше же, по пустыни ходя, яды былия, в недѣлю же на томъ мѣстѣ ся обретааше, комкание взимаа. Фуничное же листвие мало от прозвутера испросивъ, попругы плетяше. Хотящу же приити к нему хромцю нѣкоему исцѣления ради, и всяде тѣчию на осля, тѣгда же и ногама присягъ къ попругу, иже бяше плетень от святаго мужа, абие исцѣлъ. Иногда же благословление къ болемъ пославъ, абие избыша недуга.

Яви же ся ему иногда о своихъ монастырехъ, яко нѣции от нихъ неправедно житие имуть. Пишетъ ко всѣмъ послание прозвутеромъ, яко нектории лѣняются, друзии же подвижаются на добродѣяние, и обрѣтеса истина, тако ищуще. Пишетъ же и ко отцемъ, яко отци отъ нихъ лѣняются о спасении братии, и друзии же довольно я молятъ. И обоимъ честь и муки исповѣдаше. И паки инѣхъ ко свершенному устроению призывая, воспоминаше отъ видимыя на невидимыя отътити. «Время бо уже жития того показати, не бо дѣти, — рече, — или младенцы всегда хоцема пребывати, но паки къ свершенымъ разумомъ преити и къ великимъ дѣломъ наступити».

Се и ина намъ и множайшая отецъ о святѣмъ мужѣ исповѣда, яже множества ихъ ради чудесь всѣхъ не писахомъ, не яко не суть не истинна, но инѣхъ ради невѣрства. Мы же извѣсто вѣмъ, многи бо велиции мужи то же сповѣдаша, та же яже и очима видѣша.

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне

Есть, говорят, в этой пустыни брат наш Иоанн, юный телом, всех нынешних черноризцев добродетелями превосходящий. Его никто быстро найти не может, поскольку он всегда ходит с места на место в пустынях. Сначала он стоял на скале три года, постоянно пребывая в молитве, никогда не садился и спал даже стоя, да и то немного. В воскресенье только принимал Святые Дары, которые приносил ему пресвитер, а другого ничего не ел.

Однажды преобразился сатана в пресвитера, придя к нему утром, хотел причастить его. Распознав его, блаженный Иоанн обратился к нему: «О отец всякого лукавства и всяческой лжи, враг всяческой истины! (Ты) не прекращаешь совращать христианские души людей, но ты дерзаешь (покушаться) на самое пречистое причастие». Тот же ему отвечал: «Чуть было я тебя не уловил, ну так я обманул другого из твоей братии и лишил его рассудка, и он стал бесноватым. И многие святые за него молились, но едва смогли возвратить ему рассудок». И, сказав это, бес отошел от него.

Когда ноги его потрескались от долгого стояния, и из них потек гной, явился ангел, прикоснулся к его устам, говоря: «Христос будет тебе истинной пищей, а Дух Святой — истинным питьем, и да будет тебе достаточно духовной пищи, чтобы ты не изверг ее (никогда), насытившись». И, исцелив его, он перенес его с того места.

Так он жил, по пустыни ходя, ел траву, но в воскресенье на то же место возвращался и принимал причастие. Попросив у пресвитера немного пальмовых листьев, плел он подпруги. Когда один хромой захотел придти к нему, чтобы исцелиться, то как только сел он на осла и ногами коснулся подпруги, которая была сплетена святым человеком, сразу выздоровел.

Ему открылось некогда, что в его монастырях некоторые живут несправедно. Пишет он ко всем пресвитерам послание о том, что одни ленятся, другие же стремятся (совершать) добрые дела и так обретают истину, которую ищут. Пишет он и к отцам, что некоторые из них ленятся (заботиться) о спасении братии, а другие же много о нем молятся. И тем и другим честь и муки предсказывал. И еще, иных к совершенству духовному призывая, убеждал, чтобы возвысились они от видимых предметов к невидимым. «Пора показать при жизни, что мы — не детьми, — говорил, — или младенцами хотим оставаться, но к более высокой степени разумения перейти и к великим делам приступить».

Так и другое нам и многое отец о святом муже рассказывал, но мы из-за большого числа чудес обо всех их не писали, не потому, что они не правдивы, а потому, что некоторые не поверили бы. Мы же твердо знаем (об этом), ибо многие великие подвижники то же рассказывали, все то, что своими глазами они видели.

О черноризцѣ Пафнотѣ

Видѣхомъ и мѣсто Пафнотово, мужа велика и добра дѣла исполненъ, иже преже малымъ временемъ скончася въ странахъ Иракливовахъ Фиваиды. О нем же мнози многа сповѣдаху.

И по многихъ трудѣхъ моляше Бога: «кыхъ святыхъ подобенъ есмь». Аньгил же явився ему, рече: «Подобенъ еси того свирца, иже во градѣ живеть». Он же съ тѣшаниемъ устремився к нему, вопрошаше от него жизни его и дѣла ему испыташе. Он же рече к нему, еже и бѣаше истинна, грѣшника и пияницу и блудника сам ся повѣдаше, но зѣло давно от разбойничества на се пришедше. Пытающу же от него, что доброе си когда управиль, рече к нему: «Ничтоже добра себѣ свѣдѣ. Развѣ, яко иногда в разбойничествѣмъ дѣлѣ сыи, дѣву Христову хотящемъ разбойникомъ оплазити, отъях и нощю до веси проводих. Иногда же паки жену обрѣтох зело лѣпу, блудящу по пустыни, гониму от княжѣ мужѣ долга ради мужа своего. И плачущую обрѣтъ, вопрошах от неа плачю тому вины. Она же рече: „Ничтоже мене ни въпрашаи, владыко, не пытаи мене, окаану, но аки рабу свою поим, аможе хоцещи, веди. Мужу моему многожды биену бывшую по двѣ лѣтъ времени долга ради златникъ 300 и в темници затворену, и любяя моя дѣти тремъ проданомъ бывшемъ, азъ воставши бѣжахъ, мѣсто отъ мѣста преходяще. Нынѣ же по пустыни плаваю, многожды бо обрѣтена бывши и часто биена бывши, и 3 днии имамъ в пустыни не ядущи пребываю”. Азъ же миловавъ ю, веде в пещеру, давъ ей 300 златникъ, до града проводихъ, свободивъ с дѣтми мужа ей».

К тому отвѣща Пафнотъ: «Аз же себе не свѣдѣ ничтоже от сихъ управиша, нѣ о трудѣхъ черноризскихъ, обаче слышалъ мя еси славна суща, не бо лѣнностію свою жизнь проводихомъ. Мне убо о тебѣ Богъ откры, яко ничимъ же хуже еси мене о управлениихъ. И аще убо немало слово, брате, о тебе Божеству бываетъ, не преобиди душа своя».

Он же повергъ абие свирѣли и, пѣсни свирѣльныя на духовныя пѣсни преложивъ, въ слѣдъ его в пустыню поиде. Три же лѣта бывъ, трудився, и въ пѣсняхъ и въ молитвахъ свою жизнь скончавъ. К небесному житию слашеся, святыхъ ликъ и чиновъ праведныхъ вѣчтенъ бывъ, почи.

Да яко убо оногю трудившася добръ къ Богу препроводи, преложе себѣ болша житія, паче первыхъ. И вопрошаше Бога паки явити ему, кыхъ святыхъ естъ подобенъ. И паки гласъ Божій бысть к нему, глаголя: «Подобенъ еси ближняя веси старѣшине». Он же вскорѣ к нему прииде и абие ударившу ему во врата, изиде онъ, по обычаю своему страннаго приемля. Измывъ же нозѣ ему и поставивъ трапезу, повелѣ ему вкусити. Въпрашающу же дѣла ему и глаголющу: «Человѣче, свою жизнь исповежь ми, много бо черноризецъ, якоже ми обличилъ Богъ, прѣходиши». Он же глаголаше грѣшныа себе суща, не достойна имене черноризскоу. Да якоже

О черноризце Пафнутии

Видели мы и (монастырь) Пафнутия, человека великого и добродетельного, который недавно скончался в окрестности Гераклеополя в Фиваиде. О нем многие много рассказывали.

После многих трудов он попросил Бога (указать): «кому из святых я подобен». Ангел явился ему и сказал: «Подобен ты тому свирельнику, который в городе живет». Поспешно он отправился к нему, расспрашивал его о его жизни и какие он сделал дела. Тот же сказал ему, что и было правдой, что он грешник, пьяница и блудник, — так о себе рассказывал, — не так давно пришел на это из разбойничества. На расспросы о том, сделал ли он когда что-нибудь доброе, он ответил ему: «Никакого добра за собой не знаю. Кроме как, когда я был разбойником, тогда монахиню хотели разбойники оскорбить, я отнял (ее) и ночью до села проводил. Однажды еще женщину встретил очень красивую, бродившую по пустыни, преследуемую людьми сановника из-за долга мужа своего. Найдя ее в слезах, спросил я у нее о причине тех слез. И она ответила: „Не расспрашивай ни о чем меня, господин, не спрашивай, окаянную, но, как рабу свою возьми и куда хочешь уведи. После того как мужа моего много били в течение двух лет из-за долга в триста златников и посадили в тюрьму, а любимых моих троих детей продали в рабство, я встала и убежала, скитаясь с места на место. Теперь по пустыни брожу, много раз я была схвачена, часто меня били, а (последние) три дня хожу по пустыни голодная”. Я пожалел ее, привел в пещеру, дав ей триста златников, до города проводил, освободив мужа с детьми ее».

Ему отвечал Пафнутий: «Я за собой не знаю ничего, что было бы подобно (этим делам), но в трудах черноризческих, — полагаю, ты слышал как славно мое имя, — ибо не в лени жизнь свою проводим. Однако Бог открыл мне о тебе, что ты ничем не хуже меня по (своим) заслугам. И, если великое слово за тебя, брат, сказано Богом, не забывай о душе своей».

Тот же бросил тотчас свирель и, песни свирельные на духовные заменив, вслед за ним в пустыню отправился. В течение трех лет трудился и в песнопениях и молитвах закончил свою жизнь. К небесному житию отправленный, он почил и был причтен к сонму святых и чинам праведных.

После того как (Пафнутий) этого достойно трудившегося к Богу проводил, он предался еще большим подвигам, чем прежде. И снова спросил он Бога явить ему, кому из святых он подобен. И опять голос Божий был к нему, произнесший: «Подобен ты старейшине ближайшего селения». Он же сразу пришел к нему и, как только постучал в ворота, вышел тот, чтобы по своему обыкновению принять странников. Омыв ноги ему и поставив (перед ним) трапезу, предложил он ему попробовать. Когда (Пафнутий) стал расспрашивать о его делах, говоря: «Человек, расскажи о своей мне жизни, ибо ты многих черноризцев, как мне открыл Бог, превосходишь». Он же назвал себя грешни-

пребываше онъ вопрошая, отвѣща чловѣкъ, глаголя: «Азь же не имѣхъ нужею своя дѣло исповѣдати, елмаже от Бога глаголеши пришедшу ти, еже при мнѣ исповѣдаю ти.

Мнѣ же уже тридесате си есть лѣто, отколѣ сам ся от подружия отлучих. Четыри точию лѣта с нею живѣ и три от нея сыны сътворивѣ иже на потребу мою служить ми. Не престах любя странники до днешняго. Не имать похвалитися кто, токмо самъ преже мене, странники примѣ тщамъ рукама из моего двора. Не презрѣхъ убога отпадша, не подавъ ему доволна утѣшения. Не лицемѣръ бых чаду своему в судѣ. Не влѣзоша в домъ мои плоди туждии. Не бысть сварь, егоже не умирихъ. Не похули ничтоже презрѣ дѣль дѣтей моих. Не прикоснушася туждихъ плодовъ моя стада. Не осѣяхъ преже своих нивъ, но всѣмъ я обща положих останки осѣях. Не дахъ силному нища обидѣти. Ни опечалих никогоже въ жизни своей, ни суть кривины на когождо когда изнесох. Сия Богу хотящу, се вѣдѣ себе сътворена».

Слышавъ же Пафнотъ мужа сего добродѣяние, главу лобызааше, глаголя ему: «Благовѣститъ тя Господь от Сиона и удивиша благая Иерусалима.* Добръ бо се управи, едина ти недостала есть добрыхъ дѣлесъ главизна — премудры о Бозѣ разум. Егоже не имаши мощи без болѣзни стяжати, аще не себе с миромъ отмѣта вся, вземъ крестъ, вѣслѣдъ Спасителя поидеши». Он же се яко услыша, абие ни къ своимъ ся съвѣща, идяше вѣслѣдъ мужа под гору.

ком, недостойным имени черноризца. Но, поскольку тот продолжал расспрашивать, человек ответил: «Я бы не хотел о себе рассказывать, но, если, как ты говоришь, пришел (по велению) Бога, я тебе расскажу о себе.

Вот уже тридцать лет, как я сам отказался от жены, четыре только года с нею прожив и поимев от нее троих сыновей, которые по необходимости помогают мне. Не переставал любить странников и до сегодняшнего дня. Никто не похвалится, что только он (и) раньше меня странников принимал заботливыми руками из моего двора. Я не отверг падшего убогого, не подав ему необходимого утешения. Не взирая на лицо, не нарушал правосудия (даже) ради сына своего. Не проникали в мой дом плоды чужих трудов. Не было ссоры, которую бы я ни усмирил. Никто не бранил (или) презирал труды детей моих. Не прикоснулись к чужим посевам мои стада. Не заседал я свои поля прежде, чем другие, но заседал оставшиеся земли. Не давал обидеть сильному бедного. Никого не огорчил в жизни своей, никогда не возводил неправду на кого-либо. Коли Бог этого хочет, рассказал я (тебе), что я это делал».

Услышав о добрых делах этого человека, Пафнутий поцеловал его в голову, говоря ему: «Благовестит о тебе Господь с Сиона и узришь благое Иерусалима. Ибо ты хорошо все это делал, но тебе недостает одной от хороших дел части — глубокого познания Бога. Этого не сможешь безболезненно достигнуть, если не отметишь от себя все мирское и, взяв крест, не пойдешь вслед за Спасителем». Тот, как это услышал, сразу, не посоветовавшись с близкими, ушел за (Пафнутием) под гору.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Единъ отъць повѣда шьдъшемъ намъ въ Фиванду,* яко старьць съдѣше вѣнѣ града Антинъ Великий, сътворивъ въ клѣтъцѣ своей лѣтъ 60. И имѣше же ученикъ 10 и единого же имѣше зѣло лѣнящася. Старьць же мѣногашьды учае и, глаголя и моляше и: «Брате, съмотри своей души, умерети имѣши и въ муку ити!» Братъ же вѣину прѣслушаше старьца, не приемля глаголемыхъ от него. Прилучи же ся нѣ по комъ лѣтъ умерети брату. Мѣного же печалова о немъ старьць, *вбдѣше* бо, яко въ мнозѣ унынии и лѣности изиде отъ мира сего. И нача старьць молити и глаголати: «Господи Исусе Христе, истинный Боже нашъ! Яви ми яже о души братьни». И се узрѣ въ мѣчѣтъ и яко въ вѣстързѣ бивъ, видѣ рѣку огнѣну и множество въ томъ огни, и посредѣ брата, погружена до выѣ. Тогда глагола ему старьць: «Не сея ли муки дѣля моляхъ тя, да посмотриши своей души, чадо?» Отвѣща братъ и рече старьцю: «Благодарствую Бога, отче, яко понѣ глава ми отъраду имѣтъ: тако ми молитвы твоя на врьсѣ епискупу стою!»

Слово 98

И се съказа нѣ тѣ же Паладий глаголя, яко: Слысахъ повѣдающю нѣкому кораблю старѣйшинѣ таково, яко «единою пловущю мнѣ, имѣхъ вѣсядьники мужа и жены. И пришьдѣше на пучину, — и вѣсьмъ добрѣ пловущемъ: овѣмъ въ Костянтинѣ градѣ, овѣмъ въ Александрию,* другимъ же другоямо, вѣтру же не напокосъ сущю имѣ плути. И прѣбыхомъ дѣний пять, не поступающе от мѣста идеже бѣхомъ. Бѣхомъ же въ мѣнозѣ сътужении и недомышлении: чѣто се убо естъ. Азъ же, яко *въ снѣ*, навѣклирѣ, имѣ печаль о корабли, и иже суть въ немъ вѣси, начяхъ ся молити Богу о томъ. И единою приде ми гласъ невидимо глаголя: „Съврѣзи Марию долу, да и стройно ти ся поплövet!” Азъ же помышляхъ, реку: „Чѣто се си убо будетъ? Кто естъ Марія?” Ти, якоже себе недомышляхъ о семь, паки приде ми гласъ, реку: „Глаголахъ ти, съврѣзи Марию долу, и гонезнете!” Тогда азъ умыслихъ сице и възвахъ напрасно, вельми реку: „Марія!” Она же възлежаше на постели своей, да и озѣва ся рекущи: „Чѣто велиши, господи?” Тогда рѣхъ ей: „Сътвори любовь, доиди съде”. Она же вѣставъши приде, и яко приде, поимъ ю и отведохъ одну и рѣхъ ей: „Видиши ли, сестро Марие, каки грѣхы имамъ азъ, и мене ради вѣси имѣте погыбнути”. Она же, вельми въздѣхнувъши, рече: „По истинѣ, господи наукире, азъ есмь грѣшница”. Паки же азъ къ ней рѣхъ: „Жено, кыя грѣхы имѣши?” Она же рече: „Лютѣ мнѣ, яко нѣстъ грѣха, егоже нѣсмь не сътворила; и моихъ ради грѣхъ вѣси имѣте погыбнути”. Таче по томъ рече, съповѣда ми жена, сице рекущи: „По истинѣ, господи наукире, азъ оканьна и зѣлогрѣшна! Мужа имѣхъ и дѣва дѣтища, пѣрвый девяти лѣтъ, а други — пятию. Таче по

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Когда мы шли в Фиваиду, один святой отец рассказал нам о старце Антине Великом, который, сделав маленькую келью, жил в ней за городом шестьдесят лет. Было у него десять учеников, а один из них — очень ленивый. Много раз старец выговаривал ему, и поучал его, и умолял: «Брат, позаботься о своей душе, ведь умрешь — и на мучение иди!» Брат же всегда слушивался старца, не принимая сказанного им. Случилось же в каком-то году умереть брату. Много печалился о нем старец, зная, что в великой беспечности и лености ушел тот из мира сего. И начал старец молиться и просить: «Господи, Иисус Христос, истинный Бог наш! Дай мне увидеть душу брата». И вот взглянул в воображении, как будто в забытии будучи, и увидел реку огненную, и много в ней пламени, а посредине брата, погруженного по шею. Тогда сказал ему старец: «Не этой ли муки ради молил я тебя позаботиться о душе своей, чадо?» Отвечал брат, сказав старцу: «Слава Богу, отче, что, по крайней мере, голова моя в покое находится: так по молитвам твоим на голове епископа стою!»

Слово 98

И вот рассказал нам тот же Палладий, говоря: Слышал я, как поведал начальник одного корабля следующее: «Когда плыл я однажды, были со мною спутники, мужчины и женщины. Как вышли в открытое море — все благополучно плыли: те в Константинополь, те в Александрию, другие же в иное место, хотя ветер и не был им благоприятен. Мы же простояли дней пять, не сходя с места, где были. Впали мы в большую скорбь и в недоумение: что же это такое? Я же, начальник, как в сновидении, озабоченный кораблем и теми, кто на нем, начал молиться Богу об этом. И однажды раздался голос, невидимо говорящий: „Сбрось Марию в море, и свободно тебе поплывется!“ Я же поразмыслил, сказав: „Так что же это будет? Кто такая Мария?“ И, так как я не понял этого, снова раздался голос, говоривший: „Сказал я тебе: сбрось Марию в море, и спасетесь!“ Тогда понял я наконец и воскликнул внезапно, громко сказав: „Мария!“ Она же лежала на постели своей, да и откликнулась, говоря: „Что хочешь, господин?“ Тогда сказал я ей: „Сделай милость, подойди сюда“. Она же, встав, подошла, а как подошла, взял ее, и отвел одну в сторону, и сказал ей: „Видишь ли, сестра Мария, какие на мне грехи, из-за меня и все можете погибнуть“. Она же, сильно вздохнув, сказала: „Действительно, господин кормчий, я грешница“. И снова я ей сказал: „Женщина, какие на тебе грехи?“ Она же ответила: „Горе мне, ибо нет греха, которого я бы не сотворила; и моих ради грехов все вы погибнете“. И после этого раскрыла и поведала мне женщина, так говоря: „Действительно, господин кормчий, я несчастная и злогрешная! Был у меня муж и двое детей, первый девяти лет, а второй — около

томъ умьре мужь мой. Живяше же въскрай мене воинъ, да хотѣхъ да бы мя поялъ женѣ, и посълахъ къ нему нѣкого. Воинъ же рече: «Не поиму жены, имуща дѣтий отъ инога мужа!» Тогда азъ яко то слысахъ, яко не хочеть меня пояти дѣтий дѣля, къ тому же и любящи и, заклахъ дѣтища своя оба, оканьяная, и вѣсть ему посълахъ рекущи: «Не имамъ уже дѣтища, ни единого». Яко то слыша воинъ ть, о дѣтищу тою, еже есмь сѣтворила, рече: «Живъ Господь, живый на небеси! — яко не поиму ея». Да тѣмъ убоявъшися, еда се увѣдятъ и уморять мя, да тѣмъ бѣжахъ”. Се слышавъ азъ отъ жены тоя, и тако не рачихъ ея въврещи въ пучину морьскую, нѣ сице умыслихъ рече и рѣхъ ей: „Се азъ прѣбываю въ корабли, да вѣси убо жено: аще не поидеть корабль, — то мои грѣси дрѣжать корабль”, — таче възъвахъ корабльники утрѣнии корабль. Яко же сѣнидохъ въ кораблищъ, то не бы ничьсоже не поступи, ни великый корабль не поступи. Тогда вѣлъзъ въ великый корабль, глаголахъ женѣ: „Сѣниди ты въ кораблищъ”, она же сѣниде.

И егда же тѣчию сѣниде та, абие кораблищъ нѣ до пятишьды обрѣтѣвъ ся, стрѣмо дьну иде и погрязе; великый же корабль поплу стройно, и трѣми дьньми по немъ прѣидохомъ пловуще, еже быхомъ прѣшли и 15 дьний».

Слово 99

Азъ же и господь мой Софроний* идоховъ въ домъ философа Стефана да прѣбудемъ: бѣ же пладьяная. Живяше же идуще къ Святѣй Богородици, юже създа блажены папа Еулогий* на вѣстоки великаго Тетрафола.* Якоже възклепаховъ въ домъ философа, приниче дѣвица, глаголющи нама: «Възлѣжить, нѣ мало потърпита». Тогда глаголахъ господи моему Софронию: «Поидивъ къ Тетрафолу, да ту прѣбудевъ». Есть же мѣсто Тетрафола зѣло чѣстимо от александрѣнъ, глаголють бо, яко мощи пророка Иеремия* от Егупта възъмъ, Александръ зиждитель*, ту я положи. Якоже идоховъ къ Тетрафолу, не обрѣтоховъ никогоже, тѣкмо три слѣпца; полудьне бо бѣ. Идоховъ же близъ слѣпца, и съ безмльвиемъ и съ мльчаниемъ сѣдоховъ, имуща кѣнигы наю. Глаголаху бо слѣпци много, и глагола другъ къ другу: «Воле, ты како бы слѣпъ?» Отвѣща, глаголя: «Корабльникъ бѣхъ, и якоже бѣхъ унѣ, и от Африкия пловяхомъ на пучинѣ призрѣхъ ся, и не имы како ся быхъ уцѣлилъ. Бѣльма начяхъ имѣти въ очию моею». Глаголяхъ же и другому слѣпцю: «Ты како же ослѣпе?» Отвѣща и онѣ, глаголя: «Сѣткляничьную хытрость бѣхъ имы, и от огня истечение ми бысть обѣма очима моима, и ослѣпохъ». Глаголаста же ему и она: «Ты же како бысть слѣпъ?» Отвѣща: «Сушу ми азъ вама глаголю. Егда же бѣхъ унѣ, възненавидѣхъ дѣлати зѣло, быхъ же и не спасенъ. И не имѣхъ, откуда ясти — абие же крадыхъ. Въ единъ же от дьнии по сѣтворении моемъ много зѣла, стоящю ми на мѣстѣ, идеже мучать, и видѣхъ мъртвьць износимъ, добромъ покрѣвена. Идохъ же въ слѣдъ носимааго, да быхъ видѣлъ, кѣде и хотя погрести. Си же доидоша зади святого Иоана Великааго и положиша и въ гробѣ

пяти. А потом умер муж мой. Жил же по соседству со мною воин, и захотела я, чтобы взял он меня в жены, и послала к нему кое-кого. Воин же сказал: «Не возьму женщину, у которой дети от другого мужа!» Тогда я как услышала, что не хочет меня брать из-за детей, да к тому же и любя его, убила детей своих обоих, несчастная, и сообщила ему, говоря: «Нет у меня больше ребенка, ни единого». Как услышал то солдат, о детях-то, что я наделала, воскликнул: «Жив Господь, живущий в небесах! — ибо не возьму ее». Потому испугалась я, что узнают и умертвят меня, да так и убежала”. Такое услышав от женщины той, не решился я ввергнуть ее в пучину морскую, но так надумал и сказал ей: „Вот я спускаюсь в лодку, так знай же, женщина: если не тронется корабль, значит — не мои грехи держат его”, то же сказал и корабельщикам на корабле. Когда же сошел я в лодку, ничего не случилось, корабль не тронулся с места. Поднялся я тогда на корабль, сказал женщине: „Спустись и ты в лодку”, и она спустилась.

И как только она спустилась, тотчас лодка, раз пять перевернувшись, стремительно пошла ко дну и затонула, корабль же поплыл быстро, и за три дня пришли мы, плывя на нем, куда нужно было бы плыть пятнадцать дней!»

Слово 99

Я же и господин мой Софроний пошли в дом мудреца Стефана, чтобы побыть там: был уже полдень. Жил же он по дороге к церкви Святой Богородицы, которую создал блаженный папа Евлогий на восток от большого Тетрафола. Когда же постучались мы в дом мудреца, выглянула служанка, говоря нам: «Он еще лежит, немного подождите». Тогда сказал я господину моему Софронию: «Пойдем к Тетрафолу да там и побудем». Тетрафол — место, очень чтимое александрийцами, говорят даже, что мощи пророка Иеремии, в Египте взяв, Александр, основатель города, тут положил. Пока шли мы к Тетрафолу, не встретили никого, только трех слепцов, ибо был полдень. Прошли мы вблизи слепцов и в безмолвии и в молчании сели, раскрыв наши книги. Слепцы же много говорили и расспрашивали друг друга: «Ну-ка, как ты ослеп?» Отвечал один, говоря: «Я был моряком, и, когда был молод, плыли мы от Африки морем, занедужил глазами и не знал, как исцелиться. Бельма появились в глазах моих». И спросил другого слепца: «А ты как ослеп?» Отвечал и тот, говоря: «Был я стеклодувом, и вытекли от огня оба моих глаза, и ослеп я». Спросили они и третьего: «Ты же как ослеп?» Отвечал он: «Раз уж я здесь, то расскажу вам. Будучи юным, очень презирал я работу, потому и не спасся от беды. Не знал я, где достать еды — тотчас же крал. В один из дней, уже наделав много зла, когда стоял я на месте, где казнят, увидел, как выносят мертвеца, богато накрытого. Пошел я вслед покойному, чтоб посмотреть, где его погребут. Итак, зашли они за церковь святого Иоанна Великого, и положили его в склепе, и отошли. Я же, как

и отидоша. Азъ же, яко видѣхъ отшѣдъшея, вълѣзохъ въ гробъ и съвлѣкохъ ии, въ неже бѣ одѣнъ, оставивъ на немъ одну тѣчию поняву. Хотящю же ми излѣсти из гроба, възъмъ много зѣло, зѣлое мое здание глагола ми: „Възьми и поняву его, яко красна есть”. Обратихъ ся, лишеникъ, яко же съвлѣкохъ поневу съ него, да и быхъ нага оставилъ, въздвигъ ся сѣде прѣдъ мною мъртвьць, и, простъръ обѣ руцѣ свои на мя, пѣрсты своими одѣра лице мое и изятъ обѣ очи мои. Тогда азъ, лишеникъ, оставивъ вься, съ многою бѣдою и скръбию изидохъ отъ гроба. Се повѣдахъ вамъ и азъ, какъ быхъ слѣпъ». Се слышавъшема нама, поману ми Софроний и отидоховѣ отъ нихъ, и глагола ми: «Воле, господи и авва Иоаний, не съдѣивѣ дньсь зѣла, вельми бо пользу обрѣтоховѣ», пользу же примѣша, напѣсаховѣ, да и вы пользу примете, яко никътоже творя зѣло утантъ ся Бога.

Слово 119

Тъ же отъць нашъ Георгий архимандритъ повѣдаше намъ о аввѣ Иулианѣ, глаголя: бывъшимъ епискупѣ Вострѣнемъ.* Яко егда ити ему отъ монастыря и быти епискупу въ Вьстрѣнѣхъ, нѣкыя богатины того же града, ненавистьници, вьсхотѣша отравами погубити и. И прѣглаголаша чъваньчию его, имѣние дающу, и даша ему съмъртно, да чъванующю митрополиту, вължить отраву въ чашю его. Отрокъ же яко наученъ бысть, тако сътвори, и, придавъ чашю, отрокъ божьствьному Иулиану отраву възятъ. И отъ Бога разумѣвъ свѣту, иже сътвориша, възъмъ чашю, постави ю предъ собою, ничѣсоже рѣхъ бѣхъма отрочищю и, пустивъ, призва богатины, въ ни же бѣша и иже на нь свѣтъ сътвориша. Божьствьный же Иулианъ, не хотя обличити сътворѣшихъ, кроткю глагола вьсѣмъ: «Аще мнѣните съмѣренаго Иулиана отравлениемъ уморити, се предъ вьсѣми вами испиваю». И знаменавъ тришѣды чашю прѣсты своими и, рекъ: «Въ имя Отца и Сына и Святого Духа испиваю сию чашю», и предъ вьсѣми испивъ ю, — безъ врѣждения пребысть. И, видѣвъше, поклонѣша ся ему до земля.

Слово 134

Яко отъ единого попьрища* святого Иердана рѣкы лавра есть, авва Герасима нарицаема.* Въ ту лаврю прѣходящемъ намъ повѣдаша сѣдящи ту старьци о аввѣ Герасимѣ, яко ходя единою по блату святого Иердана, усърѣте и львъ, зѣло рыдая отъ ноги своея; имяше бо трѣстяну трѣску, унѣзъшю ему. Яко отъ сего отещи ему нозѣ и плѣнъ гноя быти. Якоже узърѣ львъ старьца, показаше ему ногу, яже бѣ язвна отъ унѣзъшая порѣзи, плача ся яко и нѣчсо и моля ся ему, исцѣленъ отъ него быти. Якоже видѣ и старьць въ такой бѣдѣ, сѣдъ и имъ и за ногу и роздвигъ мѣсто, изя трѣсть съ многомъ гномъ. И, добрѣ очистивъ струпъ и обязавъ платомъ, пусти и. Львъ же ицѣленъ по семь не оста старьца, нъ яко свой ученикъ, яможе идяше ему, яко чюдитися

увидел ушедших, влез в гробницу и снял одежду, в которую был тот одет, оставив на нем одно лишь покрывало. Когда же хотел я покинуть склеп, взяв уже очень много, злое мое естество подсказало мне: „Возьми и покрывало его, уж очень красиво”. Повернулся я, несчастный, и лишь только снял с него погребальное покрывало, оставляя его нагим, как, поднявшись, сел предо мною мертвец и простер обе руки свои ко мне, пальцами оцарапал мне лицо и выдрал оба глаза мои. Тогда я, несчастный, оставив все, в великой беде и печали вышел из склепа. Вот рассказал я вам, как и я ослеп». Когда мы услышали это, поманил меня Софроний, и отошли мы от них, и сказал мне: «Ну-ка, господин и отец Иоанн, не совершим же сегодня недоброго, ибо большое благо сыскали»; пользу же получив, записали, чтобы и вы это восприняли: никто из творящих зло не утаится от Бога.

Слово 119

Тот же отец наш, Георгий-архимандрит, поведал нам об отце Юлиане, рассказав, как был он епископом в Востренах. Когда пришлось идти ему из монастыря, чтобы стать епископом в Востренах, некие вельможи этого города, недоброжелатели, захотели отравой погубить его. И подговорили виночерпия его, посулив мзду, и дали тому яд, чтобы, прислуживая митрополиту, всыпал отраву в чашу его. Слуга, как научен был, так и сделал, и, положив в чашу, слуга божественному Юлиану отраву поднес. Но от Бога постигнув заговор, который содеяли, взяв чашу, поставил Юлиан ее пред собою, совершенно ничего не сказал слуге и, послав, призвал он вельмож, среди них и тех, которые на него устроили заговор. Божественный Юлиан, не желая обличать заговорщиков, кротко сказал всем: «Коли надеетесь смиренного Юлиана уничтожить отравой, вот перед всеми вами и пью». И перекрестив трижды чашу перстами своими, и сказав: «Во имя Отца и Сына и Духа Святого пью эту чашу», и выпив ее перед всеми, — остался он невредим. И видевшие это поклонились ему до земли.

Слово 134

В одном поприще от святого Иордана-реки есть лавра, называемая лаврой отца Герасима. Когда перешли мы в ту лавру, рассказали нам живущие тут старцы об отце Герасиме, как ходил он однажды по болоту у Иордана, и встретил его лев, громко ревавший из-за лапы своей: вонзилась в нее тростниковая щепка. От этого распухла лапа и наполнилась гноем. Как увидел лев старца, показал ему лапу, пораненную вонзившейся занозой, плача и как бы умоляя его исцелить. Как увидел старец его в такой беде, сел и, взяв его за лапу, раздвинул рану и вынул тростинку с обильным гноем. Хорошо очистив язву и завязав ее платком, отпустил его. Исцеленный же лев потом не оставил старца, но, как ученик, куда бы ни шел тот, следовал за ним, так что дивился

старьцю, толику разуму звѣри, и прочее. Оттолѣ старьць питаше и, помеща ему хлѣбъ и мочена сочива. Имяше же та лавра одинъ осьль, на немже приношааше воду въ потрѣбу отъцемъ святого Иердана, отнюдуже пиють воду; отстоять же от лавры рѣка попьрище едино. Обычай же имяху старьци даяти льву, да ходитъ и пасеть и по краю святого Иердана. Одиною же пасомъ осьль отъ льва, отиде отъ него не маломъ отшъствиемъ. И се мужъ съ вельблуды отъ Аравия идьи обрѣтъ и поятъ и въ своя си. Львъ же, погубивъ осьла, приде въ лавру зѣло унывъ и дряхлѣ къ авва Герасиму. Мъняше же авва Герасимъ, яко изѣлъ есть осьла львъ, глагола ему: «Кѣде есть осьль?» Съ же, яко человекъ, стояше млъчя и долу зря. Глагола ему старьць: «Изѣлъ ли и еси? Благословень Господь, еже творяше осьль, отселѣ тебѣ есть творити». Отътолѣ же млъвльшю старьцю ношаше канпилий комърогы имущъ четыри и приношаше воды. Приде же одиною воинъ молитвы дѣля къ старьцю и, видѣвъ льва, носяща воду и увѣдѣвъ вину, помилова ѥ, и, вынъмъ три златьники, дасть старьцемъ, да купятъ осьль въ потрѣбу себѣ и свободятъ отъ таковыя работы льва. Вельблудникъ же, иже бѣ осьла поялъ, идяше пакы пшеница продаять въ святой градъ, имы осьль съ собою. И прѣшдѣ святого Иердана, усърѣте ся по сълучаю съ львомъ, и видѣвъ и, оставивъ вельблуды, бѣжа. Львъ же, познавъ осьль, тече к нему и усты имъ и, якоже бѣ обыклъ, ведяше и съ трьми вельблуды, радуя ся въкупѣ и зовы, яко осьла, егоже погуби, обрѣтъ, приведе и къ старьцю. Старьць бо мъняше, яко львъ изѣлъ осьла. Тогда старьць, увѣдѣвъ, яко облъганъ бысть львъ, положи же имя льву Иерданъ. Сътвори же въ лаврѣ львъ вяше пяти лѣтъ, не отлучая ся отъ него присно. Егда же къ Господу приде авва Герасимъ и отъци погребены бысть, по съмотрению Божию львъ не обрѣте ся въ лаврѣ. По семь же мало приде львъ въ лавру и искаше старьца своего. Авва же Севатий киликъ,* ученикъ авва Герасима, видѣвъ и, глаголаше ему: «Иердане, старьць нашъ остави насъ, сиры, и къ Господу изиде, — нѣ възми ѣждѣ». Львъ же ѣсти не хотяше и начать стоя очима своимъ сѣмо и онамо чясто възирати, ища старьца своего, рикая вельми и не трпя отъчаяти ся. Авва же Севатий и прочии старьци, глядяше и по хрѣбту, глаголашу: «Отиде старьць къ Господу, оставивъ ны». Ни тако имъ глаголюще къ нему, не можяху его отъ вѣпля и от рыдания уставити. Нѣ елико же мъняху его словомъ утѣшити и прѣмѣняти, толико же онъ паче рыдаше и вѣпля больша двизаше, и рыданию притваряше, показая гласы и измѣнующа гласы, — и лицъмъ, и очима печаль, юже имяше, не видя старьца. Тогда глагола ему авва Севатий: «Поиди съ мною, понеже не имеша намъ вѣры, и покажю ти, кѣде лежить нашъ старьць». И поимъ веде и, идеже бѣша погребли его. Отстояше же отъ церкви полъ попьрища. Ставъ же авва Севатий врѣху гроба авва Герасима, глагола льву: «Се старьць нашъ съде погребенъ бысть». И прѣклони колѣнъ авва Севатий врѣху гроба старьча. Якоже слыша львъ и видѣ, како поклони ся авва Севатий врѣху гроба и плакаше ся, поклони ся и съ, и, ударяя главою о землю зѣло и ревы. И тако абие скоро

старец и впоследствии такому разуму зверя. С тех пор старец кормил его, бросал ему хлеб, давал чечевичную похлебку. Был же в той лавре один осел, на котором приносили воду для нужд святых отцов из святого Иордана, откуда пьют воду; отстоит же от лавры река в одном поприще. Вошло у старцев в обычай льва посылать, чтобы ходил он и пас осла по краю святого Иордана. Однажды, пасясь, отошел осел ото льва довольно далеко, и вот человек с верблюдами, из Аравии идущий, нашел его и взял с собою. Лев же, утратив осла, вернулся в лавру, очень печальный и угрюмый, к отцу Герасиму. Решил же отец Герасим, что съел осла лев, и спросил: «А где осел?» Тот же, подобно человеку, молча стоял, глядя в землю. Сказал ему старец: «Съел ли его ты? Благословен Господь: все, что делал осел, отныне делать тебе». С тех пор, как и сказал старец, таскал он короб с четырьмя кувшинами и приносил воду. Пришел же однажды воин к старцу молиться и увидел льва, носящего воду, а узнав причину, сжалился над ним и, вынув три золотых, дал старцам, чтобы купили осла для своих надобностей и освободили бы от такой работы льва. Владелец же верблюдов, который похитил осла, вновь возвращался, чтобы продать пшеницу в святом граде, и осел был при нем. Перейдя святой Иордан, случайно тот встретился с львом: увидел его и, оставив верблюдов, бежал. Лев, признавши осла, помчался к нему и, взяв его пастью за холку, как делал обычно, привел — с тремя верблюдами, одновременно и радуясь, и возглаголющая, что осла, которого потерял, отыскав, привел к старцу. Старец же думал, что лев съел осла. Тогда старец, узнав, что оболган был лев, дал имя льву Иордан. Находился же в лавре лев свыше пяти лет, не отлучаясь из нее никогда. Когда же к Богу отправился отец Герасим и погребен был отцами, по Божьему усмотрению не было в лавре льва. Немного спустя вернулся он в лавру и искал старца своего. Отец Севатий, ученик отца Герасима, киликиец, увидя его, сказал: «Иордане! Старец наш оставил нас, сирот, и отправился к Господу, — но возьми и поешь!» Лев же есть не хотел и начал, стоя, глазами своими туда и сюда часто поводить, ища старца своего, громко рыча, но не теряя надежды. Отец же Севатий и прочие старцы, глядя его по спине, говорили: «Отошел старец к Господу, оставив нас». Но хотя ему так они говорили, не могли его от воплей и рыдания отвратить. Только думали его словом утешить и успокоить, как он лишь пуще рыдал, и вопли сильней испускал, и стоны издавал, перемежая их криками, — и мордой, и глазами выражая печаль, какую испытывал, не видя старца. Тогда сказал ему отец Севатий: «Пойди со мною, потому что не веришь нам, и покажу тебе, где лежит наш старец». И взяв, повел его туда, где того погребли. Находилось это от церкви за полпоприща. Став над могилой отца Герасима, отец Севатий сказал льву: «Вот, старец наш здесь погребен был». И преклонил колени отец Севатий над гробом старца. Лишь услышал лев и увидел, как склонился отец Севатий над гробом, оплакивая, наклонился и он, сильно ударяя головою о землю и ревя. И так очень скоро умер над гробом. Все это было с бессловесной душой, как

умреть връху гроба. Се же все бысть не яко душу словесьну имѣюща, нъ яко Богу хотящю славящимъ его прославити не тъкмо въ житии семь, нъ и по съмрѣти, и показати намъ, како повинование имяху звѣрие къ Адаму прѣжде ослушания его заповѣди и еже въ породѣ пища.

Слово 148

Повѣда намъ авва Данилъ старьць отъ Егупта, глаголя, яко възиде старьць одиною въ Терфинъ рукодѣлания своего продаять. Уноша же нѣкъто моляше старьца, глаголя: «Бога дѣля, калогере, поиде въ домъ мой и сътвори надъ женою моею молитву, зане неплоды естъ». Старьць же, понужень отъ уноша, иде въ домъ его, и сътвори молитву женѣ его. И Богу възхотѣвшю имяше жена въ чревѣ. Нѣции же мужи, не бояще ся Бога, начяша облѣгати старьца, и глаголати, яко уноша бещаднѣ естъ, нъ отъ авва Данила брежа естъ жена. Приде же слухъ къ старьцю и възвѣсти старьць мужю жены: «Яко егда родить жена твоя, възвѣсти ми». Егда же роди жена, възвѣсти ему уноша въ skutъ реки: «Бога дѣля и молитвъ твоихъ, отъче, дѣтищъ ны ся роди». Тогда авва Данилъ глаголаше къ уноши: «Сътвори бракъ крщению и призови родъ твой и другы твоя». И якоже обѣдоваху, възъмъ старьць дѣтищъ въ руцѣ свои предъ всѣми, глагола отрочяти: «Кѣто естъ отъць твой, дѣтищю?» Глагола дѣтищъ тако, показа прѣстом ручьнымъ уношю. Бѣ же дѣтищъ дѣни 12.

Слово 234

Глаголаше Саватий реки, яко: «Сѣдохъ въ лаврѣ отъца Фирьмина,* приде разбойникъ къ отъцю Зосимѣ и моляше старьца, реки: „Сътвори любовь Бога ради, имъ же многа убийства сътворилъ, да мя бы чрьноризьца сътворилъ и умлѣкъ быхъ, и осталъ ся своего зѣла”. Старьць же, наказавъ и, сътвори чрьноризьца, давъ ему и образъ. Потомъ же скоро рече старьць: „Ими ми вѣру, чядо, яко съде прѣбывати не можеша, аще бо ты услышитъ кый кѣнязь, то иметь ты и глаголющен на ты побьютъ ты. Нѣ послушай мене и веду ты въ манастирь подалъ отсуду”. И веде и въ Дорофеевъ манастирь въскрай Газы.* И сътвори ту 9 лѣтъ, и навиче Пьсалтырь и весь строй чрьньчьскыи, и паки възиде къ старьцю въ Фирмине мѣсто и рече ему: „Господи, отъче, сътвори въ милость и дажь ми ризы моя мирьскыя, и възми си чрьноризьчьскыя”. Старьць же съжали си, рече къ нему: „Чѣсо ради, чядо?” Отвѣща ему братъ, реки: „Се, яже вѣси, отъче, 9 лѣтъ имамъ въ манастири, и, елико же могы, алькахъ и въздрѣжахъ ся, и съ вѣсѣмъ млѣчаниемъ и страхомъ Божиимъ жихъ, повиную ся. И вѣдѣ же, яко благыни Его приять мя многымъ моимъ зѣломъ. Обаче вижю присно въ сѣнѣ, въ цркви и яко поиду комѣкати, и въ обѣдници — дѣтищъ глаголющъ ми: «Почто мя еси убилъ?» И ни въ единъ часъ не попуститъ ми. Сего ради убо хощю ити, отъче, да дѣтища ради умьру, безъ ума бо и убихъ”. И, възъмъ ризы, облѣкохъ ся въ ня, изиде из лавры, и, яко приде къ Диополу граду,* другый дѣнь яша и убиша и».

если бы Бог желал прославить его почитающих не только в сей жизни, но и после смерти, и показать нам, как повиновались звери Адаму до послушания им божеской заповеди и до лишения блаженства в раю.

Слово 148

Поведал нам отец Данил, старец из Египта, рассказав, как вышел однажды старец в Терфин, чтобы продать плоды своих трудов. А некий юноша умолял старца, говоря: «Ради Бога, отец, пойдя ко мне в дом, помолись над моею женою, так как бесплодна она». Понуждаемый юношей, старец пошел в его дом, сотворив жене его молитву. И когда Бог пожелал, женщина зачала. Некие же люди, не боясь Бога, начали клеветать на старца и говорить, что юноша бездетен, и от отца Данила беременна его жена. Дошел слух до старца, и попросил старец мужа женщины: «Когда родит твоя жена, сообщи мне». Когда же родила женщина, дал знать ему юноша тайно, говоря: «Благодаря Богу и молитвам твоим, отче, младенец родился у нас». Тогда отец Данил попросил юношу: «Устрой пир в честь крещения, созови твоих родственников и друзей». И во время обеда перед всеми взял старец младенца на руки, спросив его: «Кто здесь отец твой, младенец?» И ответил младенец этот, пальцем руки указав на юношу. Было же ему всего двенадцать дней.

Слово 234

Рассказывал Савватий, говоря: «Был я в лавре отца Фирмина, пришел разбойник к отцу Зосиме и умолял старца, говоря: „Сделай милость Бога ради! Совершил я множество убийств, позволь мне быть монахом, и прекратил бы я, и отстал бы я от своего зла“. Старец же, прочтя ему наставление, поставил его черноризцем, подавая ему пример во всем. Но вскоре же сказал старец: „Верь мне, чадо, что здесь ты оставаться не можешь, ибо если услышит о тебе какой-нибудь правитель, то схватит тебя, и обвиняющие тебя убьют. Но послушай меня: отведу тебя в монастырь, подальше отсюда“. И отвел его в Дорофеев монастырь возле Газы. И провел он тут девять лет, изучил Псалтырь и всю монашескую службу, и снова вернулся к старцу в фирминскую лавру, и сказал ему: „Господи, отче, сделай милость и верни мне одежды мои мирские, возьми себе монашеские“. Старец же опечалился и молвил ему: „Зачем, чадо?“ Отвечал ему брат, говоря: „Вот, как ты знаешь, отче, девять лет я в монастыре, и, насколько мог, я постился и воздерживался, и в полном молчании и в страхе Божьем жил, повинуюсь. И познал я, что благодать Его меня приняла со всем моим злом. Однако вижу всегда — и во сне, и в церкви, и как пойду причащаться, и за едой — младенца, спрашивающего меня: «За что ты меня убил?» И ни на один час не отпускает меня. Вот почему и хочу я, отче, идти, чтоб умереть за младенца, ведь я и убил-то его бессмысленно“. И, взяв одежды, облекся в них и покинул лавру, а как пришел в город Диапол, на другой день схватили и убили его».

Слово 258

Глаголаше намъ и се о томъ же *тѣ же* Дионисий прозвутерь, яко одиною хожаше старьць въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села,* еже ему бѣ и пещера. И ходя велика льва узрѣ противу идуща. И идяше путьмъ тѣснѣмъ зѣло межю двѣма ограждениема, якоже е обычай дѣлателемъ огражавати нивы своя, тръновьяная дрѣва садяще. И толику тѣсноту путь имѣ, яко единому комуждо пѣшему ничѣсо же носящю одѣва проити; понеже отсудѣ тръние бѣ ся сърасло, и неудобь яко хотяще путьмъ минути мимо ходящю ему. Якоже другъ друзѣ приближиста ся старьць же и лвъ, старьць ся увративъ въ распутие уступити лву: ни за тѣсноту пути лвъ можаше съвратити ся, ни минути ся има бѣ лвъ. Видѣвъ же лвъ, божия угодняка проити хотяща и никакоже обратити ся хотяща, на заднью ногу ставъ простѣ ошюю старьца и граждения, и тяжѣствомъ и силою тѣлесною мало пространство сътворивъ, бес пакости правдѣнуму путь сътвори. И тако мину старьць, заднихъ прикася ся лву, и по миновении его вѣставъ лвъ отъ граждения *своимъ* путьмъ отиде.

Слово 266

Въ самомъ островѣ* повѣда намъ боголюбивая и нищелюбивая Мария, мати Павля каньдита,* глаголющи, яко: «Егда бѣхъ въ градѣ Нисиви,* бѣ ту жена кръстьяна, имущи мужа елина. Бѣста же убога, имяста же сребрьнищъ великихъ 50. Одиною же рече мужъ женѣ своей, яко: „Дадивъ сребрьники сия въ заимъ, да понѣ малу утѣху имавѣ отъ нихъ. Аще ли по единой изѣмъ я, и не будетъ ихъ”. Отвѣщавъши же жена та добрая, глагола ему: „Аще велиши дати я въ заимъ, прѣдажъ я въ заимъ Богу кръстьянску”. Глагола ей мужъ: „То кѣде е Богъ кръстьянскъ, да ему давѣ въ заимъ?” Глагола ему жена: „Азъ тобѣ и покажю, аще бо сему даси въ заимъ, не тѣчию не погубиши ихъ, нѣ и лихвы тебѣ подасть, и главѣства усугубитъ”. Онъ же рече ей: „Пойди покажи ми, и дамъ ему въ заимъ”. Она же, поимъши мужа своего, веде и въ цркъвь святую. Имать же цркъ Нисийская* пятера врата великая: якоже въведе и въ врата цркъвьная, иде же суть великыя дѣври, показа ему нищая рекъши ему: „Симъ аще подаси, Богъ кръстьянъ се въземлетъ, вси бо си того суть”. Онъ же абие съ радостию подасть *три десяти* сребрьникъ убогимъ, и идоста въ домъ свой. По трѣхъ же месяцихъ оскудѣвъшема пищама, глагола мужъ женѣ: „Сестро, не хоче ли Богъ кръстьянскъ подати нама ничѣсоже отъ длѣга оного?” Отвѣщавъши же, жена рече ему: „Ей, иди идеже еси положилъ и подасть ти съ всею волею”. Онъ же, теки, иде въ святую цркъвь и бывъ на мѣстѣ, идеже сребрьница дасть *убогимъ*; и, походивъ цркъвь вѣсу, сумьяся видѣти, не видѣ никого же, хотяща ему чѣто подати, нѣ тѣчию едины убогыя сѣдяща. Паки мыслящю ему въ себѣ: „Кому рещи? кого истяжетъ?” — видѣ прѣдъ ногама своима на мороморѣ одну сребрьницу велику лежащю, отъ нихъже бѣ раздаялъ братии. Прѣклонивъ ся, възъмъ ю, иде въ домъ свой и глагола женѣ

Слово 258

Рассказывал нам о том же и тот же Дионисий-пресвитер, как однажды ходил старец по полю Сохусты, где и была его пещера. И, двигаясь, увидел огромного льва, навстречу идущего. А шел он очень узкой дорогой между двумя изгородями, ибо принято было у земледельцев огораживать свои поля, терновые кусты насаживая. Дорожка была настолько узкой, что лишь одному пешему, ничего не несущему, едва пройти, поскольку терновник сильно разросся и нельзя было разминуться при встрече, если кто-то проходил мимо. Когда же сблизились друг с другом старец и лев, старец отклонился на перекрестке, чтобы уступить льву: из-за узости дороги ни лев не мог пройти, ни разминуться им нельзя было. Увидев, что божий угодник хочет пройти и никак не желает возвращаться, лев, доверчиво на задние лапы став слева от старца и изгороди, тяжестью тела и силой образовал небольшой проход, безвредно праведному проделал дорогу. И так прошел старец, к задним ногам прикасаясь льва, а потом и лев, отойдя от изгороди, своим путем пошел.

Слово 266

На острове Самосе поведала нам боголюбивая и нищелюбивая Мария, мать кандидата Павла, говоря: «Когда была я в городе Ниесевии, жила там женщина-христианка, имевшая мужа язычника. Жили же они бедно, но было у них пятьдесят больших сребреников. Однажды сказал муж жене своей: „Отдадим сребреники эти займы, по крайней мере какую-то пользу получим от них. А если по одному их истратим, то не станет их вовсе“. Отвечая, та добрая женщина сказала ему: „Если велишь отдать их займы, передай их займы Богу христианскому“. Сказал ей муж: „Где же тот Бог христианский, чтобы дать ему займы?“ Ответила ему жена: „Я тебе покажу его; если же этому дашь ты займы, не только не потеряешь деньги, но с процентами тебе их вернет и капитал приумножит“. Он же попросил ее: „Пойди, покажи мне, и дам ему займы“. И она, взяв мужа своего, повела его в святую церковь. Есть же в церкви Ниесевийской пять огромных притворов; и как ввела его в притворы церковные, где огромные двери, показала ему нищих, промолвив: „Если этим отдашь, Бог христианский возьмет сие, ибо все они — божьи слуги“. И он тотчас с радостью подал пятьдесят сребреников убогим, и вернулись оба домой. Но через три месяца, как кончилась у них еда, сказал муж жене: „Сестра! Не желает ли Бог христианский вернуть нам что-нибудь из того долга?“ Отвечая, жена сказала ему: „Да! иди туда, где положил, и подаст он тебе с полным желанием“. Он же, торопясь, пришел в святую церковь и стал на месте, где отдал нищим сребреники; и, обойдя всю церковь, усомнился, не видя никого, кто хотел бы подать что-нибудь, одних лишь сидящих нищих. Но лишь снова подумал он про себя: „Кому сказать? с кого требовать?“, как увидел под ногами своими на мраморе один большой сребреник, из тех, что он роздал нищим. Наклонившись и взяв его, вернулся домой и

своей: „Ходихъ въ цръкъвъ вашу, вѣру же ми ими, жено, не видѣхъ, якоже ты ми рече, Богъ крестьяньска, и никтоже ми дасть ничьтоже, тѣчию сию сребръницу обрѣтохъ, лежащую ту, идеже азъ дахъ 50 сребръникъ”. Тогда рече ему чюдъная та жена: „Тѣ есть, иже невидимо тебѣ подасть, невидимъ бо есть и невидимою силою и рукою миръ строить. Нѣ иди, господи мой, купи намъ нѣчто, да ѣмы дньсь, и тѣ паки дасть тебѣ”. Онъ же шдѣ купи *имѣ* хлѣбы и вина и рыбы и принеся дасть женѣ своей. Она же възъмъши рыбу, начятъ ю омывати и, распоръши ю, обрѣте утрѣ въ ней камыкъ зѣло чюдънъ. Яко женѣ почюдити ся ему, тѣчию не вѣдающе, что есть, обаче съхрани и. Пришьдѣшю же мужю ея, ядущемъ имѣ, показа камыкъ, егоже обрѣте, глаголющи: „Се съ камень обрѣтохъ въ рыбѣ”. Онъ же, видѣвъ, чюди ся добротѣ его, не вѣдающе, что есть. Глагола ей *ядѣшемъ* имѣ: „Дажь ми, да продамъ и шдѣ, аще бо обрящу на немъ что възяти”. Не вѣдающе бо, якоже рѣхъ, что е невѣжа сы. Возъмъ же камыкъ, иде къ трапезьнику, еже есть сребропродавчи: „Хощеши ли купити камыкъ съ?” Видѣвъ же и сребропродавчи, глагола ему: „Что хощеши на немъ възяти?” Глагола ему продавая: „Дажь, еже хощеши”. Глагола ему онъ: „Возьми пять сребръникъ”. Продавая же, мнѣвъ, яко играетъ ему, глагола ему то: „Даси ли селико на немъ?” Сребропродавчий же сребро, мнѣвъ яко ругаетъся, тако отвѣщавъ, глагола ему: „То возьми 10 сребръницъ”. Продавая же мнѣвъ, паки имѣ луковати, умлѣча. Глагола сребропродавчи: „Возьми 20 сребръникъ на немъ”; онъ же млѣчаше, ничьсоже отвѣщавая, яко и до 30 и до четырьдесять и до 50 сребръникъ възиде сребропродавчий. Сии хотя дати, клянъше ся въ истину. Тогда продавая, пришьдѣ въ ся, помысливъ, яко аще бы сему не бы велика цѣна была, пятидесять сребръникъ не бы далъ на немъ. Начя же паче тяжьчити е, помалу же сребропродавчий възнося дасть ему до три сътъ сребръникъ великъ. И се възъмъ и камень давъ, приде къ женѣ, радуя ся. Она же, видѣвъши, рече ему: „На колицѣ прода?” — мнѣвъши, яко или на пяти, или на 10 мѣдъницъ продасть и. Онъ же изнесъ три съта сребръникъ великъ, дасть ей, реку: „На толицѣ продано бысть”. Она же челоуѣколюбивому Богу чюдивъши ся благости, глагола къ нему: „Вижь, мужю, Богъ кръстьяньскъ коль есть благъ, и благоразумливъ, и богатъ. Видиши ли, яко не тѣчию 50 сребръникъ, нѣ и лихву тебѣ далъ есть, въ заимъ ему давъшю, нѣ въ мало дньнъ шестерицю тебѣ дасть. Вѣжь же, яко нѣсть Бога иного на земли и небеси, нѣ тѣ единъ”. Вѣру же имѣ, симъ чюдесемъ и искушениемъ навикъ истинѣ бысть кръстьянинъ абие и прослави Христа Бога нашего съ Отцьмъ и Святымъ Духомъ, много хвала съмысльство своя жены, ею же бысть ему дано въ истину Бога познати».

Слово 270

Идохомъ въ Аскалонъ,* въ гостиницю отьць, и повѣда намъ авва Евъсевий прозвутерь, яко купецъ града сего, плувъ и погубивъ своя и чюжая,

сказал жене своей: „Ходил я в вашу церковь, поверь мне, жена, не видел я Бога христианского, как ты обещала, и никто мне не дал ничего, только этот сребреник нашел я лежащим там, где сам я роздал пятьдесят сребреников”. Тогда сказала ему та удивительная женщина: „Он есть тот, кто невидимо подал тебе, ибо невидим он и незримою силою и рукою мир созидает. А теперь иди, господин мой, купи нам что-нибудь, чтобы поесть сегодня; он же снова подаст тебе”. Тот же, пойдя, купил хлеба, и вина, и рыбы и, вернувшись, дал жене своей. А она, взяв рыбу, начала ее мыть и, вспоровши ее, нашла внутри рыбы камень, весьма удивительный. Жена лишь подивилась ему, не зная, что это, но сохранила его. Когда же вернулся ее муж, за едой показала она камень, который нашла, говоря: „Вот этот камень нашла я в рыбе”. И он, посмотрев, дивился его красоте, также не зная, что это. После того, как они поели, сказал он: „Дай мне, пойду продам его, может быть, и дадут за него что-нибудь”. Ибо не ведал, как я сказал, этот невежда, что это такое. Взяв камень, пошел он к меняле, который торговал и серебром: „Хочешь ли купить камень этот?” Увидев камень, торговец серебром сказал ему: „Что хочешь за него взять?” Ответил ему продающий: „Дай сколько хочешь”, и ответил ему меняла: „Возьми пять сребреников”. Продающий же, думая, что шутит он над ним, спросил: „Да дашь ли столько за камень?” Торговец же серебром, полагая, что тот так негодует, отвечая, сказал: „Ну, возьми десять сребреников”. Продающий же, решив, что снова над ним смеются, промолчал. Сказал торговец: „Возьми двадцать сребреников за него”; тот снова молчал, ничего не отвечая, пока и до тридцати, и до сорока, и до пятидесяти сребреников не поднял цену торговец серебром. Клялся он, что взаправду хочет так дать. Тогда продающий, придя в себя, подумал, что, если бы камню не была велика цена, пятидесяти сребреников за него бы не дали. Начал он снова наценивать камень и, постепенно цену все увеличивая, дал ему торговец триста больших сребреников. Взяв их и камень отдав, пришел тот к жене своей, радуясь. Она же, увидев это, спросила: „За сколько продал?” — думая, что или за пять, или за десять медных монет продал его. Он же вынул триста больших сребреников, отдал ей, сказав: „За столько продано было”. Та же, человеколюбивого Бога дивясь благодати, сказала мужу: „Видишь, муж, Бог христианский сколь благ, и благоразумен, и богат. Видишь ли, что не только пятьдесят сребреников, но с процентами дал тебе, взаймы ему давшему, в малый срок в шесть раз тебе воздал. Знай же, что нет Бога иного на небесах и на земле, но только этот один”. И принял он веру, этим чудом и опытом наученный истине, стал христианином тотчас же и прославил Христа Бога нашего с Отцом и Святым Духом, много похваляя мудрость своей жены, ибо благодаря ей дано было ему воистину Бога познать».

Слово 270

Пришли мы в Аскалон, в гостиницу при лавре, и поведал нам отец Евсевий, священник, как купец из этого города, пльвя, потерял и свое, и чужое,

самъ тѣчию спасенъ бысть. Пришьдъ же сѣмо, ятъ бысть отъ давшихъ въ заимъ ему, въсаженъ бысть въ тъмницу и разграбиша домъ ему. И въ нихъ же хожаше жена ему, она же отъ многа сътужения тѣснотою заповѣдъ възимааше, да понѣ хлѣбомъ питаетъ мужа. Сѣдящи же ей единою и ѣдуши съ мужьмъ въ тъмници, вниде великъ чьстьнъ мужъ — дати хотя благотворьство въсаженымъ, и, узрѣвъ свободну жену, съ своимъ мужьмъ сѣдящу, упаде ся на ню, бѣ бо красна зѣло. И възвѣсти ей тъмничникомъ. Она же съ радостию приде, мнящи любвь възяти, и поимъ ю одну, рече ей: «Что ти е и почто еси съде?» И повѣда ему все. Глагола ей: «Аще искуплю вы длѣгу, ляжеша ли съ мною въ сию нощь?» Въ истину красна и смысльная глагола ему: «Слышахъ, владыко, апостола, глаголюща, яко жена не владеть своимъ тѣлѣмъ, нѣ мужь. Пожида же, владыко, да въпрошу мужа моего, и, яко же рече, сѣтворю». И пришьдши, повѣда мужю все. Онъ же, плѣнъ сы разума и сьмотрения своей женѣ не вѣстьща ся, да бы избылъ тъмница, нѣ въздѣхнувъ, съ слъзами рече женѣ своей: «Иди, сестро, отрѣци ся челоуѣкови, и надѣвѣ ся Господи нашемъ Исусѣ Христѣ, яко не оставишь насъ до коньчины». И вѣставши отпусти челоуѣка рекши: «Рѣхъ мужю моему, то не рачи». Въ то же врѣмя бѣ земьникъ въ ту же тъмницу и прѣже *даия* купчя. И всея съблюдаше и слышаше жены и мужа, и въздѣхну, въ себѣ глагола: «Виждь, въ какой напасти сия еста, и свободы своя не продаста имѣния дѣля възяти и пушенома быти, нѣ съмысльство паче богатства избѣраста и о сей жизни не родиста. То что сѣтворю азъ, страстьны, иже николи же въ разумѣ своемъ помянувъ, яко аще Богъ, сего дѣля и разбою быхъ достоинъ». И призывавъ къ себѣ двѣрцами клѣтъца, идеже бѣ въсаженъ, глагола имъ: «Азъ разбойникъ есмь и разбою виненъ, и въ нѣ же часъ придетъ игемон, умерети имамъ, яко убийца. Видѣвъ же съмысльство ваю, сѣмѣрихъ ся. Нѣ идѣта на се мѣсто стѣны градская и, копавъша, възъмѣта имѣние, еже обрящета. Имата и по искупленни, и ино многа благословение, и молита за мя, да обрящу и азъ милость». И по дньнхъ пришьдъ игемонъ, повелѣ разбойника извести и заповѣда юскнюти его. И по единомъ дни глагола жена мужю: «Велиши ли, господи мой, да иду, яможе рече разбойникъ? Аще буде истиньствоваль?» Онъ же рече: «Яко ти годѣ». Она же, възъмѣши малу мотычицу вечеръ и, ставъши на мѣстѣ и копавъши, обрѣте грънць открьвенъ, и, възъмѣши, иде. И мудростию начьнъши помалу, малы даущи, яко отъ сего и отъ иного приемлуши, искупи ся и изведе мужа своего. И глаголаша повѣдавъ: «Виждь, якоже съхраниста си заповѣдъ Господа нашего Исуса Христа, — тако и съ увеличи милость свою на нею».

Слово 271

Повѣдаше намъ Афанасий, иже въ Зимархѣ антиохѣнинъ, глагола о аввѣ Врохатѣ егуптѣнинѣ, яко пришьдъшу ему отъ Егупта въ Селеукия, близъ Антиохия,* обрѣте вѣнѣ града мѣсто пусто, искаше себѣ сѣтворити малу

сам лишь спасен был. Вернувшись сюда, схвачен был займодавцами, посажен в темницу, а дом его был разграблен. И в темнице посещала его жена, которая, придя в большую печаль от нужды, испросила разрешения хотя бы хлебом кормить мужа. Сидела она однажды и ела с мужем в темнице, как вошел знатный вельможа, желавший оказать милости узникам, и, увидев свободную женщину, рядом с мужем сидящую, ею увлекся, ибо была она очень красива. И позвал ее через тюремщика. Она же с радостью пришла, думая получить милость, но, оставив ее одну, сказал ей вельможа: «Кто ты и почему здесь?» И поведала ему все. Он предложил: «Если выкуплю ваш долг, ляжешь ли со мною в эту ночь?» Воистину красивая и мудрая ответила ему: «Слышала я, господин, апостол говорил, что жена не владеет своим телом, но муж. Подожди здесь, господин, спрошу я мужа своего и, как он скажет, сделаю». И, вернувшись, рассказала все мужу. Он же, полный рассудительности и заботы о своей жене, не заторопился, чтобы покинуть темницу, но, вздохнув, сказал жене своей: «Иди, сестра, откажи человеку, будем надеяться на Господа нашего Иисуса Христа, не оставит нас до конца». И, вернувшись, отпустила она человека, сказав: «Говорила я это мужу моему, но не согласился он». Тогда же посажен был в ту же темницу разбойник, еще до ареста купца. И все наблюдал он, и слышал жену и мужа, и вздохнул про себя, говоря: «Смотри, в какой беде эти двое, но и свободы своей не отдают за богатство, чтобы, взяв его, откупиться, предпочитая благоразумие, и за жизнь свою не тревожатся. Что же сделаю я, несчастный, никогда и не вспомнивший, что существует Бог — почему и разбойником стал?!» И подозвал их к себе, позванивая дверцами решетки, за которую посажен был, и сказал им обоим: «Я разбойник и виновен в разбое; сейчас придет начальник, и умру я как убийца. Увидев же благоразумие ваше, смирился я. Так идите на эту сторону городской стены и, выкопав, возьмите сокровище, какое найдете. Хватит и на выкуп, и на другое доброе дело, молитесь и за меня, пусть и я получу прощение». Через несколько дней пришел начальник, велел разбойника вывести и приказал отрубить ему голову. Еще через день сказала жена мужу: «Прикажешь ли, господин мой, идти, куда указал разбойник? Может быть, он и правду сказал». Тот же ответил: «Если тебе угодно». Она же, вечером взяв небольшую мотыгу и став на указанном месте, копая, отыскала спрятанный горшок и, взявши, ушла. Хитроумно начав с малого, давая понемногу, как будто получала от того и иного, выкупила и освободила мужа своего. И добавил рассказчик: «Видишь: сохранили те двое заповедь Господа нашего Иисуса Христа — и преумножил он милость свою на них».

Слово 271

Поведал нам Афанасий, по рождению антиохиянин, говоря об отце Врохате, египтянине, что, когда пришел тот из Египта в Селевкию близ Антиохии, нашел вне города место пустынное и хотел себе построить маленькую

клѣтьцю. И създавъ, не имяше чимъ покрыти ея. И вълѣзь одиноу въ градъ, обрѣте Анатолия, ему же имя грѣбаваго дѣлателя суша, селеуки и антиохи, вѣнѣ дому своего сѣдяща. И пришьдѣ къ нему, глагола ему: «Сътвори любвь, владыко, дажъ ми мало дръвце, да покрью клѣтьцю мою». Онъ же вельми съгнѣва ся, глагола ему: «Се дръво, възми — и иди», — показавъ ему велико древо, еже имѣ прѣдъ домоу своимъ лежаще, еже творяше кораблю на потрѣбу пяти тѣмъ. Глагола ему авва: «Благослови и *възьму* же». Глагола ему Анатолий паки, кручиньствуя: «Благословенъ Бог». Онъ же, възмѣ дръво и възложивъ на плещи свои, иде въ клѣтьцю свою. И чудивъ ся о прѣславнѣмъ чудеси Анатолий, дарова ему толико дръво въ потрѣбу, емуже и хотяше. Отъ него же не тѣчию реченую клѣтьцю покрь, но ина мѣногая же въ монастыри сътвори отъ него дѣла.

Слово 284

Повѣдаше нѣкто отъ отць, яко нѣкогда каменникъ, егоже наричють кавидарнонъ, имы камень мѣногоцѣннѣ и бисерьъ, възиде въ корабль съ отроки своими, хотя ити на куплю. Прилучи же ся по сѣмотрению възлюбити отрока нѣкого корабльника, иже творяше ему службу и почиваше. И съ отъ него яды, отъ нихъже ѣдеше. Въ единъ же дѣнь слышитъ отроки шьпѣчюща, утвѣрдивъшемъ се, да врьгутъ кавидара въ море камения дѣля многоцѣннаго. Абие же отроку съ мѣногомъ уныниемъ по обычаю сътворити ему службу, глагола ему: «Чѣто унылъ еси дѣньсь, дѣтищю?» Онъ же потай реку: «Ничѣтоже». Паки же въпрашаше его, глаголя: «Въ истину рѣци ми, чѣто ти есть?» Тѣгда ражъже ся плачѣмъ и глагола ему, яко: «Тако съвѣтъ сътвориша корабльници на тя». Глагола ему, опасно отвѣща *ему* тако: «Утвѣрдиша ся о тебѣ». Тогда призѣва отроки своя и рече имъ: «Еже вы реку сътворите безъ лѣности и безъ размышления нѣкого». Тогда простѣреть поняву и начатъ глаголати имъ: «Принесѣте музикия», — и принесоша. И отврѣзь, начя распростирати камения, и егда положиша вься, начя тако глаголати: «Се ли е животь? сихъ ли дѣля бѣду приемлю въ мори и стражю, и по семь умираю, ничѣсоже възмѣ съ собою отъ мира сего?» И глагола отрокомъ своимъ: «Исыплѣте вься въ море». И чудиша ся корабльници, и разиде ся съвѣтъ ихъ.

келью. Построив же, не знал, чем покрыть ее. Однажды вошел он в город и встретил Анатолия, так звали селевкийца и антиохийца, гробовщика, который сидел возле дома своего. И, подойдя к нему, сказал: «Сделай милость, господин, дай мне маленькое деревце, чтобы покрыть мою келью». Тот же очень разгневался и крикнул: «Вот дерево, бери — и иди», указав на огромное дерево, перед домом его лежащее, достаточное, чтобы построить корабль для пятидесяти тысяч. Ответил ему святой отец: «Благослови, и возьму». Снова крикнул ему Анатолий язвительно: «Благословен Бог!» Тот же, взяв дерево и возложив на плечи свои, пошел к себе в келью. И дивился преславному чуду Анатолий, подарил ему то дерево на нужды, какие были. Он тем деревом не только помянутую келью покрыл, но и многое другое для монастыря устроил таким поступком.

Слово 284

Поведал некий святой отец, как некогда каменщик, называемый гранильщиком, с драгоценным камнем и бисером взошел на корабль с помощниками своими, собираясь торговать. Случилось же, по предначертанию, что сдружился он с неким слугой корабельщика, который прислуживал ему и отдыхал с ним. И от гранильщика тот кормился, от того, что он ел (сам). Однажды слышит слуга, как шепчутся помощники корабельщика, решившие сбросить гранильщика в море из-за драгоценных камней. И так как в тот день, как обычно исполняя свои обязанности, слуга выглядел очень унылым, то спросил его гранильщик: «Что ты печален сегодня, сын мой?» Тот же тихонько ответил: «Ничего». Снова спросил гранильщик, говоря: «Правду скажи мне, что с тобой?» Тогда разразился он плачем и сказал ему: «Такой заговор устроили корабельщики на тебя». Когда переспросил гранильщик, осторожно ответил ему: «Так решились поступить с тобою». Тогда призвал гранильщик слуг своих и сказал им: «Что скажу вам, исполните быстро и без рассуждения всякого». Расстелил он полотно и приказал им: «Принесите ларцы», — и принесли. И, раскрыв их, начал раскладывать камения, а разложив все, произнес: «Это ли — жизнь? их ли ради несчастье приму я в море и пострадаю, а потом и умру, ничего не взяв с собою из этого мира?» И сказал своим слугам: «Высыпьте все в море!» И дивились корабельщики, и разрушился заговор их.

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

СИА КНИГА ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО И БЛАЖЕНЬНАГО ОТЦА НАШЕГО АНДРѢА УРОДИВАГО ХРИСТА РАДИ И ИЖЕ ВЪ СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНІА ПАТРИАРХА КОСТЯНТИНА ГРАДА

Слово пръвое. Како сътворися ему уродъство

Жизнь Богу угодну и житъе непорочно мужа добронрава, о возлюблени, хотящю ми исповѣдати, приклоните себе, молюся вамъ, на послушание сихъ. Есть бо си повѣсть якоже *медвену нѣкаку воню* каплющи, масть сладку и велми дивну. Тѣмже уготовитесь всею душею на се насыщение, да болми и азъ самъ подвигнуся на начатъе повѣсти сея и положю пред вами духовныя доблести сего мужа. Есть же слово сего начатъя сице.

При цсарьствѣ христолюбца цсаря Лва Великого* бѣ нѣкто мужъ в Костянтини градѣ именовемъ Феогность, иже бѣ протоспафаревымъ саномъ* почтенъ от благовѣрнаго цсаря, егоже по семь воеводу створи на вѣсточныхъ странахъ.*

Се же мужъ многу челядь бѣ имѣя, послѣди же купи и ины многы, в нихже бѣаше и съ, иже ныня поминаемъ бываетъ нашимъ смиренъемъ. Бѣаше же родомъ словѣнинъ.*

Егдаже господинъ его купи сего и съ прочими, се бѣаше младѣи всѣхъ плотнымъ взоромъ и красенъ велми, яко смилитися ему у господина своего велми и прѣд нимъ ему служити орудья требльшая. Абие же вда его, да ся научить святымъ книгамъ, еще грѣчки молвити не разумѣющю.

Трѣзвъ же сыи отрокъ умою своимъ, въскорѣ изучися Псалтыри и числомъ и всему, еликоже учитель его веляше ему, якоже дивитися учителю его скорому его ученью. Не мнящю никомуже, якоже словѣнинъ есть личнаго взора дѣля и душевнаго разума, и плотныя дѣля силы, и доброты дѣля писания его.

Сего дѣля и господин его в нотаревомъ мѣсто нача его водити на всяку потребну службу. Съ всимъ прилежаниемъ и тщаниемъ кончава я, яко милу ему быти господину своему и госпожи своен и от всихъ сущихъ в дому ихъ.

Многы же чти творяше ему Феогность и *даяше ему* от портъ своихъ, в нихже самъ хожаше, видя его всимъ сердцемъ прилежаста на имѣние его, яко видяше его молѣвляху, яко: «Рабъ в лѣпшихъ портѣхъ господина своего ходить».

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

ЭТА КНИГА — О ЖИТИИ И ЖИЗНИ СВЯТОГО И
БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ, ХРИСТА РАДИ
ЮРОДИВОГО, И СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИЯ,
ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Слово первое. Как он стал юродивым

О жизни богоугодной и непорочном житии добронравного мужа, дорогие мои, хочу я вам поведать, и потому прошу вас выслушать мой рассказ со вниманием. Ибо повесть эта как бы источает медвяное благоухание, сладкий и дивный елей. Поэтому приготовьтесь всей душой насладиться ею, и это еще более подвигнет меня приступить к началу этой повести и открыть перед вами духовное величие этого мужа. Вот начало рассказа о нем.

В царствование христоролюбивого императора Льва Великого жил в Константинополе некий муж по имени Феогност, которому благоверный император пожаловал титул протоспафария и назначил предводителем восточных областей.

Муж сей, имевший многочисленную челядь, купил после этого еще много новых рабов, среди которых был и тот, о ком мы теперь смиренно ведем рассказ. Был он родом славянин.

Когда господин купил его вместе с остальными, он был по виду моложе всех и весьма красив, поэтому господин пожалел его и решил взять его в личное услужение. Тотчас отдал он его, не умевшего еще говорить по-гречески, учиться Святому писанию.

Благодаря ясному уму отрок вскоре обучился Псалтири и счету и всему, чему учил его учитель, так что учитель дивился быстроте его успехов. Никто не предполагал в нем славянина, ибо был он пригож лицом, наделен духовным разумом, физической силой и умел красиво писать.

Поэтому господин стал поручать ему выполнение секретарских обязанностей. Он выполнял эту работу со всем прилежанием и тщательностью, за что был любим господином и госпожой и всеми домочадцами.

Феогност оказывал ему большую честь и одаривал своими одеждами, ибо видел, как усердно тот заботится о его имени, так что видевшие его говаривали: «Раб одет лучше своего господина».

Часто же хожаше по церквамъ и любляше прочитати богодуховнѣныя книги, боле же святыхъ мучения и жизни святыхъ отецъ, яко горѣти сердцю его на тѣхъ упованье, на подобие ихъ въставлятися. Особѣ бо вложи собѣ начало добраго житья. Тацѣмъ образомъ Богу нача работати.

Въ едину бо нощь вѣставъ одра своего, да ся помолить, по подобью рекшому: «Полунощи вѣстаяхъ исповѣдаться Тебѣ».* Завидив же неприязнивыи дѣмонъ добрууму начатю его, пришедъ, нача бити въ двери храмины тоя, в неуже уныи прибываше. Оужасъ же ся от страха, остася молитвы и скоро на одрѣ възлегъ, покрыся козичиною своею.* Се же видивъ Сотона, рад бысть и рече, яко к нѣкому подобну себѣ: «Видиши ли сего? Доселѣ тоштетину ялъ,* а уже строятся и съ на ны». И се рекъ, ищезе.

От страха же того усну *твердо блаженни*. Види въ снѣ, яко бѣаше нѣгдѣ на позорищи.* Да бѣше на единой странѣ множество ефиопъ много,* а на друзѣи странѣ множество в бѣлахъ ризахъ и инѣхъ святыхъ мужъ. Бѣаше же межю обою страну рѣць нѣкака о уристанѣи и о борении. Ефиопи бо, черна нѣкого велми велика имѣюще, прошаху у сбора бѣлоризецъ,* нѣ ли никогоже, иже ся бы уристалъ любо брался с чернымъ *симѣ*. Никтоже бо, глаголаху, нигдѣже не може ся ему противити, борѣшюся ему съ мнозими. Бѣаше бо тысящникъ несятаго легеона Сотонина.

Да якоже онѣ началѣ бѣаху хвалитися тако, и блаженому ту стоящю и послушающю, а бѣлоризцемъ не умѣющемъ что отвѣщати, единъ нѣкто уноша велми красенъ слѣзе от горних, в руцѣ держа 3 вѣнца. Да единъ бѣаше украшенъ златомъ чистомъ и каменемъ чѣстнымъ, а вторыи жемцюгомъ великымъ драгымъ блискающимся, а 3-и велми болѣи обою от всякого цвѣта чървьлена и бѣла и от вѣтвия Божия рая исплетена, неувядаемъ николиже. Таку же воню имѣаху, якоже умъ чловецьскъ не можетъ нарещи.

Се же види Андрѣи, тужаше и торзашеся, кацѣмъ образомъ бы възмоглъ взяти понѣ единъ от вѣнецъ тѣхъ. И приступивъ к тому, иже то бѣаше видиниемъ уноша, рече ему: «Тако ти Христа. Продаеши ли я? Аче бо любо не могу купити ихъ, но аче мало пождеши мене, шедъ, повѣдъ господину своему, да вдасть ти злата, елико хоцещи».

Рече ему уноша, улыскаяся лицемъ: «Ими ми вѣру, възлюблене, яко аще ми принесеши любо и всего сего мира злато, не вдам ти от сего цвѣта ни единого, ни тебе, ни иному никомуже, ни мнимому твоему господину. Не бо суть суетнаго сего мира, якоже ты *мниши*, нѣ си суть от скровищъ прѣнебесныхъ вѣнци Христови, имиже ся вѣнчавають иже черныя оны избивають. Аще ли хоцещи не единого токмо взяти, нѣ и вся три, да шедъ борися съ ефиопомъ онѣмъ чернымъ. Да аще ему удолѣеши, не едины си, нѣ ины, елико хоцещи, крашься сихъ възмеши у мене».

Он часто ходил по церквам и любил читать священные книги, особенно мучения святых и жития святых отцов, и сердце его горело желанием уподобиться им. И в душе он решил начать праведную жизнь. Таким образом стал служить Богу.

Однажды ночью он встал с постели помолиться, следуя сказавшему: «В полночь встал я исповедаться Тебе». Ненавидя его доброе побуждение, злобный Дьявол, придя, начал громко стучать в двери дома, где находился юноша. Сильно испугавшись, юноша прервал молитву и поспешно лег в постель и укрылся своей козичиной. Увидев это, Сатана возрадовался и сказал как бы своему собрату: «Посмотри на этого. Недавно еще тощую похлебку ел, а туда же готовится бороться с нами». И сказав это, исчез.

После такого испуга блаженный крепко уснул. Во сне он увидел, будто находится словно в каком-то театре. И на одной стороне было огромное множество эфиопов, а на другой стороне — множество белоризцев и других святых мужей. И между обеими сторонами идет спор о состязании в беге и борьбе. Эфиопы, имея на своей стороне некоего черного великана, вопрошают у собравшихся белоризцев, нет ли среди них такого, который состязался бы в беге или вступил в единоборство с этим черным. Ибо, говорили они, он со многими боролся и никто и нигде не может ему противостоять. Ибо это был тысяцкий несытого сатанинского легиона.

И пока они так похвалялись, и блаженный там стоял и слушал, а белоризцы не знали, что отвечать, спустился с высоты прекрасный юноша, держа в руке три венца. Один из них был украшен чистым золотом и драгоценными камнями, а второй сиял крупным дорогим жемчугом, а третий, самый большой, был сплетен из всевозможных красных и белых цветов и неувядающих ветвей Божьего рая. Они испускали такое благоухание, что ум человеческий не в состоянии выразить.

Видя это, Андрей стал тужить и терзаться, как бы ему заполучить хотя бы один из этих венцов. И, подойдя к тому, который был в обличье юноши, сказал ему: «Христа ради, продаешь ли их? Если я не смогу их купить, подожди немного, я схожу к моему господину, и он даст тебе столько золота, сколько пожелаешь».

Юноша ответил ему с улыбкой: «Поверь мне, дорогой мой, что если даже ты принесешь мне золото всего мира, я не отдам тебе ни единого из этих цветков — ни тебе, ни кому другому, ни твоему мнимому господину. Ибо эти венцы не принадлежат этому суетному миру, как тебе кажется, это венцы Христовы из небесных сокровищниц, которыми венчаются те, кто побеждает этих черных. И если ты хочешь получить не один только, но все три, то иди и борись с этим черным эфиопом. И если победишь его, то не только эти, но и другие, лучше этих, какие только пожелаешь, получишь от меня».

Се слышавъ Андрѣи, о словесѣ семь дерзновение взя и рече ему: «Вѣру ими ми, яко створю, елико ми еси реклъ. Толико научи мя клюкамъ его».

И рече к нему уноша: «А ты не вѣси ли клюкъ его? Не ефиопъ ли суть, грознѣ и страшивѣ, немощни? Да не плашися страшнаго его величества и взора. Яко же бо зелье гнило, тако и тои естъ изгниль и немощень».

Сими же словесы укрѣпивъ унаго, примъ его красныи онъ уноша, яко творяся братися с нимъ хотя, учаще его, како ся бы ему противити ефиопу. И рече ему въ ухо: «Егда ты возмет и начнет вертѣти тобою, се бо вѣдъ азъ, нъ ты не мози ся ужаснути, нъ запни ему и узриши славу Божию».

И изииде же абѣ блаженни, да ся бореть, и рече великымъ гласомъ: «Иди сѣмо, учѣрнене,* да ся боревѣ оба». Пришед же ефиопъ, дыша и грозяся, *въсхыти* Андрѣа, и нача имъ вѣртѣти на многы часы. И начаша ефиопи плескати, а бѣлоризци поблѣдѣша, мняху бо яко ударить имъ черныи о землю, да ему и оци искочита. Вертим же около Андрѣи, и стрясеся, запя ему ногою. И летящю таковому дѣмону, улучися лбу его на камени и абие нача въпити.

Радость же велика и плесканье велико нача быти бѣлоризцемъ. И въсхытиша праведника на высоту руками своими, възнака начаша его лобызати, мажуще муромъ духовнымъ. Тогда же чернѣи онъ разидошася вси с великомъ студомъ. А красныи онъ уноша вда ему чѣстныя вѣнца и лобзавѣ его рече: «Иди с добромъ. Отселѣ уже нашъ еси другъ и брат. Теци уже добрыи подвигъ, нагъ буди и похабъ мене дѣля и многа добра причастникъ будеши въ день цѣсарства моего».

Си слышавъ, блаженни от великого того сна убудися и нача дивитися о бывшихъ ему, мнози суци вонѣ въ устѣхъ его; воняше и лице его яко Божия воня невидимо.

Заутра же приде ко мнѣ недостоинному и, дерзнувъ, исповѣда ми бывшее видинье свое. Да подивихся, слышавъ, видинью его. Свѣщახовѣ же ся оба и судиховѣ, да ся прѣтворитъ нынѣ вмѣсто яко бѣшенъ естъ, неистовъ ся дѣеть рекшаго дѣля к нему: «Буди похабъ мене дѣля и многа добра причастника ты сѣтворю въ день цѣсарства моего».

Инако бо не можаше улѣсти плотнаго своего господина, якоже неудобъ естъ никомуже пустити хлапа своего, да будетъ свободень, паче же на Божие дѣло, дьяволу възъбраняющю завистью сему.*

Въ другую же ночь полунощи вѣставъ, помолися и кончавъ молитву, возьмъ ножъ, иде къ кладязю, иже бѣаше близъ ложница господина своего. И съвлекъ со себе ризу, в неуже самъ хожаше, нача ю дробити на платы. И якоже бѣшенъ ся дѣя, словеса нѣкая мутна нача молвити съ *гласомъ* беставномъ, якоже неистовѣи дѣють.

Убудив же ся господинъ его, дивитися нача бывшему, паче же полунощи. Розмысли же в себе, яко духъ кладязьныи пришедъ, надохнулъ естъ, егоже обрѣтъ прѣдъ собою, да обрѣлъ естъ сего. Умолча же до заутрѣя.

Услышав это, Андрей воодушевился и сказал ему: «Поверь мне, что я сделаю, как ты сказал. Только научи меня его уловкам».

И говорит ему юноша: «А ты разве не знаком с его уловками? Ведь грозные и страшные эфиопы немощны. Не бойся же его огромного роста и страшного вида. Он, как гнилое растение, гнил и немощен».

Укрепив такими словами молодца, прекрасный юноша обхватил его, как бы намереваясь бороться с ним, и стал учить, как ему противостоять эфиопу. И сказал ему на ухо: «Когда он схватит тебя и начнет тебя кружить — ибо я знаю это — ты не бойся, а зацепи его ногу — и узришь славу Божию».

И тотчас вышел блаженный на борьбу и крикнул громким голосом: «Иди сюда, черномазый, поборемся с тобой!» Эфиоп подошел, грозно сопя и хрипя, схватил Андрея и начал его кружить и кружил долго. И стали эфиопы хлопать в ладоши, а белоризцы побледнели, думая, что сейчас ударит его черный о землю, так что у него глаза выскочат. Андрей же, кружась вокруг эфиопа, изловчившись, зацепил его ногу. И демон, падая, ударился лбом о камень и стал вопить.

Обрадовались и захопали в ладоши белоризцы. И, подняв праведника на руки, стали целовать его лицо, умащая его духовным елеем. Тогда все черные разошлись посрамленные. А прекрасный юноша отдал ему честные венцы и, поцеловав его, сказал: «Иди с добром. Отныне ты наш друг и брат. Устремись на добрый подвиг, наг будь и юродив меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Услышав это, блаженный пробудился от глубокого этого сна и подивился случившемуся с ним, потому что на губах своих он ощущал благовония; и лицо его благоухало как бы божественным благоуханием, (источник которого был) невидим.

Наутро он пришел ко мне недостойному и, решившись, рассказал мне о бывшем ему видении. И, выслушав его, я подивился его видению. Посовещавшись, мы решили, что ему нужно отныне преобразиться и представиться умалишенным и бесноватым ради того, который сказал ему: «Будь юродивым меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Иначе он не мог бы уйти от своего земного господина, ибо никому не хочется отпускать своего холопа на волю, тем более на Божье дело, ибо дьявол ревностно старается помешать этому.

На другую ночь, поднявшись в полночь, Андрей помолился и, окончив молитву, взял нож и пошел к колодцу, который был возле спальни его хозяина. И сняв с себя одежду, которая была на нем, начал ее резать на куски. И притворяясь бесноватым, стал произносить бессвязные речи и бессмысленно бормотать, как делают умалишенные.

Хозяин его, проснувшись, подивился всему этому, тем более, что была полночь. Но поразмыслив, решил что это колодезный дух вылез из колодца и дохнул на первого встречного, и им оказался Андрей. И он промолчал до утра.

И противу свѣту иде поварь почретъ воды и видивъ бывшее Андриови, удивися. Остав же ся водоноса, шедъ, повѣда господину своему, поющую заутренюю. Се же слышавъ господинъ его, дивляшеся, яко Андрѣи, рече, неистов ся дѣя, сѣдитъ на устьи кладязя, порты своя роздравъ. Сниде же съ женою своею и со всимъ домою своимъ и видивше его несмысляща, плакашася немало и бишася, мняще, яко право демонъ се ему есть створилъ, да несмыслить. Господинъ же его велми печаленъ бывъ о напасти сеи и ничтоже не могъ ему помочи, повелъ вести его въ церковь святыя мученица Анастасия,* юже есть създадеъ благовѣрныи Левъ Мясникъ,* и ужи желѣзны привязати его тамо, пославъ и сребреникъ голѣмо служѣ церковному на сего потребу и угодие.

Чресъ день же весь праведникъ творяся несмысленъ, словеса глаголаше, якоже похабъ. В ту же ночь плакатися нача на сердци своемъ, кланяся, моляся мученици Христовѣ, дабы ся ему явила, а аче есть достоинъ, дабы его утѣшила, аще угодно есть начатъе, еже есть почаль.

Вмалъ же тому плачу и молитвѣ преставшю, види и се: 5 женъ очивѣсть придоша ту, и единъ нѣкто старецъ славою многою славимъ прѣдъ тѣми хожаше. Ходяще же хожаху по болемъ, лежащих ту единого по единому посячающе. Минувше же прочая, придоша и к тому, да прѣже старецъ ста, а от него святыя оны жены. Зряше на нь старѣць онъ беспрестани оцима, сладко нѣчто улыснуса к нему, нѣчто добро о немъ промышляя. Рече же к женѣ пятѣи къ свѣтлѣишии, играя: «Госпоже Анастасѣе, не лѣкуеши ли ничтоже сдѣ?»

Рече ему она: «Господи учителю, инъ есть лѣковаль, да нѣ ему надоби никтоже. Иже бо ему есть реклъ се, яко: „Да будеши похабъ мене дѣля и многа добра владыка будеши въ день цсарства моего“. Да то есть лѣковаль, да нѣ ему трѣбѣ ициленъе. Уже бо реместву емуже ся есть научилъ и не остася его до послѣдняго своего дыханья, и будетъ Богу съсудъ избранъ, избранъ и святъ и възлюбленъ Духомъ».

Рече старецъ: «И азъ, госпоже, вѣдѣлъ есмь, нѣ играя к тебе молвилъ есмь тако».

Се же глаголаше, зрящю Андрѣю, вдаше ему миръ, дну въ церковь внидоша кланяния дѣля. Оттолъ же никогоже от тѣхъ не види ни вышедша, ни шведша, даже нача клепати в било слуга. Оудивив же ся преподобникъ видинимъ от его, прослави Бога и святую мученицю похвали, яже ускори на моление его.

Сдѣвъ же день тои весь въ ужи, не вкуси ничеогоже, нѣ блядивая словеса молѣвляше сѣдя. Ноши же наставши, уже оному бдящю до полуноши и по обычаю молитвы и моленья отаи в таинѣмъ храмѣ сердца своего Богу и святѣи мученици приносящю, приде к нему очивѣсть дьяволъ съ многы бѣсы, держай секиру, а они друзѣи ножи, друзѣи дрѣво и колье и меца и копья, друзѣи же ношаху ужа. Тысящникъ бо бѣаше дѣмоня полку, да сего дѣля мнози бѣси бѣаху пришли по немъ, да побияють блаженаго.

На рассвете повар пошел набрать воды и, увидев случившееся с Андреем, удивился. Оставив ведро, он пошел и рассказал хозяину, певшему на заутрени. Услышав это, хозяин удивился, что Андрей, как сказал (повар), впал в безумие и, разодрав одежды, сидит на колодезном устье. Он вышел с женой и всеми домочадцами, и, увидев его в безумии, они горько плакали и сокрушались, думая, что он вправду стал жертвой нечистого духа. Господин его был весьма опечален этой напастью и, не зная, чем ему помочь, велел отвести его в церковь святой мученицы Анастасии, которую построил благоверный Лев Мясник, и там посадить его в оковы, и послал много сребреников церковному служителю на его содержание и кормление.

Весь день напролет праведник представлялся безумным и разговаривал, как юродивый. А ночью он заплакал от всего сердца, кланяясь и молясь мученице Христовой, чтобы она явилась ему и, если он достоин, чтобы сказала ему, угоден ли начатый им подвиг.

Когда он перестал плакать и молиться, он вскоре увидел, как в видимом образе пришли пять жен и с ними впереди почтенный старец. Они стали обходить лежавших там больных, посещая одного за другим. Пройдя всех, подошли и к Андрею, сначала остановился старец, а рядом с ним святые жены. Пристально глядя на него, старец ласково улыбнулся ему, что-то доброе замышляя. И сказал, как бы в шутку, обращаясь к пятой жене, которая сияла ярче всех: «Госпожа Анастасия, что же ты здесь не врачуешь?»

Она отвечала ему: «Господин учитель, здесь другой врачевал, и никто больше ему не нужен. Ибо тот сказал ему: „Будь юродивым меня ради и много добра стяжаешь в день царствия моего“. И после такого врача он не нуждается в исцелении. Он уже научился этому ремеслу и не оставит его до последнего своего дыхания, и будет сосуд богонизбранный, святой и возлюбленный Духом».

Старец произнес: «Я знал это, госпожа, и лишь шутя спросил тебя».

Так они говорили в присутствии Андрея, потом, оставив его с миром, они вошли внутрь церкви поклониться. И после этого он не видел никого из них ни выходящими, ни входящими, пока не застучал в било служитель. Пораженный увиденным, преподобный восславил Бога и поблагодарил святую мученицу за то, что она поспешила на его молитву.

Целый день он просидел в оковах, не принимая пищи и произнося непотребные слова. Когда же настала ночь и он, дождавшись полуночи, по обыкновению, стал молиться в тайном храме своего сердца, вознося молитвы и мольбы Богу и святой мученице, пришел к нему во плоти дьявол со множеством бесов, держа секиру, а бесы несли ножи, дубины, колья, мечи, копья и цепи. Это был тысяцкий демонского войска, и потому многие бесы пришли с ним, чтобы погубить блаженного.

Рикати же нача издалеча изъгнилыи старецъ, тѣмъ бо образомъ ся *блжше* явилъ, якоже старый синецъ, и потече на святаго, хотя убити его секирою, яже ношаше в руку. И вси дѣмонъ сушеи с нимъ потекоша, зарѣзати его хотящѣ. Он же съ слезами руцѣ въздѣвъ, къ Господу въпияше, глаголя: «Не предаи же звѣремъ душа моя исповѣдающюся тебе!» И се рекъ: «Святый Иоанне апостоле Богослове, помози ми!»

И абие громъ бысть, яко свыше, и голка людии много. И се старецъ нѣкто великама очима, *взсъклоненъ мало, лице имѣя* солнца свѣтлѣе, и множество много с нимъ. И рече к сущимъ со собою съ яростию: «Затворите врата, да не убѣжить никтоже». Си же болѣ онѣхъ суще, се твориша въскорѣ. Да якоже изымани быша вси тѣ, рече единъ от черныхъ къ другу своему отаи: «Горе часу сему, в онже мы ся прельстихомъ. Иоаннъ бо лють есть, да злѣ ны хочеть мучити».

Повелѣ же честныи онъ старецъ своимъ, да сняша желѣзное уже съ шия Андрѣовы. И ста внѣ вратъ и рече къ своимъ: «Ведите ми я по единому». Приведоша же и ростягоша по земли. И возьмъ апостоль уже желѣзное, прѣгну натрои, вда ему ранъ 100. И вопияше же яко чловѣкъ: «Помилиу мя!»

По семь паки протягоша другаго дѣмона, и бѣнь бы и тѣ тако же.

Слыша же блаженны Андрѣи, еже въпияху «Помилиу насъ!», хотя любо не хотя нача ся смѣяти. Мняше бо ся Андреови, яко же и чловѣци, ефиопи изымани быша, да тепуть я явѣ. Протягоша же и третьяго, да и тѣ толико же притерпѣ. Богъ бо бияше нелжею ранами, имиже родъ тѣхъ оскорбляется. По ряду же бивше всихъ, биюще, повѣдаху биенымъ и пущенымъ: «Шедше, покажите себе отцю своему Сотонѣ, любо ли ему се будетъ».

Да якоже разидоша, вси бѣлоризыци они ищезнуша. Красныи же онъ старецъ приде къ рабу Божию и, възложивъ уже на выю его, рече к нему играя: «Видиши ли, како ти ся есмь уранилъ на помощь твою. Велми бо ся пеку тобою, мене бо наряди Богъ, повелѣвъ ми, да промышляю, яже ты на спасение твое приводятъ удобная, пекыися всегда и подая тебе. Да притерпи, да будеши о всемъ искушенъ. Недалече бо ти будетъ, и пущенъ будеши и ходити начнеши по своей воли, кдѣ же будетъ годѣ очима твоима».

Рече Андрѣи: «Господи мои, а ты кто еси? Не вѣдъ бо, кто ты еси».

Он же рече: «Азъ есмь иже възлеже на честныя и животворящая пѣрси Господа нашего Исуса Христа». * И се рекъ, якоже въ молнию себе прѣтворивъ, из очию его отииде.

Блаженныи же Андрѣи дивляшеся и велми Божию милость славляше, яко тако по всему словеси и орудью помощникъ ему бысть и како его избави от темныхъ духъ, встающихъ на него. И молѣвляше в тайнѣ: «Господи Исусе Христе, велика и неизвѣдома есть сила твоя и боле естества суть милосердия твоя, яко мене смиреннаго милуеши и печешися мною, да мнѣ ся дивно творить

И еще издалека зарычал гнилой старец (ибо он явился в образе старого черта) и бросился на святого, намереваясь убить его секирой, которую держал в руках. И все демоны, которые были с ним, бросились на него, желая его зарезать. Он же воздел руки и со слезами возопил к Господу: «Не предай зверям душу мою, верующую в тебя!» И еще сказал: «Святой апостол Иоанн Богослов, помоги мне!»

И тотчас раздался гром, словно в небесах, и крики многих людей. И явился старец с большими глазами, слегка возлысый, с лицом, сияющим светлее солнца, и с ним многочисленная свита. И грозно сказал он пришедшим с ним: «Затворите врата, чтобы никто не убежал». И те, которых было больше, чем бесов, немедленно исполнили это. И когда все бесы были пойманы, один из них тайком сказал другому: «Будь проклят тот час, когда мы соблазнили на это дело. Ибо Иоанн суров и намерен тяжело покарать нас».

Честной старец приказал своим спутникам снять железную цепь с шеи Андрея. И, выйдя за церковные врата, произнес: «Ведите мне их по одному». И привели первого и распростерли на земле. И апостол, взяв железную цепь, сложил ее втрое и ударил его раз сто. И вопил бес, словно человек: «Помилуй меня!»

Потом распростерли на земле другого демона, и тот был так же бит.

Слыша, как они вопят «Помилуй нас!», Андрей невольно начал смеяться. Ему казалось, что эфиопы, как люди, пойманы и их по-настоящему избивают. Распростерли и третьего, и тот столько же претерпел. Ибо Бог наносил им нешуточные удары, чувствительные для их естества. Избивая их всех по очереди, бьющие говорили избитым и отпущенным: «Идите и покажитесь отцу своему Сатане, любо ли ему это будет?»

И когда те разошлись, исчезли и все белоризцы. Благообразный же старец пришел к рабу Божию и, возложив оковы на его шею, сказал, шутя: «Видишь, как я поспешил к тебе на помощь. Ибо я весьма пекусь о тебе, потому что Бог повелел мне опекать тебя и заботиться о том, что более всего служит твоему спасению. Претерпи это, и будешь во всем искушен. Ибо вскоре наступит час, когда ты будешь отпущен и сможешь ходить свободно, где тебе заблагорассудится».

Андрей спросил: «Кто ты, мой господин? Я тебе не знаю».

Старец ответил: «Я тот, кто возлежал на честной и животворящей перси Господа нашего Иисуса Христа». И сказав это, исчез из виду, словно превратившись в молнию.

Дивился блаженный Андрей и горячо прославлял милость Бога, помогающего ему в словах и делах, избавившего его от нечистой силы, ополчившейся против него. И молвил про себя: «Господи Иисусе Христе, велика и непостижима сила твоя и безгранично милосердие твое, коль ты ко мне смиренному благоволишь и заботишься обо мне, являя мне дивное чудо. Сохрани и далее меня

и велми чюдно. Да и еще съхрани мя по истѣнѣ твоеи и створи мя достойна обрѣсти благодѣть у тебе. Вышнѣи, великая сила, страшныи, не оставляи насъ».

Се же ему молящюся, наста ночь, и мало поспавъ, види въ снѣ, яко бѣаше в полатахъ цъсаревахъ. Сущю же ему тамо, призва его цъсарь полать тѣхъ к себе. Пришедшю же ему и ставшю пред нимъ, и рече к нему цъсарь: «Хощеши ли ми работати всею душею и створю тя, да будеши ты единъ от славныхъ в полатѣ моеи?» Рече Андрѣи: «Кто ся можетъ отричати добраго? Азь бо и велми хотѣлъ быхъ орудью сему».

Рече цъсарь: «Да аще хощеши, да прими моя работы снѣдъ». Да словомъ вда ему нѣчто, яко и снѣгъ. И се возьмъ, снѣде. Бѣаше же сладко, якоже сласти умъ чловѣць приложити не можетъ ни к чему же. Нѣ бѣаше его мало, и се снѣдѣ, нача ся молити в себе, да быша далъ ему и еще от того же. Молвьляше бо, яко «егда се ядыхъ, мнѣхъ, яко въ муро Божие приложилася есть сласть си».

И паки вда ему, якоже се есть *кидонатъ** кусъ малъ. И рече к нему: «Възми и яжь». И возьмъ, снѣ. Бѣаше люто и горко, велми боле пелына, да яко гнуситися нача ему и она сладкая добрая снѣдъ.

Видив же цъсарь съгнушившася его тако, рече к нему: «Видѣ ли, како не може притищати горкаго вкушения того свершеннаго моего служения разумѣти? Снѣдѣ вдах ти, та бо есть узкыи и оскорбленыи путь, водяи хотящая внити въ врата цъсарства моего».

Рече блаженныи: «Горко есть орудье се, владыко. Да кто се можетъ ясти, а тобѣ работая?»

Рече цъсарь: «Да горкое разумѣлъ еси, а *сладкому нѣси ли разумѣлъ?* Нѣсмь ли ти вдалъ и първое сладкое и потомъ горкое?»

Рече онъ: «Тако, владыко. *Но* о горцѣмъ единемъ реклъ еси рабу своему, яко се есть скорбѣнаго пути образъ».

Рече цъсарь: «Ни, нѣ посредѣ сладкаго и горкаго есть путь. Да в горцѣмъ показано ти есть вкушенье страстемъ и болѣзнемъ, яже ти есть прияти мене дѣля, а въ сладцѣмъ и добрѣишимъ бываетъ хладъ и покои и утѣшенье стражующимъ мене дѣля. Отъ моя благодѣти да нѣ горкое едино присно, ни сладкое по единому образу, нѣ другиоци се, а другиоци оно, другъ друга прогоняща. Да аче хощеши, вѣвѣчай ми ся, да быхъ вѣдѣлъ».

Рече Андрѣи: «Даи ми паки ясти того же, да видивъ, повѣдѣ ти». Он же паки вда ему горкое, потомъ сладкое. Степе же ся болми горкымъ тѣмъ вкушеньемъ, рече: «Не могу азь работати тебе сиче ядыи. Орудье бо се горко есть и тяжко».

Цъсарь же улыснувся, выня ис пазухы своя *нѣчто узрачье*, еже бѣаше видиниемъ, яко огонь, и вельми добрѣ воняи и цвѣтомъ одѣно образомъ. И рече ему: «Възьми и яжь, да забудеши все, елико еси видилъ и слышалъ». Онъ же возьмъ, снѣ да на многы часы от сласти тоя и от великыя радости и от многыя

на пути истины твоей и сделай меня достойным обрести твою благодать. Вышний, великая сила, грозный, не оставляй нас».

Пока он молился, настала ночь, и задремав, увидел он себя во сне в царских палатах. Когда он там находился, позвал его царь к себе. И когда он пришел и стал перед ним, спросил его царь: «Хочешь ли ты всей душой работать для меня, и я сделаю тебя одним из почитаемых в моих палатах?» Андрей ответил: «Кто же отказывается от блага? Я бы очень хотел этого».

Сказал царь: «Если хочешь, прими пищу моего служения». И с этими словами он подал ему нечто похожее на снег. Взяв, Андрей съел ее. Было так сладко, что подобной сласти ум человеческий не в состоянии сравнить ни с чем. Но ее было мало, и съев, Андрей стал про себя молить, чтобы ему дали еще того же. «Ибо, — говорил он, — когда я ел, мне казалось, что с миром Божиим сравнима эта сласть».

И опять дал ему небольшой кусок чего-то, похожего на кидонат. И сказал ему: «Возьми и съешь». Андрей, взяв, съел. Это было жгучее и горькое, горьче полыни, так что ему стала противна и предыдущая сладкая добрая снедь.

Царь, видя его отвращение, сказал ему: «Видишь, как не смог ты воспринять этого горького вкушения, означающего служение мне? Пища, которую я тебе дал, — это узкий и скорбный путь, ведущий тех, кто хочет войти во врата царства моего».

Блаженный сказал: «Горька эта пища, владыка. Кто же способен вкушать ее и служить тебе?»

Отвечал царь: «Смысл горького ты понял, а сладкого понял ли? Не дал ли я тебе сначала сладкое, и потом горькое?»

Сказал он: «Да, владыка. Но только о горьком сказал ты рабу твоему, что это образ скорбного пути».

Сказал царь: «Нет, путь лежит посередине между сладким и горьким. И в горьком воплощено вкушение мучений и страданий, которые тебе предстоит принять ради меня, а в сладком и лучшем обретается прохлада, покой и утешение страждущим меня ради. От моей благодати не исходит одно только горькое или одно только сладкое, но порой одно, порой другое, перемежаясь и чередуясь. И если ты желаешь трудиться для меня, скажи мне, чтобы я знал».

Сказал Андрей: «Дай мне еще раз отведать того же, я попробую и скажу». И он опять дал ему горькое, а потом сладкое. Страдая от горечи, Андрей сказал: «Не могу я служить тебе, питаюсь этим. Пища эта горька и тяжела».

Царь улыбнулся и вынул из пазухи своей нечто другое, с виду словно огонь, источающее благоухание и украшенное цветами. И сказал ему: «Возьми, съешь и забудешь все, что видел и слышал». Он же, взяв, вкусил и простоял долго в забытьи от этой сладости и от огромной радости и от великого

воня и славы стояше забывся. На свои же умъ паки нашедъ, паде на ногу великаго цъсаря того и моляшеся ему, глаголя: «Помилуй мя, владыко добрый, и не отрини мене отсель от работы твоея. Яко разумѣхъ поистинѣ, яко велми сладокъ есть путь службы твоея, да кромѣ тоя не поклоню шия своя никомуже».

Рече ему онъ: «Сему ли вкушению ся еси удивиль? Вѣру ми ими, яко в добрыхъ, сушихъ у мене, се есть хуже всего. Нѣ аще мене покоиши, все мое твое будетъ и створю тя друга собѣ и причастишися святаго цъсарства моего и наслѣдникъ мои будеши». Се рекъ к нему, яко се его послалъ бѣаше нѣгдѣ на орудье. И абие убудися.

Се же все блаженны съблюдаше въ сердци своемъ и дивляшеся, глаголя: «Что се хочеть быти?»

Пребывшю же ему въ церкви святаыя Анастасия до 4-и мѣсяць, видивши церковныя слугы, яко не можеть ицилѣти, нѣ пуше ся ему дѣть, и възвѣстиша о немъ къ господину его. Слышав же се Феогность, остався его, яко безумна и бѣшена, и повелѣ отрѣшивше пустити его, да сидеть. Отрѣшивше же его церковници, пустиша. Видивъ же блаженны, яко все, еже на сердцѣ имѣаше, сбывается ему, прослави Бога, створившаго, да ся сбудеть воля его.

Начало жития его

Ристати же оттолѣ нача и играти по улицамъ по образу дрѣвле бывшю похабу Смеона* оного дивнаго (...) и прѣхожаше день весь ни ѣдъ, ни посѣдѣвъ нигдѣже. Вечеру же наставшю, егда ему бѣаше любо, не спавше, нѣ хожаше по улицамъ граднымъ, молитвы дѣя на сердцѣ, всю ночь бдя пребываше, а заутра почиваше; егда же ли ся ему не хотяше ходити в нощи, да съглядаше по улицамъ мѣста, кдѣ же пси лежать, да тамо шедъ, единого от нихъ прогнавъ, лежаше, яко на одрѣ почивая, нагъ, лишень, неимовитъ, ни рогозины имѣя, ни сукна, ни власяницъ или платъ понѣ малъ отруаянъ. Се едино суконце, еже преже реченое, в немже хожаше, то имяше за все.

Заутра же паки вѣстая, на сердцѣ своемъ к себѣ тако глаголаше: «Се, лишена боголиши Андрею, всю ночь пьсь съ пси наспалъся еси по простору. Да идемъ паки дѣлатъ, яко приближается смерть. И никтоже бо тебе да не прельститъ, яко въ тѣ час можеть ти помощи кто любо. Всякъ бо человекъ *трудъ плода* своего снѣсть въ время исхода жизни сея. Да уже потечемъ, лишене, съ трудомъ, укаряемъ от человекъ в мирѣ семь, да хвалу и славу примемъ от небеснаго цъсаря и Бога».

Се глаголя, тшашеся честныи человекъ, по велицѣмъ апостолѣ Павлѣ, на прѣдняя спѣвати, а задняя забывати.* Зряще на нь человекъ глаголаху: «Се нова бѣшенина». Друзѣи же глаголаху, яко: «Земля си николиже бесъ салоса нѣсть». Да друзѣи пхачу его и по шии бяхуть его и слинами лице его кропляху, гнушающеся.

благоухания и славы. А придя в себя, упал в ноги великому царю тому и взмолился со словами: «Помилуй меня, владыка добрый, и не отвергни отныне меня от служения тебе. Ибо уразумел я воистину, что весьма сладок путь твоего служения, и вне его не поклоню своей головы ни перед кем».

И тот ответил ему: «Это ли вкушение тебя удивило? Поверь мне, что среди моего добра это наименьшее. Но если ты меня успокоишь, все мое твое будет и ты будешь мне другом и причастишься святого царства моего и наследник мой будешь». И сказав это, словно на подвиг его послал. И тотчас Андрей пробудился.

Все это блаженный сохранил в своем сердце и дивился, говоря: «Что бы это могло быть?»

По истечении четырех месяцев его пребывания в церкви святой Анастасии, церковные слуги, видя, что он не выздоравливает, но, напротив, ему становится хуже, сообщили о нем его господину. Услышав это, Феогност отказался от него, как от безумного и бесноватого, и велел, сняв с него оковы, отпустить на свободу. И сняв с него оковы, церковные служители отпустили его. Видя, что задуманное им сбывается, Андрей прославил Бога, устроившего так, чтобы сбылась воля его.

Начало жития его

С того времени он начал бегать и резвиться на улицах, следуя примеру своего предшественника Симеона Юродивого (...) и бродил целый день без еды и без отдыха. Когда же наступал вечер, он либо не спал, если ему было не угодно спать, а ходил по городским улицам и в душе молился и так всю ночь бодрствовал, а наутро почивал; либо, когда ему не было угодно ходить в ночи, искал на улице место, где лежат собаки, и прогнав пса, ложился на его место и почивал, словно на постели, — наг, убог, нищ, не имея ни рогожи, ни платья, ни власяницы или хотя бы куска материи. Вместо всего этого имел он на себе, как прежде было сказано, единственное суконце, в нем и ходил.

Вставая утром, он говорил себе: «Ну вот, презренный юродивый Андрей, наспался пес с псами всю ночь на приволье. Пойдем дальше работать, ибо приближается смерть. И пусть никто не соблазнит тебя, ибо в час смерти никто тебе не поможет. Ибо каждый человек плод своего труда принимает в час исхода этой жизни. Пойдем же поскорее, несчастный, поругаемый людьми в этом мире, и удостоимся похвалы и славы у небесного Царя и Бога».

Говоря это, стремился честный человек, по слову великого апостола Павла, простираться вперед, забывая заднее. Смотря на него, люди говорили: «Вот новый бесноватый». Другие говорили: «Не стоит земля без юродивого». А иные толкали его и в шею били, и с презрением плевали в лицо.

Терпя же все се, алченъ, жадая пити, зимою умирая, зноемъ угараемъ и все зло терпя, пребываше непобѣдимъ. Молитву же толку приялъ бѣаше в таинѣмъ храмѣ сердца своего, якоже шепту устенъ его далече и-звѣнѣти. Яко же бо котель безмѣрнымъ кипѣнемъ възмутився, пару *густу* износить, тако и тому исхожаше из устъ пара Святого Духа, якоже зряще на него друзѣи глаголаху, яко: «Дѣмонъ, иже в немъ живеть, от того пара си износится». А друзѣи глаголаху: «Ни, нѣ сердце его нетища неприязниваго духа, тако дышетъ». Нѣ се не тако бѣаше, нѣ молитва бѣаше бес прѣстанка богоугодна, яже си являше. Тѣмже невѣгласии, якоже древле прѣмѣнение языкъ пьянствомъ мнѣху, тако и сдѣ о славнѣмъ семь помышляху.

О блудницах

Въ едину же близъ блудныхъ храмъ* мимоидяше играя. Едина от блудницъ, яко се богилишь видивши, я его за скуть лихого сукна, в немже хожаше, и въвлече его дну. Истинный же посмихатель сотонинъ, ослабивъ, вниде с нею. И якоже вниде въ храмину, събрашася о немъ и прочая блудница и смѣющася ему, въпрашаху его: «Како ся створило есть тебе се?» Праведникъ же толико усмихашеся, не отвѣщая ничегоже. Пихающе его, веляху ему нудма скверненное дѣло блудное створити, таинныя его уды гнетуще. Другыя же лобызающе цѣломудраго, искушаху, на срамъ зовуще. Другыя глаголаху: «Бляди с нами, похабе, и насыти духовънюю си похоть».

Чудо бо дивно бѣаше видити, еже о немъ. В толици скоктаньи, елико ему створиша, никакоже подвигнуги или въсхотѣти смердящему недугу тому не могоша его навести.

Приложивъше же ся, тако глаголаху: «Любо мертвъ есть, любо ли дрѣво есть, да не чюется, любо ли камень неподвижимъ. Колико бо его нудихомъ на похоть и не могохомъ ничтоже створити ему».

Рече едина от нихъ: «Дивлюся безумью вашему, яко клюдите тако. Боголишь бо и бѣшенъ, алченъ и зимень, не имѣя главы подѣклонити, чимъ хочеть имѣти таку похоть? Да останитеся его, да шедъ, творить безумье».

Видяше же праведникъ блуднаго дѣмона ту стояща посреде блудницъ. Бѣаше видинимъ, яко синецъ, уснатъ, власа не имѣя на главѣ, нѣ гнои конескъ, смѣшенъ с пепеломъ. А оци его бѣсте, якоже и лисици, и лиха прота платъ лежаше на плещю его. Смирадъ же исхожаше из него изгнана гноя, якоже от горка смрада его нетища блаженни нача плевати часто и портомъ своимъ зая нось свои.

Видя же его скарѣды онъ дѣмонъ отгрѣбающаяся блуда, ненстовъ ся дѣяше и глас испусти тако: «Мене, рече, человекѣи имѣють, якоже сладокъ медъ на сердци своемъ, а сеи, иже ся ругаетъ ходя всему миру, брѣзгая мною, плюеть на мя. Да ты добра дѣля не створилс еси похабомъ, но любо ли отлѣсти хотя симъ образомъ плотныя работы».

Терпеливо снося все это, голодный, жаждущий, умирая от холода, опалемый зноем и терпя обиды, он оставался неуязвимым. И такую молитву носил он в тайном храме сердца своего, что, когда он шептал ее, она была далеко слышна. И как из бурлящего котла при бурном кипении исходит густой пар, так и из его уст исходил пар Святого Духа, так что некоторые видевшие его говорили: «Это сидящий в нем демон, это он извергает этот пар». А другие говорили: «Нет, это сердце его, гневаясь от присутствия бесовского духа, так дышит». Но это было не так, это являла себя непрестанная богоугодная молитва. Так что, как раньше несведующие считали пьяным всякого говорящего на другом языке, так и здесь об этом славном думали.

О блудницах

Однажды он проходил, играя, мимо блудилища. Одна из блудниц, видя юродивого, схватила его за край ветхой одежды, которая была на нем, и втащила его внутрь. Истинный насмешник над Сатаной уступил и вошел вместе с ней. И когда вошел в блудилище, вокруг него собрались и другие блудницы и, потешаясь над ним, спрашивали: «Как это тебя угораздило?» Праведник же только усмехался, ничего не отвечая. Толкая его, они пытались заставить его сотворить скверный блуд, лаская тайные его уды. Иные, лобзая, искушали целомудренного, стремясь склонить к сраму. Другие говорили: «Соблуди с нами, юродивый, и насыти свою духовную похоть».

Но дивное чудо явил он. Ввергая его в столь сильный соблазн, они нисколько не смогли подвинуть его к желанию смердящего этого недуга.

Тогда они оставили свои намерения со словами: «Либо он мертвец, либо бревно бесчувственное, либо камень лежачий: сколько ни распяем мы его на похоть, ничего у нас не выходит».

Одна из них сказала: «Удивляюсь я вашему неразумию и возмущению. Он ведь юродив и бесноват, голоден и холоден, и негде ему голову приклонить — откуда взяться у него похоти? Оставьте его, пусть себе безумствует».

Праведник же увидел блудного беса, стоящего среди блудниц, внешне он был похож на эфиопа, губаст, на голове вместо волос конский навоз, смешанный с золой. А глаза его были словно лисьи; ветхое тряпье покрывало его плечи. И исходил от него такой зловонный запах нечистот, что, не выдержав этого тяжкого смрада, блаженный начал часто плевать и закрыл одеждой свой нос.

Видя, что Андрей гнушается блуда, разъярился блудный бес и завопил: «Люди меня лелеют, словно мед сладкий, на сердце своем, а этот глумится над всем миром, брезгуя мною, плюет на меня. Да сам ты благой ли цели ради стал юродивым, а не для того ли, чтобы таким образом уклониться от земных трудов?»

Блажении же видяше его явѣ, блудница же глас его слышаху, а не видяху никогже. Съдя же средѣ ихъ, смияшеся смраду его и нелѣпотѣ его. Видяше же оны смѣхъ его, глаголаху: «Видите ли, како ся смѣеть с демономъ своимъ?» Едина же от нихъ рече: «Добра есть одежда его. Да вземше у него, продадимъ, да ны будетъ пити днесъ». Абие же вѣставша, съвлекоша его и поставиша его нага, а одежду продаша на сребреници и роздѣлше по двѣма чатамъ.

Рече старѣишия другимъ: «Не пустимъ его нага, нѣ владимъ ему понѣ рогозину ветху». Принесоша же рогозину и прорѣзавше средю ея, възложиша на шью его въ мѣсто одежда и тако его изгнаша изъ храма.

И шедъ же на улицу вне и нача ристати играя. Зрящеи же глаголаху, смѣющеся ему: «Добръ подѣкладъ лежитъ на твоємъ ослѣ, похабе». Он же глаголаше: «Право, похабе, в добрѣ рюи хожю. Патрика* бо мя есть створилъ Владыка».

Нѣцѣи же *христолюбци* даяху чаты по волѣ, а не по прошенью. Христось бо печашеся имъ. И елико же ему кто вдаяше, примаше. Другоици бо и двадесять чать днемъ взимаше, любо 3-десять и боле. Нѣ углядаше мѣсто таино, кдѣ же будяше сборъ нищихъ, да идяше к нимъ, носяи чаты в руцѣхъ, творяся играяи, да быша не разумѣлѣ дѣла его, съдѣ, начняше играти чатами. Да егда кто от нищихъ, деръзнувъ, всхыщаше у него, пхняше его пястью. Се же видивше прочѣи нишии мѣстити хотяще друга своего, поидяху на нѣ с батогы. Вину же обрѣтъ бѣганье, повѣргъ же чатѣ, побѣгнаше от нихъ. Они же к тому начняху грабити цаты его.

Видиние богатаго умерша

Паки же ходящю ему на духовное свое дѣло и мало нѣколко прѣиде, да узри издалеча мертвеца несома противу себѣ. Бѣаше же мужъ добрѣ, велми богатъ.

Множество же много идяше по немъ. Глас же бѣаше слышати велми великъ поющихъ съ многими свѣщами и кадиломъ. Голка же и въплъ великъ исхожаше от своихъ ему.

Видив же святець, что ся дѣяше надъ мертвымъ, да ста и нечюти себе нача на многы часы. Узри и се, прѣдъ свѣщами множество ефиопъ дѣмонъ* идяше, болми пѣвецъ въпиюще: «Горе ему, горе ему». Все же, еже тамо кажаху, яко мотыла смердаху, и якоже мѣхы держаше в руку, известъ и попелъ сыпаху по единому. Идущю множеству тому пляшущемъ и смѣющимся бе-студа, якоже бестудныя блудница, да другоици лаяху, якоже пси, а другоици въпияху, якоже свинья. Да бѣаше имъ мерътвецъ онъ веселье и радость. Да друзѣи около одра его идяху, гноимъ и скалушьною водою лице мертваго кропяще, а друзии по вѣтри лѣтающе, около одра лѣтаху.

Блаженный видел его наяву, блудницы же только голос беса слышали, но никого не видели. Сидя среди них, блаженный смеялся над зловонным и безобразным бесом. Увидев, что он смеется, они сказали: «Поглядите, как он со своим демоном смеется». А одна из них сказала: «У него хорошая одежда. Давайте возьмем ее и продадим, и у нас будет сегодня питье». Быстро поднявшись, они раздели его, оставив нагим, а одежду продали за сребреники и разделили, каждой досталось по два медяка.

Старшая сказала остальным: «Давайте не отпустим его нагим, а дадим ему хотя бы ветхую рогожу». Принесли рогожу и, сделав прорезь в середине ее, возложили на шею его вместо одежды и прогнали его из дома.

И выйдя на улицу, он начал бегать, юродствуя. Видевшие его, смеясь над ним, говорили: «Хорошая попона лежит на твоём осле, юродивый». Он же отвечал: «Воистину это вы юродивые, я ношу добрую одежду. Ибо Господин мой сделал меня патриkiem».

Некоторые христороубцы сами давали ему медяки, хотя он не просил. Ибо Христос заботился о нем. И сколько бы ему ни давали, он принимал. Иногда приходилось до двадцати, иной раз тридцать и более медяков в день. И высматривал укромное место, где собирались нищие, и шел к ним с медяками в руках, притворяясь блаженным, чтобы они не разгадали его замысла, и, присев, начинал играть медяками. И когда кто-нибудь из нищих пытался отнять их у него, он давал ему затрещину. Видя это, остальные нищие шли на него с палками, желая отомстить за товарища. Используя это как повод для бегства, бросив медяки, он убегал от них. Тогда они присваивали себе его медяки.

Видение богатого покойника

Однажды, когда Андрей шел на духовное свое дело, отойдя немного, он увидел вдалеке, как навстречу ему несут покойника. Это был знатный, очень богатый человек.

Великое множество народа шло за гробом. Слышалось громкое пение идущих со многими свечами и кадильницами. Стенания и громкие вопли испускали его близкие.

Видя, что происходит над покойником, святой остановился и на долгое время впал в забытие. И увидел: перед свечами идет множество черных демонов, кричащих, заглушая певцов: «Горе ему! Горе ему!» И все, что они кадили, смердело нечистотами, и они несли какие-то мешки и рассыпали попеременно пепел и золу. И все это множество, приплясывая на ходу и нагло смеясь, подобно бесстыжим блудницам, то лаяло по-собачьи, то по-свински визжало. И был для них мертвец предметом веселья и радости. И одни из них шли рядом с телом, кропя лицо покойника нечистотами и навозной жижей, а другие, летая по воздуху, вились около одра.

Великъ же смрадъ исхожаше изо одра того и ис тѣла того грѣшнаго, якоже се кыдающе и скалушу и мотыла истлѣвша и смердяща кромѣ кыдають. Да друзѣи пѣсья мотыла и масло морьскаго пса и съ инѣми смрады кладяху на лице его, друзѣи же въслѣдъ идуще плясаху, плещюще рукама, а ногама тѣпѣтъ великъ творяще, смѣющеся и ругающеся невидимо поющимъ и глаголюще: «Не даи вы Богъ видити ни единому васъ свѣта, лишенѣи хрестяни, поюще надъ псомъ „съ святыми си покои душу его“, нъ и раба Божия наричающе его, сущаго повиньна всему дѣлу злomu».

И есть страшное видинье святаго. Възрѣ, и се: князь нечистыхъ дѣмонъ, имѣя оци, яко диковы, и страхъ творяща зрящему на него, держаше же и огнь в руцѣ свои и сѣру, и смолу и идяше къ гробу лишенаго оного, охриту створити тѣло его и огнемъ съжещи, еже и по погребенью створися.

Паки же минувшю мерѣтвецю, смотри, видивъ и се: въслѣдъ идяше нѣкыи уноша красенъ плачася, печалью одержимъ. Плакашеся плачемъ великомъ, мимо же идьи близъ бысть святаго.

Он же мнѣвъ, яко по праву уноша есть нѣкыи и близокъ есть умершаго, да сего дѣля плачется, да яко забывъ по Бозѣ таинаго дѣла, простеръ руку свою, имѣ плачющагося уношу, моляся, рече ему: «Тако ти Бога небеси и землѣ, кая ти вина есть, еяже дѣля слезы такы тоциши, плачася? Нѣсмъ бо видиль николиже никогоже тако ся плачюща о мертвѣцѣ, да повѣжъ ми, молю ти ся, почто се тако твориши?»

Рече к нему ангелъ: «Моего плача вина си есть, яко оного, егоже оно несутъ, егоже еси видиль, взялъ его есть дьяволь себѣ. То есть вина моего плача и печали, да погубивъ его, плачюся».

Рече к нему святыи: «Повѣжъ ми, друже мои милыи, разумѣхъ бо, кто ты еси, что суть былѣ грѣси его?»

Рече к нему ангелъ: «Понеже еси, Аньдрѣа, и ты самъ избранни Божии, разумѣхъ, да понеже достоинъ ти увѣдити, внимаи и да услышиши. Ныня бо твоя доброта красныя твоя душа чиста и льщиться, да якоже злато чисто узрѣвъ, понѣ мало утѣшихся от печали моея. Се же великъ мужъ бѣаше у цсаря, бѣаше же грѣшенъ чловѣкъ и лють велми въ своемъ житѣи. По всему бѣаше же блудникъ и прѣлюбодѣи и съ отроки лѣгаше, лестивъ и немилосердѣ, буи и гордѣ и сребролюбецъ, и лживъ и чловѣконенавистникъ, памятивъ злу и мздоимецъ, и ротникъ, убогую свою челядь моря гладомъ и ранами, и наготою, бес портъ и безъ обуви оставляя ихъ въ дни зимныя, многы жь обоимъ убивъ и подъ коньскыи помость покопаль. Такъ же бѣаше на скарѣдое и огнемъ пожжено мужелѣганье отроцие и скопче и Богомъ ненавидиму похоть, яко осквернилъ есть до триста душъ мерзкымъ симъ и скарѣдымъ грѣхымъ. Да уже, друже мои о Господи, приде на него жатва, да пришедши смерть, обрѣте его не покаявшася, неизъглаголаны и многы грѣхы имѣюща, а скверненное его тѣло

Нестерпимый смрад исходил из одра и от тела того грешника, как бывает, когда выгребают отхожие места и расплескивают вокруг навозную жижу и раскидывают смрадные нечистоты. И иные клали на его лицо собачий кал и жир морского пса и прочие зловония, другие же, идя следом, плясали, хлопая в ладоши и ужасно топая ногами, смеясь и издеваясь невидимо над поющими, и приговаривая: «Не дай Бог и никому из вас видеть свет, жалкие христиане, поющие над псом „со святыми упокой душу его” и называющие рабом Божиим того, который чинил всякое зло».

И вот страшное видение святого. Взглянул он и видит: князь нечистых бесов с разъяренным взглядом, наводящим ужас на смотрящих, держа в руках своих огонь, серу и смолу, идет к гробу того несчастного, чтобы опозорить его тело и сжечь огнем, что и произошло по погребению.

И когда покойника проносили мимо, взглянул Андрей и увидел: вослед идет красивый юноша и плачет, одержимый печалью. И рыдая, проходит мимо святого.

Полагая, что он и вправду юноша и (один) из родственников умершего, потому и плачет так, и словно забыв про тайные дела Господа, он протянул свою руку и, коснувшись плачущего юноши, обратился к нему со словами: «Заклинаю тебя Богом неба и земли, в чем причина твоего плача и почему ты такие слезы льешь? Никогда мне не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так плакал по мертвецу; скажи мне, пожалуйста, почему ты это делаешь?»

Отвечал ему ангел: «Причина моего плача в том, что того, кого сейчас хоронят, кого ты видел, дьявол взял себе. Он и есть причина моего плача и печали, и потеряв его, плачу».

Сказал ему святой: «Скажи мне, друг мой милый — ибо я понял, кто ты — каковы были его грехи?»

И ответил ему ангел: «Поскольку ты, Андрей, и сам Божий избранник и поскольку тебе позволено это знать, внемли и услышь. Ибо ныне твоя прекрасная душа чиста и светла, и я, словно чистое золото увидев, немного утешился в своей печали. Это был знатный муж у императора, но был он при жизни грешник и очень злой человек. Во всем он был блудник и прелюбодей и мужеложец, коварен и немилосерден, кичлив и гордец, и сребролюбец, и лжив, и человеконенавистлив, злопамятен и мздоимец, и клятвопреступник, бедных своих слуг морил голодом, и побоями, и наготой, оставляя их без одежды и без обуви в холодные дни; многих же, палкой забив, закопал в конюшне. И так распаялся он гнусной и богопротивной похотью к отрокам и скопцам, что осквернил до трехсот душ этим мерзким и отвратительным грехом. Но вот, друг мой в Господе, пришла на него жатва, и смерть, придя, застала его без покаяния, погрязшего во многих неопикуемых грехах, а скверное его тело, ты сам видел, с каким бесчестьем несут к могиле. И потому, о святая душа, и я тужу и в

самъ еси видилъ, кацѣмъ бесчестиемъ несомъ есть къ гробу. Да сего дѣля, о святая душе, и азъ самъ тужю и печалью великою одержимъ, плачюся, понеже, возлюблене мои, дѣмономъ есмь смѣхъ, смраду скарѣду храмина».

О повѣсти ангеловъ

Се Божию ангелу глаголющу, рече к нему святыи: «Молю ти ся, друже, да примеша добру утѣху. Понеже неприязнену кончину приялъ есть, да якоже ся есть потщаль на лихая, такоже да ся ихъ насытитъ. Ты же, пламянообразне, вели похоти исполнене, и о имени Господа Саваофа вседержителя будеша одержимъ в добрая отсель и въ вѣкы».

В такой же бесѣдѣ отиде от него ангель невидимо. Идущю же по улицы, на неже съ аныгломъ повѣсти дѣяше святыи, и видяше единого стояще и повѣсти дѣюща, ангела бо не видяху, недостойни суще, да глаголаху къ себѣ сами: «Зрите на боголишь ону, како ся глумить, къ стѣнѣ повѣсти дѣя, несмысля». Ринувше же его и отгоняше, глаголаху: «Что то есть, похабе, надшене, еже стоя бесѣды дѣяше къ стѣнѣ?»

Святыи же си словеса слышавъ, еже ти блядаху, помродавъ и молча. И посмиявъся невѣдѣнью ихъ, отиде от нихъ и шедъ на покровно мѣсто, умолча.

Молитва святого за умершаго

И помянувъ лишена оного, егоже бѣ видилъ несомъ къ гробу, и плакася горко, донелѣже немощи нача, якоже от многа плача опухлѣ ему бѣаста и оцѣ. Глаголаше же сию молитву къ Господу, плачася: «Неизвѣдомыи и покровныи и страшень Богъ Отець, творецъ и Господь, свѣршителъ бесконѣчныхъ вѣкъ и изобрѣтель *всякои* премудрости и художеству. Нерасудимое рожене, влелѣши святыя славы, подобныи и единочестныи Отцю *и възлюбленому твоему и вседержителю Духу*, родивыися исперва от великаго ума, всегда бывая на лонѣ родившюму тя, единыи неприкосновенѣи Троицѣ и по вочеловѣчении твоемъ. Молю ти ся, избави оного лишенаго тѣло от поругания смолнаго и сѣры, приклони утробу свою святую къ молитвѣ худаго твоего раба. Понеже скверная его душа избавленья не имѣеть, смерть бо уже заградила есть еже о немъ, да молю ти ся прося понѣ тѣло его дабы ся избавило от студа того, дабы не отинудъ веселитися наченъ о немъ, глубныи змѣи* проклятыи пожерлъ душу его и с тѣломъ и оскорбится святое твое имя».

Се святому молившюся, Божие просвѣщене бысть о немъ. Въ ужаста бивъ, себе види пришедша на гробъ лишена того. И се, сниде ангель Господень, яко скоро молния, держа палицу пламяну в руцѣ свои и прогоняше нечистыя духы, сущая тамо. И ишезоша, и прѣста от трыжнення тѣло, да не згорить смолюю и сѣрою.

Се видивъ святыи, благодѣтъ възда Богу, ускорившему на молитву его.

великой печали плачу, ибо, возлюбленный мой, я стал посмешищем демонам и вместилищем гнусного смрада».

О рассказе ангела

Когда ангел закончил, святой сказал ему: «Прошу тебя, друг мой, успокойся. Он заслужил скверную кончину: он стремился ко злу и теперь насытился им. Ты же, огнеподобный, исполненный услады, во имя Господа Саваофа вседержителя будешь пребывать во благе отныне и во веки».

После этих слов ангел невидимо улетел. Прохожие, шедшие по улице, на которой святой разговаривал с ангелом, и видя, что он стоит и разговаривает сам с собой — ибо ангела они не видели, будучи недостойны — говорили друг другу: «Взгляните на этого юродивого, как он дурачится, бессмысленно разговаривая со стеной». И толкая его и отгоняя, говорили: «Что это ты вздумал, дурак, бесноватый, стоишь и со стеной разговариваешь?»

Святой же, слыша, что они болтают, улыбнулся и ничего не сказал. И посмеявшись их неведению, отошел от них и, придя в укромное место, предался молчанию.

Молитва святого за умершего

И вспомнив о том несчастном, которого несли к могиле, стал горько плакать, пока не изнемог и глаза у него не опухли от долгого плача. И в слезах он произносил такую молитву к Господу: «Неисповедимый и невидимый и страшный Бог Отец, творец и владыка, создатель бесконечных веков и начало всякой мудрости и знания! Непостижимое рождение, великолепие святой славы, подобный и равночтимый с Отцом и возлюбленным твоим и вседержителем Духом, родившийся искони от великого ума, всегда оставаясь в лоне родившего тебя, один из нераздельной Троицы и по твоём вочеловечении! Прошу тебя, избави тело того несчастного от поругания смолой и серой, приклони утробу свою святую к молитве ничтожного твоего раба. Поскольку оскверненной его душе нет избавления, ибо смерть закрыла для него все, прошу тебя и молю, чтобы хотя бы тело его избавилось от такого позора, чтобы не до конца порадовался добыче проклятый глубинный змей и не поглотил душу его вместе с телом, оскорбляя святое твое имя».

И пока святой молился, на него снизошло озарение. И впад в экстаз, увидел себя пришедшим на могилу того несчастного. И вот спустился с небес ангел Господний, словно быстрая молния, держа в руке огненный жезл и прогоняя находившихся там нечистых духов. И они исчезли, и было прекращено поругание тела сожжением в смоле и сере.

Видя это, святой вознес благодарность Богу, исполнившему его молитву.

О тати гробномъ

По нѣколико же днии прѣставися дщи нѣкого болярина. Бѣаше же дѣвою, живши житѣе свое чисто. Закля же отца своего, прѣдъ градомъ сушю селу ихъ, да въ церкви сушѣи въ виноградѣ, ту да погребуть.

Да яко же успе, вземше, понесоша ю на то мѣсто, *гдѣ же бѣ заклала* отца своего.

В то же время бѣ нѣкто гробныи тать, иже отгрѣбая мертвеца, совлачаше с нихъ порты. Да стоя на пути, зряше, кдѣ ю хотя нести и погresti. И увѣдѣвъ, гдѣ есть погребена дѣвица, умысли и на тои то же створити.

Пригоди же ся мимоити гудѣ святому, Господа дѣля творяшю ему обычаи свои. Да якоже прозря сердецьныма очима, разумѣ духомъ тщивую мысль лукаваго того. И хотя възбранити его от сего дѣяннн, видяше бо, кака пагуба хошеть ему быти, да изувири възрѣвъ ему на лице, рече к нему, яко се гнѣваяся: «Тако глаголетъ Духъ, судныи ядушему* порты лежащихъ въ гробѣхъ: „Уже ти есть не видити солнца, уже ти есть не видити дни, уже ти есть не видити образа челоуѣцъска. Затворятъ бо ся врата дому твоего и боле того не отворятся. И померкнетъ день и не просвѣтитя въ вѣкы”».

Он же се слышавъ, не разумѣ, что се глаголетъ святыи, и небрѣгъ ни о коже, поиде.

Святыи же, възрѣвъ рече к нему: «Иди, иди, лишене, *укради*. Тако ми Исуса, аще створиши, нѣсть ти видити солнца».

Он же разумѣвъ гораздно, что ему есть рекль, хвалити его нача, праведника его наричая: * «Право боголиши бѣшена, и ты глаголеши безвѣстная и таина от смущения дѣмоньска. Язъ тамо хошю ити, да вижду, что успѣють твоя словеса». Святыи же играя, мимоиде.

Вечеру же наставшю, обрѣте годину лишеникъ и шедъ, отвали камень от гроба и вниде во нь. Да и пѣрвое взя саванъ и амафоръ,* добра сушца и честна велми. Да егда се взя, възхотѣ отити.

Ненавистник же челоуѣцъскому роду дѣмонъ научи его сняти и срацицю и оставити тѣло наго, еже и створи. Да егда взя и срацицю, повелѣнемъ Божиимъ, яко дивна есть *повѣсть* си, десную свою руку въздвигши мертвая дѣвица, удари его за скрань. И абие ослепосте оци его. И ужасься, нача трепетати, яко от страха того начаша скрушатися челюсти его и съ зубы и колѣнѣ его такоже.

Отверъзши же уста своя мертвая дѣвица, тако ему отвѣща: «Оканьне и лишене буди, яко Бога ся еси не боялъ, ни ангелъ его. Да понѣ, яко и ты челоуѣкъ еси, да стыдитися бы было тобѣ видити женское тѣло обнажено, то ти бы было досити, еже еси преже взялъ, а срацьку вдаль бы лишеному моему тѣлу. Нѣ немилостивъ челоуѣкъ и лють на мнѣ ся еси явилъ, да умыслилъ еси створити мя смѣху въ второе пришествие всимъ святымъ дѣвамъ. Да се ныня

О могильном воре

Спустя несколько дней преставилась дочь одного вельможи. А была она девицей, жившей жизнь свою в чистоте. Умирая, она просила своего отца, чтобы ее похоронили в их загородном имении в часовне посреди сада.

И когда она скончалась, ее понесли хоронить на то место, которое она при жизни указала своему отцу.

В то время был один могильный вор, который, разрывая могилы, снимал с мертвецов одежды. И стоя на пути, он наблюдал, куда ее собираются нести и хоронить. И узнав, где она похоронена, задумал и с ней сотворить то же.

Случилось же проходить мимо святому, совершавшему Христа ради свои дела. И словно провидев сердечным взором, он постиг духом подлый умысел этого нечестивца. И желая отвратить его от этого деяния, ибо он знал, какое наказание тому уготовано, и грозно посмотрев ему в лицо, сказал ему с гневом: «Так говорит Дух, судящий похитителей одежд лежащих в гробах: „Не видеть тебе больше солнца, не видеть больше дня, не видеть больше человеческого лица. Ибо затворятся врата дома твоего и более никогда не отворятся. И померкнет день и вовеки не рассветет”».

Тот же, услышав это, не понял, о чем говорит святой и, ни о чем не беспокоясь, отошел прочь.

Святой же, посмотрев на него, сказал: «Иди, иди, кради, безумец. Клянусь Иисусом, если сотворишь это, не видеть тебе солнца».

Тот же, вполне уразумев, что сказал ему (Андрей), стал хвалить его, называя праведником (и говоря): «Право, несчастный бесноватый, и ты по дьявольскому наущению говоришь о неизвестном и тайном. Я (нарочно) пойду туда, чтобы увидеть, исполнятся ли твои слова». Святой же, юродствуя, продолжил свой путь.

Когда настал вечер, безумец выбрал час и, придя к могиле, отвалил камень и вошел внутрь. И сначала взял саван и накидку, которые были красивы и драгоценны. И взяв это, хотел уйти.

Но ненавистник человеческого рода демон подсказал ему снять и сорочку и оставить тело нагим, что он и сотворил. И когда он взял сорочку, по воле Божьей — ибо удивительна повесть эта — мертвая девица, подняв свою правую руку, ударила его по щеке. И тотчас его глаза ослепли. И ужаснувшись, он затрепетал так, что от страха стали стучать его челюсти и колени.

И отверзнув свои уста, мертвая девица так сказала ему: «Будь несчастен и убог за то, что не побоялся ни Бога, ни ангелов его. И хотя бы ты, как человек, постыдился видеть женское тело обнаженным и удовольствовался бы тем, что ты взял сначала, а сорочку оставил бы моему несчастному телу. Но ты поступил бесчеловечно и жестоко и задумал сделать меня посмешищем перед всеми святыми девами в день второго пришествия. Но нынче я тебя проучу, чтобы ты

азъ ты устрою, да будещи к тому не краль николиже и да увѣси, яко есть Богъ живый Христось и яко судъ есть и възданье и по смерти животь, и весели будутъ любящей Господа».

Се рекши дѣвица вѣста и въземши срацию, облачеса и саваномъ огнуса, и мафориемъ, и паки леже с миромъ вкупѣ усну, се рекши, яко: «Ты, Господи, единого на упованье вселил мя еси».

Лишении же онъ одва възможе налѣсти стѣну виноградную и тако изиде. И близъ сущю людьскому пути, пытая рукама стѣну до стѣны, и приде въ вратомъ граднымъ. И вопрошающимъ вину ослѣпленья его и како ся ему се есть створило, да тогда инако повѣдаше, а не яко ся есть створило. Послѣди же утѣшився, исповѣда все по праву к *некому* приязни своему. И оттолѣ нача просити и тако ся нача кормити.

Да другоици сѣдя и ко жрелу своему глаголаше, сваряся: «Проклять да будещи, насыттыи гортане, яко тебе дѣля и чрева моего слѣпоту сию приялъ есмь». И паки глаголаше: «Иже есть кормитель чреву своему, а не дѣлая, да тои крадетъ и добывается сего».

Поминая же святого, дивлящеса, яко прорече ему все, ели ся ему хотяше створити.

Мнозѣ же в ту годину се чюдо слышавше, отвѣргошася сотонина дѣля и быша добрии нравомъ и дѣломъ.

О князи, ему же мерзаше святець

Иногда паки играющю блаженому по обычаю своему на иподромии и нѣчто лихо дѣющю ему, да людие зряще его, друзии тужаху, а друзии брѣзгующе проклинаху его, якоже люта бѣса имѣюща, един же нѣкто великих боляръ мимондыи и видивъ его, съгнуся ему и плюну на нь.

Угодьникъ же Христовъ долго зрѣвъ на нь и разумѣвъ житье его, рече к нему: «Лукавыи блудниче, церковныи поругателю, не ты ли, творяся, яко „Въ церковь иду на заутреню“, а *идеши Сотонѣ на заутреню*, незакониче, полунощи вѣстая. Нѣ се уже приспѣла есть руга твоя, да примещи, якоже еси и дѣялъ, утаитися мня страшному оку, пытающему все».

Се же онъ слышавъ, ударивъ конь, отиде, да ся бы не срамилъ. Хартулаи бо бѣаше плоимомъ.*

По дни же нѣколько недугъмъ зломъ разболѣвся и нача помалу сушитися. И начаша его носити от *божьници къ божьници* и от лѣчьца къ лѣчьцю, и не бѣаше ему польза. По малу бо лишении поиде въ вѣчную муку.

Нѣколи бо нощи сущи, види святець близъ двора его аггела Господня пришедша от запада, иже бѣаше пламень, лютѣ очи имѣя и держаше палицю велику пламянну. И приде в домъ лишенаго того, грозяся и гнѣваяся, раскопати хотяи домъ его. Да егдаже к болному приде, услыша глас свыше глаголюще

никогда больше не крал и чтобы ты понял, что Христос — живой Бог, и что будет суд и воздаяние и жизнь после смерти, и веселы будут любящие Господа».

Сказав это, девица встала и, взяв сорочку, облачилась и завернулась в саван и накидку, и вновь легла и уснула с миром, сказав: «На тебя единственного, Господи, мое упование».

Несчастный же тот едва сумел найти садовую стену и так вышел. И поскольку поблизости была дорога, он, идя наощупь от стены до стены, пришел так к городским вратам. И спрашивавшим о причине его слепоты и о том, как это с ним произошло, он сначала сказал нечто другое, а не то, как было на самом деле. Но потом, успокоившись, рассказал всю правду своему другу. И с тех пор начал просить милостыню и тем стал кормиться.

И порой, сидя и обращаясь к своей глотке, ругался: «Будь ты проклята, несытая гортань за то, что из-за тебя и чрева моего я принял слепоту». И еще говорил: «Тот, кто чревоугодничает и не работает, тот крадет и получает по заслугам».

Вспоминая же святого, дивился, как тот ему предсказал все, что с ним должно было произойти.

Многие же в то время, слыша об этом чуде, отвергались сатанинских дел и были добры нравом и делом.

О вельможе, которому был противен святой

Когда блаженный время от времени глумился по своему обыкновению на ипподроме и творил нечто непотребное, и люди, видевшие его, одни скорбели, другие же, брезгая, проклинали его, как одержимого злым бесом, один из вельмож, проезжая мимо, увидев его, в отвращении на него плюнул.

Угодник же Христов, посмотрев на него долгим взглядом и прозрев его жизнь, сказал ему: «Лукавый блудник, насмешник над церковью, не ты ли, вставая ночью и прикидываясь, что направляешься в церковь к заутрени, ходишь, нечестивец, к Сатане на заутреню. Но вот уже пришло возмездие тебе, и получишь по делам твоим, которые ты совершал, надеясь укрыться от страшного всевидящего ока».

Услышав это, вельможа ударил коня и ускакал, чтобы не срамиться. Ибо он был морской хартуларий.

Спустя несколько дней он разболелся тяжелым недугом и постепенно начал чахнуть. И стали его носить из церкви к церкви, от врача к врачу, и не было ему облегчения. И вскоре он отправился на вечную муку.

Однажды ночью святой увидел у двора этого вельможи огнеподобного ангела Господня, прилетевшего с запада, который смотрел грозным взглядом и держал в руках большой огненный жезл. И он вошел в дом того несчастного, грозясь и гневаясь и намереваясь разрушить дом его до основания. И когда вошел

так: «*Бие*те поругателя того и содомлянина и блудника и нечестиваго. Бия же его, глаголи ему тако: „Или еще блясти начнеши или с мужьскомъ поломъ или с цюжими женами, или на заутренюю поидеши къ Дьяволу?“»

Нача же его бити и глаголати к нему. Да глас бѣаше слышати клюдящаго и палицныи бои, а биющаго не видити.

Мучим же лишеныи, *нача* повѣдати хотя и не хотя, не стыдятся, яко: «Уже не бляду николиже. Да помилуйте мене».

Тако же мучимъ три дни и 3 ноши и глаголя, яко «не бляду еще», душа своя не испустиль бѣаше.

Се же, дружино моя, написахъ, слышалъ у блаженаго Андреа, на ползу и боязнь душамъ нашимъ, да быхомъ ся блюли, како ходяще на семь свѣтъ. Ничтоже бо не может ся Бога утаити, ни святымъ его.

Въспросих же святаго: «Како или кымъ образомъ творяше грѣхъ?»

Да отвѣща ми, рече, яко: «Имѣль есть скопца два, с нима же и блядыше. Ти бо ходяще, купляху ему обѣдъ, ходяще и сѣмо и онамо, искаху ему ово дѣвица, ово мужатица и нечестивыя жены. Да к тому вся печаль ему бѣаше о тѣхъ, прѣже бо куръ вѣстая, хожаше к нимъ».

Множицею въпрашаше его своя жена, кдѣ ходитъ в таку годину. Он же глаголаше, яко: „Въ церковь хожю“.

Ходя же, и первое творяше дьяволе дѣло, потом же осквернився, смрадомъ воняя, хожаше въ церковь».

Мнози же видяше его вѣстающа рано, глаголаху, яко: „Святъ челоувѣкъ сеи есть“. А онъ бѣаше потаенъ дьяволъ. Тѣмъже и Богови велми мерзятъ творящей тако же. Не гонать бо ему, еже есть грѣшникъ, нъ и славу собѣ святыца творить».

О видиньи святаыя Богородици Вѣлахернахъ

Неусыпающи службѣ бывающи въ святѣи церкви сущии Влахернахъ,* иде блаженыи Андреи тамо же, обычая дѣя своя. Бѣаше же Епифанъ и отрокъ его единъ с нимъ. Да стояху другоици до полунощи, а другоици до свѣта.

Часу же ношному сущю 4-му,* узри блаженыи Андреи святую Богородицу очивѣсть, вельми сущю високу, пришедшую цѣсарьскими враты, страшными слугами, в нихже бѣаше честныи Предтеча* и Громныи Сынъ,* обаполу держащю ю. И инѣи святци мнозѣ в бѣлахъ ризахъ идяху предъ нею, а друзѣи по неи с пѣсними духовными.

Да егдаже приде близъ амбона, приде святець къ Епифанови и рече: «Видиши ли Госпожою всего мира и цѣсарицю?»

Он же рече: «Вижду, отче мой».

И сима зрящима, приклоньши колѣни, на многы часы молитися нача, слезами кропящи боговидное свое лице. По молитвѣ приде къ олтарю, молящися о стоящихъ людѣи тамо.

к больному, свыше раздался голос, говорящий: «Бей этого хулителя, содомлянина, блудника и нечестивца. И, бия, наказывай ему: „Будешь еще блудить с мужским полом и с чужими женами? Будешь ходить на заутреню к Дьяволу?“»

И стал (ангел) бить его и наказывать ему. И был слышен голос ангела и звуки ударов, а бьющего не видно.

В мучениях несчастный волей-неволей, не стыдясь, взмолился: «Больше никогда не буду блудить! Помилуйте меня!»

Так мучимый три дня и три ночи и повторяя: «Больше не буду блудить!», — он испустил дух.

Это, друзья мои, я слышал от блаженного Андрея и записал для пользы и в назидание душам нашим, чтобы соблюдали себя в чистоте, ходя по этому свету. Ибо ничто не может утаиться от Бога и его святых.

И спросил я святого: «Как и каким образом несчастный грешил?»

И, отвечая мне, он сказал: «У него было два скопца, с которыми он и блудил. И они покупали ему обед и, расхаживая по городу, подыскивали ему то девиц, то замужних женщин, то блудниц. И все мысли его были заняты этим, и вставая до петухов, ходил к ним.

Жена его часто спрашивала, куда он ходит в такой час. Он же отвечал: „В церковь хожу“.

И уходя, он сначала занимался дьявольскими делами, а потом, осквернившись, смрадно воняя, шел в церковь.

Многие же, видя, как рано он встает, говорили: „Это святой человек“. А он был тайный дьявол. Поэтому Богу противны поступающие так. Не довольно ему, что он грешник, но еще создает себе славу святого».

О видении святой Богородицы во Влахернах

Когда бывало всенощное бдение в святой церкви во Влахернах, блаженный Андрей шел туда, совершая свои обычные дела. Епифаний с одним из своих слуг тоже бывал с ним. И стояли иной раз до полуночи, а иногда до рассвета.

В четвертом часу ночи блаженный Андрей увидел наяву святую Богородицу, вошедшую через Императорские врата — очень высокую, в сопровождении грозных слуг, среди которых были честной Предтеча и Сын Грома, поддерживавшие ее с обеих сторон. И множество других святых в белых ризах шли перед нею и за ней с духовными песнями.

И когда она приблизилась к амвону, святой подошел к Епифанию и спросил: «Видишь Владычицу и Царицу мира?»

Тот ответил: «Вижу, отец мой».

И на их глазах она преклонила колени и долго молилась, орошая слезами богоподобное свое лицо. Окончив молитву, она подошла к алтарю и молилась за стоящих там людей.

Да егда ся отмоли, мафоръ* ея, яко молниино видиние имѣя, еже на пречистѣмъ ея вѣрсѣ лежаще, отвивши от себе и пречистыма своима рукама вземъши, страшно же и велико суще, вѣрху всѣхъ людѣи простре стоящихъ ту. Еже на многы часы видисте святца вѣрху люди прострето суще и сияя, яко же иликтрь,* славу Божию. Да донелѣже бѣаше тамо святая Богородица, видисте и та, а понелѣже отиде, боле того не видисте, взяла бо будеть со собою, а благодѣть оставила естъ сущимъ тамо.*

И помолившись, она сняла с себя сияющий, словно молния, мафорий, который покрывал ее пречистую голову и плечи, и, взяв в свои пречистые руки, — был он велик и страшен — распростерла над стоящими там людьми. Долгое время видели его святые распростертым над людьми и излучающим, словно электр, славу Божью. И пока святая Богородица находилась там, они видели и покров, а когда она удалилась, они его больше не видели, ибо она взяла его, очевидно, с собой, а благодать оставила тем, кто был там.

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

КНИГЫ ВАРЛАМ.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ИЗ УТРЕННЯЯ
ЕФИОПЬСКИЯ СТРАНЫ, ГЛАГОЛЕМЫЯ ИНДЕЙСКИЯ
СТРАНЫ,* ВЪ СВЯТЫЙ ГРАД* ПРИНЕСЕНО ИОАНОМЪ
МНИХОМЪ И МУЖЕМЪ ЧЕСТНЫМЪ И
ДОБРОДѢТЕЛНЫМЪ СУЩАГО ОТ МАНАСТЫРЯ
СВЯТОГО САВЫ

⟨...⟩ Индейскаа глаголемаа страна далече бо прилежитъ Егупта, велика бо суши и многочиселечна. ⟨...⟩ Въста нѣкий царь в той странѣ именемъ Авенирь вели бо бысть богатствомъ и силоу ⟨...⟩ зѣло о бесовьстѣй прелести* прилежа ⟨...⟩ Родися ему отроча отнуд красно ⟨...⟩ Иоасафъ нарече ему имя ⟨...⟩ Въ той же праздникъ рождение отрочяте придоша къ царевѣ изборнии мужи яко до пятидесять и пять, от халдѣян* наученѣ мудростию о звѣздныхъ течений ⟨...⟩ Единъ же от звѣздословникъ с ними сы старѣй же всѣхъ и мудрѣй рече: «Яко научаютъ мя звѣзднаа течениа, о царю, поспѣшение ⟨...⟩ нынѣ родившюся отрочяте твоему не въ твоє царство будетъ, нѣ въ ино въ лучше ⟨...⟩ Мню же и тобою гонимѣй крестьяньстѣй вѣрѣ прияти его...»

Царь же, яко услышавъ сиа, печаль бысть ему въ веселиа мѣсто. Въ градъ Домосъ* полату създавъ осьбъ красну ⟨...⟩ ту отроча всели по скончании перваго въздраста, не исществовану ему быти ничегоже повелѣ, пѣстунѣя же и слугы пристави юны въздрастомъ и образомъ красны, запретивъ имъ ничесоже житиа сего явите ему, ни скорбна сътворити ⟨...⟩, да ⟨...⟩ отнуд ни худымъ глаголомъ о Христосѣ и учении его и о законѣ да услышитъ ⟨...⟩

Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ о божественныхъ, житиемъ и словомъ украшенъ ⟨...⟩ Варламъ бѣ имя сему старцю. Се убо откровениемъ некоторымъ от Бога бысть ему увѣдити о сынѣ царевѣ. Изышедшю ему ис пустынѣ, ⟨...⟩ в ризы же мирьскыя облекся и в лодию всѣдъ, прииде въ царствие Индиское и створився купцемъ, в град той приде, идеже царев сынъ полату имяше ⟨...⟩ Пришедъ особъ, глагола ⟨...⟩: «⟨...⟩ Купец есмь азъ ⟨...⟩ имамъ камыкъ честныи, емуже подобие нигдѣже не обретесе, ⟨...⟩ можеть слѣпяя сердцемъ свѣтъ даровати премудрый и глухимъ уши отверзати и нѣмымъ гласъ дасть ⟨...⟩»

Глагола Иасафъ к старцю: «Покажи ми многоцѣннаго камыка ⟨...⟩ Ищю слова слышати нова и блага ⟨...⟩»

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

КНИГИ, НАЗЫВАЕМЫЕ ВАРЛААМ,
ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ,
ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЭФИОПСКОЙ СТРАНЫ,
НАЗЫВАЕМОЙ ИНДИЕЙ, В СВЯТОЙ ГРАД
ИЕРУСАЛИМ ПРИНЕСЕННАЯ ИОАННОМ, МОНАХОМ,
МУЖЕМ ЧЕСТНЫМ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ,
ИЗ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВВЫ

⟨...⟩ Страна, называемая Индийской, лежит далеко от Египта, велика и многонаселенна. ⟨...⟩ Правил в той стране некий царь по имени Авенир, великий богатством и могуществом ⟨...⟩ весьма привержен он был бесовской прелести. ⟨...⟩ Родился у него прекрасный сын ⟨...⟩ Иоасафом назвал его царь ⟨...⟩ В самый праздник рождения отрока пришли к царю пятьдесят пять избранных мужей, наученных халдейской мудрости звездочетства ⟨...⟩ Один из этих звездочетов, самый старый и мудрый, сказал: «Как говорят мне движения звезд, о царь, преуспяние ⟨...⟩ ныне родившегося сына твоего не в твоём царстве будет, но в ином, в лучшем ⟨...⟩ Думаю я, что примет он гонимую тобою христианскую веру...»

Царь, услышав об этом, впал в печаль вместо радости. Выстроив в городе Домосе уединенный прекрасный дворец, он поместил туда сына, как только тот вышел из детского возраста; и повелел, чтобы царевич не выходил никуда, и приставил к нему воспитателями и слугами молодых и самых красивых людей, запретив им рассказывать ему о жизни, о горестях ее ⟨...⟩, чтобы ⟨...⟩ не услышал он ни одного слова о Христе, учении его и законе ⟨...⟩

Был в то время некий монах, умудренный божественным учением, украшенный святой жизнью и красноречием ⟨...⟩ Варлаам было имя тому старцу. Божественным откровением дано было ему узнать о царском сыне. Покинув пустыню, ⟨...⟩ оделся он в мирскую одежду и, сев на корабль, прибыл в Индийское царство, прикинулся купцом и пришел в тот город, где жил во дворце царевич ⟨...⟩ Придя однажды, Варлаам сказал ⟨...⟩: «Я купец ⟨...⟩ есть у меня драгоценный камень, подобного которому нет нигде; ⟨...⟩ может он тем, кто слеп сердцем, даровать свет мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос ⟨...⟩»

Сказал Иоасаф старцу: «Покажи мне драгоценный камень ⟨...⟩ Хочу услышать слово новое и доброе ⟨...⟩»

И Варлам вѣща: «(...) Бѣ бо нѣкий царь велий и славенъ, бысть же ему шествовати на колесницѣхъ позлащенѣи и окрестъ его оруженници, якоже подобаетъ царемъ; усрести два мужа растерзанамы ризамы и сквернымы оболчена суша, худа же лицемъ и зѣло поблѣдѣвша. Бѣ же царь сею зная, телеснымъ си томлениемъ и постнымъ трудомъ и потомъ тѣлу изѣдаему. Якоже узри я, съскочи абие с колесница и падъ при землѣ, поклонися има и, вставъ, объять я с любовью и лобызаа ею. Велможе его и князь негодоваша о семъ, яко недостойно царьскыя славы се створити доумевающимъ. Не дерзающе же предъ лицемъ обличити, искреному брату его глаголаша, да глаголетъ къ царевѣ да не досажати высоту и славу царьскаго вѣнца. Сему же си къ брату глаголющую, негодующую ему тщеславия его худаго, дасть ему отвѣтъ царь, егоже брат не разумѣ.

Обычай же бѣ тому царю, егда отвѣтъ смертный которому даяше, проповедники къ вратомъ его посылаше, въ трубе смертнѣй увѣдати глаголемое, и гласомъ трубнымъ разумяху вси, яко виноватъ смерти тѣ есть. Вечеру убо наставшю, посла царь трубу смертную въструбити при дверехъ дому брата своего. Якоже услыша онъ трубу смертную, недоумѣваше о своемъ животѣ и размышляше о себѣ всю ночь. Утру же наставшю, оболкъся в худыя и в плачаныя одежда, купно с женою и с чады иде къ полатѣ царевѣ и ста при дверехъ, плачяся и рыдая.

Введе же его царь к себѣ и тако видивъ и рыдая, глагола к нему: „О неразумне и безумне, яко ты тако устрашися преподобника* подобнорожена ти и подобночестна своего брата, к нему никакоже весма себѣ съгрѣшивша вѣдая, како на мя зазрѣние наведе, въ смиреннии цѣловавшю ми и проповидника Бога моего гласнѣе трубы наречествовавшю ми смерть и страшнаго усрѣтениа Владыкы моего, яко многа и велия в себѣ грѣхы свѣдая. Се убо нынѣ твоего обличия неразумна, таковымъ образомъ замыслихъ, такоже с тобою свѣщавшимъ еже о мне зазора, скоро наявѣ обличю“. И тако угодивъ брату своему и показавъ, пусти в свой домъ.

Повелѣ же царь створити ковчеги четыре от древа, два же обложи златомъ и костѣ мертвыя смердяща вложить в ня, златыми же гвозды загвозди а. Другою же двою помазавъ смолою и попеломъ и наполни а камыкъ честныхъ и бисеръ многоцѣнныхъ, всѣхъ вонь благоуханныхъ исполнивъ. Власяными ужи обявая и призвавъ вельможи, зазрѣвшимъ царя от двою оною мужю смиреною сретшею, и постави предъ ними четыре ковчегы, да судяты, колику достойна еста златаа, колику же осмолена. Онъ же двою златою осудиша я къ множеству цѣны достойна еста, мняхуть бо, яко царьстии вѣнци и поясы вложенѣ в ня. Смолою же помазаная и попеломъ малы и худы цѣны достойна еста глаголаху. Царь же глагола к нимъ: „Видяхъ азъ, яко тако вамъ глаголати, чювьственнымы очима чювьственный образъ разумеете, еще же не тако подобаетъ творити, нъ утренима очима внутрь лежащее подобаетъ видѣти, ли честь, ли бесшестие“.

И Варлаам отвечал: «(...) Был некий царь великий и славный, ехал он однажды на золотой колеснице и в окружении стражи, как и подобает царям; встретились ему два человека, одетые в рваные и грязные одежды, с изможденными и бледными лицами. Знал царь их, истощивших свою плоть телесным изнурением, трудом и потом поста. Как только увидел он их, сошел тотчас с колесницы и, пав на землю, поклонился им; поднявшись, обнял их с любовью и облобызал их. Вельможи его и князья вознегодовали на это, полагая, что сделал он это недостойно царского величия. Не смея обличить его прямо, уговорили они брата его родного сказать царю, чтобы тот не оскорблял величия и славы царского венца. Когда брат сказал об этом царю, негодуя на неуместное его унижение, дал ему ответ царь, которого брат не уразумел.

А у того царя был обычай: когда он выносил кому-либо смертный приговор, то посылал к дверям этого человека глашатая с трубой смерти возвестить приговор, и по звуку трубы узнавали все, что тот осужден на смерть. И когда настал вечер, послал царь трубу смерти трубить у дверей дома брата его. Когда же услышал тот трубу смерти, то отчаялся в своем спасении и всю ночь провел в мыслях о себе. Когда настало утро, то, одевшись в жалкие и траурные одежды, вместе с женой и детьми отправился он к царскому дворцу и встал у дверей, плача и рыдая.

Ввел его царь к себе и, видя его рыдающим, сказал ему: „О глупый и безумный, если ты так утрастился глашатая единоутробного и равного тебе честию брата, перед каковым не знаешь никакой своей вины, то как же мог ты укорять меня за то, что я смиренно приветствовал глашатаев Бога моего, громче трубы возвещающих мне смерть и страшное предстание перед Владыкой моим, перед которым сознаю в себе многие и тяжкие грехи. Таким образом и задумал я поступить с тобой, чтобы ныне обличить твое неразумие, а также заодно с тобой советовавших укорить меня скоро открыто обличу”. И так вразумив брата своего, отпустил его в дом его.

И повелел царь сделать четыре ковчега из дерева, два позолотить и вложить в них смердящие кости мертвецов, забив золотыми гвоздями; два же других, обмазав смолою и дегтем, наполнить драгоценными камнями, дорогим жемчугом, умастив их всякими благовониями. Обвязав ковчеги волосяными веревками, призвал царь вельмож, осуждавших его за смиренное приветствие тех двух мужей, и поставил перед ними четыре ковчега, чтобы оценили они достоинства позолоченных и осмоленных ковчегов. Они же оценили два позолоченных как достойные самой высокой цены, ибо полагали, что в них вложены царские венцы и пояса. О ковчехах же, обмазанных смолой и дегтем, сказали, что они достойны малой и ничтожной цены. Тогда царь сказал им: „Знал я, что так скажете, ибо, поверхностное имея зрение, воспринимаете вы лишь внешний образ; но не так следует поступать, а внутренним зрением подобает видеть сокрытое внутри — ценное оно или не имеющее цены”.

И повелъ царь отвѣсти златаа ковчега. Отверзенома же ковчегома, злый смрадъ повѣа из нею и некраснаа видѣна бысть видъ. Рече убо царь: „Се образъ есть въ светлыя и славныя оболченымъ, много славою и силою гордящимся, и вънутрь суть мертве смердѣющаа кости и злыхъ дель исполнь”. Таче повелъ отверсти осмолена и бекомъ помазана. Сима же отверзенома сущимъ ту вся възвеселиста о лежащихъ в нею свѣтлости, и благоухание изиде от нею. Глагола же к нимъ царь: „Весте ли, кому подобна еста ковчега си? Подобна еста смиреннымъ онѣма и в худыя ризы оболченома, ихъже въ внешний образъ видяще, досаждение въменисте лица ею мое поклоняние до земля. Азь же разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ, чюдився ею прикосание, лучше вѣнца и лучше царьскаго обдѣ честнейшая вменихъ”. Тако осрами велможа своа и научи я о видимыхъ не блазнитися, нъ и разумныхъ вниматися» (...)

Иоасафъ же к нему отвѣща: «Велия и дивныя вещи глаголеши ми, о человеце (...) Что подобаетъ сътворити намъ да избѣгнута уготованныхъ мукъ грѣшникомъ и сподобитися радости праведникъ?» (...)

Варламъ же купно отвѣщаваше: «(...) Сущему бо въ неразумении Божии тма есть и смерть душевная или работати идоломъ на погыбеліе естественое (...) Кому уподоблю и како ти образъ неразумѣющихъ предпоставлю, нъ притчу ти приложу, нѣкорымъ мужемъ премудрымъ изглаголаано ко мнѣ. Глаголаше бо, яко подобнѣ суть идоломъ кланяющіиися человеку липителю, иже устройвъ лѣпа, ятъ единъ от малыхъ птицъ, соловей сию наричють. Прием же нож, закалаетъ ю на ядь, дасться соловьевѣ глас язычный, и глагола к лѣпителю: „Кая ти полза, человеце, о моемъ заколении? Не возможеши бо мною наполнити своего чрева, нъ аще от сихъ узъ свободиши мя, дам ти заповѣди три. Аще храниши, то велика полза ти будетъ паче живота своего”. Онъ же чюдивъся о глаголанію птицы, воскорѣ свободитъ ю от узъ. Възвративъ же ся, соловей глагола человеку: „Никогдаже ничтоже от неприиманныхъ начни приимати, начнеши яти, и не буди каяся о вещи мимоходящи, и невѣрну слову никогда ими вѣру. Си убо три заповѣди храни, и добро ти будетъ”.

Радуюся мужъ о добрѣ видении и о разумнемъ глаголании, разрешивъ от уз, на аерь пусти. Соловѣй же убо, хотя увѣдити, аще разумѣ мужъ глаголаныхъ ему силу глаголь и аще ли наплодися кою любо ползу от нихъ, глагола к нему парящи птица на аерь: „Въздохни о своемъ несвѣщании, человеце, какво бо днесъ съкровище погуби. Есть бо внутренихъ бисеръ преимѣя величествомъ струфокамиловыхъ яицъ”.

Якоже услыша си лѣпитель, печалень бысть, каяся, како избѣжа соловей тѣ из руку его, и хотя абие яти ю, рече: „Прии в домъ мой, и друга створившему тя добрѣ с честью отпущю”. Соловѣй же рече к нему: „Нынѣ убо крѣпко не разумѣ. Приемъ бо глаголанное к тебѣ с любовью и съ сладостию послуша, ни единая же от нихъ ползы стяжа си. Рекохъ ти — не кайся о вещи

И велел царь открыть позолоченные ковчеги. Как только раскрыли ковчеги, страшный смрад повеял оттуда и безобразное открылось взорам. И сказал царь: „Это подобие тех, кто облечен в сверкающие и дорогие одежды и горд своей славой и могуществом, внутри же полон мертвых и смердящих костей и злых дел”. Затем повелел открыть ковчеги, покрытые смолою и дегтем. И когда их раскрыли, все поразились прекрасным видом лежащего в них, и благоухание исходило из них. И сказал царь вельможам: „Знаете ли, кому подобны эти ковчеги? Подобны они тем двоим смиренным и в жалкие одежды облеченным; вы же, видя их наружный образ, поносили меня за то, что я до земли поклонился перед лицом их. Я же, разумными очами познав благородство их и красоту душевную, почел за честь для себя прикоснуться к ним, считая их дороже царского венца и лучше царской одежды”. Так устыдил царь своих вельмож и научил их не обманываться видимым, а внимать разумному» (...)

Иоасаф же ему отвечал: «Великие и дивные слова говоришь ты, человек. (...) Что же должны делать мы, чтобы избежать мук, уготованных грешникам, и удостоиться радости праведников?» (...)

Варлаам вновь отвечал: «(...) Тот, кто не ведает Бога, пребывает во тьме и смерти душевной и в порабощении идолам на погибель всей природы. (...) Чтобы уподобить и выразить неведение таких людей, поведаю тебе притчу, рассказанную мне одним мудрейшим человеком. Он говорил, что поклоняющиеся идолам подобны птицелову, который, устроив силки, поймал однажды малую птицу, называемую соловей. Взяв нож, собрался он уже заколоть ее, чтобы съесть, как вдруг соловей заговорил человеческим голосом и сказал птицелову: „Какая тебе польза, человеце, если убьешь меня? Ведь не сможешь даже наполнить мною свой желудок, но если из силков освободишь меня, то дам тебе три заповеди. Соблюдая их, великую пользу приобретешь себе во всю твою жизнь”. Подивился птицелов речи соловья и обещал, что освободит его от уз. Обернувшись, соловей сказал человеку: „Никогда не стремись достичь невозможного, не жалея о том, что прошло мимо, и не верь никогда сомнительному слову. Храни эти три заповеди и будешь благоденствовать”.

Обрадовался птицелов удачной встрече и разумным словам и, освободив птицу из силков, выпустил ее на воздух. Соловей же захотел проверить, уразумел ли человек смысл сказанных ему слов и получил ли какую-нибудь пользу от них, и сказала ему птица, паря в воздухе: „Пожалей о своем неразумии, человеце, ведь какое сокровище упустил ты ныне. Есть внутри у меня жемчуг, превосходящий величиною страусово яйцо”.

Услышав это, опечалился птицелов, сожалея, что упустил соловья из рук, и, желая снова поймать его, сказал: „Приди в дом мой, и, приняв тебя как друга, с честью отпущу”. И ответил ему соловей: „Ныне оказался ты весьма неразумным. Ведь приняв сказанное тебе с любовью и охотно выслушав, никакой пользы не получил ты от этого. Сказал я тебе — не жалея о том, что

мимоидуши, и бысть ти печаль, яко от руку твоею избѣгохъ, каеся о вещи мимошедши. Глаголахъ ти — не начни от неприатыхъ примати, и хочети яти мя, не могый примати моего шествиа. К симъже и невѣрна глагола не ими вѣры, глаголахъ ти, нъ се веру ять, яко есть вънутренихъ моиѣ бисеръ паче възраста моего, и недомыслися разумѣти, яко весь азъ не могу прияти в себѣ толико великихъ яиць струфокамиловыхъ и како бисера толика вмѣстити имамъ в себѣ”. Тако убо не разумѣють надѣющихся на идолы своя <...>»

Иоасафъ рече: «<...>Хотяхъ путь обрести хранити истинно и повѣлѣния Божиа и не уклонитися от нихъ...»

Варлам же глагола: «...Связанъ житейскими вещьми и своих прилежачи печалии и мятежа и въ пици живя... подобнѣ суть мужю, бѣгающю от лица бѣсующюмуся инорогу, яко не терпящу гласа въпля его и рютиа его страшнаго, нъ крѣпко отбѣгъ, да не будетъ ему ядь. Текущю же ему борзо, в великъ ровъ въпаде. Впадающю же ему, руцѣ простеръ, за древо твердо ятъся, держащю же ся ему крѣпко, яко на степенѣ нозѣ утвердивъ, мняше миръ уже есть и твердынѣ. Възрѣвъ же убо, видѣ двѣ мышѣ, *едину бела, а другую черну*, ядуща беспрестанѣ корень древа, идѣже бѣ держася, и елма же приближающихся да погрызета древо. Възревъ въ глубину рва и змѣя види страшна образомъ и огнемъ дышуща и горко взирающа, усты же страшно зѣвающа и пожрети его хотяща. Възрѣвъ же абие на степенъ онъ, идеже нозѣ его утверженѣ бѣста, четыре главы види аспидовы, из стени исходяща, идеже бѣ утвердился. Възрѣвъ очима, видѣ из вѣтвий древа того мало медъ. Оставивъ убо рассмотряти одержавшихъ его напастей, яко внѣду бо инорогъ злѣ бѣсуюся искаше его на ядь, долѣ же злый змий зѣяя да пожреть его, древо же, о немъже ятъся, уже пастися хотяше, нозѣ же на колзание и нетвердо степенѣ утверженѣ, толики убо и таковыхъ злыхъ забывъ, потща себе на сладость горкаго онога меду.

Се подобие въ прелести сущимъ сего жития створившемъ. Сию истину изглаголю ти мира сего прелщающихся, егоже сказание ныне реку ти. Ибо инорогъ образъ есть смерти гоняи выину и яти послѣдствуетъ Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ злыхъ и смертоносныхъ сѣтей. Древо же, от двою мышю беспрестанѣ грызаемо, ихже створихомъ путь есть, яко жившю комуждо ядомыи гибляяи час радѣ дневныхъ и ношныхъ и усѣкновение коренное приближается. Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшенныхъ и безмѣстныхъ стухый* и съставлено человѣчское тѣло съставляется, имиже бещиньствуящемъ и мятущемъся телесный раздрушается съставъ. К симъже огненный онъ и немилостивый змий страшное изобразуетъ адово чрево, зѣвающю прияти же сущихъ красоть паче будущихъ блахъ изволѣша. Медвеная же капля сладость пробовляеть всего мира сладкихъ, имже онъ прелща злѣ своя другы и оставлять я прилежания творити о спасении своемъ <...>

прошло мимо, а ты печалишься, что выпустил меня из рук, жалея об упущенном. Сказал тебе — не стремись достичь невозможного, а ты хочешь поймать меня, не будучи в силах догнать. К этому же сказал я тебе — не верь невероятному, но ты поверил, что внутри меня есть жемчуг больше меня самого, и не сообразил ты, что весь я не могу вместить в себе такое большое страусово яйцо; как же может быть внутри меня жемчуг такой величины?” Таковы неразумием и те, кто надеется на идолов своих {...}»

И сказал Иоасаф: «{...} Я желал бы обрести путь, чтобы хранить в чистоте заповеди Божии и не уклоняться от них...»

Варлаам же отвечал: «...Те, что связаны житейскими делами, и заняты своими заботами и волнениями, и живут в наслаждениях... подобны человеку, убегающему от разъяренного единорога: не в силах вынести звука рева его и рычания его страшного, человек быстро мчался, чтобы не быть съеденным. А так как он бежал быстро, то упал в глубокий ров. Падая, простер он руки и ухватился за дерево, и, крепко держась, оперевшись ногами на выступ, считал он себя уже в покое и безопасности. Взглянув вниз, увидел он двух мышей, одну белую, а другую черную, грызущих непрерывно корень дерева, за которое он держался, и уже почти сгрызших корень до конца. Взглянув в глубину рва, увидел он дракона, страшного видом и дышащего огнем, свирепо глядящего, страшно разевающего пасть и готового проглотить его. Посмотрев же на выступ, в который уперся ногами, увидел он четыре змеиных головы, выходящих из стены, о которую он опирался. Подняв глаза, увидел человек, что из ветвей дерева понемногу капает мед. Забыв и думать об окружающих его опасностях: о том, что снаружи единорог, свирепо беснуясь, стремится растерзать его; внизу злой дракон с разинутой пастью готов проглотить его; дерево, за которое он держится, готово упасть, а ноги стоят на скользком и непрочном основании, — забыв об этих столь великих напастях, предался он наслаждению этим горьким медом.

Это подобие тех людей, которые поддались обману земной жизни. Эту истину о прельщающихся этим миром изложу тебе, смысл этого подобию сейчас расскажу тебе. Ибо единорог — это образ смерти, вечно преследующей род Адама и наконец пожирающей его. Ров же — это весь мир, полный всяких злых и смертоносных сетей. Дерево, непрерывно подгрызаемое двумя мышами, — это путь, который совершаем, ибо пока каждый живет, поглощается и гибнет сменой часов дня и ночи, и усекновение корня приближается. Четыре же змеиных головы — это ничтожные и непрочные стихии, из которых составлено человеческое тело; если они приходят в беспорядок и расстройство, то разрушается телесный состав. А огнедышащий и беспощадный дракон изображает страшное адово чрево, готовое пожрать тех, кто предпочитает наслаждения сегодняшней жизни благам будущей. Капля меда изображает сладость удовольствий этого мира, которыми он зло прельщает любящих его, и они перестают заботиться о спасении своем {...}

Абие подобнѣ суть възлюбившеи всего мира красоту и сладости его насладившеся, паче же будущихъ и недвижимыхъ мимотекущая и немощна пречестнаа извольша человеку, три другы имущю, в нихъ бо двою с любовию чтяше и зѣло любовию възприимаше, даже и до смерти ихъ подвизаяся и ею радѣ бѣды терплю глаголаше, на третьемъ же много небрежение имяше, ни чти, ни яко достояше его сподобити когда любо чти и любве, мало нѣкое и ничесо же рещи на нь творяше дружбу.

Въ единѣ от дний дойдуть к нему страшнѣи нѣции и грознии воинници, тшашеся скоростию велѣю сего вести къ царю, слово да дасть, имѣже есть долженѣ тмою талантѣ. Унывшю же бывшю ему, искаше помощника, да заступитъ его къ страшному цареву отвѣту, текъ же убо къ первому своему и всѣхъ искренѣйша друга, глагола: „Свѣдаеши, о друже, яко выину полагахъ душу свою тебе ради. Нынѣ же требую помощи въ день сей от одержашаа мя радѣ бѣды и нужда. Тако убо исповѣжь, заступиши ли мя ныня и каа от тебе будетъ ми надежа, о друже възлюбленне”. Отвѣщавъ убо, онѣ глагола: „Нѣсмъ тебѣ другъ, человеце, ни свѣдаю, кто ты еси, ины бо имамъ другы, с ними же ми днесъ веселитися и другыя на прочее створити. Се дамъ ти сукняницъ двѣ, да имаеши на путѣ, аможе шествуеши, от нею же ти будетъ никакаяже полза, иноя же ни единая не чай от мене надежа”.

Сня услышавъ онѣ и недоумѣваяся о отвѣтѣ семъ, еяже помощъ надѣяшеся от него, и тече къ етерому другу и глагола к нему: „Помниши, о друже, колико от мене приа честь и добрыхъ ученѣй. Днесъ же и въ печаль впадъ и въ напасть великую, требую съпоспѣшителемъ. Како убо можеши со мною потрудитися, и сихъ да разумѣю”. Другъ же отвѣща: „Се празденъ днесъ с тобою потружатися, въ печаль бо и азъ и въ настехъ впадъ, въ скорби есмъ. Обаче мало с тобой пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращаюся от тебе зде, своими печалми пекуйся”.

Тшача же рукама оттуду възвратився человекъ той и о всѣхъ недоумѣвая, рыдаа себѣ о суетнѣй надеже неразумныхъ своихъ другъ и непромысленъ страды своя, ихъже онѣхъ ради любве потерпи, таже иде къ третьему своему другу, емуже никогдаже створи, ни зва, и глагола к нему осрамленом лицемъ и долу зря: „Не имамъ устѣ развести к тебѣ, свѣдаа истинною, яко не помниши мене никогдаже добро створшю ти, аще и дружбу приложихъ к тебѣ. То зане напасть ятъ мя лютая. Никакоже весма от другъ моихъ обретохъ надежю о спасении моемъ, придохъ к тебѣ, моляся, аще есть ти възможно малу нѣкую помощь да подаси ми, не отрицайся, „помня моего неразумиа”. Онѣже рече тихимъ лицомъ и с радостию: „Подобаеть друга своего искрняго глаголю ты суца и малое помню твое оно добродѣяние, съ прилежаниемъ днесъ въздаваю ти, изъумолю о тебе царя. Не бойся убо, ни устрашайся, азъ бо преже тебе дойду къ царю и не предамъ тебе в руки врагъ твоихъ. Дерзай убо, възлюбленне друже, и не буди въ скорбѣ и

Возлюбившие же удовольствия этой жизни и наслаждающиеся ее сладостями, те, кто предпочитает быстропроходящее и непрочное будущему и надежному, подобны человеку, имевшему трех друзей; из них двух он весьма почитал и очень любил, говорил, что готов принять смерть и вынести любые испытания ради них; третьим же весьма пренебрегал, не уважал и никогда не удостоил его оказать ему честь и любовь, проявлял совсем малую дружбу, если не сказать — никакую вообще.

Однажды пришли к этому человеку страшные и грозные воины, чтобы немедля отвести его к царю отвечать за долг в десять тысяч талантов. Опечалившись, стал он искать заступника, чтобы помог ему ответить перед царем, и пошел к своему первому и самому близкому другу, говоря ему: „Ты знаешь, друг, что всегда готов был я душу положить за тебя. Ныне же и сам я нуждаюсь в помощи в постигших меня горе и нужде. Так скажи, сможешь ли ты мне теперь и на что я могу надеяться от тебя, любезный друг?” Тот же ему сказал в ответ: „Я не друг тебе, человек, и не знаю, кто ты; есть у меня иные друзья, с ними буду я сегодня веселиться и сделаю их друзьями и впредь. Тебе же дам два рубища, чтобы имел их в пути, которым пойдешь, но не будет тебе от них никакой пользы, а иной никакой не жди от меня помощи”.

Услышав это и отчаявшись в ответе того, на чью помощь он надеялся, отправился человек ко второму другу и сказал ему: „Помнишь ли, друг, сколько видел от меня чести и добрых советов? Ныне же и я в печали и в напасти великой и нуждаюсь в помощнике. Как можешь разделить со мною мои трудности, хочу знать”. Друг же ответил: „Нет у меня времени сегодня делить с тобой трудности, ибо я сам в печали и напастях, одолевших меня, и в скорби. Впрочем, немного пройду с тобой, и если не смогу помочь тебе, то сразу вернусь от тебя сюда, свои имея заботы”.

Возвратившись и от второго друга с пустыми руками, тот человек и совсем отчаялся, оплакивая пустую надежду на помощь от своих неблагодарных друзей и бессмысленные труды, которые претерпел прежде ради любви к ним; и пошел он к третьему своему другу, которому он никогда не услужил, не приглашал, и обратился к нему со смущенным лицом и глядя вниз: „Не смею и раскрыть уст перед тобой, зная истинно, что не вспомнишь ты, чтобы я когда-нибудь сделал тебе добро или проявил дружбу. Теперь же напала на меня беда злая. Не получив совсем никакой надежды на спасение от моих друзей, я пришел к тебе и молю, если только можешь, помоги мне хоть немного, не откажи мне, памятуя о моем неразумии”. Тот же отвечал с ласковым и радостным лицом: „Я считаю тебя ближайшим моим другом и, помня небольшое твое ко мне благодеяние, сторицею сегодня воздам тебе, попрошу за тебя царя. Не бойся и не страшись, ибо я пойду вперед тебя к царю и не предаю тебя в руки врагов твоих. Мужайся, любезный друг, и не будь в скорби и в печали”. Тогда,

печаль". Тогда умилился онъ глаголаше съ слезами: „Увы ми, како преже поплачюся о любвѣ, юже на непамятивую и неблагодарственую и лживу дружбу оною ли вредоумную поплачу недоумѣвание, еже нъ и истиннаго сего искренняго показа друга”».

Иоасафъ же, и сего слова примъ, чюдися, извѣтованиа искаше, и глагола Варламъ: «Первый убо другъ есть богатое имѣние, еже и златолюбезно желание, егоже радѣ многыя человеки впадаютъ в бѣды и многыя терпятъ страды. Пришедши же послѣднѣй смертнѣй коньчинѣ ничтоже от всѣхъ тѣхъ со събою възметъ, токмо еже на провожение безуспѣшныхъ другъ. Второй же другъ нареченъ бысть жена и чада и прочаа ужики и свои, тѣхже любвѣ прилѣпнѣ есмь, злѣ отринутися имаю самой души и тѣлу любвѣ ихъ радѣ призираемому. Каа же есть нѣкая от нихъ добродѣтельствуе въ час смертнѣй, нъ токмо еже и до гроба провожаютъ, абие же обращается, своихъ имуть печаль и напастъ, не имея забыти память ли тѣло, некогда възлюбленаго погребше въ гробъ. Третѣй же другъ есть мимотекуй временнѣй неприкосновеннѣй, нъизбежнѣй и якоже от побѣды, иже добрыми дѣлы ликъ пребываетъ, еже есть вѣра, надежа, любы, милостынѣ, человеколюбие и прочихъ добродѣтельныхъ полкъ, могый предъ нами шевствовати, егдаже исходимъ от тѣла, нас радѣ помолитися къ Богу и от врагъ нашихъ насъ избавити, от злыхъ истязатель словодатие намъ горко есть на аерѣ движущемся и яти горко искуще. Се есть доброразумнѣй другъ и благый, иже горкое наше доброжитие в память износя, с любовию и с лихвою намъ вся отдаваа».

Абие убо Иоасафъ вѣща: «(...) Убо еще изобразуй ми образъ суетнаго сего мира, како убо кто с миромъ и твердынею сего придеть».

Въсприимъ же слово Варламъ глагола: «Послушай убо и сей притчи подобие. Градъ некый великий слышахъ, егоже гражане тако обычай имяху от древнихъ приимати чюжа нѣкоего мужа, ни разумѣющю о законѣ града того, ни обычая ихъ весма разумѣющю, и сего царемъ поставиша у себе и всю власть приимшю и свою волю невъзбранимо держа, дондеже скончася едино лѣто. Таче внезапу в тыя дни сущю ему бес печаль, питающю же ся ему обило беспрестанѣ, мнящю же ему царствие в вѣки пребывати, вѣсташа на нь и царьскую одежу снемше с него, нага поругаша по всему граду, на озимьствование послаша его далече в великий нѣкый островъ пустой, в немже ни пища имея, ни одежда, злѣ стража, не надѣющю же ся ему пища и веселиа, абие въ скорбѣ ни чаяннѣ, ни надежа послано.

Полѣдствующе же убо обычай гражданъ тѣхъ поставленъ бысть нѣкый мужъ въ царствие тоже, разума много и промышленнѣя имы в себѣ, да такоже не восхищенъ будетъ, еже внезапу бывшю ему обилие ни иже преже его царьствовавшимъ и злѣ изгнаномъ, не печалованиа, възъревновавъ печаль имяше душею подвижение. Тако убо о себе добрѣ исправить, частого же совета

раскаившись, сказал тот человек со слезами: „Увы мне, о чем прежде плакать мне — о любви ли, что была у меня к той забывчивой, неблагодарной и лживой дружбе, или оплачу сводящее с ума отчаяние, которое, однако, показало этого истинного и близкого друга?“»

Иоасаф, выслушав и эту притчу, удивился и попросил разъяснения, и сказал Варлаам: «Первый друг — это богатство и стремление к накоплению золота, из-за чего многие люди впадают в беды и многие терпят несчастья. Когда же приходит смертная кончина, то ничего из всего богатства не возьмет с собой человек, только на проводы напрасных друзей. Второй же друг — это жена и дети и другие родственники и домашние, к чьей любви привержены мы и ради любви к которым готовы отречься от собственных души и тела. Никакой нет от них пользы в час смертный, но до могилы только проводят, а затем сразу возвращаются, имея свои заботы и печали, похоронив память в забвении, как тело некогда любимого погребли в могиле. Третий же друг, мимо которого проходим, считаем временным, пренебрегаем им, избегаем его и которым в конце концов достигаем победы, — это лик добрых дел, а именно: вера, надежда, любовь, милосердие, человеколюбие и остальной строй добродетелей, которые могут идти впереди нас при исходе души из тела, помолиться за нас к Богу и избавить нас от врагов наших, от злых истязателей, которые движутся в воздухе, требуя безжалостно отчета от нас и непреклонно стремясь завладеть нами. Это благоразумный и добрый друг, который, помня и малое наше благотворение, воздает нам с лихвою».

Тогда Иоасаф сказал: «⟨...⟩ Еще покажи мне образ этого суетного мира и как мирно и безопасно пройти эту жизнь».

Вняв ему, Варлаам сказал: «Выслушай пример и этой притчи. Слышал я про некий великий город, жители которого издавна имели обычай выбирать царем какого-нибудь чужестранца, не знакомого ни с законом того города, не знающего ничего об обычаях жителей, и ставили они его у себя царем, и принимал он всю власть и беспрепятственно выполнял свою волю до истечения одного года. Тогда неожиданно в те самые дни, когда он жил без печали, в непрестанной обильной роскоши и думал, что царствование его будет вечно, они нападали на него и, сорвав царские одежды, нагого водили с позором по всему городу, изгоняли его и отправляли его в изгнание далеко на некий большой пустынный остров, на котором, не имея ни еды, ни одежды, горько страдал он, не надеясь уже на роскошь и веселье, но в скорби не было ему ни чаяния, ни надежды».

И вот по обычаю тех горожан был поставлен царем некий человек, весьма разумный и заботящийся о том, чтобы не быть ему таким же образом лишенным царства, чтобы внезапно выпавшее ему богатство, как и у царствовавших прежде него и безжалостно изгнанных, не сменилось на печаль; и, опечалившись, возревновал он об этом. Чтобы обезопасить себя, часто совето-

истова увѣда нѣкимь премудрымъ съветникомъ обычай гражданъ тѣхъ и мѣсто озимьствованое, якоже подобаетъ ему твердо бес прелсти увѣдати. Якоже убо сиа увидѣ,* яко коли любо в томъже островѣ быти ему, сущю же ему чюжю царьствиа, отврѣзъ сокровища своа, ихже еще въ областъ имяше и невѣзбранно требование, вземъ на требование злато и сребро и камыкъ честныхъ и велехъ множество, вернымъ своимъ рабомъ дасть, во онъ островъ посла, идеже ему послану быти.

Скончавшюся реченому лѣту вставъше граждане, якоже и на перваго царя, нага на озимьствование послаша. Прочии бо неразумнии цареви злѣ въ гладѣ пребываху, се же богатства оного преже пославый въ обилии выну живяше и пищу неизѣдому имяше, страха всего отвергъ невѣрныхъ гражданъ онѣхъ, мудрою ихъ хваляше добраго съвѣта.

Град убо разумѣй суетнаго сего мира. Гражданѣ же начялствие и властѣ бѣсовъ миродержца тмѣ вѣка сего,* лстящемъ насъ сладкымъ исправлениемъ, яко нетлѣнное вкладающемъ размышляти намъ тлѣнныхъ и мимотекущихъ, якоже въ вѣки пребывати с нами и бесмертна всѣмъ пребывающимъ въ сладости. Тако убо отложившемъ намъ и никакоже о великихъ онѣхъ и вѣчныхъ съвѣтовавъше напрасно придеть на ны погыбеліе смерти. Тогда бо, тогда нагяя насъ отсюду злѣ и горции поимше граждане тмѣ, яко онѣ все время свое пребыша, водять „в землю тмы вѣчныя, идеже нѣсть свѣтъ, ни видити житіа человечьскаго”,* ни съвѣтника блага, истовыхъ всѣхъ показашему и спасенаа научивше *начинания* к мудрому царю, моя приймай малыя низости, яко благый путь и несоблазненный показати ти приидохъ въ вѣчныхъ же и бесконечныхъ вѣводя (...)

Притча о иномъ царѣ и о убагомъ. Слышахъ бо царя нѣкоего бывша, зѣло добрѣ сматрюща своего царьствиа, кротокъ же и милостивъ под нимъ сущемъ людемъ. Симъ бо единимъ блазнимся, якоже не имать богоразумнаго просвѣщения, нѣ блазнию идольскою диржимъ бяше. Имяше же нѣкоего съвѣтника блага и всякимъ украшена еже к Богу благочестіе и прочее всею добродетѣльною премудростию, печалуюся и скорбя о прелщении царевѣ и хотя его о семь обличити. Удержашется от таковыа вещи бояся да не злу съходатай себѣ же и своей дружинѣ будетъ и бываемѣй имъ многымъ на ползу усѣкнетъ, обаче же искаше время доброудное да привлечеть его на благое.

Вѣща убо единою въ днехъ царь нощю к нему: „Приди да изыдевъ и походимъ по граду, егда что на ползу узрѣмъ”. Ходящема же имя по граду видиста свѣтлу зарю от оконца сияющю и к тому оконцю очи преложивша, узрѣста под землею мѣсто, яко вертепъ жилище, в немъже сѣдяще мужъ въ послѣднѣй нищетѣ живяху и худыми рубами оболчена. Предстояшетъ же ему жена его, вино черплющи ему. Мужю же чашю примѣшю сладкою пѣснь поущи, веселие ему творяше, пляшущи и мужевѣ похвалами хвалящи. Окрестъ

вался он и истинно узнал от одного премудрого советника об обычае тех горожан и о месте изгнания, как и подобало ему без заблуждения знать. И когда он узнал, что ему на том острове предстоит быть, когда он будет лишен царства, открыл он свои сокровища, которые имел в своем распоряжении невозбранно, и, взяв сколько нужно золота, серебра и драгоценных камней, велел множество их отдать верным своим рабам, послав их на тот остров, куда ему предстояло отправиться.

По окончании года горожане подняли мятеж и, как и прежних царей, послали его нагим в изгнание. Прежние неразумные цари тяжело страдали от голода; этот же, послав заранее богатые запасы, жил в изобилии, имея нескончаемую роскошь, отбросив всякий страх перед теми коварными горожанами, и радовался своему мудрому и правильному решению.

Так вот, под городом разумеи этот суетный мир. Горожане — это власть и господство бесов, владетелей тьмы этого мира, обольщающих нас покоем удовольствий и внушающих нам, чтобы тленное и преходящее мы принимали бы за вечно пребывающее с нами и считали бы, что все пребывающие в сладости бессмертны. И вот нас, живущих в заблуждении и никак не думающих об этом великом и вечном, внезапно постигает погибель смертная. Вот тогда-то злые и жестокие горожане тьмы, все свое время пребывавшие с нами, взявши нас, нагими отведут отсюда „в страну вечного мрака, где нет света, не видно жилья человеческого”, нет советника доброго, открывшего все истинное и научившего спасению мудрого царя, — под советником этим понимай мое ничтожество, ибо пришел к тебе, чтобы указать истинный путь, ведущий к вечным и бесконечным благам (...)

Притча о другом царе и о нищем. Слышал я о некоем царе, мудро правившем своим царством; был он кроток и милостив к своему народу. В одном только заблуждался он, ибо не имел света истинного богопознания, но одержим был заблуждением идолопоклонства. Был у него советник добрый и украшенный всяким благочестием к Богу и всей остальной добродетельной премудростью, который печалился и скорбел о заблуждении царя и желал обличить его в этом. Но медлил с этим, боясь повредить себе и своим близким и лишиться приносимой им для многих пользы, и искал он благоприятного времени, чтобы привлечь царя к истинному благу.

И сказал ему однажды ночью царь: „Давай выйдем и походим по городу, не увидим ли что-нибудь полезное”. Идя по городу, увидели они луч света, исходящий из небольшого оконца, и, заглянув в это оконце, увидели они жилище под землею вроде пещеры, в котором сидел человек, живущий в крайней нищете и одетый в убогое рубище. Перед ним стояла жена его, наливая вино в чашу. И когда муж принимал от нее чашу, она пела, увеселяя его, и плясала, и ублажала мужа похвалами. Все, кто были вокруг царя, слыша это,

же царя сущи в часъ велий сиа слышашемъ чюдишася, яко в такой тяжьщй нищетъ сущема, яко ни дому имѣюща, ни ризъ, такимъ веселомъ житиемъ пребывашета.

И глагола царь к первому совѣтнику своему: „Оле чудо, друже, яко мнѣ и тебѣ никогда наше житие тако изволь в такой славъ и пици сиающема, яко худое се каянное житие таковых и неразумныхъ насладити и веселить тихимъ и весель острый сей ненавидимаа жизнь является”. Удобный же часъ примъ, первосвѣтникъ глагола: «А тебѣ, царю, како таковыхъ является житие?» Рече царь: „Всѣхъ, елико когда видѣхъ, нелѣпын и тяжкыи насмисана же и безнравна”. Тогда глагола к нему первопервосвѣтникъ: „Тако убо добръ разумѣй, о царю, и болма разлѣмо естъ наше житие учителей видящимъ* вѣчное оногю житиа и славу всѣхъ убо превосходящихъ благъ, а иже домове блещашимъся златомъ и свѣта и одежа и прочаа пища житиа сего подзери еже и омрачениа суть очима некрашѣе видѣвшимъ неизвѣщанныхъ добротъ сущихъ на небесе нурукодѣланныхъ кушь и боготканнаа же одежа и нетлѣнный вѣнецъ” (...)

Слышашомъ убо, глагола Варламъ, сему царю благочтиво и вѣрно живша на прочее и без буря шествовавши и сущаго житиа прешедша, будущаго же житиа не уполучивша блаженства». (...)

(...) Иоасафъ глагола къ старцю: «(...) Поимъ же мя с собою и изыдевъ отсуду (...)»

Глагола же Варламъ к нему: «Младенець серний питаше нѣкый от богатыхъ. Възрастши же ей пустыни желаше видити, роднымъ обычаемъ влекома. Ишедши убо единою, обрете стадо сернь пасомо и держашеся ихъ, пребываше в пажитехъ селныхъ, вечеръ же обращашеся в домъ, идеже бяше въспитана, купно же паки наутрѣя исходящи непризирианиемъ служаще о ней и с дивными въ стадѣ пребывающи. Стаду же далече пришедшю пасушеся послѣдова же и та с ними. Богатаго же слуги се ошютивше, въсѣдаше на конѣ, погнаша въследь ихъ, свою бо уловивше, възвратишася, оттолѣ не исшествовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другыя же злѣ разгнаша, уязвивше. Симже образомъ боюся, да не будетъ на насъ, аще съ мною послѣдствовати имаша, да не излѣшен буду твоего сужительства и многомъ зломъ ходатай буду другомъ моимъ (...)»

(...) По отшествии Варламовѣ (...) Арахия (...) яко второй от царя (...) саномъ, вѣща: (...) «Азъ старца свѣдаю единого пустытника, Нахоръ нарицаемъ, подобникъ Варламу всимъ... нашея веры (...) и учителя моего въ учении бывша (...) Сего поставимъ яко Варламъ именовати его (...) Таче многимъ со прѣниемъ побѣжаемъ весма побѣжень будетъ. И сиа видя царевъ сынъ, яко Варламъ побѣжнъ бысть, (...) прелстивша его истовъствуеъ (...)».

(...) Тогда бо повель царь всѣмъ собратися идолослужителемъ и христианомъ... Въведенъ же убо бысть Нахоръ въ Варлама мѣсто отвѣщавати (...)

дивились тем, кто среди столь тяжелой нищеты, не имея ни дома, ни одежды, пребывает в такой веселой жизни.

И сказал царь первому советнику своему: „О чудо, друг, ведь ни мне, ни тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была столь мила, как ничтожная и жалкая жизнь этих неразумных людей наслаждает их и тихо веселит, и радостной кажется эта злая и незавидная жизнь”. Воспользовавшись удобным случаем, советник сказал: „А какую кажется тебе, царь, жизнь этих людей?” Ответил царь: „Из всех жизней, какие мне пришлось видеть, это самая тяжелая, нелепая, поруганная и безобразная”. Тогда сказал ему советник: „Так знай же, царь, что наша жизнь гораздо хуже жизни тех, у кого мы должны учиться, кто видит истину вечной жизни и славу превосходящих все благ; дома же, сверкающие золотом и светом, одежда и прочая роскошь этой жизни неприемлемы, мрачны и некрасивы для глаз тех, кто видел несказанные красоты небесных нерукотворных жилищ, боготканых одежд и нетленных венцов” <...>

Слышал я, — сказал Варлаам, — что этот царь жил далее в истинной вере и благочестии, и спокойно прожил, и окончил свою жизнь, достигнув блаженства будущей жизни». <...>

<...> Сказал Иоасаф старцу: «<...> Возьми меня с собой и уйдем отсюда <...>».

Ответил ему Варлаам: «Один богатый человек вскормил молодую серну. Когда она подросла, то затосковала по свободе, влекомая природным стремлением. Выйдя однажды, увидела она стадо пасущихся серн и пристала к ним; бродила она с ними по полям, а вечером возвращалась в дом, в котором была вскормлена, утром снова выходя, по недосмотру слуг, чтобы снова пастись со стадом диких серн. Когда однажды стадо отошло далеко, последовала и она за ним. Слуги богатого человека, увидев это, сели на коней и погнались за стадом; поймав свою серну, они вернули ее домой и заперли, чтобы не смогла выйти; из остального же стада они кого убили, кого разогнали, поранив. Боюсь, чтобы не было таким же образом и с нами, если ты последуешь за мной, чтобы не лишиться мне твоего сожителства и не причинить многих бед товарищам моим <...>»

<...> После того, как ушел Варлаам <...> Арахия <...> второй после царя <...> саном, сказал <царю>: «<...>Знаю я одного старца-пустынника по имени Нахор, который весьма похож на Варлаама... Он нашей веры <...> и мой учитель. <...> Представим Нахора за Варлаама. <...> В состязании с нашими мудрецами о вере он окажется побежденным. Царевич же, увидев это — поражение Варлаама, поймет, что тот ввел его в заблуждение».

<...> Тогда повелел царь собраться всем, и идолопоклонникам, и христианам... И приведен был Нахор, мнимый Варлаам, для спора <...> И сказал царь

Глагола царь к вѣтиямъ своимъ и премудрымъ: «(...) Се бо подвигъ предълежитъ (...) подобаетъ бо которому быти днесь в нас или наша утвердити, блазнитися Варламомъ и иже с нимъ. Аще же обличите я, то (...) вѣнци побѣдными вѣнчаномъ быти. Аще ли побѣженъ будете, (...) злою смертию умреть».

(...) Сынъ его ...явлениемъ ему от Бога сномъ... превращение разумѣвъ... глагола къ Нахору: «(...) Аще ли побѣженъ будеши (...) руками своими сердце твое и языкъ твой искоренивъ, псомъ на снѣдь сия съ прочимъ тѣломъ твоимъ дам, да устрашятся вси тобою не прелщати сыны царева». Сия глаголы услышавъ, Нахоръ унылъ бысть зѣло и осрамлен, видя себе впадша в ровъ, иже створи... Размысливъ убо себе приложитися паче к цареву сыну и его вѣру утвердити (...) отверзъ уста своа, якоже Валамль осель* яже непреложнаа реши та изглагола, и глагола къ царю:

«Азъ, царю, прилежаниемъ Божиимъ приидохъ в миръ и видивъ небо и землю и море, солнце и луну и прочая, чюдихся красоту сихъ. Видивъ же всего мира и сушая вся в немъ, яко нужею и движема суть, разумѣхъ движашему и одержашю я есть Богъ. Все бо подвижаа крѣпкое есть движемаго и одержителнаго крѣплѣе держимо есть. Тому убо глаголю Богъ есть вѣставившему вся и одержашему, безначална и вѣчна, бесмертна и не требуя ничтоже, вышъ всѣхъ грѣховъ и прегрѣшений, гнѣва же и забвение и творимая недоумѣвание и прочаа. Всяческая имъ составлена быша. Не требуетъ ни жертвы, ни требища, ни всихъ видимыхъ, вси же его требуютъ.

Сия тако глаголана о бозѣ, якоже во мне вмѣсти о немъ глаголати, придемъ же от человеческого рода яко да видимъ, которѣи их держать истинну и которѣи соблазнъ. Явѣ бо есть нам, о царю, яко три родѣ суть человечестии в семь мирѣ, в нихже суть поклонители вама глаголемыхъ богъ, иудеяне, християне. Тѣ же паки, иже многыа чтяще богы, на три роды раздѣляются, на халдѣяны и на еллины и на егуптяны, си бо быша начальници и учителя и прочимъ языкомъ, многоименныхъ богъ служители. Видимъ убо, которѣи ихъ держатся истинны и которѣи прелсти.

Ибо халдѣяне, иже не вѣдающе бога, прелщенъ быша послѣдовати стихий и начаша честити тварь паче створившаго ихъ,* ихъже образъ нѣкоторыхъ створше, нарекоша от изображения* небеснаго и земагнаго, и морю, солнцю же и луне и прочимъ стухиамъ и звѣздамъ и поставивше я в капищехъ, кланяются, богы наричюще, ихъже и стрегутъ с твердию да не унырими будутъ от разбойникъ, и не разумѣша, яко стрѣгий вяще стрегомаго есть и творяй творимаго есть, ибо аще невозможнѣ бозѣ ихъ о своемъ спасении, како инѣмъ спасение даровати имуть. Блазнию бо великою соблазнишася халдѣяне, чтяще кумиры мертвеца и не позна я. И дивовати ми ся хошетъ, о царю, тако глаголемии премудрии ихъ не разумѣша, яко и та стухиа тлѣми суть бози, како кумиры, яже створена в честь ихъ, бози суть.

ораторам и мудрецам своим: «⟨...⟩ Предстоит вам подвиг ⟨...⟩ подобает сегодня ему быть нашим и утвердить нашу веру, а Варлаам, и те, кто с ним, окажутся заблуждающимися. Если обличите его, то ⟨...⟩ будете увенчаны победными венцами. Если же будете побеждены, ⟨...⟩ умрете жестокой смертью».

⟨...⟩ Сын царя... узнав об обмане через посланный ему от Бога сон... сказал Нахору: «Если будешь побежден ⟨...⟩, то своими руками вырву я сердце твое и язык и отдам на съедение псам вместе с остальным твоим телом, чтобы устрашились все твоим примером совращать царских сыновей». Услышав это, Нахор стал весьма уныл и пристыжен, видя, что упал в яму, которую сам вырыл... Размыслив, он решил стать на сторону царевича и утвердить его веру ⟨...⟩; отверз он свои уста, как некогда Валаамова ослица, решив изречь непреложное, и сказал, обращаясь к царю:

«Я, о царь, по промыслу Божию пришел в мир и, увидев небо и землю, и море, солнце и луну, и все остальное, изумился красоте их. Увидев, что мир и все сущее в нем движутся по необходимости, уразумел я, что движущий и держащий все есть Бог. А все движущее сильнее движимого и держащее крепче держимого. Поэтому и утверждаю я, что Бог есть тот, кто создал все и устроил, он безначален и вечен, бессмертен и не зависит ни от чего, он выше всех грехов и прегрешений, гнева и забвения, того, что творит неведение, и всего остального. Все существует только через него. Он не нуждается ни в жертвах, ни в возлияниях, ни во всем остальном внешнем, но все нуждаются в нем.

После того, как я сказал о Боге то, что он удостоил меня сказать о нем, перейдем теперь к человеческому роду и увидим, кто обладает истиной, а кто пребывает в заблуждении. Известно нам, царь, что есть три рода людей в мире: почитатели ваших так называемых богов, иудеи и христиане. В свою очередь, те, кто почитает многих богов, разделяются на три рода: халдеи, эллины и египтяне; эти три народа были родоначальниками и учителями прочих народов, почитающих многих богов. Посмотрим же теперь, кто постиг истину и кто заблуждается.

Халдеи, не знающие истинного бога, будучи введены в заблуждение из-за существующих стихий, начали почитать сотворенное более творца; сделав некоторые изображения, они назвали их подобиями неба и земли, и моря, и солнца, и луны, и остальных стихий и звезд, и поставив их в храмах, поклоняются им, называя их богами, и охраняют их надежно, чтобы не украли их грабители; и не сообразили они, что стерегущий сильнее охраняемого и создавший выше созданного; если же не в силах их боги охранять самих себя, то как же могут даровать спасение другим? Итак, в великое заблуждение впали халдеи, почитающие мертвых и бесполезных идолов. И дивлюсь я, о царь, как те, кто называются у них мудрецами, не смогли понять, что если те стихии тленные не являются богами, то как же идолы, сделанные в их честь, могут быть богами?

Придемъ убо, царю, и на сиа стихиа, яко да явимъ о нихъ, яко не суть бози, но тлѣма, измѣняема, от небытия въ бытие створена повелениемъ истинным Богомъ, иже есть нетлѣмый, неизмѣнуемый и невидимъ, сама же всяческаа видить и якоже хоцеть именуеть* и прелагает. Что убо глаголемъ о стихияхъ?

Мняще небо есть богъ блазнятся. Видимъ бо его прелагаема и нужею движема и многими уставлена, имже красота же строй есть нѣкоего художника, устроено же начало и конецъ имы есть. Небо движется нужею светилома своима, ибо звѣзды чиномъ и преступлениемъ водими суть, знамениа въ знамение, ови бо заходятъ, и друзии же восходятъ и по вся лѣта шествование творять да совершать жатву и зиму, якоже повелѣно имъ есть от Бога, и не преступають своихъ повелений по разрушению естествою нужею с небесною красотою. Тѣмъ явѣ есть, яко нѣсть небо богъ, но дѣло Божие.

Мнящеи же землю есть богъ либо богыню, и тии соблазнишася. Видимъ бо ю человеки досажаема и обладаема, и възмѣшаема, и копаема ими, и неключима бываема. Аще бо испечена будетъ, то мертва будетъ, ибо от скудѣли прозябаеть ничтоже. Еще же наипаче мочима будетъ, тлѣться и сама, и плодъ ея. Топчема же человеки и прочихъ скотинъ, кровию убиеныхъ оскверняется, рыема наполняема мертвыхъ телесъ ковчегъ бываеть. Симвь такомы сущемъ не подобаеть земли богыни быти, но дѣло Божие на требование человекомъ.

Мнящеи же воду бога суца облазнишася. И та бо на требование человекомъ бысть и одаляема ими, оскверняется и тлеема есть, измѣняется варима и вапы же размесима, и студеньствомъ мразима, и кровию оскверняема и на нечистоту всякую на омывание и на опирание носима. Сего радѣ невозможно водѣ быти богомъ.

Огнь бо бысть на требование человекомъ и одаляемъ, и мимоносимъ от мѣста на мѣсто на варитву и на печитву всякимъ мясомъ, еще же и мертвыми телесы. Тлѣемъ есть и многими образы от человекъ огашаемъ есть. Сего ради не подобаеть огню богомъ быти, нѣ дѣло Божие.

Мняще же человека суца бога блазнятся. Видимъ бо его движема нужею и питуема, и състарѣющася, и не хотящю ему. И когда бо радуется, когда же печалень будетъ, требуя пища и питиа и одежа. Сущю же ему гнѣвливу и невниму, небрегому и прѣгрѣшения многа имуща, гиблема же многими образы от стихий и животинами, и от подлежащаа смерти. Неподобаеть убо человеку быти богомъ, но дѣло Божие. Блазнятся убо и прелестию велиею прелщени быша халдѣяне, послѣдующе желаниемъ своимъ. Вѣрують бо во тлимаа стухиа и мертвыхъ кумирь и не разумѣюще сиа боги творять.

Придемъ убо къ елиномъ, что ти домышляються о бозѣ. Убо еллини премудрии глаголюще суци уродѣви быша, хужьше халдѣянъ, приводяще богомъ многомъ бывшемъ мужьскихъ полъ, другыя и женьскихъ полъ всяче-

Перейдем теперь, о царь, к самим стихиям, чтобы показать, что не боги они, но тленны и изменяемы, вызваны из небытия в бытие повелением истинного Бога, который нетленен, непреложен и невидим, сам же все видит и как хочет именуется и изменяет. Что же скажу о стихиях?

Считающие небо богом заблуждаются. Ибо видим мы, что оно изменяется и движется по необходимости и состоит из многих частей, а красота есть устройство некоего искусного мастера; все устроенное имеет начало и конец. Двигается же небесный свод по необходимости со своими светилами; звезды же подвижны по порядку и пути своему, от созвездия к созвездию, одни заходят, другие восходят, и во все времена года совершают они свой путь, меняя лето и зиму, как повелено им Богом, и не преступают своих пределов, не нарушают естественного течения в соответствии с небесным порядком. Откуда явствует, что небо не бог, но творение Божие.

Считающие землю богом или богиней также заблуждаются. Ибо видим мы, что она оскверняется людьми, находится во владении у них, они размещают и копают ее, и становится она непригодной. Если ее жечь, то делается мертвой; так, из черепицы ничто не произрастает. Если же, в особенности, намокает, истлеивает сама и плод ее. Топчут ее и люди, и животные, оскверняют кровью убитых, роют ее, и становится она ковчегом мертвых тел. И поскольку так обстоит все это, то невозможно, чтобы земля была богом, но она есть творение Божие на пользу людям.

Считающие воду богом заблуждаются. Ведь и она также существует на пользу людям; они распоряжаются ею, она оскверняется и уничтожается ими и изменяется; ее кипятят и меняют цвет ее красками, и твердеет она от холода, и оскверняется кровью, и употребляется для мытья всего нечистого, и носят ее для стирки. Поэтому невозможно воде быть богом.

Огонь также создан на пользу людям, они распоряжаются им и переносят его с места на место для жарения и варения всякого мяса, а также для сожжения мертвых тел. Он уничтожаем, и многими способами люди погашают его. Поэтому не подобает огню быть богом, он лишь творение Божие.

Считающие человека богом заблуждаются. Ибо видим, что и он подчиняется необходимости, и употребляет пищу, и стареет против своей воли. Он то радуется, то печалится, нуждаясь в пище, питье и одежде. При этом он бывает гневен, ревнив, бывает в пренебрежении, имеет многие недостатки; он уничтожим разными способами, от стихий и животных и от предстоящей ему смерти. Поэтому нельзя считать человека богом, но лишь творением Божиим. Итак, в великое заблуждение впали халдеи, следуя своим выдумкам. Ведь почитают они тленные стихии и мертвых идолов и не понимают, что сами творят из них богов.

Перейдем теперь к элинам, что же они думают о Боге. Эллины, считающие себя премудрыми, еще более оглупели, чем халдеи, утверждая, что существуют многие боги, одни мужского пола, другие женского, являющиеся

скими грѣхи и всякы дѣлы незаконными. Тѣмъ смѣшенныхъ и уродивыхъ и нечестивыхъ глаголь въведоша елини, о царю, не сущихъ богъ нарекоша богы по желанию своему злomu, да суперники сиа имуть от злыхъ дѣяний и о злобѣ, прелюбы творят, въсхыщаютъ, прелюбодѣяние съ убийствомъ купно творять. Ибо бози ихъ таковаа створиша. От такихъ убо начинания прелестныхъ ключися человекомъ брань имѣти и крамоль частыхъ и закалание, и убийство, и пленение горкое. Нѣ и по единому богомъ ихъ узриши безмѣстие и сквернаа дѣла ихъ, яже быша ими.

Преже всѣхъ богъ бысть им Кронъ, и сему жертву творять своа чада, иже имѣяше детищъ много от Рее жены, и възбесився изыдая чяда своя. Глаголють же урѣзати истеса своя* и въврещи в море, тѣмъ Афродѣи бысть лжа. Свяжавъ убо своего отца, Зеусъ вложи его въ тимение.* Видиши прелесть и блазнь, и скверное зазрѣние ихъ, и блудъ, егоже вводятъ на богъ свой? Подобаеть ли и богу связаному быти истесомъ урѣзана? Оле неразумие разума имѣющимъ сиа имаеть изглаголати.

Вторый же въводимъ есть Зеусъ, емуже глаголють царствовавша богомъ ихъ и преобразатися во животины, яко да прелюбы творить с мертвыми* женами. Въводятъ сего преобразившюся въ юнецъ къ Европии,* а въ золото къ Данаинѣ, или коствованикомъ къ Антиопии, и въ градъ къ Емелини. Таче быти от тѣхъ женъ чада многа, Диониса, и Зифона и Афиона, Ираклина и Аполона, и Артемина и Персѣяна, Кастера же и Елина, Поледевки и Миноя, и Радаманфина, и Сарпидона, и девять дщерий, ихъже нарекоша богынѣ.* По семьже вводятъ яже о Ганимидинѣ. О царю, человекомъ подоблятися сиимъ всимъ и быти прелюбодѣйцемъ, и ко мужескому полу бѣсование, и иныхъ злыхъ дѣлъ дѣлательемъ по подобствию бога ихъ. Како убо довлити богу быти прелюбодѣянику и къ мужескому полу похотника ли отцубийца?

Съ сими же Ифестона нѣкоего приводятъ бога, держаща млать и клѣщѣ и кующу пищу радѣ. Убо требует ли богъ, иже не подобаеть богу си творити ли у человекъ просяща?

Таче Ермия въводятъ бога суца, желателя и тати, и хыщника, и вълхва, и сухорука, словесемъ толковати, еже не дозветъ богу быть таковымъ.

Асклипия же въводятъ бога суца и врача, и строителя былиемъ, и помазателя пищи ради, проситель бо бѣ, послѣдъ же поражену ему быти Диемъ Дара* ради Лакодемонова сына и умрети. Аще Асклипий богъ сый пораженъ не возможе себѣ помощи, како инѣмъ помощи можетъ?

Арѣй же въводится богъ сы воиникъ и ревнитель, и желатель скотинамъ и иному пленению, послѣди же ему прелюбодѣяние створившю съ Афродитнею, связану ему были от дѣтищю Еротомъ и Ифестом. Како убо богъ бысть желатель и воиникъ, связанъ и прелюбодѣиць?

творцами всяких грехов и незаконных дел. Поэтому смешные, глупые и нечестивые речи, о царь, говорят эллины, провозглашая несуществующих богов по своим собственным дурным страстям, чтобы, имея их защитниками злых деяний и злобы, могли бы они прелюбодействовать, красть, творить прелюбодеяния вместе с убийствами. Ибо боги их совершали таковые дела. Вот от этих-то заблуждений и начались у людей войны, и частые мятежи, и убийства, и тяжкие пленения. Но и по каждому из их богов увидишь бессмыслие и дурные дела, которые пошли от них.

Первый из всех богов у них Кронос, и ему приносят они в жертву детей своих; у него было много сыновей от жены Реи, но, впадая в безумие, съедал он детей своих. Говорят, что он отрезал свой детородный член и бросил в море, откуда, как рассказывают в баснях, и появилась Афродита. Связав своего отца, Зевс вверг его в тартар. Видишь теперь, как они заблуждаются и обманываются, приписывая распутство богам своим? Подобаает ли, чтобы бог был связан и лишен детородного члена? О неразумие, кто из имеющих разум может сказать такое?

Вторым почитается у них Зевс; о нем говорят, что он царствует над богами и превращается в животных, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. Рассказывают, что он превращался в быка ради Европы, в золото ради Даная, в сатира ради Антиопы и в молнию ради Семелы. От этих женщин родилось потом у Зевса много детей: Дионис, Зет, Амфион, Геракл, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор и Елена, Полидевк, Минос, Радамант, Сарпедон и девять дочерей, которых называют богинями. Потом рассказывают они о Ганимеде. Так вот, царь, люди стали подражать всему этому и впали в разврат, и в преступную страсть к мальчикам, и в другие дурные дела, по подобию богов их. Как может быть богом прелюбодеец и мужеложник или отцеубийца?

Вместе с теми почитают они богом и некоего Гефеста, владеющего молотом и клещами и занимающегося кузнечным ремеслом ради пропитания. Разве требуется что-нибудь богу и может ли быть, чтобы бог занимался таким делом и просил у людей пропитания?

Далее, почитают они богом Гермеса, лихоимца, вора, гадалея и увечного, истолкователя снов, но не подобает, чтобы таким был бог.

Почитают они бога Асклепия, врача, составляющего лекарства и притирания пропитания ради, ибо и он в нужде, а потом Зевс поразил его насмерть из-за Тиндарея-лакедемонянина, и умер он. Если Асклепий, будучи богом, не смог помочь самому себе, пораженный громом, то как может он помочь другим?

Арес почитается ими как бог, воитель, завистник, жадный до стад и другого имущества; затем его, прелюбодействовавшего с Афродитой, связали Эрот и Гефест. Как же может быть богом алчный воитель, заключенный в оковы, и развратник?

Деониса же вводятъ бога суща, на ношныя празднигы вводя и учителя пианьствию, и исхытающа искреныхъ своихъ женъ, и бѣсующася, и бегающа. Послѣди же убиену быти отъ титанъ. Аще убо Дионисъ отъ убийства себѣ не возмогъ помощи, нѣ бѣсуюся бысть пианица и бѣгатель, како бысть богъ?

Ираклея же вводятъ бога суща. Упившюся ему бѣсоватися и чада своа закалати, таче огнемъ съжену быти и умрѣти. Кака убо богъ бысть пьяница и чадоубийцъ и съжень, како ли инѣмъ помощи хочеть, себѣ помощи не возмогый?

Аполона же вводятъ бога суща, ревнителя еще же и стрелца и туль держаща, овогдаже гудуща и пѣсотворца, и волхвующа человекомъ мзды ради. Убо проситель есть, якоже не подобаетъ богу просителю быти и ревнителю и гудцю.

Артемию же вводятъ, сестрѣ его суши, ловящи и лукъ имущи с туломъ, и сей ристати по горамъ единой со псы, яко да уловить елень ли инорогъ. Како убо есть богыни таковая жена и ловителница, рещущи со псы?

Афродитию же глаголють и си богыни суши, прелюбодейца, овогдаже имяше прелюбодѣйника Арина, овогдаже Анхисина, овогда же Аданина, егоже искаше, смерть плачущи рачителя своего, иже глаголють, и въ адъ съшедшю, яко да искупить Адонона отъ Персефонъ. Видѣ ли, о царю, вящща сего безумиа, богыни вводити убийци, прелюбодѣйци, рыдающи и плачущи?

Адона же вводятъ бога суща, ловца и злою смертию умрѣти, уязвѣна отъ сына* и не могша помощи окаяньствию своему. Како убо человекомъ прилѣжанье сътворити можетъ прелюбодѣйникъ и ловець и злосмертный?

Сия вся и много таковыхъ, много множайша и сквернейша и злѣйша въведоша еллины, царю, отъ богъ своихъ, ихъже понстѣнѣ недостойтъ глаголати, ни в память приносити. Тѣмъ приемше человеци таковыя вины отъ богъ своихъ творяху всякого безакониа и скверное зазрѣние и бесчестие, оскверняюще землю и воздухъ злыми своими дѣянии.

Егуптяне же безумнѣйше и неразумнѣйше сихъ, уродѣвѣйше суще языкъ всѣхъ облазнисася, ибо не доволнѣ быша халдѣйсти и елиньстѣй вѣрѣ и поклонянию, нѣ еще и неразумныхъ скотинъ въведоша, богы наричаще, земныя бо и водныя, и древа, и зелиа, всякимъ бѣсовствиемъ и сквернымъ зазрѣниемъ хужше всѣхъ языкъ, сущихъ на земли. Изначала бо вѣроваху въ Исону, имущи мужа и брата Осерна именемъ, заколена братомъ своимъ Туфономъ, и сего ради бѣгаетъ Исида съ Оромъ сыномъ своимъ увидивъ* сурьстѣй, ищущи Осирода и горко рыдающи, дондеже възрасте Оръ и уби Туфона. Да не возможе Исиа помощи брату своему ни мужю, ни Осирь ублены Туфономъ възможе заступити его, Туфонъ же братоубийца, погубляемъ Оромъ и Исидою, не можетъ себе избавити отъ смерти. Таче таковымъ

Почитают бога Диониса, устроителя ночных празднеств, научившего пьянству, увлекающего за собой чужих жен, впадающего в безумие и беглеца. Убит он был потом титанами. Если же Дионис не мог себя спасти от убийства и был безумцем, и пьяницей, и беглецом, то как может он быть богом?

И Геракла почитают они как бога. Он же, опьянев, беснуется и убивает своих детей, а затем сгорел в огне и умер. Как же может быть богом пьяница и детоубийца, сгоревший в огне, как же может помочь другим тот, кто не смог защитить себя?

Считают они богом Аполлона, завистника, держащего лук и колчан, иногда играющего и сочиняющего песни, и гадающего людям за плату. Стало быть, он в нужде, но не подобает, чтобы богом был нуждающийся, и завистник, и играющий.

Почитают они Артемиду, сестру Аполлона, охотницу, обладательницу лука с колчаном, носящуюся по горам со сворой собак, чтобы выследить лань или вепря. Как же может быть богиней такая женщина и охотница, бегающая со сворой псов?

Об Афродите говорят, что и она богиня и прелюбодеица, ибо творит она прелюбодеяния то с Аресом, то с Анхизом, то с Адонисом, смерть которого оплакивает она в поисках своего возлюбленного; рассказывают, что и в ад спускалась она, чтобы выкупить Адониса у Персефоны. Видел ли ты, о царь, большее безумие, ведь вводят они в качестве богини убийцу, прелюбодеицу, рыдающую и плачущую.

Считают они богом Адониса, охотника, который погиб тяжкой смертью, убитый сыном, и не смог помочь несчастью своему. Как же может позаботиться о людях прелюбодей и охотник, погибший насильственной смертью?

Все это и много подобного и великое множество ужасного и дурного придумали эллины, о царь, о богах своих; о них поистине грешно и говорить, и держать их в памяти. А люди, беря такие примеры со своих богов, творят всякие беззакония, и скверные и злые дела, и бесчестие, оскверняя землю и воздух злыми своими деяниями.

Египтяне же еще более глупы и неразумны, впали в заблуждение хуже всех остальных народов, ибо они, не довольствуясь халдейской и эллинской верой и поклонением, стали поклоняться еще и лишенным разума животным, земным и водным, называя их богами, и деревьям, и травам; своим всяким безумием и скверными делами они хуже всех народов, сущих на земле. Сначала веровали они в Изиду, имеющую брата и мужа по имени Озирис, убитого братом своим Тифоном, и потому бегает Изида с сыном своим Ором по сирийской земле, ища Озириса и горько плача, пока не возрос Ор и не убил Тифона. И ни Изида не могла помочь своему брату и мужу, ни Озирис, убиваемый Тифоном, не мог противостоять ему; ни Тифон-братоубийца не смог избавить себя от смерти, погубляемый Ором и Изидой. И пребывающие в таковых несчастьях, были они

бытиемъ въдоми суще ти бози от неразумныхъ егуптянь въмѣними быша и не о сѣхъ еже доволнѣ быша ли прочиихъ вѣрѣ язычныхъ и неразумныхъ скотинѣ въведоша боги суща, нѣ неции от нихъ овцамъ, ини же козломъ, етерѣи же телцемъ и коркодилу, змии и псу, и влѣку, и курицы, и тряпяску, и аспиду, и лукуду, и плейму, и чесновитку,* и неразумеша, окаании, о всѣхъ сихъ, яко ничтоже могутъ.

*Придемъ убо, о царю, и к иудеомъ, яко да видим, что мыслять о Бозѣ.** Си бо Аврамова ищадна и Исакова и Яковля,* суть пришѣльствова въ Егупеть, оттудѣже изведе я Богъ „рукою крепкою и мышцею высокою“, Моисѣемъ законодавцемъ ихъ и чудесы многими и знамениемъ показана имъ свою силу, нѣ неразумнѣи явишася и непохвалнѣ, и многажды служиша языческу поклонянию и вѣрѣ, и посланымъ къ нимъ пророкы и праведникы избиша. Таче яко изволѣ Сынъ Божий прити на землю, негодовавше на нь, предаша и Пилату игѣмону римскому, и осудивше, распяша и, не постыдившѣмъся добродѣтельствиа его и бесчисленыхъ чудесъ, ихъ в нихъ сѣтвори. И погыбоша своимъ безакониемъ, вѣрующе бо и нынѣ Богу единому Вседержителю, нѣ не с разумомъ, Христа бо отмѣтаются Сына Божиа, и суть безаконици. Симъ бо егда како приближатися истѣнѣ мнѣть, от неяже удалишася. О иудѣехъ бо тако есть.

Крестияне же родословять поченъше от господа Исуса Христа. Сеже Сынъ Божий вышняго исповѣдаемъ есть, Духомъ Святымъ с небесе шед спасения ради челоуечьскаго, от Девы святыя рожься без сѣмени же и без истлѣннѣиа плоть въсприим и явися челоуекъ, яко да от многобожныа прелести възвратити челоуекы, и кончавъ дивнаго своего смотраения и распятиемъ смерть вкуси волею своею смотрениемъ великимъ. По трехъ же днехъ възскресе и на небеса взиде. Егоже слава пришествиа его от самехъ христианъ нарицаемое евангельское Писание подобаетъ ти разумѣти, царю, аще бесѣдовати хоцещи разумети. Се Христось 12 имяше ученикъ, си по вознесении его еже на небеса изидоша в начальствие всея вселеннѣи и научиша величествиа его. Единъ же от нихъ приде в нашу страну повеление проповѣдаа истины. Тѣмъ еще на службу оправданемъ проповѣданемъ ихъ нарицаются крестияне, паче всѣхъ языкъ обретше истину. Свѣдають бо Бога творца и сѣдѣтеля, имъже всяческаа быша Сыномъ единочядымъ и Духомъ Святымъ. Иного бога паче сего не чтятъ, ни кланяются, имѣють же заповѣди гопода Исуса Христа въ сердци ихъ написана, тыя храняше, чяють възскресеение мертвымъ и жизнь будущаго вѣка. Не имуть прелюбодѣяти ни любодѣяти, не лжесвѣдительствоють, не вжелаютъ чюжаго, чтуть отца и матеръ и искренихъ другъ, праведно судя, елико не хотятъ себѣ имъ да будетъ, и иному не творятъ, обидящаа ихъ призываютъ тѣшаше и другы себѣ творятъ, на добродѣтельствиа тщатся; кротци суть и милостиви; от всякаго счѣтаниа безаконна и от всея нечистоты въздержатся; вдовици не презрятъ, сиротамъ скорби не творятъ; имея неимеющему безъ зависти подава-

признаны богами неразумными египтянами; и египтяне, не довольствуясь этими или другими предметами поклонения язычников, также ввели в качестве богов и лишенных разума животных, ибо некоторые из них поклоняются овце, другие козлу, иные тельцу, другие крокодилу, змее, и собаке, и волку, и курице, и обезьяне, и аспиду, и луку, и терну, и чесноку, и не поняли, окаянные, что не могут они ничего.

Перейдем теперь, о царь, и к иудеям, и посмотрим, что они мыслят о Боге. Ибо они — потомки Авраама, Исаака и Иакова, пришли в Египет, откуда вывел их Бог рукою крепкою и мышцею высокою через Моисея, законодателя их, многими чудесами и знаменами показал им свою силу, но они оказались неразумными и неблагодарными и часто служили языческому поклонению и вере, а посланных к ним пророков и праведников убивали. После же того как Сын Божий соизволил прийти на землю, они, отвергнув его, предали его Пилату, начальнику римскому, и, осудив, распяли его, не устыдившись благодетельства его и бесчисленных чудес, которые он сотворил для них. И погибли они через беззаконие свое, хотя и веруют они ныне в единого Бога-Вседержителя, но не с разумом, ибо отвергают Христа, Сына Божия, будучи беззаконными. Ибо как же думают они, что близки к истине, на самом деле удалившись от нее? Вот это об иудеях.

Христиане же ведут свой род от Господа Иисуса Христа. Он исповедуем как сын Бога Всевышнего, через Духа Святого сшедший с небес ради спасения людей, рожден от Девы святой без зачатия и без истления, восприял плоть и стал человеком, чтобы вернуть людей от многобожного заблуждения к истине, и, совершив свой дивный промысел, принял смерть через распятие по своей воле, по великому предопределению. По истечении трех дней он воскрес и взошел на небеса. Славу же пришествия его подобает тебе знать, о царь, из книг, называемых самими христианами евангельским Писанием, если захочешь побеседовать об этом. Христос имел двенадцать учеников, которые, по вознесении его на небеса, разошлись по областям всей вселенной, чтобы учить о величии его. Один из них пришел и в нашу страну, проповедуя учение истины. Откуда и пошло, что те, кто служат учению проповеди их, называются христианами, более всех других народов обрели они истину. Познали ведь Бога, творца и создателя всего, через Сына едиnorodного и Духа Святого. Иного бога они не почитают и никому другому не поклоняются; заповеди же господина Иисуса Христа имеют записанными в своих сердцах и, сохраняя их, ожидают воскресения мертвых и жизни будущего века. Не прелюбодействуют они, не предаются блуду, не лжесвидетельствуют, не желают чужого, почитают отца и мать и близких друзей, судят по справедливости: то, чего себе не желают, того и другим не делают; обижающих их призывают, утешая, и делают их друзьями своими, стараются творить добро; кротки и милостивы, воздерживаются от всякого беззаконного сожительства и от всякой нечистоты; вдовиц не презирают, сирот

еть. Странна аще узрять, под кровь воводятъ и радуются о немъ яко о братѣ истѣннѣмъ, ибо не по плъти ихъ братию нарицають, нъ сердцемъ и душею. Готовѣ суть Христа ради душа своя предложити; повеления же его твердо хранятъ, преподобно и праведно живуще, якоже Господь богъ имъ повелѣ, благодарствующе его въ вся часы о всякой пищи и питии и прочихъ благъ. Поистинѣ убо тѣ есть истинный, еликоже ихъ шествуютъ по немъ, руководствуеть въ вѣчное царствие, обѣтованую Христомъ в будущую жизнь.

И да вѣдай, царю, яко не о себѣ сиа глаголю, приклонився въ книги крестияньскы, обрящещи ничтоже, кромѣ истинно мя глаголюща. Добрѣ убо разумѣ и сынъ твой, поистинѣ научи служити истинному Богу и спастися в будущий вѣкъ шествующу ему. Яко велиа бо и чюдна хрестияны глаголемая и творима, ибо не чловечьскыхъ глаголь глаголють, нъ Божиа. Прочии же языцѣ блазнятъ и блазнятъ себе и слушающимъ ихъ, шествующе бо во тмѣ падутъ самѣ, яко пиани суще. Доселѣ к тебѣ мое слово, о царю.

Иже поистинѣ разумомъ моимъ изглаголана, сего ради да умолкнуть неразумнии твои премудрии, в пустошь бо глаголють на Господа. Подобаеть бо Бога Творца чтуше и кланяющесе и нетлѣнныхъ его глаголь внушити, да суда избѣгше и мукъ, жизни негыблющиа явитесе наслѣдници».

не обижают; имущий неимущему подает без сожаления. Если увидят странника, принимают под свой кров и радуются ему как родному брату, ибо не по плоти называют людей своими братьями, но сердцем и душой. Они готовы ради Христа души свои положить, твердо соблюдают его заповеди, живя благочестиво и праведно, как повелел им Господь Бог, благодаря его во всякое время за пищу и питье и прочие блага. Поистине это верный путь; всех, кто идет им, Христос ведет в вечное царство, в обещанную им будущую жизнь.

И знай, царь, что не от себя говорю это, то, посмотрев в книги христианские, не найдешь ты там ничего, кроме сказанной мною истины. Поэтому правильно уразумел сын твой и верно научился почитать истинного Бога, чтобы спастись в будущей жизни. Ибо велико и чудесно то, что говорят христиане и делают, ибо не человеческие слова говорят они, но Божиим. Остальные же народы заблуждаются и вводят в заблуждение и себя, и тех, кто слушает их, ибо идут во тьме и падут сами, словно пьяные. Вот мое к тебе слово, царь.

Перед тем, что произнесено истиною через разум мой, пусть умолкнут неразумные твои мудрецы, ибо пустословят они, рассуждая о Боге. Ведь подобает, почитая Бога-творца и поклоняясь ему, вслушиваться в бессмертные его слова, чтобы, избегнув Страшного суда и вечных мук, стали бы вы наследниками негибнущей жизни».

ИЗ ПРОЛОГА

4 септември. Страсть святаго священномученика Вавулы,* въ Никомидии бывшую учителю, купно и иже с нимъ 80 и 4 мученикъ. Ти святии мученици бѣша при Максимиянѣ цесари* от села, нарицаемаго Кандавлии, иже и яти бывше, и исповѣдаша имя Исуса Христа. И того ради обѣшени бывше, стрѣгани быша, дондеже явится костемъ ихъ. Посемъ въвергоша я въ баню ражжену крѣпко и назнамену перстнемъ цесаревомъ, да не изидуть, ангель же Господень възва я внѣ, и изидоша без вреда, затвореномъ дверемъ. Темъ ведоша я внѣ из града на пусто мѣсто, и испросивше час молитвѣ дати имъ, воиномъ попустиша; и ставше намнозѣ молишася и благодаривше, яко сподобишася по Владыцѣ Христѣ. Мучени быша тако: съсѣчени быша всѣми удесы, и голѣни ихъ скрушиша, и въвергоша въ огонь. И телеса ихъ изгорѣша, а блаженныя ихъ и святыя душа възидоша на небо, радующеся и веселяющеся.

25 септември. Память прѣподобныя Еуфросинѣ Измарагда.* Та бѣ от Александрьскаго града,* дѣщи Пафнутія нѣкоего богата мужа, иже въсхотѣ дати ю въ бракъ. Нѣ она разумѣвши, притекши къ нѣкому от святыхъ старецъ, бысть чѣрнорица. Посемъ обѣлкѣхшися въ мужьскыя ризы, преобразися въ мужь, и убояхшися, да не обрящеть ея отецъ свои, отиде въ мужьскыи манастирь.

Внѣже имѣяше по обычаю ходити отецъ ея. И съ слезами повѣдая игумену бѣжаніе дѣщере; видяще ю въ манастири, яко скѣрбѣяше о томъ съ прочими мнихи, не знаяше ея.

Створи же в манастири 38 лѣтъ, разболѣся и, призвавши отца своего, и исповѣдавши и глаголющи: «Азъ есмь дѣщи твоя, и не скрѣби». И тако умре, и чюдишася вси.

ИЗ ПРОЛОГА

4 сентября. Страсть святого священномученика Вавилы, учителя из Никомидии, и с ним вместе 84-х мучеников. Те святые мученики были при императоре Максимиане из села, называемого Кандавлии, которые были схвачены, и исповедовали имя Иисуса Христа. Из-за этого они были повешены, строганы до тех пор, пока не стали видны их кости. Потом их бросили в сильно растопленную баню, запечатанную перстнем императора, чтобы они не вышли, но ангел Господень позвал их снаружи, и вышли они невредимыми, хотя двери были заперты. Тогда повели их из города на пустырь; и попросили они дать им времени для молитвы, и позволили им (это) воины; и стали они (на молитву) и усердно молились и благодарили, что уподобились (пойти вслед за) Владыкой Христом. Мучены были так: отсечены у них были все члены, перебили им голени и бросили их в огонь. И тела их сгорели, а блаженные и святые их души вознеслись на небо, радуясь и веселясь.

25 сентября. Память преподобной Ефросиньи Измарагда. Она была из города Александрии, дочерью Пафнутия, одного богатого человека, который собирался отдать ее замуж. И, узнав об этом, она пришла к одному святому старцу и стала монахиней. Потом, надев мужскую одежду, преобразилась в мужчину и, опасаясь как бы отец ее не отыскал ее, ушла в мужской монастырь.

Туда имел обыкновение ходить ее отец. Он со слезами рассказал игумену о побеге дочери; видя ее в монастыре, что горевала она о том вместе с другими монахами, не узнавал он ее.

Она провела в монастыре 38 лет, заболела и, призвав отца своего и открыв правду, сказала: «Я — твоя дочь, не печалься». И потом умерла, и все удивились.

1 октября. Покрова святая Богородица.* О видѣнии святаго Андрѣя и Епифана. Страшное и чудное видѣние честною святителю Андрѣя и Епифана,* како видѣста святую Богородицу на въздусе, пришьдшу въ Влахѣрную църквѣ* съ ангелы, и съ Предѣтечею,* и съ Богословъчемъ Иоаномъ* и съ иными святыми многыми. Народу стоящу въ църкви, видѣста молящюся съ слъзами за весь миръ. И глагола Андрѣи къ Епифану: «Видиши ли цесарицу и госпожу всѣхъ, молящюся за миръ?» Он же рече: «Видю, отче, и покрывъши весь святымъ своимъ амофоромъ, свѣтящимъ ся паче еликтора, люди сушая въ църкви».

Се убо егда слышавъ, помышляхъ: «Како страшное и милосърдное се видѣние, паче же, надѣяние и заступление наше бысть бесъ праздника!» Надѣя же ся, Владычице, на милосърдная твоя словеса, юже къ Сыну, сиречь: «Цесарю Небесный, прими всякого челоуѣка, славящаго тя и призывающаго имя твое, и всяко мѣсто, идеже бываетъ память имени моего; освяти мѣсто и прослави прославляющаго мя именемъ моимъ, приемля ихъ всяку молитву и обеть».

Тѣмъ словесемъ надѣяся, въсхотѣхъ, да не безъ праздника останеть святой Покров твой, блаженная, нъ якоже ты украсити хоцещи честный праздникъ Покрова твоего, Всемилостивая, украси, да и прославляющии тя възвеселятся, видяще многоименный твой праздникъ сияюща. Якоже тамо народы сушая покры милостивно, тако и насъ грѣшныхъ рабъ твоихъ покры кровомъ милости твоея, низлагающи съвѣты и думы помышляющи на ны злая. Спаси по милости Сына твоего и твоей и въ съ вѣкъ и въ будущий и вся притекающая к тебе съ страхомъ и вѣрою, надѣющаяся на тя, скорое заступление и помощи.

Устави же ся таковой праздникъ праздновати месяца октября в 1 днь, на память святаго апостола Анание.

1 октября. Память прѣподобнаго Романа, творца кондакарев. Тъ святой Романъ бѣше от Сурня, от Емесийскаго града, дияконъ бывъ въ Вуритѣ святая церква.* Дошьдъша же Костянтиня-града* въ лѣта Анастасиа цесаря,* въшьдъ пребываше въ церкви Пресвятыя Богородица.* Въ благобоязньствѣ пребывая, и обношь пребывая въ ношьнѣй службѣ, и паку възвращашеся, идеже и даръ сбора кондаки* и прия. Явльшися ему Пречистѣи Богородици въ снѣ и свитокъ харътиянъ даущи, и повелѣвши сънѣсти, мняше бо отъврести уста и пожрети харътию.

Бѣ же и праздникъ Христова Рожества. И абие въспрянувъ от сна, възлѣзе на амбонъ, нача пѣти: «Дѣва дньсъ Пребогатаго ражаеть».* Створивъ и прочихъ праздникъ кондакъ, яко тысяще, ти тако с миромъ успе.

1 октября. Покров святой Богородицы. О видении святого Андрея и Епифания. Страшное и чудное видение честным святителям Андрею и Епифанию было, как видели они святую Богородицу в воздухе, явившуюся во Влахернскую церковь с ангелами, и с Предтечей, и с Иоанном Богословцем и другими многими святыми. Народ, стоящий в церкви, видел ее, молящуюся со слезами за весь мир. И сказал Андрей Епифанию: «Видишь ли царицу и госпожу всех, молящуюся за мир?» Тот ответил: «Вижу ее, отец, покрывшую святым своим покрывалом, светящимся ярче молнии, всех людей в церкви».

Когда же услышал я это, подумал: «Как же это такое страшное и милосердное видение, в особенности же надежда наша и заступничество за нас останется без праздника!» Надеюсь, Владычица, на милосердные твои слова к Сыну: «Царь Небесный, прими всякого человека, прославляющего тебя и призывающего имя твое, и всякое место, где бывает память имени моего; освяти место (то) и прославь прославляющего меня именем моим, принимая всякую молитву и обет их».

Надеясь на эти слова, захотел я, чтобы не остался без праздника Покров твой святой, блаженная, но если ты хочешь украсить честный праздник Покрова твоего, Всемилостивая, укрась (его), чтобы прославляющие тебя возрадовались, видя сияющим твой многоименный праздник. Так же, как бывших там людей милостиво покрыла ты, так и нас, грешных рабов твоих, покрой покровом милости твоей, ниспровергая заговоры и замыслы, затевающие злое против нас. Спаси милостью Сына твоего и своей и в этот век и в будущий всех приходящих к тебе со страхом и верой, надеющихся на тебя, на скорое заступничество твое и помощь.

Установлено было праздновать этот праздник в 1-й день месяца октября, на память святого апостола Анания.

1 октября. Память преподобного Романа, сочинителя кондаков. Тот святой Роман был из Сирии, из города Емеса, был дьяконом в святой церкви в Вирите. Дойдя до Константина-града, в годы (правления) императора Анастасия, вошел он в церковь Пресвятой Богородицы и остался там. В богобоязни находясь, и ночь проводил на всеобщей службе, а когда возвратился, получил дар складывать кондаки. Во сне ему явилась Пречистая Богородица и, дав ему пергаменный свиток, приказала его съесть, то есть открыть рот и проглотить пергамен.

А был праздник Рождества Христова. И он внезапно проснулся, взошел на амвон и начал петь: «Дева днесь Пребогатого рождает». Сочинив и для других праздников около тысячи кондаков, вот так с миром отошел он к Богу.

3 октября. Память Амуна Египтянина. Прѣподобный отецъ нашъ Амунъ, богоносьць,* въ постъницѣхъ бысть дивнъ, бысть отъ Егюпта, мнихолюбъць сый отъ уности. Въ времена же Максимияна цесаря отъиде въ пустыню, и отшедь, единъ мълчаше. Въ единой ризѣ ходя ночь и день, и питаяся отъ възрастающихъ зелий. Пребысть же животь его до подвиговъ великаго Антония,* отъ негоже и блаженѣй души Амону отъ телесен шьдъши и на небо възносимъ бываючи.

Съдя святой Антоний, уча нѣкыя отъ братия душепользныя глаголы, видѣ душу възнезапу, възставъ, зряще ея ведому ангелы, и славляше Бога. Въпросивше же ѱ пришьдшии, и, увѣдѣвъше вещь, испытавше дъневный часъ. И шьдше въ Гегюпть дъни, обрѣтоша, яко умре святой Амунъ въ та часъ, възнѣже рече Антони.

15 октября. Страсть святаго мученика Лукиана,* превутера Великаго Антиохия.

Трепарь.* Море, приимъ святое тѣло чистителя и мученика, рыбою на сушу низложи, тѣмъ и мѣсто являетъ чудесь дѣтель, бѣсѣмъ убо страшень, недужнымъ же врачъ, всѣмъ всь бысть. Господи, слава тебе.

Лукиан мученикъ бѣаше отъ Антиохия Сурьскыя въ царство Диоклитиане.* По смерти же родителю, давъ имѣние свое нищима, възнимаше чтению Божественыхъ писании и многы отъ елинъ обращаше къ Богу. Оставль же Антиохию, доиде Никомидиѣ, идеже Диоклитианъ кръстьяны убиваше, и елма же многы обрѣте страха ради, кръстьянства хотящемъ отврещися, укрѣпивъ и увѣщавъ мучитися. Толми же бысть добродѣтелию Богу подобнъ, яко проходити градъ и отъ нихъже хотѣти видиму быти.

О семь увѣдѣвъ Диоклитианъ и убоявъся на лице привести, да како отъ него обличень будетъ, повѣсивъ платно, бесѣдова с нимъ. И, видѣвъ разума его непреложное, осуди гладьмъ уморити. И на многы же дний не приимъ пища, въ тѣмнищи скончася, и възвръженъ бысть въ море.

21 октября. Память прѣподобнаго отца нашего Лариона Великаго, пустыни наставника. Прѣподобный Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ,* отъ града Газы Пеластиньскыя. Желая же учитися книгамъ, приде въ Альксандрию Егюптьскую, и Божию благодатию обоего приять — разумъ книжный же и еже къ Христови подобная. И по семь крестися. И слышавъ о житии Великаго Антония, иде къ нему и бысть его ученикъ, учася нѣколико время добродѣтели дѣла. Возвративъ же ся въ отчьство, и родителя своя до си умърша. Богатство свое раздая нищима, и обълкъся въ ризу власяну и въ кожу овчю, постиже пустыню и добрѣ иночествова, многъ сподобися чудесь, яко и будущая предъглаголати. Хотя же

3 октября. Память Аммона Египтянина. Преподобный отец наш Аммон, богоносец, был известным постником в Египте, с юности любил монашескую жизнь. Во время (правления) императора Максимиана ушел в пустыню, а когда ушел, стал отшельником. В одной и той же одежде ходил день и ночь, питаюсь молодыми побегами. Дожил он до подвигов великого Антония, при нем блаженная душа Аммона вышла из тела и вознеслась на небо.

Святой Антоний сидел и учил некоторых братьев душеполезным словам, внезапно увидел он душу и, встав, глядел, как вели ее ангелы, и славил Бога. Спросили его пришедшие, и, узнав о причине, спросили и час дня. Дойдя до Египта за (несколько) дней, обнаружили (там), что святой Аммон умер именно в тот час, о котором говорил Антоний.

15 октября. Страсть святого мученика Лукиана, пресвитера Великой Антиохии.

Тропарь. Море, принимая святое тело священнослужителя и мученика, положило его рыбой на сушу, поэтому и место то являет чудотворение, ибо бесам он страшен, больным — врач, для всех был всем. Господи, слава тебе.

Мученик Лукиан был родом из города Антиохии в Сирии в царствование (императора) Диоклетиана. После смерти родителей, раздав имущество свое нищим, стал он внимать чтению Священного писания и многих язычников обращал к Богу. Оставив Антиохию, пришел он в Никомидию, где Диоклетиан убивал христиан, и поскольку он обнаружил, что многие от страха хотели отречься от христианства, укреплял их и убеждал предаться мучению. Настолько был он подобен Богу добродетелями, что мог ходить через (весь) город и быть доступным всем, кто хотел его видеть.

О нем узнал Диоклетиан, но боялся личной встречи с ним, что тот его обличит, (а потому) разговаривал с ним через повешенное полотно. И, видя непреклонность его мыслей, повелел уморить его голодом. Много дней Лукиан не принимал пищи, скончался в тюрьме, и был брошен в море.

21 октября. Память преподобного отца нашего Илариона Великого, наставника пустынножителей. Преподобный Иларион жил при Константине Великом, (родом был) из города Газы в Палестине. Желая познать книжность, пришел в Александрию и по Божьей благодати овладел двумя вещами — премудростью книжной и тем, что есть Христос. После этого крестился. Наслышанный о жизни Великого Антония, пошел к нему и стал его учеником, обучаясь некоторое время добродетелям подвижничества. Вернувшись на родину, (обнаружил), что родители его давно умерли. Раздав имущество нищим, он оделся во власяницу и в овечью шкуру, отправился в пустыню и был хорошим иноком, многих удостоился чудес, так что и

бѣжати чловѣкъ мълчания ради, от мѣста до мѣста течаше. Живѣ же лѣтъ 70, к Христу, егоже измлада възлюби, отъиде.

1 ноября. Успение святою безмездънику Козмы и Дамьяна, сыну святыя Феодотья. Козма и Дамьянъ,* святая бесрѣбръника, бѣста жены нѣкоей хрѣстяны именемъ Феодотии, научышася от нея убо правѣи вѣрѣ и Священнымъ книгамъ, от Святаго же Духа врачеству и хытрости; не тѣкмо чловѣкы врачеваста, нѣ и скоты врачующа, ничтоже от кого приимаста.

Ицѣлиста же жену нѣкую именемъ Паладью, яже та притекъши къ святому Дамьяну, принесе ему три яйца и закла ѣ именемъ Божиимъ възяти ѣ. Се слышавъ святой Козма, запрѣти не положити мощий Дамьяновъ на умъртии его с нимъ. Умре же пѣрвѣе святой Козма, и посемъ умършу святому Дамьяну; помышляху людѣе, кдѣ погresti. И вѣнезапу вельблудъ притекъ, разбѣный дьяволомъ и ицѣлѣвыи от святою, проглагола чловѣчскомъ языкомъ положити моща съ святымъ Козмою, яко не мѣзды ради приялъ яйца, нѣ клятвы ради Божия. Ти тако положена быста оба.

11 ноября. Память прѣподобнаго отца нашего Феодора, игумена Студийскаго.* Въ царство Костяньтине* тѣ бѣ въ Костянтини-градѣ рожься, всякъ же разумъ научения навѣкъ. Въ царство Ирины* блаженяя благочѣстивыя, двадесате лѣту и дѣву сый, ошедѣ въ Сакудиевъ манастырь,* от своего отця брата бысть мних, и от Тарасья патриарха* поставленъ бысть прозвютеромъ. Посемъ 30 лѣтъ сый бысть игумень сушаго ему своего манастыря. Изгнанъ же бысть въ Селунь,* заче не свѣщати ся любодѣйству цесареву,* нѣ възвращенъ бысть паки цесарицею Ириною,* и пришѣствия ради срацинъ въ Цесарьград приде. И паки изгнанъ бысть Никифоромъ цесаремъ, убьенымъ въ Българѣхъ,* такую же виною. Посемъ изгнанъ бысть святыхъ и ради иконъ при Львѣ иконоборци.* И много томленъ бывъ, по благочѣствию подвизавъся, и пѣснь о Бозѣ написавъ, въ глубоцѣ старости къ Господу отъиде.

12 ноября. Память прѣподобнаго отца нашего патриарха Альксандрьскаго Иоана Милостиваго. Кюпрянинъ родѣмъ, съ бѣ сынъ Епифаня, тѣгда сушаго властелина того острова. Приблизъ же ся женѣ по хотѣнью отцю, и чядомъ отецъ бывъ, и имже житие остави жена его и дѣтий, все хотѣние свое на вдание добродѣтелей, на Божие угодие прѣврати. Свѣтълости ради жития Араклиемъ цесаремъ* и испрошьмъ людѣмъ олександрьскимъ патриархъ Альксандрьскый поставленъ бысть. По правилу поставление примь, пособствовавъ же лѣтъ многа въ святильствѣ и бешисльна сътвори чудеса, трѣбующимъ нескудно подавъ еже

будущее предсказывал. Чтобы не встречаться с людьми, ради безмолвия он переходил с места на место. Прожив 70 лет, к Христу, которого полюбил с юности, отошел.

1 ноября. Успение святых бессребреников Козьмы и Дамиана, сыновей святой Феодотьи. Козьма и Дамиан, святые бессребреники, были (сыновьями) одной христианки по имени Феодотья, от которой научились правой вере и Священным книгам, а от Святого Духа — лечению и умению; лечили не только людей, но и животных лечили, и ничего ни у кого не брали (за это).

Вылечили они одну женщину по имени Палладия, которая, придя к святому Дамиану, принесла ему три яйца и упросила его именем Божиим взять их. Услышав это, святой Козьма запретил класть мощи Дамиана рядом со своими после смерти. Первым умер святой Козьма, а потом умер святой Дамиан; и люди раздумывали, где похоронить его. Внезапно явился верблюд, истерзанный дьяволом и исцеленный святыми, проговорил он человеческим языком, чтобы положили мощи рядом со святым Козьмою, потому что не ради мзды взял он яйца, а ради имени Божьего. Так и положены были они.

11 ноября. Память преподобного отца нашего Феодора, игумена Студийского. В правление Константина он родился в Константинополе, изучив суть всякого учения. В царствование блаженной благочестивой Ирины, 22-х лет от роду, ушел в монастырь Саккудион, с помощью своего дяди постригся в монахи, и Тарасием патриархом был поставлен в пресвитеры. Потом в 30 лет стал игуменом того же монастыря. Изгнан был в Солунь, поскольку не одобрил любодения императора, но был возвращен снова императрицей Ириной и из-за нашествия сарацинов вернулся в Царьград. И снова был изгнан императором Никифором, убитым в Болгарии, по той же причине. Потом был изгнан из-за святых икон при Льве Иконоборце. Перенеся много страданий, за благочестие подвизался и, написав песнопение с Божьей помощью, в глубокой старости к Господу отошел.

12 ноября. Память преподобного отца нашего патриарха Александрийского Иоанна Милостивого. Родом с Кипра, он был сыном Епифания, в то время правителя того острова. По желанию отца женился, имел детей, но поскольку жена и дети оставили жизнь, он все свои желания обратил к добродетельной и богоугодной жизни. За чистоту его жизни император Ираклий по просьбе народа александрийского поставил его патриархом Александрии. Законное приняв поставление, он был святителем много лет и бесчисленные сотворил чудеса, нуждающимся щедро подавая необходимое. И из-за многого милосердия назван был Милостивым, и

на потребу. И многы ради милостыня Милостиваго ради наречения примѣ, и всѣмъ любьзнѣ бывѣ, якоже о немъ книги въ широту являютъ, и многы невѣрныя обрати къ Господу. Въ старости глубоцѣ землю оставѣ, на небеса възыде, радуясь.

29 ноября. Память прѣподобнаго отца нашего Иоана Дамаскинскаго.* Тѣ бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его,* от града Дамаскинскаго, рода славна и свѣтла и вѣрна. Получи же добронраволюбива отца, и наказанъ бысть всяко наказание елиньско, нѣ и Божествено писание.

Вѣры же ради, иже въ Христа, отечское богатство оставѣ и бысть мнихъ* с Козмоу, егоже много слово въ святыя праздники творение пѣний и паче въ святую и великую недѣлю Святыхъ Пасхы. Прѣподобный же Иоанъ силою словесъ и показаний от Писаний посрами иконоборѣцъ ересь,* тѣмъ и различно изгнанъ бывѣ от еретическихъ цсарь. Въ старости глубоцѣ и чьстьнѣ и в добрѣ исповѣданни скончяся.

6 декабря. Память прѣподобнаго отца нашего Николы, епископа Мюрьскыя Лукиа. Въ царство Великаго Костянтина бысть великый архиерѣй и чудотворецъ, епископъ въ Мюрьстѣи Лукии. И пьрвѣ убо бывѣ мнихъ, и много подвизавъся на добродѣтель, имѣже и епископомъ поставленъ бысть. Многа чудеса створи; свободи же и три мужа от смьрти: оклеветани бо бѣша и связаны бо бѣаху, и хотяху усѣчени быти, нѣ самъ тече и ять за мечъ, и взя от руки слугы и пусти я.*

Инѣгда паки оклеветани быша ини трие къ цесареви Костянтину епархѣмъ Авлавиемъ, яко ковь творяще, и затворени быша в претворѣ. И егда хотяху тѣи усѣкнути, молиша святаго Николу, и приде въ Костянтиньградъ въ снѣ и запрѣти цесареви и епархѣху, и отпусти я. И ина многа чудеса створивъ, с миромъ скончяся.

12 декабря. Память прѣподобнаго отца нашего Спиридона епископа Тримифиньтѣ Кюпрьска.

Трепарь, глас 4.* Въ нельстное Ияковле, въ Моисѣово кротѣе, въ Давыдово безлобие, священнолѣпно обѣлкъся, бысть и съсуда избьраннаго* образъ, и еже къ всѣмъ любьвь подобно имѣти богатое, отче прѣподобне, молишися Христови съпастися намъ.

Прѣподобный отецъ нашъ Спиридонъ бысть при Костянтинѣ цесари.* Образъмъ простъ, сердьцемъ смѣреномъ, пасяше же овьця, и жену поимъ, и дѣщерь родивъ. Имѣже и жена умре, бысть епископъ. Бысть же и чудотворѣцъ, ибо и въ бездѣждие помолися — и одѣжди, и от глада обилие створи; и змию прѣтвори на злато, и паки злато по вѣданю залога, и възайма дати нищеому и живу

со всеми был ласков, как о нем много и говорится в книгах, и многих неверных обратил к Господу. В глубокой старости оставил землю, на небеса восшел, радуясь.

29 ноября. Память преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. Он жил в царство Льва Исавра и Константина, его сына, был из города Дамаска, из рода славного и светлого и верного. Имел отца добронравного, и обучен он был всяким еллинским наукам, но и Священному писанию.

Ради христианской веры он оставил отеческое богатство и постригся в монахи вместе с Козьмой, который сочинил для святых праздников много песнопений, особенно — для святой и великой недели Святой Пасхи. Преподобный Иоанн силой слов и свидетельствами из Писания посрамил ересь иконоборцев, поэтому всячески преследовался императорами-еретиками. В глубокой и честной старости и в благоверии скончался.

6 декабря. Память преподобного отца нашего Николая, епископа Мир Ликийских. В царство Константина Великого он был известный архиерей и чудотворец, епископ (города) Миры в Ликии. Сначала он был монахом, много трудился ради добродетели и поэтому был поставлен епископом. Много чудес сотворил; спас трех человек от смерти: они были оклеветаны, их связали и хотели убить, но он сам пришел, схватился за меч, взял его из рук слуги и отпустил их.

Еще как-то оклеветаны были трое других перед императором Константином епархом Авлавием в том, что они — злоумышленники, и заключены они были в притворе. И, когда хотели их обезглавить, они помолились святому Николаю, и явился он в Константинополь во сне императору и епарху и запретил (это делать), и отпустил он их. И много других чудес сотворив, с миром скончался.

12 декабря. Память преподобного отца нашего Спиридона, епископа Тримифунта на Кипре.

Тропарь, глас 4. В правдивость Иакова, в Моисеево смирение, в Давидово беззлобие священнолепно оделся, стал и сосуда избранного образом, и, если ко всем любовь требуется щедрая, отец преподобный, ты молишься Христу о нашем спасении.

Преподобный отец наш Спиридон жил при императоре Константине. Обликом прост, сердцем смиренный, пас овец, взял жену и имел дочь. Когда его жена умерла, стал епископом. Был и чудотворцем, потому что в засуху помолился — и был дождь, а в голод изобилие сотворил и еще змею обратил в золото, чтобы потом, после внесения в залог золота взамен жизни нищего, снова обратить

быти, и паки прѣтвори на змию и пусти; и рѣку текущу устави. Приде же и на Никѣйский сборъ и посрами и еретики.

Жена же нѣкая дасть дѣщери его скрѣвище. Посемь умре дѣщи его, и не обрѣтаему бывъшу положенному. Въпроси старьць мъртвую, и отвѣщавъши, рече: «На семь есть мѣсть». И ина мѣного створивъ, с миромъ скончася.

14 декабря. Страсть святых мученикъ Филимона и Аполония и дружины их. Ти святии бѣша от Фивъ Еюптьскихъ при Диоклитьянѣ цесари. Беша же вси 36, и понеже яти бывъше, единъ от нихъ, нарицаемый Аполоний, причѣтникъ сый, дасть златыце стрѣгущему я Филимону гудьцу и помолися ему одѣтися в ризы своя и в себе мѣсто поклонитися и пожрѣти идоломъ. Филимонъ же одѣвъся въ ризы Аполония, егда идяше пожрѣти, исповѣда Христа. Игемонъ же, не сказавъ его, рече: «Призовѣте гудьця Филимона, да погудеть и пѣниемъ утолитъ хрѣстьяны пожрѣти».

И тѣгда познанъ бысть Филимонъ, и мучень бысть съ инѣми от гѣмона. Послѣдъ же игѣмонъ вѣрова и иже с нимъ.

И увѣдѣвъ си Диоклитиянъ, мучи ѣ съ Арианъмъ, богатымъ нѣкимъ мужемъ. Посемь связавъ вся и вмета въ вретися, въврже въ море.

17 декабря. Страсть святаго мученика Вакъха Новаго. От страны Палестиньския тѣ бѣ въ царство Ирины и Костянтина. Бѣста же родителя его от рода крѣстьяна, нѣ отецъ его от бѣсовъ прѣльстися, на срачиньскую вѣру срамную прѣложися и опоганися. Сѣтвори дѣтий седмеро и въспита въ той же злѣй вѣрѣ, и посемь умре, и осташа дѣти с матерью своею. От нихъ же единъ, Галасий нарицаемый, въ Иерусалимъ приде, и посемь отъиде въ лавру святаго Савы и бысть мнихъ, Вакъхъ наречень, добръ же поживъ. И посланъ бѣ игуменъмъ бѣжати, да не увѣдѣнъ будетъ, яко срацинина крѣстилъ бѣ. И пришъдъ въсвоися, пять братий убо крѣсти, единъ же не крѣстивъся, оклевета Вакъха къ старѣшинѣ мира, и усѣкну ѣ. Ти тако скончася.

11 января. Память прѣподобнаго отца нашего Феодосия, обѣщѣна отцѣмъ.

Трепарь, глас 8. Сльзь твоихъ источьникъ, исповѣдания поты смѣсилъ еси и купѣль мысльную съдѣлавъ, отче прѣподобне, омываеши въ ней творящихъ любовию память твою сквѣрну дѣяний. Моли Христа Бога спасти душа наша.

Феодосий, въ святыхъ отѣцъ нашихъ, нарицаемый общеновожилецъ,* бѣ от страны Кападокийскы, родителю добру. Бысть же мнихъ, и пѣрвѣе убо отъиде въ Антиохию къ святому Симеону Стѣлпънику,* и благословленъ бысть от него,

его в змею и отпустить; и реку текущую остановил. Пришел на Никейский собор и посрамил еретиков.

Одна женщина дала его дочери сокровище. Потом его дочь умерла, и неизвестно было, где оно положено. Спросил старец мертвую, и она ответила: «На этом месте». И другое многое сотворив, с миром скончался.

14 декабря. Страсть святых мучеников Филимона и Аполлония и дружины их. Эти святые были из Фив Египетских при императоре Диоклетиане. Всего было их 36 человек, и когда они были схвачены, один из них, по имени Аполлоний, причетник, дал золотую монету стерегущему их Филимону музыканту и упросил его одеться в свою одежду и вместо него поклониться и принести жертву идолам. Филимон, одевшись в одежду Аполлония, когда отправился приносить жертву, уверовал в Христа. Начальник же, не опознав его, сказал: «Позовите Филимона музыканта, пусть поиграет и пением убедит христиан принести жертву».

И тогда опознан был Филимон, и начальником предан был мучению вместе с другими. А потом и начальник сам уверовал, и те, что были с ним.

Узнал об этом Диоклетиан, предал их вместе с Арианом, неким богатым человеком, мучению. Потом их всех связали, побросали в мешки и бросили в море.

17 декабря. Страсть святого мученика Вакха Нового. Он был из Земли палестинской в царство Ирины и Константина. Родители его были из христиан, но отец его, прельщенный бесами, перешел в сарацинскую веру позорную и осквернился. Породил он семеро детей и воспитал их в той же злой вере, а потом умер, и остались дети со своей матерью. И один из них, по имени Геласий, пришел в Иерусалим, а потом отправился в лавру святого Саввы и стал монахом, нареченный Вакхом, и жил достойно. И отправлен был игуменом (из монастыря), чтобы никто не узнал (о том), что он крестил сарацина. Вернувшись домой, Вакх крестил пятерых братьев, но один не принял крещения, донес на Вакха старейшине селения, и тот его убил. Так он скончался.

11 января. Память преподобного отца нашего Феодосия, начальника отцов (пустыни).

Тропарь, глас 8. Слез твоих источник и исповедания пот смешал и сделал купель мысленную, отец преподобный, омываешь в ней творящих с любовью память о тебе скверну их дел. Моли Христа Бога спасти души наши.

Феодосий, святой отец наш, называемый новый общиножитель, был из земли Каппадокийской, из знатной семьи. Стал монахом, и сначала отправился в Антиохию к святому Симеону Столпнику, и был благословлен им, затем — в

посемь — въ Ерусалимъ, оттуду же дойде въ пустыню. Тридесате лѣтъ хлѣба не ядый, нѣ тѣчию смоквы и былие, тѣмъ многа чудеса створи, и монастыря многы сътвори и бѣсы молитвою прогна.

Гладу же нѣкъгда бывъшю, и житьници монастырстѣй пшеница не имущи. Едино зърно обрѣтъ и благословивъ є, и от того зърна житьницу испълнивъ пшеница. Многихъ ради чудесъ и цесаремъ знаемъ бѣ, и въ всемъ мирѣ добродѣтели ради славнѣ бысть. Ти тако въ глубоцѣ старости къ Богу отъиде, егоже и въжела.

14 января. Страсть прѣподобныхъ отць нашихъ, на Синайстѣи горѣ окончавъшихся.*

Трепарь, глас 4. Яко пришльци бывъше, и куща потѣкше, въ пустыняхъ явѣ постистесе, прѣподобнии, наготово украшъшесе, добродѣтели одѣнемъ съобразни бывъше Христовамъ страстьмъ, тѣмъ и прѣтърпѣсте мучительъ закование.

Изъ различныхъ мѣстъ и странъ святии ти суще, оставиша миръ, и ближники, и богатство, идоша в гору Синайскую и быша мниси, работающе единому Богу и питающесе от зелия дивяго. Съ тѣми же святыми бысть святии Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-градѣ,* мужъ богатъ и благовѣрнѣ, нѣ и тѣ Христа ради остави славу свою и богатство и бысть единъ от нищихъ мнихъ.

Нѣ и дияволь, възавидѣвъ, въздвиже дивий языкъ Глазатыхъ* на святыхъ отца. Си же суть от Аравиа до Еюпта, живущимъ на Чърмнѣмъ мори, и надѣющесе обрѣсти богатство, придоша плѣнити мнихъ. Ти яко не обрѣтоша ничсоже, тѣчию рогозины, и святыхъ въ власяницахъ ходяща, прогнѣваша, низрѣзаша я, ничсоже зла створышемъ. Ти тако скончашася.

26 января. Память прѣподобнаго Ксенефонъта* и подружия его, Аркадия и Иоана. Ксенефонътъ въ святыхъ отць нашъ бѣ суньклитикъ въ Костянтини-градѣ, богочътивъ и правдѣнъ и милостивъ и всяку добродѣтель имѣя. Бѣ же и славнѣ и богатъ зѣло. Родивъ же два отрочати — Аркадии, Иоана — и възпитавъ я въ наказаньи и поучении Господни. Пославъ я въ Вурить градъ, да навикнета закономъ. Имѣяше же тѣгда таковый градъ всѣхъ учени кѣнижная хранилища. И понеже по морю ѣдуца истописта же ся сына его, — увѣдѣвъ се от нѣго раба своего, — и изиде съ женою своею на възискание ею, и обрѣтъ я въ Ерусалимѣ, из моря извържена, и мниха бывъша. И познавъ, одѣся самъ и жена его въ мнишьскый образъ и тоلمي прѣспѣста на добродѣтель, якоже и чудеса творити сподобитися. Ти тако скончашася о Господѣ съ сынѣма своима.

27 января. Прѣнесение мощий въ святыхъ отца нашего Иоана Златоуста.* Изгнѣнъ бысть святой Иоанъ Златоустыцъ и отъиде въ Команъ* арменьскыя, идѣже лежать мощи святаго Василиска,* иже и

Иерусалим, а оттуда пришел в пустыню. Тридцать лет не ел он хлеба, а только смоквы и траву, много сотворил чудес, и много создал монастырей, и бесов молитвою прогнал.

Однажды был голод, и в житницах монастырских не было пшеницы. Он отыскал одно зерно и благословил его, и от этого зерна житница наполнилась пшеницей. Из-за многих чудес был известен и императору, а своими добродетелями прославился во всем мире. И так в глубокой старости он отошел к Богу, которого и желал (видеть).

14 января. Страсть преподобных отцов наших, скончавшихся на Синайской горе.

Тропарь, глас 4. Быв пришельцами, оставив жилища, постились явно в пустыне, преподобные, украсившись наготой, одеждой добродетели вы уподобились Христовым страстям, оттого и претерпели смерть от мучителей.

Придя из различных мест и земель, те святые оставили мир, и близких, и богатство, пошли в гору Синайскую и стали монахами, работая лишь для Бога и питаясь дикой травой. Среди тех святых был святой Нил, бывший епарх в Константине-граде, человек богатый и благочестивый, но и тот ради Христа оставил славу свою и богатство и стал одним из нищих монахов.

Но дьявол, позавидовав, двинул дикий народ сарацинов на святых отцов. Были они из областей Аравии до Египта, жили у Красного моря и, надеясь обрести богатство, пришли, чтобы взять в плен монахов. Однако, поскольку они не нашли ничего, кроме рогожи и святых, ходящих во власяницах, то разгневались, зарезали их, не сделавших никакого зла. Так они скончались.

26 января. Память преподобного Ксенофонта и его супруги, Аркадия и Иоанна. Ксенофонт, святой отец наш, был сановником в Константине-граде, богочестивый, праведный и милостивый, любую добродетель имевший. Был он известен и очень богат. Имел двух сыновей — Аркадия, Иоанна, воспитал их в смирении и почитании Господа. Послал он их в город Вирит, чтобы изучили они законы. В то время в этом городе для всякого учения имелись библиотеки. Но, поскольку, плывя по морю, его сыновья тонули, — об этом он узнал от их слуги, — он со своей женой отправился на поиски их и нашел их в Иерусалиме, (куда) они были выброшены морем и (где) стали монахами. Узнав об этом, и он и его жена постриглись в монахи и так преуспели в добродетели, что удостоились дара чудотворения. Так они скончались в Господе со своими сыновьями.

27 января. Перенесение мощей святого отца нашего Иоанна Златоуста. Изгнан был святой Иоанн Златоустец и отправился в армянский (город) Коман, где лежат мощи святого Василиска, который

явился ему, глаголя: «Не бойся, брате Иоане, завтра бо купно будевъ». Яви бо ся и църквѣному слузѣ, глаголя: «Уготовай мѣсто великому мученику, грядеть бо».

Измѣнивъ убо бѣлы ризы и службу створь, и рекъ глаголь, иже всегда глаголаше: «Слава Богу всѣхъ ради!» И прѣдасть духъ, и положенъ бысть близ гроба святаго мученика Василиска.

По 33 лѣтѣхъ, въспоминания ради патриарха Прокла,* пославъ Феодосии цесарь* принести мощи, рацѣ неотвѣрзущися, печальнъ бысть. И пришедшимъ чьстѣнымъ мошемъ, прията быша чьстѣнъ от цесаря же и патриарха и отъ всѣхъ людей, и положены быша въ святыхъ Апостолѣхъ.*

1 апреля. Память прѣподобныхъ Марьи Егуптянынѣ.* Прѣподобная Марья бѣ от Егупта. Въ блужении же пожи, иже поживши за 31 лѣтъ, въ блуди поживши, послѣдъ дасться зѣло воздержанию и добродѣтели, и толми възнесеса бестрастиемъ, яко непреходимыя рѣки водныя преходити, и, вьнегда помолитися, повѣшена бысть на воздухъ. Прешедши же Ерданъ, и бывши в пустыни за 47 летъ, подвизавшися без дому, бес покров, наго, ни единого имѣюще всевидяща, челоуѣческаго естества оступи. Послѣдѣже, по Божию промыслению, явился Зосимъ святому старцю, въ внутренняя пустыня вшедшу, и бесѣдовавши ему, и яже о собѣ повѣдавши. И в придущее лѣтъ Иерданъ бѣ прешедши и комкавши, посемъ на свое мѣсто възвратившися поточное, идеже Зосимъ бесѣдовавши, успе. И придущее летъ пришедъ Зосима и обрѣтъ мощи ея погребшу лъву звѣри, преднима ногама гробъ ископавшу промыслением Божиимъ.

15 июля. Святаго князя Володимира,* крестившаго всю Рускую землю. *Съ бысть сынъ Святославль от племени варяжска, князь Володимир. Первое ко идоломъ много тѣшание творя по отцу преданию, да егда Богъ възхотѣ собѣ люди новы избрати, вѣдѣхнувъ себе благодать Святаго Духа и възбнувъ, акы от сна, от лютаго идолослужения, и посла по всѣмъ языкомъ, испытая законъ ихъ: како вѣрують. И увѣдѣвъ святую грѣхскую вѣру, яко свѣщю на свѣтилѣ, и рече въ себе: «Сиче створю: пойду въ землю их, и плѣню грады их, и обрщю учителя». Да еже умысли, то створи. Шед и взя Корсунъ и посла к цесарю грѣхскому, глаголя: «Дай за мя сестру свою. Аще ли не даси, то створю граду твоему, якоже и сему створих». Он же отвѣща: «Нѣсть дѣ таковаго обычая крестьяномъ даяти за поганя. Аще ли ся крестишь, то и се получишь, и вѣще сего — Царство Небесное». И рече Володимиръ: «Такое створю. Пришедше от тебе съ царицею, крести мя». И въ то время впаль бяше Володимиръ в недугъ обѣма очима. И рече пославши цесарицу къ нему: «Аще не крестьшься, не избудеши болезни сея». Он же рече: «Крестите мя, ибо на то вы есмь призваль». И егда крестиша, и створися чудо велье: вшедшу убо ему въ святую купѣль, и отверзостася ему очи, и бысть яко*

явился ему, говоря: «Не бойся, брат Иоанн, утром вместе будем». Явился он и к церковному служителю, говоря: «Приготовь место великому мученику, ибо он идет».

Надев белые одежды и отправив службу, Иоанн сказал в конце то, что говорил всегда: «Слава Богу за все!» И он испустил дух, и был положен рядом с гробом святого мученика Василиска.

Через 33 года, благодаря тому, что вспомнил патриарх Прокл, император Феодосий послал за мощами, но рака не открылась, что опечалило его. Когда же принесли святые мощи, они достойно были приняты императором и патриархом и всеми людьми, и положены в церкви святых Апостолов.

1 апреля. Память преподобной Марии Египетской. Преподобная Мария была из Египта. Она жила в блуде, и прожив больше 31 года в блуде, потом предалась суровому воздержанию и добродетели, и так возвысилась бесстрашием, что проходила через непроходимые реки и, когда молилась, парила в воздухе. Перейдя Иордан, она была в пустыне больше 47 лет, совершала подвиги, не имея жилища и покрова, нагая, никого не видя, изменила человеческое (свое) естество. Позднее, по Божьему промыслу, явилась святому старцу Зосиме, пришедшему в глубину пустыни, и, беседовав с ним, рассказала о себе. Через некоторое время она перешла через Иордан и, причастившись, вернулась на то место при потоке, где беседовала с Зосимой, и скончалась. Через некоторое время пришел Зосима и обнаружил, что ее мощи похоронил лев, выкопав передними лапами могилу по Божьему промыслу.

15 июля. Святого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю. Он был сыном (князя) Святослава из рода варяжского, князь Владимир. Сначала он был рьяным идолопоклонником по примеру своего отца, но когда Бог пожелал избрать себе новый народ, ощутил он в себе благодать Святого Духа и, очнувшись, как ото сна, от пагубного идолослужения, послал ко всем народам узнать об их законе: как веруют. И познав святую греческую веру, подобную свече на светильнике, сказал себе: «Сделаю так: пойду в их земли, возьму в плен их города, найду учителей». Что задумал, то и сделал. Пошел и взял Корсунь и послал к греческому императору со словами: «Отдай за меня свою сестру. Если не отдашь, то сделаю с твоим городом то же, что и с этим». Тот ответил: «Нет, дескать, такого обычая, чтобы христиане отдавали (женщин замуж) за язычников. Если крестишься, то получишь то, (что просишь), и больше того — Царство Небесное». И сказал Владимир: «Сделаю так. Пусть придут твои люди с царевной и окрестят меня». В то время у Владимира заболели оба глаза. Послав царевну, (император) передал князю: «Если не крестишься, не избавишься от этой болезни. И тот ответил: «Крестите меня, ведь для этого я и позвал вас». И когда крестили (его), совершилось

николиже имѣвъ недуга. Прозрѣвъ, похвали всѣхъ Бога, и просвѣщенъ бывъ, радовашеся душею и тѣломъ.

И пришедъ къ Киеву, изби вся идолы: Перуна, Хорса, Дажебога и Мокошь и прочая вся кумиры. Посемь созва все множество людей и заповѣда имъ креститися, нарекъ имъ день, рекъ: «Аще кто не обрящется утро на рѣцѣ, тѣ будетъ противень мне». И сниде на Почайну-рѣку всь възрасть: мужи и жены и младенци свершени, иже стояху в водѣ ови до пояса, инии — до выа, а друзии бродяху; прозвутеры, по берегу стояще, молитвы глаголаху, яко над крестимыми. И оттолѣ наречеся мѣсто святое, идеже нынѣ церкви есть Петрова, и тѣ бысть 1-я ходатай нашему спасению. Володимѣръ же възрѣвъ на небо, помолися за крестьяны, глаголя: «Призри на новопросвѣщенныя люди сия, и да же им, Господи, увѣдѣти тебе, истиньнаго Бога, утверди в них правую вѣру; и мнѣ помози, Господи, на супротивныя враги, да надѣяся на твою державу, попру козни его».

Повелѣ же людемъ ставити църкви по всѣмъ градомъ, а самъ создал церковь Святую Богородицу, удививъ. Пребывъ же нѣколико лѣтъ и преставися к Богу в 15 месяца июля. Тѣло же его положиша у церкви Святыя Богородица, юже самъ създа, и плакася его все множество людей: бояре акы отца, люде акы заступника, сироты акы помощника, нищии и вдовицѣ яко печалника и кормителя.

Да како ты възможемъ по достоянню похвалити, створшаго дѣло *равно апостоломъ? Хвалить убо Римская земля Петра и Павла, Асыя — Богословца Иоанна, Египетская — Марка, Антиохийская — Лука, а Грѣчьская — Андрѣя, вся же Руская земля — тебе, Володимире;** яко Господня апостола, молебными песнями память твою празднующе, похвалныя вѣнца приносим ти, глаголюще: «Радуйся, Володимѣре, примый венець отъ Вседержителя Бога; радуйся, святая главо, вожоу и учителю нашъ, имъже избывше отъ тмы, а свѣтъ познавше; радуйся, честное древо самого рая, иже възрасти намъ святѣи лѣторасли — святая мученика Бориса и Глеба, отъ неюже нынѣ сынове русьстии насыщаются, приемлюще недугомъ ицѣление; радуйся, дѣлателью вѣры Христовы, растерзавъ лѣстное тернье и раздрушивъ, взоравъ крещениемъ всю землю и насѣявъ святыми книгами, отъ нихже жнють русьстии сынове пользныя рукояти покаянню. *И друзии уже ядятъ нескудную пищу въ Царствии Небеснѣмъ, еяже трапезы сподобимся и мы, недостойные, кающася о согрѣшениихъ.*»

великое чудо: только вошел он в святую купель, его глаза открылись, словно никогда и не было болезни. Прозрев, восхвалил он Бога и, просвещенный, радовался душой и телом.

И, придя в Киев, он разбил всех идолов: Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь и всех других идолов. Потом созвал весь народ и повелел им креститься, назначая им день, (при этом) сказал: «Если кто-нибудь не окажется утром на реке, тот — против меня». И пришли на Почайну-реку люди всех возрастов: мужчины и женщины и маленькие дети; одни из них стояли в воде до пояса, другие — до шеи, а иные бродили по воде; а пресвитеры, стоя на берегу, читали молитвы (как полагается) над крестимыми. С того времени называется это место святым — там, где ныне церковь стоит святого Петра, который был первым ходатаем за наше спасение. Владимир, взирая на небо, помолился за христиан, говоря: «Прими этих новообращенных людей и позволь им, Господи, познать тебя, истинного Бога, утверди в них правую веру; мне же помоги, Господи, одолеть врагов, и я, надеясь на твое могущество, разрушу его (дьявольские) козни».

И приказал он людям возводить церкви во всех городах, а сам построил церковь Святой Богородицы (всем) на удивление. Прожив несколько лет, он скончался 15 (числа) месяца июля. Тело его положили в церкви Святой Богородицы, которую (он) сам построил, и оплакивал его весь народ: бояре как отца, простые люди как заступника, сироты как помощника, нищие и вдовы как покровителя и кормильца.

Сможем ли мы оценить по достоинству тебя, сделавшего дело, равное апостольскому? Восхваляет Римская земля Петра и Павла, Азия — Иоанна Богослова, Египетская — Марка, Антиохийская — Луку, а Греческая — Андрея, вся же Русская земля — тебя, Владимир; подобно апостолу Господа, песнопениями память твою празднуя, достойную похвалы награду тебе приносим, говоря: «Радуйся, Владимир, принявший награду от Вседержителя Бога; радуйся, святой глава, вождь и учитель наш, с чьей помощью мы освободились от тьмы и узнали свет; радуйся, честное древо самого рая, которое вырастило нам святые побеги — святых мучеников Бориса и Глеба, от которых ныне питаются русские сыновья, принимая исцеление болезней; радуйся, трудящийся (ради) веры Христовой, ты уничтожил коварное терние и, разрушив, вспахал крещением всю землю, засеяв ее святыми книгами, от которых сыновья русские пожинают полезные снопы покаяния. А иные уже питаются обильной пищей в Царстве Небесном, этой трапезы удостоимся и мы, недостойные, каюсь в согрешениях».

ИЗ ИЗБОРНИКА 1076 ГОДА

Слово нѣкоего *калугера* о чь(тении) книгъ*

Добро *есть*, братие, почетанье книжное, паче всякому хръстьяну, блаженей бо, рече: «Испытаюштии *свѣдѣния* Его всѣмъ сьрдцьмъ възшютю Его». Чьто бо, рече, «испытאותей свѣдѣния Его»? — Егда чьтеши книги, не тьштися бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумѣй, чьто глаголють книги и словеса та, и тришды обраштяся о единой главизнѣ. Рече бо: «Въ сьрдьци моемъ ськрыхъ словеса твоя, да не сьгрѣшу тебѣ». Не рече «усты тьчью изглаголаахъ», нъ «и въ сьрдьци ськрыхъ, да не сьгрѣшу тебѣ», и поразумѣвая убо истиннѣ писанья, правимъ естъ ими. Реку же: «Узда коневи правитель естъ и въздържанье, правьднику же книги я».

Не съставитъ бо ся корабль без гвоздий, ни правьдникъ бес почитанья книжнааго, и якоже *плѣньникомъ* умъ стоить у родитель своихъ, тако и правьднику о почитаньи книжнѣмъ. Красота воину — оружие, и кораблю — вѣтрила, тако и правьднику — почитанье книжное. «Отъкрый бо, — рече, — очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона Твоего» — очи бо глаголетъ размысль сьрдьчный и прочее; «Не ськрый отъ мене заповѣдий твоихъ», — разумѣй, яко не отъ очию ськрый, нъ отъ разума и сьрдца. Тѣмъже и похули не поучаюштяся, глаголя: «Прокляти уклоняюштеися отъ заповѣдий Твоихъ». Тѣмъже и самъ ся похвали, глаголя: «Коль сладька словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, паче тысяшта злата и сребра». И възпѣтъ, глаголя: «Въздрауюся азъ о *словесехъ* твоихъ, яко обрѣтая користь мьногу» — користь бо нарече словеса Божия, глаголя, яко: «Обрѣтохъ недостоинъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесьмъ твоимъ днь и ношть», — то мы, братия, поразумѣимъ и послушаймъ разумьными ушима и поразумѣимъ силу и поучение святыхъ книгъ.

Послушай ты житья святааго Василия и святааго Иоанна Златоустааго, и святааго Кирила Философа, и инѣхъ многъ святыхъ, како ти сьпърва повѣдають о нихъ рекуште: измлада прилежааху святыхъ книгъ, тоже и на

ИЗ ИЗБОРНИКА 1076 ГОДА

Слово некоего старца о чтении книг

Полезно, братья, чтение книг каждому христианину, ибо сказал блаженный: «Хранящие откровения Его всем сердцем — взыщут Его». Что это — «хранящие откровение Его»? — Читая книги, не старайся быстро читать от главы до главы, но вдумайся, о чем говорят книги и слова их, трижды возвращаясь к каждой главе. Ибо сказано: «В сердце моем сокрыл Я слова твои, чтобы не согрешить пред тобою». Не сказано «устами лишь произнес», но — «в сердце сокрыл, чтобы не согрешить пред тобою», — подразумевая глубины написанного, направляемый ими. Скажу и я: «Узда и правит конем, и сдерживает его, сущность же праведного — в книгах его».

Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника — без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника — чтение книг. Воину красота — оружие, а кораблю — паруса, так и праведнику — чтение книг. «Открой, — сказал, — очи мои, — и постигну чудо закона твоего», — ибо очами он называет воображение внутреннее, и так далее; «Не сокрой от меня заповедей твоих», — так понимай, что не от глаз скрывай, но от разума и от сердца. Потому и осудил уклоняющихся от ученья, говоря: «Прокляты избегающие заповедей Твоих...» Потому и сам себя похвалил, говоря: «Как сладки слова твои, слаще меда устам моим, дороже тысяч золота и серебра». И восхвалил, говоря: «Возрадуюсь я о словах твоих, обретая великую прибыль», прибылью называя слово Божье и говоря: «Обрел, недостойный, я дар поучаться словам Твоим день и ночь», — так и мы, братия, постигаем ушами разума услышанное и познаем силу и смысл святых книг.

Послушай же жития святого Василия и святого Иоанна Златоуста, и святого Кирилла Философа, и многих других святых, как о них говорят впервые о них поведавшие: с детства предавались они святым книгам, а после и на

добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятъкъ добрымъ дѣломъ поучение святыхъ книгъ! Да тѣми, братия, и сими подвигнѣмся на путь жития ихъ и на дѣла ихъ, и поучаимъся вѣину книжнымъ словесъмъ, творяще волю ихъ, якоже велятъ, да и вѣчныя жизни достойни будемъ въ вѣки. Аминь.

Слово нѣкоего отъца къ сыну своему, словеса душепользная*

Господи, благослови!

Сыну мой и чадо, приклони ухо свое, послушай отъца своего, съвѣту-юштааго ти спасная.

Чадо, приближи разумы сѣрдця своего и вѣнуши глаголы родивѣшааго тя, не суть бо на врѣдъ души своей, нѣ аште разумнѣя и имещи я, то къ цѣсарству небесному вождити будутъ.

Простѣри сѣрдчныи сѣсудъ, да накаплють ти словеса слажьше меду, могуштая оживити и бесѣмьртна явити тя.

Нѣ отъ *чесо* пѣрвое начѣну казати тя, сыну мой, чѣто ти пѣрвѣ явлю: мятежь ли или зѣлобы свѣта сего — житие ли богоугодно и спасно?

Паче же бы нама лѣпоты мыслити, о чадо, отъ Адама, праотѣца нашего, до сего нашего вѣка: колико множество бысть чловѣкъ по земли, и вѣси бес памяти бышя, едини же памятьни бышя, и прослушя на небеси и на земли, иже по заповѣдъмъ Божиамъ вѣся дѣни своя пожиша и къ единому вышнему вѣзирааху; иже въ кротости пожиша и въ добрословѣи уста своя учиниша; иже малъмъ свѣта сего причящааху ся, вѣсю же свою *мысль*, вѣсе свое хотѣние въ бесѣмьртное житие правляаху и о томъ единомъ вѣздыхааху и моляаху *бѣшью* Бога, яко достоинъмъ его явити ся.

Тѣмъ же, чядо мое, изволи си тѣхъ житие и тѣхъ норовы приими и порасудуй дѣломъ ихъ, вѣзишти кымъ путемъ идошя и коею стѣзѣю текоша.

<...>

Буди пониженъ главою, высокъ же умъмъ, очи имѣя въ земли, умнѣи же въ небеси; уста сѣтиштена, а сѣрдчяная вѣину къ Богу вѣпиюшта.

Нозѣ тихо ступаюшти, а умнѣи скоро текушти къ вратомъ небеснымъ; уши укланяя отъ зла слышаня, умнымъ же вѣину прилѣтая къ шюмѣнию святыхъ словесъ, яже въ святыхъ кнѣигахъ писана суть.

Руцѣ сѣгъбенѣ имѣй на сѣбѣрание зѣлааго имѣния свѣта сего, простѣртъ же на прятіе убогихъ.

Не стыдися вѣсякому сѣзданому въ образъ *Божии* главы своя покланяти, старѣйшааго дѣньми почѣстити не лѣнися, и покоити старость его потѣщися.

Сѣвѣрстѣники своя миромъ сѣрѣтай, мнѣшая себе съ любовью приемли, чѣстѣнѣйшимъ себе не трудися стояти.

Чядо, не буди самохотѣю лишенъ вѣчнааго *житья*, грѣха бѣжи яко ратѣника, губящааго душу твою.

добрые дела подвиглись. Смотри же, что начало добрым делам в поучении книг святых! Так вот, примером этих святых и подвигнемся мы на путь жития их и на дела их, и станем всегда научиться их книжным словом, исполняя их волю, как велят они; тогда и будем достойны мы вечной жизни во веки. Аминь.

Слово некоего отца к сыну своему, слова душеполезные
Господи, благослови!

Сын мой и чадо, приклони ухо твое, внимая отцу своему, изрекающему тебе спасительное.

Чадо, приблизь разум сердца своего и внимай словам родившего тебя, ибо не во вред душе твоей, но ради укрепления разума. И к царству небесному поведут тебя.

Отвори сосуд сердца, и пусть стекают туда слова слаще меда, которые смогут и оживить, и бессмертным явить тебя.

Но с чего начну поученье мое, сын мой, что прежде всего явлю: метания и пороки света сего — или житие, богоугодное и спасительное?

Лучше всего нам, чадо, продумать жизнь от Адама, праотца нашего, до этого нашего века: как много людей прошло по земле, и все забыты, лишь единицы в памяти, прославившиеся на небесах и на земле, те, которые по заповедям Божиим все дни свои прожили, взирая лишь на Всевышнего; некоторые прожили кротко, только добрым словом уста свои утруждая; некоторые мало света сего касались, всю свою мысль, все желанья направив к бессмертной жизни и о ней единой вздыхая, Бога моля достойным Его явиться.

Поэтому, чадо, предпочти тех житие и тех в образец возьми, и тех последуй делам, и вникни, каким путем шли они и какою стезею пустились.

{...}

Голову понижь держи, ум же — высоко, очи потупя к земле, духовное зрение — к небу; сомкнуты уста, уста же сердца всегда вопиют к Богу.

Тихо ногами ступая, мысленными стопами стремись к небесным вратам; уши закрывай для дурных речей, мысленным слухом звуки лови святых слов, что записаны в книгах святых.

Ладони сожми на стяжанье греховных богатств сего света, но простири их на милость к убогим.

Не стыдись преклонить свою голову перед любым, кто создан по образу Божью, старшего годами почтить не ленись и упокоить старость его постарайся.

Равных тебе с миром встречай, меньших тебя с любовью прими, стань перед тем, кто честью выше тебя.

Чадо, не лишай добровольно себя вечной жизни, как от врага, убегай от греха, душу твою губящего.

Не въсхошти веселоваться въ мирѣ семь, все бо веселие свѣта сего съ плачѣмъ коньчавається. И се явѣ видѣти въ мирѣ семь въ дѣвоихъ сусѣдѣхъ: у сихъ сватѣбу творять, а у другихъ мрътвѣца плачються. И тѣ же плачъ суетьны: дньсь плачються, а утро упиваються.

Тѣмъже разумѣй суету вѣка сего и скоропадающюю плѣть нашу: дньсь бо растемъ, а утро гниемъ.

Тѣмъже въ малѣмъ животѣ възшиши вѣчныя жизни, идеже отъ сея жизни вѣсть ни скѣрби, ни въздыханія, ни плача, ни сѣтованія, нѣ радость и веселие, свѣтъ немърцяя: слѣньце — самъ Господь.

Ту жизнь възлюби, къ той по вся дньи тѣшиться и о той вѣину помышляй; буди ти съпашту мысль възглавие помысль небесныя радости, вѣстающю же брашно память царства небеснааго.

Чядо, алчѣнааго накѣрми, якоже ти самъ Господь повелѣлъ, жадѣнааго напои, странѣна вѣведи, больна присѣти, къ тѣмъници доиди, виждь бѣду ихъ и въздѣхни.

Буди ти въ скѣрбѣ твою прибѣжиште цѣркы, паче же и кромѣ скѣрби по вся часы и дньи вѣшьдѣ, припади къ Вышньюуму лицемъ си землю покрый, и принуди его поминати тя, не уклонить бо ся тебе душелюбѣцъ, чловѣколюбѣцъ, но приметь тя и утешить тя.

Цѣрковь же разумѣвай небо суште, олтарь же прѣстолъ Вышѣняаго, служителя же аггелы Божія. Тѣмъже въ цѣркѣви акы на небеси съ страхѣмъ стой, яко прѣдѣ очима самого Бога; исходя же не забывай, чѣто бѣ или чѣто слыша.

Сѣтвори си въ чловѣцѣхъ кротѣкыи, да небесный житель будеши;

Скѣрби о грѣсѣхъ, въздыхай о сѣблзвнѣхъ, печалуй и о падении своемъ да очистишися, да на исходѣ душѣнѣмъ обряштешися бес порока;

Сѣмъртъ поминай вѣину, да та память научить тя паче вѣсѣхъ, како бо жити въ малѣмъ семь времени;

Буди сѣмъслѣнъ, разумѣй, чѣто е воля Божія, чѣто трѣбует небесный царь отъ земляныхъ, чѣто просить отъ своея твари немалыя ли и удобѣ творимыя милостыни? Писано бо есть: «Помилуй и да помилованъ будеши!»

Чѣто трѣбуеть отъ насъ Богъ, вѣсего блага испълненъ? Хвалы ли? но хвалять Его ангелы; поклоняния ли? но поклоняються ему небесныя силы.

Нѣ *то* Того просить, еже намъ на пользу, на спасение: просить бо милостиня, желяеть кротости, любить мирѣ. Тѣмъже ты, чадо, Оного волю сѣтвори въ малѣ, и Онѣ твою волю въ вѣкы: даруй малое — и възми вѣчное, даждь едино — възми сторицею; присвоися Бозѣ, да врагомъ си видимымъ вѣсѣмъ и невидимымъ страшнѣ будеши.

Вѣ влѣнахъ житийскахъ еси, въ бури ли морскѣй бѣду приемлещи, покажу ти, сыну мой, истинная пристанища: монастыря, дома святыхъ. Къ

Не стремись веселиться в мире сем, ибо все радости света сего плачем кончаются. И это ясно видно на двух соседях: у этих свадьбу гуляют, а у других мертвеца оплакивают. Да и сам этот плач так суетен: сегодня плачут, а завтра пируют.

Так что примечай суету века этого и преходящую плоть нашу: ибо сейчас расцветаем, а завтра вянем.

Поэтому в краткой сей жизни и взыщи жизни вечной, у которой, в отличие от этой, нет ни скорби, ни воздыхания, ни плача, ни сетования, но радость и веселие, свет немеркнувший: солнце — сам Господь.

Ту жизнь возлюби, к ней каждый день устремляйся, о той всегда помышляй; пусть тебе, спящему, будет в изголовии — мысль о небесной радости, а пищей встающему — память о царстве небесном.

Чадо, голодного накорми, как тебе сам Господь повелел, жаждущего напои, путника приветь, больного посети, к темнице дойди, — взгляни на беду их и вздохни.

Пусть в скорбях твоих будет тебе спасение церковь, но и, кроме печалей, всякий день и час в церковь войдя, к Всевышнему припади, лицом покрывая землю, и попроси Его поминать тебя — и не уклонится от тебя душелюбец человеколюбивый, но примет тебя и утешит.

Под церковью же разумей небо, под алтарем — престол Всевышнего, служители же — это ангелы Божии. Поэтому в церкви, как на небесах, со страхом стой, как пред очами самого Бога; выходя же не забывай, что было или что слышал.

Стань кротчайшим из людей — и будешь небесным жителем;

Скорби о грехах, воздыхай о соблазнах, печалься в паденьи своем — очистишься, и при исходе души окажешься ты беспорочным;

Помни о смерти всегда, и память такая научит тебя больше всех, как прожить в этом кратком времени;

Будь разумен и размышляй, что есть воля Божия, чего царь небесный требует от земных, что просит от твари своей — не малой ли и легко исполняемой милостыни? Ибо писано: «Помилуй — и будешь помилван!»

Что требует Бог, преисполненный благ, от нас? Хвалы ли? — но хвалят его и ангелы; поклонения ли? — но поклоняются Ему и небесные силы.

Он просит того, что на пользу нам, во спасение: просит милосердия, желает кротости, любит мир. Этим ты, чадо, волю его исполни хоть в малом, а он твою волю — на веки: мало даруй — и получишь вечное, дай одно — и возьми сторицею; предай себя Богу — и будешь страшен врагам своим, видимым и невидимым.

Если в волнах житейских ты, в буре морской попадешь в беду, укажу тебе, сын мой, пристанище истинное — монастыри, жилища святых. К ним

темъ прибѣгай и утѣшать тя, поскърби къ нимъ и обеселишися, сынове, бо бес печали суть и умѣють печальнааго утѣшити.

И аште чѣто имѣеши въ дому своемъ потребно же онѣмъ, донеси имъ, вѣсе бо то въ руцѣ Божии вѣлагаеши и възданью будеши.

Въ градѣ, въ немъже живеши, и въ инѣхъ окръстныхъ, поишти, ли единого чловѣка бояштяся Бога и тому вѣсею силою *служаштя*, обрѣте ли такого чловѣка, то уже не скърби: обрѣте бо уже ключъ царствія небесьнааго; къ тому присъни и душею, и тѣлѣмъ, съмотри житія его хождения, сѣдания, ѣдения и вѣсего обычая его пытая, паче же блюди словесъ его, не дажь ни единому словеси его пасти на земли: дражьша бо бисѣра суть святая словеса.

Праздники же святыхъ почѣсти, не самъ упиваяся, нѣ алчныя и жядныя накърмляя.

Знаемая твори дом свой ништинѣмъ, вѣдовицямъ, сиротамъ, не имуштинѣмъ, кде главы подѣклонити. Богатъ ли имѣеши домъ свой, худъ ли — вѣсе то Божиѣмъ промыслѣмъ, нѣ потѣштити вѣсего имѣ.

Не рѣци бо *имѣнию* своему: «Мое есть», — нѣ рѣци: «Поручено ми есть на мало дней», да акы клучаръ порученое ти раздавай, якоже велить поручивый ти. Тѣмъже еже ти далъ Вышній, то Вышняаго ты имѣние сѣтвори въ немъ.

Не оставляй послѣдному роду своему, нѣ и *дѣти* своя и жену свою, и вѣсе племя свое поручи Богу, добрууму блюстелю, егоже милость велика и богатство несѣвѣдомо.

Имѣние бо свѣта сего рѣцѣ подобно есть: суда отъидеть вѣнизъ и паки сѣврху приходитъ. Тѣмъже еда вышнии граждяне рѣкы и сѣсудъ своихъ не наплѣняють ли, или скота своего не напоятъ, рекуштеи, яко нижнимиѣмъ граждянемъ оставимъ, а сами мало примѣмъ? Ни убо, нѣ до избытка череплють, а нижними не пекутся, та же бо рѣка минуетъ я.

Такоже бо и о имѣнии: не пецися послѣдними сыны, вѣнуки, правнукы, дѣштерьми. Тѣмъ бо инако время ключити ли напасть, ли татѣба, ли рать, и тѣгда изгубленое не станеть имъ помагая.

Тѣмъже въ животѣ своемъ своей души размышляй и тою крѣпко пѣцися, яко едина ти есть душа, *едино врѣмя живота*, едина сѣмьреть.

Тѣмъже собою поболи, собою поскърби, и сѣде очищения грѣхомъ проси, и на исходѣ провѣждения от бѣсѣ, и *тамо пришьдѣшию*, како бы въ *уготовано* прити и царство же Божие отъ вѣка: и полаты же его свѣтлыя учинены суть, нѣ аште сѣде купилъ я будеши. Аште же бы мира сего богатствѣмъ купити, едина отъ мнѣшнихъ полатъ вышняаго Иерусалима, то ни вѣсего мира богатство сѣбрано недостойно есть цѣны ея.

Милостынею же купитися царствие Божие, милостыни же не въ велицѣмъ и мнозѣмъ и малѣмъ даянии лежить, нѣ по силѣ даюштааго и вѣсѣмъ сѣрдьцѣмъ.

прибегай — и утешат тебя, в скорби приди — и возвеселишься, сын, ибо они беспечальны и могут утешить в печали.

Если же есть у тебя в доме что-то им нужное, снеси им, ибо все то ты в руки Божьи кладешь и получишь за то награду.

В городе, где ты живешь, или окрест него, найди хоть единого человека, который боится Бога и служит Ему всей душою, а если обрел человека такого, то уже не скорби, ибо тем самым обрел ты ключи к небесному царству; к нему прилепись и душою, и телом, смотри, как живет он: как ходит, сидит или ест, все привычки его изучи, но больше всего лови слова его, не дай ни единому слову его на землю упасть: ибо святые слова дороже жемчуга.

Праздники же святых почитай, не упивайся сам, но голодных и жаждущих накорми.

Пусть знают твой дом нищие, вдовицы, сироты, не имеющие где приклонить головы. Богат ли твой дом, беден ли — все то получено Божиим промыслом, все именьем твое.

Не говори о владении своем: «То мое», — но скажи: «Поручено мне на недолгие дни», и точно ключник доверенное тебе раздавай, как велел то тебе поручивший. Поэтому, что тебе дал Всевышний, то сделай именьем Всевышнего.

Не оставляй его наследникам, но и детей своих, и жену свою, и всех потомков своих поручи ты Богу, хранителю доброму, ибо милость его велика и богатство несметно.

Ведь имение света сего подобно реке: стекает вниз и снова приходит с верховьев. Что же те, кто живет у истока, — не наполняют сосудов своих и скота не поят, говоря, что в низовьях живущим нужно оставить, сами же мало возьмем? — Нет, но черпают с избытком, не беспокоясь о тех, кто живет в низовье, хотя и одна их минует река.

Так и с именьем: не заботься о будущих сыновьях, внуках, правнуках, дочерях. Ибо случится другое время, и напасть, воровство иль война, и тогда пропавшее им не поможет.

Так что при жизни своей размышляй о душе своей и печалься о ней, ведь как она у тебя одна, так одно время жизни и смерть — одна.

Так страдай о себе, о себе и скорби, и еще здесь проси прощенья грехов, а при смерти — охраны от бесов, чтобы, туда отправляясь, в царство Божье от века, прийти на готовое: в палаты Его сверкающие — но только когда окупил их здесь. Если же мира сего богатством желал бы купить ты хоть самую малую из палат высшего Иерусалима, то богатств, со всего мира собранных, не хватило бы на цену ее.

Только милостыней покупается царство Божие, а милостыня зависит не от величины, количества или малости даянья, а от возможностей дающего ее от всего сердца.

Даяние бо трѣбуюштиимъ то есть милостыни она блаженная, еяже бѣша пълни съсуди и онѣхъ 5 дѣвъ мудрыхъ, имже царство отвѣрзесе небесное.

Су же милостыню и ты прими неотпустно и навяжи ю на выи своеи, да будетъ съ тобою въину вѣкъ вѣки.

Глаголетъ бо Писание: «Милостыни мужу, аки печать» — тѣмъ же аште ту примеши, ниединъже отъ супротивныхъ встанеть на тя, ни речеть ти: «Камо идеши?», видяште, яко царя небеснааго печать носиши и к Тому идеши.

Въпрос: Како же ю приму?

Отвѣт: Всяко можеши, аште хочеши, нѣсть бо тяжко: аште бо насытилъ ся еси пищею — накърми альчнааго, напилъ ли ся еси — напои жяднааго, и съгрѣлъ ли ся еси — съгрѣй трясуштаагося зимою, въ храмѣ ли краснѣ и висоцѣ възлежиши — въведи скытаюштаагося по улицамъ въ домъ свои. Възвеселилъ ли ся еси на тряпезѣ — обесели и скърбяштааго, обрадовали ся о чемъ — обрадуй и сѣтуюштааго, почѣстиша ли тя яко богата — почѣсти и ты убогая, весело ли ступаеши по степенемъ, отъ князя исходя, — сѣтвори да в дому твоємъ скърбаште не ходять.

И то бо не мала милостыни, еже домашняя своя бе-скърбии, безъ въздыхания и бес плача сѣтворити. Аште *достойни* казни будутъ при коей любо вине, то в того мѣсто помилованы будут. Тако аште будеши творяи, то и ты въ казни мѣсто въ исходѣ душа милость обряштеши.

Буди же домъ твой молитвѣ и покой иерѣемъ, служителемъ Божиємъ, и всякому чину църквѣвному. И въведи таковыя въ домъ свой, съ *всякою* чѣстью посади я, постави имъ тряпезу и якоже самому Христу, самъ же имъ стани въ службѣ.

Да у олтаря Божия молитва ихъ за тя, яко тьмянъ къ Богу въсходитъ отъ нихъ. Свѣшта же твоя въину въ църкви да свѣтитъ и просфора твоя такожде.

Поминай же суштиихъ въ монастырѣхъ, аггельскый образъ носяштая; аште ти е како, въведи я въ домъ свой, постави имъ тряпезу въ чинъ монастырскый, жену же свою и дѣти и отроky научи съ страхомъ и мълчаниемъ служити, яко аггеломъ Божиємъ. Проважая же съ поклананиемъ отпусти я, въдавъ имъ и монастырю ихъ потрѣбная.

Много бо то, аште едино «Господи помилуй» на днь укупиши у нихъ, то и бес цѣны зѣло, писано бо есть: «Много можетъ молитва правдынааго». Тѣмъже аште единого можетъ, то чѣто паче, аште мнози таци възъпиють к Богу.

Паче же къ суштиимъ въ горахъ самъ потрудися, къ плътнымъ ангеломъ, иже мира сего устранившесе, угаждають единому Богу; неси потрѣбное имъ, прими молитву ихъ, *въкладай* въ сердце си святая словеса, помажися благословениемъ, его молися единою за грѣхы твоя въздхнути и отъидеши въ домъ свои чистъ.

Ведь подаянье нуждающимся и есть та блаженная милостыня, наполнившая сосуды тех пяти мудрых дев, которым отверзалось царство небесное.

И ты прими ту же милостыню неотступно и навяжи ее на шею свою — пусть будет с тобою всегда на веки.

Ведь говорит Писание: «Милостыня мужа — точно печать»: если примешь ее, ни один из врагов на тебя не встанет, не скажет тебе: «Куда идешь?», видя, что носишь печати царя небесного и к Нему ты идешь.

Вопрос: Как же я приму ее?

Ответ: Все сможешь, если захочешь, ибо не трудно это: ибо если насытился пищей — накорми голодного, напился — напои жаждущего, согрелся — обогрей дрожащего от мороза, в хоромине ли красивой и высокой живешь — введи в дом свой скитающихся по улицам. Порадовался ли в застолье — возвесели и скорбящего, порадовался ли чему — порадуй и сетующего, почтили ли тебя, богатого, — почти и ты убогих, весело ли ступаешь по ступеням, выходя от князя, — сделай так, чтоб в доме твоём не ходили скорбящие.

И то уже не малая милость, если домашние твои без скорби, без воздыхания и без плача пребудут. А если достойны наказания за какую вину, пусть вместо этого будут помилованы. Если станешь так поступать, то и ты, вместо казни, будешь помилован при исходе твоей души.

Пусть твой дом будет — дом молитвы и покоя иереям, служителям Божиим, и всякому чину церковному. Введи таких в дом свой, со всякою честью их усади, стол накрой им, словно Христу самому, сам же стань им служить.

И вознесут тогда у Божьего алтаря молитву они за тебя, будто фимиам восходит к Богу от них. Свеча твоя в церкви постоянно светит, и просвира твоя — лежит.

Поминай всех, живущих в монастырях, кто ангельский образ носит; а когда они будут, введи их в дом свой, поставь им трапезу по монастырскому чину, жену же свою, и детей, и слуг научи в молчанье и страхе служить им, как ангелам Божиим. А провожая их, отпусти с поклоном, дав им, что нужно, и монастырю их.

Это много, если одно лишь «Господи, помилуй!» хотя бы на день купишь у них — и это уже бесценно, ибо писано: «Много может молитва праведного». Так, если может молитва одного, насколько лучше, если многие из таковых обратятся к Богу.

Еще больше тем, кто живет в скитах, плотским ангелам, угождай; отвергли они сей мир, служа единому Богу; принеси им нужное, прими их молитву, вложи в свое сердце святые слова их, освятись их благословением, молись хоть однажды за грехи твои с воздыханием — и вернешься в свой дом чистым.

Клеветы же не принимай ни на коегоже чьрноризьца ли святителя, аште и самъ видиши съблажняюшлася. Послушай Бога паче очию си, рекъшааго: «Не осужайте, да не осуждени будете».

Паче же минуюштимъ тя по пути не стыдися таковымъ главы свое покланяти.

Аште тако можеша творити, не сътворитъ ти пакости богатство твое, нъ якоже и прѣди рекох, вождь ти будетъ царьству небесьнууму, акы ходатай и другъ добръ, а зълъ *приемлемо* и хранимо зълѣ диявола явиться губя тя. Богу слава ныне.

Наказание богатымъ

Яко елико великимъ съподобилъ еси отъ Бога благимъ, тольма и большая длъжьнъ еси въздаяти.

Отвързай уши свои въ нишетѣ стражюштимъ, да обряштеши и ты Божий слухъ отвързень.

Аци же убо бываемъ нашимъ повинникомъ, тако и о насъ обряштемъ *небесьнааго* Владыку.

Отвъраштяся ласкавецъ лъстныхъ словесъ, яко и врановъ: искаляють бо очи умнѣи.

Аште отъ всѣхъ хоштеши чьсть имѣти, буди всѣмъ благодѣтель обьшти; ашти хоштеши вся сущая подъ собою исправити, добро творяштя чьсти и зьло творяштимъ запрѣщай.

Таки убо себѣ другы и свѣтъники имѣи, иже не вся глаголемая тобою хвалять, нъ судымъ правдынымъ тѣштаться отвѣштати ти.

Разумно послушати *подобаетъ* прѣя судиямъ, неудобъ бо есть правды избобрѣсти скороотбѣгаюште или отгоняште; разумѣвай прѣя мьдльно, твори же расуждения не тѣштася.

Твърдо разумѣи: спасения своего хранилиште — еже николиже людина обидѣти.

Буди своимъ повинникомъ страшнъ сана ради, а любьзнъ поданиемъ милостыня: елико силою прѣвышии еси всѣхъ, тольма и дѣлы добрыми свѣтъи ти подвизайся паче всѣхъ.

Прощения трѣбуя грѣховъ, праштай и самъ къ тебѣ съгрѣшаюштя, еже бо на рабѣхъ нашихъ прощение Божия гнѣва бываетъ свобода.

Тъгда наречеться къто убо истинный властелинъ, егда самъ собою обладаетъ и нелѣпымъ похотымъ не работаетъ.

Съмьртъ и гонение и напасть и вся видимая зълая прѣдъ очима ти да будутъ по вся дъни и чьсы.

Такъ буди о своихъ рабѣхъ, якоже молишися тебѣ Богу быти.

Не оправдай неправдынааго, аште и другъ ти есть, *ни обиди* правдынааго, аште и врагъ ти есть.

Клеветы же не слушай ни на монаха, ни на святителя, даже если и сам ты их видишь в соблазне. Больше чем глаз своих послушай Бога, сказавшего: «Не осуждайте, да не осуждены будете!»

А тем, что встречаются тебе на пути, не стыдись головой своей поклониться.

И если сможешь так поступать, не будет тебе ущерб от богатства твоего, но, как уже и сказал я прежде, станет оно водителем к царству небесному, словно защитник и добрый друг, а то, что несправедливо получил и греховно хранил, явится злее дьявола, тебя губя. Богу слава ныне.

Поучение богатым

Раз уж великим от Бога сподобился ты благам, то и воздавать должен больше.

Открой уши свои к страдающим в нищете, тогда и ты встретишь Божий слух открытым.

Каковы мы бываем к рабам нашим, таков и небесный Владыка окажется к нам.

Отвращайся льстивых слов льстецов, они точно вороны: исключают мысленное зрение.

Если хочешь, чтобы все почитали тебя, стань всеобщим благодетелем; если хочешь исполнить все, тебе данное, воздай честь творящим добро и накажи творящих зло.

Таких себе выбирай друзей и советников, которые не все тобой изрекаемое хвалят, но стараются отвечать рассуждением справедливым.

Разумно судьям подобает выслушать обе стороны, ибо нельзя решить справедливо второпях и без внимания; вдумайся в спор спокойно, суд твори не спеша.

Твердо знай: залог твоего спасения — никогда простолюдина не обижать.

Будь для своих подчиненных чином грозен, а добротой любезен: насколько силой ты выше всех, настолько и делами добрыми светить постарайся всех больше.

Прося прощенья грехов, прощай и сам пред тобой согрешающих, ибо прощая своих рабов, мы получаем свободу от гнева Божия.

И нарекут тогда истинным властелином, когда овладеет он самим собою и гнусным желаньям не станет служить.

Смерть и изгнание, и беды, и зримые все несчастья пусть стоят пред очами твоими во все дни и часы.

Будь таким для своих рабов, каким просишь быть к тебе Бога.

Не оправдывай виноватого, даже если и друг он тебе, и не обидь не виноватого, если и враг он тебе.

Аште кѣто имать очиштену душу отъ чловѣчьскыя прѣлсти и видить худость своего естъства, умаления же, и напрасную смърть сего жития, — въ *грѣхъ* гърдостный не въпадеться, аште и въ сану есть висоцѣ.

Въ извѣстнѣмъ сръдця твоего съвѣтъ разумѣвай суштиныхъ съ тобою норovy, да познаеши въ истину съ любовью служаштиныхъ ти или съ лстыю ласкаюштиныхъ. Мънози бо приязнию лицемѣрною вельми извѣстнымъ пакость творять.

Яко не достоить послушати клеветаря, сладкѣо ти глаголюшта, или слышати на ближняаго, да не отъпадеша Божия лубѣве и царьства.

Въвзѣдржи клеветуштааго въ ушию своею, да не купно съ нимъ погынеши.

Еже убо правовѣрну вѣру имѣти основанія добрыхъ дѣлъ есть,* тѣмъже отъ вѣры начьнется слово къ тебѣ, брате, понеже бо вѣроу вѣстрѣбова, а нелукаво: ведѣ, яко въдасть ми Господь вѣры ради твоя написати ти словеса *ключема* спасению.

Вѣруй въ Отца и Сына и Святааго Духа, въ Троицю нераздѣльну, Божество едино, Отця нерождена, Сына рожена, а не зъдана, Духа Стаа ни рожена и зъдана, нѣ исходяшта: трие въ единой воли, едину славу, едину чсть и едино поклонение отъ всея твари и отъ аггелъ и чловѣкъ приемлюшту, прѣвѣчьну и бесконьчьну прѣбываюшту въ вѣкы.

Въплъштение же Сына вѣруй истиньно суште, а не привидѣниемъ: въ двѣ естъствѣ Божество и чловѣчество — Бога по Божеству, чловѣка по въчловѣчению, въ обоемъ съвършена.

Кръсту Христову съ вѣроу *покланяйся*, яко на томъ спасение въсѣмъ чловѣкомъ съдѣла Господь.

Иконѣ Христовѣ и прѣчистыя его матере и всѣхъ святыхъ его съ вѣроу чсть въздавай, и яко къ самѣмъ любовьюно въ молитвѣ глаголи.

Страхъ Божий имѣй въ сръдци въину и память, акы ту сушта Бога съ тобою на всякомъ мѣстѣ, идеже идеши или сядеши.

Страхъмъ же его, акы уздоу обрѣти умъ свой и въстязай по вся часы, да не безъ въстягновения ходя пустошьнымъ научишися.

Простѣйшааго въ всемъ ишти — и въ брашьнѣ, и въ одежди, и не стыдися ништетоу, понеже большая чсть мира сего въ ништетѣ есть.

Не рыци: «Богата мужя сынъ есмь и срамъ ми есть» — никътоже бо богатѣй Христа, отця твоего небесънааго, родивѣшааго тя въ купѣли святѣй, въ ништетѣ же ходивѣша и не имушта, кѣде главы подьклонити.

Правьдоу украшайся и къ всякому тѣщися истиньно глаголати, не мози ся лица устыдѣвъ лъжи послухъ быти, яко губить Господь глаголюштя лъжу, нѣ съ покорениемъ истиньно отъвѣштавай.

Если кто-то имеет душу, свободную от страстей человеческих, и видит немощ своего естества, его увядание и скорый конец этой жизни, — в грех гордыни тот не впадет, даже будучи в чине высоком.

По тщательном размышлении в сердце своем обдумай характер всех, с тобой пребывающих, и тогда наверное различишь ты тех, кто с любовью служит тебе, и кто только лъстиво пресмыкается. Ибо многие лицемерной приязнью самым славным приносят беды.

Потому и не следует выслушивать клеветника, сладко тебе напевающего, или поклепы на ближнего, — и не оставит тебя Божья любовь и царствие небесное.

Останови нашептывающего тебе в уши — и не погибнешь с ним вместе.

Поскольку иметь православную веру есть основание добрых дел, так от веры начинается слово к тебе, брат, ведь и ты просил с верой, а не с хитростью: знаю, что даст мне Господь ради веры твоей написать тебе эти слова, ключи ко спасению.

Веруй в Отца и Сына и Святого Духа, в Троицу нераздельную, Божество единое — Отца нерожденного, Сына рожденного, а не созданного, Духа Святого, не рожденного и не созданного, не исходящего: три — в единой воле, в славе одной, в чести; и единое поклонение от всей твари, от ангелов и людей приемлющую, превечно и бесконечно пребывающую во веки веков.

Веруй в воплощение Сына как истинно бывшее, а не воображаемое: в двойную сущность его Божества и человечества — Бога по Божеству, человека по воочеловечиванию, но в обоих них — совершенного.

Кресту Христову поклоняйся с верою, ибо на нем сотворил Господь спасенье всем людям.

Иконе Христа и пречистой его матери и всех святых его с верою честь воздавай, точно к самим им с любовью обращайся в молитве.

Имей всегда страх Божий в сердце и помни, что Бог здесь с тобою на всяком месте, где идешь иль сидишь.

Страхом пред ним как уздой обороти свой ум и удерживай постоянно, ибо, блуждая безудержно, научишься лишь суетному.

Ищи во всем самого простого — и в еде и в одежде, и не стыдись нищеты, ведь большая часть сего мира живет в нищете.

Не говори: «Богатого мужа я сын, и потому мне то стыдно» — ибо никто не богаче Христа, отца твоего небесного, тебя родившего в святой купели, но нищим и он ходил, не зная, где преклонить голову.

Правдою украшайся и старайся всем говорить истину, не свидетельствуй ложно с бесстыдным лицом, ибо губит Господь извергающих ложь, но кротко истину излагай.

Уне бо есть чловѣку отъ истины пользу приемлюшту възненавидѣну быти, паче, нежели отъ лицемѣрия врѣжену възлюблену быти.

Възненавидѣныя бо бес правды въздвигнетъ Господь, възлюбленыя же вьсуе уничтожитъ, клеветьници бо истиньни бывають безъ испытанья.

И аште ти правду изъглаголавьшу и въ гнѣвъ вьпадеши отъ кого любо, не скърби о томь, нъ паче утѣшайся, реченымъ отъ Бога: «Блажени възненавидѣнии правды ради, яко тѣхъ есть царьствие небесное».

Кроткѣ буди къ всякому чловѣку, къ старѣйшууму тебе и къ мьньюшуму, лицемѣрная бо то кротость, еже большихъ устыдѣвъшеса, а мьншья озьлобити.

Кротко ступание, кротко сѣдение, кроткѣ вѣзорѣ, кротко слово, — вься си въ тебѣ да будутъ; отъ сихъ бо истиньный хрестьянъ явишися.

Кротость же есть, еже никомуже не досажати ни въ словеси, ни въ дѣлеси, ни въ повелѣнии, нъ всякому чловѣку норовы своими осладити сердце.

Славы земельныя никоемьже дѣлѣ не похощи, слава бо земляная ругается любяштиимъ ю, припахнувъши бо въ мало время чловѣку, яко буря вѣтренья и плодъ добрыхъ дѣлъ обронивъши, вьскорѣ же отъшьдѣши посмѣеть неразумию его.

Иже хочеть славьнъ быти въ семь мирѣ, ть бештьстья не тьрпить, вѣру же дръжай беславие любить, помышляя реченое отъ Господа: «Како убо можете вѣровати, славу отъ чловѣкѣ приемлюште, славы же, яже отъ Иночядааго, не ищете?»

Бештьстье люби акы чяшу пелына и прими е, аште и притрано ти есть, нъ на прогнание грѣхъвѣнуму недугу, иже бо грѣхъ сладостью вьниде, горестию да проженеться.

Желаюштууму вѣчныя жизни и худѣ земляныхъ причяштяюштуся и вьину мысляшту о исходѣ своемъ, не сътужитъ ему поношение чловѣчьско, яко гость бо, пришѣдъ въ миръ сь, сътърпить бештье господы своя, понеже утро надѣеться остити.

Съ мучеными Христа ради хотя ликѣствовати, прѣдажъ тѣло свое на наготу, волю на попърание, утробу на постъ, сердце на крѣпость, кровь же аште не на пролитие извѣну, то вьнутрь исучи ю сухотою яди, да примеши обштяная.

Вьси, яко призываеши и князя, очищаютъ храмы, и ты, аще желаеши Бога своего въ домъ тѣлесный вьселити на свѣтъ жизни твоей, очисти тѣло постъмъ, истрѣби жяждею, украси смѣреннемъ, накади благоуханною *молитвою*.

Храни свѣшту отъ вѣтра и молитву же отъ *юности* украси, яко невѣсту, бѣдѣниемъ, трудъмъ, тьрпѣниемъ, да похощеть ей царь небесьныи.

Тайно мѣсто обрѣтъ и сѣдъ съ тихостию помяни грѣхы и отъпадение царьства, и умилися срдцьемъ и образъмъ, преклони главу и рьци съ стенаниемъ:

Ибо лучше правдивому человеку быть ненавидимым, чем испорченному лицемерием быть любимым.

Ненавидимых в правде возвысит Господь, любимых во лжи — уничтожит, ибо и без проверки клеветникам знают цену.

Но если в ответ на правду твою во гневе обрушатся на тебя, не печалься, утешаясь сказанным Богом: «Блаженны возненавиденные за правду, ибо их есть царство небесное».

Кроток будь со всяким человеком, и кто выше тебя и кто ниже, ибо лицемерная кротость — стыдиться пред старшими и презирать низших.

Кроткая походка, кроткое сидение, кроткий взор, кроткое слово — все это пусть в тебе будет; в том ты и явишься истинным христианином.

А кротость — это ведь не досаждать никому ни словом, ни делом, ни повелением, но каждому человеку нравом своим услаждать сердце.

Славы земной не желай ни в чем, ибо слава земная насмехается над привязанным к ней, точно буря ветренная, налетев на короткое время на человека и плод добрых дел обронив, тут же исчезнув, лишь посмеется его неразумию.

Кто хочет быть славным в сем мире, тот бесчестья не терпит, кто держится веры — безвестность любит, размышляя о том, что сказал Господь: «Как можете веровать, от людей принимая славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?».

Бесчестье терпи, точно чашу полыни прими ее, даже если тебе неприятно, или изгнания недуга греховного, ведь грех через сладость входит, а горечью — изгоняется.

Того, кто мечтает о вечной жизни и худо с земным согласуется, всегда помышляя о кончине своей, не терзает поношение людское, он как гость, пришедший в мир сей, — претерпит бесчестье от хозяев своих, поскольку завтра надеется отойти.

С мучениками ради Христа желая общаться, нагоде предай свое тело, волю свою — на поправление, утробу — на пост, сердце — на твердость, а кровь, если и не на пролитье извне, то изнутри иссуши ее пищу черствой — и примешь тогда желанное.

Знаешь ты, что, приглашая князя, убирают хоромы, ты же, если желаешь Бога в дом свой телесный вселить на просвещение жизни твоей, тело очисти постом, жаждою истреби, смиреньем укрась, накади молитвою благоуханной.

Храни от ветра свечу, молитву с юности укрась, точно невесту, бдением, трудом, терпением — и тогда возжелает ее царь небесный.

Тайное место найдя и присев в тишине, помяни и грехи, и падения царств, и умились и сердцем, и взором, голову преклони и скажи со вздохом:

«Охъ, мнѣ, яко пришьльствие мое удалися, и кѣто дасть главѣ моей воду, и очима моима слъзы? увы мнѣ, увы мнѣ, яко близъ днь Господень!»

Слъзъ ли не имаши, нѣ не отъчяйся, въздыхай же чясто и тяжко отъ вьсего срдця, слъзы бо суть даръ Божии, и помалу въздыханиемъ и умилениемъ испросиши у Бога: вьсякъ бо просяй приметъ.

Обрѣтъ слъзы, храни я вьсею силою своею отъ объядания и пиянства, паче же отъ осуждения вьсякого чловѣка; своему бо дѣлу зазираи, чловѣка же, егоже не създа, тому не суди.

Не вѣруй ни очима своима, аште видиши кого съгрѣшающтя, яко и тѣ невѣрнѣ есте, ибо и първое въ раи очи *съблзнистася*, и *падениемъ онѣмъ* отъ вьзора *бьста*.

Иже бо имѣеть на ребрѣхъ своихъ язву, гноя испълнену, прыштиемъ чюжимъ не съгнузитъ си и помышляя вьину с мьножьствѣ грѣхъ своихъ, николиже о дружни съблзнѣ бесѣды съставитъ коли.

Чрвь смѣренъ зѣло и худъ, ты же славнѣ и *грѣдь*, нѣ аще разумнѣ еси самъ, уничьжи грѣдось твою, помышляя, яко крѣпость твоя и сила, чрвьмъ покоиште бьваеть.

Помяни първья прослувьшая въ храбрѣствѣ, въ богатствѣ же и славѣ, и вьси яко без вѣсти отъидоша и беспамятни бышя; худии же и убозии въ мирѣ семь, о души своеи подвигъшеня, како и на небеси прославлени и по земли хвалими, и на помощь призываеми.

Възведи очи милостивно на сѣдя въ наготѣ и зимою съкрѣчивъшаагося, понуди ествство свое прикрыти одеждею, лежаштеу у *тобѣ*, и Господь дасть ти пакы съторицею жизнь вѣчнью.

Простьри руку скытающтюмуся по улицамъ, въведи таковыя въ свою обитѣль, общъ ти буди съ нимъ хлѣбъ твой, обьштя чяшя, воды ли или пития, яко же ти Господь далъ есть.

Странна въведи въ домъ свой, бескровнааго въ храмъ свой, даждь мокнуштюму сухоту, зимному теплоту, омый скврну тѣла его, яко убогъ есть зѣло и достоинъ помилования.

Посѣти сущтиихъ въ тьмьници, по Господню повелѣнию, виждь бѣду, виждь страсть и рьци: «Охъ мнѣ! си за едино съгрѣшение стражють! Азь же по вься чясы владыцѣ моему Христу съгрѣшяю и въ льготѣ прѣбываемъ!»

Аште видиши кого отъ нихъ, по оклеветании стражюшта, помози ему, Христа ради, яви истину къ нимъже оклеветанъ есть: велико бо то спасение есть, еже обидимья избавляти.

Сѣдящю ти надъ мьногоразличною тряпезою, помяни сухъ хлѣбъ ядуштааго и не могуштааго си воды принести недуга ради.

Насыштяя тѣло свое, даждь чясть отъ тряпезы ты твоя души своей, яко та чьстьнѣиши тѣла есть, даждь же да душнью часть нищи хранять, да

«Ох мне, ох, пребыванье мое затянулось, кто ж даст воду главе моей и очам моим слезы? увы мне, увы мне, ибо близок день Господен!»

А если нет слез, не отчаивайся, почаще вздыхай и тяжело от чистого сердца, ибо слезы — дар Божий, так мало-помалу умилением и вздохом выпросишь их у Бога, ибо всякий просящий получит.

Обретши слезы, охраняй их изо всей силы от обжорства и пьянства, но больше всего остерегайся осуждать других: делай дело свое, а не суди человека, ведь не ты его создал.

Не верь и очам своим, если видишь, что кто-то грешит, ибо и очи обманут: ведь и прежде в раю соблазнились очи, и свершилось падение их от взгляда.

Кто носит на ребрах своих рану, полную гноя, не гнушается чужими прыщами, всегда размышляя о множестве личных грехов и никогда не входя в беседы о соблазне других.

Червь мелок и слаб, ты же славен и горд, но если разумен ты сам, смири гордыню свою, размышляя о том, что твердость твоя и сила будут червям приютом.

Вспомни древних, прославленных храбростью, богатством, славой, ведь все они отошли безвестно и ныне забыты; слабые же и убогие в сем мире, о душе своей позаботившиеся, прославлены на небесах, и на земле их хвалят, призывая на помощь.

Милосердно очи свои возведи на сидящего в наготе и от холода скорченного, дай ему тело его прикрыть одеждой, лежащую у тебя, и Господь даст тебе сторицею вечную жизнь.

Подай руку скитающемуся по улицам, введи его в дом свой, подели с такими и хлеб твой, и чашу воды ли или питья, какого тебе дал Господь.

Странника в дом свой введи, в хоромы — бездомного, мокнущего осуши, замерзающего согрей, смой грязь тела его, ибо убог он весьма и достоин спасения.

Навести в темнице сидящих по воле Бога, взгляни на беду их, взгляни на страдания и скажи: «Ох мне! это они за одно согрешение только страдают! Я же все время пред владыкой моим Христом согрешаю, но нахожусь на свободе!»

Если видишь кого-то из них по навету страдающим, помоги ему, ради Христа, яви истину к тем, кто был оклеветан, ибо весьма спасительное это дело, облегчать обиженных долю.

Когда сидишь за обильным столом, вспомни о том, кто ест хлеб сухой и не может воды принести в недуге.

Насыщая тело свое, отдай часть еды твоей ради души своей, ибо честней она тела, чтобы душевную часть сохранили нищие, так что когда потребуется,

егда вѣстрѣбуеть, тогда готово обряштеть. Будеть бо верема на исходѣ и у вратъ небесныхъ обряштеть, егда мѣного трѣбовати имать.

Насытятся многосластьянаго пития, помяни пиюштааго теплу воду, отъ слѣнца вѣстопѣвшу, и ту же пороха нападышу отъ мѣста неза-вѣтрѣна.

Въ богатствѣ сы и земельныхъ благъ изобиль имѣя, помяни въину слово Авраамле, еже къ богатому: «Вѣсприя ты благая въ животѣ своемъ, якоже и убогыи злая, тѣмже онъ веселиться, а ты стражеша».

Възлагъ на многомякъцѣ постели и пространо протягаяся, помяни наго лежаштааго подѣ единѣмъ рубѣмъ и не дрѣзнушта ногу своею прострѣти зимы дѣля.

Лежашу ти въ твердо покрѣвенѣ хранинѣ, слышашу же ушима дѣждевное множество, помысли о убогихъ, како лежать ныня, дѣждевными каплями, яко стрѣлами, пронажаемы, а другыя отъ неусьновения сѣдыштя и водою пѣдыты.

Сидяшту ти въ зиму въ теплѣ хранинѣ и без боязни изнаживѣвшуся, въздѣхни, помысливъ о убогихъ, како клячятъ надѣ малѣмъ огньцѣмъ сѣкрѣчивѣшеса, большу же бѣду очима отъ дыма имуште, руцѣ же тѣкмо сѣгрѣвающе, плешти же и все тѣло морозѣмъ измѣрзѣше.

Приклони ухо свое къ просяштюуму и обништавѣшюуму въ житиѣ семь, заплати избываюштинѣмъ своимъ онога недостатѣчнѣную диру его.

Духовнааго и духовная помышляй, а не земляная; вѣдѣй, яко по нетѣлѣнному одѣнѣю крыштение вси равни суть, и убозии, и богатии. Тѣмже блюди, еда по земельному помышляя, прѣзриши убогааго, тѣлѣнною одеждею съ тобою не равнѣо одѣна.

Святыхъ, угождѣшихъ Господу, моли, акы помостѣники сушта и заступники притѣкаюштинѣмъ къ нимъ, понеже приаша дрѣзновение къ Господу, акы угодѣнии раби къ своему господину.

Мошти святыхъ съ вѣрою цѣлуй и чѣсть въздажь имъ, яко чѣстьномъ, понеже Христа дѣля пострадаша.

Тайнамъ Божиамъ вѣруй, тѣлу и крѣви Его, съ страхѣмъ причащтяся, да причастьникъ будеша царству Его.

Невѣрство же отѣмѣтай, не рыци, како хлѣбъ тѣло и вино крѣвь? но слыши, яже отъ чловѣкъ невѣзможна, отъ Бога възможна.

Вѣруй вѣскрѣсенѣю мрѣтвѣныхъ и жизни будуштааго вѣка, по неиздреченѣну словеси Господню, еже въ еуаггelistѣмъ слыши учении.

Помни Судѣ, чяи отѣвѣта и въздаянѣя по дѣломъ, и вѣруй, яко будетъ, будетъ!

По семь же възлюби Господа Бога своего отъ всея души своя и отъ всея крѣпости и подвигнѣся вся твоя дѣла и добрыя норovy къ Его угождѣнѣю творити лѣпо.

она в готовности. Время будет твое на исходе, а она окажется у врат небесных, тогда потребует много.

Принимая сладостное питье, подумай о пьющем теплую воду, на солнце согревшуюся, полную сора от неприкрытого места.

Имеющий благ земных изобилье, помни всегда Авраамово слово к богатому: «Ты принял благое в жизни своей, как принял убогий — злое, потому веселится он, ты же — страдаешь».

Возлеги на мягкой постели, свободно потягиваясь, вспомни лежащего в наготе под единым рубищем, того, кто не может вытянуть ноги свои из-за холода.

Когда возлежишь ты под крепкою крышей в хоромах, слушая как шумит дождь, подумай и об убогих, что ныне лежат, пронзаемы точно стрелами дождевыми каплями, а другие без сна сидят, затопленные водою.

Когда в мороз сидишь ты в теплых хоромах, без страха раздевшись, вздохни, об убогих вспомнив, как сгорбились над огоньком, согнувшись, с большой болью в глазах от дыма, чуть-чуть согревая руки, тогда как плечи и тело — все мерзнет на холоде.

Ухо свое преклони к просителю, обнищавшему в жизни сей, поставь заплату избытком своим на зияние дыр его.

Помышляй о духовном, а не о земном; знай, что по нетленной одежде крещения все равны, и убогие, и богатые. Поэтому берегись, чтобы думая по-земному, не презирать убогого, не одинаково с тобою одетого тленной одеждой.

Святым, угодившим Богу, молись, ибо они помощники и заступники прибегающих к ним, поскольку они получили право обращаться к Господу, как рабы, угодные своему господину.

Мощи святых с верой целуй и честь им воздай как честным, ибо ради Христа пострадали они.

Веруй в Божии тайны, телу и крови Его причащайся со страхом — и станешь причастником царству Его.

Неверие же отметай, не говори: «как это, хлеб — тело, а вино — кровь?», но знай: что у людей невозможно, у Бога возможно.

Верь в воскресение мертвых, в жизнь предстоящего века, по неизреченным словам Господня, которые слышишь у евангелистов.

Помни о Страшном суде, ожидая ответа и воздаяния по делам — и верь: это будет, будет!

А еще: возлюби Господа Бога своего от всей души своей и со всею твердостью, и старайся угодить ему всеми делами твоими и добронравием.

Паки же искрънаго своего възлюби, съ нимже въ единой купѣли породися, рекъше всякого хръстьяна, паче же брата си: «Въсхожу бо, — рече Господь, — к Отцу моему и Отцу вашему».

Поклоняй главу свою всякому старѣйшому тебе, и врѣменьмъ и разумьмъ, съмѣренныа бо въздвигнетъ Господь.

Другы своя и съравныя тебѣ любовью сѣрѣтай и съ обятиемъ целованне дай ему, аки Елисаветѣ и Мариа.

Мъншыя тебе малыя вѣрстою любовью прими и помилуй, и къ Богу о нихъ въздѣхни, яко не ново начыньшыа познавати Господа.

Князя бойся всею силою своею, нѣсть бо страхъ его пагуба души, нѣ паче научишися отъ того и Бога боятися.

Небрѣжение же о властѣхъ — небрѣжение о самомъ Бозѣ. Иже на власти земльнѣ поучения видимаго владыкы не бояся, како невидимаго убоится?

Боятся ученикъ учителя слова, паче же самого учителя, также бояйся Бога боятся и князя, имже казняться сѣрѣшяюштии: князь бо есть Божий слуга къ чловѣкомъ, милостью и казнью зълымъ.

По семь же всякому богату главу свою поклоняй и съмѣренныа ради, древо бо многовѣтно: поклонениемъ подыдеши и мимо идеши.

Примѣши бо власть и емѣние отъ князя своего, отъ другъ своихъ славы хотять, а отъ мъншихъ поклонения просять и чѣсти.

Прѣдъ князьмъ же бойся лъжю глаголати, яко губить Господь глаголюштыя лъжю, нѣ съ покорениемъ истинно отъвѣштывай ему, аки къ самому Господу.

Аште бо въ врѣмя нѣкое неправо чѣто възглаголетъ ти, а тобѣ съвѣдушту, блюдися, еда искушаеть тя, блюдеши ли своя душа? И аште явишися неистовьствуя, не можеши увѣритися ему, яко блудеши онога душа.

Умъ свой присно отъ суетныхъ мыслей вѣстягай, възпусштыя же къ Господу горѣ, симъ бо на стѣзю подвига вѣступаеши, душу же отъ расслабленна свобажеши.

Нѣсть бо дивно чловѣчску естеству низпадати къ земльнымъ, нѣ еже падъшися не вѣстати? Кѣто бо заблудивъ съ пути не възиска паки? Расслабленъ ли бысть отъчаяниемъ паки дньсь, утрѣшний паки днь подвигу отдажъ.

Неразумие же убо есть, еже приходяштыамъ благостынямъ вѣчнымъ дарьмъ благаго Бога, ти не пождати трѣпѣниемъ и вѣрою, нѣ о земльныхъ радоватися и тѣхъ приятися, аки невѣрующту вѣскрѣсеню.

Аште бо бы слава сего мира приближилася славѣ небеснѣй, не бышыа сынове мира сего распяли Господа славы, то кый бо рабъ дрѣзнетъ въ томъ дому обитати, идеже господина его не прияшыа?

Алкоту и жяжду Христа дѣля любви, елико бо пакость тѣлу твориши, души благодѣтъ зиждеши. Въздай бо судъ противу словомъ и помысломъ въздасть паки благая и за малое, еже Его дѣля потрѣпимъ.

Также и ближнего своего возлюби, с которым в одной породнился купели, то есть всякого христианина, а скорее — брата тебе, ибо, сказал Господь, «Восхожу к Отцу моему и Отцу нашему».

Склоняй свою голову перед всяким, кто летами старше иль разумом, ибо возвысит смиренных Господь.

Друзей же своих и равных тебе с любовью встречай, и, обнимая, целуй, как Елизавета и Мария.

Меньших тебя и малых годами любовно прими и помилуй, и к Богу о них воздохни, ибо только что начали те познавать Господа.

Князя бойся всей силой своею, ибо страх перед ним — не пагуба для души, лишь вернее научишься Бога от того бояться.

Пренебрежение властями — пренебрежение Богом. Ведь если кто власти земной не боится, поучения видимого владыки, то как устрашится невидимого?

Боится ученик учительского слова, но больше — самого учителя, так и страшщийся Бога боится и князя, через которого и наказываются согрешающие, ибо князь — перед людьми слуга Бога, милость иль наказание преступных.

А кроме того, пред всяким богатым склоняй свою голову смирения ради, ибо у древа много ветвей: только склонившись, под ним пройдешь.

Принявшие власть и именье от князя своего, хотят от друзей своих прославления, а от низших ждут поклонения и почитания.

Пред князем страшись говорить неправду, ибо губит Господь изрекающих ложь, но покорно истину говори ему, словно Господу самому.

Если когда-нибудь неверно что скажет тебе, а ты это знаешь, взглядишь, не искушает ли он тебя: бережешь ли душу свою? Если же явишь свое безумство, не сможешь доказать ему, что сохраняешь душу его.

Ум свой от суетных мыслей отринь, воспаряя высоко к Господу, ибо этим вступаешь на стезю добродетели, освобождаешь душу от слабости.

То не диво для естества человека — ниспадать к земному, но если, павши, не встать? Разве кто-нибудь, сбившись с пути, снова его не отыщет? Если разбит отчаяньем ты сегодня — завтрашний день посвяти подвигу.

Неразумно, когда приходят вечные достояния — дары благого Бога, не дожидаться их с терпением и верой, но радоваться земному и к нему стремиться, словно не веря в воскресенье.

Если бы слава сего мира приближалась к славе небесной, не распяли бы славы Господа мира сего сыновья, ибо какой раб дерзнет жить в доме, где его господина не приняли?

Голод и жажду терпи Христа ради: насколько наносишь вред телу, настолько душе создаешь благо. Воздающий суд за слова и помыслы воздаст благом и за малое, которое ради него претерпим.

Молитвы же душевныя пища не отълагай, якоже бо тужить тѣло и отънемагаетъ пища лишяемо, тако душа молтвѣныя сладости лишяема на раслабление и умъртвие умное приближается.

Свѣтъ убо въ храминѣ свѣшта, свѣтъ же въ чювьствѣ молитвѣный разумъ; яснѣ же свѣтъ от свѣшта, не сушту вмѣсу никоему, свѣтла же зѣло молитва непримѣсна мысли земныхъ.

Прѣдай хотѣние Богу, вѣдуштюму вся прѣже бытия чловѣку, и не проси воли твоей быти: всякого бо чловѣка мысль о непользыхъ, нѣ глаголи къ Богу: «Да будетъ воля твоя!» Тѣ бо строить вся на пользу намъ, ихъже мы плѣтнии не вѣмы.

Въстени акы мытарь, прибѣгни акы блудныи, умилися акы Ахаавъ, плачися акы Петръ, зови акы ханааныни, прѣдъстои яко вѣдовица, молися акы Иезекія, смѣрися акы Манаси, — аште тако молишися, приметь благый Господь молитву твою, акы мати младенца.

Безгрѣшнааго есть дѣло, еже грѣхомъ судити чюжимъ, кто же е без грѣха? Развѣ единъ Богъ. Тѣ бо единъ неомѣримъ и тому подобаеть судити суштиимъ подѣ мѣроу.

Еже судити чловѣку съблзавъшюся гърдость есть и смѣнѣние; Господь же гърдыимъ противиться. Иже бо по вся чясы отвѣтъ дати о своихъ грѣсѣхъ чясть, не скоро главы своя възведеть съблзавъ чюжихъ съмотрити.

Не буди гърдъ, да не похвалиться гробъ, гърдость твою объдържа, и убогий почиеть на гробъ твоем и никоегоже врѣда приметь.

Видѣвъ мъртвѣць носимъ, акы свое ество помилувавъ послѣдуй ему и до гроба, дѣвое бо добро приемлеши: оного дѣля смѣрти свое умъртвие помянувъ смѣришися, и паки тѣло его помилувавъ, гробу прѣдавъ, помилуванъ будеши.

Боляштааго посѣти, неси егоже хочеть въкусити, самъ же послужи о немъ, акы о своемъ сѣрдоболѣ, вѣдый, яко и ты такоже имаши пострадати.

Стенюшту оному тяжко отъ болѣзни, ты же милостыня своя слъзы испусти и въздѣхни о болѣзни его къ Богу, въ нейже есть, и аште и лѣчѣць прилучиться, ты даждь цѣну ицѣления его дѣля.

Умираюшту же ему, ты своима рукама очи его сѣтисни и уста его, къ Богу о души его отъ всего срдця помолися и омый своима рукама, аще же и убогъ есть, попецися не нага погresti его.

Зѣло успѣшно къ покаянию и слъзамъ посѣштение умираюштинихъ. И кто бо тѣгда не приидеть въ умиление, видя ество свое въ гробъ съходяшть, и имя его угасъше, славу же богатааго въ тѣлю съшьдѣшу.

Аште имѣши дрѣзновение къ властелемъ и княземъ, поскѣрби о обидимѣмъ отъ сильнаго, и до пота попьри по сиротѣ, да вмѣнитъ Господь капля пота твоего съ крвию мученичскою.

Молитвы — пищи душевной — не откладывай, как тужит тело, изнемогая без пищи, так душа, лишаемая сладости молитвы, к слабости и душевной смерти приближается.

Свет в хоромах — свеча, свет же в чувстве — молитвенный разум; ясен свет от свечи, не знающей никаких примесей, но светла и молитва, не смешанная с земными помыслами.

Предай все желанья Богу, ведающему все до бытия человека, и не проси о воле своей — у всякого человека мысль о ненужном, — но обращай к Богу: «Да будет воля твоя!» Ибо строит он все нам на пользу, которой мы в нашей плоти не ведаем.

Стенай словно мытарь, вернись точно блудный сын, умились как Ахав, восплачь точно Петр, взывай как ханаанка, предстань как вдовица, молись как Иезекия, смиришь как Манасия, — и если молишься так, примет благой Господь молитву твою, как мать — младенца.

Дело безгрешного осуждать чужие грехи, а кто без греха? Один только Бог. Один он безмерен, и ему подобает судить тех, кто измерен.

Гордыня и самомнение осуждать других заблуждающемуся человеку; Господь же гордым противится. Но тот, кто всегда готов дать ответ за свои грехи, не скоро поднимет голову свою, чтобы рассмотреть чужие заблуждения.

Оставь гордыню — и не похвалится гроб, гордость твою вбирая в себя, и убогий отдохнет на гробе твоём без всякого для себя вреда.

Увидев, что мертвеца несут, сжалившись как над собственным телом, проводи его до могилы и двойную получишь пользу: на смерти его свою кончину представив, смиришься, а тело его пожалев и предав могиле, сам помилован будешь.

Болящего посети, принеся ему то, что он хочет отведать, и сам ему послужи, как близкому своему, помня, что так же и тебе предстоит пострадать.

Если стонет кто-то тяжело в болезни, сострадательно слезы свои испусти и к Богу вздохни о болезни, в которой он находится, а если лекарь при этом случится, дай плату ему за его лечение.

Когда умирает он, то своими руками очи его закрой и уста его, о душе его сердцем всем помолись ты Богу и омой своими руками, а если убог, позаботься, чтобы не нагим схоронили его.

Важно для покаяний и слез посещение умирающих. Да и кто же тогда не придет в умиление, видя естество в могилу сходящее, имя угасшее, и славу богатого, рассыпавшуюся в тлен.

А если можешь просить властителей и князей, заступись за обиженных сильными, и до пота сразись за сирот — приравняет капли пота твоего Господь к крови мучеников.

Аште ли незнаемъ еси князьмъ си, то къ тѣмъ, иже имуть дръзновение къ нему, потужи о убожьмъ, и Господь рано по първому се вѣмѣнить ти.

Църкви Божии завушти на молитву, остави дѣло земльное кое любо и иди на душевную пищу съ тѣштяниемъ, акы Петръ, Иоанъ къ гробу.

Идушту ти въ святыи храмъ помысли, еда кого прогнѣвалъ еси въ коемъ дѣлѣ, и всяко потѣштися гнѣвныи мракъ разгнати, да яко слнце освѣтитъ ти душу молитвѣная доброта.

Съкрываеъ бо тъмныи облакъ сличную красоту и свѣтълость, погубить молитвѣную красоту помнѣние гнѣвное.

Ступивъ въ двѣри цркъвныя, помысли сама врата небесная прошѣдъ, и ту глаголавъ вѣсь дявь тайныи, съ дивѣмъ и съ страхѣмъ стой, съсмотря бываемыхъ съ вѣрою тѣлесныи очима и душевныи, тѣгда и самъ прѣмѣнися отъ земныхъ мыслей на будущая блага.

Видѣвъ Христа, закалаема въ жъртву къ Отцу за вѣсь миръ, чѣто ино мощтѣнь еси помыслити плѣтѣнь сы, тѣкмо руцѣ въздѣвъ, рыци: «Слава многуму ти чловѣколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же по вѣся часы чѣстая съгрѣшения чловѣчска, прѣмногое же и бештисльное чловѣколюбие Божие, еже на чловѣчѣстѣ родѣ имать и еже съгрѣшаюштемъ намъ тѣрпять, и до послѣдняго дыханія ожидаетъ *покаяннѣ* нашего. Тѣмъже варимъ лице Его исповѣданнемъ. Прииди потѣштися и припади предѣ Господѣмъ и възплачи прѣдѣ сътворивѣшимъ тя, зови милость его, приглашай штедроты его, да же съмъртъ не варить.

Не рыци: «Много съгрѣшихъ, много беззаконьновахъ, не имамъ дръзновения, еже къ Богу припасти», ни убо не отъчай себе, не *прилагайся* тѣкмо отъселѣ къ съгрѣшениемъ и силою вѣсемилостивааго Бога не имаша посрамленъ быти.

Не лъжѣнь рекуи: «приходяштяаго къ мнѣ не иждѣну вѣнъ», и по сихъ: «вѣсѣ обратитѣся къ мнѣ и азъ исцѣлю вы, и не хочу съмърти грѣшнику». Тѣмъже дързай и вѣруй, яко Чистъ сый приближяюштааго ся къ нему очистить.

Аште истинно покаяние хоштеши прияти, то яви е дѣлѣмъ: аште гърдости каешися, покажи съмѣрение, аште пиянства, покажи постъ, аште любодѣяннѣя, покажи чистоту. «Уклони бо ся, — рече, — отъ зла и сътвори добро».

Тѣкмо не ожидай въ тинѣ *грѣховнѣй*. Вънезапы примѣши и въздѣхнеши и не будетъ послушяюштааго: егда аггелъ не пождая прѣдѣ очима ти станеть, врази же твои, яко облакъ, покрываютъ тя.

Вѣнимай души своен, яко едина ти есть, едино веремея живота и невѣдомъ конѣць, и непрѣходна пучина въздуха, и врагъ твоихъ исплѣнена, нѣсть же помагаюштааго, развѣ добрыхъ дѣлъ, тѣмъже всею силою своею възшишти ихъ.

Если же не знаком ты князьям, то тех попроси заступиться, кто близок к ним, поскорби об убогом — и скоро Господь, как и прежде, оплатит тебе.

Когда церковь Божья зовет на молитву, оставь свое дело земное и спеши за душевной пищей с тщаньем, точно Петр, Иоанн ко гробу Господню.

Когда направляешься в храм святой, вспомни, когда и кого прогневил ты в каком-то деле, и постарайся, как можешь, мрак гнева того разогнать и — тогда словно солнце осветит душу тебе доброта молитвы.

Ибо скрывает темная туча солнечную красоту и светлость, погубит красоту молитвы помышление гневное.

Ступив в церковные двери, помни, что там ты вратами небесными как бы проходил, творя молитвы весь тайный час, в трепетном страхе стой, с верою глядя на происходящее очами телесными и духовными, тогда и сам переменишь мысли земные на будущие блага.

Видев Христа, закалаемого в жертву Отцу за весь мир, что иное ты можешь помыслить, находясь во плоти, как только, руки воздев, сказать: «Слава великому твоему человеколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же часто о многих согрешениях человека, увидишь премногое и бесконечное человеколюбие Божье, какое нисходит на род человеческий и нас, согрешающих, терпит и до последнего вздоха нашего ждет от нас покаяния. Потому спешим с исповедью еще до встречи с Ним. Приди, потрудишься и припади пред Господом, и восплачь пред сотворившим тебя, призови его милость, проси щедрот его, пока не опередила смерть.

Не говори: «Согрешил я много, много совершил беззаконий и не дерзаю припасть к Богу» — не отчаивайся, но уж теперь не греши, и силой всемилостивого Бога не будешь отвергнут.

Прав сказавший: «Приходящего ко мне не выгоню вон», — и потом: «Все обратитесь ко мне — я исцелю Вас, не хочу смерти грешнику». Так держай же и веруй, что сам Чистый — приближающегося к нему очистит.

Если действительно желаешь принять покаяние, то яви это делом: если в гордыни каешься, покажи смирение, если в пьянстве, покажи воздержание, если в любодеянье, покажи чистоту. Ведь сказано: «Уклонись от зла и сотвори добро».

Но не медли в греховой тине. Внезапно поймешь и вздохнешь, но не будет слышащего: когда неожиданно ангел перед очами предстанет, враги твои, словно облако, скроют тебя.

Внимай душе своей, ибо она одна у тебя, время жизни одно и неведом конец, и непреходима пучина воздуха, наполненного врагами твоими, и нет никого, кто спасет, кроме добрых дел, — так что всей силой твоею их и взыщи.

Въступи на добродѣтель стѣзю, поиди скоро, да же вечеръ не постигнетъ, потѣштимъ къ вратомъ града вышнѣяго, не съкланяйся ни на десно, ни на шюе, да не заблудиши въ пропасти мучения.

Епископомъ и пастухомъ Христова стада словесныхъ овецъ главу свою покланяй и припадай къ ногама ихъ, и моли да дасть ти ся благословение ихъ.

Прозвутеры ерея Христовы, прѣдъстателя таинѣй его трапезѣ и дробителя тѣлу его всякою чѣстью почѣсти и съ страхъмъ възирай на ня.

Таже дияконы, иподьякони, анагносты и акы служителя Божия съ вѣрою помышляй, и тѣштися ниединомуже ихъ ни въ чемъ же прѣгрѣшити.

Аште убо стояштиихъ прѣдъ земельнымъ царьмъ съ страхъмъ чѣстиши, бояся словъмъ прѣрешти имъ, како убо разумѣши о слугахъ небеснаго царя?

Въ монастыря дома святыхъ потружайся, вижь житие и устрой чинъ и уставъ. Видѣвъ бо перебувание ихъ, окаеши свое житие и управишия отътолѣ.

Съ суштимъ же въ горахъ не лѣнися, ишти молитвы, проси благословения, и аште чѣто имѣши тѣлесныя потрѣбы, донеси имъ и приимеши душевнѣну потребу.

Паче всякого чѣрноризца не тѣштися минути бес поклонения, аште бо знаемымъ тѣкъмо покланяешися и чѣстиши я, то по съдружю то есть, а не по чѣсти образа сущаго на нихъ.

Коньць же всѣмъ прѣжереченымъ възлюбиши Господа отъ всея душа и страхъ его да пребываетъ въ срдци твоємъ.

И правъ буди и истиньнъ, сѣмѣренъ, кроткъ, покоривъ, долу поничя, умъ же къ небеси простирая, умилень къ Богу и къ чловѣкомъ привѣтливъ и печальнаго тѣшитель, трѣпливъ въ напасти и ништетѣ, штедръ и милостивъ, ништимъ кѣрмитель, страньноприимьникъ, скѣрбьнъ грѣха ради, весель о Бозѣ, алчьнъ буди, жядьнъ, кроткъ, робокъ, покорень, неславохотьнъ, не златолюбьць, друголюбьць, негърдь, боязливъ прѣдъ царьмъ, готовъ въ повелѣнии его, въ отвѣтѣхъ сладкъ, чясто молитвьникъ, разумьнъ трудьникъ къ Богу, не осудитель всякого чловѣка, попьрьникъ и обидимыхъ неличемѣрьнъ.

Чадю Еуаггелия, сынъ възкресения, наслѣдникъ будущая жизни о Христѣ Иисусѣ, Господи нашемъ, Ему же слава, чѣсть ныня и присно и въ вѣк вѣкомъ. Аминь.

Наказание Исухия, презвутера Иерусалимьскаго*

Страхъ вѣину имѣй и Божию любовь и чисто къ всѣмъ срдце.

Самого надъ собою стояшта Бога вѣруй, елькраты чѣто твориши.

Радуйся, егда твориши добро, нъ не высися, еда погрязение на отишыи будетъ.

Вступи на стезю добродетели, быстро пойдя, пока не наступит вечер, подступая к вратам града вышнего, не отклоняясь ни вправо, ни влево, чтобы не заблудиться в пропасти мучений.

Пред епископами и пастырями овец словесных стада Христова голову свою преклоняй и припадай к их ногам, и моли, чтобы дали тебе благословение.

Пресвитеров и иереев Христовых, представителей тайной его трапезы и дробителей тела его всякою честью почти и со страхом взирай на них.

Затем диаконов и иподьяконов, и чтецов как служителей Божьих: с верою думай о них, стараясь никому из них ни в чем не вредить.

Ведь если стоящих перед земным царем считаешь во страхе, боясь и словом им противоречить, то что подумаешь ты о слугах царя небесного?

В домах святых монастырей потрудись, посмотри на житье и устройство там устава и чина. Глядя на их пребывание, расскаешься в своем житье и тем исправишься потом.

И с теми, кто пребывает в затворе, не ленись общаться, ищи их молитвы, проси благословения, а если есть что у тебя из потребности для тела, им принеси — и примешь тогда душевную помощь.

Но больше всего старайся, как бы не пройти мимо монаха без поклона, ибо если только одним знакомым кланяешься и чтешь их, то это только по дружбе, не из почтения к образу, ими носимому.

В результате всего сказанного: возлюбишь Господа всею душою, и страх перед ним да пребудет в сердце твоём.

Будь и праведен, и правдив, смирен, кроток, покорен, долу склоняясь, ум простирая к небу, умилен пред Богом, а к людям приветлив, опечаленного — утешитель, терпелив в напасти и нищете, щедр и милостив, нищим кормитель, странноприимник, скорбен греха ради, весел о Боге; постись и жаждай, кроток, робок, покорен, неславолюбив, не златолюбец, но друголюбец, не горд, трепетен перед царем, готовый к его повелениям, в ответах мягок, частый молитвенник, разумный труженик Бога, не осуждающий всякого человека, защитник обиженных нелицемерный.

Дитя Евангелия, сын воскресения, наследник будущей жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Поучение Исихия, пресвитера Иерусалимского

Всегда имей страх и любовь к Богу и чистое ко всем сердце.

Что бы ты ни делал, знай, что сам Бог над тобою стоит.

Радуйся, творя добро, но не возносись, чтобы не утонуть при спокойной воде.

Елико же въ законѣ прѣдидеши, толико же недостаточнѣ ся съвршенье въжѣ.

Всякого дѣла коньць прѣдъ начялѣмъ распытай днь и ношть, къ коньчнуму же дни възирай въину.

Не смѣшайся съ тѣми николиже, яже видиши хулимы от добрыхъ.

Спѣши же никомуже вереда сътворити въ своемъ дѣлѣ.

Не веселися цвѣтушними мира сего, яко травными бо есть цвѣтъ: елико бо имъ върпеши, толико же увядаеть.

Въ печяльхъ благодарстви Бога, и ярьмъ ти грѣховный обльгъ-чить ся.

Съмотримъ себѣ, да инѣмъ не зазираемъ, много бо того въ насъ, имже то *инѣмъ* зазираемъ.

Псалѣмъ въину да будетъ въ устѣхъ твоихъ, Богъ бо мѣнимъ прогонитъ бѣсы.

Молитва ти съ трѣзвениемъ да бываетъ умнымъ, да не тако молимъ ся, якоже нѣсть годъ Богу.

Въину поминай Бога, да яко небо будетъ умъ твой.

Съвяжи языкъ си: многашьды бо извѣштаеть, еже есть лѣпо таити.

Доброты своя таи, послухы же житию многы имѣй.

Толико тѣчю дай тѣлу, елико же трѣбуеть, не елико же похочеть.

Не люби питати ся, любѣвь бо съ симъ житьемъ творить, вражда же отъ него къ Богу плодитъ ся.

Отъвршайся житийския радости: та бо подѣплъзати ся творить, текуштиимъ на спасение свое.

Елико же еси съгрѣшилъ, то стенаниемъ поминай, бываетъ бо оттуду отъпуштение.

Потрѣбию святыхъ приобъшай ся, тѣми бо ти будетъ къ Богу приобъштение.

Въ църквѣви акы на небеси ступай, и ничѣтоже въ ней не глаголи, ни помышляй землянаго.

Уне всего довьль имѣй, уступай же Богу пешти ся о немъ, да будеши въину обильнѣ.

Съпону твори плѣти въ благыхъ трудѣхъ.

Пий медъ помалу, елико бо е съкращаеши, то благодѣтъ ти е: и незапинани творить.

Утоли гнѣвъ, бѣсу бо есть отъць, егда без мѣры исходитъ.

Въ *язвѣ* прѣже врачя имѣй молитву.

Попы вся одинако чѣти, а къ добрымъ подвижникомъ тѣци.

Люби Божия дома, Божии же домъ потѣштися самъ вътворити.

Въ църквѣ *чясти*, мятежъ бо ны вѣнѣшнихъ свобажаеть.

Знай, что насколько ты преуспеваешь в законе, настолько ты отстаешь в совершенстве.

Всякого дела конец перед началом его рассматривай день и ночь, и помни всегда о последнем дне.

Никогда не водись с теми, кого, ты видишь, порицают хорошие.

Старайся никому не вредить в его деле.

Не радуйся цветущему в мире сем, ибо все как цвет травный: только сорвешь — тотчас увядает.

В печалях благодари Бога, и ярмо грехов твоих облегчится.

Смотри на себя, иных не осуждая, ибо много и в нас того, что осуждаем в других.

Пусть псалом всегда будет в устах твоих, ибо Бог, поминаемый словом, прогоняет бесов.

Молитва твоя пусть будет с разумным смыслом, чтоб не молиться так, как неугодно Богу.

Всегда поминай Бога — и будет ум твой как небо.

Прикуси язык свой: часто он то выдает, что лучше таить.

Добродетели не выставляй свои, пусть лучше будет больше свидетелей твоему житию.

Лишь столько дай телу, сколько требуется, но не сколько захочет.

Не наслаждайся чрезмерно, ибо склонность к наслаждению привязывает к жизни, от нее же рождается враждебность к Богу.

Отвращайся от житейских радостей: на них поскользнется тот, кто ищет спасения вечного.

Все, в чем согрешил, со стенаньем вспоминай, это дает облегчение.

Приобщайся служению святым, ибо ими ты приобщишься к Богу.

В церковь как в небеса ступай, в ней не болтай, не помышляй о земном.

Лучше всего имей достаточное, Богу доверь заботиться о том, чтобы всегда ты пользовался изобилием.

Плоти препону твори благими трудами.

Мед пей помалу, и чем меньше, тем лучше: не споткнешься.

Гнев утоли, ибо отец он бесу, если без меры исходит.

В болезни прежде врача прибегай к молитве.

Попов одинаково всех чтит, а к помощи славных подвижников прибегай.

Божии дома люби, и сам постарайся создать Божий дом.

В церкви часто бывай, освобождает нас это от внешних сует.

Егда молитву твориши, умъ си къ Богу възведи, аште же и отъпадеть, паки и горѣ възведи.

Не прѣстаеть умъ, злы помыслы ражая — а злыя мысли вымѣтай, а добрыя сѣй.

Весели ся сѣмѣренемъ, еже бо бываетъ высость сѣмѣренемъ, то необаряеть ся, нъ великъ есть.

Толико тружайя ся, елико мошти начьнеши възхластити плѣтскыя похоти. Помышляй небесныхъ благолѣпие добротъ, да ти о земныхъ не будетъ никоеже похоти, и еже земляная красота не приидеть ти на умъ.

Земляныя мысли — сѣмена суштя вражия, вѣруй. Яко и мысли прѣдстануть, и бѣси, иже на ны, ту абие осрамять ся.

Укланяй ся многа смѣха, расслабляеть бо душу, расслабѣвши же отъ законныхъ узды удобъ исхлаштяеть ся.

На дѣла подобаеть душу разлучати ти на молитвы, тако бо не обрящеть многа вѣхода въ ны дияволь.

Дѣло законное мни чѣтение книжное: егда бо умъ съ языкѣмъ къто хочеть ицѣлвити, то въ книги вѣину да зреть.

Аште на дѣло руцѣ простираеши, языкѣ ти да поеть, а умъ ти да молитъ ся, просить бо отъ насъ Богъ вѣину *поминати* его.

Всяко дѣло молитвою печатѣльвай — то же дѣло, о немъ же ти ся умъ на двое не мутить.

Празднѣй же да не ясть, и паки слышимъ *ино* въ васъ бештина ходяща и ничѣтоже дѣлаюшта, нъ лицемѣрствуюштя.

Любяй дѣло бес печали перебиваеть, начало гърдыни — еже не потрудити ся съ братѣмъ *противу* силъ; приходяшти же на дѣло — не много глаголѣмъ, на гѣштание наше буди, егоже ради *изыдохомъ*.

Мати зѣльмъ — лѣность: доброты бо, яже имаши, крадеть, а ихъ же не имаши — не дасть обрѣсти.

Аште хочеши, да ти будетъ ручное дѣло ти божѣствно, а не земляно — то да ти буде обѣче съ *убогыми*.

Радуй ся о молитвахъ святыхъ мужъ. И поистиннѣ суштя святы отъ дѣль распытай: кое бо овоште отъ плода познаваеться.

Безлѣбие твори сѣрдѣцѣмъ, а чистоту тѣльмъ; то бо обое сѣтворить тя Божию цѣркѣвь тѣлесную.

{...}

Егда тя оклеветаютъ, разумѣй, еда е чѣто до *тебе* въ клеветѣ той, аште ли нѣсть, то мни акы дымъ расходяшту ся клевету.

Егда обидимъ еси, подѣбѣгай къ трѣпѣнию, и трѣпѣние твое вѣрдитъ обидяща тя и устроить.

Егда богатѣство или *славу* видиши, помышляй тѣлѣнныхъ все, и убѣжиши уды жития сего.

Когда молитву творишь, ум возведи к Богу, а если сникнет, снова его вознеси ввысь.

Не утомляется ум, злые помыслы порождая, — так выметай же злые мысли, добрые — сей.

Возрадуйся смирением, ибо та высота, что от смирения, непобедима, и в этом — величие.

Трудись до тех пор, покуда не начнешь обуздывать плотские желанья.

Помышляй о красоте небесного благолепия, и не будет привязанности у тебя к земному, и красота земная на ум тебе не придет.

Знай, что земные помыслы — вражие семена. Лишь оставлены эти мысли, тотчас бесы, напасть готовые, посрамятся.

Уклоняйся от частого смеха, ибо он расслабляет душу, ослабивший же узду закона становится необузданным.

На дела следует душу направлять и на молитвы, и тогда не отыщет входа в нас дьявол.

Обычным делом почитай чтение книг: ибо когда захочет кто ум с языком исцелить, пусть всегда обращается к книгам.

Когда же на дело простираешь руки, пусть язык твой поет, а ум твой молится, ведь просит нас Бог всегда о нем помнить.

Всякое дело отмечай молитвой — раздвоеньем твой ум от того не смутится.

Праздный же да не ест, но снова мы видим: иные из вас бесчинно бродят, не делая ничего, но притворяясь работающими.

Любящий труд без печали пребудет, начало гордыни — не потрудиться с близким посильно; выходя на работу — скажем, не много, но усердно выполним то, ради чего пришли.

Мать пороков — лень: добродетели, если есть, украдет, а которых нет — не даст обрести.

Если хочешь, чтобы дело рук твоих божественным было, а не земным — пусть будет делом с убогими вместе.

Радуйся о молитвах святых мужей. Святых познавай по делам их: всякий овощ по плодам познается.

Беззlobен будь сердцем, а телом чист; то и другое составит в тебе Божью церковь телесную.

<...>

Когда тебя оклеветают, подумай, что в клевете справедливо, и если нет ничего, уподобь клевету исчезающему дыму.

Когда обижают тебя, прибегай к терпению, и твоё терпение поразит обидчика твоего и все устроит.

Когда богатство или славу предвидишь, вспомни, что тленно все, и тем избежишь крючка жизни сей.

Търпи скърби, въ скърбѣхъ бо доброты цвѣтуть, акы въ тръни цвѣтъци.

Плачи ся грѣшника въ обилы живущя, мечь бо си судный готоваеть.

Егда кѣто зѣло творя, и не стыдитъ ся о немъ — отяжчя бо ему струпы, и въ отъчаяние приходитъ уже.

Елишьды вѣстужиши, помысли, колико ти правдѣннымъ приходитъ пакостии — и приидеть ти даръ его.

Подобаеть быти всякому хръстьянину сѣмѣрену, а еже къ овѣмъ сѣмѣрити ся, а къ овѣмъ ни, — то лицемѣрныхъ то есть сѣмѣрение.

Не бесѣдуй съ зѣлыми, они бо поучяють тя на зѣлое, а съ приобъштениемъ ихъ грѣха того приобъштиши ся.

Послушати присно и глаголати съ добрыми поспѣвай, на рать бо благу душу подвизають.

Църквѣ домашнюю кѣждо насъ имѣи умъ свой, да творити подобно ны есть въ ней законы црквныя.

Зѣлобу тѣгда възненавидиши, егда разумѣши, яко — бѣсовскѣ то есть нож, на ны обострѣнъ.

Егда съ святыими бесѣдуеши, въпрашай ихъ о духовнѣмъ, егда ли не съ тацѣми, то ты самъ духовнѣ бесѣдуй.

Иже слабо живеть, то того не приводи на сѣвѣтъ, и иже бо ся о зѣлѣ радуеть, то тѣ ненавидеть добра и сѣвѣта о томъ не хочеть дѣяти.

Аште хочеши мучныя болѣзни гонезнути, то никогоже не оклеветай, ни осужай: о томъ бо Божество паче всего гнѣваеть ся.

Аште хоштеши всѣякого грѣха боли быти, чюжихъ испытай: много бо того есть въ тебѣ, имѣже то иному зазираемъ.

Бѣжи величаня, о чловѣче, аште и великѣ еси: еда Бога отѣмештюшта ся, тебе обряштеши?

Люби сѣмѣрение, аште и великѣ еси, да въ днь сѣкончяня възвышенъ будеши.

Не похули чловѣка николиже — и похуления не примешу въ всемъ животѣ своемъ.

Егда въ църквѣ идешу, не глуми ся пустошьными, иже бо стоять прѣдъ княземъ, то ни смѣють ся, ни глумяють ся.

Не посмѣйся чюжему падению, да самъ скоро падъ смѣху будеши, отъ нихъже не хочеши.

Храни учения си — да вѣнця славы подадять ти ся.

Буди държавливъ заповѣдемъ симъ — да сѣтворять тя славна въ чловѣцѣхъ и угодна к Богу, тако бо славить ся Божество, и тацѣми исправленъи въгодити есть Богу.

Терпи несчастья, ибо в несчастьях цветут добродетели, точно в терниях цветы.

Оплачь же грешника, в богатстве живущего, ибо судный меч на себя готовит.

Если кто-то, зло творя, за него не стыдится — тяжки его раны, безнадежен становится он.

Как часто ни будешь ты в горести, подумай, сколько праведникам насылалось бед — и прибудет тебе их талант.

Каждому христианину надлежит смирение, если же пред одним смиряться, а пред другим нет, — это смирение лицемерных.

Не разговаривай со злыми, ибо они поучают тебя на злое, и с приближением к ним их же греху приобщишься.

Слушать добрых всегда и беседовать с ними старайся, ибо они подвигают на битву добрую душу.

Как церковь домашнюю каждый из нас имеет свой ум, чтоб исполнять в ней потребные церкви законы.

Тогда возненавидишь порок, когда поймешь, что он — нож беса, на нас наточенный.

Когда со святыми беседуешь, вопрошай их о духовном, а когда не с ними, то сам о духовном беседуй.

Кто не твердо живет, с тем не советуйся, а кто злему радуется, тот ненавидит добро и совета о нем не захочет дать.

Если хочешь избежать вечной муки, никого не осуждай и не клевети ни на кого: за это Бог больше всего и гневается.

Хочешь подняться выше любого греха, взглядишь в других: ибо много такого в тебе, что в другом осуждаем.

Избегай надменности, человек, даже если ты и велик: удаляясь от Бога, себя обрещаешь ли?

Возлюби смирение, даже если ты и велик, чтоб в день последний тебя возвысили.

Не осуждай никогда человека — и не будешь осужден в этой жизни.

Когда идешь в церковь, пустяками не развлекайся, ведь когда стоят перед князем, не смеются, не потешаются.

Не смейся над чужим падением, иначе и сам скоро, пав, высмеян будешь теми, от кого не хочешь насмешки.

Сохраняй все это учение — и пребудешь в венце славы.

Твердо следуй этим заповедям — и сотворят тебя славным среди людей и Богу угодным, ибо славится так Божество, и этим можно ему угодить.

Тако подобаеть хотяштууму безъистьльннѣно житие жити, и ни въ чьтоже мѣнити тьлѣмыхъ.

Аште истовыя жизни жядиши, то присно съмръти чяй чловѣчьскы.

Ненавиди настоящтя сея жизни, видиши бо ю, акы коло валяще ся.

Вьсего паче почьсти душу — да добрыи ти трудъ без болѣзни творить ся.

Вьсе бо съде тьлѣннѣно, душа же едина бес тья, чтити убо подобаеть бестьлѣннѣно паче тьлѣннааго.

Не проси у Господа славньныхъ, нъ *точию* пользнааго проси: оного бо аште и просяшти, то не дасть, аште ли и дасть, то истьлѣеть.

Не весели ся о богатствѣ, печяли бо его отьлучяють ны оть Бога, аште и не хочемъ.

Николиже не прѣзьри убога плачюштя ся — да не прѣзьримы будуть слъзы мольбы твоея.

Отъязати ся подобаеть пиянства, въ немъ бо по истверезении стена-ние и казнь бываеть.

Помысль плѣтолюбивыхъ уне гнушяти ся, тьять бо душу и плѣть осквърняють.

И земельное бес труда добро не творить ся, да почьто благословленаго ради труда укланямъ ся?

Аште хочеши бес труда добро творити, то поминай, яко трудъ мало-годнь есть, а мьзда вѣчняя.

Святъ есть домъ мольбньны, имьже святыи свято намъ ведеть.

Аште съеши ништиимъ въ руцѣ, то не чюже сѣй, нъ свое: небонъ чюже сѣмя половела горчѣе.

Аште небесньныхъ желаеши, то ненавиди земляныхъ, не дадять бо си къ онѣмъ възлѣтати.

Матери благынямъ си суть чистота и милостыни: да нѣльзѣ ни бес тоя, ни бе-сея къ Христу воиньствовати.

Не обиди милостыня и любьве: та бо благааго Бога съ небесе съведе.

Не прѣзри чистотньныхъ съсудъ, Творьца бо въплъштена чловѣкомъ показа.

Не хошти богатѣти зѣло ни славити ся: тья бо то есть, а мы нѣсмъ тьлѣнни.

Надъ мрътвыимъ не плачи, нъ надъ несмыслньнымъ: онъ бо обьшть путь, а се своя воля.

Сьгрѣшаюштааго плачи, а не убожаюштааго: вѣнчяти бо ся иматъ сий, а онъ — мучити.

Глаголи къ Богу много, а къ чловѣкомъ мало, поущениемъ же законньнымъ исправляй обою.

Подобает так жить и идущему к вечной жизни, ни во что вменяя тленное.

И, если чаешь истинной жизни, всегда ожидай смерть человеческую. Возненавидь эту жизнь, ибо видишь, что вертится колесом она.

И выше всего почитай свою душу: славный труд и без устали она для тебя совершает.

Все здесь тленно, и только душа нетленна, а чтить подобает нетленное больше, чем тленное.

Не проси у Господа славного, но проси лишь полезного: ведь славного даже попросишь — не даст, а если и даст, оно истлеет.

Не радуйся о богатстве, ибо его печали удаляют от Бога, даже если и не хотим этого.

Не отвергай никогда убогого, который плачет, — и не отринутся слезы молений твоих.

Воздержаться нужно от пьянства, ведь за отрезвлением следуют стоны и раскаяние.

Помыслов сластолюбивых лучше гнушаться, ибо они растлевают душу и плоть оскверняют.

И земное добро без труда не творится, отчего же избегаем труда благословенного?

Если хочешь без труда добро творить, помни, что труд этот временный, а награда вечная.

Свят дом молебный, потому что свято святое приводит к нам.

Если сеешь нищим в руки, сей не чужое, но свое: ибо чужое семя горьче плевила.

Если стремишься к небесному, отринь земное, ибо не даст оно ввысь воспарить.

Мать благого — чистота и милостыня: ни без той, ни без этой нельзя Христу послужить.

Не пренебрегай ни любовью, ни милостыней: это они к нам благого Бога с небес свели.

Не презирай и сосуда непорочного, ибо Творца во плоти представил он людям.

Не пожелай чрезмерно ни богатеть, ни славиться, ибо все это тленно, мы же — нетленны.

Не над мертвым плачь, над неразумным, ибо тому общий для всех путь, а у этого своя воля.

Оплакивай грешащего, а не убогого, ибо этого ждет венец, а того — мучение.

Говори Богу много, а людям мало, требованиям же закона следуй и там и тут.

Омывание души — *благомолитвѣная* слъза, нѣ по мольбѣ помяни, чѣсо ради ся еси прослъзилъ.

Богатыхъ жития сего не блажи, сильнии бо сильнѣе испытаеми будутъ, тѣмъже ти Судию пристрашна имуть имѣти.

Аште сами судимъ си — то и *Суди ны укротить* ся, радуеть бо ся; яко Благъ видя грѣшника, беремя си распраштяюштя.

Якоже бѣдно въ путѣ ристати, такоже и обязавъшюму ся симъ житиемъ бѣдно тешти на небеса.

Въсе дѣло зѣло възущтяеть диавола, възущтенъ же бивъ, горьцѣ на възущтенааго обраштяеть ся.

Аште хочеши врага ои немоштна сътворити, то грѣхы си умаляй — и, опѣшенъ отъ крылу, акы птиця играемъ и смѣху будетъ тобою.

Горе хульнику, съвяжетъ бо ся ему языкъ и не мошти начынетъ къ судии отвѣщати.

Горе нечѣстивому, егда бо вси просвѣтятъ ся, тогда онъ помрачить ся злѣ.

Горе безаконнику, къ суди бо яру и правдивому придетъ.

Горе лихоимцю, богатство бо его отбѣжитъ, а огонь и приметь.

Горе ленивому, станетъ искать, неправѣдно погубивъ, но ничего не обрящеть.

Горе блуднику, осквърняеть бо ризу невѣстнику, да и — царства брака съ студымъ изгънанъ будетъ.

Путь же съмърти есть въ *дѣлѣхъ* зѣлыхъ разумѣаемъ, въ томъ бо есть невѣдѣние Бога, имъже бываетъ блудъ и разбой, и прочяя зѣлая дѣла.

Прѣмудрость Исусова, сына Сирахова*

Всяка мудрость отъ Господа и съ нимъ есть въ вѣкы: пѣска морьскааго и капля дъждевьняя, Господни вѣкъ кѣто иштѣтеть?

Прѣмудрость кто ислѣдитъ, корень прѣмудрости кому отъкрыся, и разумъ ея кто разумѣ?

Единъ есть прѣмудръ страшнѣ зѣло, сѣдѣя на прѣстоле своемъ Господь самъ създалъ ю *видѣ* и *иштѣте* ю, и пролия ю на всѣхъ дѣлѣхъ своихъ, и даровалъ ю любяштинимъ его.

Зачало прѣмудрости — страхъ Господень, страхъ Господень — слава и похвала, и веселье — и вѣнць радости.

Страхъ Господень възвеселить сѣрдьце и дасть веселие и дългодные.

Бояштяму ся Господа благо будетъ напоследъкъ, и въ днь съкончяния своего благословленъ будетъ.

Мъножьство мудрости — бояти ся Господа: и напаяеть ся отъ плодъ своихъ, весь домъ свой испълнить желаня, и житница отъ жить своихъ.

Омовение души — благомолитвенная слеза, но после молитв припомни, ради чего прослезился.

Не завидуй жизни богатых, у сильных сильнее испытания будут и тем страшнее их Судия.

Если сами себя осудим — и Судия не прогневается, ибо радуется Благой, видя грешника, бремя свое бросающего.

Как тяжело в путах состязаться, так и повязанному этой жизнью тяжело восходить на небеса.

Всякое дело порочное возбуждает дьявола, и он, возбужденный, свирепо на возбудившего поднимается.

Если хочешь врага сделать немощным, то свои уменьшай грехи — и, как птица, лишенная крыльев, станет он смеха достоин.

Горе хулителю, ибо запнется его язык и не сможет отвечать Судии.

Горе нечестивому, ибо когда просветятся все, он особенно помрачится.

Горе беззаконнику, ибо к Судье яростному и праведному приступит.

Горе лихоимцу, ибо богатство покинет его, а огонь его примет.

Горе ленивому, ибо станет искать, неправедно погубив, но ничего не обрящет.

Горе блудному, ибо оскверняет ризу жениха, — пусть из царства брака со стыдом будет изгнан.

Путь к смерти в делах порочных мы видим, в нем неведение Бога, а таковыми бывают блуд, и разбой, и прочие злые дела.

Премудрость Иисуса, сына Сирахова

Всякая мудрость от Господа и с ним во веки: песок морской и капли дождя, и веки Господни кто исчислит?

Кто исследует премудрость, корень премудрости кому открылся, и смысл ее кто уразумел?

Один лишь премудр и грозен весьма, на престоле своем сидящий Господь, который создал ее и увидел, и исчислил ее, и пролил ее на все дела свои, и даровал ее всем, кто любит Его.

Начало премудрости — страх Господень, страх Господень — слава и похвала, и веселье — венец радости.

Страх Господень порадует сердце, даст веселие и долголетие.

Страшаемуся Господа благо будет в конце, и в день кончины своей благословен он будет.

Великая мудрость — страшиться Господа: насыщается тот от плодов своих, весь дом свой наполнит желаемым и житницы житом своим.

Вънць прѣмудрости — бояти ся Господа: страхъ Господень процвитая миръ и съдравие и ицѣление.

Въжделѣвъ прѣмудрости, съблюди заповѣди, и Господь дасть ти ю, прѣмудрость бо и наказание — страхъ Господень и благословление, вѣра и кротость.

Не съкрыва прѣмудрости своя, словѣмъ бо познана будетъ *прѣмудрость твоя*.

Не можеть ярость неправдѣна оправдити ся, чясъ бо ярости его — падение ему.

До врѣмене сътрѣпуть дълготрѣпливый — и напоследѣкъ дасть веселие; до врѣмене съкрыеть словеса своя прѣмудрый.

Не възнеси себе — да не отпадеши, и наведеши на душу свою бештьствие, и откърыеть Господь тайны твоя, и посредѣ сънѣма низложитъ тя.

Чядо, аште приступаеши работати Господеви, то уготови душу своя въ напасти, управи сръдце свое и сътрѣпи, и не тѣштися въ врѣмя наведения.

Все, елико нанесено ти будеть, — приими съ съмѣрениемъ, дълго трѣпи: яко огньмъ искушено бываеть злато, а чловѣци приятни въ верема съмѣрения. Вѣруй ему — и заступитъ тя, и до времени потрѣпи трѣпѣниемъ — и послѣжде ти дасть веселие. И устыны многыхъ исповѣдятъ съмысль его, и въ недузѣ своемъ не прѣзри.

Нъ помоли ся Господеви, и исцѣлитъ тя, отъложи прѣгрѣшения и управи руку, и отъ всякого грѣха очисти сръдце.

Бояштей ся Господа, вѣруйте ему — и не отпадетъ мзда ваша.

Бояштей ся Господа надѣйте ся на благая, възьрите на първыя роды и видите: кто вѣровавъ Господеви, постыдѣся? или кто, пребы въ страхъ Его — оставленъ бысть? или кѣто призыва ѥ — и прѣзрѣнъ бысть? — зане штедръ и милостивъ Господь и оставитъ грѣхы, и спасаетъ въ врѣмя печали.

Горе грѣшнику, находяштю на два пути.

Горе сръдцю, ослаблену, яко не вѣруеть.

Горе вамъ, погубивъшимъ трѣпение — и чѣто сътворите, егда посѣтитъ Господь?

Бояштей ся Господа и не противяты ся глаголомъ Его и прѣдъ Нимъ съмѣряты душа своя.

Да въпадемъ ся въ руцѣ Господни, а не въ руцѣ чловѣкъ: яко величие Его, тако и милость Его.

Мене, отьця, послушайте, чада, и сиче творите — да съпасете ся.

Не прѣрѣкуй противу истинѣ и о ненаказаннѣ своемъ срамляй ся.

Не постыди ся исповѣдати грѣхы своя, и не стани противу быстринѣ рѣчнѣнѣй, и не покори себе мужю безумьну, и не обини ся лица сильнааго. До съмръти противи ся по истинѣ, и Господь Богъ побореть по тебѣ.

Венец мудрости — страшиться Господа: страх Господень мир украшает, здоровье дает и исцеление.

Возжелав премудрости, соблюдай заповеди, и ее тебе даст Господь, ибо премудрость и поучение — страх Господень, благословение, вера и кротость.

Не скрывай своей мудрости, ибо по словам узнают премудрость твою.

Не может неправедный гнев быть оправдан, ибо миг ярости его — его падение.

До конца вытерпит терпеливый — и напоследок получит радость; до конца утаит слова свои мудрый.

Не возносись — и не согрешишь, иначе нанесешь душе своей бесчестие, и тогда откроет Господь тайны твои и среди всех обличит тебя.

Чадо, если приступишь к служению Господу, то приготовь свою душу к напастям, обуздай свое сердце и претерпи, и не смущайся во время бед.

Все, что обрушится на тебя, — прими со смирением и терпением: как огнем очищается золото, так и люди в порыве смирения. Веруй ему — и тебя защитит, до времени потерпи в смирении — и даст тебе радость потом. И устами многих раскроется смысл его, и в немощи своей не отвергай.

Но помолись Господу, и исцелит тебя, отложи прегрешения и протяни руку, от всякого греха очисти сердце.

Страшась Господа, веруйте в него — и не пропадет вам награда.

Страшась Господа, надейтесь на лучшее, взгляните на прежние роды и увидите: кто, веруя в Господа, постыдился? или кто страшился его — и оставлен был? или кто призвал его — и забыт был? — ведь щедр Господь и милостив, и простит нам грехи наши, и спасет во время печали.

Горе грешнику, вступившему на два пути.

Горе сердцу, ослабленному в неверии.

Горе вам, потерявшим терпение — как поступите вы, когда явится наш Господь?

Страшась Господа не противятся словам его и пред ним смиряют души свои.

Пусть впадем мы в руки Господни, а не в руки человеков: каково величье его, такова и милость его.

Вслушайте же, чада, меня, отца, и поступайте так — и спасетесь.

Не борись против истины и невежества своего стыдись.

Не стыдись исповедать грехи свои, не иди против речного течения, не поддавайся неразумному и не восстань против сильного. До смерти сражайся за истину, и Господь Бог защитит тебя.

Не рьци: «Много съгрѣшихъ, и чѣто ми бысть?» — Господь бо търпѣливъ есть и оцѣштение бестраха не буди приложити грѣхы на грѣхы; и не рьци: «Штедрота Его многа есть, и множество грѣхъ моихъ оцѣститъ» — милость бо и гнѣвъ у него есть, и на грѣшницѣхъ прѣстанеть ярость Его.

Не буди скоръ языкъмъ своимъ, и лѣнивъ и слабъ въ дѣлѣхъ своихъ.

Не буди яко лвъ въ дому своемъ и величяя ся въ рабѣхъ своихъ.

Не буди рука твоя простѣрта на взятие, а на даение съгбена.

Не належи имѣнии своемъ и не рьци: довольно ми есть.

Не ходи въ слѣдъ душа своя и не рьци: «Кто мя прѣможеть?» — Господь бо мьстятъ мьститъ ти.

Не жди обратити ся къ Богу и не отълагай днь отъ дне, напрасно бо изидеть *гнѣвъ* Господень, и въ врѣмя мьсти погыбнешаи.

Не належи имѣнии неправдъныхъ, никакаяже ти польза сътворитъ въ днь наведения.

Не ходи всьцѣмъ путемъ съ грѣшникъмъ и двоязычникъмъ.

Буди утврженъ въ разумъ своемъ, и едино буди слово твое.

Буди скоръ въ послушании своемъ, длготърпѣниемъ отъвѣштавай отъвѣтъ, аште есть въ тебѣ разумъ — то отъвѣштай искрному, аште ли же нѣсть — то рука твоя буди на устѣхъ твоихъ: яко слава и бештьстие — въ бесѣдѣ и языкъ чловѣчъ — падение ему есть.

Не слови шьптникъ и языкъмъ своимъ не лукуй, зазоръ бо зълъ на иноязычнѣмъ.

О велицъ и о малъ не разумѣвай, и въ друга мѣсто не буди врагъ: имя бо лукаво поношение наслѣдитъ, тако и грѣшный и двоязычии.

Душа лукава погубитъ сътворишааго ѳ, и радости врагомъ своимъ сътворитъ.

Грѣтанъ сладкъ умножитъ другы, и языкъ доброглаголивъ умножитъ добру бесѣду.

Съмиряющти ся съ тобою да будутъ мнози, свѣтъници же твои — одинъ отъ тьсушь.

Аште сътвориши друга, то въ напастѣхъ си и сътвори и, и не скоро увѣри ся ему.

Есть бо другъ въ врѣмя *радости* и не прѣбудеть въ днь печали твоя: и отъ другъ прѣмѣнуя ся и бывая врагъ, и сваръ поношения твоего отъкрыеть.

И есть другъ, тряпезамъ обьштникъ, и не прѣбудеть въ днь скърби ти, а и въ добрѣ твоемъ будетъ якоже и ты, и на рабы твоя простѣреть ся, а аште съмренѣ будеша, то и на тя будетъ, и отъ лица твоего скървется. Отъ другъ своихъ отълучи ся и отъ другъ своихъ вѣнмай.

Другъ вѣрнъ — кровь крѣпкъ, обрѣтый же его обрѣте съкровиште: другъ вѣрнъ — утѣха житию.

Не говори: «Согрешил я много, так что мне будет?» — ибо Господь терпелив и простит тебя, если не станешь прикладывать ко грехам грехи; и не говори: «Щедрость его велика, и много грехов моих он простит» — ибо есть у него и милость, и гнев, и на грешников ляжет ярость его.

Не будь скор на язык свой и медлен и слаб на дела свои.

Не будь львом в доме своем, кичась пред рабами своими.

Пусть не будет рука твоя протянута, чтобы взять, а если дать, то согнута.

Не полагайся на богатство свое и не говори: довольно мне.

Не следуй душе своей и не тверди: «Кто меня осилит?» — ибо мстящий Господь отомстит тебе.

Не жди удобного времени, чтобы обратиться к Богу, откладывая это со дня на день, ибо неожиданно изыдет Господень гнев и от мести погибнешь.

Не полагайся на несправедное богатство, не поможет тебе в день Судный.

Никаким путем не иди ни с грешником, ни с обманщиком.

Утвердись в мысли твоей, и верным пусть будет слово твое.

Внимательно вслушиваясь, обдуманно отвечай, и если умный готов у тебя ответ — отвечай собеседнику, если же нет — возложи руку твою на уста твои: и слава и бесчестие — в разговоре, и язык человека — враг его.

Сплетником не слыви и языком своим не лукавь, ибо великий позор клеветникам.

В малое и великое не вникай, и из друга не становись врагом: ведь имя лукавца заслужит презрение, как грешника и обманщика.

Душа обманщика погубит обманувшего, и радость врагам своим он тем доставит.

Сладость в гортани умножит друзей, а красноречивый язык — добрую беседу.

В союзе с тобою пусть будут многие, советником же твоим — один из тысячи.

Если изберешь себе друга, то только в несчастьях, и притом не сразу доверься ему.

Ибо есть друг на время радости, он не останется в день печали твоей: и из друзей превратятся во врага, брань оскорблений на тебя низвергнет.

А есть друг — соучастник в пирах, не будет его в день скорби твоей, но в богатстве твоём останется при тебе, и к рабам твоим потянется, а если кротко это снесешь, и против тебя поднимется и от лица твоего скроется. От друзей своих отрекись — и к друзьям своим прислушайся.

Верный друг — защита твердая, и обретший его обрел сокровище: верный друг — утешение жизни.

Бояштей ся Господа обряштють его.

Чядо, отъ уности своя избраи наказание и до съдины обряштеши мудрость.

Якоже орай и якоже съяй, тако приступи къ ней и жиди благыхъ плодь ея.

Въ дѣланьи бо ея мало потрудиши ся и скоро имаши ясти отъ *житъ ея* благая.

Прѣмудрость бо имя ея есть, и не многымъ есть явлена.

Слыши, чадо, и сътвори *волю* мою, и не отъверзи *свѣта* моего, и въведи *нозѣ свои* въ пута ея, и въ гривну ея — выю свою, подъложи рамо свое и *поноси* ю — и да не будутъ *узъкы* узы ея.

Всею душою своею приступи къ ней, и *всею силою своею съблюди* пути ея, ислѣди и *изишти* и познана ти будетъ, и *самъ* ся за ню не *оставиши*, напоследъкъ бо обрящеши покой ея, и обратитъ ти ся на *веселие*. *И будутъ* ти пута ея на покровъ *крѣпости*, и гривны ея на одѣние славы, *красота* бо злата есть на ней, и узы ея — извитье камене драгааго.

Въ одежду славы облѣчеши ся ею и вѣнць радости възложиши на ся.

Аште въсхоштеши, чадо, наказанъ будеши, и аще въдаси душу свою — то разумнъ будеши, и аште възлюбиши слышати — то поживеши, и аште приклониши ухо свое — то мудръ будеши.

Чадо, въ множество старецъ стани и аште кѣто е прѣмудръ, томъ ся прилѣпи, всяку повѣсть възходи слышати, и притѣча разума не убѣжить тебе.

Яште узриши разумива, то утрянкой къ нему, и степени двѣрий его да търеть нога твоя.

Не твори зѣла, да не постигнешъ тебе зѣло, отъступи отъ неправды и уклонитъ ся отъ тебе.

Сыне, не сѣй на браздахъ неправды — и не пожънеши ихъ седмерицею.

Не проси у Господа владычества, ни у князя съдалища славна.

Не оправдай себе прѣдъ Богъмъ и паче цесаря не прѣмудрай ся.

Не ишти да буди судии, еда не мошти начънеши неправды отълучити, еда како убоиши ся отъ лица сильнааго и положиши блазнъ въ правости своеи.

Не съгрѣшай въ множество граду, ни низъложи себе въ народѣ.

Не сътвори дѣвоици грѣха — в одинѣмъ бо повиннъ будеши.

Не ругай ся чловѣку въ горести душа его сушти: есть бо съмѣряй и въносай.

Не глаголи на брата неправды, ни другу того сътвори, *еже ти себѣ* не (хоштеши).

Не вьсхотѣи лѣгати всякая лѣжа, воинство бо ея не благо.

Не примѣшай себе множества грѣшникъ, помяни, яко гнѣвъ Господень не замѣдлитъ.

Страшашься Господа его обретут.

Чадо, в юности предпочти науку — и тогда до седин обретеши премудрость.

И как пашущий и как сеющий, приступи к ней так и ожидай благих плодов ее.

В работе над ней даже если мало потрудишься, но скоро будешь есть от плодов ее.

Ибо мудрость имя ее, и не многим она является.

Слушай, чадо, и соверши мою волю, и не отвергни совета моего, и вложи ноги твои в путы ее, и в колодку ее вложи шею, подставь плечо свое и носи ее — и пусть не будут тесными узы ее.

Всею душою своею приступи к ней, и всею силой своей исполни пути ее, исследуй и взыскуй — и познаешь ее, и сам уж ее не оставишь и наконец обретеши с ней покой, и обратится в радость тебе. И станут путы ее покровом твердости, и колодки ее одеждой славы, ибо золота блеск на ней и узы ее — ожерелье из драгоценных камней.

В одежды славы облечешься ею и венец радости на себя возложиши.

Если захочешь, чадо, научишься, и если вложишь душу свою — будешь разумен, и если полюбишь слушать — всё получишь, и если преклонишь ухо свое — станешь мудрым.

Чадо, средь множества старцев встань и выбери самого мудрого, к нему подойди и все, что скажет, выслушай, и тайны разума не избегут тебя.

Если встретишь разумного, то поспеши до света к нему, и ступени крыльца его пусть сотрет нога твоя.

Не делай зла, и не постигнет тебя зло, отступи от неправды — и отойдет от тебя.

Сын, не сей на межах неправды — и не пожнешь ее семикратно.

Не проси ни у Господа власти, ни у князя места почетного.

Не оправдывайся перед Богом и больше царя не мудрствуй.

Не старайся выйти в судьи: вдруг не сумеешь побороть неправду, вдруг устрашишься лица владыки и слукавишь в своем правосудии.

Не согрешай перед множеством сограждан, не избличай себя перед толпой.

Не сотвори греха дважды — уже в одном виновен.

Не насмехайся над человеком, в горести пребывающим: ибо есть смиряющий и возносящий.

Не изрекай лжи на брата, и другу не сотвори того, чего для себя не хочешь.

Не пожелай и лгать бесконечной ложью, ибо ее постоянство — не благо.

Не смешай себя со множеством грешников, помня, что гнев Господень не замедлит.

Не измѣни друга различия дѣля, ни брата приснааго злата дѣля и камене драгааго.

Не *лиши* ся жены мудры и блага: благодѣть бо ея *есть* паче злата.

Не озълоби раба, дѣлаюшта въ истину, ни *наимъника*, дѣлаюшта душею своею.

Раба разумива да любитъ душа твоя и не лиши его свободы.

Су ли ти чада, то наказай я и прѣклони отъ уности выя ихъ.

Су ли ти дѣштери, то внимай тѣлесьмъ ихъ и не утишай к нимъ лица своего.

Вѣдай дѣштеръ — и будеши съвѣршилъ дѣло велико, и мужеву разумиву вѣдай ю.

Е ли ти жена душевѣна, то не изгони ея, и ненавидяшти тебе — не вѣруй ей.

Всѣмъ сѣрдьцѣмъ своимъ прослави отьця своего, и матерѣня болѣзни не забуди, *помяни*, яко тѣма *рожденъ еси, ничьто има* въздалъ еси, якоже *та тебѣ*.

Всѣю душею своею работай Господеву, иереомъ его покарайся; всѣю душею своею възлюби Сътворьшааго тя и служитель его не оставляй.

Бой ся Господа и прослави иерѣя, и дай часть его, якоже ти *есть* заповѣдалъ Господь начатъки о сѣгрѣшениихъ и жертву святыня. Ништиимъ простѣри руку свою, да съвѣршится ся благословение и *благодать* даяния прѣдъ всьацѣмъ живѣмъ.

И надъ мрътвьци не възбрани *благодѣти* и не лиши ся отъ плачюшти ихъ ся, и сѣ желѣюштиими *сѣтуй* и не лиши ся посѣштяющихъ, — сими бо възлюбленъ будеши.

Въ всѣхъ словесьхъ своихъ поминай послѣдняя своя и Судъ страшный — и въ вѣкы не сѣгрѣшиши.

Не сvari ся сѣ чловѣкъмъ сильнѣмъ, еда како вѣпадешу въ руцѣ его.

Не *тишти* ся с чловѣкъмъ сильнѣмъ, еда како отягъчить ти мѣру: *многы бо погубило* *есть* злато, и сѣрдьца *нѣ на земѣ* уклонило.

Не сvari ся сѣ чловѣкъмъ язычьнымъ, и не накладай на огонь его дровъ.

Не играй сѣ ненаказаннымъ — да не примуть бештѣстия прадѣди твои.

Не безъчѣстуй чловѣка въ старости его: и отъ насъ бо сѣстарѣются.

Не радуй ся о умръшнихъ, помяни, яко вси умираемъ.

Не прѣзри повѣстий мудрыхъ и въ притѣчахъ ихъ живи, яко отъ нихъ навькнеши наказание и послужиши вельможамъ.

Не отъступай отъ повѣстий старьчъ, *и ти* бо навькли суть отъ отьць своихъ, да навькнеши отъ нихъ и ты разуму, и въ вѣрѣма подобно вѣдаяти отвѣтъ.

Не меняй друзей разнообразия ради, и брата родного ради золота и драгоценного камня.

Не бросай жены мудрой и доброй: ведь ее благодать дороже золота.

Не оскорби раба, работающего старательно, ни работника, трудящегося с душою.

Раба разумного пусть возлюбит душа твоя, не лиши его свободы.

Если есть у тебя дети, их поучая, склони уже с юности шеи их.

Если есть у тебя дочери, заботься о теле их, и не оставляй их своим вниманием.

Выдай дочь — и совершишь великое дело, только мужу разумному отдай ее.

Если есть у тебя жена душевная — не выгоняй ее, а ненавидит тебя — так не верь ей.

Всем сердцем своим восхвали отца своего, и про материнские не забудь муки, помни, что ими рожден, и ничем не воздал им так, как они тебе.

Всею душою своею послужи Господу, иереям его покоряйся; всею душою своею возлюби Сотворившего тебя и служителей его не оставляй.

Бойся Господа и почти иерея, отдай долю его, как заповедал Господь, начав с согрешивших и принесших святую жертву. Нищим протяни ты руку свою, чтобы совершилось благословение и благодать даения перед всяким живым.

И над мертвым не откажись сидеть, не уходи от плачущих, и с печальными сетуй и не оставь посещающих, — всеми ими возлюблен будешь.

Во всех словах своих помни о конце света и Страшном суде — и не согресишь во веки.

Не бранись с человеком могущественным, не то попадешь к нему в руки.

Не спорь с человеком могущественным, не то умножит тебе забот: многих сгубило золото и сердца до земли свалило.

Не бранись с человеком бранчивым, не подкладывай дров в огонь его слов.

Не глумись над невеждой — и не примут бесчестья предки твои.

Не бесчесть человека в старости его: и от нас ведь состареваются.

Не радуйся об умерших, помни, что все умрем.

Не отврати объяснений мудрых и по поучениям их живи, потому что из них и наставление получишь и послужишь вельможам.

Не отступись от заветов старцев, ведь и те восприняли их от отцов своих, наберись и ты из них разума, чтобы в нужное время дать ответ.

Не дай чловѣку крѣплъшу тебе въ заимъ, аште ли въдаси *бо ему* въ заимъ — то будещи *яко и* погубивъ е.

Не поручай ся выше силы своя, и аште поручиши ся, то пѣци ся, *яко* и въдаи.

Не сvari ся съ судиею *по прежѣ* бо судять ему.

О звании сильныхъ

Егда тя призоветь *сильный* — то отъступай, и егда паче призоветь тя — то не нападай, да не *отъринеши себе*, и не стани далече — да не забъвень будещи.

Не належи равнь быти съ нимъ и не вѣруй *многымъ словесемъ* его, многою бо бесѣдою искуситъ тя; и *яко смѣяти* ся испытаетъ тя, съблюди и вѣнмай вельми, *яко* съ падениемъ своимъ ходиши.

Богатый бо колѣбля ся утвърждаетъ ся други, убогий же съпадъ ся пориновень будетъ другъ его.

Богату съблазнившу ся, мнози заступници и глаголы *неиздречеными* оправдятъ и.

Убогый же съблазни ся — и припрѣтиша ему, и извѣшта разумъ — и не даша ему мѣста.

Мързость гърдому — съмѣрение, такожде и же мързость богатому — убогии.

Богатый възглагола — и *вси умѣлкоша*, и *слово его* възнесоша до облакъ, убогий же възглагола — и вси рекоша: «Чѣто съ есть?» — и аште потъкнетъ ся, въздринуть и.

Добро есть богатство, въ немже нѣсть грѣха, а зло есть ништета въ устѣхъ нечѣстиваго.

Чловѣку завидливу нелѣпо е богатство: ниже есть себѣ зълъ, иному добръ будетъ? Возвесели ся въ имѣнии своемъ?

Завидливу *у* себя нѣсть зълѣйша, и се въздание зълѣбѣ его: аште и добро сътворитъ, то забывъ ся творитъ, и на послѣдѣкъ изнесетъ зълѣбу свою.

Око лихоимця не насытитъ дорѣсти, и *обида* лукавааго исушаетъ душу его.

Око лукаво завидливо о хлѣбѣ, и скудно на тряпезѣ своей.

Нѣсть веселия паче радости срдьчныя, луче есть съмъртъ паче живота горька.

Льсти душу свою веселиемъ и тѣши сърдце свое, и печаль далече отърини отъ себе — да не въскорѣ състарѣши ся.

Красна есть милостини въ врѣмя скърби, якоже и облаци дъждевнии въ время ведра.

Не давай займы человеку, который тебя сильнее, ибо если дашь ему что займы, считай, что сгубил это.

Не поручайся сверх своих возможностей, а поручился — отвечай, как и дающий.

Не ссорься с судьей прежде, чем он рассудит тебя.

О приглашении со стороны сильных

Когда призовет тебя сильный — отступи, если и снова тебя призовет, не приближайся — и не отвергнут тебя, однако не стой далеко — и не будешь забыт.

Не старайся быть равным с сильным и не всем словам его верь, ибо речами он проверяет тебя; и если со смехом пытается тебя, берегись, будь внимателен, ибо ходишь рядом с паденьем своим.

Пошатнувшись, богатый утверждается в друзьях, бедный же, пав, будет оставлен друзьями своими.

Когда ошибется богатый, много заступников и словами несказанными оправдают его.

Бедный же ошибся — и наказали его, произнес разумное, — но не дали ему места.

Мерзко гордому — смирение, как и богатому мерзко — бедный.

Богатый заговорил — и все умолкли, и речи его вознесли до облаков, а бедный заговорил — и все сказали: «Что это такое?» — а если оступится, еще и подтолкнут его.

Богатство, в котором нет греха, — добро, — но в устах нечестивого и бедность — зло.

Завистливому человеку не пристало богатство: разве тот, кто к себе зол, к другому будет ли добр? Радовался ли он имени своему?

Нет хуже того, кто даже к себе скуп, и вот расплата за порок его: если добр и творит, то ненамеренно, и всегда выкажет свой характер.

Око лихоимца не насытится лихвой, а обида лукавого иссушает душу его.

Око лукавое завистливо на хлеб, но скудно за своим столом.

Нет веселия больше сердечной радости, и лучше смерть, чем горькая жизнь.

Душу свою упокой весельем и сердце свое утешь, и печаль подальше гони от себя — и не скоро состаришься.

Красна милостыня во время скорби, как и облака дождевые в жаркую погоду.

Братия и помощь въ время скърби, и *паче* обоего — милостыни избавить. Имѣние и крѣпость възносить сердце, обаче обоего — страхъ *Господень*.

⟨...⟩

О всякомъ дѣлѣ буди бѣдръ, и всякъ недугъ не приступитъ къ тебѣ.

Чядо, въ животѣ своемъ искуси душу свою и виждь; чѣто ей есть зѣло и не дажь ей: не ключитъ бо ся все всѣмъ, не всяка душа въ всемъ благоволить. И не прѣсыштяй ся въ всякой пишти и не разливай ся на различнѣ брашнѣ.

Въ мнозѣ бо брашнѣ недугъ бываетъ и прѣсыщение до кручины доидеть, прѣсыщениемъ бо мнози умроша — помняй *же се*, приложить ся животѣ.

Нѣсть убо добро не хранити ся отъ всякого суда.

Чядо, якоже имаши добро сътвори себѣ и приношения Богу приноси достойно, помяни, яко смърть не замѣдлитъ, и завѣтъ адовъ не показнѣ бысть.

Даже не умреши, добро сътвори другу и по силѣ своей простѣри руку, и даждь убогимъ по силѣ своей.

Не лиши ся добра, и чѣсть добра не минеть тебе; и не инѣмъ ли оставиши тяжание свое, и труды твоя на раздѣление жрѣбня, яко нѣсть въ адѣ искати пишта?

Чядо, не люби множества неключима и не весели ся о сынѣхъ ненаказанныхъ — рекѣше нечѣстивыхъ; аште и умножать ся. Не весели ся о нихъ, аште нѣсть страха Господня съ ними. Не вѣруй животу ихъ, въздыхание бо и плачь невидимъ — и вѣнезапу коньчину ихъ разумѣши.

Луче бо е одинъ, нежели тышести, и умрети добрѣ бештядъ, нежели имѣти чада невѣрна. Отъ единого бо разумива уселить ся градъ, колѣно же безаконныхъ опустѣеть: много сицего видѣ око мое.

Чловѣкъ мудръ въ всемъ угодить, и въ дни грѣха уклонить ся съгрѣшения, всякъ разумивый познаеть мудрость.

Разумнии словесы ти умудриши ся и *удръжашя* притѣчя *испытны*.

Дѣлатель пияница не *обогатѣеть*.

Медь и жены отворять разумныя, и прилѣпляй ся любодѣицяхъ дѣрзѣи будетъ.

Слыша ли слово тайно — да умреть съ тобою, и не всякому словеси вѣру емли.

И *одѣние* мужа, и смѣяние зубъ, и ступание чловѣка възвѣститъ яже о немъ.

Есть мѣлча обрѣтая ся мудръ, есть другый ненавидимъ мною бесѣдою, и есть мѣлча не имать бо отвѣта.

Чловеѣкъ мудръ умѣлчитъ до времени, и умножай словеса мѣрзѣкъ будетъ, гърдяй ся — възненавидѣнъ будетъ.

Братство и помощь во время скорби, но больше обоих — милостыня спасет. Богатство и твердость возносят сердце, но больше обоих — страх Господень.

⟨...⟩

Во всяком деле будь смел, и никакой порок не подступит к тебе.

Чадо, жизнью своей испытай свою душу и пойми, что ей вредно и не дай ей этого: не годится ведь все и всем, не всякая душа всему благоволит. Не пресыщайся всякою пищею и не набрасывайся на различные яства.

От многих яств возникает недуг, и пресыщенье доведет до кручины, от пресыщенья многие умерли — об этом помнящий продлит свою жизнь.

Ничего хорошего нет в том, чтобы не остерегаться суда.

Чадо, если есть у тебя добро — приноси достойное Бога подношение, помни, что смерть не замедлит, и завет ада не объявлен.

Пока не умрешь, твори другому добро и по силе своей протяни руку, подавай убогим по силе своей.

Не отказывайся от добра, и часть добра не минет тебя; и не другим ли оставишь стяжание свое, и труды твои на раздел по жребию, ведь не станешь в аду искать сласти?

Чадо, не ходи на бесполезные сборища и не радуйся невеждам, то есть нечестивым; если и умножатся. Не радуйся им, если нет страха Господня с ними. Не доверяйся обманчивой их жизни, ибо вздохи и плач невидимы — и внезапно конец их постигнешь.

Ибо лучше один, чем тысячи, и лучше умереть бездетным, чем иметь нечестивых чад. Ведь и от одного разумного заселится град, тогда как поколение неразумных исчезнет: много подобного видело око мое.

Мудрый человек во всем угодит и в дни греха избежит согрешений, всякий благоразумный познает мудрость.

Разумные речами умудрились и сохранили в точности притчи.

Работник пьяница не разбогатеет.

Мед и женщины отвратят разумных, а приставший к любодейцам наглее будет.

Услышал тайное слово — пусть умрет с тобою, да и не всякому слову веру давай.

И одежда человека, и лица усмешка, и походка его — все скажут о нем.

Есть молчаливый из мудрости, есть и другой, за велеречивость отвергнутый, но есть молчаливый оттого, что не знает ответа.

Мудрый человек промолчит до времени, а множащий словеса становится мерзок, заносчивого — возненавидят.

Даяние безумнааго не сътворитъ польза никоеже: мало бо въдасть, а много испоносить.

Поплъзение отъ земля добрѣ паче, нежели отъ языка.

Усты безумнааго отъвържена будетъ притѣя, не речеть бо ея въ время свое.

Порокъ зълъ чловѣку лъжа, и въ устѣхъ ненаказанныхъ присно будетъ.

Уне е тать, неже лъжа присно, оба же пагубу наслѣдуета.

Мъзда и дарове ослѣпляють очи мудрыхъ, да видяштеи не видять.

Студь отцю о ненаказании рожденааго отъ него.

Дѣшти же на умиление будетъ, дѣшти мудра почѣститъ мужа своего.

Отца и мужа посрамитъ дързая, и отъ обою приметъ бешѣстие.

Надъ мъртвыимъ плачи ся — отъиде бо свѣта, и безумнааго плачи ся — иштезе бо отъ него разумъ.

Въргый на пѣтиць камень отъгонитъ ѣ, тако же иже поносить другу своему — разоритъ дружбу.

За друга аште отъвързеши уста — не стыди ся, есть бо сѣмѣрение.

Не кльни ся именемъ святого: чловѣкъ кльнии ся много испълнитъ ся безакония, и не отъиметь ся отъ дому его рана, и аште сѣгрѣшитъ — грѣхъ его на немъ.

Чловѣкъ, сълазя отъ одра своего, глаголя въ души своеи: «Кто мя видить? — и стѣны застоятъ мя, и никътоже мене видить, яко и крыю ся грѣхъ моихъ, — и не въспоманеть Вышнии». И почи чловѣчьскъ страхъ его. И не разумъ, яко очи Господни — тьмами есть свѣтлѣйше сълннца, призирающи на вся пути чловѣчьскыя и сѣматряюшти въ тайныхъ мѣстѣхъ, и разумѣють оставльшей, яко ничътоже луче страха Господня, и ничътоже слаже, еже вънимати заповѣдѣмъ Господнямъ.

Стыди ся отця и матери — блудѣмъ, сильнааго и властелина — о лъжи, судия и князя — о сѣгрѣшеньи, събора и людии — о безаконии, обшѣтника и друга — о неправдѣ, мѣста, на немъже живеши, — о татѣбѣ и правды Божия и завѣта Его.

Храни ся отъ словесъ поносныхъ на други, и не поноси ти давѣшу, и не стыди ся о сихъ.

И на судѣ не оправдай нечѣстива.

О дързости

Съ дързѣмъ не ходи на путь — да не встанеть на тя, тѣ бо сътворитъ по силѣ своей, и въ неразумьи его погынеши.

Съ ярѣмъ не сvari ся и не ходи с нимъ сквозѣ пустыню, предѣ очима бо его кръвь яко ничътоже есть, и идеже не будетъ помошти, то ту и низложитъ тя.

Съ уродивымъ свѣта не твори, не можетъ бо словесе държати.

Дар неразумного не принесет никакой пользы: ибо мало даст, но многое выберит.

Неверный шаг по земле все же лучше, чем языка ошибки.

Устами неразумного будет отвергнута притча, ибо не скажет ее когда следует.

Злой порок человека — ложь, и в устах невежд навсегда останется.

Лучше уж тать, чем вечная ложь, но оба равно уничтожатся.

Мзда и взятка ослепляют очи мудрых, так что и зрячие не видят.

Стыд отцу за невежество от него рожденного.

Дочь же на радость будет, мудрая дочь принесет почести и мужу своему.

Отца и мужа посрамит дерзкая, и от обоих примет бесчестие.

Плачь над мертвым — он лишился света, но оплачь и безумного — разум его покинул.

Кинувший камень в птиц их отгонит, тот же, кто друга своего бранит, разрушит дружбу.

Если на друга поднимешь голос, не скорби, ибо есть примирение.

Не клянись именем святого: человек, клянущийся часто, преисполнится беззакония, и не покинут дом его беды, и если согрешит — его грех на нем.

Человек, встающий с постели своей, говорящий в душе своей: «А кто меня видит? — и стены меня заслоняют, и никто не видит меня, так и скрою грехи свои, и не вспомнит Всевышний». Бойтся он глаз человека. И не понял, что очи Господни — и во тьме ярче солнца, взирают на все пути человеческие и видят в самых тайных местах, и понимают спасенные: ничего нет лучше страха Господня, и ничего нет слаще, как внимать заповедям Господним.

Стыдись отца и мать — из-за блуда, вождя и вельможу — из-за лжи, судью и князя — из-за согрешений, людей и совета — из-за беззаконий, соратника и друга — из-за неправды, места, на котором живешь, — из-за разбоя и измены правде Божьей и завету Его.

Остерегайся слов бранных на друга, но не брани их сказавшего и не стыдись за них.

И на суде не оправдывай нечестивца.

О жестокости

Одним путем не ходи с жестоким — и не поднимется на тебя, ибо поступит он по нраву своему, и в его безрассудстве погибнешь.

С яростным не спорь, и не иди с ним через пустыню, ибо кровь для него — ничто, и когда не будет помощи, тут же уничтожит тебя.

С глупцом не советуйся, ибо не сможет он слова сдержать.

Прѣдъ чюждими не сътвори ничто же тайна: не вѣси бо, что ти сътворять.

Не являй всякому чловѣку сѣрдца своего, да не възнесеть ти хвалы.
Не даждь женѣ душа своя, наступити ей на крѣпость твою.

Не сѣрѣтай жены блудница, да не како въпадеша въ сѣти ея.

Дѣвы не съматрай, еда како съблзаниши ся въ опитимияхъ ея.

Не даждь блудницамъ душа своя, да не погубиши наслѣдия своего.

Отъврати очи свои отъ жены красьны и не глядаи чужая доброты, въ добротѣ бо женскѣй мнози заблудиша и *похоть* отъ нея, яко огонь разгараеть ся.

Съ мужатицею отинудь не посѣди и не побесѣдуй съ нею въ винѣ: еда како уклонить ся душа твоя на ню — и духъмъ своимъ поплзнеша ся въ пагубу зълѣ.

Не рвѣнуй славу грѣшника: не вѣси бо, како будеть раздрухение его.

Не оставляй старааго друга: новый бо нѣсть тѣчнь ему.

И съ мудрыми сѣвѣщавай, и съ разумными буди размышление твои, и вся повѣсти твоя въ законѣ вышняяго.

Мужи правдѣни да обѣдають съ тобою, и въ страстѣ Господни буди похвала твоя.

Прѣмудрѣ судии накаждь луди своя, и владычество разумивааго учинено будеть; и акоже будеть судии людѣмъ своимъ, такъ же и слугы его.

<...>

Не дрѣжи гнѣва на ближняяго своего, и не сътвори ничсоже въ дѣлѣхъ досяждения; възненавидѣна прѣдъ Богъмъ и чловѣкы гърдыни, и отъ обоихъ сѣгрѣшитъ неправда.

<...>

Неправо есть укарати убога разумива, и неподобно есть славити мужа грѣшна.

Самъ испърва сътвори чловѣка и остави и въ руцѣ мысли своя. Иште хочеша — съблюдеши заповѣди, и вѣру *сѣтвориши* благоволения.

Прѣдъложилъ ти огня и воду: на неже аште хочеша — прострѣши руку.

Прѣдъ чловѣкъмъ животъ и сѣмъртъ, и еже аште изволить — дасть ся ему: яко многа прѣмудрость Господня.

Крѣпкъ силою и зряй вьсего, и очи Его на бояштинихъ ся его, и Тѣ познаеть всяко дѣло чловѣчско.

Не заповѣдалъ ни одному же бештствовати, и не дасть ослабы ни одному же сѣгрѣшати.

Обраштая ся къ Богу, огрени ся грѣха, и отъврати ся отъ неправды, и зѣло възненавиди мързость.

Първѣе даже въ недугъ не въпадеша сѣмѣри себе, и въ *врѣмя грѣхъ* обрати ся къ Господу.

Пред чужими не совершай ничего тайного, ибо не знаешь, как поступят с тобою.

Не являй своего сердца всякому человеку, чтоб не вознес он тебе хвалы. Женщине не открывай души своей, не дай наступить ей на твердость твою.

Не встречайся с женщиной блудной, и не впадешь в ее сети.

На деву не взглядывай, не то соблазнишься ее чарами.

Не дай блудницам души своей и не погубишь наследия своего.

Отврати очи свои от красивой женщины и не любуйся чужой красотой, ибо в женской красоте погибли многие, и похоть от нее огнем распалется.

С замужней никогда не сиди и не беседуй с нею по *⟨какому-либо⟩* поводу: а вдруг как душу твою привлечет — и духом своим поскользнешься в большую беду.

Не завидуй славе грешника, ибо не ведаешь, как он погибнет.

Не оставляй старого друга, ибо новый его не заменит.

И с мудрыми советуйся, и с разумными входи в размышление, и все дела твои идут по законам Всевышнего.

Мужи праведные пусть вкушают с тобою, и в страхе Господнем будет хвала тебе.

Мудрый судья научит людей своих, и власть разумного пусть установится; каков будет судья к своим людям, таковы же и слуги его.

⟨...⟩

Не держи гнева на ближнего своего, не принимай участия во вредных делах; ненавистна и Богу и людям гордыня, и в обоих случаях согрешает несправедливость.

⟨...⟩

Несправедливо укорять разумного бедного, и не следует славить мужа грешного.

Сам *⟨Бог⟩* вначале сотворил человека и оставил его в деснице воли своей. Если пожелаешь, соблюдеши заповеди и исполниши веру благоволения.

Предложил тебе огонь и воду: протянешь руку к тому, к чему захочешь.

Пред человеком жизнь и смерть — и то ему дастся, что он выберет: велика мудрость Господня.

Крепок силой Всевидящий, и очи его — на страшящихся его, и ведает он все дела человеческие.

Заповедал никому не быть в бесчестье, никому не попустил согрешать.

Обращаясь к Богу, воздержись от греха, отвратись от неправды и отрекись от скверны.

И пока еще ты не впал в недуг, смири себя, а в грехах обратись к Господу.

И не замѣди въздати молитву въ врѣмя, и уготови себе *и не буди*, яко чловѣкъ, искушая Бога, помяни гнѣвъ въ днь съкончания своего.

Добро *есть обличати*, нежели ярити ся.

Обличи друга: многашьды бо бываетъ клевета; и не всякому словеси вѣру емли.

Словеса притѣчная

Прѣмудрыи словеса *прѣдвѣдетъ* ся, и чловѣкъ мудръ годѣ будетъ вельможамъ.

Луче чловѣкъ, съкрывая *буестъ* свою, нежели съкрывая мудрость свою.

{...}

Познанъ есть издалеча сильный языкъмъ своимъ.

Разумивый же вѣсть, въ чемъ ся поплъзаеть.

Сърдце буюго яко съсудъ утьль: всякого разума не удържитъ.

Слово мудро аште услышитъ разумивый, въсхвалитъ е и къ нему приложить.

Боголишивый же смѣхъмъ възнесеть гласъ свои, мужъ же мудръ одѣва осклабитъ ся.

Осквърняеть свою душу шпѣтьникъ.

Якоже сълплай съсудъ изломленъ, такоже учяий безумнааго.

Иже повѣдаеть безумному — и *на коньци* речеть: «Что бѣ?»

Двѣ вешти умножаетъ грѣхы, и *третья* — идетъ гнѣвъ.

О женахъ злыихъ и добрыхъ. Мала есть *вся зѣлоба* противу зѣлобѣ женскѣй, жрѣбий грѣшника да испадеть на ню.

Жена *лукава* — язва сърдечная.

Отъ жены начятъкъ грѣху — и тоу вси умираемъ.

Не *даждь женѣ* дрзновения на тя глаголати, аште *не ходитъ подѣ* рукою ти, отъсѣци ю отъ плѣти своя.

Жены добры блаженъ есть мужъ ея, и число днии его сугубо.

Жена добля веселитъ мужа своего, и *лѣта его* испълнить миръмъ.

{...}

Жену мудру не удобъ обрѣсти.

Въ женахъ рѣдко обрящеши истину.

О женѣ лукавѣ. Волю жити съ лъвъмъ, неже съ женою лукавою.

Лукавство жены измѣняетъ зракъ ея, и посупляетъ лице свое.

{...}

Якоже емляй ся за стѣнь и *гоняй* вѣтры, такоже емляй вѣру съномъ.

И не медли воздать молитву вовремя, и приготовь себя, не будь человеком, искушающим Бога, помни о гневе его в день кончины своей.

Лучше обличать, чем гневаться.

Обличи друга: часто находит клевета; и не всякому слову веру давай.

Изречения

Премудрый словами руководствуется, и мудрый человек всегда полезен вельможам.

Лучше человек, скрывающий свою необузданность, чем скрывающий мудрость свою.

<...>

Издали познается сильный по своим речам.

Умный знает, на чем поскользнется.

Сердце вспыльчивого как утлый сосуд: никакого разума не удержит.

Если мудрое слово услышит разумный, оценит его и к себе применит.

Глупый со смехом возвысит свой голос, мудрый же человек едва улыбнется.

Душу свою оскверняет сплетник.

Что тот, кто чинит сосуд разбитый, то и учащий глупого.

Кто скажет глупцу — пусть в конце переспросит: «Что я сказал?»

Две вещи грехи умножают, а третья наводит — это гнев.

О женах злых и добрых. Всякое зло мало против зла от женщин, жребий грешника пусть выпадет ей.

Жена лукавая — язва сердца.

От женщин начало греха, из-за нее умираем все.

Не разрешай жене на тебя наговаривать, и если не ходит она под рукою твоей, отсеки ее от плоти своей.

У доброй жены блажен муж ее, и число его дней удвоится.

Жена хорошая радуется мужа своего и годы жизни его наполнит миром.

<...>

Мудрую жену не просто найти.

У женщин редко узнаешь правду.

О жене лукавой. Предпочти жить со львом, чем с женой лукавой.

Лукавство женщины изменяет вид ее, и омрачает лицо ее.

<...>

Подобны хватающим тень и бегущим за ветром те, кто верит в сны.

Духъ бояштиихъ ся Господа поживеть, надежда бо ихъ на Спасающаго я, бои ся Господа ничимъже постыдить ся, очи бо Господьни на бояштя ся Его.

Благословение Господьне еже отъступити отъ грѣхъ, и оцѣштение еже отъступити отъ неправды.

Приносяй ся жьртву отъ неправды, приношение его небрѣгомо есть, ни множествъмъ жьртвъ не отпуститъ ся грѣхъ.

Якоже закаляй сына прѣдъ отьцьмъ его, тако приносяй жьртву отъ имѣния убогихъихъ.

Хлѣбъ бо — плоть ихъ, животъ убо ихъ, лишаяй же его чловѣкъ кровь проливаяй есть.

Якоже *проливаяй кровь*, тако же *удѣржавый мѣзду* наимъника.

О десятинѣ. Не яви ся прѣдъ Господьмъ гѣшть — *все бо* се есть заповѣди ради: приношение правдѣднааго мастить олѣтаря и благоухания его прѣдъ Вышнимъ.

Жьртва мужа *правдива* благоприятна, и память его не *забѣвена* будеть: окомъ благомъ прослави Господа, и не *умали* начатъка отъ руку своею.

<...>

Дажь вышнему подаiania Его, яко Господь въздаай есть, и седмицею въздасть ти.

<...>

О златолюбъци. Любяии злато не оправдять ся, и любяй растѣлюштя самъ насытитъ ся: мнѣзи съпадоша злата дѣля и бысть пагуба ихъ прямо лицу ихъ.

Блаженъ *богатый* иже обрѣте ся бес порока и иже въ слѣдъ *злата* не иде; кѣто съ есть — да блажимъ его, сътвориль бо есть дивная въ людѣхъ своихъ.

Кѣто *искушенъ имъ* бысть и съвършилъ ся — и да будеть на похваление.

Кѣто бы могль прѣступникъ быти и не прѣступи, и зло сътворити, и не сътвориль — да утвърдятъ ся благая его и милостыни его исповѣсть църкы святая.

Бояштааго ся Господа не съряштеть зѣло, аште ли въ напасть въпадеть, то *пакы изьметъ* его.

Чловѣкъ разумивъ вѣру иметь закону и по Христовамъ заповѣдъмъ ходить, и законъ его вѣрнъ есть.

Боляре и судия славни суть, и нѣсть ихъ ни единъ же болии боящааго ся Господа.

Рабу разумиву свободы порабѣтають.

Не прѣмудрай ся, творя дѣло, и не слави ся *въ врѣмя тугы*.

Дух боящихся Господа будет жить, ибо их надежда на спасающего их, страшящийся Господа ничего не убоится, ибо очи Господни обращены на боящихся его.

Благословенье Господне — отступить от греха, и очищение — отринуть неправду.

Приносящий жертву в неправде — приношение его не примут, и даже множеством жертв не простится грех.

Как закаляющий сына пред отцом его, так и несущий жертву из средств убогих.

Ибо хлеб их — плоть и жизнь их, и тот, кто лишает его, есть человек, проливающий кровь.

Каков же проливающий кровь, таков и удерживавший плату наемнику.

О десятине. Не являйся пред Господом пуст, ибо — по заповеди: приношение праведного умаслит алтарь и благоуханье его пред Всевышним.

Благоприятна жертва от мужа праведного, и память его незабвенна будет: оком благим восславил он Господа и не умалил начатка рук своих.

<...>

Дай Всевышнему подаяние, ибо Господь воздающий семижды воздаст тебе.

<...>

О златолюбце. Возлюбившие золото не спасутся, возлюбивший тленное сам пресытится: многие пали из-за золота и была их пагуба перед лицом их.

Блажен в богатстве, кто беспорочен, кто не идет вслед золота; кто таков — такого восславим, ибо дивное создал он среди людей своих.

И кто искушен им был и не поддался — да будет славен.

Кто мог бы преступником быть и не стал им, мог зло сотворить, но не сотворил — да увеличится благо его и о милосердыи его поведает церковь святая.

Кто Бога страшится, того не настигнет беда, а если впадет в напасть, то Бог его выручит.

Разумный человек доверяет закону и ходит по Христовым заповедям, и закон его прав.

Бояре и судьи славные, но нет среди них ни единого выше того, кто страшится Господа.

Рабу разумному и свободные служат.

Не мудрствуй, делая дело, и не хвались в годину тяжелую.

У друга подъзираюштааго ты и у врага не повѣдай *свѣта*.

<...>

Отъкрываяя тайну погубилъ есть вѣру и не обрящать друга противу души своей.

<...>

Мудрость съмѣренааго възнесеть главу его и посредѣ вельможъ посадить *ѹ*.

Първѣ даже не слышиши — не отъвѣштывай, и не влагай ся въ срѣду бесѣды, и на свѣтъ грѣшныхъ не сѣдай.

<...>

И чяды своими познанъ будетъ мужь.

И не всякого чловѣка въведи въ домъ свой: блюди ся зьлодѣя, зло бо сѣдѣваетъ.

<...>

Егда въ добрѣ будетъ мужь, то врази его въ печали будутъ.

И не емли вѣры врагомъ своимъ въ вѣкы.

И якоже бо мѣдъ обрѣжявѣтъ, тако и злоба его; и аште и съмѣритъ ся и поидеть поникъ, постави душу свою и храни ся отъ него — и будеши ему, яко очиштено *зѣрцяло*.

Не постави его у себя, да не въздривъ ты станеть на мѣстѣ твоёмъ. Не постави его одесную себе, да не поиштеть сѣдалишта твоего, — и напоследкъ разумѣши словеса моя и о глаголѣхъ моихъ умилиши ся.

Устьнама своима усладить *ты* врагъ, а сѣрдцьемъ своимъ свѣтуеть въринуты ты въ ровъ.

Очима своима просльзить ся врагъ, и егда обряштеть время — не насытитъ ся отъ крѣви.

Даште обряштеть ты зьло, то ту его обряштеши първѣ себе, и яко *помагая* подѣразить *пятѣ* твой, главою своею покываетъ и въсплещеть рукама своима, и много пошпѣчетъ, и измѣнить лице свое.

Беремене паче себе не въздвижи, и съ крѣплѣшимъ себе и съ богатѣйшимъ не приобъштай ся: кое бо приобъштение гърнцю съ котълъмъ — *тѣ* бо приразить ся и съкрушить ся.

Богатый, обиду сътворивъ, и самъ прогнѣваетъ ся, убогый же, обидимъ, и самъ примолить ся. Аште ли имаше, то поживеть съ тобою, аште ли не имаша — то отъльститъ ты отъ себе, и вѣсмѣеть ти ся, и възглаголетъ ти добрѣ, и речеть: «Ти е ли ты, чьто трѣбѣ?» — и посрами ты борошнѣмъ своимъ, *дондеже не тѣшитъ* ты дѣвоици, и напоследкъ поругаетъ ти ся шютомъ, узѣрить ты — и оставить ты и главою своею покываетъ на ты.

Вънимаи, сыну мой, и не забуди, да не съмѣриши ся въ веселии своемъ.

У недоброжелательного друга и у врага не проси совета.

⟨...⟩

Раскрывший тайну утратил доверие, он не сыщет друга по душе своей.

⟨...⟩

Мудрость кроткого возвысит главу его и среди вельмож усадит его.

Пока не услышишь — не отвечай, и не вмешивайся в беседу, и в совете бесчестных не восседай.

⟨...⟩

И по детям своим человек виден.

И не всякого человека в дом свой введи: остерегайся злодея, ибо творит он зло.

⟨...⟩

Если хорошо человеку, то в печали враги его.

Не доверяй врагам своим во веки.

Ведь только когда заржавеет медь, тогда и злоба врага пройдет; но если смирится он и пойдет поникши, будь бдителен и берегись его, тогда станешь ты для него чистым зеркалом.

Но не оставь его возле себя, чтобы, изгнав тебя, не занял твоего места. Не ставь его и по правую руку, чтобы не отнял он места твоего, — вот тогда и поймешь мое слово и речам моим возрадуешься.

Устами своими услаждает враг, а сердцем своим советует ввергнуть тебя в яму.

Очами своими прослезится враг, а наступит время — не насытится кровью.

И если достигнет тебя беда, он тут же окажется первым, как бы помогая, он поставит тебе подножку, и головой покивает, и всплещет руками своими, и сплетни распустит, и изменит лицо свое.

Раньше времени не возносись, и с теми, кто крепче тебя и богаче, не общайся: какое уж общение горшку с котлом — ведь этот прикоснется, а тот рассыпется.

Богатый обидит, и сам же прогневается, бедный же, обиженный, и сам извинится. Если есть у тебя что-то, пребудет он с тобою, если же нет, обольстит тебя, и насмеется над тобою, и проговорит приятно, и скажет: «Да есть ли что-то, что нужно тебе?» — и посрамит тебя едой своей, пока не истощит тебя вдвое, и напоследок обзовет шутком, взглянет на тебя — и оставит тебя, головою качая.

. Внимай, мой сын, и не забудь, чтобы не осрамиться в веселье твоём.

О меду. Въ меду не мужай ся, многы бо погубиль медь. Горесть души мноного приемъ медь съ гнѣвѣмъ и съ клеветою зълѣ.

Въ пирѣ меда не облыгай ближняго, и не сѣрини его въ веселии его.

Старѣйшиною ли тя поставиша, то не възноси ся, буди въ нихъ яко единъ отъ нихъ.

Идеже послушание будетъ — не изнеси бесѣды, и без ума въ пирѣ не мудри ся, буди якоже вѣды и мълчя.

Посредѣ вельможъ не равнѣ ся твори, и иному не глаголюшту не зѣло прилежи, мужъ бе свѣтливъ не прѣзритъ размышления.

Бе-свѣта не сѣтвори ничьсоже, и егда сѣтвориши — не раскай ся.

Не свѣщай съ подызирающтиими тя, и отъ искушяющтиихъ тя сѣкрый свѣтъ.

Не свѣштавай съ страшивѣмъ о брани, съ купецѣмъ о приложеньи и съ купуюштиними о купли, и съ завидливѣмъ о похвалении, и съ несмилостивимъ о помилованьи, и съ рабѣмъ лѣнивѣмъ о мѣнозѣ дѣланьи, — не наложи на сия о всякомъ свѣштяни.

Съ мужѣмъ благовѣрномъ буди, егоже аште познаеши сѣблудаюшта заповѣди Господня: и аште сѣгрѣшиши — поболить съ тобою, и свѣта сѣрдьчнааго поставить.

Есть мужъ съмыслѣнъ и многомъ казатель, и своей души есть неключимъ.

И есть чловѣкъ мудрѣ своей души, и плодъ разума его въ устѣхъ вѣрнѣ.

Мужъ мудрѣ люди своя накажетъ.

О мърьтвѣцихъ. Чядо, надъ мъртвѣцѣмъ источи слъзы: и якоже зълѣ стража, начѣни плачь, и якоже достоить сѣкрый тѣло его, и не прѣзри погребения его.

Горькъ сѣтвори плачь и рыдание днѣ единъ или дѣва хуления ради: отъ печяли бо сѣмърть бываетъ, и печаль сѣрдьчная сѣломить крѣпость.

Помяни уставъ, яко и сице твой: «Мѣнѣ — заутра, а тебѣ — днѣсь».

Вѣспомяни ся о немъ въ исходѣ душа его и утѣши ся, въ печяли бо и въ плачи не сѣтвориши ползя ему никоеяже.

Сѣрдьце свое дажъ утрѣневати къ Господу, сѣтворишууму тя, и прѣдъ Вышньимъ помоли ся, и отъврѣзи уста своя на молитву; и о грѣсѣхъ своихъ помоли ся, и убога помилуй.

Печаль велия испърва сѣзъдана бысть всякому чловѣку.

Имѣние неправдѣныхъ яко рѣка исхѣнетъ.

Чяда грѣшныхъ мрѣзка будутъ живуштя съ притѣчяи нечѣстивыхъ.

О вине. Не увлекайся вином, ибо многих погубило вино. Горесть души — в гневе и с клеветою выпиваемое без меры вино.

На пьяном пиру не охайвай ближнего и не мешай ему в веселье его.

Если старшим над другими поставили, не возносись, будь для всех как один из них.

Если что услышал — не выноси на сторону, безрассудно на пиру не мудрствуй, будь как тот, кто знает, но молчит.

Среди вельмож не равняйся с ними, и пока другие молчат, не торопись говорить, ибо муж в совете не отвергнет раздумия.

Без совета ничего не делай, а когда совершишь — не раскайся.

Не советуйся с недоброжелателем, а от искушающих тебя утай намерение.

Не советуйся с трусливым о рати, с купцом о прибыли и с покупателем о купле, и с завистливым о похвале, и со злыми о милосердии, и с рабом ленивым о хорошей работе, — и даже не приступай к таким ни за каким советом.

Пребывай с благоверным мужем, если узнаешь, что он соблюдает Божьи заповеди: согрешишь — он тебе сострадает, сердечным советом поможет.

Бывает, разумный муж учитель другим, однако о душе своей не заботится.

Но бывает другой человек, для души своей мудр, и надежен плод разума в устах его.

Мудрый муж наставит людей своих.

О мертвых. Чадо, слезы свои источи над мертвым: возрыдай, точно в тяжком страдании и, как положено, тело его накрой, и не пренебреги его погребением.

Горький плач начинай и рыдай день иль два, чтобы избежать хулы: ведь от горести смерть наступает, и сердечное горе сломит твердость (души).

Вспомни закон, он таков: «Мне — завтра, тебе — сегодня».

Подумай о нем при исходе души его и утешься, ибо печалью и скорбью ему не поможешь.

Сердце твое утром пусть устремляется к Господу, тебя сотворившему, перед Вышним молись, отверзая уста свои на молитву; и о грехах своих помолись, и помоги убогому.

Печаль великая от века людям была дана.

Имень неправедных точно ручей пересохнет.

Чада грешников в скверне пребудут, живя советами нечестивых.

Чядъ грѣшньныхъ наслѣднє погынеть и съ сѣменьмъ ихъ будеть поношение.

О отци нечѣстивѣ зазрять чяда, яко его ради приемлють поношение. Чада грѣшньныхъ не укоренять ся.

О чѣсти родитьль. Господь прославиль отьця о чядѣхъ, и судь матернь утвѣрдилъ естъ о чядѣхъ.

Чѣтый отьця оцѣсти грѣхы, и якоже богатяй ся прославить матерь свою.

Чѣтый отьця възвеселить ся о чядѣхъ, и въ днь мольбы своя послушянь будеть.

Прославляяй отьця длгы дни сѣтворить, и послушяяй Господа покоить матерь свою, и *ту же* владыкама поработаеть ражъшима его: дѣльмъ и словьмъ чѣти отьца своего, да наидеть ти благословление отъ него, благословление бо отьче утвѣржяеть дома чядомъ, клятва же матерня искореняеть до основания.

Не слави ся въ бештьстѣ отьця своего, нѣсть бо ти слава къ *бештьстѣ*, нѣ слава чловѣку отъ чѣсти отьця своего, и поношение чадомъ мати въ *беславѣ*.

Чадо, заступи въ старость отьця своего, и не оскърби его въ животѣ его, и аште изумляеть ся — то не зазри емь и не укори его всею крѣпостью своею.

Милостыни бо отьця не забъвена бываетъ — и въ грѣхъ мѣсто привъжидеть ти ся, и в днь печали твоя възпомянеть ти ся, яко угъ на мразъ, тако растають ся грѣси твои.

Коль хульнь оставлий отьця своего и проклятъ Богьмъ раздражаяй матерь свою.

Чадо, лѣта своя съ кротостию прѣпровожай — и чловѣкомъ възлюбленъ будеши.

{...}

Огнь поляшть вода угасить, а милостыни оцѣститъ грѣхы.

Чадо, жита ништааго не лиши и не мини очью просьливу.

Душя алчушта не оскърби, и не разгнѣвай мужа въ *нищетѣ* его.

Сърдця разгнѣвана не прѣвъзмути и не мимо неси даяния трѣбуюштааго.

Раба скърбяштя не отърѣй и не отъврати лица своего отъ ништа.

И отрѣбуюштааго не отъврати очью.

Не дажь мѣста чловѣку кляти тя: кльнуштюуму бо тя въ горести душя его сушти — мольбу его услышитъ Сѣтворивый его.

{...}

Погибнут потомки чад грешников, позор будет с семенем их.

Укоряют детей за отца нечестивого, за него примут они позор.
Дети грешников не пустят корней.

О почитании родителей. Восславил Господь отца за детей его, и суд (правый) матери основал за детей ее.

Чтущий отца искупил грехи, и, обогащаясь, прославит мать свою.

Чтущий отца будет счастлив в чадах, и в час молитвы своей он будет услышан.

Прославляющий отца получит долгую жизнь, и внимающий Господу упокоит мать свою, и как владыкам послужит родившим его: делом и словом чти отца своего, чтоб получить благословение, ибо отчее благословение укрепляет чадам дома́, а проклятие матери разрушает их до основания.

Не хвались бесчестьем отца своего, ибо нет похвалы от бесчестья; похвала человеку по чести отца его и позор детям — мать в бесславии.

Чадо, отцу помоги в его старости и не огорчай его при его жизни, а если теряет разум — не попрекай и не укоряй его в силе твоей.

Благодеенья отца незабываемы — против грехов укрепят тебя, и в день печали твоей напомнят тебе о себе, и, как жар на морозе, так растают грехи твои.

Сколь бесславен забывший отца своего и проклят Богом огорчающий мать свою.

Чадо, годы свои проводи в кротости — и возлюбят тебя люди.

<...>

Пламя огня угасит вода, а милостыня искупит грехи.

Чадо, не лишай нищих хлеба и не минуй очей умоляющих.

Души алчущей не оскорби, не обидь человека в бедности его.

Сердца обиженного не раздражай, не пронеси подавания мимо нуждающихся.

Раба скорбящего не отгоняй и не отврати лица своего от нищего.

И от просящего у тебя не отводи очей.

Не дай повода человеку проклинать тебя: если кто клянет тебя в горести души своей, услышит мольбу его Сотворивший его.

<...>

Прѣмудрости похвала

Прѣмудрость похвалить душу свою и посрѣдѣ людей своихъ похвалить ся и въ църкѣви вышняго уста своя отвѣръзеть.

⟨...⟩

⟨Мудрость⟩ трѣми украсихъ ся и есмь красна: прѣдъ Богомъ и чловѣкъ; лубвь ближнихъ и мужа, на селѣ тяжяштя; три же норовы възненавидѣ душа моя, и зѣло ми мързятъ животъ ихъ: убога хупава, и богата лъжива, и старца, умаляющтя ся разумѣмъ своимъ — егоже въ уности не събѣралъ еси, то како можеша обрѣсти въ старости своей?

⟨...⟩

Святого Василия, како подобаеть чловѣку быти*

Лѣпо естъ чловѣку имѣти паче вьсего жития — да не прилежитъ имѣни зѣло, нѣ тѣлеси въздѣржанье, удобрене норову, гласу умиленье и удобрене, ѣдене и питие безъ говора съ удѣржаньемъ.

Прѣдъ старци — мълчание, прѣдъ мудрыми — послушание, съ тѣчными лубвь имѣти, съ мьншими — лубвьное съвѣщание.

Отъ плѣтскихъ и любосластныхъ вештей бѣгати, мало глаголати, а множе разумѣвати, не дѣрзу быти словѣмъ, ни прѣрѣковати въ людехъ.

Не скоро въ смѣхъ въпадати, соромяживу быти, долу очи имѣти, а не горѣ, не противу отвѣщавати.

Послушливу быти до смърти, тружати ся до смърти, поминати присно страшное и вѣторое пришѣствие и днь смъртньный.

О надежди радовати ся, молити ся непрѣстанно, при вьсемъ Бога хвалити.

Въ скѣрбехъ тѣрпѣти, къ вьсмъ смѣрену быти, величания бѣгати, говѣину быти.

Блюсти сѣрдце отъ помыслъ зѣлыхъ, събирати имѣние на небесехъ, законъ хоронити, любити Господа вьсмъ сѣрдьцѣмъ и ближняго, яко самъ ся.

И самому ся испытати о помыслѣхъ и о дѣлѣхъ по вся дни.

Не оплитати ся лихими рѣчьми и не искати жития лѣнливыхъ, нѣ тѣкъмо подражати я святыихъ отьць.

Радовати ся съ исправльшими доброноровие и не завидѣти, съ стражуштимъ страдати и съ плачущими зѣло плакати ся.

Осужену быти неже осудити, ниже поносити обрѣщяштя отъ грѣхъ.

Николиже себе правдѣна творити, нѣ грѣшника себе имѣти прѣдъ Богомъ и чловѣкъ.

Учити ненаказаня, увѣштати малодушныя, служити больнымъ, ноги святыихъ умывати.

Похвала премудрости

Премудрость восхвалит душу свою и посреди людей своих похвалится, и в церкви Всевышнего уста свои отверзет.

⟨...⟩

Мудрость тремя украсилась делами и тем прекрасна: миром между людьми и Богом, любовью между близкими, и пахарем, что трудится в поле; и три человека душе моей ненавистны, и омерзительна жизнь их: бедного гордого, и богатого лживого, и старца, ослабшего разумом, — ведь чего не собрал ты в юности, как сможешь то обрести ты в старости?

⟨...⟩

Святого Василия, каким человеку следует быть

Хорошо человеку, и лучше всего — в жизни не слишком предаваться богатству, но соблюдать воздержание телу, украшение нраву, голосу ласковость и доброту, есть и пить с воздержаньем и молча.

Пред старцами — молчание, пред мудрыми — послушание, с равными дружбу иметь, с младшими — дружеское согласие.

Плотских сладострастных дел избегать, меньше говорить да больше понимать, не дерзить словами, не перечить людям.

Не вдруг рассыпаться смехом, сохраняя стыдливость, очи долу держать, а не ввысь, не спорить.

Быть до смерти послушным, трудиться до смерти, всегда поминая ужасное — второе пришествие и день смерти.

Радоваться в надежде, непрестанно молиться, Бога благодарить за все.

В скорбях терпеть, со всеми смиренным быть, надменности избегать, пребывать в благоговении.

Сердце хранить от помыслов злых, собирать богатство на небесах, соблюдать закон, возлюбить всем сердцем и Господа, и ближнего, как самого себя.

И самому вопрошать себя о помыслах и о делах каждый день.

Не опутываться дурными словами, не подражать житию ленивых, но следовать жизни святых отцов.

Радоваться с достигшими добронравия и никому не завидовать, со страждущими страдать и с плачущими рыдать.

Лучше быть осужденным, чем осуждать, тем более не порицать спасающегося от грехов.

Никогда за праведника не выдавать себя, признавая себя грешником пред Богом и перед людьми.

Поучать неведающих, ободрять малодушных, служить больным, омы-
вать ноги святым.

Странньныхъ и братолубьи прилежати, съ единовѣрными миръ имѣти.

Еретикъ чловѣкъ отъвраштяти ся, книги прѣданыя почитати, а въ съкръвенныя отинудь не приницяти.

О Отъци и Сынѣ и Святѣмъ Дусъ не пытати, нѣ единосуштьну святую Троицу съ дрѣзновениемъ глаголати.

Крыштяти ся есть лѣпо, якоже прияхомъ и не кляти ся отинудь, и не даяти сребра своего въ лихву, ни иного ничьсоже на умножение пишта.

Бегай пьянства и отъ печалии жития сего, не бесѣдуй луками отинудь ни о комъ же глаголати.

И никакоже послушати клеветания, нѣ все съ испытаниемъ, никомуже скоро яти вѣры.

Не томи ся гнѣвѣмъ, не быти държиму похотѣу, не без ума гнѣвати ся на ближняго.

Сълнце да не заидеть о гнѣвѣ вашемъ. Не държати гнѣва ни на когоже, не въздати зъла на зло, ни клеветы за клевету.

Нѣ паче похулену быти, неже хулити, обидиму быти, а не обидѣти, отъштетити ся, а не отъштетити.

Паче же всего достоить чловѣку въздържати ся отъ бесѣдъ женьскихихъ и срамньныхъ словесъ, медь бо и жены отъвраштяють и съмыслъныя.

Въ заповѣди не сътужити ся, нѣ мзды и похвалы отъ Него чяяти и вѣчьныя жизни желати и прияти.

Имѣй Бога прѣдъ очима вѣину: яко сыну отъ всего сърдця и крѣпости и разума лубити Бога, и яко рабу — бояти ся, сумнѣти и служити Ему.

Страхѣмъ и трепетѣмъ спасение себѣ съдѣвати, духѣмъ горѣти и тешти не лѣняшти ся, обълѣчену быти въ оружие Святааго Духа.

И бороти ся съ врагѣмъ въ изнеможени плъти и въ ништетѣ душа, и все повелѣние творити, и непотрѣбна себе глаголати, и благодарити Бога.

И ничьсоже съ завистью творити, и чловѣкоугождения бѣгай, зане Богъ расыпа кости чловѣкоугодникъ, и не хвалити ся отинудь.

Ни похвалы себѣ глаголати, ни иному хваляшту послушати, вѣтайнѣ все творити, и не на видѣние чловѣкомъ творити, нѣ тъкмо отъ Бога хвалы и милости просити.

Помышляти прѣшьствие отъсуду, приготованая благая правдѣнымъ, такоже уготованый огнь дияволу и ангеломъ его.

По всему и апостольское слово помнѣти, яко не достойны страсти сего врѣмене противу будущимъ глаголати ся въ насъ, и съ Давыдѣмъ глаголати: «Храняштиимъ заповѣди Его — въздание много», и вѣнци мнози — правдѣнымъ, вѣчьнии крови, жизнь бес коньця, радость неизглаголанная отъ Отъця и Сына и Святого Духа.

О странниках братски заботиться, с единовѳрными мир иметь.

Еретиков отвращаться, книги канона почитать, а в апокрифы не вникать никогда.

Об Отце и Сыне и Святом Духе ничего не выведывать, но единосущую святую Троицу смело призывать.

Креститься следует, как это принято, и никогда не клясться, не давать серебра своего за процент, и ничего иного для преумножения пищи.

Избегай пьянства и скорбей этой жизни, никогда ни о ком не говори за спиной его.

И никогда не прислушиваться к клевете, но все самому проверить и никому на слово не верить.

Не распалаяй себя гневом, избавляясь от такого желания, без нужды не гневись на ближнего.

Ваша ссора — лишь до захода солнца. Ни гнева нельзя держать ни на кого, ни воздавать злом за зло, ни клеветою за клевету.

Но лучше быть оскорбленным, чем оскорбить, обиженным быть, чем обидеть, лишенным, чем лишать.

И больше всего человеку следует воздержаться от разговоров с женщиной и от бесстыдных слов, ибо вино и женщины совращают и мудрых.

Заповедями не пренебрегать, но надеяться на награду и славу от Бога, вечной жизни желать — и принять ее.

Всегда пред очами держи Господа: как сыну — любить его всем сердцем и твердостью разума, и как рабу — страшиться его, трепетать и служить ему.

Страхом и трепетом спасенье свое добывать, духом гореть и стремиться без лени стать во всеоружии Святого Духа.

И сражаться с бесом-врагом до гибели плоти, до изнеможения духа, все нужное исполняя и ничего не прося для себя, благодарить за все Бога.

И никому не завидовать, избегая лести — ведь Бог рассыпал кости льстецов, и ни в коем случае не похваляться.

Ни сам себе не возноси хвалы, ни к похвалам не прислушивайся, ибо следует все делать втайне, не на глазах у людей, и только от Бога просить похвалы и милости.

Помнить об отшествии отсюда, о приготовленных благах для праведников, как и об огне, готовом для дьявола и его бесов.

Слово апостольское припомнить о том, что страсти жизни земной не достойны тех, которые явятся в будущем, и повторить за Давидом: «Соблюдающим заповеди Его — великое воздаяние», и венцы многие праведникам, вечные куши и жизнь бесконечная, радость неизреченная от Отца и Сына и Святого Духа.

Съ цсари и патриархы, съ пророкы и апостолы и мученикы, и съ вѣсми угодъшыми съ нимиже обрѣсти потыштим ся о Христѣ Исусѣ, Господи нашемъ, Емуже славы ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

Ксенофонта, еже глагола къ сынома своимъ*

Азь, чядѣ, реку вама, чловѣчя жития отити хошту. Вѣста бо, како въ житии семь жихъ без лука, како отъ вѣсѣхъ чьстьнѣ бѣхъ и лубимѣ не сана ради велика, нѣ норовѣмъ великъмъ.

Не укорихъ никогоже, ни вередихъ и никогоже не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже.

Ни разгнѣвахъ ся ни на когоже, ни на мала, ни на велика.

Не оставихъ църкъве Божия вечеръ, ни заутра, ни до полудне.

Не прѣзрѣхъ ништиихъ, ни оставихъ странна, и печальна не прѣзрѣхъ никъгда же, и иже въ тьмницахъ заключении, потрѣбная имъ даяхъ, и иже въ плѣнницѣхъ — избавихъ.

Не помыслихъ на доброту чужю, не познахъ жены другия, развѣ матере ваю, и та дондеже ва роди, и потомъ еште не познахъ ея, нѣ съвѣштяховѣ ся чистою съвѣстю тѣлесною, и о Господѣ мудрѣ съхраниховѣ ся по православынѣй всякой вѣрѣ; тако сътворихъ до съмрътнааго дъне.

Тако и вы живѣта, чядѣ мои, да и ваю Богъ ублажитъ и длъголтѣна явить и сътворитъ.

Убогихъ посѣштяйта, вдовицѣ заштиштайта, немощныя милуйта и осужаемыя бес правды изымѣта, миръ имѣта съ вѣсми.

Паче же вѣсѣхъ, иже въ пустыни и въ печерахъ, и въ пропастьхъ земляныхъ добро творита.

Поминайта монастыря, чьрноризьцѣ стыдитася и чьтѣта и милосрьдуйта.

Матери же ваю чьсть отъдайта, и все добро сътворита ей, да Господа узьрита радуошта ся, и о томъ веселита ся въ вѣкы.

Все, елико имата златѣмъ и сребрѣмъ и ризами, неимуштиимъ подайта, и въ работѣ суштяя, акы своя чяда лубита, и уныя милуйта, и старыя свободы съподобита, пишу имъ до съмръти дающа, и съпроста реку: еже мя видѣста творяшта — и вы творита, да спасета ся и съподобита ся святыихъ.

Матере не забывайта, волу ея творита и послушайта съ страхѣмъ Господьнѣмъ.

Вѣдѣ бо, яко дѣло Господьне дѣлаета, заповѣди Господьня хранита, и Богъ мира сего буди съ вама. Аминь.

{...}

С царями и патриархами, с пророками и апостолами, с мучениками и со всеми, им угодившими, — с ними постараемся мы обрести Христа Иисуса Господа нашего, которому слава ныне и присно и во веки веков.

Из Ксенофонта, который сказал двум сыновьям своим

Я, чада, вам говорю, кончая жизнь человеческую. Оба вы знаете, что прожил я жизнь нелукаво, всеми почтен и всеми любим не ради сана высокого, но из-за хорошего нрава.

Не укорил никого, не навредил никому, никого не оклеветал и никому не завидовал я.

Ни на кого не разгневался — ни на малого, ни на великого.

Службы церковной не пропускал: ни вечерни, ни заутрени, ни литургии.

Не отвергал я нищих, не оставил странников, заботился всегда о печалующихся и тех, кто сидит в темницах, все нужное им доставляя, а тех, кто в плену, — избавлял.

Не помыслил я на красоту чужую, не познал другой женщины, кроме матери вашей, да и ту, пока родила она вас, а потом уж ее не познал я, но советовались мы с ней обо всем с чистой совестью телесно и по Господней мудрости в чистоте соблюдались согласно православной вере; так поступал я до смертного часа.

Так живите и вы, мои чада, тогда и вас наградит Господь и даст вам долгую жизнь.

Посещайте бедных, вдовиц защищайте, немощных милуйте и осужденных невинно освободите, живите со всеми в мире.

Но больше всего — с теми, кто в пустыни и в пещерах, и в ущельях земных — творите добро им.

Помните о монастырях, слушайтесь и почитайте черноризцев, милость им даруя.

Мать свою почитайте и поступайте по-доброму с ней, тогда узрите Господа в радости и возвеселитесь о том во веки.

Все, что имеете в золоте, серебром и одеждами, отдайте неимущим, и тех, кто в рабстве, как детей своих возлюбите — и юных помилуйте, старых — освободите, пищу до смерти давая им, да просто скажу: видели вы, как я поступал, то делайте также и вы — и спасетесь и уподобитесь святым.

Матери — не забывайте, волю ее исполняйте, ей повинуйтесь в страхе Господнем.

Знаю я, что Господни заповеди исполняете, совершая его дело, и пусть будет с вами Бог мира сего. Аминь.

<...>

О милостивѣмъ Созоменѣ и о томъ, како даяй нищему 100-рицею приеме

Бѣ нѣкыи чловѣкъ, живыи въ Иерусалимѣ, Созоменѣ именѣмъ. Тѣ идый единою сквозѣ градъ, узрѣ нища, нага и печальна; и съвлѣкъ ся, дасть ему одежду свою и иде въ домъ свой. И днь прѣклонилъ ся бѣ на отвѣчере.

И легъ; мало уснувъ, видѣ въ снѣ, яко обрѣте ся въ дворьци прѣчюднѣ, и въ немъ бѣше свѣтъ безмѣрный чистъ и цвѣтове мѣнози различьни, и садове вѣсяци.

И видѣхъ же ины ограды, яже бѣаху обрасли отъ горы до долу плоды, добровонными и красными, и вѣтвие прѣклонило ся бѣ до земля, другъ друга добрѣ.

Пѣтица же многообразны сѣдяху върху ихъ, пѣснь поюштя сладку, друга къ друзѣ прикланяюшти ся, млѣчяния не имуште.

Яко же гласу слышяну быти отъ земля до небесе, садове же колѣбааху ся, стояште въ славѣ велицѣ, источьници же течааху, яко и дуга въ красу стояшти.

Си же ему видяшту: приде къ нему нѣкый уношя, краснѣ зѣло, и глагола ему: «Поиде вѣслѣдъ мене». Онъ же иде вѣслѣдъ его, и придосте къ стоборию, золотѣмъ покрѣвену, и полаты зѣло славны и красны. И зряшту Созомену тамо, и се изидошя ис полатъ тѣхъ мужи крилати, свѣтяште ся, яко и сѣльце, носяште ларѣ 4-ри, о коемъждо лари служяште 4.

Егда же прѣчюдныя ты двѣри миновааху анѣгели, разумѣ Созоменѣ, яко къ нему бѣаху идуште, и егда придоша къ стоборию оному и противу Созомену стащя.

Снѣмъше же ларѣ съ шии своихъ и поставльше ѣ, жѣдааху нѣкоего вельможѣ прити къ нимѣ. И видѣ Созоменѣ: и се мужъ, краснѣ зѣло и доброобразнѣ вельми, излѣзъ ис полатѣхъ, прииде къ ангеломѣ, носяштиимѣ ларѣ, и глагола имѣ:

«Открыте ларѣ и покажѣте я чловѣку оному, чѣто ему хранятъ свитѣ за едину свиту, зане помилова нагааго онѣсицю».

И ту абие отъкрышя единѣ отъ златыхъ онѣхъ ларевѣ, и начашя искладати — срачицѣ и свиты цѣсарьскыя; и оскрилы красны и различьны видѣниимѣ, и простираху прѣдъ нимѣ, глаголуште: «Воле, господи Созомени, угодна ли ти суть прѣдъ очима?»

Онъ же глаголаше: «Нѣсмѣ достоиннѣ на стѣнѣ свитѣ сихъ зрѣти!» Кажюштемѣ же имѣ свѣтлыя и пѣстрыя и златыя ризы, и възиде число ихъ до тысяштя.

Егдаже показашя ему, еже глаголетъ, «100-рицею приметъ и животь вѣчнѣй наслѣдуетъ — за едину свиту», глагола ему ангель: «Тебѣ глаголю, Созомене, се колико ти уготовахъ благыхъ за едину свиту, еже видѣ мя нага и умилосрѣди ся и облѣче мя — иди убо и твори такожде, и въздасть ти ся 100-рицею!»

О милостивом Созомене и о том, как подающий нищему сторицею получил

Жил в Иерусалиме один человек по имени Созомен. Однажды шел он по городу и увидел нищего, нагого и печального; сняв с себя, отдал ему одежду свою и пошел в дом свой. А день склонялся уже к вечеру.

И лег; немного поспав, увидел во сне, что находится в прекрасном дворце, а в нем ослепительно яркий свет и много различных цветов, и растения всякие.

И тут же увидел другие сады, поросшие сверху донизу плодами, благовонными и прекрасными, а ветви склонились до земли, одна прекрасней другой.

И самые разные птицы сидели на их вершинах, распевая сладостную песню, друг друга к себе призывая в неумолчном пении.

Так что слышался голос от земли до небес, и колыхались деревья, стоящие в славе великой, и протекали источники, и радуга поднималась во всей красе.

И вот он видит: подошел к нему юноша некий, прекрасный, и сказал ему: «Ступай за мною». И пошел он вослед ему, и вошли они оба в колонный зал, весь покрытый золотом, с прекрасными в нем палатами славными. И пока озирался там Созомен, выступили вдруг из палат тех мужи крылатые, солнцем блистающие, неся четыре ларца, и у каждого ларца их четверо.

Когда же пречудные эти двери уже миновали ангелы, постиг Созомен, что это к нему они приближаются, ибо уже вошли в колонны зала и стали напротив Созомена.

И, опустив с плеч ларцы и поставив их, стали ждать кого-то, видимо старшего, кто должен еще прийти. И увидел Созомен: вот муж, прекрасный и в светлом образе, вышел из тех же палат, подошел к ангелам, подносившим ларцы, и сказал им:

«Откройте ларцы, покажите их человеку тому, какие для него хранятся одежды — за одну ту одежду, которою одарил он нагого».

И тотчас открыли один из этих ларцев золотых, и стали выкладывать — сорочки и одежды царские, и прекрасные длинные одежды, различные видом, и расстилали пред ним, говоря: «Вот господин Созомен, нравится ли тебе все то, что перед твоими глазами?»

Он отвечал: «Недостойн я и на тень от одежд этих глядеть!» Показали ему и белые, и цветные, и золотые ризы, и дошло их число до тысячи.

И когда показали ему, согласно сказанному «Сторицею получит и вечную жизнь наследует за единую одежду», — сказал ему ангел: «Тебе говорю, Созомен. Смотри, сколько я приготовил тебе за единую свитку твою, за то, что увидел меня нагого, и пожалел, и меня одел — иди, и поступай так, и воздастся тебе сторицею!»

Се слышавъ, Созомень глагола ему, страхъмь одържимь и радостью, глагола ему: «Да тако ли есть, иже милостыню творять убогимъ?» — И глагола ему: «Ей! всякъ бо, облачаяй убогааго, Христа облачить, и всякъ съвлачая, Христа съвлачить. Или: накърмляя, Христа накърмить и приметь.

Се же ти заповѣдаю: не раскай ся николиже о милостыни, ни поноси ништу, яко далъ ему еси чъто, еда въ мзды мѣсто сугубу тѣштету въсприимеши, всякъ бо даей милостыню и раскаявъ ся и поносивъ, мзду си погубить».

И се слышавъ, Созомень въспрянувъ и дивляше ся, чюдя ся видѣнию и помышляше, глаголя: «Аште си тако, то и другую дамъ свиту нищимъ». И въ другую ночь видѣ тѣ же снѣ.

И бысть милостивъ зѣло на убогия, яко слышати всѣмъ концемъ земля милостивое его житие и штедроты, яже на всякомъ чловѣцѣ, и бысть угоднѣ Богу и чловѣкомъ.

Иже всхочеть самовольствѣмъ и льготою бес труда спасти душу свою — милостынею можеть спасти ю, милуяй бо ништа, Богу въ заимъ даеть, и сѣяй съ благословениемъ и съ благословениемъ и пожьнетъ жизнь вѣчную.

Якоже самъ Господь въ Еуангелии глаголетъ: «Блаженни милостивии, яко ти помиловани будутъ». Богу же нашему слава и ныня.

Кончяшя ся книги сия рукою грѣшнааго Иоана; избѣрано изъ мнѡгъ книгъ княжихъ. Идеже криво, братие, исправивъше чѣтѣте: благословите, а не кльнѣте. Аминь.

Кончяхъ книжки сия въ лѣтъ 6584 лѣто при Святославѣ князи Руськой земля. Аминь.

Слышав это, сказал Созомен ему в страхе, радостью одержимый: «Да так ли бывает тем, кто милостыню подает убогим?» — И ответил ему: «Ей! ибо всякий, одевший убогого, Христа облачит, и всякий, его раздевший, с Христа совлечет. Или: его накормивший, Христа накормит и примет.

И вот тебе заповедаю: никогда не жалея о милостыне, нищего не порицай за то, что ты дал ему, иначе вместо награды сугубый убыток потерпишь, ибо всякий, подавший милостыню и о ней пожалевший, награды лишится».

Услышав все это, Созомен очнулся и, удивляясь чудесному видению, размышлял, говоря: «Если так это, то и вторую отдам я одежду нищим». И на другую ночь видел от тот же сон.

И был он очень добр к нищим, так что прослышали все края земли о милостивом его житии и щедрости ко всякому человеку, и был он угоден Богу и людям.

Кто пожелает добровольно и с легкостью без труда спасти свою душу — милостынею может ее спасти, ибо тот, кто о нищих заботится, Богу взаимы дает, и сеющий с благословением — с благословением и пожнет вечную жизнь.

Как сам Господь говорит в Евангелии: «Блаженны милостивые, ибо помилованы будут». Богу нашему слава, и ныне.

Закончены книги эти рукою грешного Иоанна; избранные из многих книг княжеских. А где ошибки, братья, там, исправив, читайте: благословите, а не кляните. Аминь.

Кончил я книжки эти в лето 1076-е при Святославе, князе Русской земли. Аминь.

СЛУЖБА ВОЗДВИЖЕНЬЮ КРЕСТА КОСЬМЫ МАЮМСКОГО

МЕСЯЦЯ ТОГО ЖЕ ВЪ 14 ВЪЗДВИЖЕНИЕ ЧЪСТНААГО КРЪСТА

Тропарь гласа 2. Живящий крестъ твояе благости, егоже дарова намъ недостойнымъ, Господи, тебе приносимъ въ молитву. Спасай князя* и люди молящая тя, Богородица ради, едине Человеколюбче.

Съдаленъ гласа 6. Днесъ пророческое събысться слово, се бо покланяемъся на мѣстѣ, идеже стоясте нозѣ твои, Господи. И древо спасения примѣши, грѣховныхъ страсти свободу уллучихомъ молитвами Богородица, едине Человеколюбче.

Крестъ твой, Господи, освятися, тѣмъ бо бывають цѣления болящимъ грѣхы, темъ припадаемъ ти, помилуй насъ.

Тѣмко въдружися древо крѣста твоего, основания подвизашася смърти, Господи. Егоже пожре, любя адъ, отпусти трепѣща. Показа намъ спасение твое, святыи. Славословимъ тя, Сыне Божий, помилуй насъ.

Спасение съдѣя посредеъ земля, Христе Боже, на крѣстѣ пречистѣи руцѣ свои простѣрь, събирая вся языки, въпѣюща: «Господи, слава тебе!»

Кондак гласа 4, самогласен. Възнесыйся на крѣстъ волею, тѣзнууму и нынѣ граду твоему* щедроты твоя подаждь, Христе Боже. Възвеси силою своею вѣрнаго князя нашего, побѣду дая ему на супостаты, пособие имуща твое оружие — мира непобѣдиму побѣду.

Икос, подобен. Иже по третѣмъ небесе възсхыщенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченныя Божия,* ихъже не лѣтъ языки глаголати, чѣто къ галатомъ пишеть яко рачителемъ? Писание почтѣтосте и разумѣстѣ. «Мънѣ, — рече, — хвалитися да не будѣтъ, тѣмко еже о единомъ крѣсте Господни»,* на немъже страдавъ, уби страсти. Того убо и мы извѣстно държимъ, крѣста Господня, похвалу въсѣхъ, есть бо намъ спасное се древо.

СЛУЖБА ВОЗДВИЖЕНЬЮ КРЕСТА КОСЬМЫ МАЮМСКОГО

ТОГО ЖЕ МЕСЯЦА В ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОЗДВИЖЕНИЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА

Тропарь второго гласа. Животворящий крест твоей благодати, который ты даровал нам недостойным, Господи, тебе приносим как молитву. Спасай князя и людей, молящихся тебе, ради Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Седален гласа шестого. Сегодня сбылось пророческое слово, ибо вот мы поклоняемся на месте, где стояли твои ноги, Господи. И приняв древо Спасения, получили мы свободу от греховных страстей молитвами Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Крест твой, Господи, освятился, ибо от него бывают исцеления болеющих грехами, с ним к тебе припадаем, помилуй нас!

Только водружено было древо креста твоего, сдвинулись основания смерти, Господи. Кого ад поглотил с жадностью, того отпустил, трепеща. Ты показал нам спасение твое, Святой. Славословим тебя, Сын Божий, помилуй нас.

Соделав спасение посреди земли, Христе Боже, ты простер на кресте свои пречистые руки, собирая все народы, вопиющие: «Господи, слава тебе!».

Кондак четвертого гласа, самогласен. Вознесшийся на крест добровольно, тезоименитому ныне граду твоему щедроты твои подай, Христе Боже. Возвесели силою своею верного князя нашего, даруя ему победу на супостатов, ибо помощь твоя ему — оружие мира — непобедимая победа.

Икос, подобен. Кто вознесен был до третьего неба, а потом в рай, и слышал неизреченные божественные глаголы, которые нельзя высказать языком, что пишет к возлюбленным галатам? Прочли вы писание и поняли: «Я не буду, — сказал он, — хвалиться ничем, только одним Господним крестом», на котором он, пострадав, убил страдания. Его и мы будем неколебимо держаться, креста Господня, похвалы всех, ибо для нас это древо спасения.

Стихира гласа 6, подобна: Вьсе упование. Моиси прообразуя, руць въздѣвъ на высоту и побѣжая Амалика мучителя кръстьмь чьстьнымь.* Ть бо вѣрнымь хвала, мученикомь крѣпость, апостоломь украшение, правьднимь възбраньникь, всемь преподобнымь спасение. Темьже ѥ въздвижемь видящи, вся тварь веселиться и празднуеть, славящи Христа, тьмь бо растоящая събравшааго и оть коньць благодатью.

Кръсть, въздвизаемь на немь възнесенуму, страсть пречистую пѣти повелѣваеть твари всея, на томь бо убивь нас убившааго, и умьрщвении вьставихомься. И удобри, и на небесьхь жити сподоби, яко милосърдь, премьножьствьмь благности. Тьмь радующеса, възнесьмь имя его и того възвеличимь великое съшствие.

Кръсте преславный! Тя хвалять чинове англъсци, вьпьюще, дньсь възносима Божиемь велѣниемь. Возносиши бо вся ядью оступльша и вь смьрть вьпадъшася.* Тьмьже тя сьрдьци и устьями вѣрнии лобызаемь, съвящение приемлюще: «Вознесите, — вьпьюще, — Христа, прѣблагаго Господа, и тому кланяйтеся — Божию подьножию!»

Ина стихира, глас 8, подобен: О преславное чудо. О преславное чудо! Животворяй садь, кръсть пресвятый, на высоту въздвижемь, является дньсь. Славословестяеть ѥ вси коньци земля. Прогоними же бывають вси дѣмони. О, Божие дарование землянымь даровася! Имьже, Христе, спаси душа наша, яко милостивь.

О преславное чудо! Широта кръста и дьлгота небесьмь равна естъ. И Божиею благодатью свящаеть коньца земли. Симь бо язьци варварьсци побѣждени бывають, симь бо вѣра утвържеться и Божия лествица, еуже възходимь на небеса, възносяще пѣсньми Христа Бога.

О преславное чудо! Гьрзнъ испьлнь живота, понесый Вышняго, оть земля възимася, — кръсть въздвизаеться дньсь, имьже къ Богу приведѣни быхомь вси и пожьрта бысть до коньца смьрть. О древо чистое, имьже възприяхомь вь Едемѣ бесьмьртную пищу, Христа славяще.

По прокимне глас 8, самогласен. Егоже древле Моиси, прообразивь собою, Амалика, низьложивь, побѣди,* и Давидь пѣвць подножью твоему, вьпя, кланяются повѣлѣвааше.* чьстьному кресту твоему, Христе Боже, дньсь грѣшнии кланяемься. Устьями недостойнами, тя, извольшааго пригвоздितися на немь, и, възпоуще, молимь ти ся: Господи, съ разбойникьмь царьствию твоему сподоби насъ.*

Стих. Вознесите Господа Бога нашего. Глас пророка твоего Мосеа, Боже, испьлнися, глаголющий: «Узьрите животь нашъ, висящъ прямо очима вашима».* Дньсь кръсть въздвизаеться и мирь оть льсти свободися. Дньсь Христово възкрсение обнавляеться и коньци земля радуються, вь

Стихира шестого гласа, подобна: Все упование. Моисей прообразуя (крест), воздел руки на высоту и победил Амалика мучителя (образом) честного креста. Ибо крест верным похвала, мученикам крепость, апостолам украшение, праведным защитник, всем преподобным спасение. Поэтому, видя его воздвигаемым, вся тварь веселится и празднует, славя Христа, благодатью (креста) собравшего рассеянных со (всех) концов (земли).

Крест, воздвигаемый вознесенному на нем, повелевает всей твари воспеть пречистую страсть, ибо на нем убил он убившего нас, и, умерщвленные, мы восстали. И ублаготворил нас премножеством благодсти и сподобил жить на небесах, ибо он милосерд. Поэтому вознесем имя его, радуясь, и возвеличим его великое сошествие.

О преславный крест! Тебя, ныне воздвигаемый по божественному велению, хвалят ангельские чины, вопия. Ибо ты возносишь всех, отступивших через греховное ядение и впавших в смерть. Поэтому мы, верные, лобызаем тебя сердцами и устами, принимая освящение и вопия: «Вознесите Христа, преблагого Господа, и поклоняйтесь (Кресту) — Божию подножию!»

Ина стихира, глас восьмой, подобен: О преславное чудо. О преславное чудо! Животворящий сад, пресвятой крест, воздвигаемый на высоту, является ныне. Славословят его все концы земли. Изгоняются все демоны. О Божие дарование, дарованное земным! Им, Христос, спаси души наши, ибо ты милостив.

О преславное чудо! Широта креста и долгота равна небесам. И Божественную благодать освящаются концы земли. Ибо им побеждаются варварские народы, ибо им утверждается вера — божественная лестница, по которой восходим на небеса, вознося в песнях Христа Бога.

О преславное чудо! Гроздь, исполненная жизни, подынявшая Всевышнего, взимается с земли — воздвигается ныне крест, которым мы все были приведены к Богу и которым была пожрана окончательно смерть. О древо чистое, чрез которое мы восприняли в Эдеме бессмертную пищу, славя Христа.

По прокимне, глас восьмой, самогласен. Тому, которого древле Моисей прообразил собой и победил, низложив, Амалика, и подножию которого Давид-певец повелел поклоняться, мы, грешные, поклоняемся ныне, Христе Боже, честному кресту твоему. Воспевая недостойными устами тебя, изволившего пригвоздиться на нем, молимся тебе: Господи, с разбойником царствия твоего сподоби нас.

Стих. Вознесите Господа Бога нашего. Слово пророка твоего Моисея исполнилось, Боже, возвещавшее: «Увидите жизнь нашу, висящую перед глазами вашими». Ныне крест воздвигается и мир от лжи освобожден. Ныне Христово воскресение обновляется и концы земли радуются, принося

бубнѣхъ давидьскы пѣснь ти приносяща и глаголюща: съдѣлалъ еси спасение посрѣдъ земля,* Христе Боже, распятие и въскрсение, имже насъ спасе, благый Человеколюбче, всесильне Господи, слава тебе.

Стихира. Възнесыйся на небеса. На «слава и на ныне», глас 6. Четвероконьчный миръ дньсь освящается, четвероконьчну възвышаему твоему кресту, Христе Боже нашъ. И рогъ вѣрнааго съвъзвышается князя нашего, на томъ вражнемъ съкрушенъмъ рогъмъ. Велий еси, Господи, и дивнъ въ дѣлѣхъ твоихъ, слава тобѣ.

Заутреня

На стих(овне), глас 8. Възнесея на крестъ, Христе Боже, и спасе человеческий родъ. Славимъ страсти твоя.

Иже въ Едеме раи древле древо сънѣдное прозяблъ есть посрѣдъ садовия,* църкы же твоя, Христе, крестъ твои процвѣтъ, источьшаго всему миру жизнь. Нъ ово умъртви сънѣдью ядыша Адама,* ово же животь сътвори вѣрою спасьшася разбойника, егоже отъданю причастьники яви ны, Христе Боже, страстью своею разреши иже на насъ гневъ вражий и съподоби ны църствию твоему, Господи.

Мосеова палица чьстыныи крестъ твои пробразоваше, Спасе нашъ, тѣмъ бо спасаеши яко из глубины морьскыя люди своя,* Человеколюбче.

Глас 6. Крестъ Христовъ! Крестьяномъ упование, заблужьшиимъ наставниче, тружajúщимся тишина, на бранѣхъ побѣда, вселенѣй утврѣжение, недужнымъ врачу, мъртвымъ въскрсение, помилуй насъ!

Канон кресту. Глас 8

Пѣснь 1

Крестъ начъртавъ, Моиси въпрямъ жьзльмъ Чьрмьное пресѣче, Израилю проходящю; то же, обращъ на фараона съ колесницами, ударъ съвъкупи, въпреки написавъ* непобѣдимо оружие. Тѣмъ Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Образъ древле Моиси пречистыя страсти на сѣбе прообразова, священою середѣ стоя, крестъ же въображся простертама побѣду дланьма въздвиже, държаву погубивъ Амалика* всегубителя. Тѣмъ Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Горъ въздвиже Моиси на копие ицѣление, тьятворения избавление и ядовитааго уядения. И древу образьмъ креста пресмыкаема по земли змия привяза* лукавное, о семь обличивъ вредъ.* Тѣмъ Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Показа небо крестьную побѣду благочьстыя държателю и цсарю богомудру,* на немже врагъ противьныхъ разори шатание. Льсть превратися и

тебе песнь с бубнами, подобно Давиду, и говоря: совершил ты спасение посреди земли, Христе Боже, — распятие и воскресение, которым ты спас нас, благой Человеколюбец, всеильный Господь, слава тебе!

Стихира. Вознесшийся на небеса. На «Слава и ныне», глас шестой. Четвероконачный мир ныне освящается, когда возносится твой четвероконачный крест, Христе Боже наш. И рог верного князя нашего совозвышается, когда на нем сокрушены рога вражии. Велик ты, Господи, и дивен в делах твоих, слава тебе!

Заутреня

На стиховне, глас восьмой. Вознесся ты на крест, Христе Боже, и спас человеческий род. Славим страдания твои.

Как прежде в райском Эдеме произросло дерево плодовое посреди растений, так церковь твоя, Христе, дала цвет кресту, источающему всему миру жизнь. Но то умертвило вкусившего Адама, это же оживотворило спасшегося верою разбойника, к награде которого сопричти нас, Христе Боже, страданием своим освободи нас от гнева вражьего и сподоби нас царствия твоего, Господи.

Жезл Моисея прообразовал крест твой, Спаситель наш, ибо им спасаешь словно из глубины морской народ свой, Человеколюбец.

Глас шестой. О крест Христов! Упование христиан, наставник заблудших, покой труждающихся, победа в сражениях, укрепление вселенной, врач болящих, воскресение мертвых, помилуй нас!

Канон кресту. Глас восьмой
Песнь первая

Крест начертал жезлом напрямую, Моисей рассек Красное (море), так что прошел Израиль; и его же, обратив на фараона с колесницами, соединил, ударив, наоборот написав непобедимое оружие. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Образ пречистого страдания явил собою прежде Моисей, стоя между двух священников, простертыми руками изображая крест, погубив державу Амалика всегубителя. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Ввысь поднял Моисей на копье исцеление, избавление от тления и ядовитого укуса. И к древу, образу креста, привязал ложь пресмыкающегося по земле змея, обличив тем зло. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо он прославился.

Показало небо владыке благочестия и богомудрому царю победу креста, и им разрушил он мятежи сопротивляющихся врагов. Ложь прекратилась и

вѣра простѣрся на земли коньцемъ божьствѣна. Тѣмъ Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Пѣснь 3

Жьзль въ образѣ таинѣ приемлеться, прозябениемъ бо расуди иерея.* Неплодящи же прежде църквь ныне процвѣте дрѣво крѣста въ държаву и утврѣженіе.

Яко испусти ударямъ воду камень* противнымъ людѣмъ и жестосрѣдымъ, богозванѣй църквѣ проявляше тайну, ейже крѣсть държава и утврѣженіе.

Ребромъ пречистымъ копьемъ прободѣномъ, вода съ крѣвию истече,* обнавляючи завѣтъ, и омѣвение грѣху. Вѣрнымъ бо крѣсть похвала и цсаремъ държава и утврѣженіе.

Пѣснь 4

Ирмос. Услышахъ, Господи, сѣмотренія твоего тайство, разумѣхъ дѣла твоя, и прославихъ твое Божьство.

Горькочадѣныя преложи дрѣвѣмъ Моиси воды въ пустыни* дрѣвле, крѣстьмъ на благочѣстие языкъ проявляя преложение.

В глубинѣ погрязшюю сѣкущую въздасть *Иорданѣ* дрѣвѣмъ,* крѣстьмъ и крѣщеніемъ сѣчениемъ льсти знаменавая.

Священно укрѣпляются четверочастѣнии людие преходяще, образѣ свѣдѣтльства скинии крѣстообразными чинѣми проявляяся.*

Дивно простираемъ сълньчныя луча испущааше крѣсть — исповѣдаша небеса славу Бога нашего.

Пѣснь 5

О трѣблаженое древо, на немъже распятыся Христось, Цесарь и Господь, имъже падеся, иже дрѣвѣмъ прельщій, тобою прельщенъ бысть, Христови пригвождшюумуся плѣтью, подающюуму миръ душамъ нашимъ.

Тѣбѣ, препѣтое древо, на немъже распятыся Христось, Едема хранящее, обращающееея оружие, *крѣсте*, устыдѣся, и страшнѣе же херувимъ* оступити, распятому Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Преисподьнихъ силы, противьнии крѣсту, устрашаются начѣртаемааго знаменія на въздусѣ, по немуже ходять. Небесьныхъ, земляныхъ родъ же колѣна кланяются Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Зарями нетѣлеущами явлься Божьствѣнныи крѣсть омраченымъ языкѣмъ грѣхми, въ тѣмѣ льсти сущии Божий свѣтъ облиставъ, въводитъ на немъ распятому Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

вера божественная распространилась до концов земли. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Песнь третья

Жезл принимается в образ тайны, ибо он цветением указал на иерея. Бесплодная же прежде церковь цвет дала ныне древу креста в державу и утверждение.

Как ударяемый камень испустил воду сопротивляющимся и жестокосердым людям, так крест являет тайну богозванной церкви, для которой он — держава и утверждение.

Пречистые ребра пронзены копьем, и вода с кровью истекла в обновление завета и омовение греха. Ибо верным — крест — похвала, а царям — держава и утверждение.

Песнь четвертая

Ирмос. Господи, я внял тайне твоего предначертания, уразумел дела твои и прославил твое Божество.

Горькие от природы воды прежде в пустыне Моисей превратил дровом (в сладкие), прообразуя обращение язычников через крест к благочестию.

Утонувшую в глубине секиру возвратил Иордан, из-за древа, через крест и крещение отсечение лжи знаменую.

Священно укрепляется народ, разделенный на четыре части, образ свидетельства скинии являя крестообразными построениями.

Дивно простершийся крест испускал солнечные лучи — небеса исповедали славу Бога нашего.

Песнь пятая

О трблаженное древо, на котором распялся Христос, Царь и Господь! Тобою прельщен был и пал тот, который прельстил (людей) дровом, когда плотью пригвожден был (на тебе) Христос, подающий мир душам нашим.

Тебя, воспетое древо, на котором распялся Христос, устыдился вращающийся меч, охраняющий Эдем, и в страхе отступил херувим от тебя, когда распят был Христос, подающий мир душам нашим.

Силы преисподней, противные кресту, устрашаются начертаемого в воздухе, где они витают, знамения. Колена же небесных и земных родов кланяются Христу, подающему мир душам нашим.

Как негаснущая заря явился Божественный крест помраченным грехами народам, Божественным светом пребывающих во тьме лжи просветил, приводит к распятому на нем Христу, подающему мир душам нашим.

Пѣснь 6

Водьну звѣри въ утробѣ длани Иона крестообразно распростърь,* спасьную страсть проображаше яснѣ, тѣмь, тридньвнѣ ишѣдъ, премирное въскрсьение прописааше плѣтью пригвождена Христа Бога и тридньвнѣимь въскрсьениемь мира просвъщшааго.

Старостью преклонься и недугьмь отягъченъ, исправися Ияковъ, руце преложь,* дѣйствье являя живодавьца крѣста. Обѣтъшание бо и законьнааго стѣнааго писания понови, писавъ, пригвождийся на немь Христось Богъ и душетленьный недугъ — лсть отъгналь есть.

На уная възложь длани божьствьный Израиль крѣста образно на главу,* являаше, яко старѣйши слава законьнослужбнии людие. Мнѣвъ тѣмьже съпрельститися, не изменова живоносна образа, преминуть бо людие Христа Бога обновлени въпяху, крѣстьмь огражаеми.

Пѣснь 7

Безумьна заповѣдъ мучителя зьлочьстива людьми поколѣба, дышющи прещениемь и злохулениемь богостужьнымь. Обаче три отрокъ не искуси ярость звѣрская, ни огонь сънедаей.* Нѣ дышющу хладьнууму духу, съ огньмь суше пояху: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословень».*

Отъ древа въкушь, пьрвый въ человетецехъ въ тьлѣние въселися,* въпадениемь живота, бещьствемь осужень бывъ, всему роду *тѣлотлѣннѣ** нѣкакъ яко врѣдъ нѣкакъ недуга подалъ есть. Нѣ обрѣтъше, земльнии, възведение, крѣстьноуму древу зовемъ: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословень».

Разруши вельние Бога ослушание, и древо изнесе смьртъ зьмьнымь, еже не благо время преложено. Въ утвьржение зѣло чьстьнууму отьсѣле живоносное дрѣво възбраняеть еже разбойнику нечювьственууму, отьвьрзе благоразумьну,* въпьющю: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословень».

Жьзль ся касаеть краеви Иосифъ,* бывающихъ зьря Израиль цьсарьства дьржавьное, яко прѣспѣеть, преславьный крѣсть проявляя. Съ убо есть цьсаремь побѣдьяная похвала и свѣтъ вѣроу зовущимь: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословень».

Пѣснь 8

Благословите, дѣти, Троици равьночисльнии, Съдѣтеля Отьца Бога, пойте съшѣдшааго Слова, и огонь въ росу претворьшааго,* и превьзнесите вьсемь живота дающааго Духа Пресвьтааго въ вѣкы вься.

Вьздвизаему древу, окроплену кровью въплѣщьюся Слову Божию, пойте, небесьныя силы, земльныхъ вьздвизение! Праздньующе людие, поклонитесь крѣсту Христову, имьже миру въскрсьение въ вѣкы.

Песнь шестая

Внутри утробы морского зверя Иона распростер руки крестообразно, ясно прообразуя спасительное страдание и, выйдя через три дня, явил собою образ надмирного воскресения пригвожденного во плоти Христа Бога, просветившего мир трехдневным воскресением.

Согбенный от старости и отягчаемый недугом, поднялся Иаков, перекрестив возложенные руки, являя действие живоносного креста. Ибо ветхое и подобное тени законное писание обновил Христос Бог, пригвожденный на кресте, и (тем) прогнал растлевающий души недуг — ложь.

Возложив руки крестообразно на юные головы, божественный Израиль явил как старшую славу подвластный закону народ. Подозреваемый в заблуждении, не изменил он образа живоносного (креста), ибо придет обновленный народ, ограждаемый крестом, ко Христу, вопия.

Песнь седьмая

Безумная заповедь злочестивого мучителя, изрыгающая угрозу и хулу богомерзкую, заставляла людей трепетать. Но трех отроков не коснулась ни ярость звериная, ни огонь пожирающий. Когда веял хладный дух, они пели, находясь в огне: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Вкусив от древа, первый человек вселился в тление, осужденный на отпадение от жизни и на позор, всему роду (человеческому) передал он телесное тление как недуг, как заразу. Но с обретением пути ко спасению мы, земнородные, взываем к крестному древу: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Ослушание нарушило Божие веление, и древо, к которому неблаговерменно прикоснулись, принесло смерть земнородным. Отселе живоносное древо возбраняет неблагоприятному разбойнику то, что открыло благо разумному, вопиющему: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Касался края жезла Иосиф, провидел будущее державное царство Израиль, ибо достигнет оно славы, явив преславный крест. Ибо крест есть царям победная похвала и свет с верою взывающим: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Песнь восьмая

Благословите, дети, равночисленные Троице, Творца Отца Бога, воспойте сошедшего (Бога) — Слово, превратившего огонь в росу, и превозносите всем подающего жизнь (Святого) Духа вовеки!

При воздвижении древа, окропленного кровью воплотившегося Слова Божия, воспойте, небесные силы, воздвижение земных! Люди, торжествуя, поклонитесь кресту Христову, (подавшему) воскресение миру навеки!

Земльныя длани, съмотрителе блгодѣти, кръсть, на немже ста Христосъ Богъ, въздвижете святолѣпнѣ и копье, Божия Слова тѣло прободѣшее, да видять языци вси спасение Божие, прославляюще въ вѣки вься.

Божиемъ судъмъ избѣрании, веселитесь, кръстьяньскыи верьнии цьсаре, хвалитесь побѣдоноснымъ оружиемъ, примѣше отъ Бога кръста чьстьнаго, симъ бо колѣна, брани дързость поискающе, расыпаются въ вѣки вься.

Пѣснь 9

Тайный си Богородице рай, невъздѣланно вздрастивѣши Христа, имже кръстное живоносное на земли насажено бысть древо. Тѣмъ нынѣ възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Да възрадуются дубравная дресеса вьсячьская, освящышюся еству ихъ, отъ негоже бѣ испърва насажено бысть, Христови распростършюся на дрѣвѣ. Тѣмъ ныне възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Священный вѣста рогъ богомудрымъ главѣ вьсѣмъ кръсть, на немже грешныхъ мыслныхъ сѣтираются рози вьси. Тѣмъ нынѣ възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Сънѣди ради дресяныя роду пребывшия, сѣмърть кръста ради упразнися дньсь, ибо праматере всеродная клятва раздрушися прозябениемъ чистыя Божия Матере, юже вься силы небесныя величаютъ.

Не горестъ дресню* оставль убийственую си кръстемъ до коньца потребиль еси. Тѣмъ и древо услади дресле горестъ, водъ мерьскъ,* проображая кръстную дѣтѣль. Темъ тя с силы небесныя величаемъ.

Непрестанно тружаема мракѣмъ праотѣца, Господи, кръстемъ въздвиже дньсь, яко бо льсти зѣло неудържанно ество прежде сѣведено бысть. *Вьсепричьтено** ны паки исправи свѣтъ кръста твоего, егоже верьнии величаемъ.

Да образъ покажеши мирови покланяемо, Господи, кръста вьсѣхъ, яко славна на небеси, украсиль еси, свѣтомъ неугасаемымъ озаренъ, цесареви оружие непобѣдно. Тѣмъ тя силы небесныя величаютъ.

Хранители благодати, земными руками воздвигните святолепно крест, на котором встал Христос Бог, и копые, пронзившее тело Слова Божия, — да видят все народы, спасение Божие прославляя вовеки!

Избранные Божиими судьбами, веселитесь, христианские верные цари, хвалитесь победоносным оружием, приняв от Бога честной крест, ибо им все племена, ищущие брани, побеждаются навеки.

Песнь девятая

Богородица! Ты есть таинственный райский (сад), невозделанно взрастивший Христа, который насадил на земле живоносное крестное древо. Потому величаем тебя, (Богородица), поклоняясь ныне возносимому кресту.

Да возрадуются все деревья лесные, ибо освятилось естество их от того, кто насадил их, когда распялся на древе Христос. Потому величаем тебя, (Богородица), поклоняясь ныне возносимому (Кресту).

Встал священный рог головы всех богомудрых — Крест, на котором мысленно стираются рога всех грешников. Потому величаем тебя, (Богородица), поклоняясь ныне возносимому (Кресту).

Из-за древесного плода пребывавшая в человеческом роде смерть из-за креста ныне отменена. Ибо проклятие прапаматери всех людей разрушилось (плодом), который произрастила пречистая Божия Матерь, которую все силы небесные величают.

Не оставив древней убийственной горести, крестом ты уничтожил ее до конца. Потому и древо некогда усладило горечь вод Мерры, прообразуя действие креста. Потому тебя с силами небесными величаем.

Непрестанно мучимого мраком праотца (Адама) ты, Господи, воздвиг сегодня крестом, ибо от лжи, прежде бывшей, (человеческое) естество было низведено (в ад). Нас снова всеславно исправил свет креста твоего, который мы, верные, величаем.

Чтобы показал миру образ поклонения, Господи, Ты украсил, озарив светом неугасаемым, славное знамение (креста) на небе, — подавая царю непобедимое оружие. Потому Тебя силы небесные величают.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БАН* — Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука
БЛДР, 1 — XI—XII века. СПб.: Наука, 1997
БЛДР, 4 — XII век. СПб.: Наука, 1997
- ГИМ* — Государственный Исторический музей (Москва)
МГАМИД — Московский государственный архив Министерства иностранных дел
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. XI—XVII века. Двенадцать выпусков. М.: Художественная литература, 1978—1994
- ТОДРЛ* — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

У истоков славянских литератур лежит сочинение, посвященное человеку, чей талант, труд и подвиг сделали возможным само их существование, — обширный текст высоких литературных достоинств и ценнейший исторический источник — Пространное житие Константина (в монашестве Кирилла) Философа. Относительно авторства памятника существуют разноречивые суждения, но среда, в которой он возник (ближайшее окружение первоучителя), и время создания (вскоре после смерти Константина в Риме) не вызывают сомнений.

Жизнеописание создателя славянской письменности в полной мере разделило ее исторические судьбы: гонение в Великой Моравии после смерти архиепископа Мефодия, когда само существование славянской грамоты и славянского богослужения находились под вопросом, триумф в Болгарском государстве Бориса и Симеона и упадок под византийским владычеством, новый бурный расцвет уже на иной территории — в Киевской Руси. Вплоть до Нового времени тема равноправия славянского языка как языка, которым достойно славить Бога, и ортодоксальности славянского православия оставалась актуальной. Первые следы использования Жития Константина в других литературных памятниках прослеживаются с начала XII в. (Повесть

временных лет под 996 г.). Символично, что уже на рубеже Нового времени в России к нему проявляют интерес писатели противоположных литературных направлений: высокоученый воспитанник Киево-Могилянской академии св. Димитрий, митрополит ростовский, создавший к 1700 г. новую редакцию Жития, и основатели знаменитой Выговской пустыни старообрядцы братья Андрей и Симеон Денисовы, включившие традиционный текст памятника в круг обязательного чтения общины (Минеи Четьи 1711 г.). Внимание и уважение к истокам сближало противоположности.

Живое отношение последующих эпох к Житию Константина как к памятнику, вновь и вновь обретающему актуальность, отразилось и в его рукописной традиции. Сохранилось не менее 60 полных списков памятника начала XV—XVIII вв., а число выписок (старшие из которых относятся к XIII в.) просто не поддается учету. Сопутствующие памятнику в рукописях тексты ясно свидетельствуют, что Житие (и выписки из него) воспринимались и использовались многопланово: и как собственно агиографический памятник, и как полемический трактат, источник сведений по истории, философии и грамматике. Большинство сохранившихся списков (свыше 80 %) — восточнославянского происхождения. Однако значение древнерусской традиции Жития не только в их числе: как недавно установил итальянский славист Дж. Дзиффер, *все* дошедшие списки памятника восходят к восточнославянскому протографу домонгольского времени.

Текстологическая история Жития Константина (в отличие от «текста-близнеца» — Жития Мефодия) чрезвычайно сложна, и реконструкция текста, наиболее близкого к оригиналу, вызвала немало научных споров. Из новейших работ на эту тему нужно указать статьи Б. Н. Флори (Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла: Итоги и задачи изучения) // Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986) и Дж. Дзиффера (Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3; La tradizione russa sud-occidentale della Vita Constantini // Studii slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70 compleanno. Udine, 1992).

Общее число работ, посвященных разным аспектам жизни и деятельности Константина Философа и Мефодия (в том числе в немалой степени их житиям), насчитывает несколько тысяч. Сведения о них собраны в четырех больших библиографиях: 1. *Ильинский Г. А.* Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии. София, 1934; 2. *Попруженко М. Г., Романски Ст.* Кирило-Методиевска библиография за 1934—1940 гг. София, 1942; 3. *Можаява И. Е.* Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980; 4. *Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А.* Кирило-Методиевска библиография. 1940—1980. София, 1983.

Текст Жития Константина, начиная с середины прошлого столетия, неоднократно публиковался как по отдельным спискам, так и по целым группам. Лучшим остается издание П. А. Лаврова (Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930). Общим недостатком этих изданий является (как выяснено к настоящему времени) то обстоятельство, что в основу клались списки, отразившие большую редакторскую правку (рукопись Московской духовной академии № 19 — для восточнославянских, списки Владислава Грамматика — для южнославянских).

Обстоятельный научный комментарий памятника с изложением разных точек зрения по спорным вопросам и обширной библиографией принадлежит Б. Н. Флоре (Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарий Б. Н. Флори. М., 1981).¹

Текст Пространного жития Константина-Кирилла Философа издается по древнейшему списку нач. XV в., помещенному в дополнениях к Толковой Палее (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 619. Л. 250об.—267). Список восточнославянский, новгородский по происхождению (в языке постоянно наблюдаются мена Ц и Ч, Ъ и И) и является старшим в группе списков, содержащих текст памятника, наиболее близкий к первоначальному (так называемая группа С или новгород-

¹ Комментарий для наст. издания подготовлен публикаторами Жития Константина-Кирилла по этой монографии Б. Н. Флори и фактически является ее сокращенным вариантом.

ская 2-я) (*Дзиффер Дж.* Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3).

В рукописи из-за утраты двух листов отсутствует текст, повествующий о юности Константина, его учении в Константинополе, прении с патриархом Аннием и начале миссии к сарацинам. Эта утрата восполняется по списку в сборнике второй половины XV в. (*РНБ*, Софийское собр., № 1288/478), принадлежащему к той же группе списков, что и публикуемый Барсовский. Текст Софийского списка приводится по публикации О. М. Бодянского (*Бодянский О. М.* Кирилл и Мефодий: Собрание памятников до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся // *ЧОИДР*. 1863. Кн. 2. С. 39—65).

В рукописи Барс. 619 в тексте Жития Константина видны многочисленные следы работы редактора (или, скорее, корректора), современной списку (или несколько более поздней, но XV в.): восполнены пропуски (отдельные буквы над строкой, слова на полях), отдельные слова и части слов написаны по выскобленному тексту, зачеркнуты замеченные ошибочные написания (все эти исправления и большинство первоначальных написаний хорошо видны в фототипическом издании). Текст издается с учетом этой правки.

В соответствии с членением текста, принятым в древнерусской рукописной традиции (и в частности, в списке *ГИМ*, Барс. 619), текст разбивается на 5 глав-«чтений», а не на 18 глав (такое деление введено исследователями в XIX—XX вв.). Текст чтения 1 полностью соответствует главам I—V, 2 — VI—VII, 3 — VIII—XIII, 4 — XIV—XV, 5 — XVI—XVIII.

Стр. 22. *Богъ милостивъ и щедръ... животу...* — Монтаж цитат из разных библейских книг: *Иоиль*. 2, 13; *Тим.* 2, 4; *Иез.* 33, 11.

Овча моя ... вѣчныи. — *Иоан.* 10, 27.

Подобни ми бываите ... Христу. — *1 Кор.* 11, 1.

Солунь (Селунь) — Фессалоника, современные Салоники — город на северном побережье Эгейского моря, в IX в. один из главных городов Византийской империи.

Другарескъ — друнгарий, командир «друнги», в иерархии военных властей фемы (военно-административного округа в Византии IX—X вв.) занимал следующее место: стратиг — турмарх — друнгарий — комит.

Стратиг — глава фемы.

Иов — библейский праведник (книга Иова).

...семь отрокъ... — Неоднократное упоминание числа 7 или кратных ему для определения событий в жизни героя или его родителей заставляет подозревать, что это не столько реальные даты, сколько стремление агиографа использовать для измерения священное число. Можно отметить и другие характерные для агиографии мотивы: отказ младенца от молока кормилицы, отказ родителей после его рождения от плотских сношений.

Егда же роди и мати... — По свидетельству Жития Константин скончался 14 февраля 6377 г. (т. е. 869 г. по сентябрьскому стилю, принятому в Византии, или 870 г. — по мартовскому, который мог применяться в Великой Моравии), 42 лет от роду. В соответствии с этим его рождение следует относить либо к концу 826—началу 827 г., либо к концу 827—началу 828 г. В памятнике церковного происхождения, принадлежащем к византийскому культурному миру, логичнее ожидать первый вариант.

Стр. 24. *...отца и устроителя...крѣстьяны.* — Имеется в виду византийский император, считавшийся главой всех христиан на земле.

... видѣ сонъ... — Рассказ о чудесном сне сложился под влиянием сочинений знаменитого церковного деятеля, теолога и писателя IV в. Григория Назианзина. В Житии сон Константина приспособлен к условиям жизни IX в., когда был распространен выбор невесты для императора или наследника из числа собранных в столицу красавиц.

Сыну, храни законъ... матери своея. — *Притч.* 6, 20.

Свѣтилникъ бо ... и свѣтъ. — *Притч.* 6, 23.

Рчи же ... створи. — *Притч.* 7, 4.

Сияеть бо ... избавишися ею. — Ср. Прем. 7, 29; 8, 2; 10, 9.

Плакида — Евстафий Плакида — римский военачальник; согласно его житию, обратился в христианство, увидев во время охоты оленя с крестом между рогами (Житие Плакиды см. БЛДР, 3).

Григорий Феолог — Григорий Богослов (Назианзин).

О Григорие... и учитель. — Данный текст — попытка стихотворного перевода с греческого языка молитвы Константина.

Стр. 24—26. *Вшед же въ многи ... сердца своего.* — Эпизод свидетельствует о том, что в провинции в IX в. можно было получить лишь начальное образование.

Стр. 26. *Логофет* — с VII в. глава важнейших центральных ведомств Византии, здесь — логофет Феоктист, первый министр при дворе императрицы Феодоры и ее малолетнего сына Михаила III в 40-х—начале 50-х гг. IX в.

...да ся бы съ царемъ училь. — Данное свидетельство маловероятно, так как Михаил III был значительно моложе Константина.

Боже отець наших... премудрость... — Прем. 9, 1—2, 4.

...да разумѣвъ... спасуся. — Ср. Прем. 9, 10, 19.

Азъ бо есмь ... твоя. — Ср. Пс. 115, 7; Прем. 9, 5.

Царьград — Константинополь, столица Византийской империи.

Лев — Лев Математик — ученый IX в., возобновивший занятия точными науками и изучение античных текстов; позднее — глава государственного училища, созданного дядей императора Михаила III Вардой.

Фотий — филолог, знаток древних авторов, теолог; в 40—50-х гг. крупный государственный чиновник, с 858 г. — патриарх Константинопольский.

Научи же ся Омиру ... художствомъ. — Перечень наук традиционен и соответствует курсу организованного позднее Константинопольского университета. Упоминание на первом месте не связанных между собой Гомера и геометрии, возможно, объясняется тем, что этим наукам Константин учился у Льва, а остальным — у Фотия.

Скорость бо ся ... съ Богомъ жити. — Мозаика фрагментов из Похвального слова Василию Великому Григория Богослова.

Княжение — термин для обозначения архонтии, территории, населенной славянами, во главе которой ставился вместо местного князя чиновник.

...прадѣяна чести... искати. — Прадедом назван Адам, отыскать его честь и богатство — достичь совершенства, которым отличался праотец до грехопадения. Отрывок следует трактовать как отказ от светской карьеры и желание стать монахом.

Царица — Феодора, вдова императора Феофила (829—842), мать Михаила III (842—867), после смерти мужа и до 850 г. — правительница.

Стр. 28. *...книгчи...* — Вероятно, имеется в виду библиофилак — библиотекарь, поскольку Константин как молодой клирик, не имевший опыта работы в администрации, не мог сразу стать хартофилаксом — главой патриаршей канцелярии и архива, а должен был получить более скромную должность. Так как все известные хартофилакссы были дьяконами, Константин не мог получить сан выше, и сообщение о посвящении его сразу в священники — неточно. В украинско-белорусских списках Жития, обладающих рядом текстологических особенностей, должность Константина обозначена как «сосудохранитель», т. е. скевофилак — хранитель патриарших облачений.

...патриарх... — Вероятно, имеется в виду патриарх Игнатий (847—858).

Святая София — собор в Константинополе, при котором находились патриаршая библиотека и архив.

Узкое море — пролив Босфор.

Умолиша же ... ся ятъ. — Возможно, речь идет о назначении Константина преподавателем Константинопольского университета.

Анний патриарх — Иоанн Грамматик, патриарх Константинопольский (837—842), глава партии иконоборцев. Анний — презрительная кличка, данная ему его противниками. Рассказ о

диспуте вызывает сомнения исследователей, так как подобные рассказы известны и в житиях других святых того же времени.

Патрикий — один из высших византийских почетных титулов.

Не сътвориши всякого подобиа. — Ср. Исход 20, 4 в Острожской Библии.

Не сътвориши ... подобиа. — Ср. Исход 20, 4; Вт. 5, 8.

Стр. 30. Чтение второе. — Следующий далее рассказ о посольстве к арабам неоднократно вызывал сомнения, так как такое посольство не упоминается в других источниках. Однако некоторые детали свидетельствуют о том, что это посольство имело место.

Давида... с тремя каменми... — См. 1 Царств. 17, 40. В Библии говорится о пяти камнях. Здесь отразился след глаголического оригинала: в глаголице В (3) и Д (5) имеют очень близкое начертание.

Асикрет Георгий — византийский дипломат, ведший переговоры с арабами. Полагают, что именно он стоял во главе посольства, участником которого и был Константин.

...образи дѣмонскы ... ругающеся. — По эдикту халифа Мутаваккиля (на престоле с 847 г.), преследовавшего христиан, предписывалось изображать дьявола на дверях их домов.

Род его ... животь его. — Деян. 8, 33; ср. Ис. 53, 8.

Стр. 32. Послахожь духъ... о Троици. — Коран 19, 7. Ссылка на эту суру — обычный аргумент в полемике с мусульманами византийских теологов.

Молити за врагы... гонящимъ. — Ср. Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

Молите за обидящая. — Мф. 5, 44; Лк. 6, 28.

Больша сея любвьи... за други. — Ср. Иоан. 15, 13.

Христось есть дань даяль... — Утверждение неточно: Иисус Христос только не отрицал необходимости ее давать (Мф. 22, 17—21; Мр. 12, 14—17).

Стр. 34. Армениино. — Так славянский автор передал греческий вариант титула халифа — «амерумна». Константину, по-видимому, показывали постройки халифа Мутаваккиля в его резиденции Самарре, изумлявшие своей роскошью.

Аще и смертно... не вредить. — Мр. 16, 18.

Единою же на Святыи днь... о всѣх сихъ. — Рассказ этот представляет одно из обычных для агиографии общих мест.

Олимбъ — гора Олимп в Малой Азии на побережье Мраморного моря — один из центров византийского монашества в IX в.

Хазары — союз тюркоязычных племен, главным образом кочевых, создавших на Нижней Волге и в степном Предкавказье государственное образование раннефеодального типа — Хазарский каганат (VII—середина X в.).

...испърва единъ токмо Богъ ... имемъ. — Подавляющее число исследователей считают речь хазарских послов вымыслом агиографа. Судя по арабским и еврейским источникам, каган и хазарская знать приняли иудаизм по крайней мере за несколько десятилетий до путешествия Константина.

Хорсунь — Корсунь, Херсон — город на территории современного Севастополя, центр византийских владений на Крымском полуострове.

Самарянин. — Самаритяне — название этнической и религиозной группы семитского населения.

...книгы самарбискы... — Имеется в виду Пятикнижие, написанное самаритянской азбукой.

Стр. 36. ...русскы писмены... — Это загадочное место в Житии породило огромную литературу, из которой можно выделить следующие основные точки зрения: 1) русские письма — письма древних «русов» (восточных славян), которые затем легли в основу изобретенной Константином азбуки; 2) имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный в IV в. Вульфиллой; 3) имеются в виду «сурские», т. е. сирийские письма. Большинство исследователей в настоящее время придерживаются последней точки зрения.

...яко святыи Климент ... лежить... — Имеются в виду останки похороненного у Херсонеса мученика раннехристианского времени по имени Климент, которого легенда,

возникшая в IV—VI вв., отождествила с Климентом, папой римским, третьим преемником апостола Петра. Место погребения в результате погружения берега к IX в. оказалось на полузатопленном острове.

Архиепископ — Георгий, архиепископ Корсунский.

...якоже пишеть въ обрѣтении его. — Имеется в виду написанное Константином на греческом языке и сохранившееся только в славянском переводе Сказание об обретении мощей св. Климента.

Угры — венгры, кочевавшие в этот период в причерноморских степях.

...кюръ илѣса... — От греч. κυριε ελεησον — «Господи, помилуй».

Меотское озеро — название Азовского моря в античной и византийской литературе.

Капийская врата — обозначение Дербентского прохода в античной и византийской литературе.

Стр. 36—38. *Дѣдъ имѣхъ велии... есмь.* — Аллегория библейского рассказа о грехопадении.

Стр. 38. *Слушаи мене... въ вѣкы.* — Ис. 48, 12.

Въ горѣ каменнии ... наша грѣхы. — Ср. Исход 19, 16; 34, 9; 1 Иоан. 3, 5.

Акюла — Аквила — еврейский ученый II в., переводчик Ветхого Завета на греческий язык. Константин использовал этот перевод, отличающийся от Септуагинты, как доказательство христианского догмата о воплощении Бога в человеческом теле.

Стр. 40. *Се азъ въздвигну ... в того мѣсто.* — Ср. Быт. 9, 9, 2—6.

Даю законъ... и тобою. — Ср. Быт. 17, 13, 2, 4, 7.

Послуши же завѣта сего... Егупетьскы. — Иер. 11, 2—4.

Прѣставляю ... дамъ. — Ср. Иезек. 11, 19; 36, 26.

Явѣ се дньице ... в завѣтъ моему. — Иер. 31, 31—32.

Яко се завѣтъ мой... в люди. — Ср. Иер. 31, 33.

Стр. 40—42. *Тако глаголетъ... и законъ отринуша.* — Иер. 6, 16—19.

Стр. 42. *Нѣсть моя воля... Господь Вседержитель.* — Мал. 1, 10—11.

Аще послушающе... рѣкы Ефранта. — Ср. Вт. 11, 22, 24; Исход 23, 31.

Радуися зѣло ... до конца вселения. — Ср. Зах. 9, 9—10.

Не оскудѣтъ князь... ся щадить. — Ср. Быт. 49, 10.

70 недель... и пророчество. — Ср. Дан. 9, 24—25.

...жельзное царство... — Дан. 2, 40.

Камень ... без рукъ чловечьскъ... — Ср. Дан. 2, 34, 45.

Воздвигнетъ Богъ... въ вѣкы. — Дан. 2, 44.

Стр. 44. *Остависте имя ваше... Богомъ небеснымъ.* — Ис. 65, 15—16.

Се, два... с нами Богъ. — Ис. 7, 14; Мф. 1, 23.

И ты, Вифлеоме... и родити. — Мих. 5, 2—3; Мф. 2, 6.

Въпросите и видите... спасться. — Иер. 30, 6—7.

Преже даже ... роди мужескъ полъ. — Ис. 66, 7.

Благословенъ Господь Богъ Симовъ... — Быт. 9, 26.

Да распространить ... в села Симова. — Быт. 9, 27.

Ибо чловекъ мира... уповахъ. — Ср. Пс. 40, 10.

Се буди ... и мною. — Быт. 17, 2, 7, 10—11.

...утерпль жилу стегна его... — Ср. Быт. 32, 25.

... Израиль... Бога. — Ср. Быт. 32, 28, 30.

Стр. 46. *Образъ ли скнция... изрядныи.* — Ср. Исход 26, 1—37; 36, 8—38.

Первуму завѣту... ся оксквернила. — Ср. Быт. 9, 3; Тит. 1, 15.

Се вся добра зѣло... — Ср. Быт. 1, 31; 2, 9, 16.

Снѣсте бо... възлюбленыи. — Ср. Вт. 32, 15.

Сѣдоша людие ... възсташа играть. — Исход. 32, 6.

А иже хочеть ... словесъ. — Состав сочинений («слов») Константина, не дошедших до нас, не установлен.

Дѣва мальжена ... посла. — Аллегория библейского рассказа о грехопадении первых людей.

... яко от девы ся родилъ... силоу великою. — Ср. Коран 19, 29, 3, 40, 43.

До Христа ... прѣстанеть. — Ср. Дан. 9, 24.

... судиа ветхыи дньми... — Ср. Дан. 7, 9, 22.

Стр. 50. *Иже бо... въ сладъкую.* — Ср. Исход 15, 23—25.

... въ Фульстѣ языцѣ ... — В источниках VIII—IX вв. неоднократно упоминается г. Фуллы, центр особой епархии в Крыму.

Александръ — Здесь не название дерева, а его нарицательное наименование, в переводе с греческого «защитник мужчин».

Стр. 50—52. *Гряди азъ събрати... въ языцѣхъ.* — Ис. 66, 18—19.

Стр. 52. *Азъ послю... изловять вы.* — Ср. Иер. 16, 16.

... девять сотъ и девятеро... и девять лѣт. — Во всех славянских списках срок назван неправильно: хронологические расчеты на основании Летописца патриарха Никифора дают цифру 989.

Ростислав — правитель Великой Моравии, раннефеодального славянского государства.

Дѣдъ мои и отецъ мои ... — дед Михаила III — император Михаил II (820—829), отец — Феофил II (829—842).

... съ Варѣдою, уимъ своимъ... — Варда — дядя Михаила III по матери, его соправитель с титулом «кесаря», фактический глава империи в конце 50-х—начале 60-х гг. IX в.

Стр. 54. *... иже просятъ ... толкущимъ.* — Ср. Мф. 21, 22; 7, 7; Лк. 11, 9.

Испърва бѣ слово... бѣ слово... — Иоан. 1, 1. Эта фраза свидетельствует о том, что первым Константином переведил Евангелие апракос.

Константин — римский император IV в., прекративший преследования христиан, в византийской традиции — образец идеального государя.

И отверзашася ... бысть гугнивимъ. — Ср. Ис. 35, 5; 32, 4.

Но 3 языки есть токмо... и латынски... — Изложенная здесь точка зрения, что воздавать хвалу Богу можно лишь на трех языках, сложилась на латинском Западе начиная с VII в. под влиянием высказываний Исидора Севильского.

...латиньстии и спручьстии архиерви... — архипресвитеры, стоявшие во главе церковных округов Великой Моравии. Чем вызвано их разделение на латинских и франкских («спручьстии») — неясно.

...нарече я триязычники... Господни. — Имеется в виду надпись, сделанная на кресте на трех языках (Лк. 23, 38).

...яко подѣ землею... вельгави... — Имеются в виду антиподы, жители противоположной стороны земли (по учению пифагорейцев). Большая часть церковных авторитетов раннего средневековья отрицательно относилась к этому мнению.

И аще кто... того ради. — Происхождение этого поверья, которое пропагандировало немецкое духовенство, неясно. Возможно, таким путем велась борьба с распространенным у славян почитанием змей.

Аще чьловека... не прикасаеть. — В настоящее время исследователи полагают, что вместо слова «человек» в данной фразе читалось что-то другое. Наиболее вероятно здесь было слово «члкъ», прочитанное затем как «члк» — «человек». В старопольском языке это слово было обозначением пресмыкающихся.

Стр. 56. *Пожри Богови... молитвы твоя.* — Ср. Пс. 49, 14.

Жены же уности... жена завѣта твоего. — Ср. Мал. 2, 15—16, 13—14.

Яко речено...прѣлюбы дѣть. — Мф. 5, 27—28, 32; ср. Мф. 19, 9; Мр. 10, 11—12.

Яже есть Богъ... не различается. — Ср. Мф. 19, 6; Мр. 10, 9.

Четьри же десять мѣсца... — В Житии Мефодия указан другой срок пребывания братьев в Моравии — 3 года, что, вероятно, более соответствует действительности.

Паноньскъ — Паннония, провинция в составе Римской империи; занимала западную часть Венгрии, северную часть Югославии и восточную часть Австрии.

Бънятъцихъ — местный беспредложный падеж от Бънѣтъки — Венеция.

Диалогъ. — В рукописи: Фолог, исправлено по смыслу.

Иероним — переводчик Библии, учитель церкви (IV—V вв.).

Августин — учитель церкви (IV—V вв.).

Не идет ли дождь...ли на вся... — Ср. Мф. 5, 45.

Явѣ же суть си... ини мнози. — Перечень, приведенный Константином, включает в себя ряд народов Закавказья и Ближнего Востока, обладавших ко времени путешествия Константина многовековой письменной традицией, которая в той или иной форме дошла до наших дней. Таковы армяне, персы, грузины, арабы. Наряду с ними в списке фигурируют языки, вымершие к настоящему времени, на которых в IX в. существовала разнообразная литература — сирийский, коптский («египтяне» в списке, которые отличаются от арабов, несомненно потомки древнего населения Египта) и согдийский — восточноиранский язык (Согдиана — область на территории современных северного Таджикистана и южного Узбекистана), служивший международным языком в Центральной Азии в VIII—X вв. Согдийское письмо было создано на основе ближневосточных алфавитов уже в начале нашей эры. На основе согдийского письма не позднее VI в. была создана руническая письменность на тюркском языке («турси» Жития), существовавшая в Центральной Азии до X в. К ней восходят особые варианты аварского («объре») и хазарского («козаре») рунического письма. Письменность и богослужение на родном языке у готов появились в IV в., со времени их вторжения на земли Римской империи. С готами, остатки которых жили в Крыму в IX в. Константин мог познакомиться во время Хазарской миссии. Абхазы не имели собственной азбуки, возможно, их включение в список объясняется тем, что они использовали при богослужении грузинский (а не греческий) язык.

Поите Господеви... и въспоите! — Пс. 95, 1; 97, 4.

Вся земля... вышнии. — Пс. 65, 4.

Хвалите Господа вси языци... хвалите Господа. — Пс. 116, 1; 150, 6.

Стр. 56—58. *Елико же есть... Божия будутъ*. — Иоан. 1, 12.

Стр. 58. *Не о сихъ ... и азъ в тебе*. — Иоан. 17, 20—21.

Дана ми есть всяка власть... Аминь. — Мф. 28, 18—20.

Шедъше въ весь миръ... възъглаголють новы. — Мр. 16, 15—17.

Горе вамъ, кънигъччия... не оставляете внити. — Мф. 23, 13.

Горе вамъ... внити възбранисте. — Лк. 11, 52.

Стр. 58—60. *Хошу, да вси языки глаголетъ... къ миру*. — 1 Кор. 14, 3—33, 37.

Стр. 60. *Аще кто не разумѣтъ — да учится*. — Ср. Прит. 8, 5. Перед нами явная редакторская правка текста: слова «А кто не разумеет, пусть не разумеет» (1 Кор. 14, 38), содержащиеся в некоторых списках, часто или пропускаются или заменяются как явно не отвечающие идее отрывка в целом.

Тѣм же, братье... да бивають. — 1 Кор. 14, 39—40.

Всякъ исповѣсть... Богу Отцю. — Фил. 2, 11.

...римьскыи папезъ... — римский папа Николай I (858—867).

Апостоликъ — апостолический, преемник апостолов, употреблялся наряду с термином «папа римский». Однако эти термины имели разное значение: «папа» употреблялся для обозначения римских пап вообще, в том числе и умерших к моменту действия, а «апостолик» обозначал лишь папу, обладающего властью в момент действия.

Адриан II — римский папа (867—872); Николай I, вызвавший братьев в Рим, скончался 13 ноября 867 г., а встретил их Адриан, вступивший на престол 14 декабря того же года.

...церкви святыя Марія...Фатанъ... — Перевод греческого слова «фатан» — ясли. Такое название позволяет отождествить упоминаемый храм с известной римской церковью святой Марии «ad graesere», ныне — церковь Санта Мариа Маджиоре.

Формоза — епископ Порто, один из главных знатоков восточной политики в папской курии, с 866 г. папский легат в Болгарии.

Гадерих — епископ Веллетри, влиятельный советник римских пап.

...въ церкви святого Петра... — знаменитый собор св. Петра, главный храм католической церкви, где по преданию похоронены останки апостола.

Петрунилы. — Церковь Петрониллы — небольшая ротонда возле собора св. Петра, существовала еще в начале XVI в.

...въ церкви святого Андрѣя... — Имеется в виду церковь св. Андрея, построенная папой Григорием Великим, ныне известна как церковь Сан Грегорио ад Челлио.

...у великаго учителя... в церкви... — Имеется в виду церковь Сан Паоло Фуори ле Мура. ...Арсѣнія епископа... епискулъ... — Арсений, епископ Орто, член постоянного совета при папе из семи епископов наиболее близких к Риму диоцезий.

Настас — Анастасий, племянник Арсения, глава папского архива и канцелярии, знаток греческого языка, переводчик.

Нѣсть уже... есть родити. — Имеются в виду ветхозаветные пророчества: Дан. 12, 11—13; Ис. 7, 14.

О рекшихъ къ мнѣ ... обрадовася. — Ср. Пс. 121, 1.

Стр. 62. Кирилъ. — По традиции, постригающийся в монашество принимал другое имя, начинающееся с той же буквы. Имя Кирилл Константин принял, вероятно, в честь Кирилла Александрийского, греческого теолога V в.

...50 дъниш. — Цифра, возможно, символическая, соответствует 50 дням, которые прошли от Воскресения Христа до Сошествия Святого Духа на апостолов.

...покрывая кровомъ крилу твою... — Ср. Пс. 60, 5.

Благословенъ Богъ нашъ... избави ны... — Ср. Пс. 123, 6—7.

...въ 14 днь... 7 лѣт. — См. коммент. к с. 22.

...въ свои манастырь... — Имеется в виду монастырь Полихрон на Олимпе Вифинском.

...церкви святого Климента... — Позднеантичная базилика, сохранилась до наших дней как подземная часть более поздней постройки под тем же названием.

Стр. 64. Написавъ же... и ноць... — С этим сообщением в течение длительного времени связывали открытую в XIX в. фреску IX в. в церкви св. Климента с изображением Христа на троне в окружении двух архангелов и святых Климента и Андрея, которые представляют Христу двух коленопреклоненных духовных. В настоящее время историки искусства не разделяют мнения, что на фреске изображены Кирилл и Мефодий, и рассматривают ее как типичную патрональную композицию, выполненную по заказу двух неизвестных высокопоставленных лиц духовного звания.

ЖИТИЕ МЕФОДИЯ

Житие составлено в Моравии вскоре после смерти св. Мефодия в 885 г. одним из его учеников. Сохранилось в 15 списках, древнейший из которых входит в состав известного Успенского сборника конца XII—начала XIII в. (*ГИМ*. Синодальное собр., № 1063). См. его издания: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 188—198; *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1973. Том 3. С. 160—195; Жития Кирилла и Мефодия. М.: Книга; София: Наука и искусство, 1986. С. 181—232. Текст Жития воспроизводится по этим изданиям. Историю изучения Жития и свод комментариев к нему см.: Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. М., 1981. С. 143—173.

Стр. 66. ... апреля въ 6 днь. — В рукописи *маия в 10 днь*. Исправлено по другим спискам.

...отъ великоты бо и доброты дѣлъ по размыслу и родитель ихъ мудръствуется... — Прем. 13, 5.

Прѣже всѣхъ хѣлмъ ражаеть мя. — Притч. 8, 25.

Азъ въ Отьци, а Отьць въ мнѣ. — Ио. 14, 11.

Духъ истиньнъ, иже от Отъца исходитъ. — Ио. 15, 26.

Словьмъ Господньмъ ... и създашася... — Пс. 32, 6, 9.

Стр. 68. *Въ сѣмени твоємъ ... вси языци.* — Быт. 22, 18.

Елиси, милоть приимъ... — 3 Цар. 19, 19: «...нашел Елисея... Илия, проходя мимо его, бросил на него милоть свою». См. также 4 Цар. 2.

Стр. 70. *...съ другимъ цсарьмъ...* — Феодосий II (208—450), византийский император.

...иже хочеть ... истиньни пришълъ... — 1 Тим. 2, 4.

Алимбъ — гора Олимп в Малой Азии вблизи побережья Мраморного моря, один из центров византийского монашества.

...въ козары... — Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 3.

Стр. 72. *Полихронъ* — монастырь у горы Олимп.

...спудове... — Спуд — мера сыпучих веществ на Руси (кадушка, ведро и пр.).

Ростислав, Святополк. — См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.

...исправитъ всяку правду. — Мф. 3, 15.

Бога боитеся, цсаря чѣтѣ. — 1 Петр. 2, 17.

Апостоликъ Никола. — В момент прибытия в Рим Кирилла и Мефодия на престоле уже находился папа Адриан II. См. Житие Константина-Кирилла, чтение 5. Апостолик — см. коммент. к с. 60.

...на олтари Святаго Петра... — В Житии Константина-Кирилла, чтение 5, названа церковь св. Марии.

...по Пилатову писанию... — Имеется в виду надпись на кресте «Иисус Христос царь иудейский», на трех языках. Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.

...повелъ единому епископу... — Речь идет о епископе Формозе, см. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.

Анагност — чтец в церкви (причетник).

...на лѣсъ... гору... — Гора — Алимб (Олимп) — см. с. 70 и коммент.

Коцель. — См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.

Стр. 74. *Слава въ вышньихъ ... благоволение...* — Лк. 2, 14.

...вбра бо без дѣлъ мъртва есть... — Иаков 2, 26.

...ся мнать Бога...отѣмѣтають. — Тит. 1, 16.

...святаго Климента мощи несуще. — См. Житие Константина-Кирилла, чтения 3 и 5.

...въсхвалять Господа вси языци... — Пс. 116, 1.

Вси възглаголять ... отвѣщавати. — Деян. 2, 11.

... вълци, а не овьця... — Мф. 7, 15.

... на столъ святаго Андроника от 70... — О семидесяти апостолах см. Лк. 10.

... моравьскаго короля... — Имеется в виду Людовик Немецкий, правитель Восточно-франкского королевства, захвативший в 870 г. Великую Моравию. Он поддерживал стремление немецких епископов включить в Баварскую церковную провинцию захваченные земли, которые находились в непосредственном церковном подчинении у римского папы.

Стр. 76. *Истину глаголю прѣдъ цсари и не стыжюся...* — Пс. 118, 47.

...изгънаша вся... — В 871—873 гг. Великая Моравия добилась освобождения от франкского господства, что отразилось и на судьбе Мефодия, томившегося до тех пор в заключении.

Стр. 78. *Божии раби.* — Буквальный перевод древненем. *gotes skalh* — священник. Немецкое духовенство оставалось в Моравии и служило на латинском языке.

... и не обрѣтѣся ... расѣя. — Пс. 102, 16.

... иопаторскою ересью... — От греч. *иос* — сын и *патер* — отец. Учение, согласно которому Св. Дух исходит не только от Отца, но и от Сына (см. Символ веры, 8-й член). Позже это учение (*filioque*) стало основой католической догматики и послужило причиной великого раскола христианской церкви в 1054 г.

... есть присно ... сѣрдьце... — Притч. 21, 1.

Бды от разбоинкъ ... множицею... — 2 Кор. 11, 26—27.

... дѣва попы... — При числительном *дѣва* употреблена форма множ. числа; ожидалось бы: *попа*. Первоначально было «три», обозначенное глаголической буквой «веди». При переписке текста из глаголицы в кириллицу писец заменил глаголическое «веди» на кириллическую букву «веди», а она имеет числовое значение «два». Догадка Р. Мэтьисена, 1967 г.

... шестию мѣсяць... — Аналогичная путаница числительных при переписке из глаголицы в кириллицу. Должно быть «восемь». Догадка М. Решетара, 1913 г.

Стр. 80. *... святаго Димитрия.* — День памяти св. Димитрия Солунского 26 октября.

... королю угорьскому... — Указание на венгерского короля не соответствует исторической действительности. Хотя племена венгров проникали в Моравию с конца IX в., король у них появился лишь в XI в. По мнению А. Брюкнера (1967), речь идет о франкском короле Карле III. Вероятнее, однако, что королем назван вождь какой-нибудь венгерской племенной группы, которые начали появляться в этих местах с VIII в.

... уста многорѣчныхъ загради... — Пс. 61, 12.

... течение же съвърши, вѣру съблюде... — 2 Тим. 4, 7.

... тако угрожь, Богу възлюбленъ бысть. — Прем. 4, 10.

Въ руцѣ твои, Господи, душу мою възлагаю. — Лк. 23, 46.

ИЗ ТОЛКОВОГО АПОСТОЛА. ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Публикуя отрывок из Толкового Апостола, мы имели намерение познакомить читателя с одним из важнейших разделов древнерусской письменности — книгами Священного писания (Библией) в ранних славянских переводах. Библейские книги были трех типов: 1) служебный (приспособленный для богослужения, порядок текстов соответствует церковному календарю; как правило, в этом типе текст книг Священного писания не полон); 2) Четий (т. е. предназначенный для чтения), тексты расположены в порядке, свойственном той или иной книге Священного писания; 3) толковый — когда текст разбит на отрывки (от нескольких слов до нескольких стихов) и каждый из них снабжен толкованиями (пояснениями). Толкования на книги Священного писания составлялись в разное время и разными авторами, в большинстве своем это известные византийские богословы, такие как Максим Исповедник, Никита Ираклийский, Иоанн Златоуст и многие другие. Поскольку толкований было очень много, из них стали составлять своды, или катены (от лат. catena — цепь), объединяющие в один текст толкования разных авторов, иногда это были отдельные цитаты или пересказ отдельных мыслей тех или иных авторов. Составитель катен так перерабатывал своих предшественников, что разные и одновременные тексты сливались в одно и закономерно существовали под именем последнего толкователя. Толкования-катены — более распространенный тип толковых текстов, чем толкования одного автора. Примером последнего может быть Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского. Что касается Толкового Апостола, то здесь толкования — катены, и составлены они были блаженным Феофилактом, епископом Охридским (конец XI—начало XII в.), включившим в свою работу комментарии на Апостол других византийских авторов (Дидима, Исихия, Оригена, Севира и др.). Толкования в несколько раз превосходят по объему текст Апостола.

О греческом Толковом Апостоле в том виде, в каком он сохранился в славянском переводе, мы можем судить по изданию Крамера (*Cramer J. A. Catenae graecorum patrum in Novum Testamentum. Oxford, 1838—1844. 8 t.*). Толкования, принадлежащие Феофилактору Болгарскому, здесь отмечены как «ненадписанные» (ἐξ ἀνεπιγράφοι). Сопоставление греческого текста со славянским во многом помогает понять славянский текст, который в ряде случаев трудно «разгадывается», тем более что имела место порча текста в процессе переписки.

Толковый Апостол появился у восточных славян, вероятно, к началу XIII в. Древнейшая из известных нам рукописей — 1220 г. Имеется несколько полных (сохранных) рукописей XIV в. (две

из них мы использовали для настоящего издания). Толковый Апостол — это большая книга (свыше 300 листов пергамента). Все рукописи приблизительно одной структуры, соответствующей структуре греческого текста. Произведения, входящие в Апостол (Деяния и Послания апостолов) предваряются предисловиями и оглавлениями. Оглавление (перечисление глав, на которые разделен текст каждого Послания) — это фактически перечисление заголовков каждой из частей. Заголовки расположены или на полях, или в тексте, перед соответствующим разделом. Если они находятся на полях, то имеются «знаки вноски» (например, киноварные крестики или точки); в противном случае место заголовка определить затруднительно. Границы между текстом Апостола и толкованиями отмечены глоссами: основной текст — словами «Сущее» или «Апостольское», толкования — «Толк.» или «Сказ.» (т. е. Сказание). Расположения толкований в рукописях часто отличаются. Возможно, это связано с тем, что в греческой рукописной традиции толкования располагались на полях; при изготовлении новых списков, особенно таких, где толкования оказывались не на полях, а в тексте, они попадали «не на место». В славянской рукописной традиции толковые рукописи с толкованиями на полях редки, но весьма нередки «следы» этого в виде нарушения порядка расположения текстов.

Мы выбрали для издания небольшой, но очень интересный кусок этой большой книги — Послание апостола Иакова. На его примере читатель может увидеть специфику толковой книги: как толкования «перепевают» основной текст, какие интересные модификации тех или иных мыслей возникают, можно увидеть «руку» разных авторов. Некоторую условность представляет то, что мы позволили себе заголовки, которые не всегда фиксированы в рукописях, поместить в текст в соответствии с нашим пониманием его смысла. Разделение текста на отрывки для толкований также не стабильно. Это деление несоординировано с общепринятым делением текста на стихи и главы, и часто бывает, что начало и конец стиха отнесены к разным отрывкам и разделены большим толкованием, что иногда меняет смысл. Все эти явления связаны с перенесением толкований и заголовков с полей в текст. В некоторых случаях мы позволили себе переставить толкование. Все эти случаи оговариваются в комментариях.

Мы издаем текст по рукописи XIV в. (*РНБ*. F⁰. п. I.24) и проверяем по рукописи *РНБ*. Погод. 30 XIV в. Текст сопоставлен с синодальным изданием церковно-славянского текста и русским его переводом (Синод.), а также с греческим изданием толкового Апостола Крамера.

При составлении комментариев использованы: 1) Толковая Библия. Т. 3: Новый Завет. СПб., 1911—1913 (переиздание 1987 г.). С. 207—255 (далее: *Толк. Б.*); *Теодорович Н. И.* Толкование на соборное послание св. апостола Иакова. Вильна, 1897 (далее: *Теодорович*); Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, толкование на соборные послания святых апостолов (в русском переводе). Казань, 1865. С. 2—56.

Послание апостола Иакова прекрасно своей литературной формой: образность и поэтичность сочетается со стальной афористичностью и суровым пафосом. Как в музыке, в начале появляется мелодия основных тем, которые потом звучат во весь голос каждая на своем месте и соединяются в один аккорд в конце, в бессмертной последней фразе «обративый грешника от заблуждения пути его спасает душу от смерти и покрывает множество грехов». Этот отклик на слова апостола Петра «любовь покрывает множество грехов» — гимн освобождению человека от власти зла через любовь.

Иаков, «брат Господень» (старший сын Иосифа Обручника), из числа 70 апостолов, прозванный Праведным. Иаков обратился в христианство после явления ему Господа по воскресении (1 Кор. 9, 5; 12, 5). Он был епископом Иерусалимским, главой иерусалимской общины. Апостол Павел ставит его наравне с апостолами Петром и Иоанном (Гал. 3, 9) и называет их столпами церкви. В его личности выражается объединение Ветхого и Нового Завета на жизненно-практической почве (*Толк. Б.*, с. 210). Он соблюдал предписания Закона Моисея, не порывал с иудейством как с вековым наследием отцов, однако отрицал догматическое значение ветхозаветного закона. Апостол Иаков учил, что руководствоваться надо Законом Свободы (т. е. учением Христа) через живую веру и деятельную любовь. Он был убит фарисеями в 62 г.

Послание Иакова в компактной форме выражает ключевые моменты, формирующие мировоззрение христианина. И это не проповедь христианства среди язычников или безбожников, оно адресовано людям, верующим в Бога и признающим приоритет нравственности, но еще

неосознавшим ценностей учения Христа. Это и практическое жизненное наставление о том, как идти по пути спасения, и обличительные тирады (против «ожиревших сердцем», «ленивых», «ложных учителей»), и глубокие богословские и философские мысли, лежащие в основе этих наставлений. Наставления построены на привычных для паствы ветхозаветных образах, укорененных в реальную жизнь еврейской христианской общины I в.

Стр. 82. ... *расъясняем от обоюнадесяте колѣну...* — т. е. к христианам из иудеев (иудео-христианам), принадлежащим к двенадцати коленам Израиля, т. е. к двенадцати племенам иудейским, живущим вне Палестины.

Стр. 84. *Якоже бо се мирьстиш ... «Церковнѣ повѣсти».* — Этот текст, которым оканчивается в рукописи F⁰. п. 1.24 «вступительная часть» (после него нарисована концовка, отделяющая «вступление» от текста «Послания»), на самом деле является толкованием к первому стиху «Послания» (Иак. 1, 1). В греческом тексте по изданию Крамера оно находится сразу после стиха Иак. 1, 1; также и в рукописи Погод. 30.

... *Евсевий...* — Имеется в виду Евсевий, епископ Кесарийский (IV в.) (или Евсевий Памфил), византийский историк и богослов, автор «Церковной истории». Евсевий подвергал сомнению авторство Иакова (*Евсевий Памфил. Сочинения / Пер. с греческого. Т. 1: Церковная история.* СПб., 1843. С. 155).

Стр. 86. *Книги ... жидомъ.* — Этого заголовка в рукописи F⁰. п. 1.24 нет; вносим его по рукописи Погод. 30 (1 стр.).

... *радоватися.* — Используя традиционную форму приветствия — пожелание радоваться, вообще, доброе пожелание — греч. χαίρετε — апостол Иаков вкладывает в нее дополнительный смысл, который раскрывается в следующем стихе (Иак. 1, 2).

... *обрѣзания сый апостоль...* — т. е. апостол для иудеев.

Дидимъ. — Дидим (308—395), византийский богослов, ученик Афанасия Великого, составитель комментариев к книгам Священного писания.

... *напасти...* — Слова «напасти», «искушения», «искусы», а также «скорби» и «испытания» употребляются как синонимы. Каждое из этих слов имеет не меньше трех значений, но в каждом слове эти три значения проявляются, если так можно сказать, в разных пропорциях. Поэтому для понимания текста следует внимательно следить за контекстом. Эти три значения: 1) беда, несчастье — ἐπιτήρεια; 2) борьба — ἀθλήμα; 3) искушение (испытание, опыт) — πείρασμα. Три значения этих слов поразительно выражают мысль апостола Иакова о том, что беда посылается, для того чтобы человек боролся и таким образом был испытан в своих нравственных и духовных достоинствах.

... *терпѣние* — ὑπομονή. Через терпение человек получает победу в борьбе с искушениями. О терпении у Иакова более подробно в 5-й главе (Иак. 5, 7—11), см. также коммент. к с. 118 и 120. Апостол Павел учит тому же: «И не только сим хвалимся, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в души наши Духом Святым, данным нам» (Римл. 5, 6).

... *дѣло съвершено...* — ἔργον τελείον; совершенство (τέλεια) — это то, чего человек достигает через искушение, преодолевая грех и слабость, имея целью приобрести венец (см. коммент. на с. 505) и наследовать Царствие Небесное. Совершенное дело — с одной стороны, дело совершенствования, процесс, ведущий к достижению совершенства. С другой стороны, это «действенная добродетель», или добродетель добрых дел, без которых вера мертва. Об этом апостол Иаков пишет в главе 2 (Иак. 2, 14—26).

Златоуст. — Иоанн Златоуст (347—407), архиепископ Константинопольский, один из отцов церкви, выдающийся богослов, философ, гимнограф, автор многочисленных богословских и нравственно-учительных сочинений, в том числе и толкований на книги Священного писания. Его труды использовались преп. Феофилактом и другими толкователями при составлении катен.

Уза бо есть печаль ... оградить. — Это толкование в рукописи F⁰. п. I. 24 читается как примечание к 3-му отрывку (Иак. 1, 5—6), т. е. 2-й отрывок здесь остается без толкования и сливается с 3-м. Однако мы дерзнули поместить это толкование (как в рукописи Погод. 30 и в греческом тексте по изданию Крамера) после 2-го отрывка, к которому оно подходит по смыслу.

Аще приступаеши работати Христу, приготвай си душу к напастемъ. — Сирах. 2, 1.

Въ мирѣ печаль имате, нъ держайте. — Ср. Ин. 16, 33.

Тѣсный и скорбный путь — узкие врата, ведущие в Царствие Небесное (Мф. 7, 13—14); переносное — путь самоограничения, отречения от земных благ, подвиги. Мф. 11, 12: «Царствие Небесное нудится» (берется силой), т. е. завоевывается трудами и страданиями. Ср. «Многими скорбями надлежит войти в Царствие Небесное» (Деян. 14, 22).

... внѣшними подвиги никтоже бес тоя вѣнца прииметь... — Венец — награда победителю, которую гимнаст получает в борьбе, добываясь ее длительными упражнениями, трудами и терпением. Здесь Венец (Венец Жизни) (см. коммент. к с. 88) — Царствие Небесное; это награда человеку, который пройдет через искушения к совершенству; она достигается терпением, перенесением скорбей, смирением, трудами, постом, бдением и т. д. Об этом есть и в Ветхом Завете: «В огне искушается злато, а человеци приятни в печи смирения» (Сирах. 2, 6).

... прѣмудрости... — В данном случае имеется в виду более частное значение слова «премудрость» (σοφία): правильное понимание Божественных предначертаний, определяющих правильность христианского поведения (Прит. 1, 2; Ефес. 5, 13; Кол. 4, 5). О Премудрости в высоком смысле у апостола Иакова в гл. 3, стих 17.

... ничтоже сумняся... — ничуть не сомневаясь, без всякого сомнения; в Синод. «ничтоже рассуждая». Это выражение, вошедшее в современный русский язык как фразеологизм, восходит к Деяниям апостолов (Деян. 10, 20; 11, 12). Это то, что Бог сказал апостолу Петру, призывая его идти за ним. Это то, что требуется от верующего человека в отношении воли Божией. Апостол Иаков употребляет это выражение, говоря о молитве.

... не въведи нас въ искусь... — Мф. 6, 13; Лк. 11, 4 — из Молитвы Господней («Отче наш»), которой Христос научил людей.

... да съвършени, и всенаслѣдни явитесь, ни въ чемже недостаточьствующе. — Следует обратить внимание, что эта фраза — повторение 4-го стиха 1-й главы Иакова «да будете съвършени отинудъ и исполнени и ни единого лишени суще». В греческом в обоих случаях: ἵνα ἦτε τέλει καὶ ὁλόκληροι ἐν μηδενὶ λειπομένοι. Слово «всенаслѣдни» в толковании соответствует слову «исполнени» у Иакова, а в Синодальном — «всецѣли». Греч. ὁλόκληροι — целый, неповрежденный; иначе говоря «полный», «обладающий всей полнотой». Все варианты славянского перевода выражают идею совершенства, достижения цели во всей полноте, получения Царствия Небесного. Чтение «всенаслѣдни», может быть, подчеркивает, что совершенство (т. е. получение Венца) осуществляется как наследование (ср. Мф. 25, 34 — «Наследуйте Царство»), т. е. награда обещана, и человек получает сыновство.

Сумняй бо ся ... — греч. διακρίνω — разделяю, разлагаю. Это очень важное для апостола Иакова понятие, ибо сомнение разрушает гармонию и мешает человеку воспринимать волю Божию и выполнять ее. Причиной сомнения является маловерие (см. об этом ниже). Сомневающийся (колеблющийся между верой и неверием, доверием и недоверием) находится в опасности впасть в грех, не устоять в искушениях, допустить хулу на Бога. Само сомнение уже есть хула. Сомнение опасно как буря на море; оно как ветер рассеивает добрые побуждения сердца и лишает его спокойствия; верующее же сердце подобно морю спокойному, в котором отражается образ Божий (рассуждение Теодоровича, с. 26—27).

Мудрость горняя — Высшая мудрость — это свойство Бога; иногда это имя Бога.

Стр. 88. *Хульникъ ... язя.* — Согласно Крамеру, это отдельное толкование и приписано оно Кириллу. Хульник — имеется в виду, что маловерие есть хула на Бога, сомнение — отрицание всемогущества Бога. В греч. ὑβριστής — высокомерный.

... прошение... — В Пог. 30 — приношение; греч. αἴτησιν — просьба, ходатайство. Здесь идет речь о молитве, ожидающей исполнения просимого, может быть, молитве за других. Сомнева-

ющийся не получит исполнения просимого, поэтому следует истреблять в себе сомнение. Об этом идет речь в следующем толковании («Отыми от себе...»). О сильной молитве, присущей праведнику и истинно верующему, у апостола Иакова ниже, в главе 5.

Мужь двоудушень... — Понятие «двоудушный» введено апостолом Иаковом (δίψυχος — по аналогии с греч. δικάρδιος, δίγλωσσος). Двоудушный человек — человек с раздвоенной душой (как бы имеющий две души), колеблющийся, сомневающийся.

Да хвалить же ся брат ... въ смѣренни своем... — Противопоставление «смиранный» (ὁ ταπεινός) и «богатый» (ὁ πλούσιος) показывает, что «смиранный» — это «бедный». Противопоставление богатых и бедных, сильных и немощных, мудрых и безумных и т. д., характерное для Священного писания, имеет несколько аспектов. Во-первых, то, что является достоинством в глазах людей, может быть недостатком перед Богом; во-вторых, то, чем люди гордятся, тленно и преходяще, — об этом у апостола Иакова ниже, в главе 5; в-третьих, гордиться обладанием чем-либо (богатством, силой, мудростью) не следует, поскольку оно дано Богом, и Богу принадлежит (1 Кор. 1, 26—31). Богатство и бедность противопоставляются не сами по себе, а как причина нежелательных нравственных последствий. Богатство само по себе не порок, а бедность — не добродетель. Но богатство есть причина гордости и возношения (о богатстве как источнике порока см. ниже в главе 5). Богатому труднее идти путем Христа, потому что он высокомерен и обременен, а бедный смиренен и свободен. Ср. Мф. 19, 23: «трудно богатому внити в Царствие Небесное». — *Хвалитися** (καυχᾶσθαι) — характерное для Нового Завета слово (ср. Римл. 2, 23; 2 Кор. 5, 12; 10, 15 и др.). Одно из значений — гордиться, величаться, хвастаться. Другое же трудно передать одним словом в современном русском языке — это радостное настроение (удовлетворение) от выполненного долга (перенесения искушений, пребывания в смирении и т. п.). См. также коммент. к с. 96 и 106.

... яко цвѣт травный мимоидеть. — Образ увядания цветов и травы как выражение мысли о том, что все мирское преходяще, связан с Ветхим Заветом (Ис. 40, 6; Пс. 89, 6; 102, 15; Иов. 14, 2 и др.) и, конечно, с реальной природой Палестины, где трава существует и цветет очень короткое время, а затем в мгновение ока исчезает, когда наступает летняя жара и знойные ветры из пустыни.

...с варом... — зной, знойный ветер; образ губительного действия гнева Божия (Ос. 13, 15).

Тако богатый въ хоженни своем увяжеть. — Это начало темы преходящего богатства, максимально развитой в 5-й главе. Здесь тленность и мимолетность богатства сравниваются с естественным увяданием травы, а там страшнее — огонь и тление, уничтожение невозвратное.

Вънецъ животный — Венец жизни, στέφανος τῆς ζωῆς, образ победы и награды, встречающийся в Новом Завете: «будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Апок. 2, 10); или варианты — венец славы (1 Петр. 5, 4), венец правды (2 Тим. 4, 8). Этот образ связан со спортом (венец, которым увенчан победитель), награда, обещанная человеку (см. коммент. на с. 504). Апостол Павел тоже говорит об этом. «Бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду. Так бегите же, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего. Те — для получения венца тленного, а мы — нетленного» (1 Кор. 9, 24—25). Все бегут, но не все получают награду. Апостол Иаков, как говорится в толковании, отмечает, что награду получит тот, кто претерпит печали (а не тот, кто победит), т. е. тот, кто противится искушениям, даже если у него не хватит сил для победы, может быть увенчан как доблестный воин. Именно поэтому путь страдания и искушений должен быть радостным, как спортивные состязания. В «Лествице» есть рассуждение на эту тему о том, что тот, кого минуют искушения, менее достоин венца, чем тот, кто боролся и пал: «Неуязвляемый супостатами не получит никакого венца, а тот, кто от случающихся падений не упадет духом, того восхвалят ангелы как храброго воина» (цит. по русскому переводу «Лествицы» (М., 1892. Слово 26. С. 156)).

...ради блажену быти ... Иже искусь претерпеть, искусень мужь вьтми облаженъ. — Испр. по Погод. 30, в F⁰. п. I.24 — *обнаженъ*. Эта фраза толкования соответствует словам из 12-го стиха Иакова: «Яко искушен быв, примет венец животный». Смысл схож: тот, кто претерпит искушение, будет награжден; у Иакова — тем, что получит Венец, в толкова-

нии — тем, что будет «облажен» (от глагола *блажити* — хвалити). Однако здесь существенное отклонение от греческого текста толкования, с чем, возможно, связано наличие варианта *облажен/обнажен*. В греческом здесь: *δοκιμος ἀνὴρ διὰ πάντων ὑπομαρμένος* — «искушенный муж через все (т. е. всем — творительный падеж) испытан», или «прошедший испытание — надежен». В греческом тексте слово *ὑπομαρμένος* (испытанный) как бы объясняет слово *δοκιμος* (искушенный). Какой же вариант славянского текста более правилен? По-видимому, «обнажен» — ошибка перевода, связанная с тем, что греческое слово *ὑπομαρμένος* (причастие от глагола *υμνάω* — упражняю) восходит к тому же корню, что и *υμνός* (голый). Слово «облажен» могло появиться под влиянием «блажену быти». Без полного текстологического изучения этот вопрос не решить.

...зраку и слуху не подлежить, ни на высокий разумъ челоуѣку не възиде. — Ср. 1 Кор. 2, 9; ср. также Ис. 64, 4.

Богъ бо нѣсть напастъникъ злымъ, не напастить же тѣ ни единого. — В Толк. Б. (с. 226—227) указано, что точный смысл этой фразы передан в русском переводе Нового Завета по Синодальному изданию: «Бог не искушается злом, и сам не искушает никого», т. е. Бог абсолютно чужд зла и не затрагивается никакими перерождениями зла. В церковно-славянском синодальном тексте не точно: «искуситель зла».

Ориген. — Ориген (185—254), пресвитер Александрийский, богослов и философ; составил толкования почти на все книги Священного писания.

Стр. 90. *... от своя похоти...* — Похоть (*ἐπιθυμία*) — желание, точнее, *ἰδία ἐπιθυμία* — собственное желание. Объяснять слово «похоть», кажущееся совершенно понятным, представляется необходимым, поскольку в современном русском языке значение этого слова сильно сужено до частного: желание плотское, любовное. Между тем такое сужение представляется весьма досадным, поскольку широкое значение (желание вообще), сохранявшееся в русском языке еще в XIX в., передает глубокий смысл наставления о похоти, ибо для человека, обладающего свободной волей, намного более серьезным проступком будет проявление своеволия (своего желания), чем гораздо более заслуживающее прощения, свойственное природе плотское влечение. В словаре Срезневского первым значением слова «похоть» указано — воля и приведен пример из Миней XII века «божественная похоть», а вторым значением — желание; значения, связанные с плотью, по Срезневскому, второстепенны. Мы выбрали для перевода слова «похоть» — «произволение», хотя это слово во многом не подходит, но более точного нет.

Севирово. — Севир (Север) (465—538), патриарх Антиохийский, монофизит, церковный писатель.

... самую ту похоть беззаконию матеръ прозвати Давиду ... — Здесь и далее Давид упоминается как автор Псалтири. Рассуждение о похоти как матери беззакония, высказанное толкователем как добавление к стихам 14—15 Иакова, видимо, основано на 15-м стихе 17-го псалма: «Се боле неправдоу, зачат болезнь, роди беззаконие».

... нѣ о тѣхъ убо ... ищѣдъшю... — Ср. Иоан. 24, 21.

Исихий — Исихий (Гезихий), IV в., из Египта, «ученый исправитель» Септуагинты, автор многих толкований на книги Священного писания.

...свѣтиломъ... — Апостол Иаков называет Бога отцом светов — *ὁ πατὴρ τῶν φώτων*. Разные толкователи по-разному толкуют *τὰ φῶτα*: светила (Пс. 135, 7) или ангелы (Иов. 38, 7), сотворенные Богом, но в отличие от них, являющихся частью божественного света (но в той или иной степени свет их колеблется и изменяется), Бог неизменен, и свет его вечен, неизменен и сам себе равен (Толк. Б., с. 227).

Азъ есмь, азъ есмь и не изменяюся... — Малах. 3, 6.

Не преобразуйтесь въ веѣ семь ... сѣвръшено. — Римл. 12, 3. Цитата здесь передана неточно. Здесь один глагол — «преобразуйтесь», а в Синод. два разных — «сообразуйтесь» *συσχηματίζεσθε* и «преобразуйтесь» *μετασχηματίζεσθε*.

Стр. 92. *О сынѣ убо истиннѣ ... словоу истины.* — В толковании говорится о сыне и сыновстве, видимо, потому, что толкователь хотел объяснить слово «роди», толкуя этот стих как тезис усыновления. По мнению же других толкователей, понимать этот текст следует как рассуж-

дение о «пакирождении», или «пакибытии», о новом рождении или перерождении, какое совершается через Слово Истины, т. е. Христа. В таком смысле используют слово «родити» и другие апостолы — ср. 1 Ин. 1, 14; 1 Ин. 3, 9; 1 Петр. 1, 3, 23 и др. О «пакирождении» пишет апостол Павел: «...совлекшись ветхого человека с его делами и облекшись в нового...» (Кол. 3, 9). «Пакирождение» — это как бы сбрасывание с себя старой одежды (ветхого человека) и переодевание в новую (т. е. перерождение в нового человека); это значит «отложить прежний образ жизни ветхого человека истлевающего ...и облечься в нового...» (Еф. 4, 22—23), «Ибо нетленному сему надлежит облечься в нетление, а смертному сему — облечься в бессмертие» (1 Кор. 15, 53). И это совершается через Христа, потому что «ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упряднено было тело греховное» (Римл. 6, 6).

...начать... — Переродившись из ветхого грешного человека, христиане становятся «новой тварью» (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15) или начатком (т. е. первенцем) среди народов, которые будут приходить к Христу и тоже становиться «новой тварью», т. е. обновленным созданием Божиим.

Толк. Первѣйшъ ... да с нами свободится. — Это толкование расположено в рукописи F⁰ п. I. 24 в середине 14-го отрывка, который, таким образом делится пополам: «тѣмже, братие моа ... глаголати» и «Медлень въ гнѣвъ ...избытокъ злобенъ». Мы расположили тексты так, как в Погод. 30 и у Крамера, что соответствует смыслу.

Тѣмже ... глаголати... — В рукописи F⁰ п. I. 24 эти слова (т. е. Иак. 1, 19) написаны на поле, около 13-го отрывка, но без знака, куда следует поместить этот стих. В Погод. 30 этим стихом начинается 14-й отрывок. И это соответствует смыслу, ибо толкование 13-го отрывка («О твари») относится только к Иак. 1, 18, а Иак. 1, 19 начинает новую тему. Поэтому мы решаемся перенести этот стих с поля в начало 14-го отрывка, как это в рукописи Погод. 30.

...всяку скверну и избытокъ злобенъ... — В Погод. 30 «всяку злобу и избыток злобенъ», в Синод. «всяку скверну и избыток злобы», в русском Синодальном «всяку нечистоту и остаток злобы». Здесь говорится о гневе, который избыточен (вернее, привнесен извне, добавлен); это не тот гнев, который свойствен человеку по природе, а другой, приносимый бесами и грехом. Ср. Пс. 4, 5 — «гневайтесь и не согрешайте», «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет в гневе вашем» (Ефес. 4, 26).

Истое — в греческом ἔμφυτος — 1) природный, естественный; 2) прирожденный. В Синод. слав. — всажденное, рус. — насажденное. *Толк. Б.* (с. 228—229) так объясняет «Насажденное слово»: Слово истины «подобно зерну, принимаемому и усвояемому землей, должно быть всажено в почву сердца человеческого и дать соответствующий росток, т. е. выразиться и проявиться в добрых делах». А нет ли в этом стихе иного, более глубокого смысла? Ведь это Слово, которое было «В начале» (Искони) — Ин. 1, 1, которое было всегда и всему причина. И это то Слово, которым, как сказано в толковании, явлено, что человек создан для бессмертия.

...разумѣвающу лице твари... — Слово «разумевающу» соответствует греческому καθοοοντι; в Синод. переведено «Смотрящу». Также и далее — «Разумѣ» — «Увидел». Что изучает человек, глядя в зеркало? Свое лицо, наружность. В рукописи F⁰ п. I. 24 «лице твари», в Погод. 30 «лице рождения», в Синод. «лице бытия». В толковании и в F⁰ п. I. 24, и в Погод. 30 «лице рождения» τὸ πρόσωπον τῆς γενέσεως. Может быть, тут есть тот смысл, что человек должен помнить, что в нем Образ Божий от рождения (сотворения). Однако важнее, что противопоставление наружного созерцания (зеркала) и внутреннего состояния (пробытия в Законе совершенства и свободы) поясняет слова апостола Иакова о слушателе Закона и делателе его. Если первый воспринимает внешне и неизбежно забывает, то проникший всей душой в Закон становится исполнителем блаженного делания, дела совершенства, исполнения Закона.

...Законъ свѣршенъ и свободенъ... — Закон совершенный и Закон свободы — это то же самое, что Слово Истины, Закон Христов, который противопоставляется ветхозаветному закону с его категорическими запретами. Слово Истины — это Закон свободы, потому что он — закон любви.

Стр. 94. *...родивъ банею пакыпорождения...* — крещением. См. коммент. к с. 92.

...от Бога и Отца си есть... — Речь идет не об ипостасях, а просто подчеркивается, что в сыновстве Божиим люди — братья. Вера в истинном понимании раскрывается

ниже, во второй половине стиха, после толкования. ...от Бога — ср. 1 Ин. 4, 6: «Мы от Бога есмы...».

...посъщати сироть ...от всего мира. — Опекать вдов и сирот — собирательный образ милосердия и сострадания, восходящий к Ветхому Завету (ср. Сир. 4, 10; Пс. 67, 8). Милосердие — одна из основных добродетелей христианства, ибо это выражение любви, завещанной Христом. Блюсти себя от скверны греховного мира (ср. 1 Ин. 4, 19) — это выражение любви к Богу, оберегание в себе Образа Божия. Здесь можно увидеть раскрытие апостолом Иаковом формулы христианской веры — заповеди Христа о любви к Богу и к ближнему (Мф. 11, 37—40), на которой «утвержден Закон и Пророки».

Будьте щедры, якоже Отецъ вашъ небесный. — Ср. Лк. 6, 36: «Будьте милосерды, как Отец ваш небесный милосерд».

Милости хочу — рече — а не жертвъ. — Мф. 12, 7.

Не тѣло ли едино есмь вси... — О том, что христиане — органы одного тела (Римл. 12, 4—5; Ефес. 4, 25).

Сънмище. — Имеется в виду богослужбное собрание, церковь. В данном случае говорится о синагоге — συναγωγή (христианская церковь — ἐκκλησία — сохраняла целый ряд обычаев синагоги), где было принято именитых и старших (отличаемых по богатой одежде и золотому перстню) усаживать на почетные места, а простоянцам полагалось или стоять, или сидеть на полу у ног старших. Но христианам, говорит апостол Иаков, не полагается различать людей по одежде, а только по вере и благочестию, и нельзя брать на себя решать, кто достоин почета, а кто нет, ибо у Бога другой критерий.

Стр. 96. *Не Богъ ли избѣра нищяя ... Царствию...* — О том, что у нищих есть преимущества перед богатыми в стремлении достигнуть Царствия Небесного, апостол Иаков уже вскользь упоминал в стихе 9 1-й главы («Да хвалится смиренный...»). Избрал? Может быть, это: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные?» (Мф. 11, 28). О нищих и о том, что забота о нищих — неотъемлемый признак благочестия, неоднократно говорится и в Ветхом, и в Новом Завете. Но представляются важными слова пророка Исаяи (Ис. 61, 1), цитируемые в Евангелии от Луки (Лк. 4, 18): «Дух Господень на мне. Он послал меня благовестить нищим...». И не только благовестить нищим, но и помочь другим страдающим (сокрушенным сердцем, пленным, слепым, измученным). Поскольку путь к Царствию Небесному — страдание, то его достигнут страдающие. И еще. В Послании к Коринфянам апостол Павел говорит о «мудрости века сего», противопоставленной Божественной мудрости: «Не Бог ли избрал немудрое мира сего, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира сего избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира, и униженное, и ничего не значащее, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1, 26—27). Посрамить — показать отсутствие ценности. Ведь ценно только то, что ведет к Царствию Небесному. В этом смысле апостолы, евангелисты и пророки учат тому же самому.

Утѣшайте, — рече Павел, — *яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ...* — Призыв утешать друг друга у апостола Павла встречается неоднократно, см. 1 Сол. 4, 18; 5, 11, 14.

...не предъ чловѣкы се створи... — Ср. Мф. 6, 1—4: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми».

Рече бо: «Еда самъ ся створи нищъ? Нѣ тебе ради, да ты спасешия имъ». — Христос нищим «вменился», приняв на себя образ раба ради спасения людей добровольно. 2 Кор. 8, 9: «Он, будучи богат, обнищал нас ради...»; Фил. 2, 7: «Он унижил сам себя самого, приняв образ раба».

Еяже обнажъшеся ... убожѣйше. — Ср. Мф. 16, 26: «Кая помощь человеку, аще он приобретет весь мир, а душу свою отщетит».

Аще убо Законъ кончавае царскъ... — Царский, т. е. самый главный. Апостол Павел (Галат. 5, 4): «Весь закон в одном слове заключается: любите ближнего своего, как самого себя».

... по Книгам... — т. е. по Священному писанию. Заповедь о любви к ближнему в Ветхом Завете, Лев. 19, 8: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Аполинариево. — Аполинарий Младший, епископ Лаодикийский, IV в., автор толкований на Священное писание.

Аще хочете ... Законъ и Пророци. — Мф. 7, 1.

Стр. 98. ... *рекий... «Не прелюбы сътвори»... преступникъ Закону.* — Заповеди Господни (десять заповедей), данные Моисею на горе Синай, — Исход 20, 1—17. Среди них: Не убивай. Не прелюбодействуй (Исход 20, 13—14).

Слышите, яко речеся ... повинень есть суду. — Ср. Мф. 5, 21—22.

Слышасте ли, яко речеся ... въ сердци своем. — Ср. Мф. 5, 27—28.

Хвалится милость на судѣ. — *κατακαυῆται ἔλεον κρίσεω.* Милость превозносится над судом. Еще одно значение слова *хвалится*. См. выше коммент. к слову *хвалится* (*καυχᾶσθαι*) (к с. 88 и 106) — *вельми хвалитися* (*μεγαλαυχεῖ*).

Толк. Златоуста о милостыни. — Это толкование Иоанна Златоуста представляет собой самостоятельное произведение (слово), которое можно было бы назвать «Слово о милостыни»; оно почти дословно входит в Пролог под 11 ноября под названием «Слово о милостыни Иоанна Златоустаго». Проложное слово является частью более обширного произведения Иоанна Златоуста, входящего в Златоуст (чтение на 32 неделе): «Поучение яко во все жити полагается нам милостыню творити и о еже пренебрегати имения» (Златоуст. М., 1795, л. 309об.—331). Тема милосердия занимает обширное место в наследии Иоанна Златоуста. Поэтический, наполненный сравнениями и метафорами текст содержит скрытые и точные цитаты («Будьте бо, вѣща, щедри, якоже и Отецъ вашъ Небесный» — ср. Лк. 6, 36; «Крилѣ голубинѣ посребренѣ и межурамѣ ея в блъщании злата» — Пс. 67, 14; «Такоя жертвы хошеть Богъ» — перефразировка Мф. 12, 7; «огнь, червь, скрежетъ зубомъ» — Мф. 22, 13; Лк. 13, 28 и др.). Выражение «дружка Божия» (возможно, принадлежит Златоусту) перекликается с выражением «друг Божий» в отношении Авраама — см. Иак. 2, 23 и коммент. к с. 102. Трудно для перевода слово «межурамѣ» — *μετάφρενοι* («межплечие»). Не случайно ведь в этом образе противопоставляется крыльям какая-то другая часть тела птицы, но какая и почему? Пусть фольклористы скажут. В русском синодальном тексте Псалтири не переведено, а заменено другим словом: «Крылья ее покрыты серебром, а перья — чистым золотом».

Стр. 100. *Межурамѣ.* — См. предыдущий коммент. к с. 98 (*Толк. Златоуста*).

... нага будета дневнаго житиа... — В Синод. «нага будут и лишены будут дневная пища». То чтение, которое представлено в нашей рукописи, может быть признано неспорченным, поскольку греческое слово *γυμνός* (нагой) имеет также значение «лишенный». Среди греческих рукописей, как указывает Теодорович, тоже есть варианты, где пропущено *καί* (и) или *ή* (или). Если признать такое чтение, то надо переводить «лишены потребного для жизни».

...Раавъ... — О ней рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. См. коммент. к Иак. 2, 25 (к с. 102).

Святый Божи... — Такое наименование Христа в Мк. 1, 24. В Ветхом Завете встречается «святый святых»; может быть, это связано.

Кая есть польза? — Эти слова относятся по смыслу к предыдущей фразе (какая польза, если нагим и голодным только советуют одеться и накормиться, но не помогают), так читается в Синод. и других текстах. Здесь же эти слова сливаются со следующим стихом и получается отдельное предложение: «Какая польза в такой вере?».

Стр. 102. *...толико пострадавшие ... съблудиша...* — Об иудеях в пустыне.

Вѣра бо по крещени... — Вера, полученная при крещении (как оглашение, т. е. объявление себя христианином), требует подтверждения дальнейшей жизнью. Апостол Павел указывает необходимость действенной веры и для тех, кто живет по ветхозаветному закону: «Не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Галат. 5, 6).

... на гору въсходить ... раздрушает силу. — Об искушении Иисуса Христа дьяволом и о посрамлении дьявола см. Мф. 4, 1—11; Лк. 4, 1—10.

Авраамъ бо отецъ... — В Синод. *отецъ нашъ*. Возможно, что в рукописи утрата. Естественно, что праведный Авраам называется отцом нашим или праотцем. С другой стороны, дело, без которого вера мертва, для Авраама в данном случае связано с тем, что он — отец, возложивший сына на жертвенник из послушания Богу.

... не от дѣль ли оправдися... — В Священном писании у слова «оправдися» два значения, существующие одновременно. С одной стороны, обычное — доказал (показал) свою невиновность.

Второе — оказался причастным к Правде Божией, т. е. Верным (истинно верующим, доказавшим свою веру).

...възнесъ Исаака, сына своего, на жертвникъ... — О жертвоприношении Авраама в Книге Бытия, гл. 28; об обетовании насчет Исаака — Быт. 15.

Святаго Кирила. — Кирилл (ск. в 444 г.), архиепископ Александрийский, отец церкви, богослов. Среди прочих сочинений — толкования на библейские книги.

... Павелъ же глаголетъ его отъ вѣры оправдана... — Апостол Павел в Послании к евреям говорит об Аврааме как о ярчайшем примере оправдания по вере (Евр. 11, 8—19). Святой Кирилл в толковании, используя текст апостола Павла, подчеркивает в поступках Авраама, в которых проявляется его вера, беззаветная и непрекословная, черты «дел веры», т. е. веры деятельной.

... вѣры ради оставление ... — Ср. Пс. 31, 2: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

...сѣбѣшася Книгы... — Имеется в виду, что стих «Вера Авраам Богу, и вменися ему в правду» (Иак. 2, 23) является цитатой из Ветхого Завета (Быт. 15, 6).

... и другъ Божий наречеся. — Выражение «друг Божий», по-видимому, принадлежит апостолу Иакову (только применительно к Аврааму). В Священном писании упоминается, что Бог возлюбил Авраама (Ис. 41, 8) и называл его возлюбленным (2 Парал. 20, 7).

Такоже и Равъ ... изведши... — Текст, близкий к апостолу Павлу, приводящему как пример спасения по вере блудницу Раав (Евр. 11, 31). О поступке хананейки Раав рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. Она спрятала у себя разведчиков (соглядатаев) Иисуса Наввина, осадившего Иерихон, и помогла им выйти из города. Она поступила так, потому что считала, что выполняет волю Божию.

Стр. 104. *Севирианово.* — Севериан (ск. после 408 г.), епископ Гавальский, проповедник, богослов, автор толкований на библейские книги.

Слыши Писаниа, сѣвѣдѣтельствующа ея оправдания... — После взятия Иерихона, Раав и весь ее дом были пощажены Иисусом Наввином, и в этом проявилось ее оправдание (Нав. 4, 24).

... бисерь въ калѣ свѣтятся... — Это выражение есть в Повести временных лет в похвале княгине Ольге в 969 (6477) г.: «в невѣрныхъ челоуѣцехъ свѣтятся, аки бисерь в калѣ» (БЛДР, I, с. 116). О выражении «бисер в кале» см.: *Лихачева О. П.* Яко бисер в кале // *ТОДРЛ.* Т. 50. С. 110—112.

Не мнози учителие будѣте... — Апостолы и евангелисты неоднократно предупреждали против самозванных учителей: тех, кто поучает других, не будучи опытен сам, а также тех, кто недостаточно благочестив, ибо считает себя лучше других людей и тем дает себе право учить, как например фарисеи и книжники. Ср. Мф. 23, 7; Римл. 2, 21; 1 Кор. 13, 29 и др. Апостол Павел подчеркивает, что учительство есть дар свыше, предназначение от Бога (Ефес. 4, 11), данное немногим. А кому такой дар не дан, тот не должен учительствовать, ибо это принесет только вред.

...гнилословие... — Ср. Ефес. 4, 29: «Никакое гнилое (σαπρός) слово да не исходит из уст ваших».

Слово ваше да есть въ благодати солию растворено. — Ср. Кол. 4, 6: «Слово ваше да будет с благодатью, приправлено солью».

...и благодать дасться слышашимъ. — Ср. Ефес. 4, 29: «Дабы оно доставило благодать слышашим».

Положи, Господи ... о устнахъ моихъ. — Пс. 140, 3—4.

Съхраню пути моя имѣти. — Ср. Пс. 38, 2. Цитата «Съхраню пути моя, не съгрѣшити ми языкомъ моимъ», а далее реминисценция: «Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающъ языкъ имѣти» — Пс. 140, 3 («Положи хранило») и Пс. 38, 2 («съгрѣшити ми языком»).

Стр. 106. *...хвалитя...* — Хвалитися, вельми хвалитися — μεγαλαυχεῖν. Здесь этот глагол имеет значение «иметь большое значение, много делать, иметь большую силу». Теодорович считает μεγαλαυχεῖν гапаксом Нового Завета. О других значениях глагола «хвалитися» см. коммент. к с. 88 и 98.

Како убо не палить ... вѣчный... — Ср. Мф. 22, 13.

Да не постраждеть...улучя утехы. — Трудное для перевода (может быть, испорченное) место. Здесь в славянском переводе смешались слова *πλοόσιος* (богатый) и *πλησίος* (ближний). Этот малопонятный текст можно считать аллюзией к евангельскому рассказу о богатом и Лазаре (Лк. 16, 24) — богатч в аду просил Бога послать Лазаря, чтобы тот «омочил перст» и охладил ему язык, потому что он мучается в пламени. Может быть, надо было бы перевести так: «чтобы не пострадать ему, как тот богатч, язык которого горел в пламени».

...громаду... — В Синод. — вещь, в греч. ὄλη — вещество. Теодорович указывает (с. 82—83), что ὄλη — вещество, гапакс Нового Завета. Основное значение — лес. Смысл сохраняется и при этом значении: лес сгорает от малого огня. В Сирийском — лес, в Вульгате — *silvam* (лес).

...дѣвицѣ... — Здесь ошибка, довольно частая в славянских рукописях (дѣвица/зѣница/лѣвица — часто путаются). В греч. κόρη: 1) девица; 2) зрачок. Здесь должно быть: зеницу ока.

Расколъ. — Здесь ошибка славянского перевода. В греческом тексте слово *σχῆμα* (вид, форма), переводчик спутал его со словом *σχίσμα* (раскол, распря).

Мнози падоша усты меча ...узы его мѣдяны... — Сир. 28, 21—23. Выражение «усты меча» есть также в Лк. 21, 24.

...лѣпта неправдѣ. — ὁ κόσμος τῆς ἀδικίας. В Синод. переведено *прикраса неправде*. Греческое слово *ὁ κόσμος* имеет три значения: 1) порядок, устройство; 2) украшение, прикраса; 3) мир, свет, вселенная. Славянский перевод берет второе значение. Некоторые толкователи, как указывает Теодорович, понимают этот текст так же и толкуют его в том смысле, что язык прикрывает, приукрашает неправду, имея в виду «непризванных учителей», о которых шла речь выше. Однако правильно было бы взять третье значение слова: *κόσμος* — мир, хотя и в переносном смысле (огромное количество, бездна, вся совокупность). В таком значении это слово употребляется и в Ветхом, и в Новом Завете.

...паля около твари нашеа... — *φλοῦζουσα τὸν τροχὸν τῆς γενέσεως*, Синод. *паля коло рождения нашего*. Коло (около) твари, коло рождения, коло жизни, коло бытия, коло смерти. Теодорович (с. 84—85) указывает, что «колесо рождения» (т. е. колесо, бегущее от рождения), или «колесо жизни» — это метафора, в которой жизнь человека изображается как колесо, которое катится от рождения до смерти, а язык, оказавшись в середине колеса, опалает всю нашу жизнь.

Святаго Василиа. — Василий Великий (329—379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, знаменитый богослов, один из отцов церкви, автор многочисленных сочинений, в том числе толкований на Священное писание.

Люблй бо мя, рече, заповѣди моя съблюдетъ. — Ин. 14, 15.

...удержи языкъ свой от зла и устнѣ твои не глаголати лъсти. — Пс. 33, 14.

Стр. 108. *Мечь есть языкъ наостренъ...* — В Священном писании встречается выражение «язык меч обоюдоострый» (Пс. 149, 6; Прит. 5, 3—4; Евр. 4, 12).

... аще бо не оставимъ, не оставится намъ. — Мф. 6, 1.

Стр. 110. *...премудръ и хытръ ...* — *Хытръ* (в Синод. *худогъ*, русск. Синод. *разумень*) надо понимать: искусен, образован, научен. В словаре Срезневского: тот, кто знание имеет, *disciplinatus*. Рассуждение Теодоровича: *Премудр (σοφός)* — тот, кто глубоко проникает в тайны Божественного откровения, а *худог (ἐπιστήμων)* — тот, кто умеет приложить мудрость к жизни и тем оценить на практике ее истинное значение. Ср. 1 Кор. 12, 8: «Одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания».

... въ кротость премудрости. — В Синод. *в кротости и премудрости*. *Мудрая кротость* — это очень важное для апостола Иакова понятие. Это понятие доброго жития, доброго поведения, как в отношении ближнего своего, так и в отношении своего внутреннего мира. Это качество дает возможность человеку продвигаться по пути совершенства (чтобы наследовать Царствие Небесное) и право учительства. Противоположность — горькая зависть и сварливость (рвение) — *ζηλον πικρὸν ἔχετε καὶ ἐριθείαν* — о которых говорится ниже.

...душна ... — «Душевный» (ψυχικός) противопоставляется «Духовный» (πνευματικός).

...неприязнина. — Ср. 1 Ин. 3, 8: «виновник всего злого дела есть дьявол».

Идеже бо зависть ... ту нестроение. — Ср. Синод.: «где зависть и рвение, там всякая злая вещь» (πᾶν φαῦλον πρᾶγμα). Нестроение — ἀκαταστασία — ср. 1 Кор. 14, 33: «Ибо Бог не есть Бог нестроения, но Бог мира».

А вышняя премудрость ... плодъ благыхъ... — О Премудрости см. выше (...*премудръ и хытръ*...), а также коммент. к с. 84. Здесь перечислены качества Премудрости. Чиста (ἀγνή) — не в смысле «целомудрена», а в смысле «свободна от всякой нечистоты». В Вульгате — pudica. Ср. Прем. 1, 4: «В злохудожную душу не видит премудрость, ниже обитает в телесе, повинном греху». Мирна — ср. Прит. 3, 17: «Вся стезя ее мирна». Пропушен эпитет «кротка», который есть в Синод. и в греческом текстах — скромна, негневлива, проникнута любовью. Ср. 1 Тим. 3, 3 (кротку — ἐπιεικῆ); Тит. 3, 2 (тихим — ἐπιεικεῖς); Фил. 4, 5 (кротость — ἐπιεικὲς). *Благопокорлива* — послушна закону Божию, как Христос (Фил. 2, 8).

...скверну... — Слово «скверна» имеет два значения: 1) ῥύπος; ῥύπαρον — мерзость, грязь; 2) σπιλάδες — порок в нравственном смысле. См. коммент. к с. 92.

...бе-сумнѣна и без лицебрѣя... — Ср. Синод. *несумненна и нелицемерна* (ἀδιάκριτος καὶ ἀνυπόκριτος). Рассуждение Теодоровича: будучи беспристрастна, она «не выслеживает сучков» в глазу брата; будучи нелицемерна, не скрывает бревна в своем глазу.

Семь качеств истинной мудрости (чиста, мирна, кротка, благопослушлива, милостива, несомненна, нелицемерна), как семь цветов радуги, сливаются в один «цвет мира», т. е. свойства истинной мудрости совпадают со свойствами истинной любви, иначе: мудрость есть в сущности христианская любовь.

Плод же ... творящим миръ. — греч. καρπὸς τῆς δικαιοσύνης. В Погод. 30 — ...*благъ праведень*. Эта короткая фраза, завершающая увещание о Премудрости, очень важна — она не только подводит итог увещанию, аккумулируя глубочайший смысл, но и подготавливает к восприятию следующей главы. Плод правды — справедливое устройство жизни по учению Христа, противопоставленное распрям и сварам, являющимся плодами ложной мудрости. *Сеется* — т. е. дается (но не просто дается — посеянное должно вырасти и дать плод; возможно, слово «сеять» метафорически выражает понятие «учить»). В мире, т. е. мирно (противоположно зависти и распрям, которыми утверждается ложная мудрость). Это благо (плод правды) дает только тем, кто творит мир, миротворцам (выполняющим заветы Христа).

...о мачании зелий. — В греческом тексте: βαπτισμάτων — *омовения*; *зелия* — добавление переводчика. Мачание зелий (мочение трав?) — можно понять как настой трав. В свете цитаты из Павла, на которую толкователь ссылается, может быть, здесь речь идет о неосуждении за еду и ритуальные омовения (в которых, возможно, употреблялись благовония или настои растений). Может быть, следовало переводить: «о сохранении пищи и разных омовениях».

...къ коласаемъ бестѹуетъ Павелъ. — См. Кол. 2, 16 и др.: «Итак, никто да не осуждает вас за пищу и питье, или за какой-либо праздник, или новомесячье, или субботу...».

Откуда брани ... не можете улучшить... — Вражда и распри (πόλεμοι καὶ μάχαι), непозволительные для христиан, проистекают от страстей (ἐπιθυμία, здесь метонимия ἡδοναί), гнездящихся в членах тела человека. Мысль о том, что грех поработает человека через плоть, угнездившись в членах и борясь с духом и побуждая человека к распрям и сварам, высказывается и другими апостолами. Апостол Павел (Римл. 6, 12—14) предостерегает, что человек станет рабом греха, если позволит своим членам стать орудием греха, а не орудием праведности. Закон, царствующий в членах, противоборствует закону ума (Римл. 7, 26), и эта борьба делает человека рабом «этого тела смерти». В другом месте (Римл. 16, 17—18) апостол Павел говорит, что грешные люди (те, которые производят раздоры и соблазны) служат не Господу, а своему чреву. В 1-м послании апостола Петра также упомянуто, что плотские похоти восстают на душу (1 Петр. 2, 11). Эта борьба разрушает внутренний мир человека, если он не умеет себя обуздать. Она еще и тем опасна, что, как пишет далее апостол Иаков, лишает человека возможности получить желаемое, потому что ни желание, ни борьба за его выполнение (зависть, убийство, не в прямом смысле, конечно, а в духовном, т. е. ненависть, недоброжелательство) не приносят выполнения желания. Потому что только через молитву возможно получение просимого.

Зане не просите. — Эти слова, конец стиха Иак. 4, 2, начинают другую важнейшую для Нового Завета тему, о которой апостол Иаков будет говорить ниже, — о молитве: «Потому что не просите» (ср. Лк. 6, 46: «Что мя зовете „Господи, Господи“, а не творите, яже глаголю»). Распри и свары — нарушение завета Христова, поэтому молитва людей, виновных в этом, не является той молитвой, которую услышит Господь.

... *слово въ учении.* — λόγος διδασκαλικόν. Феофилакт считает, что речь о «ложных учителях»; в таком смысле и в Синодальном русском переводе. Впрочем, у апостола Павла, наверное, шире — обращение ко всем членам общины (1 Кор. 3, 3).

Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не плътяни ли есте? — 1 Кор. 3, 3.

Просите и не възмете, занеже злѣ просите... — «Плохо просите» или «Прosite плохого»? Я думаю, здесь оба смысла: 1) плохо, т. е. неусердно, молитесь и 2) просите о плохом. По-моему, повтор «зане злѣ просите», которого нет в Синод. тексте, подтверждает двойной смысл. Апостол Иаков обращает столь большое внимание на ситуацию «просит и не получает», потому что одна из аксиом христианства — выражение из Евангелия от Матфея (Мф. 7, 7—11): «Просите, и дано будет». Вера в то, что милосердный Господь даст просящему все, что он заслуживает, или нет такого милосердия, находится как бы в противоречии с тем, о чем говорит апостол Иаков. «Просите — и не дается». Ведь в этом упрек — раз не дается, то как вы просите и каковы вы?!.. И объяснение — вы просите того, что служит к вашей гибели, и именно потому милосердный Господь не дает вам. Следует стыдиться того, что молитва не услышана, а не обижаться на это. Об этом идет речь в следующем толковании. Ср. также Прит. 15, 29.

...*прѣлюбодѣици и прѣлюбодѣица.* — μοιχοί καί μοιχαλίδες. (Теодорович считает, что второе слово попало из маргиналий какого-то древнего текста, однако в латинском, коптском, эфиопском и сирийском есть оба слова, мужского и женского рода). Слово «прелюбодеи», адресованное людям, любящим земные блага больше, чем божественные дары, связано с обычным для Священного писания метафорическим изображением отношений между Богом и народом как супружества. Нарушение заповедей Божиих есть неверность в любви, т. е. прелюбодеяние.

Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Еуангелии похуляет. — См. Лк. 18, 10—14.

Стр. 112. *Иже бо аще изволитъ другъ свѣту сему быти, врагъ Божий бываеть.* — Мирь (свѣт) — в контексте затронутой темы — мир плотский, материальный, противопоставляемый духовному началу. Поскольку плоть может быть источником вожделений, ссорящих человека с Богом, то мир плоти и материи как бы враждебен Богу. Апостол предупреждает, в продолжение предыдущего стиха, что люди, любя свои вожделения, вольно или невольно, переходят на сторону врага Божия — дьявола.

Притѣчникъ. — Вероятно, это не прямое указание на авторство толкования, а ссылка на Притчи Соломона, цитируемые ниже апостолом Иаковом.

... *не мощно естъ работати Богу и мамонѣ...* — Мф. 6, 24.

Ножъ бо и раздѣление въверже на землю. — Противопоставляя плотское и духовное, подчеркивая необходимость и неизбежность их борьбы в человеке для достижения спасения, апостол Иаков говорит, что «друг мира» (т. е. сторонник плотского начала) становится «врагом Бога» (т. е. не принимает духовное начало). Толкователь развивает это подробнее, опираясь на высказанную в Евангелии мысль о необходимости разделения плотского и духовного и отсеечения плотского («не мир, но меч» — Мф. 10, 34 и «...разделение» — Лк. 12, 51). Именно ценой этой суровой борьбы возможен мир, состояние, о котором молятся не только люди, но и ангелы на небесах. В толковании на Евангелие Иоанн Златоуст говорит о целительности для нас отсеечения большого члена для спасения всего тела.

Аще рука ... съблажняетъ тя... — Мф. 18, 8—9; Мк. 3, 43—44.

Хрусостомость — т. е. Златоуст (Χρυσόστομος), Иоанн Златоуст.

Или мните, яко лѣзю Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете дух, иже вселився въ нас...» — Общепризнано, что это одно из труднейших для понимания мест. Во-первых, такой цитаты в Священном писании никому найти не удалось. Возможно, что ссылка на Писание относится к приведенной в следующем стихе цитате из Притч Соломона, т. е. текст не является цитатой, а принадлежит апостолу Иакову. Смысл текста не ясен. В славянских

рукописях: «возлюбляете дух», в греческом тексте, а также в Синодальном церковнославянском и русском: «Дух возлюбляет». Греческий текст: πρὸς φθόνον ἐπιλοθεῖ τὸ πνεῦμα, Синод.: «к зависти желает дух»; рус.: «до ревности любит дух». Затруднением является слово φθόνος (зависть) или ζήλος (ревность) в отношении Бога. Толкователи XIX в. пытались найти решение типа «возлюбил до ревности». Однако слово «зависть» в значении «ревность» (т. е. усердие) зафиксировано в словаре Срезневского («божественною завистью душею возгараясь» — Миния 1091 г.).

Стр. 114. *Завистию диаволу смерть вниде въ миръ...* — Прем. 2, 24.

Христос же, по Писанию, вселися ... — Ср. Ефес. 3, 17: «Вселитися Христу верою в сердца наша».

Азъ бо придох, рече, да животъ имуть и лише имуть. — Ин. 10, 10.

Исаия явъ рекъ: «Не ходатай, ни аггелъ, нъ сам Господь спасе ны, понеже възлюби ны». — Ср. Ис. 33, 27: «Господь судия наш, Господь законодатель, Господь царь наш, он спасет нас».

Вселеную всю обоиму яко яйце. — Ср. Ис. 10, 14: «Вселенную всю обоиму рукою моею, яко гнездо, и, яко оставленная яйца, возьму».

Богъ гордымъ противится, сѣмбреным же даетъ благодать. — Прит. 3, 34.

Повиньтесе убо Богови ... от васъ. — Смирение, как главная добродетель верующего человека, которой всю силу дьявола побеждают, требует от человека сознательной и твердой позиции (т. е. борьбы) — покориться Богу и воспротивиться сатане, воспротивиться так твердо, чтобы он обратился в бегство. Человек обязан проявлять волю и усердие. Это же говорится и в толковании: смирение и скромность требуют проявления воли человека, ибо могут быть и на добро, и на зло.

О покаяньи... искръняго. — Этот заголовок в рукописи пропущен; восстанавливаем по Погод. 30.

Очистите руцѣ ... двоедушьни. — Покаяние, как проявление смирения, дает возможность человеку, во-первых, очистить руки (избавиться от греха) и сердце, а во-вторых, проявить волю в выборе, — в том, чтобы приблизиться к Богу. И тогда Бог приблизится к человеку.

Виждь сѣмбрение мое и изми мя, яко Закона твоего не забых. — Пс. 118, 153.

Не отай оклеветайте... — В греческом тексте: Μὴ καταλαλεῖτε (Не клеветайте). Вероятно, «отай» попало по ошибке, под влиянием Пс. 100, 5 («оклеветаящего тай»).

...спасти и погубити. — Выражение «спасти и погубити» из Мф. 10, 28, где говорится о том, что люди могут убить тело человека, но не могут убить его душу. Бояться нужно не людей, а Бога. Только всемогущий Бог, установивший совершенный Закон, может судить, осуждать или прощать. Ср. 1 Цар. 2, 6: «Господь мертвит и живит, низводит во ад и возводит».

Стр. 116. *Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣтъ и осуждай.* — Ср. Римл. 2, 1.

...огнь и муку на своя изливают главы. — Ср. Прит. 25, 22 и Римл. 12, 20: «...соберешь ему на голову горящие угли» (т. е. горькое раскаяние).

Вѣдущому же убо добро дѣяти и не дѣющю, грѣхъ ему есть. — Синод.: «кто разумеет делать добро» (т. е. знает, что нужно, и умеет). О том, что неведение иногда освобождает от ответственности, а ведение (знание) усугубляет ответственность, говорится в Евангелии: «Раб, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много, а который не знал, но делал достойное наказание, бит будет меньше» (Лк. 12, 47—48); «Если бы я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха, а теперь не имеют извинения в грехе своем» (Ин. 15, 22).

Не хвалися утрьнимъ, не въси бо, что родить настоащия. — Прит. 27, 1.

...плачѣтесе, задрезушесе о страстехъ ваших, грядущих на вы. — Плачьте задрезуше — κλαύσατε δλοῦζοντες. Синод.: «Плачьте и рыдайте». У Срезневского: «задрзатися — захлипатися» (может быть: рыдать вопия). «Бедствия, страсти» (Синод.: «лютые скорби») — ταλαπωρίαῖς. Скорби — это не только потеря мимотекущего богатства, которая предстает; «грядущие скорьби» — это скорби, предшествующие Второму Пришествию. О скорбях, предшест-

вующих «кончине века», говорится в 24-й главе Евангелия от Матфея. Здесь у апостола Иакова начало темы предвещения Страшного суда, развиваемой далее. Во времена апостольские наступление Страшного суда ощущалось как самое ближайшее будущее.

Мука и скрежетъ, гной и червие. — «Тьма крошечная», где «будет плач и скрежет зубов» (т. е. ад, вечная мука) — Мф. 8, 12; 13, 42, 50; 22, 13; 24, 51; 25, 30; Лк. 13, 28.

Стр. 118. *...день заклениа.* — Метафора, обозначающая день Страшного суда. Основана на тексте пророка Иереми (Иер. 12, 3): «собери их как овцы на закление, и очисти их в день заклениа». Иаков изменяет эту метафору, делая ключевым словом «ожиревшее сердце». Как скотину перед убоим откармливают, так и богатеи, насладившиеся жизнью, откормили сердца свои. Их надлежит резать, как скот. Но очищение (метафора Иереми, вероятно, связанная с иудейским обычаем особого очищения мяса, предназначенного для еды) ожиревшего затруднительно. Так и «ожиревшее сердце» (в духовном смысле) нелегко очистить перед «днем заклениа», т. е. перед Страшным судом. О дне заклениа также: Иерем. 25, 34: «Воскликните, пастуси, и вопиете, и восплачите, овни овчин, яко исполнишася дние ваша на закление, и падете, якоже овни избранные».

Злато ваше ... будет ... — Золото проржавело. Это можно понимать не буквально (золото, как известно, не ржавеет), а иносказательно: пропало, исчезло, было уничтожено. Золото и серебро — это троп (синекдоха), обозначение богатства вообще. Может быть, употребляя образ «золото и серебро проржавело» для обозначения уничтожения, автор хочет подчеркнуть providенциальную неизбежность уничтожения всего (даже того, что кажется неуничтожимым) в Судный день. Далее подчеркивается, что ржавчина золота — это свидетельство против: против грешных богачей, которые приобрели богатство несправедливо. Возможно, что это знак (символ) — знак, отличающий грешника (как несмываемое кровавое пятно обличает убийцу).

...сгнѣсть плоти ваша, яко огнь... — *φάσεται τὰς σάρκας ὁμῶν ὡς πῦρ.* Кара нечестивым богачам — уничтожение того, что собрано за всю жизнь, на последние дни, на остаток жизни. Для библейской ментальности это очень важно (не в смысле бедности или достатка) — имущество человека это выражение его личности, показатель того, на что он способен. Уничтожить это — уничтожить самого человека. Это страшно. Поэтому «снести плоти ваша» звучит так страшно и двусмысленно. Хотя речь идет об уничтожении вещественного имущества, нажитого, звучит так, как будто говорится об уничтожении людей. Именно поэтому апостолы так много внимания уделяли разъяснению, что следует собирать сокровище на небесах, нетленное духовное богатство, которое ни моль, ни ржавчина уничтожить не могут. И это сокровище надо собирать для Последнего дня не в смысле конца своей жизни, а для Дня судного, с чем предстанешь перед Судией, стоящим уже у дверей. Предупреждение о бессмысленности собрания богатства есть и в Ветхом Завете: «Сокровиществует и не весть, кому соберет е» (Пс. 38, 7).

...женъших... — Испр. по Погод. 30; в рукописи *женъ ваших.*

Се мзда ...внидоша. — Прием библейского синтаксического параллелизма (мзда ... вопиет, вопли ... дошли). *Жнеци* — как и в других случаях — частное для обозначения общего. Жнецы олицетворяют собой труждающихся в поте лица, угнетенных, обманутых, обиженных. Невыплата вознаграждения за труд по закону приравнивается к убийству. Это строго запрещено (Лев. 19, 13; Втор. 24, 14) и обличается пророками (Иер. 22, 13; Мал. 3, 5; Иов. 31, 33; Тов. 4, 14). Сир. 34, 22: «Убивает ближнего тот, кто отнимает у него пропитание, проливает кровь тот, кто лишает наемника платы». В упоминании имени Саваоф — угроза. Господь Саваоф (Господь сил) — карающий.

Свѣдѣтельствоует на ны ... моля ради сгнившая. — Здесь сокращенное толкование Феофилакта (выборка из катен); на самом деле Феофилакт более подробно развивает мысль о том, что оправданием богатства является милосердие, и от ржавчины и моли имущество спасает раздача его неимущим. Факт съедения молью одежд свидетельствует не о нерадивости хозяина, а о его жадности и жестокости.

Осудисте, убиште праведнаго... — Праведника (τοὸ δίκαιον) — некоторые толкователи, в том числе Феофилакт, считают, что это указание на Христа. Но для такого толкования нет оснований, потому что нельзя инкриминировать распятие Христа иудеям, бывшим в рассеянии,

даже если они — нечестивые богачи. Вероятно, здесь, как и в других местах, синекдоха — называется один, а имеется в виду множество, или праведность вообще. Богачи с ожиревшим сердцем столь плохи, что даже способны убить праведника, а это большое преступление, обличаемое пророками (Амос. 5, 12; Прем. 2, 12—20). В какой-то степени это повторение того, о чем говорилось в начале стиха — пролитие крови неповинной (неплата наемнику — убийство).

Что убо? ... съ благодарениемъ въкушаемо. — О том, что ветхозаветные запреты на пищу, разделение пищи на чистую и нечистую, не обязательны для христиан, неоднократно говорил апостол Павел, прибавляя, что есть можно все, за все благодаря Бога, и нельзя осуждать за пищу (1 Кор.; Кол. 2), но следует уважать чувства и убеждения тех, кто придерживается ограничений — не быть для них соблазном и не выставлять на обозрение нарушения ветхозаветного закона. Последняя фраза толкования — точная цитата (1 Тим. 4, 4).

...другаго плода... — В Синод. *цестнаго* (драгоценного); в греч.: τὸν τίμιον καρπὸν (ценного плода).

...дѣжчь ранъ и позьднѣ. — Дождь ранний и поздний — т. е. дождь весенний и осенний. Земледельческая практика Востока — дождь два раза в году, весной и осенью, и от этого зависит урожай (ср. Втор. 11, 14; Иер. 5, 24; Иоиль 2, 23; Зах. 10, 1). Посеяв семена, земледелец терпеливо ждет, веря, что дождь будет и урожай не погибнет. Это прообраз того терпения с верой (уверенностью), о котором говорит апостол Иаков.

...яко пришествие Господне приближися. — В апостольские времена пришествие Господне ожидалось в самом ближайшем будущем (1 Петр. 4, 7; 2 Петр. 3, 4; 1 Ин. 2, 18, 28; 1 Кор. 7, 29; 10, 11; 1 Сол. 4, 15 и др.). Приблизилось — но еще не наступило, Судия еще только стоит у дверей. Еще есть время, но надо спешить — укрепить сердца и быть готовыми. Время пришествия Господня ветхозаветными пророками называлось «последние дни» (Ис. 2, 1; 4, 2); «последнее время» (так говорил апостол Иоанн — 1 Ин. 2, 1); теперь мы видим, что, говоря о тленном богатстве, апостол Иаков именно это имел в виду, упоминая о заготовленном на последние дни. Однако Господь предупреждает: «Бдите, яко не весте дня же, ни часа, в онъже Сын Человеческий придетъ» (Мф. 24, 42); и этот час придет, «яко тать в нощи», т. е. неожиданно (1 Сол. 5, 2; 2 Петр. 3, 10). Завтра или через две тысячи лет — надо быть готовыми и ждать с твердым сердцем и с терпением.

Долготерпѣние къ другомъ, пождание ко внѣшнимъ. — Противопоставляются слова «долготерпение» и «пождание». В своем толковании, не вошедшем в катены, Феофилакт останавливается на этом противопоставлении. Долготерпение (μακροθυμία) — это свойство Бога; людям оно свойственно лишь частично, по отношению друг к другу. В отношении людей говорится «терпение» (ὀλιότης; в нашем тексте — «пождание») к внешним обстоятельствам. Поэтому образ пахаря, который «долготерпит» (о урожае, если будет «дождь ранний и поздний»), по мнению Феофилакта, это отношение Бога к людям — он долготерпит, ожидая покаяния в юности и в старости. У Срезневского: пождание — отсрочка, пожданно — терпеливо, пождати — ждать, надеяться.

Стр. 120. *Не въздыхайте на ся...* — Μὴ στενάζετε κατ' ἀλλήλων. Сетование (воздыхание) друг на друга — взаимные упреки, это есть нарушение добродетели терпения, о которой шла речь в предыдущем наставлении. В этом контексте речь идет опять о богатых и бедных, об обидчиках и угнетенных. Возможно, что предыдущее толкование должно быть отнесено к этому отрывку.

...да не осудитесь. — Синод.: «да не будете осуждены». В сетовании содержится осуждение (признание вины за другим, а не за собой), а судящий другого будет осужден. Ср. Мф. 7, 1: «Не судите, да не судимы будете».

Судия. — κρίτης. Только Господь может судить и воздавать за вину: «Мне отмщение и аз воздам» (Втор. 32, 35), т. е. «Мне (принадлежит право) отмщения, и я воздам (кому следует)». Ср. Римл. 12, 19: «Не мстите за себя, братие, но дайте место гневу Божию, ибо сказано: „Мне отмщение, и аз воздам“».

...глаголаша именемъ Господнимъ. — Можно это понимать: «говорили от имени Господа», но точнее: «Господь говорил их устами». Ведь пророчества в пророческих книгах начинаются словами: «Тако глаголет Господь...».

Прежде же всего, братие моя... — В Погод. 30 эти слова относятся к предыдущему отрывку. Теодорович говорит (с. 123), что в эфиопском тексте к этим словам добавлено: «да превосходит все любовь его»; поскольку этих слов нет ни в одной греческой рукописи, их можно рассматривать как толкование.

Аще страждет кто въ вас ... въ имя Господне. — В этом отрывке как бы рекомендована вся жизнь, до смерти. Молитесь (προσευχέσθω), когда страдаете, пойте псалмы (φαλλέτω), когда благооществуете, а когда тяжело заболите, следует призвать священников, чтобы они совершили чин елеосвящения (это первое указание в Священном писании на совершение таинства елеосвящения, или соборования). Далее говорится об исповеди и отпущении грехов. Апостол Иаков рекомендует взаимную исповедь («Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа...») и молитву друг за друга. Это приблизительно то, о чем говорит апостол Павел (Гал. 6, 2): «Носите бремена друг друга». Следующая фраза разъясняет преимущества взаимной молитвы.

Много бо может молитва праведнаго поспѣваема. — πολὺ γὰρ ἰσχύει δεήσις δίκαιου ἐνεργουμένη. В Синод.: *поспѣшствуемая*, в перев. *усиленная*. Молитва, которую поддерживают (поддержанная тем, за кого молятся), взаимная. Русский перевод Феофилакта, цитируемый в Толк. Б.: «Молитва праведника имеет большую силу тогда, когда тот, за кого молится, содействует его молитве душевною скорбью. Ибо если тогда, когда за нас молятся другие, проводим время в роскоши и неге и невоздержании, то мы через то ослабляем силу молитвы подвизающихся за нас». Срезневский: поспевать συνεργεῖν — помогать. Ектенѣсѣтеров — усердно. Так молился Христос (Лк. 22, 23), будучи в борении, и «был пот его как капли крови».

Того ради древнимъ клятва възаконися... — Древние — здесь: иудеи. По талмудическому закону полагалось клясться только существующими формулами клятв. Таким образом предотвращали недозволённые клятвы.

Кленѣте бо ся, вѣща, Богомъ истиннымъ. — Ср. Втор. 6, 13: «Именем его да кленется».

... да будетъ вамъ «ей»-«ей», «ни»-«ни», в клятвы мѣсто. — Ср. Мф. 5, 37.

Стр. 122. *Кленуци бо ся, вѣща, большимъ да кленутся...* — Евр. 6, 16.

Максимово — Максим Исповедник (582—662), учитель церкви, богослов.

Доколѣ ты плачеша Саула ... въ Израили. — 1 Цар. 16, 1.

И ты не молися о людех сихъ ... не послушаю тебе. — Иер. 13, 14.

Дерзновение — τάρρησία — смелость, дерзость. Это не просто смелость, а смелость, которая дается за заслуги праведной жизни — право обратиться к Богу и быть услышанным, дарованное святым и праведникам. Об этом образно говорится в «Похвале милости» (см. Толк. Златоуста о милостыни — с. 98—100 и коммент. к нему на с. 509—510).

...подобенъ нам... — В греч. ὁμοιοπαθής — подобосущен, подобострастен — равен нам по страстям, смертный, грешный. Ср. Прем. 7, 1: «Аз есмь человек смертен и подобен всем».

...молитвою помолися... — προσευχῆ προσήξατο, т. е. очень сильно помолился. Такой прием (удвоение) характерен для Священного писания (обышедша обыдоша — Пс. 117, 1; наказуя наказа — Пс. 117, 18; смертью умереть — Быт. 2, 12 и др.).

Въ Третий Царствѣ ... усты слова моего. — Цитата из Книги Царств (3 Цар. 17, 1), использованная как толкование, поясняющее стих о пророке Илии. В других рукописях и в греческом нет.

...небо мѣдяно бысть... — Ср. Втор. 28, 29: «Будет небо над главою твоею медяно, и земля под тобою железна».

Стр. 124. *... аще кто въ васъ заблудитъ от истины и обратитъ ... греховъ.* — Заблудить — πλανηθῆ, обратитъ — ἐπιστρέψῃ. Заблуждение (уклонение от истинного пути) — т. е. невольное отступничество от истины, это грех, а человек, с которым это случилось, — грешник. Тот же, кто может спасти (удержать) грешника от впадения в заблуждение — т. е. вернуться к праведности, обратиться, — спасает его и его душу, и покрывает множество грехов (которые произойдут в результате заблуждения). Покрыть грехи — добиться их прощения, а не спрятать (ср. современное покрыть долги). Такое понимание простейшее, и оно вполне правдоподобно. Но тогда встает вопрос, о спасении чьей души идет речь (обращенного или обратителя) и кто или что покроем множество грехов? Необходимо, сохраняя первый смысл, иметь в виду и более широкий и более

важный, подкрепляемый словами апостола Петра: «Любовь покрывает множество грехов» (1 Петр. 4, 8). Обращение заблудшего есть проявление любви, завещанной Господом. Эта любовь покрывает грехи; не только обращение от заблуждения, но и любовь, которая к этому привела, — удвоение силы, как и наставления о сильной молитве. Тот, кто проявляет любовь, способную покрыть множество грехов, выполняет заветы Христа, а следовательно, спасает и свою душу. Здесь выражена идея «универсальной» спасительности любви. Эта идея трижды повторяется. Бог, который есть любовь, прощает множество грехов. Это третий смысл этой фразы. Это последние слова апостола Иакова. Закончив свое «увещание», назидательное и обличительное, апостол дарует ученикам своим надежду, внушает упование, раскрывает истинный смысл веры, воздвигает на путь живой веры и действенной любви.

Толк. Златоуст. — В ряде рукописей (в частности, в Погод. 30) последний отрывок разделен на две части. «Братие ... и кто» и «Да вѣсть ... грѣховъ». Толкование Златоуста относится к первой части, а ко второй — только слова «Яко слугы бывайте ближних спасению». Здесь же толкование Златоуста подводит итоги Послания Иакова. С помощью излюбленных сравнений с трудом и терпением земледельца дается наставление о деятельной любви: земледелец должен пробудить бездушную землю, посеять семена, сохранять их от птиц, от сорняков, от засухи, и уповать, что урожай будет, и будет кому собрать его. Так и христиане должны служить спасению ближних.

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

Иоанн экзарх болгарский — болгарский писатель и переводчик конца IX—начала X в., поколения, следующего за поколением первых переводчиков с греческого на славянский Константина-Кирилла и Мефодия. Он перевел «Богословие» и «Философию» Иоанна Дамаскина, перевел также, а отчасти переложил, применяя к славянскому языку, греческую грамматику Иоанна Дамаскина «О восьми частях речи». Написал «Слово на Вознесение Господа нашего Иисуса Христа». Ему приписываются также «Слово на Преображение» и сочинение «От сказания евангельского».

«Шестоднев» представляет собой перевод-компиляцию «Шестодневок» Василия Великого, Севериана Гевальского и произведений Иоанна Златоуста, Аристотеля и др., дополненный самим переводчиком-компилятором. О строении своего произведения Иоанн-экзарх говорит в Прологе. «Шестоднев» посвящен Иоанном-экзархом большому любителю литературы и просвещения болгарскому князю Симеону. Этот князь погиб в 927 году в неудачной войне с хорватами. Стало быть, «Шестоднев» создан Иоанном-экзархом до этого года.

«Шестоднев» — рассказ о мире, природе, растениях, животных и человеке, построенный как комментарий к библейскому рассказу Книги Бытие о сотворении мира. Шесть частей-«слов» произведения соответствуют шести дням акта творения. «Шестоднев» являет собой богатое собрание античных и средневековых «естественнонаучных» сведений и «натурфилософских» представлений. Этим сведениям и представлениям всегда свойственно со временем изменяться. Бессмертным остается основной пафос всего произведения Иоанна-экзарха в целом — интерес к природе и человеку и изумление их устройством. Этот пафос прекрасно выражен в публикуемых нами здесь двух самим им написанных предисловиях — ко всему «Шестодневу» и к его шестому «слову», где речь идет о человеке.

Текст публикуется по русскому списку XV века — РНБ. Соловецкое собр., № 318/338, л. 1—6, 192—193 об.

Стр. 128. *Все бо еже восхотѣ... безднахъ...* — Ср. Пс. 134, 6.

Стр. 130. *Возвеличишася ... сътворишь еси.* — Пс. 103, 24.

Стр. 134. *Удивися разумъ ... възрадоуюся...* — Пс. 91, 3—4.

Възвеличишася ... сътвори. — Ср. Пс. 103, 31.

ИЗ ИЗБОРНИКА 1073 года

Изборник 1073 г. — одна из древнейших русских рукописных книг наряду с Остромировым Евангелием и Изборником 1076 г. Этот Изборник был обнаружен К. Калайловичем и П. Строевым в 1817 г. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре; в настоящее время хранится в Государственном Историческом музее в Москве, в Синодальном собр., под № 1043/31 д. Рукопись иллюминирована изображением русской княжеской семьи (в начале) и рисунками знаков зодиака (л. 250 об.—260). Ее фототипическое воспроизведение см.: Изборник Святослава 1073 г. М.: Книга, 1983. Кн. 1. Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание. Кн. 2. Научный аппарат факсимильного издания.

Изборник 1073 г. — это сделанный на Руси список с болгарского оригинала, представляющего собой перевод с греческого, выполненный, по всей вероятности, для болгарского царя Симеона (919—927) («велики в царех Симеон» упоминается в происходящей из Кирилло-Белозерского монастыря рукописи 1445 г., по содержанию идентичной Изборнику 1073 г.). Как гласит приписка писца на л. 263 об. Изборника 1073 г., «Въ лѣто 6581 (1073) написа Иоаннь диакъ Изборникъ съ великуму кн(я)зю С(вя)тославу». Дьяком Иоанном написана, однако же, лишь небольшая часть (начало и конец) рукописи, а имя Святослава — оно читается также в начале книги — оба раза написано, как установлено, по стертому. Возможно, Изборник был написан по заказу старшего брата Святослава, князя Изяслава Ярославича, и переадресован после его изгнания Святославом из Киева в 1073 г.

Существует несколько южнославянских списков XIII—XIV вв. и большое число (более двадцати) русских XV—XIX вв. рукописей, так или иначе восходящих к болгарскому оригиналу и его русской копии 1073 г. (см.: *Творогов О. В.* Изборник 1073 г. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1: XI—первая половина XIV в. Л., 1987. С. 194—196). Сохранился также ряд греческих рукописных сборников, по составу близких к тому, который был переведен в Болгарии при царе Симеоне. Древнейшие из них относятся к концу IX—первой половине X в. и указывают на Константинополь как на место своего создания: «прото-Изборник» переписывался в крупнейших столичных скрипториях, Патриаршем и Имперском, где, по всей вероятности, и был в IX в. составлен (см.: *Каврус Н. Ф.* Греческие списки протографа «Изборника Святослава 1073 г.» конца IX—первой половины X века (палеографический анализ) // *Византийский временник*. М., 1990. Т. 51. С. 103—105; *Бибииков М. В.* 1) Сравнительный анализ состава «Изборника Святослава 1073 г.» и его византийских аналогов // Там же. С. 92—102; 2) Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г. // Там же. Т. 53. С. 106—123).

В Изборнике 1073 г. содержится, как установлено, более 380 статей, принадлежащих 25 авторам (см.: *Жуковская Л. П.* Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. (в научном аппарате к факсимильному изданию)). Основной же его объем (л. 27—223) занимают «Анастасиеви отъвѣти» — так называемые «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита (VII—начало VIII в.), представляющие собой свод выписок из Священного писания и отцов и учителей церкви (Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Максима Исповедника и множества других). Им предшествуют и за ними следуют выдержки из сочинений Кирилла Александрийского, Иустина Философа, Михаила Синкелла, Иринея Лионского, Августина и ряда других выдающихся христианских писателей. Здесь мы видим старейшие в русской письменности отрывки из «Лествицы» Иоанна Синайского, статью «Об образах» (трактат о поэтике) Георгия Хировоска, древнейший русский список ложных книг, «Лѣтописецъ въкратцѣ отъ Авѣгуста даже и до Константина и Зоя, цесарь гръчьскихъ», и многое другое. Круг освещаемых Изборником 1073 г. областей знания поразительно широк: наряду с догматическим богословием и вопросами христианской нравственности тут и антропология, и философия, и математика, и филология, и естествознание, и история... Как в Болгарии X в., так и в Киевской Руси XI—XIII вв., а затем — особенно! — в Руси Московской XV—XVII вв. Изборник 1073 г. служил, можно сказать уверенно, энциклопедией, освещавшей самые главные вопросы христианской культуры.

Первой в нашей выборке из Изборника 1073 г. воспроизводится статья «Немесия епискупа Емесьскаго отъ того, еже „О естество челоувчство“», находящаяся на л. 132 об.—134 об. Изборника. Это извлечение из книги «О природе человека» Немесия, епископа г. Эмесса (ныне город Хомс) в Сирии, жившего в IV—V вв. Твердо верующий и ясно мыслящий христианин, Немесий Эмесский был человеком ученым, широко образованным и хорошо владеющим пером. Главная особенность его книги — соединение богатых античных научных знаний о человеке и его природе с христианским о нем представлением. Хорошо знакомый с учениями Платона, Аристотеля, Гиппократы, Галена, стоиков, неоплатоников, Немесий ясно их излагает и трезво оценивает с церковной христианской точки зрения. Таким образом, с помощью античной науки и философии, опираясь на Библию и на своих христианских предшественников, прежде всего на автора трактата «Об устройении человека» Григория Нисского, Немесий Эмесский разрабатывает важную часть христианской культуры — христианскую антропологию. В VIII в. его книгу использовал при создании «Точного изложения православной веры» Иоанн Дамаскин, а в XI в. при написании «Диоптры» — Филипп Монотроп. Книга Немесия была переведена на армянский язык и дважды (в XI и XII вв.) на латынь.

Представленный в славянском переводе текст Немесия является выборкой из первой главы его книги. Мы имеем возможность сопоставить его с текстом современного русского полного перевода книги Немесия по изданию: *Немесий, епископ Эмесский. О природе человека* / Пер. с греч. Ф. С. Владимирского; предисл. Н. В. Шабурова (Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла). 1996. С. 24—36 (далее — Немесий). В комментариях мы укажем, что и как переводчиком сокращено.

Воспроизводимые далее главы с философскими разъяснениями и определениями занимают в Изборнике 1073 г. л. 222 об.—237 об. и представляют собой окончание «Вопросо-ответов» Анастасия Синаита и следующие за ними отрывки из сочинений Феодора Раифского, Иоанна Дамаскина и неизвестного автора. Это установил французский русист Ж. Жоанне (см.: *José J. Les chapitres de définition philosophiques dans l'Izbornik de 1073 (Édition gréco-slave) // Révue des études slaves. Paris, 1991. LXIII/1. P. 55—111*). В поисках греческого текста, наиболее близкого к славянскому переводу, Ж. Жоанне исследовал шесть греческих манускриптов IX—XV вв., из которых наиболее схожим по содержанию с Изборником 1073 г. оказался кодекс Парижской Национальной библиотеки Coislin 120 начала X в. Перевод философских глав на современный русский язык осуществлен нами с помощью греческого оригинала, напечатанного проф. Ж. Жоанне (*Ibid.*, p. 61—111); используем также предложенное им членение текста.

Стр. 136. *Человѣка вѣмь... исповѣдаемъ...* — У Немесия соответствующий абзац первой главы начинается иначе: «Евреи говорят, что человек не был создан изначально ни совершенно смертным...» (см.: Немесий. С. 24).

Разумѣ, яко нагъ естъ. — Быт. 3, 7.

Стр. 138. *...проштено бысть ядение мясное.* — У Немесия: «...было предоставлено (право) питаться и всем остальным». Далее опущено о четырех стихиях (элементах материального мира) как составляющих человеческого тела (см.: Немесий. С. 25).

...супротивнымъ же ся врачуютъ. — Далее пропущено объяснение того, как и посредством чего попадают в нас «стихий», элементы, из которых состоит мир (см.: Немесий. С. 26—27).

...ни власъ, аки животѣмъ... — Отсутствуют наличествующие у Немесия сравнения с козами, овцами, зайцами, змеями, рыбами, черепахами, раковинами, раками и птицами (см.: Немесий. С. 27).

...ризы трѣбны быша... — Пропущена далее речь о необходимости для человека пищи, одежды и жилища и объяснение нарушений нормального состояния человеческого тела. Следующие в выборке — переводе слова «и въздуховъ ради нестройности...» относятся в оригинале не к одежде («ризам»), а к жилищу (см.: Немесий. С. 27—28).

...злаго врѣда не цѣляште. — Далее пропущен очень большой период, где говорится о пользе от наук и искусств, о городах как местах, где люди пользуются взаимными услугами, о покаянии и восстающем в бессмертие теле как преимуществах человека и о существовании всего на свете, «по учению евреев», для служения человеку (см.: Немесий. С. 28—34).

...аки Даниль отъ львовъ и Павль отъ ехиднь. — См. Дан. 6, 15—22; Деян. 28, 3—6.
 ...и причастникъ Того царьства. — Панегирик Немесия человеку в Изборнике 1073 г. несколько сокращен и опущено следующее за ним окончание первой главы (см.: Немесий. С. 35—36), где автор оценивает написанное выше как уже «в значительной мере» осуществленное им изъяснение природы человека, призывает читателя к воздержанию от «кратковременных незначительных удовольствий» ради наслаждения «всем вечным» и говорит, что далее отдельно скажет, «пропуская слишком тонкие, запутанные и для большинства неудобопонятные вопросы», о душе. Следующая, вторая глава его книги как раз и носит название «О душе».

Стр. 140. *Максимово...* — Имеется в виду Максим Исповедник (582—662), византийский богослов, известный своей борьбой с ересью монофелитов. Этот отрывок представляет собой последнюю цитацию в последнем «вопросо-ответе» Анастасия Синаита. С ней в Изборнике 1073 г. тесно связана следующая далее главка «Феодора, пресвитера Раифского, о том же».

...суштия... — По-гречески это слово — οὐσία означает и «сущее», и «существо», и «сущность», и «субстанцию».

Феодора, пресвитера Раифуисьскаго... — Феодор Раифский, богослов VI в., борец с монофизитством, монах Раифского монастыря на Красном море.

Суштьное... — Греческое слово οὐσία (см. комментарий выше), здесь переведенное как «суштьное», означает также «имущество», «состояние».

... многосуштьнь. — В греческом оригинале здесь игра слов: «богатый» — πλούσιον, «многониумший» — πολυούσιον.

... люди богатя... — Исход 19, 5.

... Израиль въ богатство ему... — Пс. 134, 4.

... сущие... — В данном случае это слово можно перевести как «сущность», и как «существо».

Стр. 142. ...образ. — В оригинале здесь говорится не об образе, но о цвете (χρῶμα) тела.

...Богъ. — В греческом тексте здесь: Θεὸς ὑπερούσιος — «Бог сверхсущественный».

Стр. 144. *Егда бо ... законная творять...* — Римл. 2, 14.

Прѣмъниша ... на чръсьествовънью. — Римл. 1, 26.

И бѣхомъ чяда ... якоже и мнозиш... — Эф. 2, 3.

Безумни бо ... Божья разума. — Прем. 13, 1.

Всѣхъ бо хытрица ... Мудрость... — Там же, 7, 21.

...сѣставъ сѣложение ... дѣйство сѣставы... — Там же, 7, 1.

...ества животь и гнѣвы звѣрскыя... — Там же, 7, 20.

Все ество ... ествъмъ чловѣчскъмъ. — Ср. Иак. 3, 7.

Да будете Божья приобъшъници ества. — Ср. 2 Пет. 1, 4.

Къто есть въ собствѣ Господни? — Иер. 23, 18.

Иже сы ... собства Его. — Евр. 1, 3.

«собомъ сѣстоишъся» и «есть». — В греческом оригинале: ὑφестάναи καὶ ὑπάρχειν — находиться в основании и существовать.

Стр. 146. ...живемъ и движемъся и есмъ. — Деян. 17, 28.

И Павль, на степенхъ бесѣдую... — См.: Деян. 21, 40.

...се иматъ ... къ своитънууму. — Эпистола 236, 6 // PG 32, col 884A.

Стр. 150. *Собство.* — стан, отряд, см.: 1 Цар. 14, 4; 13, 23.

Съборъ. — стане, отряде, см.: 2 Цар. 23, 14.

Сѣставление — соединение, сборище.

Сѣстояние — полк, см. Паралип. 11, 16.

Стр. 154. ...сѣлудъмъ... — В греч. оригинале доβίφ, модий — римская мера сыпучих тел (равная 8.754 л).

Стр. 164. *Максимово...* — Эта главка, как и «О единении» (с. 166), принадлежат на деле не Максиму Исповеднику, а Иоанну Дамаскину.

Стр. 166. («ино»). — В рукописи — «не».

ЖИТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО

После падения в начале X в. Великоморавской державы под ударами кочевников-венгров одним из преемников кирилло-мефодиевских традиций (не прерванных целиком даже с изгнанием в 885 г. из страны учеников славянских апостолов) стало небольшое Чешское княжество, правитель которого Боривой (Борживой), по преданию, ок. 874 г. был крещен архиепископом Мефодием. В стране наряду с латинской существовала славянская письменность на основе глаголического алфавита и богослужение на славянском языке. С Пражским княжеством ряд исследователей связывает возникновение одного из древнейших памятников славянской письменности — Киевских глаголических листов X—XI вв.; почти единодушно мнение о чешском происхождении Пражских глаголических листов XI—XII вв. Возникший в 1033 г. неподалеку от Праги Сазавский монастырь на протяжении 60 с лишним лет был значительным центром славянской письменности и межславянских культурных связей.

Начало чешской литературы связано с драматическими событиями в жизни недавно христианизированного общества. В 921 г., после смерти своего сына Вратислава, вдова Боривоя, Людмила, пала жертвой борьбы за власть: она была задушена по приказу своей невестки Драгомиры, стремившейся единолично править во время малолетства своих сыновей. Позднее (в 928 или 935 г.) старший внук и воспитанник Людмилы, Вячеслав (установивший церковное почитание своей бабки), был убит своим братом Болеславом и его боярами, недовольными пассивной внешней политикой князя и влиянием на него духовенства. Вскоре после смерти Вячеслав был канонизирован по инициативе виновника его гибели, принесшего церковное покаяние. За короткое время культ новых мучеников получил общегосударственное значение. На протяжении X—XIII вв. в их честь было создано большое число житийных и гимнографических произведений на славянском и латинском языках. Одним из наиболее ранних, возникших в 930-х гг., является издаваемое «Убиение Вячеслава», созданное, по всей видимости, в кругах духовенства, близких к князю Болеславу: в отличие от других памятников святошлавского цикла его роль в убийстве брата здесь достаточно принижена, он выступает преимущественно как орудие злых советников. Вячеслав в «Убиении» изображен кротким и мудрым правителем, образцом христианина, не противившегося злу насилием; о внешнеполитических неудачах князя нет и упоминания.

Очень рано культ Вячеслава (вместе с культом Людмилы) получает известность в Киевской Руси. Уже в сентябрьской служебной минее 1095—1096 г. помещен канон Вячеславу. Посвященные ему житийные тексты оказали воздействие на памятники агиографии борисо-глебского цикла. С почитанием на Руси Вячеслава Чешского исследователи связывают наречение этим именем сына Ярослава Мудрого, родившегося в 1036 г. Не позднее XIII в. на Руси были составлены краткие версии житий Вячеслава и Людмилы Чешских, включенные в состав Пролога. Особая редакция «Убиения», возникшая не позднее первой трети XVI в., получившая в науке название Минейной (так как она помещается обычно в составе миней четых), широко известна в русской рукописной традиции XVI—XVII вв.

В самой Чехии из-за неблагоприятной для развития славянской письменности и богослужения в XII—XIII вв. культурно-исторической ситуации славянские тексты житий князей-мучеников не сохранились: они дошли только в русских и хорватских (глаголических) списках (славянское житие Людмилы известно лишь в сокращенной проложной версии). Лишь в 1827 г., когда известный русский филолог А. Х. Востоков опубликовал «Убиение Вячеслава» по румянцевскому списку, была открыта неизвестная до той поры страница древнейшей истории чешской литературы и кирилло-мефодиевской традиции.

Текст «Убиения Вячеслава, князя Чешского» (или Востоковской легенды) известен (в древнейшем своем кириллическом варианте) в четырех списках: *РГБ*, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 436 (открыт А. Х. Востоковым), нач. XVI в.; *БАН*, Архангельское собр., № Д. 142, втор. пол. XVI в.; *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 1466, кон. XVI—нач. XVII в.; *РГБ*, ф. 556 (собр. Вифанской духовной семинарии), № 91, втор. четв. XVII в. (обнаружены в последнее время). Все известные списки памятника содержат (с мелкими разночтениями) единый текст, отражающий общий прото-

граф. Здесь текст публикуется по Румянцевскому списку — древнейшему и наиболее исправному. Для исправления отдельных испорченных чтений привлекаются тексты Минейной редакции и глаголических списков памятника.

Наиболее обстоятельный исторический и филологический комментарий к памятнику содержится в издании: *Vlahova E., Konzal V., Rogov A. I. Staroslovenske legendy českého původu*. Praha, 1976 (см. также: *Рогов А. И.* Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. М., 1972). Кроме того, целый ряд важных замечаний текстологического и историко-культурного характера содержится в вышедших позднее работах В. Конзала (*Konzal V. První slovanská legenda vaclavská a její «Sitz am Leben» // Studia Mediaevalia Pragensia*. 1988. Praha, 1990. Т. I. S. 113—127); Ф. В. Мареша (*Maréš F. W. An Anthologie of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*. München, 1979); В. Ткадльчика (*Tkadlčik V. Kto udelil postřiziny sv. Václavu? // Listy filologičny*. 1980. Т. 103. S. 209—212), Д. Тржештика (*Trěštík D. 1) Počátky Přemyslovců*. Praha, 1981; (2-е изд. — 1997); 2) *Václav a Berengar // Česky časopis historický*. roč. 1989. Praha, 1991. № 5—6. S. 641—661).

Стр. 168. *Будет бо, — рече, — в послѣдня дни... по дѣломъ ихъ.* — Комбинация цитат из новозаветных текстов. Ср.: 2 Тим. 3, 1—3; Мр. 13, 12; Мф. 10, 36; 16, 27.

Бѣ же князь... Воротиславъ... — Вратислав (ок. 888—921), второй сын князя Боривоя и его жены Людмилы, правил в 915—921 гг., наследовал своему брату Спытгнугу.

Дорогомиръ. — Жена Вратислава Драгомирь (или Драгомира), согласно латинскому житию Людмилы («Легенда Кристиана»), была дочерью князя одного из племен полабских славян: стодоран или лютичей.

Родиста же сына... Вячеславъ. — Точная дата события неизвестна, приблизительно 906—907 гг. Мирское («княжеское») имя Вячеслав не могло быть дано ребенку при крещении. Упоминание жития, что Вячеслав «бысть обещан» святому Эммераму, позволяет думать, что это и было христианское имя князя.

И възрасте отрок... волос... — Обряд княжеских пострижин, известный как у восточных, так и у западных славян, связанный с достижением отроческого возраста (6—8 лет).

...епископа Нотария... — Исправлено на основании Минейной редакции жития и глаголических списков: во всех списках Востоковской редакции — «епископа етера» (некоего епископа). Такое осмысление писца вызвано тем, что имя Нотарий («Инотарий») было мало известно в православном мире в ту эпоху, от которой дошли списки памятника. отождествление епископа Нотария с церковными деятелями первой половины X в. долгое время вызывало затруднения. Он не мог быть пражским епископом, так как до 970-х гг. Чехия не имела самостоятельной церковной организации, а подчинялась Регенсбургскому архиепископу в Баварии. Сейчас убедительно обосновано, что речь идет о Нотарии II, епископе Вероны в Северной Италии (915—928). Его присутствие в Праге объясняется тем, что епископ был советником итальянского короля Беренгария II и неоднократно выполнял его дипломатические поручения, в частности в отношении королевского зятя и союзника баварского герцога Арнульфа, вассалами которого были чешские князья. Предполагается, что данная миссия Нотария была связана с военным союзом против Саксонии. Упоминание имени Нотария ограничивает раннюю дату пострижин Вячеслава 915 г.

...литургию... — Слово, означающее церковную службу восточнохристианского типа, очевидно, не является здесь первоначальным, а отражает позднейшее бытование текста в православной среде. Глаголические списки дают здесь чтение «мышу» (т. е. мессу), что более соответствует богослужению с участием итальянского епископа. Термин «мыша» в славянской письменности встречается уже в Киевских глаголических листках X—XI вв., представляющих отрывок миссала на славянском языке.

...въ церкви святыхъ Марія... — Древнейшая церковь на территории Пражского Града, не сохранившаяся до нашего времени (остатки ее обнаружены археологическими раскопками в середине XX в.). Располагалась между городскими воротами и храмом св. Вита, заложённым

Вячеславом в конце его правления. Наименование Богородицы «святой Марией» указывает на связь текста с западнохристианским миром.

...баба своя Людмила... — Людмила (ок. 860—921) — дочь князя полабских сербов, обитавших к северо-западу от Чехии, между реками Эльбой и Салой (Заале); жена князя Боривоя, мать Вратислава. Согласно латинскому житию («Легенда Кристиана»), вместе с мужем приняла крещение от архиепископа Мефодия. В 921 г. была задушена по приказу своей невестки. Мученическая смерть старой княгини стала причиной создания посвященных ей житийных текстов на латинском и славянском языках. Полный текст славянского жития Людмилы не сохранился, но отразился в ее проложном житии, древнерусской версии славянского жития Вячеслава (Востоковской и Минейной редакций) и житии княгини Ольги.

Отсади же... в Будучь... — Будучь (Будеч) — город к северо-западу от Праги. Причиной отправки туда Вячеслава названо обучение латинскому языку, но глагол «отсади» указывает на передачу отцом города (вероятно, с областью) в управление сыну. Это было возможным по достижении сыном правителя возраста юридической дееспособности — по раннесредневековым варварским «правам» и византийскому каноническому праву 13 лет. Следовательно, Вячеслав получил удел незадолго до смерти отца, в 920 или 921 г.

... на столь дѣдъни... — Первоначально, вероятно, читалось: «на столь дѣдъни и отни», так как Вячеслав унаследовал престол не только деда, но и отца.

Болеславъ — младший брат Вячеслава, правивший Чехией после его смерти (умер в 967 г.). Показательно, что имена обоих сыновей Вратислава («воротившего славу»), содержат пожелание умножения славы («вяче — вяще» и «боле»).

Бяшета бо оба мала...люди своя. — Правление Драгомири продолжалось около двух лет.

Имяше же сестры... княженья... — Известно имя одной из сестер Вячеслава — Пшибыслава (Прибыслава), которая была выдана замуж за князя белых хорватов, обитавших к северо-востоку от Праги.

... бѣдныя напиташе... миловаше... — Ср. Мф. 25, 35—39.

Божия рабы. — Здесь: священники, славянская калька со средневерхненемецкого *Gotteskaldh*.

Стр. 170. 13. — В рукописи «18», исправлено по смыслу. Вячеславу, пострижены которого были совершены не ранее 915 г., не могло быть 18 лет в 921 г. Ошибка в цифре лет возникла, очевидно, в два этапа. При переписывании глаголического оригинала кириллицей буква В (имеющая в глаголице значение 3) была повторена без учета смены значения (в кириллице 2). Позднее (не ранее конца XIV в.) буква В была смешана с близкой по начертанию И, имеющим числовое значение 8.

Писано бо есть... подобенъ есть. — Данное место не цитата из Священного писания, оно дословно совпадает с текстом решений Сплитского поместного собора 925 г., что свидетельствует о достаточно тесных культурных связях Чехии с Далмацией в первой половине X в.

Чти отца и мать... яко и сам ся. — Еф. 6, 2; Мф. 19, 19.

Господи Боже... грѣха сѣго. — Деян. 7, 60.

Грѣхъ уности моя... Господи. — Пс. 24, 7.

Странен бѣх... мене. — Мф. 25, 35.

...храмъ святого Вита... — Храм в форме ротонды, остатки которого обнаружены археологическими раскопками под капеллой св. Вацлава (Вячеслава) при готическом соборе XIV в., был заложен около 926 г. и завершен, вероятно, уже после смерти Вячеслава. Посвящение главного собора Праги святому Виту, считавшемуся покровителем Саксонии, отражает смену политической ситуации в Германии в 20-х гг. X в., когда баварский герцог (тогдашний сюзерен Чехии) был вынужден признать верховную власть короля Саксонской династии Генриха I Птицелова, а Чехия стала вассалом королевства.

...день святого Емѣраама... Вячеславъ... — 22 сентября по западному календарю. Св. Эммерам, баварский епископ-миссионер и мученик VIII в., считался патроном Регенсбургской архиепископии, к которой в 920-х гг. относилась и Чехия, где до распространения культа

св. Вита Эммерам был одним из самых чтимых святых, именем которого князь Вратислав назвал в крещении своего первенца (лишь так могут быть истолкованы слова: «к нему же обещанъ... Вячеславъ»).

Бяху же священие... градѣхъ. — Возможно, речь идет здесь не об освящении новопостроенных церквей, а о храмовых престольных праздниках, так как на сентябрь приходится много особо чтимых праздничных дней.

...ко Болеславлю граду. — Современная Стара Болеслава расположена к северо-востоку от Праги; в X в. город находился на границе чешского племенного княжества, но уже в земле племени пшеван. Судя по названию, город был заложен самим Болеславом, или же еще Вратиславом в честь рождения второго сына.

...В недѣлю же бе литургия... и Дамьяна... — Память св. Козьмы и Дамиана отмечается восточной церковью 30 июня и 1 ноября, а западной — 27 сентября. Здесь имеется в виду последняя дата.

Гнѣвысынѣ — Гневиса — один из вельмож Болеслава, участвовавший в убийстве.

Стр. 172. *...звонѣ...* — Это древнейшее упоминание о колоколах в Чехии.

В руци твои... духъ мой. — Лк. 23, 46.

Мьстину. — Боярин или слуга («младенец») Вячеслава.

Младенци. — Здесь это не возрастная, а социальная категория — княжеские слуги. Ср. древнерусские термины: отрокъ, дѣтскы, чадь.

...бѣжа ... въ Хорваты... — Имеется в виду не балканская Хорватия, а племя (племенное княжение) в северо-восточной Чехии, за пределами владений Болеслава. Возможно, бегство туда Драгомири объясняется тем, что ее дочь Шибыслава (Прибыслава) была замужем за хорватским князем.

...попа Паула... — Павел — пражский архипресвитер, возможный автор жития Людмилы. Его присутствие в городе Болеслава объясняется, вероятно, тем, что он объезжал вместе с князем свой церковный округ.

...церкви в зиде над нимъ... — Одно из трудных для истолкования мест текста. В принципе оно может быть переведено и как: «церковь поднялась («взиде») над ним». Более вероятно, однако, что здесь сохранились следы первоначальной чешской лексики памятника: глагол «црѣкати» («церквити») — капать, сочиться и существительное «зъдь» или «зъдь» — стена («зид»). Это подтверждает и пересказ данного места в проложном житии Вячеслава: «Кровь его не могуща потерти 3 дни с стѣны церковныя».

И еще надѣмся... явити ся. — Свидетельство древности Востоковской легенды, созданной, очевидно, в связи с перенесением останков Вячеслава в Прагу. Автор ничего не сообщает о чудесах от мощей (а лишь надеется на них), из чего следует, что они не были ему известны.

...якоже и Павла... — Имеется в виду апостол Павел, принявший мученическую смерть в Риме.

...якоже и Христа ради. — Здесь игра разными значениями слова «младенцы»: слуги Вячеслава уподоблены вифлеемским детям, избитым по приказу царя Ирода.

...в ѣто 6000 и 300 и 30 въ 7... — Дата гибели Вячеслава читается только в кириллических списках Востоковской легенды (в глаголических указаны лишь число и месяц). В существующем виде (6337 = 828/829) дата безусловно испорчена, поправка в числе сотен (6437 = 928/929) не вызывает сомнений, однако она не решает проблемы окончательно. Указание жития, что убийство произошло в понедельник 28 сентября предполагает два возможных варианта: 928 и 935 г. Обе гипотезы имеют своих сторонников и обоснованную аргументацию: первая дата более популярна среди филологов, вторая — у историков; на сегодняшний день вопрос не может быть решен однозначно.

И Богъ покои его душу... Господи. — Молитва, обращенная к Богу об упокоении души Вячеслава, свидетельствует о создании славянского жития до канонизации князя.

Стр. 174. *Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ... глаголя...* — Из агиографических памятников святоацлавского цикла об инициативе и участии Болеслава в перенесении мощей и

канонизации брата сообщает лишь Восточковская легенда (во всех редакциях и списках). Это одно из свидетельств создания текста в княжеском окружении.

Азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мой... азъ вѣмъ. — Пс. 50, 5—6.

...месяца марта въ 4 день. — Кириллические списки Восточковской легенды сообщают дату 3 марта, глаголические и проложная повесть о перенесении мощей Вячеслава — 4. Очевидно, это след невнимательного копирования глаголического оригинала (Г в глаголице имеет числовое значение 4, а в кириллице — 3).

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

Византийское житие—мученик (в славянских списках — Мучение) Димитрия Солунского в одной из своих версий известно в древнерусском переводе. Греческий текст Мучения издан в *Patrologia Graecae* (Т. 116, col. 1173—1184) и в издании *Acta sanctorum* (October. Parisiis; Rome, 1866. P. 90—95). Время и место славянских переводов неизвестно, но к XIV в. на Руси получили известность по крайней мере три версии перевода. Все они крайне несправны: сложный текст оригинала представил для переводчиков большую трудность и отдельные фразы в переводе представляют собой с трудом осмысляемый набор слов. Лучший из известных нам переводов читается в сборнике XIV в. РГБ, Собр. Беляева, № 54 М; другой перевод входит в сборник ГИМ, Чудовское собр., № 20, также XIV в. Наибольшее распространение получила третья редакция перевода: она входит в состав Торжественника, читается в составе отдельных сборников, включена в Великие Минеи Четьи. Однако этот перевод имеет много отличий от оригинала, в нем есть пропуски не только отдельных словосочетаний, но и целых фраз. Текстологическое исследование бытовавших на Руси переводов Мучения пока отсутствует.

Однако можно утверждать, что Мучение было известно уже в XI в. Об этом говорит популярность имени святого: оно было крестильным именем князя Изяслава Ярославича, а затем — Всеволода Большое Гнездо; в Киеве существовал основанный Изяславом Дмитриевский монастырь; древнейшая икона Димитрия Солунского относится к XII в.; известно, что текст Мучения был переписан по инициативе волынского князя Владимира Васильковича (ум. в 1288 г.). Имя Димитрия носили многие русские князья, святой почитался как небесный патрон Димитрия Донского, как его помощник в победе над Мамаем. Образ Димитрия Солунского нашел отражение в духовных стихах. На сюжет жития в 1704 г. была поставлена школьная драма «Венец Димитрию», в основу ее была положена переработка Жития Димитрия в минеях Димитрия Ростовского.

Почитание Димитрия как святого-воина связано не столько с сюжетом основной части Мучения, сколько с одним из посмертных чудес: Димитрий спасает осажденную Солунь тем, что несмотря на божественное повеление отказывается покинуть город в час бедствия. Текст этого чуда следовал непосредственно за текстом Мучения в Беляевском и Чудовском списках.

Текст Мучения и чуда Димитрия издается по списку из Беляевского сборника; исправления сделаны по Чудовскому списку и по списку Торжественника — РНБ. Ф. I. 900, XVI в. Тот же текст, что и в Торжественнике, опубликован в составе Великих Миней Четьих (Октябрь, дни 19—31. СПб., 1880. С. 1883—1891, текст Чуда — там же. С. 1891—1912). При выборе текстуальных исправлений учитывался греческий текст Мучения, по греческому тексту корректировался в некоторых случаях и перевод.

Стр. 176. *Максимиянь Еркултанъ ... римомъ ...* — Римский император Максимиан Геркуллий (286—305) управлял западной частью империи, его военными противниками были франки, алеманны, саксоны, мавры. В Мучении же он оказывается на востоке империи и сражается с готами и сарматами.

Селуньский град, Солунь — ныне Салоники, город на северном берегу Эгейского моря.
... по апостольстѣй заповѣди ... и безъ време́не. — Имеются в виду слова апостола Павла: «Проповедуй слово во время и не во время» (2 Тим. 4, 2).

... санъ первѣе приимъ ... въ Елладѣ ... — Переводчик не перевел византийские термины: Димитрий был «эксцептором» (писцом), затем стал анфипатом (проконсулом) Эллады (комментарий И. П. Медведева).

Оратион — вместо «орайон» — знак отличия, инсигний (комментарий И. П. Медведева).

... притворѣ ковачьстѣм ... — В греческом тексте: «в том портике, который называется медным».

Стр. 178. *Сермий* — город в Нижней Паннонии, ныне это Сремска Митровица на р. Саве, к западу от Белграда.

... в пещных камарах. — Видимо, имеются в виду печи, в которых разжигался огонь для подогрева воды в банях (термах).

Стр. 180. ... повинувый Голияда ... Давиду ... — Вспоминается победа Давида над великаном Голиафом, о которой рассказывается в Библии (1 Цар., 17).

Протиктор — военачальник императорской гвардии, преторианцев.

Орарион — орарий, плат, накидка, плащ (?).

Стр. 182. ...въ тривунали градьстѣмъ — т. е. в городском суде, трибунале.

... и здание стегнь разоривъ ... сущими ту ... — Текст испорчен, перевод сделан с ориентацией на греческий оригинал.

Стр. 182—184. ... идѣже путемъ ... животная почиваху... — Славянский перевод соответствует греческому оригиналу, но смысл текста неясен.

Стр. 184. ... якоже преже указахомъ ... — Это чудо должно читаться вслед за другим, из которого явствует, что «та война» — война с аварами, осадившими Солунь.

Илистрие — иллюстрий — византийский титул, сенатор.

Незлюбиви и правици прилбляхуса мнѣ. — Пс. 24, 21.

Киворий — поддерживаемый колоннами купол; здесь речь идет, вероятно, о раке, в которой покоились мощи святого.

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

Византийское Житие Марии Египетской атрибутировалось (как считают — ошибочно) иерусалимскому патриарху Софонию I (634—644). Время возникновения славянского перевода Жития — предположительно X в., но старший русский список его датируется XIV в. (это сборник ГИМ. Чудовское собр., № 20). В последующем Житие получило на Руси широкое распространение: оно переписывалось в сборниках, входило в состав Торжественника и Постной триоди, включено и в состав Великих Четий Миней. Известно несколько вариантов перевода, соотношения которых пока не изучены.

Житие повествует о судьбе раскаявшейся блудницы, которая, искупив жесточайшей аскезой грех распутства, смогла превзойти в святости даже благочестивого монаха Зосиму. Мария любодействовала не ради куска хлеба, а снedaемая неутолимой жадной сладострастия, и тем поразительнее искренность ее раскаяния и глубина духовного преобразования: сорок семь лет скитается она в пустыне, страдая от голода и жажды, палимая солнцем и замерзающая холодными ночами, лишенная не только крова, но и давно истлевшей одежды. Как это обычно в рассказах об отшельниках, Мария борется с искушениями, но вопреки традиции агиографических рассказов ее преследуют не бесы в облике зверей или фантастических чудовищ, а всего лишь собственные греховные мысли: ей снова хочется вина и вкусной снeди, ее губы против воли повторяют слова фривольных песенок, и тогда несчастная отшельница иступленно молит Богородицу оградить ее от подобных воспоминаний. В описании многолетней борьбы Марии с

собственным греховным прошлым проявляется нечастый для средневековой агиографии подлинный психологизм. Жизнь Марии — как и подобает житию святой — окружена чудесами: впервые встретив Зосиму, она называет его по имени и сообщает ему подробности его жизни; молясь, Мария цитирует Писание, хотя никогда не слышала духовных пастырей; не знающая грамоты, она в предсмертный час смогла начертать на песке слова своего завещания... Так потрясенный Зосима, а вместе с ним и читатель Жития убеждается в особой божественной благодати, ниспосланной Марии.

Житие внушает мысль, что искреннее раскаяние и благочестивые поступки могут искупить любые прегрешения, если падшая женщина смогла после долгих лет подвижничества стать святой. Эта идея оказалась близкой средневековому читателю, и Житие Марии постоянно пребывало в числе наиболее читаемых и почитаемых. В новое время в XIX в. на этот сюжет написал поэму «Мария Египетская» Иван Аксаков.

Публикуется наиболее распространенная в древнерусской книжности редакция Жития, включавшаяся в состав Торжественника. Текст издан по списку РНБ, Ф. I. 870, нач. XVI в., исправления сделаны по спискам той же библиотеки: собр. Погодина, № 949, нач. XVI в., собр. Вяземского, Ф. 98, первой половины XV в., списку БАН, 21.3.3, второй половины XV в.

Русский перевод греческого текста Жития опубликован в книге: Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972 («Литературные памятники»).

Стр. 190. *Тайну цареву добро ... преславно есть.* — Тов. 12, 7. В этой библейской книге, в частности, рассказывается, как ангел исцеляет от слепоты праведника Товию.

... воспоминаа муку раба оного ... не створившаго. — Имеется в виду евангельская притча о нерадивом рабе (Мф. 25, 14—30), зарывшем в землю отданный ему господином на сохранение талант (крупная денежно-весовая единица), тогда как два других раба пустили сокровище в оборот и получили прибыль.

... еже пѣти присно. — Речь идет об одной из монашеских добродетелей — непрерывном распевании псалмов.

Стр. 192. *... якоже Авраамъ из дому отца своего ...* — В Библии (Быт. 12, 1) говорится, что Бог повелел праотцу Аврааму покинуть вместе со своим родом Харран и переселиться в землю Ханаан.

Господь — просвѣщение мое ...от кого ся утрашу. — Пс. 26, 1.

Стр. 192—194. *... праздниство цвѣтное пришло есть церкви.* — Цветное (Вербное) воскресение — воскресный день за неделю до Пасхи.

Стр. 198. *... да обрящу милость въ день Судный.* — 1 Иоан. 4, 17.

Стр. 200. *... на Воздвижение святого честнаго креста ...* — один из двенадцатых праздников, отмечаемый 14 сентября, в память об обретении (около 325 г.) Еленой — матерью Константина Великого, креста, на котором был распят Христос. В Иерусалимском храме находилась реликвия — часть этого креста.

... не хочет бо смерти грѣшником ... обращения моего. — Ср. Иез. 33, 11.

Стр. 202. *... да призовет грѣшники в покаяние ...* — Ср. Мф. 9, 13.

... егоже ради кровь свою ... дать. — Ср. Ефес. 1, 7—8.

Стр. 204. *... на немже обручение исписано бысть рукописание...* — Текст неясен. В переводе с греческого С. В. Поляковой: «прихожу туда, где скрепила свое обязательство».

... удалихся бѣгаючи ... душа и буря ... — Ср. Пс. 54, 8—9.

Стр. 206. *... не о хлѣбѣ ... будеть человекъ ...* — Мф. 4, 4.

... зане не имяху покрова ... ся облекоша... — Ср. Иов 24, 7—8.

... от Моисея и от Иева и от псалмовъ... — Зосима поражен, что Мария в своей речи цитирует Пятикнижие Моисея, библейскую книгу Иова и Псалтирь.

Стр. 208. *Внимай себѣ и стаду своему ...* — Деян. 20, 28.

Стр. 210. *... Подобитесь Богу ...* — Ср. Ефес. 5, 1.

Нынѣ отпуцаеши рабу ... предъ лицомъ (всѣхъ людей). — Ср. Лк. 2, 29—31. Слова в скобках добавлены по Евангелию XII в.

Стр. 212. ... *мѣсяца марта по-египетски ... апрѣль въ 1...* — В некоторых списках в соответствии с греческим текстом читается название месяца по коптскому календарю — «фармуфа». В Византии же применялся юлианский (римский) календарь.

ЧУДЕСА НИКОЛЫ МИРЛИКИЙСКОГО

Николай Мирликийский — великий христианский святой. Его почитают католики, православные и даже мусульмане.

Култ Николая Мирликийского, пришедший на Русь после принятия христианства, получил здесь широкое распространение. В основном он был известен на севере восточнославянской территории; на юге ему соответствовал култ св. Георгия.

По народным представлениям, Никола, как обычно называли его на Руси, именно народный святой, прежде всего крестьянский, добрый угодник, защитник, «милостивый» в отличие, например, от Ильи.

Весьма торжественное празднование Николина дня бывает два раза в году: Никола зимний отмечается 6 декабря по старому стилю, в день преставления; Никола вешний — 9 мая, в день прибытия мощей святого в город Бари. Култ Николы зимнего был известен всему христианскому миру. Праздник Николы вешнего, не признанный Византией, но поддержанный Римом, был установлен на Руси в честь перенесения в 1087 г. мощей святого разбойниками-купцами из Мир в южноиталийский город Бари. Там сначала они были положены в церкви св. Евстафия, а позднее — в специально построенном во имя св. Николая соборе.

С Николиным днем в разных местах были связаны различные народные обряды и обычаи. Например, запрещение купаться до этого праздника. В Бессарабии Никола зимний — день денежных счетов и наймов; в Белоруссии на Николу вешнего происходил первый выгон лошадей в ночное; в Харьковской области 4, 5, 6 декабря, в «Николины святки», варили кутью и узвар, чтобы на будущий год был урожай плодов и ячменя. С Николой был связан и свадебный обряд; его чествовали в случаях эпидемии в деревне, он упоминается в заговорах, причем предназначенных для лечения любой болезни. Особо следует сказать о его роли покровителя мореплавателей.

О жизни Николая, архиепископа Мирликийского, известно немного. По преданию, он жил в IV в.

Существуют разные версии жития этого святого, есть по меньшей мере три варианта его биографии, один из которых сильно отличается от двух других.

По одной версии, в городе Миры в Ликии жил благородный и богатый Феофан со своей супругой Ноной. У них был единственный сын Николай, который уже с младенчества вел себя не так, как другие дети: в среду и в пятницу он только один раз вкушал материнское молоко. Мальчик во всем стремился к воздержанию. Когда он подрос, родители отдали его учиться грамоте. Николай учился очень усердно, не тратя времени на развлечения со сверстниками. Он не интересовался мирской жизнью, а все свои помыслы устремил к Богу. Он стал священником, а спустя некоторое время своим дядей, тоже Николаем, был поставлен пресвитером. И на этом посту Николай отличался мудростью, знаниями, красноречием. Дядя, видя удивительные качества своего племянника, отправляясь в Палестину, поручил ему архиерейский престол в Мирах.

Другая версия жития Николая близка к первой. Во главе одного из монастырей стоял преподобный Николай. У него родился племянник, сын Феофана и Ноны. Мальчика тоже называли Николаем. Вскоре после появления на свет, во время купания, ребенок встал и стоял два часа. Он сосал материнское молоко только из правого соска один раз в день, а в среду и пятницу не ел вообще. В возрасте 7 лет мальчик захотел учиться. Идя на учебу, он встретил сухорукую женщину, которую исцелил. Основавший храм (монастырь) дядя Николая поставил в нем 19-летнего племянника

пресвитером, когда тот закончил учиться. Николай совершил паломничество в Иерусалим. Когда он стал взрослым, исцелил множество людей.

Согласно третьей версии жития, еще в юности Николай не ел мяса и не пил вина, питался только хлебом, а в большие праздники ел овощи. Вместо жезла он носил крест, а на ногах — «плюснянки до глезну».

Николай рано оставил мирскую жизнь и день и ночь проводил в молитвах. В 14 лет он отправился странствовать и три года прожил в Кесарии. Благодаря заступничеству святого горожане отбили вражеское нашествие, а Никола тотчас после этого отправился в Армению, где пробыл год и девять месяцев. Он крестил и учил вере местных жителей, лечил от болезней, очищал от проказы. Из Армении Никола пошел в Амполию Асирейскую (Апанию Сурьскую), где исцелил одержимую бесом девицу. Потом он пришел в город Кург (в других редакциях — Кипр). Излечив там прокаженных, святой, отвергая мирскую славу, отправился в Антиохию. Пробыв там 12 дней, он пошел в Рим к святому Петру, по дороге одержав победу над бесом. После четырехдневного пребывания в Риме Николай отправился в Египет Александрийский. В течение 5 лет он странствовал и исцелял людей. Пройдя Ассирию и нехристианские государства, он оказался в Мирах Ликийских, одном из самых больших городов Ликии. Услышавший о нем иерусалимский патриарх Макарий прибыл в Миры. Он побеседовал с Николаем и поставил его в епископы всей Ликии.

Когда святой пребывал на епископской кафедре, состоялся Никейский собор.* Николай был его участником среди 318 святых отцов. Слушая их споры с Арием, говорившим хулу на Господа,** святой встал и ударил Ария по лицу. Святые отцы возмутились и решили лишить Николу святительского сана. Однако за него заступились Иисус Христос и Богородица. Все присутствовавшие, в том числе император Константин, были тому свидетелями.

Когда же пришел конец земной жизни святого, он обратился к Иисусу Христу с просьбой: просил милости для тех людей, которые будут призывать его в трудную минуту. Потом он упал ниц; ангелы понесли его душу на небо, а тело лежало на одре, словно солнце.

В действительности в житии, надписывавшемся как Житие Николая Мирликийского, смешиваются черты жизни этого святого с деяниями другого Николая, епископа Пинарского (г. Пинары тоже в Ликии), жившего в VI в. Это произошло еще в византийских сочинениях об этом святом.

Одна версия Жития Николая Мирликийского была написана византийским агиографом Симеоном Метафрастом в X в. На Руси ее перевод был известен в списках начиная с XV в. Вторая — в действительности является переводом Жития Николая Пинарского, появившимся уже в XI в. Его называли «иным житием». Оно существовало в двух редакциях — сокращенной и пространной. Третья версия представляет собой свод сведений, в число которых были включены и чудеса.

Чудеса, творимые святым как при жизни, так и после смерти, были неотъемлемой частью любого жития. К переводу Жития Николы Мирликийского, написанного Симеоном Метафрастом, и к «иному житию» добавлялся свой комплекс чудес. Однако они могли смешиваться между собой. В Житие Метафраста были включены чудо о трех девицах, чудо о трех мужах (воеводах), чудо об избавлении корабля от потопы. Затем эти же чудеса были включены в «иное житие». К числу прижитенных чудес Николая Мирликийского относились следующие: чудо о трех мужах, об избивении рати поганых в Кесарии, об исцелении больных на Кипре, о хождении на Вселенский собор и др. Посмертными чудесами были избавление корабля от потопы, чудо о Дмитрии, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, о сарацине, о детище, о половчине и др. Некоторые из них, возможно, были составлены на Руси. Это чудо о ковре, о

* Первый Вселенский собор состоялся в августе 325 г. в Никее. В нем принимал участие император Константин I.

** Согласно утверждениям Ария, Бог-Сын, второе лицо почитаемой христианами Троицы, не единосущен Богу-Отцу. Поскольку Сын был рожден, он не вечен. Странники Ария были разгромлены и отправлены в ссылку.

Епифании, о детище, о половчине, а также о трех иконах. Два чуда — о трех девицах и о трех мужах — известны в разных вариантах.

Чудеса Николая Мирликийского в русской письменности были известны и как отдельное произведение. Они сохранились в списках более ранних, чем Житие, а именно с XII в. Иногда они включались в различные сборники, иногда представляли собой отдельный памятник.

В Торжественнике XII в. (*РНБ*, Ф. п. I, 46) как самостоятельное произведение были помещены 8 чудес Николая в следующем порядке: о трех мужах, о Дмитрии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре. Седьмым по порядку следования было чудо св. Николая и св. Георгия о сарацине, в связи с чем уместно вспомнить о преимущественном распространении культа Николая на севере восточнославянской территории, а на юге — св. Георгия.

Содержащийся в Торжественнике вариант чуда о трех мужах (иначе чуда о трех воеводах) соответствует тексту Метафрастового Жития Николая Мирликийского. Та же версия помещена в Макарьевских Великих Минеях Четиих (XVI в.), в сборнике *ГИМ*, Чудовское собр., № 20, XIV в.; отличная от нее — в рукописях *РГБ*, Тр.-Серг., № 749, XV в. и № 788, XVI в.

Только чудеса Николая содержит рукопись, получившая название «Сказание чудес святого и великого отца архiereя Божия и чудотворца Николая, бывшего в Мирех Лукионе» (*ГИМ*, Хлуд., № 215). Она написана в конце XIII в. на новгородской территории или писцами новгородцами. Рукопись содержит только посмертные чудеса Николая; всего их восемь. Они расположены в следующем порядке: о Дмитрии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, об отроке. По сравнению с Торжественником XII в. в рукописи отсутствует чудо о трех мужах, но помещены чудо о ковре и чудо об отроке.

Текст чудес публикуется по древнейшему списку XII в. (Торжественник в составе сборника со Златоструем, ркп. *РНБ*, Ф. п. I, 46). В рукописи «Чудеса святого архiereя Христова Николая» занимают л. 66а—76б. Добавления и исправления имеющихся ошибок писца в чуде о трех мужах приведены по тексту Великих Минеих Четиих митрополита Макария XVI в.; для прочих чудес исправления внесены на основе рукописи XIV в. (*РГБ*, ф. 304, № 9, Сборник, л. 1556—2096).

Подробный перечень и публикации текста см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI—первая пол. XIV в.* Л.: Наука, 1987. С. 171—172; *Крутова М. С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М.: Мартис, 1997. Греческий текст см.: *Anrich G. Hagios Nikolaos.* Leipzig, 1913.V.1.

Стр. 216. *Константин Великий* — римский император Константин I (274—337). Учтивая годы жизни императора и некоторые другие факты, можно предположить, что это чудо, по преданию совершенное Николаем Мирликийским при жизни, произошло в 30-е гг. IV в.

Фригия — область в Малой Азии.

...от даифаль... — В греческой версии ὑπὸ τῶν Ταῖφάλων. Возможно, речь идет о некоей народности или о жителях (выходцах из) какого-либо города: под названием Ταῖφα был известен город в Египте.

Град Костянтин — Константинополь, основанная Константином I в 330 г. столица Византийской империи.

Ликийский — Ликия, область на юго-западе Малой Азии.

Уепархи — Епархия — единица административного подразделения, а также название церковного округа.

Андриака или Андриаке — гавань вблизи города Миры в Ликии.

Мирьский — Миры, один из самых больших городов Ликии.

Поприще — единица измерения пути, соответствующая греческому стадию (около 185 м).

...мучимыиъ. — По греческой версии «ибо это было место, где наказывали». В другой редакции этого чуда (РГБ, ф. 304, № 788, л. 441 об.): «то же мѣсто есть осужденныхъ на смърть».

Стр. 218. *Литра* — мера веса, равная 327.45 г.

Азъ... молчати... — В рукописи эта часть фразы пропущена; восстановлена на основе чтения Великих Миней Четних. В греческой версии: «Я же, узнав это, не могу молчать...».

Стр. 220. ...*оставити...* — Возможно, после этого слова должно было бы быть еще одно; ср. в греческой версии: «хотите оставить, оставляйте».

...*враже несмысленый...* — В рукописи, видимо, порча. Восстановлено на основе чтения Великих Миней Четних. В греческой версии: «повредившийся умом и душой».

Стр. 222. *Дивнѣ Богъ въ святыихъ своихъ.* — Ср. Пс. 67, 36.

Въ истину... створи... — Ср. Пс. 30, 22 и 15, 3.

...*Анфурату...* — На основе греческой версии чуда можно предположить, что это город во Фракии, северной части Греции.

Стр. 224. ...*от Десяти градъ...* — Входившие в Десятиградие города составляли своего рода союз. Девять из них находились к востоку от Иордана (Иппон, Гадара, Дион, Пелея, или Пелла, Гераза, или Гергес, Филадельфия, Рафана, или Рофон, Канафа, Дамаск), и лишь один — главный — город Скифополь — к западу от него.

...*на страну Катовольску...* — Древнерусский текст соответствует греческой версии. Видимо, подразумевается некий приморский портовый город.

Стр. 226. *Агрик.* — В греческой версии ἀγρικός «живущий в деревне, деревенский», что не было именем собственным.

...*въ странѣ Антиохиистѣй близѣ срачинъ...* — Под названием Антиохия были известны города в Писидии и Фригии (областях в Малой Азии), Маргиане и Сирии (областях Азии). В одной из греческих версий говорится об окраинах морского побережья Мир. В публикуемом древнерусском тексте Антихиистѣй; исправлено по рукописи XIV в.

...*Амирѣ.* — В греческой версии τῆ ἀμῖρῆ, которое не было, видимо, именем собственным.

Стр. 234. *Тухина* — в других списках Митулина, что соответствует греческой версии чуда. Митулин, или Митилена — город на острове Лесбос.

Стр. 236. ...*в пятьмъ полцѣ старѣйшина* — Исправлено по рукописи XIV в.; в тексте: *въ память въ пѣлцѣ стар...* при этом конец последнего слова плохо читается. По всей видимости, речь идет о специальном воинском отряде, охранявшем императора и дворец.

...*въ градѣ Самарѣискѣ...* — Достаточно неопределенное географическое наименование, уточнению которого не способствует греческая версия: Самара — город на Евфрате, Самария — город в Иудее.

...*къ апостолу Петру въ Римѣ.* — Апостол Петр вместе с апостолом Павлом сидел в Мамертинской тюрьме в Риме. На этом месте была создана церковь. Петр же был распят и погребен вблизи Триумфального пути в Риме.

...*от печальныхъ все даваи...* — В рукописи XIV в.: «о печальныхъ всѣхъ дая»; в греческой версии чуда: «братъ на себя тягости тех, кто в нужде».

Стр. 238. *Просите... вамъ...* — Лк. 11, 9; Мф. 7, 7.

Симеон Праведный — Симеон Богоприимец, благочестивый старец, живший в Иерусалиме. Он принял на свои руки младенца Иисуса, когда того по закону на сороковой день после рождения принесли в Храм. См. Лк. 2, 22—35.

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

Житие Алексия человека Божия было известно на Руси с XI в. Самый ранний текст древнерусского перевода Жития сохранился в списке XII в. в составе пергаменного сборника «Златоструй» (точнее — в составе «Торжественника», включенного в «Златоструй»). Остальные списки древнейшей редакции, текст и перевод которой публикуются, представлены более поздними рукописями, датированными XIV—XIX вв.

Житие посвящено христианскому подвижнику Алексию (в переводе с греч. — заступник, защищающий от несчастья, спаситель), который в юности отрেকся от богатства и мирской суеты и, следуя своим убеждениям до последних дней жизни, стоически свершил подвиг добровольного нищенствования. События происходят на рубеже IV—V вв. в Риме при императорах-соправителях Гонории и Аркадии и папе Иннокентии I, а также — во владениях Римской Восточной (Византийской) империи, Каппадокии, Киликии, Осроене и в Сирии. Легенды о Божием человеке известны всем христианским литературам: древнейшая из них — сирийская (еще безымянная), сложенная в районе Эдессы «сирьской», где начинал подвижничество святой (сохранилась в списках V—VI вв.); греческая версия возникла в середине VIII в. (известна в списках X—XII вв.); в IX в. появилась латинская версия, основанная на греческой; далее появляются переводы с греческого и латинского на другие языки, в том числе и на славянские.

Как полагает в своем монографическом исследовании памятника В. П. Адрианова-Перетц (*Адрианова В. П. Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности*. Пг., 1917), текст Жития пришел на Русь не прямо из Византии, а через южнославянскую письменность, тем не менее древнерусский перевод близок греческому оригиналу. (К византийской традиции восходит также и русская иконография, изображение лика святого Алексия в миниатюрах лицевых рукописей Жития).

Особую популярность Житие приобрело в царствование Алексея Михайловича, небесным патроном которого был святой; тогда была составлена Служба святому Алексию человеку Божью (издана в 1671—1674 гг.). Вторая половина XVII в. — время возникновения лучших литературных обработок Жития, появления драматических произведений на житийную тему, украинской драмы «Алексий, Божий человек» (1672—1673), «Слов» Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, «Поучений» Стефана Яворского, вирш. К XVII в. В. П. Адрианова-Перетц относит также и сложение духовного стиха о св. Алексии человеке Божием, органически соединившего черты книжного Жития с фольклорными, былинными традициями и до начала XX в. распространявшегося в России, Белоруссии и на Украине народными певцами-профессионалами, «каликами переходжими», сказителями-былинщиками, слепыми певцами, лирниками.

Мотивы Жития отразились не только в ряде древнерусских агиографических сочинений, но и в произведениях писателей XIX—XX вв., в частности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Текст Жития Алексия человека Божия опубликован и выверен по рукописи XII в. — РНБ, Ф. п. I. 46, л. 98—100, а отсутствующее в ней начало (до слов: «...яко достоин есть царства небеснаго...») воспроизведено по списку XVI в. — БАН, 21.7.15, л. 31—99. Внесение в издание текста необходимых исправлений опирается на их подробное обоснование в исследовании В. П. Адриановой-Перетц (с. 457—475).

Стр. 244. ...у Анурия и Аркадия... — Гонорий и Аркадия — римские императоры братья-соправители, сыновья Феодосия I Великого, известные строгими указами против язычников. После раздела Римской империи в 395 г. Гонорий (395—423) правил западной частью империи, Аркадий (395—408) — восточной.

...въ церкви Святаго Внифантия. — Церковь в память римского св. мученика Воунифатия (день памяти 19 декабря), который был послан своей госпожой из Рима в Тарс

Киликийский за мощами христианских мучеников и, увидев, как мужественно переносят христиане свои истязания, сам стал христианином и принял мученический венец: был посечен мечом 14 мая 290 г.

...лѣз... — лезь (лизь), лежа (лежей) — сорт шелка-сырца, вывозимый из Персии армянскими купцами.

Стр. 246. ...из Капетулѣ... — т. е. из Капитолия, кремля и святыни древнего Рима, расположенного на Капитолийском холме.

...доплы града Лаодикия... — Лаодикия — название нескольких городов в древности, один из которых (во Фригии) был главным центром христианства.

...сподоби мя деснаго стояннѣ... — т. е. возможности в день Страшного суда предстать по правую руку Иисуса Христа среди праведников и святых угодников.

...доиде Едесы сирьския, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего... — В древности город Эдесса — столица Осроены (в северо-западной части Месопотамии, Междуречья, на р. Евфрат), римская колония, которая являлась крупным христианским центром и была овеяна сказаниями, связанными с именем Иисуса Христа и его Нерукотворного образа. С 1637 г. принадлежит Турции (г. Урфа).

...иже дастъ Авгарю сый. — Имеется в виду Авгарь V Черный, дважды царствовавший в Осроене (с 4 г. до н. э.—по 7 г. н. э. и с 13 г.—по 50 г.). С его именем связаны сказания об исцелении его с помощью присланного ему Христом Нерукотворного образа — лика Иисуса Христа, запечатленного на полотне.

...хотя преехати въ Тарьсъ Киликию... — Тарс (Тарзос) — главный город Киликии, области, расположенной на юго-востоке Малой Азии; с 66 г. до н. э. часть ее была римской провинцией.

Стр. 248. ...отъ крупиць, падающе съ тряпезы... — Мф. 15, 27.

...принеси ми харѣтию ... — Хартия — здесь в значении — пергамен, приготовленный из кожи для письма; ниже — в значении: грамота, письмо.

«Придѣте вси тружajúщиися и обрѣмѣнени грѣхы, и азъ вы покою!» — Мф. 11, 28.

Стр. 250. ...а съ — отецъ всѣя вселенныя. — Имеется в виду архиепископ.

Халтоларь. — Греч. хартоларь — архиварий (архивариус), хранитель книг и хартий.

ИЗ «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

Иосиф Флавий (ок. 38—после 100) происходил из иудейского жреческого рода; во время восстания против римлян, участники которого сражались за политическую независимость Иудеи, был одним из организаторов сопротивления в Галилее, но после взятия римлянами города Иотапаты перешел на их сторону. Иосиф пытался уговорить повстанцев, защищавших Иерусалим, сдаться римлянам, но безуспешно; город был взят и стерт с лица земли на его глазах. «Иудейская война», написанная участником и очевидцем событий, является уникальным источником сведений не только о самом восстании, но и о разнообразных сферах жизни Иудеи этого времени. «Иудейская война» была написана Иосифом на арамейском и греческом языках; арамейская версия не сохранилась, а греческая получила широкое распространение — во многом благодаря тому, что трактовка Иосифом бедствий, обрушившихся на Иудею, как кары за грехи, за то, что иудеи отвергли истинного Бога, оказалась созвучна христианскому пониманию истории: как и сам Иосиф, средневековый читатель видел в разрушении Иерусалима свершение Божьего суда и исполнение пророчества Иисуса Христа о разорении города (Лк. 19, 41—44). Однако трактовка событий у Иосифа неоднозначна: признавая справедливость Божьей кары, он не может не оплакивать гибель родного города. Скорбь о его поруганной красе, о его попорченных святынях, сочувствие к погибающим в страшных мучениях соотечественникам сообщают произведению Иосифа совершенно особую интонацию, отличающую «Иудейскую войну» от средневе-

ковых хроник и сохраненную в древнерусском переводе (это особенно отчетливо проявляется при сопоставлении с «Хроникой» Георгия Амартола, где также описано взятие Иерусалима).

Перевод «Иудейской войны» на древнерусский язык был осуществлен не позднее XII в. Выполненный в свободной манере, чрезвычайно выразительный и яркий, он является своего рода шедевром древнерусского переводческого искусства.

Вниманию читателя предлагаются три фрагмента: описание взятия Иотапаты в 67 г. (кн. III, 7—8), описание Иерусалима и Иерусалимского храма (кн. V, 4—5) и описание взятия Иерусалима в 70 г. (кн. VI, 3—5). Текст приводится по рукописи РГАДА, МГАМИД, № 279, XV в., л. 413—417, 438—440, 455 об.—460. Список акающий, отсюда написания типа *грабѣжь* вместо *грабежь*, *своливатися* вместо *сваливатися*, а вместо *о* (предлог) и т. п. Исправления сделаны по списку ЦНБ АН Литвы № 109/147 XVI в. и по изданию: La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin, t. 1—2. Paris, 1934—38; в основе издания — список РГБ, ф. 113, № 651, XVI в.

Стр. 254. *Веспасиан* (9—79) — будущий римский император (69—79), осуществлял верховное командование римским войском в провинции Иудея в 67—69 гг.

Тит (39—81) — будущий римский император (79—81).

Птолемида — город на побережье Средиземного моря, откуда Веспасиан двинулся со своим войском на юго-восток провинции Иудея.

Иотапата — город на границе Галилеи.

Спира — отряд войска; здесь, видимо, когорта, хотя слово имело и значение *манипул*, *третья часть когорты*.

Тибериада — город на востоке Галилеи, основанный тетрархом Иродом Антипой и названный им в честь римского императора Тиберия (14—37).

Стр. 256. *Гадара*. — В греческом оригинале Гадара, очевидно, названа по ошибке, так как этот город находится далеко на юго-восток от Иотапаты; видимо, имелся в виду город Габара, расположенный на пути из Птолемида в Иотапату.

Праща — стенобитное камнеметное орудие.

Жельв — «черепаша», боевой порядок, при котором солдаты, держа щиты горизонтально над головой, образуют сплошной защитный навес.

Трекапный. — Капь — древнерусская единица веса.

Сулица — короткое метательное копье.

Стр. 258. *Забрала* — укрепления на верхней части крепостной стены.

Стр. 260. *...въ заутренюю стражю...* — Ночь (с 6 часов вечера до 6 часов утра) была разделена у римлян на 4 стражи (по 3 часа каждая); последняя из них называлась утренней.

...мѣсяца панема... — Иосиф пользуется македонским календарем, который употреблялся в Малой Азии и на Ближнем Востоке.

Нерон (37—68) — римский император (54—68).

Стр. 268. *Давид* — царь Израильско-Иудейского государства в конце XI—перв. пол. X в. до н. э., завоевавший Иерусалим и перенесший туда свою столицу (2 Цар. 5, 6—9).

...Хранитель... — Возможно, имеется в виду крепость Сион, которую завоевал Давид и где он поселился (2 Цар. 5, 9).

Соломон — сын царя Давида, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), построивший первый храм Яхве в Иерусалиме (3 Цар. 5—7, 1 Пар. 22; 28, 10—29, 19; 2 Пар. 2—4).

...Край... — Нижний город назывался Акра, в переводе с греческого буквально *вершина*.

Асамонѣи — Хасмоней — Маккавеи, жреческий род, правивший Иудеей в 167—37 гг. до н. э.

Сыротворена... дѣбрь... — Происхождение названия неясно; предполагают, что это эвфемизм вместо «Навозная долина» — слова *сыр* и *навоз* звучат по-еврейски похоже. Ср. Неем. 3, 13—14.

Силоам — этот источник упоминается в Ис. 8, 6; Иоан. 9, 7.

...*Коннаго сына*... — Эту башню Ирод Великий, царь Иудеи в 40—44 г. до н. э., назвал по имени своего друга Гиппика (это имя буквально означает *конный*, греч. ἵπλος *конь*); она находилась рядом с современными Яффскими воротами.

Соломонова купель — Возможно, имеется в виду Царский пруд близ Колодезных ворот, упоминаемый в Неем. 2, 14; видимо, предание приписывало его создание Соломону.

Офел — возвышенность на юго-востоке Храмовой горы, упоминается в 2 Пар. 27, 3; 33, 14; Неем. 3, 26—27 и др.

...*Генафь*... — в переводе с еврейского означает «сад»; местоположение этих ворот точно не установлено.

Антония. — См. ее подробное описание на с. 276. Построивший крепость Ирод Великий назвал ее в честь своего покровителя, римского триумвира Марка Антония (83—30 гг. до н. э.).

...*Муסיнаго*... — Происхождение греческого названия башни Ψήφινός неясно; греч. ψήφος означает «кашечка».

...*до Ельничь гробь*... — Елена — царица Адиабены, древнего царства на берегах рек Тигра, Верхнего и Нижнего Заба; она перешла в иудаизм и переселилась в середине 40-х гг. н. э. в Иерусалим, приказав построить себе роскошную гробницу недалеко от города (возможно, ее следует идентифицировать с современными Царскими гробницами севернее Иерусалима).

...*до Цьсарьских пещерь*... — *Царские пещеры* — каменоломни, где добывался материал для царских построек (к востоку от современных Дамасских ворот).

Стр. 270. ...*гробь Синничь*... — Что это за памятник, неясно. В Библии несколько раз упоминается Поле белильщика сукон близ Иерусалима — ср., напр., Ис. 7, 3; 36, 2.

Агриппа — внук Ирода Великого, царь Иудеи в 41—44 гг.

Везефа — собственно «местность, где растут оливы»; так назывался холм к северу от Храмовой горы.

Клавдий — римский император (41—54).

Церкви... — Храм, построенный Соломоном, в 586 г. до н. э. был разрушен вавилонянами (см. 4 Цар. 25, 9). Второй храм, который описывает Иосиф, был построен ок. 415 г. до н. э. при персидском царе Кире (1 Езд. 1—4; 2 Езд. 5—6); строители старались воссоздать первоначальную постройку. Впоследствии храм постоянно достраивался вплоть до его разрушения римлянами.

И над тьми титлами... опустьние церкви. — Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала. Древнерусский переводчик, очевидно, пользовался другой, несохранившейся редакцией, содержащей упоминания об Иисусе Христе, которые впоследствии (возможно, при императоре Домициане, гонителе христиан) были удалены из текста.

Стр. 272. *Александр Лизимах* — алабарх (должностное лицо, стоявшее во главе еврейского населения) Александрии Египетской при императорах Тиберии и Клавдии, один из самых богатых и знатных иудеев города.

Тиберий Александр — сын Александра Лизимаха, перешедший в язычество; прокуратор Иудеи, а затем, во время осады Иерусалима, начальник императорской гвардии в войске Тита. См. с. 284.

...*непроходимо*... — Ошибка переводчика, в греческом оригинале ἀναβατός *в которое входят*.

...*катапетазма*... — Ср. Исход 26, 31.

...*развѣ двою на десять поясъ небесныхъ*. — Знаки зодиака не могли быть изображены на завесе, так как иудейский закон запрещал изображать людей и животных.

Стр. 272—274. *Си же катапетазма... противу вину раздрание ея есть*. — Этот текст отсутствует в сохранившейся редакции греческого оригинала. Ср. Мф. 27, 51; Мр. 15, 38; Лк. 23, 45.

Стр. 274. ...*свѣтилникъ и трапеза и кадилница*... — Ср. Исход 26, 35; 37, 10—29.

...*7 звѣздъ... планитъ*... — К ним древние причисляли Солнце, Луну, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн.

Жертвенник. — Ср. Исход 27, 1—2.

Ризы. — Ср. Исход 28, 7—43.

Стр. 276. *Четворица.* — На повязке первосвященника было 4 буквы, обозначающих имя Яхве. В рукописи *животворца*; исправлено на *четворица* по смыслу и в соответствии с греческим оригиналом.

...обычай всёмъ говѣти Бога — т. е. в день Всепрошения (праздник Йом-Киппур).

Детинец — внутренняя крепость.

Иродовы палаты — дворец Ирода Великого.

Стр. 278. *Мятежници...* — Иосиф называет мятежниками и разбойниками противников примирения с римлянами, сражавшихся за независимость Иудеи и державших оборону Иерусалима.

...преждереченнаго мѣсяца... — т. е. панема (соответствует июлю—августу), см. коммент. на с. 535.

Иоанн и Симон — два главных предводителя повстанцев Иерусалима. Иоанн из Гисхалы возглавлял партию zelотов — наиболее радикальных поборников политической независимости Иудеи. Симона из Герасы партия умеренных призвала в Иерусалим на помощь против zelотов. Вступив в Иерусалим в 69 г., Симон начал войну с Иоанном. Когда начался штурм Иерусалима, Иоанн и Симон объединились против римлян; Иоанн оборонял Храмовую гору, Симон — Верхний и Нижний город.

Стр. 280. *Гривна* — древнерусская мера веса.

Стр. 282. *Кесарь* — Тит, см. коммент. на с. 535.

Стр. 284. *...второй час дня...* — 8 часов утра.

...двери внутренни... — двери в Святая святых, где, по-видимому, не было освещения.

Стр. 288. *...пожьгоша ту црковь.* — Показания источников относительно даты сожжения храма вавилонянами расходятся.

Аггей — См. Агг. 1—2.

...вертелища... — Очевидно, шпиль с крыши храма, см. с. 274.

...сами начьяша кресты дѣлати... четверообразныи ... ови же ... Исуса... — Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала.

ПАТЕРИКИ

Патерик (греч. *патерикόν* от *пáтер* — отец) — сборник рассказов о жизни первых поколений, главным образом египетского монашества. Они были составлены для назидания иночества на основе предания и монастырских записей о подвижниках в период с IV по VI в. в различных областях Византийской империи.

Из огромного количества патериков на церковнославянский язык были переведены в Болгарии и на Руси в IX—XI вв. лишь отдельные их разновидности, получившие названия Скитского, Азбучно-Иерусалимского, Египетского и Синайского. Из них первым был переведен, как полагают, Скитский поглавный, в котором рассказы и изречения некоторых подвижников распределены по главам, название каждой соответствует определенной монашеской добродетели. Сходен со Скитским и Азбучно-Иерусалимский патерик, однако рассказы и изречения в нем распределены по алфавиту имен подвижников. Не менее древними являются собрания рассказов о монашестве различных областей христианского Востока — Синайский и Египетский патерики. В Египетском патерике собраны повести о суровой жизни отшельников и их подвигах во имя веры в пустынях Египта, в Синайском — Египта, Палестины и Сирии.

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты из Скитского патерика публикуются по списку *РНБ*, Собр. Погодина, № 267 (XIV в.), л. 44—103 с дополнениями по списку из Соловецкого собрания, № 647/705 (XV в.), л. 49—243 об.

Стр. 294. ...авва... — отец, титул начальника обители.

...егда бѣ въ Скитѣ... — Скит (копт. Schiet — просторная пустыня), или Скитская пустыня в Среднем Египте, была местом обитания отшельников.

...авва Арсений — преподобный Арсений Великий — известный подвижник Скита, был воспитателем сыновей императора Феодосия I (379—395).

...чату... — чату, т. е. монету.

...авва Макарий... — преподобный Макарий Египетский (301—391); в 340 г. основал лавру Скит.

...от Скита в Тернуть... — Теренута или Теренуфа — город в Египте.

Видив же дѣмони дерзновение его... — По христианским воззрениям тех времен, в могилах язычников (эллинов) обитали демоны.

...авва Сисой... — Преподобный Сысой Великий Скитский скончался в 429 г.

Стр. 296. ...от Тиваидских старечь... — Имеются в виду монахи одной из обителей Фиваиды. См. коммент. к с. 298.

Стр. 298. ...имя левытона... — Левитон (греч. λευτόν) — длинная льняная рубашка, нижняя одежда египетских монахов.

...братии, сущий въ Раидѣ... — Раита, или Раифа, — лавра на юго-западном берегу Синайского полуострова у Черного моря.

...идеже ополчился Моисий... от Земля егупетьскы. — См. Исход 15, 27.

Стр. 300. ...въ монастырь бѣхъ во Вифаидѣ... — Фиваида — пустыня в нижнем Египте.

...помыслихъ, яко Илии...повиненъ будетъ*. — Неизвестно, кого именно цитирует отшельник. Это мог быть патриарх иерусалимский Илия (491—518) и преподобный Илия Скитский, живший в VI в.

...приносящъ ми 12 меча... — Мечь (греч. ἔσις) — куча.

Стр. 302. Епифаний Кипрский (310 или 332—403) — автор многих сочинений, особенно против различных ересей. В 367 г. был назначен епископом г. Саламина на о. Кипр и был им 36 лет.

Стр. 304. ...авва Даниль, ученикъ отца Антонья... — Преподобный Даниил Скитский (втор. пол. IV в.) был в действительности учеником преп. Арсения. См. коммент. к с. 294.

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты печатаются по списку РНБ, Соловецкое собр., № 635/693 (XV в.), л. 56 об.— 63 об.

Стр. 306. Преподобный Иоанн Ликопольский (IV в.) — подвижник, провел 50 лет на горе Лико в верхнем Египте.

Стр. 310. ... Благовѣстить тя Господь...благая Иерусалима. — Ср. Пс. 127, 5.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Синайский патерик в греческом оригинале назывался «Лугом духовным». Он составлен Иоанном Мосхом (ум. в 622 г.), палестинским монахом, который вместе со своим учеником Софронием много путешествовал; воспоминания о встречах, рассказах и беседах с различными людьми в годы долгих странствий (579—619) послужили материалом для книги; здесь упоминаются реальные города, села, пустыни древней Палестины, Сирии и Египта. В славянском переводе содержится 335 главок («слов»), которые тематически распадутся на несколько групп: чудесные явления, бытовые повести, рассказы о животных и т. д. Всем им присуща незамысловатость повествования, но очень тонкие, иногда трогательные характеристики героев и психологически оправданные их действия и поведение. Патерики неоднократно переписывались и оставались любимейшим чтением в течение многих веков. Ряд сюжетов Синайского патерика впоследствии разрабатывался в новой литературе, в том числе и в русской.

Двенадцать новелл этой книги публикуются по самому древнему славянскому списку, составленному в Древней Руси в конце XI в. (*ГИМ*, Синодальное собр., 551) — в издании: Синайский патерик. М., 1967. С. 95—96, 133—139, 165—166, 182—187, 197—199, 264—266, 288—289, 296—301, 307—311, 340—342.

Стр. 312. *Фиваида* — безлюдная пустыня в окрестностях Фив, древней столицы Верхнего Египта («пустыня египетская»); место знаменито тем, что именно здесь появились первые в истории христианства пустынножители.

...овѣмъ въ Костянтинѣ градѣ, овѣмъ въ Александрию... — т. е. на север и на юг; Константинополь — русское название Константинополя, столицы Византийской империи; Александрия — город и порт в Египте, на берегу Средиземного моря, основан Александром Македонским в 331 г. до н. э., впоследствии один из центров распространения христианства.

Стр. 314. *...господь мой Софроний...* — Софроний из Дамаска, спутник Иоанна Мосха в его путешествиях, его ученик, которому автор передал рукопись Патерика перед смертью, впоследствии видный церковный деятель (с 634 г. до смерти в 641 или 644 г. был патриархом Иерусалимским).

...юже създа блажены папа Еулогий... — Знаменитый церковный деятель и писатель Евлогий, родом сириец, был патриархом александрийским в 580—607 гг.

...великаго Тетрафола. — Т. е. тетрапила, следовательно, храм окружался четырьмя рядами колонн.

...пророка Иеремиа... — Второй из четырех великих пророков Ветхого завета, родом из Иерусалима; начал учить евреев в 626 г. до н. э., был уведен в Египет, где и умер.

...Александръ зиждитель... — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), основатель города Александрия в Египте.

Стр. 316. *...о аввѣ Иулианѣ... епискупѣ Вострѣнемѣ.* — Вострены (Бостра) — город в Аравии; Юлиан был епископом в Бостре в то время, когда в царствование византийского императора Анастасия I (491—518) на некоторое время победили сторонники еретического движения в христианстве; епископ Юлиан преследовался и неоднократно изгонялся из города.

...отъ единого попьрища... — Мера пути, по различным источникам разной длины; в переводных памятниках славянское слово заменяло греческий стадий — 185 м (считалось, что это 125 шагов воина).

...авва Герасима нарицаема. — Герой рассказа, один из знаменитых подвижников V в., родом из малоазийской провинции Ликии, основал свой скит на берегу реки Иордан; умер Герасим 4 марта 475 г.

Стр. 318. *Авва же Севатий киликѣ...* — ученик Герасима, родом из Киликии, юго-восточной части Малой Азии.

Стр. 320. *...въ лаврѣ отьца Фирмина...* — Фирмин, один из учеников основателя древнего монашеского устава Саввы Освященного (ум. в 532 г.), почитаемого и на Руси; Фирмин основал обитель недалеко от Назарета.

...въ Дорофеевъ монастырь въскрай Газы. — Имеется в виду Дорофей, один из известных в древности подвижников, занимавшийся также науками и философией; основал обитель неподалеку от Газы — города в южной Палестине, недалеко от Средиземного моря.

...приде къ Диополу граду... — Город Диополис, теперь Лидда, на пути из Иерусалима в Иоппию.

Стр. 322. *...въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села* — название пустыни.

Въ самомъ островѣ... — Описка, имеется в виду о. Самос в Эгейском море, недалеко от побережья Малой Азии.

...мати Павля канѣдита... — Кандидат (или квестор) — чиновник при сенате, читавший императорские рескрипты перед сенаторами.

...Нисиви... църкы Нисийская... — Нисибия, парфянский город в верховьях р. Тигр (теперь в Курдистане).

Стр. 324. *Аскалонъ* — один из пяти главных городов филистимлян на берегу Средиземного моря (сохранились развалины), часто упоминается в Библии; аскалонцы постоянно враждовали с иудеями, а затем и с первыми христианами; город был окончательно разрушен в результате крестовых походов XIII в.

Стр. 326. *...въ Селеукия, близъ Антиохия...* — Антиохия, древняя столица Сирии, расположена недалеко от Средиземного моря; в античные времена и в первые века христианства — центр культурной, экономической и административной деятельности; Селевкия — городок около Антиохии.

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

Книга об Андрее Цареградском была весьма популярна на Руси, о чем говорит большое количество (более 200) дошедших до нас древнерусских списков. Ее успех у читателя объясняется, во-первых, необыкновенной занимательностью содержания и превосходными достоинствами перевода; во-вторых, — тем обстоятельством, что в наиболее распространенном у славян древнерусском переводе Андрей представлен как славянин (так переведено греческое *σκύθης*), а в более поздних списках как «русин» и даже новгородец. Особым вниманием это произведение пользовалось также ввиду содержащегося в нем свидетельства о явлении Богоматери святому Андрею и Епифанию в константинопольском Влахернском храме, на основании которого был установлен на Руси праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Греческий оригинал Жития, если верить заключающей его записи, был написан в Константинополе священником храма Софии Никифором. Ряд упоминаемых в Житии лиц и городских реалий указывает на то, что главный персонаж повествования Андрей жил в V в., и хотя автор изображает события так, словно он был современником и другом Андрея, на самом деле это не более чем литературный прием, ибо, судя по другим особенностям содержания Жития, оно не могло быть написано ранее конца IX или начала X в., при этом Никифор, по-видимому, просто воспользовался более ранними преданиями.

Юродство во Христе, столь же древнее, как и само христианство, во все времена сопутствовало ему, являя себя наиболее ревностной и самоотверженной преданностью высшей небесной правде, преподанной Иисусом Христом. «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, — разъяснял апостол Павел, — тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 18—19).

Юродивые по-своему воспроизводили земной подвиг Христа. Живя среди людей в отличие от монахов-пустынников и отшельников они подвергали себя наиболее трудным и жестоким соблазнам и испытаниям, ежедневно и ежечасно обличая безумие мира сего и самим своим видом и парадоксальными речами и деяниями напоминая о присутствии высшего Судии.

Подобно своим предшественникам, особенно знаменитому юродивому Симеону, подвизавшемуся в VI в. в Палестине, Андрей ходил по улицам Константинополя полунагой, едва прикрытый тряпьем, терпеливо сносил насмешки, добровольно подвергался избиению, спал на солнцепеке или на гноище и в других неподходящих местах. Как-то, когда Андрей спал посреди дороги, его переехала телега, запряженная волами, но он остался невредим. А однажды наступила такая суровая зима, что все нищие погибли от холода и ветра или задохнувшись в сугробах, и Андрей, у которого не было ни одежды, ни крова, лег на улице и приготовился к смерти. Но внезапно он ощутил прилив тепла и увидел себя гуляющим по раю, и когда он очнулся, морозы кончились.

Произведение построено как цикл, включающий около 100 различных по объему рассказов, в которых повествуется о приключениях и чудесах Андрея, а также о различных персонажах и событиях из жизни Константинополя, имеющих часто лишь косвенное отношение

к собственно житийному сюжету, а иногда и вовсе с ним не связанных. В частности, много говорится о боголюбивом и разумном юноше знатного происхождения Елифании, который был другом Андрея и, хотя не занимался юродством, всех удивлял своим воздержанием, целомудренной жизнью и глубоким умом. Впоследствии, как сообщается в Житии, он был Константинопольским патриархом.

Таким образом, это Житие представляет собой не столько агиографическое или тем более историческое повествование о реальных событиях и лицах, сколько сочинение в духе средневекового романа.

Книга содержит в конце большой раздел, получивший в русской книжности особое название «Елифаниевы вопросы и ответы блаженного Андрея», в котором Андрей дает разъяснения по вопросам мирового устройства, разнообразных явлений природы, толкования Священного писания, эсхатологических предсказаний (так называемый «Апокалипсис Андрея Юродивого») и др.

Своим разнообразным и ярким содержанием «Житие Андрея Юродивого» оказывало значительное влияние на распространение идей юродства на Руси и одновременно служило источником для составления житий русских юродивых.

Древнерусский перевод Жития был выполнен, видимо, в XI, во всяком случае не позднее начала XII в., так как фрагменты этого перевода вошли в переработанном виде уже в первую (краткую) редакцию Пролога, созданного на Руси около середины XII в.

Кроме этого, древнейшего славянского перевода Жития, представляющего, кстати, наиболее пространную версию греческого текста, существует второй полный южнославянский перевод, осуществленный независимо от первого не позднее XIV в. и не имевший значительного распространения.

Мозаичность композиции Жития, легко разделяющегося на отдельные рассказы и эпизоды (в греческом издании, например, выделено 245 отдельных эпизодов), привлекала к нему внимание греческих и славянских книжников как к источнику для составления различных сборников. Помимо многочисленных рукописей Пролога, существуют еще десятки других сборных по составу рукописей, в которых содержатся рассказы или фрагменты Жития, в том числе несколько самостоятельных переводов греческих сокращенных редакций и выборки из этого памятника.

Текст печатается по древнейшему списку древнерусского перевода, относящемуся к концу XIV в. (рукопись РГАДА, Син. тип. 182), а в местах утраты листов — по копии с этой рукописи, сделанной в конце XV в. (рукопись РНБ, Сол. 216). Явные описки или ошибки исправлены по родственному списку РГБ, Егор. 162. Искаженные по текстологическим причинам чтения восстанавливаются в соответствии с греческим оригиналом по древнейшим спискам других редакций и текстологических групп: РГБ, Тр.-Серг. 780; РГБ, Тихонр. 29; ГИМ, Син. 924; РНБ, Сол. 214.

Греческие соответствия указываются по рукописи Баварской национальной библиотеки Монах. 552.

Стр. 330. ...*Лва Великого*... — Имеется в виду, очевидно, византийский император Лев VI Мудрый (886—912).

...*протоспафаревымъ саномъ*... — Протоспафарий — титул среднего ранга в Византийской империи, присваивавшийся в основном военным.

... *воеводу створи на вѣсточныхъ странахъ*. — В греч. оригинале στρατῆλάτης.. ἐν τοῖς ἀνατολικαῖς μόρεσιν. Слово «стратилат» — полководец не имело четкого терминологического содержания и применялось в отношении как военных командующих, так и светских правителей. Феогност был, вероятнее всего, военным, чем можно было бы объяснить его пребывание со всем домом в Константинополе: военнотружущие восточных областей Византии могли подолгу жить в столице, осуществляя свои должностные обязанности главным образом в летний период.

...словѣниѣ. — В оригинале σκῶθης скиф. Древнерусский переводчик, несомненно, был знаком с византийской литературой, в которой «скифами» назывались самые разные северные по отношению к Византии народы, в частности болгары и русские.

Стр. 332. «Полунощи въстаяхъ исповѣдаться Тебѣ». — Ср. «В полночь вставал (я) славословить Тебя...» (Пс. 118, 62).

...козичиною своею. — Точное значение слова «козичина», так же как и его греч. соответствия αἰγομάλοισ (от αἴξ 'коза' и μαλή 'шерсть'), неизвестно; вероятнее всего, имеется в виду козья шкура или одеяло из козьей шерсти, а не род одежды, ибо, как было сказано выше, Андрей носил дорогое господское платье.

...тоштетину ялъ... — Греч. ὁ τὰ σέλη ἐσθίων (τὰ σέλη — разновидность бобовых) является, очевидно, парафразом презрительного σελοφάγος 'бобоед'.

...на позорищи. — Позорище — театр (θέατρον) — монументальное открытое сооружение, предназначавшееся для публичных зрелищ и народных собраний.

...множество ефиопъ много... — Ефиоп (αἰθίοψ), мавр (муринъ, μαῦρος), черный — средневековые наименования черта.

...бѣлоризецъ... — В греч. λευσχήμεων (=λευχείμων) 'одетый в белое' — об ангелах; белые одежды символизировали чистоту и святость.

Стр. 334. ...учѣрнене... — Греч. ἡσβολομένος 'измазанный сажей'.

...неудобъ есть... възъбраняющую завистью сему. — Византийская церковь осуждала содержание в рабстве христиан.

Стр. 336. ...мученица Анастасия... — Св. Анастасия считалась целительницей безумных.

...благовѣрны Левъ Мясникъ... — Лев I Великий или Макел (μακέλλης 'мясник'), византийский император (457—474). Называя этого императора Макелом, автор Жития очевидным образом противопоставляет его упомянутому выше Льву, названному им Великим, что является дополнительным аргументом в пользу идентификации последнего со Львом VI Мудрым (см. выше).

Стр. 338. «Азъ есмь... Исуса Христа». — Во время Тайной Вечери апостол Иоанн возлежал на груди Исуса (Иоан. 13, 23).

Стр. 340. ...кидонатъ... — Кидонат — кидонийская айва (Кидония — древний город на северном побережье Крита, совр. г. Канея).

Стр. 342. ...похабу Смеона... — Симеон Юродивый жил в г. Емесе в конце VI в. Из его Жития заимствованы автором Жития Андрея Юродивого некоторые сюжетные мотивы.

...на прѣдня спѣвати, а задняя забывати. — Ср.: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Фил. 3, 13—14).

Стр. 344. ...близъ блудныхъ храмъ... — Проституция была довольно широко распространена в Константинополе, где почти в каждом квартале имелись публичные дома.

Стр. 346. Патрика... — Патрикий — титул высшего ранга в Византийской империи.

...множество ефиопъ дѣмонъ... — Буквально воспроизводит генитив мн. числа греч. αἰθίοπων δαιμόνων.

Стр. 350. ...глубныи змѣи... — Змей — одно из воплощений Сатаны, терзающего грешников в аду.

Стр. 352. ...ядущему... — Древнерусский перевод буквально воспроизводит греч. ἐστίοντι 'пожирателю'.

...хвалити его нача, праведника его наричая... — Ошибка в древнерусском переводе (так в архетипах древнейших редакций) или результат порчи текста в греческом списке, с которого был сделан перевод. В греческом оригинале — διεχλεύασεν τὸν δίκαιον εἰπὼν 'стал ругать праведника, говоря...'

Амафоръ — мафорий (μαφόριον), длинный кусок ткани, покрывавший голову и плечи, носившийся женщинами вне дома.

Стр. 354. Хартулаи... плоимомъ. — Морской хартуларий, заместитель командующего (друнгария) морских сил Константинополя.

Стр. 356. ...*въ святѣи церкви сущи Влахернах...* — В греч. ἐν τῇ ἁγίᾳ σορῶ τῆ ὀσπῆ ἐν Βλαχερναις. Имеется в виду, очевидно, влахернский Святой Сорос — церковь, которую построил в конце своего правления Лев I как помещение для собственно сороса (реликвария), в котором хранился покров Богородицы, привезенный из Капернаума молодыми патрициями Гальбой и Кандидом. Влахерны — северо-западный район Константинополя.

Часу же nocturno сущю 4-му... — Поскольку ночь разделялась на двенадцать равных частей, «четвертый час» соответствовал приблизительно 10—11 часам вечера.

Предтеча — Иоанн Креститель.

Громный Сынъ — Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса.

Стр. 358. *Мафоръ* — мафорий (см. выше, коммент. к с. 352). В традиционной иконографии принято изображать Богородицу в пурпурном плаще и пурпурном мафории в знак ее происхождения из царского рода.

Иликтръ — τὸ ἤλεκτρον, янтарь или металл электр (сплав из 80 % золота и 20 % серебра).

... сущимъ тамо. — Далее в греческом тексте следует заключительное предложение этого рассказа, опущенное в древнерусском переводе: «Епифаний видел все это через посредство богоносного отца (т. е. Андрея), ибо тот мог легко (мысленно) к нему обращаться и сообщать Епифанию все, что он видел, действуя для него как медиатор. Мысленно сопровождая его повсюду, он приобщал его к великолепной славе».

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

Повесть о пустынноике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе является одним из самых распространенных произведений в мировой литературе средневековья. Существует более 140 версий этой повести более чем на 30 языках. В славянские литературы «Повесть о Варлааме и Иоасафе» пришла в переводах с греческого языка. Греческая версия повести появилась в начале XI в. на Афоне и является в свою очередь переработкой версии грузинской. Древнерусский перевод «Повести...» относится к периоду Киевской Руси; по-видимому, он был сделан во второй половине XI или в самом начале XII в. Этот перевод сразу же вошел своими отдельными частями в состав русского Пролога, из которого заимствовал одну из притч повести Кирилл Туровский. Повесть широко распространилась в древнерусской письменности и в полном виде, и еще более в составе Пролога. В Пролог вошли прежде всего притчи, которые рассказывает Варлаам Иоасафу. Это своего рода небольшие новеллы поучительного содержания; все они восточного происхождения. Мы публикуем семь притч из «Повести...»: 1) О трубе смерти и четырех ковчегах; 2) О соловье; 3) Об единороге; 4) О трех друзьях; 5) О благоразумном царе; 6) О царе и нищем; 7) О молодой серне. Кроме того, автор греческой версии включил в текст повести памятник позднеантичной литературы — «Апологию» Аристиды, своего рода «турнир религий». «Апология» вошла и в древнерусский перевод, и ее текст также публикуется. Текст «Апологии» вложен в уста волхва Нахора — язычника и колдуна, тем большую силу приобретает то, что говорит он против своей воли.

По разнообразию перипетий сюжета, по богатству притч и диалогов «Повесть о Варлааме и Иоасафе» занимает одно из первых мест во всей литературе средневековья. Отрывки из текста «Повести...» издаются по списку Соловецкой библиотеки № 208, хранящемуся в РНБ. Это самый ранний (начало XVI в.) и самый полный и исправный список древнерусского перевода. Незначительные его лакуны восполнены по рукописи из собрания Хлудова № 60, хранящейся в ГИМ.

Стр. 360. ...*из утрення Ефиопскыя страны, глаголемыя Индейскыя страны...* — В греческом тексте «Повести...» произошло смешение топонимов Эфиопии и Индии. Греческая космография не знала внутренней Эфиопии, но уже в «Географии» Птолемея есть разделение Индии

на внутреннюю и внешнюю. У христианских авторов, например у Козьмы Индикоплова, внутренней Индией назывались Эфиопия и Южная Аравия.

...*святый град*... — Имеется в виду Иерусалим.

...*бесовствѣ прелести*... — идолопоклонству.

...*от халдѣян*... — В древности в Греции халдеями называли вавилонских жрецов, обладавших познаниями в области философии, медицины и особенно астрономии и астрологии.

Въ градѣ Домосѣ... — Ошибка переводчика: в греческом тексте ἐν πόλει δὲ δμῶς ἰδιαζούσῃ (в городе же особом) он два слова δὲ δμῶς (же) принял за название города Домоса.

Стр. 362. ...*преподобника*... — Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «проповедника» (греч. κήρυξ — глашатай).

Стр. 366. *Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшенных и безмѣстныхъ стухый*... — В древнегреческой натурфилософии четыре стихии, или элемента (στοιχεῖον) — первоначала природы, из которых состоит также и человеческое тело: вода, огонь, воздух и земля.

Стр. 372. ...*увидѣ*... — Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «увѣде» (греч. εἶνω — знать).

...*начялствие... тмѣ вѣка сего*... — Ср. Ефес. 6, 12.

...*в землю тмы... житиѣа человечьскаго*... — Иов. 10, 22.

Стр. 374. ...*учителей видяцимъ*... — Видимо, ошибка переводчика. В греческом тексте — «свидетелей и посвященных» (ἐλοπαῖς καὶ μυσταῖς).

Стр. 376. ...*якоже Валамль осель*... — Имеется в виду ослица пророка Валаама, которая, как рассказывается в библейской Книге Чисел, остановилась, увидев перед собой ангела, и, когда Валаам трижды ударил ее, чтобы заставить двинуться, заговорила человеческим языком (Чис. 22, 21—35).

...*честити тварь паче створившаго ихъ*... — Ср. Римл. 1, 25.

...*от изображения*... — Неточный перевод греческого слова ἐκτυπώματα, которое было воспринято переводчиком как два слова: предлог ἐκ (от, из) и существительное τυπώματα (образы, отпечатки).

Стр. 378. ...*именуеть*... — Ошибка переписчика. В греческом тексте: «изменяет» (ἀλλοιοῖ).

Стр. 380. ...*урѣзати истеса своя*... — Неточный перевод. В греческом тексте: «Зевс отрезал у него детородный член...» (τὸν Δία κόψαι αὐτοῦ τὰ ἀνάγκαια). Переводчик, видимо, имя Зевса (Δία) принял за прилагательное «собственный».

...*тимение*... — грязь. — Так переводчик понял греч. слово Τάρταρος — пропасть, подземное царство.

...*с мертвыми*... — Ошибка переписчика. В протографе в соответствии с греческим текстом было «смертными» (θνητάς).

...*Европи*... — Начиная с Европы, дочери финикийского царя, похищенной Зевсом, далее перечисляются имена персонажей греческой и египетской мифологий. В переводе эти имена даны в современной транскрипции.

...*богынѣ*... — В греческом тексте — музы.

Дара — Неверное прочтение переводчиком греческого имени Тиндарея (Τυνδάρεον): первую часть имени Τυν — он принял за артикль, а вторую за собственное имя.

Стр. 382. ...*от сына*... — Ошибка переводчика. В греческом тексте: «от кабана» (δρὸ τοῦ ὄου). Переводчик спутал два слова: «кабан» (ὄς) и «сын» (υἱός).

...*увидивъ*... — Ошибка переводчика. В греческом тексте: «в Библос» (εἰς Βύβλον). Эти два греческих слова переводчик принял за одно, глагол εἰσβλέπω (смотреть).

Стр. 384. *Си бо Аврамова ищадиа и Исакова и Яковля*... — Авраам, Исаак и Иаков — библейские патриархи, родоначальники еврейского народа.

ИЗ ПРОЛОГА

Пролог — один из наиболее популярных сборников Древней Руси, который содержит слова на праздники и краткие жития святых, распределенные по дням года, в которые празднуется их память. Этот сборник был переведен с греческого на церковнославянский язык, по-видимому, на Руси в начале XII в. В греческой рукописной традиции он имел название Синаксарь (греч. συναξαρίον — сборник), первоначально был частью Церковного Устава и читался на утренней службе в церкви. Церковным употреблением объясняется небольшой размер текстов житий, что отличает их от более обширных текстов житий другого агиографического сборника — Миней Четых. В последних сборниках, однако, общее количество поминаемых каждый день святых гораздо меньше, поскольку в нем содержатся только тексты житий отдельных святых, но отсутствуют памяти (упоминание лишь имени святого дня без текста жития), которые помещались в Прологе.

Сразу после перевода сборник, получивший новое название — Пролог, стал дополняться житиями русских святых и праздников, память которых стала отмечать русская церковь. Помимо имен канонизированных святых, с текстами житий или без таковых, в Прологе отмечались такие церковные праздники, как дни освящения различных церквей, дни перенесения мощей святых и т. д. Синаксарные тексты житий греко-римских святых были, несомненно, примером составления житий для древнерусских книжников, но все же по своему изложению они тяготеют более к летописному стилю.

На Руси Пролог также читался в церкви, но выполнял скорее функцию назидательную и воспитательную, поскольку в этот сборник древнерусские книжники вносили не только тексты канонических житий и похвалы праздников, но и отрывки из святоотеческой и повествовательной византийской литературы.

Мы издаем тексты по древнейшим спискам Пролога: с 4 сентября по 27 января по списку РНБ, Софийское собр., № 1324 (конец XII—начало XIII в.), л. 2—128 об.; 1 апреля и 15 июля по списку РНБ, Фп. 1. 47 (начало XIII в.), л. 1 об.—2 и 79 об.—80 об. с дополнениями по списку ГИМ, Синаodalное собр., № 240 (1400 г.), л. 139 об.—140 об.

Стр. 388. *Вавула* — Вавила никомидийский был учителем детей в Никомидии, главном городе Вифинии, провинции Малой Азии.

...бша при Максимиянь цесари... — Максимян — римский император (305—311). Время жития или мучения святого всегда обозначалось периодом правления какого-либо императора.

Ефросинья Измарагд — монахиня, жившая во время правления византийского императора Феодосия II (408—450). Происхождение прозвища неясно, но, возможно, оно было получено ею в мужском монастыре.

Александрия — главный город в Египте, основанный Александром Македонским в 332 г. до н. э. До VIII в. н. э. был центром просвещения христианского населения северо-восточной Африки.

Стр. 390. *Покров святой Богородицы* — праздник, установленный на Руси не позднее второй половины XII в. и отмечаемый 1(14) октября. В Византии этот день не праздновался так широко, как на Руси, хотя связан с одним из событий ее истории — нападением сарацинов на столицу. Такие дни обычно отмечались в Синаксарях и были рядовыми церковными праздниками. На Руси же, особенно в XIV—XV вв. и позже, этот праздник отмечался наряду с двенадцатыми.

...видѣние честною святителю Андрѣя и Епифана... — В основу «Слова» автором положен эпизод известного византийского «Жития Андрея Юродивого» («О видѣнии святыя Богородицы во Влахернѣ»). См. с. 356—358.

...въ Влахѣрную църквѣ... — т. е. церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах.

...съ Предѣтечу... — Иоанн Предтеча, или Иоанн Креститель — евангельский пророк, предсказавший пришествие Иисуса Христа и крестивший его в реке Иордан.

...*съ Богословъчемъ Иоаномъ*... — Иоанн Богослов — один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, автор одной из четырех книг Евангелий и «Апокалипсиса».

...*дияконъ бывъ въ Вуритъ святыя церква*. — Св. Роман был дьяконом в церкви Вознесения в г. Вирите. Современное название — г. Бейрут.

Дошьдъша же Костянтиня-града... — древнерусское название г. Константинополя. Современное название — г. Стамбул.

...*въ лѣта Анастасиа цесаря*... — Имеется в виду период правления византийского императора Анастасия I (491—498).

...*въ церкви пресвятыя Богородица*. — Имеется в виду церковь Пресвятой Богородицы во Влакернах.

...*даръ сбора кондаки*... — Кондак — краткое церковное песнопение, в котором излагалась похвала святому или сущность праздника. При переводе с греческого на церковнославянский язык песнопения, как правило, теряли стихотворную форму.

...*Дѣва дньсѣ Пребогатаго ражаеть*... — слова из Рождественского кондака.

Стр. 392. ...*отець нашъ Амунъ, богоносць*... — Преподобный Аммон был основателем Нитрийской пустыни иноков в среднем Египте, насчитывающей около 50 обителей. Умер в 350 или 356 г.

...*до подвигъ великаго Антония*... — Преподобный Антоний Великий (260—365) считается основателем монашества, возникшего в Египте в конце III в.

Св. Лукиан — христианский ученый, основал училище христианских богословов в Антиохии и был его пресвитером.

Трепарь — древнерусское название тропаря, церковного песнопения, составленного в честь праздника или святого.

...*въ царство Диоклитиана*... — Т. е. время правления римского императора Диоклетиана, гонителя христиан (284—305). По сведениям других источников, Лукиан был схвачен при императоре Максимиане в 311 г.

...*Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ*... — Преподобный Иларион (291—372) — основатель палестинского монашества, жил не только при императоре Константине Великом.

Стр. 394. *Козьма и Дамиан* — братья-лекари, жившие во второй половине III в. около Рима. Были убиты из зависти врачом-язычником в 284 г. В некоторых богослужебных книгах их память отмечается также 1 июля.

Преподобный Феодор, игумен Студийский (759—826) — аскетический деятель, писатель, основатель монастыря в Студиях, одном из районов Константинополя, автор Большого и Малого Катихизисов, посланий, касающихся различных сторон церковной жизни, а также правил монашеской жизни, записанных после его смерти в форме Устава. Одна из его редакций (патриарха Алексея) была принята на Руси и действовала до начала XV в.

В царство Костяньтине... — Преподобный Феодор родился в эпоху правления императора Константина V Копронима (741—775).

Въ царство Ирины... — Византийская императрица Ирина, жена Льва IV Исавра, после смерти мужа управляла империей вместо малолетнего сына Константина VI с 780 по 790 г.

...*Сакудиовъ манастырь*... — Этот монастырь находился в местечке Сакудион, около Константинополя.

...*и от Тарасья патриарха*... — Тарасий был патриархом константинопольским в 784—806 гг. В истории церкви известен тем, что содействовал подготовке и проведению 7-го вселенского собора, на котором было осуждено иконопочитание. См. коммент. на с. 547.

Селунь (Солунь) — древнерусское название города Фессалоники, в то время одного из главных городов на Балканском полуострове, входившего в состав Византийской империи.

...*зане не свѣщати ся любодѣйству цесареву*... — Преподобный Феодор выступил против развода и нового брака императора Константина VI, за что и был им сослан.

...*възвращенъ бысть пакы цесарицею Ириною*... — Имеется в виду возвращение преподобного Феодора Студийского в 797 г., когда Ирина после переворота и ослепления Константина VI вновь вступила на престол.

И паки изгнать бысть Никифоромъ цесаремъ, убьенымъ въ Българѣхъ... — Император Никифор I (802—811) был убит в 811 г. в походе против болгар.

...при Львѣ иконоборци. — Имеется в виду правление византийского императора Льва V Армянина (813—820), который продолжил политику иконоборчества, начатую еще императором Львом III Исавром по религиозным и политическим мотивам (например, стремление обратить в христианство магометан). Представители этого движения выступали против почитания икон, доказывая неописуемость и непостижимость человеческим разумом Божественной сущности. Политика иконоборчества была продолжена преемниками Льва III — Константином V Копронимом и Львом V Хазаром (775—780). Последующие византийские императоры то придерживались нейтралитета в этом вопросе, то поддерживали иконоборчество. Иконопочитание было восстановлено лишь в 842 г. императрицей Феодорой, женой императора Феофила, после его смерти.

...Араклиемъ цесаремъ... — Византийский император Ираклий (610—641).

Стр. 396. *Иоанн Дамаскин* (перв. пол. VIII—нач. IX в.) — византийский учитель церкви, философ, писатель.

...бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его... — Имеется в виду время правления императоров Льва III Исавра и его сына Константина V Копронима.

...бысть мнихъ... — Иоанн Дамаскин принял постриг в монастыре св. Саввы близ Иерусалима.

...посрами иконоборѣць ересь... — Имеется в виду его полемическое выступление против иконоборцев на 7-м вселенском соборе в 786 г.

...свободи же и три...от руки слуги и пусти я. — См. в наст. томе. «Чудеса Николы Мирликийского» и коммент.

...глас 4. — Глас — тип музыкальной интонации (лада) в церковном песнопении. Гласы меняются каждую неделю, всего их восемь. Создание системы «осьмогласия» предание приписывает Иоанну Дамаскину.

...сѣсуда избѣраннаго... — Метафорическое упоминание апостола Павла.

...бысть при Костянтинѣ цесари... — Имеется в виду эпоха правления византийского императора Константина II (337—340).

Стр. 398. *Феодосий, въ святыхъ отьць нашихъ, нарицаемый общеновожительъ...* — Преподобный Феодосий Великий (424—529) — основатель общежития монахов, или монастыря в пещере, где, по преданию, провели ночь волхвы, возвращаясь из Вифлеема. Первым основателем общежительного монастыря был преподобный Пахомий Великий (292—348). В отличие от существовавших до сих пор лавр, в которых монахи жили изолированно друг от друга в хижинах или пещерах, иночество общежительное должно было жить в одном или нескольких помещениях под руководством настоятеля, подчиняясь общим правилам.

...отъиде въ Антиохию къ святому Симеону Стълпнику... — Симеон Столпник (V в.) — создатель столпничества, одной из форм аскетизма, когда отшельник затворялся в «столпе», т. е. в небольшой башне с помостом, никогда не покидая его.

Стр. 400. *...на Синайствѣ горѣ скончавшихся.* — Синайская гора, или Синай — в данной местности обитало много отшельников и было построено несколько монастырей. В действительности, это группа гор, состоящих из гранитных скал, окруженных крутыми долинами, находящихся в южной части Синайского полуострова. Одной из христианских святынь считается место Богоявления пророку Моисею на горе Синай.

...святш Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-граде... — Нил Синайский, ученик Иоанна Златоуста, был действительно префектом в Константинополе.

...въздвиге дивий языкъ Глазатыхъ... — Такое название получило одно из африканских племен от греческого населения (греч. βλέττωερ). По преданию, африканцы, приплывшие к Раифе, сначала захватили селение, а затем устремились к обители, разграбив и убив почти всех монахов.

Преподобный Ксенофонт — жил в V в.

Иоанн Златоуст (347—407) — виднейший отец византийской церкви, оратор и писатель.

Изгънанъ бысть святыи...отъиде въ Команы... — Речь идет о второй ссылке Иоанна Златоуста в 404 г. в г. Кукуз в Армении, а затем, через два года — в г. Пициус (современное название — г. Пицунда), по пути в который он скончался в г. Команы в Армении в 407 г.

...мощи святого Василиска... — Св. Василиск, мученик, был племянником Феодора Тирона, пострадал ок. 308 г. вместе с братьями Евтроном и Клеопиком.

Стр. 402. *...патриарха Прокла...* — Прокл был константинопольским патриархом в 434—447 гг.

...Феодосии цесарь... — Имеется в виду византийский император Феодосий II (408—450).

...положены быша въ святых Апостолѣхъ. — Церковь св. Апостолов в Константинополе.

Мария Египетская. — См. Житие Марии Египетской в наст. томе и коммент.

Святого князя Володимира... — Русский князь Владимир Святославич (987—1015) был канонизирован лишь к XIII в., и в начале XIII в. в Прологе появилось его Житие. В нем автор излагает летописную версию о крещении самого князя и крещении им русского народа. См. в т. 1 наст. изд. «Память и похвала князю русскому Владимиру» (с. 316—327). См. также Повесть временных лет, годы 6494 (986)—6523 (1015) — *БЛДР*, 1, с. 132—175.

Стр. 404. *Хвалить убо Римская земля...вся же Руская земля — тебе, Володимире...* — Здесь и далее заимствованы отдельные фразы и образы, которые читаются в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Ср.: *БЛДР*, 1, с. 42—52.

ИЗ ИЗБОРНИКА 1076 ГОДА

Переписывая для великого князя Святослава Киевского из болгарского оригинала торжественно исполненный Изборник 1076 года, дьякон Иоанн собрал для себя самого (или для сына) выписки из различных нравоучительных текстов. Композиционная последовательность без особого выделения источников, которыми пользовались составители Изборника, в целом напоминает обычную для средневековой традиции компилятивно составленную беседу умудренного житейским опытом человека с «сыном» — быть может, сыном духовным, поскольку моральные требования первоисточников, несомненно, переработаны тут применительно к мирской жизни; «обмиршение» прослеживается отчетливо и проявляется даже в оформлении книги — карманной «осьмушки», писаной мелким почерком для себя, скромно украшенной.

Не очень еще развившиеся в пословичные формы, какими они стали позднее в связи с распространением их в устном обиходе, собранные здесь изречения воспринимаются как «заповеди для ненаказанных», т. е. людей неученых и вместе с тем — еще не постигших сложные ритуалы и нормы поведения христианской культуры. Эти изречения последовательно и упорно внедряют в сознание «новых людей» — новых христиан — моральные установки христианской этики. Все актуальные для середины XI в. нравственные проблемы нашли отражение в этом сборнике, который, по оценке современных ученых, и преследовал цели практической морали.

Многие статьи при переводе с греческого или в результате их обработки в Киеве претерпели идейное или художественное переосмысление; так, вполне сознательно при передаче греческой философской терминологии, особенно лексики стоицизма или неоплатонизма, приведены соответствующие славянские слова и понятия; встречаются перестановки или сокращения изречений; много отклонений и от первоначального южнославянского перевода. Текст, переработанный для нужд восточного славянина, широко использует русские формы произношения и грамматики, а также и слова: *ларь* вместо *ковчежьць*, *медь* вместо *вино*, *вѣтвие* вместо *вие*, *поноси* вместо *укоряй* и т. п. Большинство текстов — переводы византийских стихотворных или, во всяком случае, ритмически организованных произведений. Славянские переводчики старались передать эту особенность оригиналов, повышающую художественно-образительную их ценность.

К некоторым отрывкам найдены и греческие параллели, однако возможные несоответствия этим текстам славянской версии не учитывались при переводе на современный русский язык.

Отдельные части Изборника получили на Руси особенную известность и неоднократно использовались в поучениях, посланиях и «словах», откуда и поступили в устную речь. Впоследствии сам принцип построения сборника стал образцом для составления других средневековых сборников нравственного содержания, стал прототипом Златой Чепи, Измарагда — с XIV в., а в конце XV в. — Домостроя.

Восемь текстов Изборника 1076 года (82 % всего состава его) публикуются по рукописи: *РНБ*, Эрмитажное собр., 20. Полностью сборник опубликован в прекрасно подготовленном издании: Изборник 1076 года. М., 1965 / Издание подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. В настоящем издании публикуется текст л. 1—80 об., 84—85, 101 об.—112, 134—187 об., 269—276 (по изданию соответственно с. 151—418, 425—426, 460—481, 687—701).

Стр. 406. *Слово нѣкоего калуѣра о чьтении книгѣ.* — Искусное и умелое сочинение, по мнению ученых, в значительной степени принадлежащее составителю сборника Иоанну. Это первое в истории нашей книжности сочинение о пользе, целях и методе чтения. Легко проследить, как, отталкиваясь от стихов 118 псалма (здесь восемь цитат из него, в разной степени переработанных), автор строит свое рассуждение, отсылая читателя к признанным авторитетам средневековой учености и художественного мастерства, прежде всего к Василию Кесарийскому и Иоанну Златоусту, «и делает это с большим мастерством, обнаруживая при этом талант писателя» (*Розов Н. Н.* Как «сделана» вступительная статья Изборника 1076 года // *Культурное наследие Древней Руси.* М., 1976. С. 46).

Стр. 408. *Слово нѣкоего отьця къ сыну своему...* — Поучения от отца к сыну — очень распространенный жанр византийской и древнерусской литературы, они всегда имели конкретного адресата, но, в духе средневековой литературы, не индивидуального, а типичного адресата, человека определенного социального положения. Средневековье за личностью всегда видело общественную группу, класс или ремесленный цех. Характерно снижение социального ранга «сына» с течением времени: царь-государь, знатный боярин, военачальник, богатый «гость», обычный купец — они проходили в веках, сменяя друг друга в качестве типичного для данного времени «героя», имевшего право поучать других. В *Слове* Изборника фрагменты из сочинений византийских писателей, отцов церкви, расположены в очень свободном порядке, который определялся вкусами писца и его возможностями получить тот или иной материал.

Стр. 418. *Еже убо правовѣрну въру имѣти основания добрыхъ дѣлъ есть...* — Стословец Геннадия, патриарха константинопольского (ум. в 471 г.), переведен в Болгарии и на Русь попал уже в славянском переводе, но со многими изменениями в языке. Изборник 1076 года содержит древнейший список. Это сто афоризмов в стихотворной форме, толкующих основные положения христианской морали и вероучения, главным образом — на основе поучений (бесед, или *Слов*) Иоанна Златоуста. Стословец — один из главных источников нравоучительных сборников эпохи средневековья (*Златая Чепь*, *Измарагд*, *Домострой*), некоторые из них начинались с текста Стословца, который мог переписываться и как отдельное произведение. «Причина популярности этого памятника заключается в простоте изложения и поэтому удобопонятности для людей невысокого умственного развития» (*Яковлев В. А.* К литературной истории древнерусских сборников : Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893. С. 41).

Стр. 432. *Наказание Исухия, презвутера Иерусалимскаго.* — На самом деле принадлежит перу Нила Синайского, ученика и последователя Иоанна Златоуста (он умер около 450 г.). Изречения Нила были очень популярны среди древнеславянских книжников благодаря своему содержанию: они также исповедовали «нейтральную этику», не касаясь крайностей ни языческой, ни христианской вер. Уже в ранних греческих списках текст приписывался Исихию. Эти изречения известны в трех переводах на славянский язык: древнейший славянский сделан у южных славян (именно он и входит в состав Изборника 1076 года), в конце XII в. в составе

Пчелы — сборника афоризмов — был выполнен и древнерусский перевод текста; тогда же на Руси был переведен и полный текст Наказания, который издан в Памятниках древней письменности (СПб., 1892. Т. 92).

Стр. 442. *Прѣмудрость Исусова, сына Сирахова.* — Относится к числу неканонических книг Писания (как и книга Премудрость царя Соломона). Здесь содержится множество изречений, впоследствии легших в основу пословиц и поговорок, в частности, и у древнерусских писателей (напр., у Даниила Заточника). Также существует несколько переводов, в том числе и сделанных на Руси. По мнению исследователей, в составе Изборника 1076 года содержится древнейший перевод, может быть, X в. Текст в составе современной Библии не всегда точно соотносится с расположением и характером приводимых здесь цитат.

Стр. 470. *Святого Василия, како подобает чловѣку быти.* — Своего рода небольшая подборка цитат из произведений Василия Великого, епископа Кесарийского (330—379), также бывшего одно время патриархом константинопольским; в основе лежит его «Слово о подвижничестве, как подобает украшать себя монаху», которое переделано в интересах всякого вообще человека, заинтересованного в развитии личных добродетелей. Перечни добродетелей и пороков совместно рисуют нравственный портрет человека эпохи раннего средневековья, и общей мыслью проходит идея «человечности человека» в этом жестоком мире. Произведение относится к жанру «слов» святых отцов, *како жити христианом*, широко известному на Руси и вошедшему в состав многих средневековых сборников.

Стр. 474. *Ксенофонта, еже глагола къ сынома своима.* — Фрагмент пересказа из «Жития Ксенофонта» с поучением детям, откуда многие заимствования, иногда буквальные, попали и в оригинальные древнерусские поучения, например, в Поучение Владимира Мономаха; также один из источников русского Домостроя и круга памятников, с ним связанных.

Стр. 476. *О милостивѣмъ Созоменѣ...* — Отрывок древнеславянского перевода X в. из 69 главы Первой редакции византийского жития Нифонта Констанцского (V в.), в котором эта новелла является вставкой — образным обоснованием необходимости подавать милостыню. Как и все тексты, попавшие в Изборник, композиционно и стилистически переработан, в значительной мере сокращен, но в конце добавлено чисто светское рассуждение. Завершение Изборника именно этим произведением весьма знаменательно, поскольку вся композиционная линия Изборника 1076 года не лишена логической и художественной идеи, смысл которой — в утверждении доброты и помощи ближним.

СЛУЖБА ВОЗДВИЖЕНЬЮ КРЕСТА КОСЬМЫ МАЮМСКОГО

Праздник Всемирного воздвижения честнаго и животворящего креста (14 сентября) установлен церковью в воспоминание обретения креста Господня в 335 г.

Центральной частью службы Воздвиженью является канон Воздвиженью Креста, принадлежащий одному из крупнейших византийских гимнографов VII—VIII вв. Косьме Маюмскому (Иерусалимскому). Современник и друг Иоанна Дамаскина, он подвизался одновременно с ним в лавре савванитов близ Иерусалима, позднее был епископом города Маюмы близ Газы.

«Канон — жанровая форма византийской гимнографии, сложившаяся к VIII в. Структура канона сложна: он состоит из девяти „песней“ (нормально — из восьми, ибо вторая «песнь» опускается во всех канонах, кроме великопостных), причем каждая „песнь“, соотносимая с определенным библейским моментом, членится на „ирмос“ (зачин) и несколько „тропарей“; полное „чинопоследование“ канона включает и другие компоненты. Поэтика канона отмечена торжественной статичностью, медлительной витиеватостью» (*Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 341*).

Служба Воздвиженью входит в числе других служб в состав служебных миней. Славянский перевод миней — древний, осуществлен в конце X—начале XI в. на славянском юге. Этот древнейший перевод дошел до нас в так называемой русской редакции. Все сохранившиеся списки имеют обширный репертуар грамматических, орфографических и лексических русизмов.

Публикуемый славянский текст Службы Воздвиженью содержится в древнерусской служебной минее XII в. из собрания Новгородского Софийского собора (РНБ, Софийское собр., 188). Служба Воздвиженью наряду с другими издана и исследована И. В. Ягичем в его работе «Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—97 гг.». (СПб., 1886). В качестве основного им использован список Праздничной миней, данные Софийского списка учтены в разночтениях. Нами выбран Софийский список, поскольку именно в нем Служба Воздвиженью в большинстве случаев содержит корректные чтения. Ряд исправлений в нашей публикации делается с учетом списков, изданных И. В. Ягичем, а также греческого текста канона Косьмы Маюмского (PG. 98. 501—504).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПАМЯТНИКЕ

Икос — (греч. οἶκος — дом) — церковное песнопение, вмещающее в себе прославление святого или празднуемого события.

Ирмос — (греч. εἶρω — связываю, соединяю) — первый тропарь в ряду других, составляющих одну песнь канона, служащий для них образцом.

Кондак — греч. κοντάκιον — церковное песнопение, содержащее похвалу святому или выражающее сущность праздника. Кондак — краткая песнь, икос — более пространная. Икос читается после кондака.

Подобен — греч. προσόμοιος — помета в богослужебных книгах над стихирами и другими песнопениями, указывающая на «подобие», сходство их с предыдущими по содержанию, размеру и гласу.

Прокимен — (греч. πρόκειται — положен впереди) — стих из Псалтири, приуроченный к значению праздника.

Самогласен — греч. αὐτόμελος — песнопение, размер, глас и содержание которого совершенно самостоятельны.

Седален — греч. κάθισμα — стих, во время исполнения которого разрешено сидеть.

Слава и ныне — возглас священника: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне, и присно, и вовеки веков, аминь!»

Тропарь — греч. τροπάριον — краткое песнопение, составленное в честь праздника или святого.

Стр. 480. ...князя... — В греч. βασίλεις (царь). Такая лексическая замена дала в ряду других основание М. А. Моминой для выделения киевской редакции XI в. (*Момина М. А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. 45. С. 207*).

...тѣмънууму и нынѣ граду твоему... — В греч. τῆ ἐκωνόμω σου καινῆ πολιτεία — названному твоим именем, новому государству. В более поздних редакциях миней — тезоименитому твоему новому жительству.

Иже по третьимъ небесе възсхищенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченныхъ Божия... — См. 2 Кор. 12, 2—4.

«Мънѣ, — рече, — хвалитися да не будѣтъ... о единомъ крѣсте Господни». — Ср. Гал. 6, 14.

Стр. 482. Моиси прообразуя... крѣтъмъ чьстьнымъ. — См. Исх. 17, 12.

...ядю оступльша и въ смърть въпадъшася. — См. Быт. 3, 6.

Егоже древле Моиси... Амалика, низъложивъ, побѣди... — См. Исх. 17, 10—13.

...Давидъ пѣвецъ подножью твоему... кланяются повѣлѣваше... — См. Пс. 98, 5.
 Господи, съ разбойникѣмъ царствую твоему съподоби насъ. — См. Лк. 23, 40—43.

Узрите животь нашъ, висящъ прямо очима вашима. — Ср. Вт. 28, 66.

Стр. 484. ...сѣдѣлалъ еси спасение посрѣдѣ земля... — См. Пс. 73, 12.

Иже въ Едеме... прозяблѣ есть посрѣдѣ садовия... — См. Быт. 2, 8—9.

...[дрѣво] умьртли сънѣдью ядѣша Адама... — См. Быт. 3, 3—19.

Мосеова палица... люди своя... — См. Исх. 14, 16.

Кръсть начьртавъ... вопреки написавъ... — См. Исх. 14, 16—30.

Образъ древле Моиси... погубивъ Амалика... — См. Исх. 17, 10—13.

Горѣ въздвиже Моиси... змия привяза... — См. Чис. 21, 6—9; Иоан. 3, 14.

...обличивъ вредъ... — В греч. θριαμβευσάς τὸ πῆμα — прославив страдание.

Показа небо кръстную побѣду... цьсарю богомудру... — Византийскому императору Константину Великому (274—337), по свидетельству церковного историка Евсевия Кесарийского, было явлено знамение креста на небе со словами: «Нос vince» (сим победиши).

Стр. 486. Жьзлѣ въ образъ таинѣ приемлеться, прозябениемъ бо расуди иерея. — См. Чис. 17, 8.

...испусти ударяемъ воду камень... — См. Исх. 17, 6; Чис. 20, 8—11.

Ребромъ пречистымъ... вода съ кръвию истече... — См. Иоан. 19, 34.

Горькочадьяныя... воды въ пустыни... — См. Исх. 15, 23—25.

В глубинѣ погрязшую... въздасть Иорданъ дрѣвемъ... — См. 4 Цар. 6, 6.

...четверочастьници людие ... кръстообразными чинѣми проявляяся... — См. Чис. 2, 1.

...древо... Едема хранящее... страшнѣ же херувимѣ... — См. Быт. 3, 24.

Стр. 488. Водьну звѣри въ утробѣ длани Иона кръстообразно распостьрѣ... — См. Иона 2, 1; Мф. 12, 40.

Старостью преклонься... Ияковъ, руце преложь... — См. Быт. 48, 2.

На уная възложь... Израиль... на главу... — См. Быт. 48, 14.

Обаче три отрокѣ не искуси ярость звѣрская, ни огонь сънедаяй. — См. Дан. 3, 20—25.

«Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ». — См. Дан. 3, 26.

Отъ древа въкушь, пьрвыи въ чловецехъ въ тѣлѣни въселися... — См. Быт. 3, 17—19.

...тѣлотлѣннѣ... — В рукописи тѣлоноснѣ — ошибка переводчика, ожидали бы тѣлотлѣннѣ, в греч. σωματοφόρος, а не σωματόφορος; конъектура И. В. Ягича.

...разбойнику нечювьствєнууму, отьвързе благоразумьну... — См. Лк. 23, 39—43.

Жьзлѣ ся касаетъ краеви Иосифѣ... — См. Быт. 47, 31. Этот стих читается по-разному в Масоретском тексте Библии и в Септуагинте. Жезл (ράβδος) упоминается в Септуагинте и в ц.-сл. переводе. В Синодальном переводе с Масоретского оригинала — «ложе». Чтение Септуагинты содержится в примечании.

...дѣти, Троици равночисльници... огонь въ росу претворьшаго... — См. Дан. 3, 20—26.

Стр. 490. ...горестъ дрєвнюю... — Ожидали бы «древяную» — в греч. πικρίαν τὴν τοῦ ξύλου — горечь дерева.

...древо услади... горестъ, водѣ мерьскѣ... — Ср. Исх. 15, 23—25.

Всьепричьтєно. — Греч. источники дают два варианта: παῦκλεῖς — «всеславно» и παῦκλήρως — «все наследуя».

СОДЕРЖАНИЕ

	5	Ком-
	Текст	мент.
<i>Д. С. Лихачев. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси</i>	5	
Житие Константина-Кирилла (<i>Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, комментарии Б. Н. Флори</i>)	22	492
Житие Мефодия (<i>Подготовка текста и перевод О. А. Князевской, комментарии А. А. Алексеева</i>)	66	500
Из Толкового Апостола <i>Послание апостола Иакова</i> (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой</i>)	82	502
Из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	126	519
Из Изборника 1073 года (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	136	520
Житие Вячеслава Чешского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Турилова</i>)	168	523
Житие Дмитрия Солунского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	176	527
Житие Марии Египетской (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	190	528
Чудеса Николы Мирликийского (<i>Подготовка текста и комментарии И. И. Макеевой, перевод Л. В. Соколовой</i>)	216	530
Житие Алексия человека Божия (<i>Подготовка текста Н. Ф. Дробленковой, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой и Л. С. Шепелевой</i>)	244	534
Из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Пичхадзе</i>)	254	535
Патерики	294	538
Из Скитского патерика (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой</i>)	294	538
Из Египетского патерика (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой</i>)	306	539
Из Синайского патерика (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова</i>)	312	539

Житие Андрея Юродивого (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. М. Молдована</i>)	330	541
Повесть о Варлааме и Иоасафе (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии И. Н. Лебедевой</i>)	360	544
Из Пролога (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой</i>)	388	546
Из Изборника 1076 года (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова</i>)	406	549
Служба Воздвиженью Креста Космы Маюмского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Т. В. Ткачевой</i>)	480	551
КОММЕНТАРИИ	492	